

АШМАРИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

**СБОРНИК СТАТЕЙ
ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

Чебоксары, 21 октября 2022 г.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Бюджетное научное учреждение Чувашской Республики
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики

АШМАРИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник статей
Всероссийской научно-практической конференции
Чебоксары, 21 октября 2022 г.

Чебоксары
2022

ББК Ш12=635.1д(2)я43+Ш04=63я43
УДК 80(063)
А98

Редакционная коллегия:

В.Г. Родионов, А.М. Иванова, О.Г. Владимирова, И.Ю. Кириллова

Печатается по решению Ученого совета

Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова

А98 **Ашмаринские чтения:** сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 21 октября 2022 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2022. 268 с.

ISBN 978-5-7677-3562-4

В сборник включены материалы Всероссийской научно-практической конференции «Ашмаринские чтения», посвященной 75-летию доктора филологических наук, профессора Родионова Виталия Григорьевича, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного профессора Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Рассмотрены проблемы сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного исследования языков и литератур, теории и практики журналистики, традиционных и современных методов обучения языку и литературе в вузе и школе.

Для специалистов, интересующихся филологией и журналистикой.

ISBN 978-5-7677-3562-4

ББК Ш12=635.1д(2)я43+Ш04=63я43

УДК 80(063)

© Издательство Чувашского университета, 2022

И.Ю. КИРИЛЛОВА

ЗНАЧИМОСТЬ НАУЧНЫХ ТРУДОВ В.Г. РОДИОНОВА В РАЗВИТИИ ЧУВАШСКОГО ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ (к 75-летию со дня рождения)

Аннотация. В статье прослеживаются основные литературоведческие труды известного чувашского литературоведа, фольклориста, этнолога, поэта В.Г. Родионова, анализируется вклад ученого в изучение истории чувашского стиха и национальной литературы, определяются главные аспекты его исследовательской деятельности.

Ключевые слова: чувашский стих, история чувашской литературы, народная поэзия, чувашский фольклор, сравнительное литературоведение Поволжья и Приуралья.

Практически полувековая научная деятельность доктора филологических наук, профессора, лауреата Государственной премии Чувашской Республики в области гуманитарных наук Виталия Григорьевича Родионова многогранна и значительна. Круг его научных интересов пролегает как в области литературоведения и критики, поэтики стихосложения и истории национальной литературы, так и компаративистики и фольклористики, этнологии и истории чувашской культуры. Его исследования отражены в более 300 научных трудах, 50 монографиях и научно-популярных трудах, брошюрах, учебных и учебно-методических пособиях.

Интерес к исследовательской деятельности у В. Родионова возник в годы учебы в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова. Под чутким руководством наставника профессора Г.Я. Хлебникова он вовлекся в мир филологических исследований и поэзии, активно участвовал в деятельности студенческого литературного объединения «Силсунат» (Ветрокрылый), которое стало творческой лабораторией и теоретической школой для десятка талантливых чувашских поэтов, прозаиков, публицистов и ученых. Его участники занимались литературной деятельностью, бурно обсуждали свои произведения, которые публиковали на страницах стенгазеты, следили за литературной и культурной жизнью республики. Здесь же он написал первые серьезные научные доклады «Роль рифмы и аллитерации в поэзии тюркских народов» (1973) и «Чăваш сăввипе чĕлхи синчен (поэзи формине шырани)» (О чувашском стихе и языке (поиск поэтической формы), 1973). Именно изучение чувашского стихосложения в последующем становится одним из главных направлений в его исследованиях.

С 1976 г. В.Г. Родионов работает в Чувашском научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и экономики (ныне – Чувашский государственный институт гуманитарных наук). Он пришел в науку тогда, когда чувашское литературоведение испытывало определенные трудности в области использования в анализе произведений чувашских писателей и всего литературного процесса в целом теоретические достижения общесоюзной науки о литературе. Не достигло больших успехов и традиционное чувашское стиховедение. Обстановка начинает меняться в ходе возникшей между известным ученым Н. Ивановым и молодым специалистом В. Родионовым дискуссии вокруг вопросов специфики ритмики и силлаботонизированности чувашского народного стиха. В 1960-1970-е гг. теория о силлаботонической природе тюркского народного стиха подверглась критике такими крупными теоретиками, как В.М. Жирмунский, З.А. Ахметов, М.К. Хамраев и др. Основываясь на их выводы, аспирант Института мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ) В. Родионов предложил свои исследования в области чувашского исторического стиховедения. Тезисы его докладов были изданы в Алма-Ате (1976) и Ташкенте (1980), а статья «Некоторые теоретические вопро-

сы тюркского стихосложения» (1979) – в журнале Московского университета. В результате проблемы чувашского стиха (на фоне тюркских традиций) актуализировались на всесоюзном уровне. В 1979 г. под руководством доктора филологических наук, члена-корреспондента АН СССР, профессора Л.И. Тимофеева он успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Чувашское стихосложение и пути его развития (дооктябрьский период)».

Итогом многолетней работы по проблеме генезиса и эволюции чувашского стиха стала монография «Чувашский стих: проблемы становления и развития» (1992), впоследствии ставшей основой докторской диссертации В.Г. Родионова. Это книга об истоках народной и о развитии профессиональной национальной поэзии. Примечательно, что происхождение чувашского фольклорного стиха автор рассматривает в контексте тюркского стихосложения, тем самым выявляя место чувашей в многовековой истории тюркских народов. В региональном контексте им рассмотрены русско-чувашские, татарско-чувашские, марийско-чувашские и другие связи, что позволило показать не только взаимовлияние культур, но и особенности каждой. Исследуя фольклорную поэзию, автор подробно анализирует звуковую организацию и ритмические особенности некоторых фольклорных жанров, тем самым внося свой вклад в их исследование. Главной особенностью монографии стало то, что она серьезно заявила о необходимости смены теоретических, концептуальных ориентиров изучения художественной словесности. В этом отношении она намного шире и полней, чем просто изучение особенностей народного и профессионального стихосложения. В ней зримо проявились контуры концептуального видения истории литературы, контуры обновления литературоведческой теории национальной словесности [6, с. 8].

Историческое стиховедение неминуемо привело ученого к фольклористическим исследованиям. К 1980-м гг. собирателями разных поколений был собран достаточно объемный корпус национального фольклорно-этнографического материала XVIII–XX вв., который требовал системного изучения. В чувашской фольклористике отдельными исследователями предпринимались попытки анализа отдельных жанров фольклора, однако многие вопросы требовали теоретического осмысления, как и проблема определения границ фольклорного жанра. Поистине инновационной для тех лет стала работа В. Родионова по проблемам жанрового разграничения чувашского устного народного творчества: «Вопросы жанровой классификации чувашского фольклора» (1982) [1]. Исследователь показывает, что история любого жанра фольклора состоит из закономерных, последовательных переходов из одного состояния в другое и из внутреннего эволюционного развития. Поэтому, по его мнению, изменчивая народная классификация жанров не всегда совпадает с научной, и на основе локально-географического изучения терминов он приходит к значительным выводам. Разделяя фольклор на обрядовую поэзию, лирику и народную прозу, исследователь особо останавливается на эпическом роде и отмечает при этом самобытность национальных терминов. Актуальностью отличаются и его труды по исследованию чувашских фольклорных жанров («сăвă-юрă», «кĕлĕ», «вĕрĕ-суру чĕлхи», «пил», «ылхан», «ўкĕт», «пейĕт»), мифологических образов, традиционных обрядов. Ученого интересует не простое бытование того или иного жанра или обряда, а скрытое в них и формируемое веками национальное этнокультурное мышление и образно-поэтическое самосознание. Из дотошного изучения их специфики и вырастает цельная и выверенная перспектива его теоретических, концептуальных положений. Фольклор и профессиональное искусство слова, по мнению литературоведа, создают единый ментально-ценностный, совокупный литературно-художественный мир народа. Опыт изучения в области устно-поэтического творчества народа и его традиционной обрядовой поэзии был широко использован В.Г. Родионовым в исследовании фольклорного периода эволюции чувашской художественной словесности.

В 1970-е гг. в чувашском литературоведении и критике выделились две тенденции. Одна часть литературоведов, именуемая впоследствии как «сироткинцы», придерживалась традиционного понимания метода соцреализма, основанного на принципах классовости и партийности. Другие же, ученики и последователи идей Г.Я. Хлебникова, в рамки соцреализма включали национальную самобытность и эстетический идеал, особое внимание уделяли содержательной форме произведения. Своеобразное противостояние новаторов с консерваторами против попыток всяческой идеологизации и социологизации художественной литературы длилось

вплоть до перестроечных времен и не способствовало успешному развитию литературно-критической и теоретической мысли тех лет. Особую остроту борьба (проблема) приобрела в ходе организованной ЧНИИ научной конференции «Вопросы истории дореволюционной чувашской литературы», приуроченной к подготовке инициированной ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР трехтомной «Истории литератур народов СССР дооктябрьского периода». Несмотря на запланированный столичными редакторами ранее общий очерк по региону, чувашские литературоведы в числе В.Г. Родионова отстаивали право на отдельный очерк «Чувашская литература». С этого времени чувашская литература официально углубилась почти на целый век и перестала считаться «литературой одиночек».

В 1979 г. в обстановке противостояния старых и новых подходов в ЧНИИ началась подготовка к созданию коллективной монографии по истории чувашской литературы до XX в. и составлению «Памятников дореволюционной чувашской литературы». Проекты осуществлялись при непосредственном участии В.Г. Родионова, где он был одним из авторов и научным редактором «Памятников». Монография «Революционерчи чăваш литератури (XX ёмёрчен)» вышла в свет в 1989 г. и стала значительным событием в литературно-культурной жизни Чувашии рубежа 1980-1990-х гг. Благодаря В.Г. Родионову в ней впервые в чувашском литературоведении древнетюркская литература была рассмотрена как общее наследие тюркских народов, проанализированы отдельные культурные памятники волжских булгар, в том числе и письменные, исследована историческая связь чувашской культуры с языческой обрядовой поэзией средних веков. Кроме того здесь ученый впервые выделяет переводческие школы XVIII–начала XIX в.: нижегородская (деятельность Е. Рожанского и его учеников) и казанская (деятельность П. Талиева, А. Алмазова и др.). В 1830-е гг. на ниве чувашского раннего просветительства он отмечает просветительскую деятельность чувашевода В. Вишневого, ученики которого создают образцы чувашской письменной культуры дояковлевского периода (В. Громов, В. Сбоев, С. Михайлов, В. Лебедев, Н. Золотницкий).

Главной заслугой В.Г. Родионова стало возвращение им чувашской художественной культуры к своим корням, цивилизационным основам. Чувашский народ унаследовал древнетюркские устно-поэтические традиции, а его предки приобщались к письменным культурным ценностям древних и средневековых эпох. Чуваши и их предки не были на обочине истории, как внушали народу, а постоянно боролись и творили в рамках своего цивилизационного пространства. На основе концепции монографии стали издавать хрестоматии и учебные пособия по чувашской литературе для национальных школ, программы для студентов факультета чувашской филологии и культуры ЧГУ им. И.Н. Ульянова и т.д.

1985–1990-е гг. в истории развития чувашского литературоведения и критики охарактеризовали себя как время поисков новых методологических ориентиров, углубления в художественно-поэтические миры отдельных прозаиков и поэтов, возвращение наследия ранее «запрещенных» писателей и литературоведов, обновления литературоведческой мысли и совершенствования научно-критических исследований. Открытый характер приобретает обнародование произведений художественной литературы, запрещенной в годы репрессий и застоя. Как заместитель председателя Комиссии по возвращению наследия потерпевших от культа личности писателей при Союзе писателей ЧАССР В. Родионов опубликовал ранее неизвестные читателю произведения народных поэтов С. Эльгера и П. Хузангая, Г. Комиссарова, А. Милли и других деятелей чувашской литературы с комментариями. Очень показательна его деятельность по части возвращения незаслуженно забытых или же идеологически отвергнутых имен: М. Юмана, Г. Комиссарова (Вандера), А. Милли, В. Рзая, И. Тхти и др. И это не просто опыт переоценки художественной деятельности тех или иных мастеров слова, их произведений. Процесс возвращения названных имен проходит в русле выявления подлинно чувашских, национально-неповторимых сторон литературно-эстетических процессов. В них доминирует мысль о важности поисков глубинных пластов словесной культуры народа. Необходимо особо отметить работу В. Родионова в составлении и подготовке к изданию трудов выдающихся деятелей чувашской гуманитарной науки, а именно: В. Вишневого, Н. Золотницкого, Н. Ашмарина, Г. Комиссарова, Г. Хлебникова и др. Это свидетельствует о том, насколько важен для ученого широкий общекультурный контекст.

Обновление содержания истории искусства слова В.Г. Родионов не мыслит вне поисков новых культурных основ чувашского народа. В разные годы им выявлены особенности творческого пути Н. Бичурина, Е. Рожанского, Н. Базилевского, В. Лебедева, С. Михайлова (Ян-душ), И. Иванова, М. Федорова, К. Иванова, М. Сеспеля, М. Юмана, Ф. Павлова и др. Это дало возможность значительно восполнить картину литературного движения, уловить новые грани художественных процессов, проследить культурфилософские особенности становления художественно-эстетического сознания чувашей Нового времени. Подобный подход к памятникам словесности зримо проглядывается у ученого и в ходе подготовки избранных сочинений Н. Бичурина, В. Лебедева, И. Иванова, С. Эльгера, М. Сеспеля и др.

Чувашское литературоведение, являясь специфической областью национальной научной мысли, годами накапливало опыт обобщения литературного процесса той или иной эпохи. Определенные шаги в сторону углубления истории национальной словесности и ее художественно-эстетических истоков были сделаны В.Г. Родионовым в коллективных монографиях «История чувашской литературы XVIII–XIX вв.» (2020) и «История чувашской литературы XX в.» в 2-х ч. (2015, 2017). Как один из разработчиков концептуальных основ истории чувашской литературы и руководителей проекта, он представил его концепцию и научно обоснованную периодизацию истории развития чувашской литературы, которая легла в основу структуры монографии. В ней чувашский литературный процесс анализируется с новой идеологической позиции в контексте общественно-политического, религиозно-философского и литературно-эстетического сознания народа, а также в сопоставлении с литературными феноменами других народов Урало-Поволжья. Этапы становления и развития чувашской художественной литературы, формирование художественно-поэтического сознания В.Г. Родионов исследует в контексте развития мифопоэтического, конфессионального, этнокультурного сознания народа, в условиях появления письменной культуры от первых письменных памятников до появления первых классиков чувашской художественной литературы. Анализируя литературный период начала XX в., ученый правомерно обозначает его как «эпоха поиска национальной идеи» и впервые этапы его развития рассматривает в соотношении с социально-мировоззренческими тенденциями «эпохи формирования этнокультурной нации чувашей». Кроме того впервые в чувашской филологической науке развитие теории, истории и литературной критики чувашской литературы В.Г. Родионов исследует в единой системе всего литературного процесса. Он изучает внешние и внутренние факторы, оказавшие воздействие на ход развития чувашского литературоведения и критики в различные периоды, раскрывает противоречия, существовавшие между учеными-новаторами и учеными-консерваторами, оценивает значимость их литературоведческих работ, научных школ, выделяет новые теоретические и историко-литературоведческие концепции в чувашской науке о литературе рубежа XX–XXI вв.

Сегодня в научном мире В.Г. Родионова знают как крупного литературоведа-компаративиста, автора концепции сравнительно-сопоставительного исследования национальных литератур народов Урало-Поволжского региона. Как ученик и последователь идей ученых ИМЛИ им А.М. Горького, который в 60-80-е гг. XX в. являлся основным центром теоретических разработок проблем отечественного сравнительного литературоведения, ученый стоял у истоков компаративного литературоведения Урало-Поволжья. Он создал свою литературоведческую школу в области теории и истории сравнительного литературоведения, которая сегодня активно разрабатывает проблемы взаимоотношения и взаимовлияния национальных литератур народов Урало-Поволжского региона в компаративистской соотнесенности между собой и с другими явлениями словесной культуры [2, 3, 4, 5].

Труды В.Г. Родионова имеют большое значение в разработке как чисто теоретических, так и историко-литературоведческих проблем отечественной науки о литературе. Оказывая значительное влияние на развитие чувашского литературоведения и критики, гуманитарной науки в целом, они в свою очередь являются ориентирами для дальнейших актуальных исследований в данной области.

Литература

1. Родионов В.Г. Вопросы жанровой классификации чувашского фольклора // Чувашский фольклор. Специфика жанров. Чебоксары, 1982. С. 100–104.
2. Родионов В.Г. К проблеме становления национальных литератур народов Урало-Поволжья // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 351–354.
3. Родионов В.Г. Проблемы изучения литератур народов региона и литературоведческая компаративистика // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. С. 297–232.
4. Родионов В.Г. Сравнительное и сопоставительное литературоведение народов Урало-Поволжья: концепция, история – на материале чувашской и других литератур. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2013. 162 с. (в соавторстве).
5. Родионов В.Г. Чувашское сравнительное литературоведение: теория и практика. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. 92 с.
6. Федоров Г.И. Исследователь, литературовед, фольклорист, научный деятель, поэт // Современные проблемы филологии Урало-Поволжья: материалы межрегиональной научно-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. С. 3–10.

КИРИЛЛОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

А.П. ЛЕОНТЬЕВ

ВИТАЛИЙ РОДИОНОВ – НАУЧНЫЙ ПОПУЛЯРИЗАТОР И ПУБЛИЦИСТ

Аннотация. В статье рассматривается одна из многих граней творческой деятельности доктора филологических наук, профессора В.Г. Родионова. Проблемы, подвергнутые анализу в монографиях, статьях для научных журналов, ученым-компаративистом простым и доступным языком доводятся до массового читателя в научно-популярных книгах и периодических изданиях. Тематика автора: история чувашской словесности в широком смысле этого понятия, новые факты из жизни выдающихся деятелей чувашского просветительства и чувашеведения.

Ключевые слова: чувашские гуманитарные науки, популяризация научных идей, публицистика.

Виталий Григорьевич – литературовед, литературный критик, профессионал высочайшей квалификации, так как он – автор фундаментальных трудов по истории чувашской литературы. *И не только* какого-то ее узкого этапа, а во всей широте, полноте и глубине эволюции чувашской словесности. Последнее словосочетание – «чувашская словесность» – в его научных изысканиях, на наш взгляд, также вбирает в себя *не только* просто художественную литературу и устное народное творчество, а всю совокупность литературных и фольклорных произведений чувашского народа. *И не только* чувашского. Родионов давно состоялся как компаративист-литературовед, -фольклорист, -мифолог, -этнолог, -лингвист, -этимолог.

Прописная истина: настоящий ученый безусловно должен находиться в сфере *comparativus* – постоянно обязан сравнивать. Если чувашский ученый-гуманитарий не будет обращаться к источникам других этносов, например, соседних с нами мари, удмуртов, мордвы, татар, а также башкир, коми и пр., если не будет изучать творчество венгров, дунайских болгар, центрально-азиатских народов, то такому, с позволения сказать, исследователю – грош цена. В этом отношении научная деятельность Родионова – образец для подражания, в особенности – для молодых изыскателей в пластах научных недр, и здесь весьма уместны строчки В.В. Маяковского: «Поэзия – та же добыча радия. / В грамм добыча, в год труды. / Изводишь единого слова ради / Тысячи тонн словесной руды» («Разговор с фининспектором о поэзии»). Так работает В.Г. Родионов.

Не будем перечислять изданные Виталием Григорьевичем монографии, в том числе в соавторстве. К большому сожалению, абсолютное большинство научных исследований чувашских гуманитариев-ученых (и не только сотрудников ЧГИГН) остается вне внимания публичных рецензий, то есть об этих работах не печатаются материалы в нашей периодике.

В какой-то мере я тоже чувствую за собой некую долю вины. Однако меня «реабилитирует» один факт: в литературно-художественных и публицистических журналах «ЛИК» и «КИЛ», которые я лично сам основал и редактировал в 2005–2015 гг., опубликовано порядка двадцати статей В.Г. Родионова по истории чувашской литературы разных периодов, и именно научно-популярного характера, а также публицистические статьи [20]. Поскольку я их лично сам, повторяюсь, редактировал, то мой субъективный вердикт: Виталий Григорьевич владеет простым, прошу простить за тавтологию, для простого читателя стилем изложения своих мыслей, не нагромождает, как некоторые, с позволения сказать, публицисты в сфере науки, текст заумными цитатами из трудов «выдающихся», «знаменитых», «гениальных» мыслителей. Он, конечно же, использует цитаты, но только для того, чтобы обосновать свои тезисы, развивать их дальше и довести мысль до логического завершения. Безусловно, специфика контента научно-популярного текста (стиля) – разновидность строгого научного стиля. Но слог его создания должен быть немного проще, а текст – понятнее, чем чисто научный, так как материал ориентирован на людей, не имеющих глубоких познаний в науках, но желающих удовлетворить свой интерес и любопытство. Не каждый учитель чувашского языка и литературы имеет возможность найти монографии профессора В.Г. Родионова в школьных и сельских библиотеках, но большинство из них в газете «Хыпар», журнале «Тăван Атăл», на «Чăваш халăх сайчĕ», в других изданиях могут прочитать статьи научного популяризатора Виталия Родионова или Артивансен (Эртивансен) Сăварĕ, который, вне сязкого сомнения, точно уж постарается представить читателю самые главные сюжеты (или фрагменты) своих размышлений из солидных монографий.

Вообще-то не будет большой ошибкой, если сказать, что любой научный труд это и есть популяризация неких доселе неизведанных знаний о каком-либо предмете. Однако по принципам формальной логики мы должны разграничить собственно научный труд от популяризации этого труда. Стоит напомнить, что формально научный популяризатор (или популяризатор науки) это – ученый или научный журналист, предоставляющий научную информацию в понятном и интересном виде обществу. И в этой стезе Виталий Григорьевич в настоящее время, как нам видится (и снова – к большому сожалению), почти единственный. Ну не пишут наши ученые статьи для периодических изданий...

Нами не ставится задача анализировать весь объем написанных доктором Родионовым научно-популярных статей. Остановимся лишь на нескольких его книгах и публикациях.

Еще в 2006 г. В.Г. Родионов издал книгу научных статей, опубликованных в различных сборниках и журналах, под названием «Этнос. Культура. Слово», где в основном размещены работы по фольклористике, культурологии, этнологии, истории литератур, литературоведению, по вопросам перевода и т. д., а в вышедшую в 2017 г. книгу «Чувашский этнос» вошли исследования, посвященные пограничным проблемам этнологии и мифопоэтики, динамике различных форм коллективного сознания, взаимодействия этносов и их культур. Здесь Виталий Григорьевич выступает в основном как этнолог и философ. На наш взгляд, любое сочинение в названных монографиях вполне и справедливо достойно оценке по шкале Маяковского.

Статья «Новое о деятельности Ерма Яроланского» впервые была опубликована в сборнике «Актуальные проблемы чувашской литературы», изданном ЧНИИ в далеком 1983 г. [12], размещена потом в сборник «Этнос. Культура. Слово». Автор здесь полемизирует с Н.В. Никольским, который будто бы в Яроланском «вырисовывает фигуру типичного религиозного деятеля XVIII в.», по мнению Родионова, «в рамки такой оценки деятельности Е. Яроланского не входит ряд фактов. Деятельность Е. Яроланского не ограничивается рамками проповеднической работы» [13, с. 281]. Мы также чуть-чуть поспорили бы с Виталием Григорьевичем, так как вся переводческая деятельность Яроланского связана именно с миссионерством, в том числе и его участие в подготовке книги «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка». Как пишет Г.И. Комиссаров, «в связи с открытием в XVIII веке «новокрещенских» школ, т. е. школ для подготовки причетников (церковнослужителей. – А. Л.) и чиновников, знающих местные языки поволжских народов, в том числе и чувашей, и в связи с введением в этих школах преподавания чувашского языка, в этом веке составляется первый учебник

по грамматике чувашского языка» [3, с. 62]. Однако Виталий Григорьевич прав в одном: Рожанский действительно стоял у истоков чувашской лексикографии. И не только. Родионов, например, убедительно доказал, что Ермей Рожанский редактировал чувашско-татарские разделы «Словаря языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, именно: россиан, татар, чувашей, мордвы и черемис...» Здесь нужно говорить о просветительской составляющей (или сегменте) миссионерской деятельности, так как христианизация инородцев, как вовлечение их в процесс познания Троицеобразного Бога (Отца, Сына Его и Святого Духа) не могла быть успешно осуществлена без формирования когорты миссионеров из самих инородцев, более того – без владения ими языком новокрещен – представителей аборигенного племени. Для образовательной системы нужны были учебные пособия. Поэтому В.Г. Родионов прав, когда называет Е. Рожанского одним из первых чувашских просветителей.

Родионов в этой же статье подробно рассказывает о «выходе в свет» в 1769 г. первой чувашской грамматики под названием «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка». И исследователь убежден, что «если неосновным, то одним из авторов» грамматики «был Ермей Рожанский». Не будем критиковать автора за то, что он как бы открывает что-то новое в деле создания вышеуказанной книги, так как еще в 1920-е гг. Г.И. Комиссаров уже писал об этом. Однако нужно иметь в виду, что даже в начале 1980-х гг. рукописи Г.И. Комиссарова все еще находились в «спецхране», т. е. их не давали в пользование сотрудникам. Очевидно, по этой причине В.Г. Родионов в своей статье ни разу не ссылается на Гурия Ивановича. Между тем Комиссаров, один из первых исследователей чувашского переводческого дела, пишет, что «подлинным автором этой грамматики был один из знатоков красночетайского чувашского говора, знакомый с говором присурских чувашей, но получивший семинарское образование и имевший отношение к языкознанию. Таким лицом мог быть, например, миссионер Нижегородской епархии священник Ермий Иванов (Рожанский), природный чувашин» [3, с. 65].

В.Г. Родионов постоянно возвращается к своим публикациям и обогащает их новыми и новыми данными, т. е. он в постоянном поиске. Главу 2 «Письменность на чувашском языке в XVIII веке» рукописного исследования Г.И. Комиссарова он разместил в два сборника [6]. Кроме того, Виталий Григорьевич в 2012 г. издал научно-популярную книгу о Ермие Рожанском [8], написал статьи для разных книг и справочников [16], сайтов в интернете. Таким образом, Родионов как научный работник доносит свое видение проблематики сначала до научной (узкой) общественности, а затем уже в разных вариациях – в сокращении уже опубликованного текста, на чувашском или на русском языках – об этом доступно информирует социум.

В.Г. Родионов – один из исследователей творчества С.М. Михайлова (Яндуша). В свое время в газете «Хыпар», не побоюсь сказать, по моему почину, выходили «Хыпар» кёнеки» (книги «Хыпара»), как правило, вкладыши газеты форматом А-4 (всего 16 страниц), их было около шестидесяти. В 1996 г. Виталий Григорьевич выпустил очередную книжку, посвященную С.М. Михайлову [10]. А первая статья его о первом чувашском литераторе называется «Об авторстве книги «Чувашские разговоры и сказки», опубликованная в 1981 г. [14]. Современному читателю неизвестны многие факты биографии С.М. Михайлова. А во второй половине XVIII – начале XX вв. среди чувашской интеллигенции всерьез обсуждался вопрос об авторстве вышеназванной книги. Сомневался прежде всего В.К. Магницкий. В.Г. Родионов скрупулезно анализировал все тексты Михайлова и убедительно доказал, что автором являлся именно Яндуш, – так Виталий Григорьевич выполнил пожелание Г.И. Комиссарова, который писал: «...требуется уточнить вопрос о подлинности авторства Михайлова по отношению к «Разговорам...». Я думаю, что Громов, возможно, имел долю участия в составлении «Разговоров», но лишать Михайлова авторства и передать его Громову, очевидно, нет основания, поскольку нет сведений, что Громов претендовал на авторство после выхода книжки Михайлова из печати и оспаривал авторство Михайлова при его жизни» [4, с. 3].

Настоящий исследователь никогда не прекращает поиски в вроде бы уже до конца исследованной теме. В 2021 г. буквально одновременно Родионов опубликовал две статьи о Спиридоне Михайлове в журналах Чувашского государственного университета [19]. Здесь он на основе материалов из книги С.М. Михайлова исследует этнологические проблемы: как в творчестве Спиридона Михайлова отразилась картина мира чувашского этноса в середине XIX века? В аспекте проблематики исторической этнологии какую роль играют труды первого чувашского писателя?

Еще один образец скрупулезности в исследуемой тематике Родионова – изучение жизненного пути и творчества Михаила Сеспеля. Виталий Григорьевич еще в 2009 г. издал книгу «Сеспель – цветок Земли и Неба», под таким же названием следующая книга вышла в Чувашском книжном издательстве в серии «Замечательные люди Чувашии = Чăвашсен чаплă сыннисем» как научно-популярное издание [18]. Однако путь к данной монографии был проторен слой за слоем из многих публикаций Родионова о Сеспеле. В 1989 г., в период так называемой перестройки и гласности, Виталий Григорьевич впервые ознакомил читающую публику с взглядами поэта-революционера о коммунистической идеологии, приведя его письма к разным людям. Вот что пишет поэт 30 октября 1921 г. Ф. Пакрышено: «Коммунизм скрылся в горизонте будущего. На десятилетия воцарился в стране советский капитализм. Опять нищета одних и богатство других» [15, с. 371]. До выпуска своих монографий исследователь опубликовал около десяти статей о Михаиле Сеспеле, и все они – научно-популярного характера [17].

Такой метод популяризации научных знаний о какой-либо персоналии свойственен В.Г. Родионову. Он целеустремленно анализирует жизнь и деятельность объекта своего исследования. Нам так и кажется, что после публикаций Виталия Григорьевича дальше уже не стоит писать о них, или же написать свои, например, эссе или размышления, опираясь на «добытое», систематизированное Родионовым. К деятельности Н.И. Золотницкого, зачинателя инородческой просветительской системы, позднее названной системой Н.И. Ильминского, Родионов обращается постоянно. Результаты его исследований о поистине выдающемся просветителе чувашей были вмещены в его три монографии и одну коллективную монографию. Как настоящий научный популяризатор, Виталий Григорьевич в дополненном и переработанном виде создал отдельные очерки (на русском и чувашском языках) о Н.И. Золотницком и включил их в только что вышедшую книгу «Избранные труды = Суйласа илнисем» [9]. Поскольку в рамках доклада невозможно подвергнуть анализу все очерки, выскажу свое суждение о преемственности в деятельности чувашского просветительства. Мало кто (возможно, я ошибаюсь) задумывается о том, почему в воспоминаниях И.Я. Яковлева ни разу не упоминается выдающийся чувашевед В.К. Магницкий, Н.В. Никольский упоминается, однако лишь в негативных оценках, Н.И. Золотницкий у него вообще «пьяница» и он будто бы «схватился за идеи Ильминского по просвещению инородцев, стал выдавать их за свои и кричал о них, говорил, писал более, чем сам Николай Иванович» [22, с. 197]. Вот такая «несвятая троица»: Золотницкий, Магницкий, Никольский... Нам-то известно, что именно Н.И. Золотницкий стоял у истоков инородческой системы просвещения. В 1861 г. он, работавший в г. Вятке (теперешнем Кирове), в № 47 газеты «Вятские Губернские Ведомости» напечатал статью под названием «По поводу открытия частных школ в Вятской губернии» о причинах отвращения инородцев (удмуртов и марийцев) от школы и о способах привлечения их к ней. Автор объяснил отсутствие успеха в деле инородческого образования игнорированием родного языка детей и выдвигал требование широко использовать в деле образования инородцев их родной язык. В 1865 г. Н.И. Золотницкий переехал в Казань, в 1866 г. выпустил брошюру «По вопросу о способах образования чуваш», в которой защищал принцип образования с помощью родного языка. Потом уже появляется Н.И. Ильминский... В.Г. Родионов просвещает читателя: оказывается, В.К. Магницкий всегда считал себя учеником Золотницкого. После смерти учителя «он публикует, – пишет Родионов, – в вятской губернской газете некролог «На память о Н.И. Золотницком». Высоко оценивая труды Золотницкого, о нем так говорит на чувашском: «Эс вилсен те вилмен» [Ты и после смерти не умер]. Ученики Золотницкого Г. Филиппов, М. Дмитриев, М. Федоров, Н. Ефимов становятся самыми близкими помощниками Магницкого [9, с. 124],

а Н.В. Никольский первым своим учителем всегда считал Магницкого. Вот такое преемство в чувашском просветительстве. Разумеется, мы сейчас не ставим задачу дальше развивать эту тему. Скажем лишь: Н.В. Никольский никогда не отрицал роль И.Я. Яковлева (в отличие от последнего) в деле просвещения соплеменников, но именно он сохранил и развил дальше научно-исследовательские традиции своего наставника В.К. Магницкого, и, разумеется, высоко оценивал деятельность в чувашском просветительстве Золотницкого, учителя Василия Константиновича.

Когда крупный исследователь печатается в разных журналах, газетах, коллективных сборниках, он, «лицо необщим выраженьем», теряется среди многих. Вроде бы написал блестящую статью, потом снова и снова... Но когда эти публикации появляются под обложкой собственной его книги, тогда и воспримешь, понимаешь и усвоишь весь уровень интеллектуальных способностей автора, его миропонимание, его философию (в широком смысле), его устремления в заданной им теме (темах). Это как раз о названных нами книгах, и не только о них. Родионов в 2017 г. выпустил небольшую книжку «Пултарула́х суречёсем» (Творческие портреты) [21], а в 2022 г. – «Чăваш пулса пурăнни: публицистика, савăсем, интервьюсем» (Чувашиами мы родились: публицистика, поэзия, интервью) [7].

В сборнике «Пултарула́х суречёсем» довольно большой объем занимает серия статей под общим названием «Кашкăр Иванёсен Кёстенттинё», они опубликованы в 2015 г. в газете «Хыпар» и журнале «Тăван Атăл». И тут невольно вспоминаешь самую первую биографическую статью об авторе «Нарспи» – «Иванюк Ваçинкки Кёстенттийён пурнăçе» Г.И. Комиссарова [2]. Виталий Григорьевич не повторяет размышления Гурия Ивановича. У него цель совсем иная: ознакомить широкую публику новыми результатами своих изысканий. И это у него получилось. Изучая записную тетрадь поэта, Родионов расшифровал в наборе зашифрованных поэтом разных букв преподавателя Симбирской чувашской школы – «общего для воспитанников-чувашей объекта протеста» Д. Кочурова [21, с. 27–30]. Читатель безусловно будет поражен над фактом, что по отношению к поэту был совершен акт вандализма – в конце 1920-х гг. выкопан из могилы его череп, и он до сих пор не найден. И еще: посаженный Ивановым в 1907 г. тополь перед домом срублен после 2013 г., даже пня не осталось [21, с. 31–34].

Научный популяризатор, публицист должен иметь на любой вопрос свое суждение, в некоторых случаях, весьма вероятно, отличное от мнения других авторов, занимающихся тем же вопросом. Когда мы пишем о чувашском национальном движении в начале XX века, и особенно после Февральской революции и октябрьского большевистского переворота 1917 г., у авторов могут быть совершенно противоположные мнения, так как, на наш взгляд, вообще в самосознании социума (не путать с государством как института политической системы), и, в частности, чувашского этнического самосознания, до сих пор существует идеологическое противостояние, хотя из-за событий общепланетарного масштаба в одном из территорий бывшего СССР оно в настоящее время как бы нивелировалось. Кто был прав: красные или белые? Комитет учредителей (КОМУЧ) как социалистический конгломерат или РКП(б), идентифицировавшая себя как единственно правильное движение?

В статье «Наци юхăмёсемпе интеллигенци ушкăнланăвёсем (1917–1923)» [Национальные течения и группировки интеллигенции)], опубликованной в газете «Хыпар» в 2004 г., В.Г. Родионов детально анализирует состояние чувашского национального движения в указанный период. Автор пишет, что это движение, разделенное на разные идеологические образования, в итоге потеряло привлекательность в умонастроениях чувашского населения. Однако – причины этого только ли в позиции его лидеров? На наш, естественно, субъективный, взгляд, истоки противостояния и раскола чувашского национального движения, печатным органом которого являлась газета «Хыпар», нужно искать в реалиях того разрушительного времени. Не можем согласиться с В.Г. Родионовым, утверждающим, что «после захвата белой армией» (правильно: Народной армией Комуча) Казани Г.Ф. Алюнов снова начинает издавать «Хыпар», при возвращении красных «убегает с белыми» (неверно: заранее до взятия Красной армией Казани, в начале сентября 1918 г., отправляется на Государственное совещание в Уфу [1, с. 61]). И Д.П. Петров (Мётри Юман), и И.В. Васильев с С.Н. Николаевым якобы также объединяются с

белыми. Так видит закат «политической карьеры» всенародно избранных во Всероссийское Учредительное собрание людей исследователь, и уверяет, что «по существу, войдя в противостояние с властями, они, сами того не чувствуя, совершили деяния против сформированной Н. Никольским и его соратниками национальной идеи» [11]. Возникает вопрос к исследователю: можно ли противопоставить два тезиса: а) выступление чувашей-учредителей против большевиков, и б) национальную идею? Наоборот, Г.Ф. Алюнов и его соратники никак не могли смириться с большевистским произволом, который привел к краху национальной идеи (*чăваш ёçĕ*). С.Н. Николаев убежден в своей правоте даже спустя десятилетия, говоря о том, что «партия эсеров ранее всех поняла и правильно определила действительную природу большевиков и их власти», зная это, она практической задачей после разгона Учредительного собрания «поставила подготовку широких слоев народа к вооруженному восстанию против насильнической власти» [5, с. 135].

Виталий Григорьевич, как мы выше отмечали, один из тех, кто активно работает над составлением сборников рукописных сочинений Г.И. Комиссарова, и он постоянно обращается к творчеству Комиссарова. В статье «Чăваш эпĕр полтăмăр...» [21, с. 10–14] публицист вновь размышляет о перипетиях чувашского национального движения и с сожалением констатирует, что в 1918 г. «чувашская интеллигенция разделилась на три группы. Первая это эсеры, сумевшие избрать в Учредительное собрание пять депутатов-чувашей, и они воюют в Народной армии Комуча против Красной армии. Представители второй группы покинули партию левых социалистов-революционеров и примкнули к коммунистам, и теперь готовятся создать в мировом масштабе бедняцкий народ, и они визжат, что нет чувашского народа и иных народов. А третья группа прежде всего думает о чувашском народе, о его судьбе. Именно среди них и был Гурий Иванович Комиссаров – даровитый чувашский исследователь, поэт и драматург» [21, с. 13].

Мы при определении устремлений и при оценке чувашского национального движения в указанный период были бы не столь категоричны по следующим причинам: во-первых, и уфимское Чувашское национальное общество, и симбирско-казанская его «тетка» имели одинаковые цели и задачи по чувашскому национальному возрождению; во-вторых, участие чувашских учредителей в борьбе против большевизма отнюдь не тождественно отходу от программных целей ЧНО, в-третьих, и это самое главное, Г.И. Комиссаров в своих публикациях в газете «Хыпар» в 1917 и 1918 гг. вполне осознанно выступал в защиту и Временного правительства, и Учредительного собрания, он не принимал большевистскую идеологию. Представители второй группы чувашской интеллигенции, на наш взгляд, тоже сделали вполне осознанный выбор, успев «запрыгнуть в вагон уходящего поезда», то есть связав свое будущее с большевизмом и советской властью, тем самым в самой ближайшей перспективе именно они становились основателями Чувашской автономии. После окончания Гражданской войны чуваша-участники белого движения также включились в процесс государственного строительства. Правда и то, что абсолютное большинство и перекрасившихся левых эсеров, и бывших «белых» в 1930-е гг. были перемолоты в жерновах сталинских репрессий.

Мне не раз приходилось слышать от некоторых коллег, что в периодике выступать невыгодно, дескать, «вот раньше платили гонорар...» В.Г. Родионов свои статьи разве публикует за гонорары? Его небольшой сборник «Чăваш пулса пурăнни [Чувашиами мы родились] состоит из статей, интервью, стихов за последние три года, при том сюда не вошли многие статьи, опубликованные на «Чăваш халăх сайчĕ», тексты многих бесед на Чувашском национальном радио и телевидении и «Тăван радио». Научный популяризатор и публицист В.Г. Родионов верен своему амплу: довести до читателя, слушателя всегда новую мысль, и в основе его мировоззрения – чувашская идея, и суть ее публицист выразил в одном из своих стихотворений: «Тулать те уйăх – катăлать, / Улми пиçет те татăлать. / «Кивви каять, килет сĕнни» / Тесе шутлать чăваш сывни. / Кивви каймасть, вăл сĕнелет, / Вай-хал пухать те чĕрелет. / Тăванăмсем, ак ман чĕнни: / Киввинченех тăвар сĕнни» [Вот полная луна – и убывает, / Вот яблоко созрело – отрывается. / «Уходит старое, а новое прибывает», – / Так размышляют чуваша. / Нет, не уходит старое, оно обновляется, / Сил набирает и возрождается. / Вот мой призыв, родные: / Из старого мы новое создадим] [7, с. 17].

Сапла пултăр! [Да будет так!].

Таким образом, научно-популярные и публицистические статьи В.Г. Родионова охватывают темы, связанные с жизнью и деятельностью выдающихся чувашеведов, классиков чувашской литературы, в них простым и доступным языком рассказывается о разных этапах истории чувашской словесности в широком смысле этого понятия, он поднимает острые этнологические проблемы, постоянно находится в творческом поиске.

Литература

1. Изоркин А. В. Несбывшиеся надежды в революции // Их имена останутся в истории. Биографические очерки. Вып. II. Чебоксары: ЧГИГН, 1994. С. 49–62.
2. Кӓмиссар Курийӓ. Иванюк Ваҫинки Кӓҫтенгтийӓн пурӓҫӓ // Сунтал. 1928. Март, 3. (45) №. С. 14–16.
3. Комиссаров Г.И. История чувашской письменности и литературы [1] [рукопись] // НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 496. С. 40–122.
4. Комиссаров Г.И. История чувашской письменности и литературы [рукопись] // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 62. С. 1–70.
5. Николаев С.Н. Возникновение и организация Комуча // Воля России. Прага, 1928. № 10.
6. Проблемы письменности и культуры: материалы конф., посвящ. 250-летию со дня рождения чуваш. ученого и просветителя Е. Рожанского / [Редкол.: В.Г. Родионов (отв. ред.) и др.]. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1992. С. 85–104; Комиссаров Г.И. О чувашах. Исследования. Воспоминания. Дневники, письма / Чӓвашсем ҫинчен. Тӓпчевсем. Аса илӓсем. Ҫырса пынисем, ҫырусем. Сост. и примеч. В.Г. Родионов. Чебоксары–Шупашкар: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. С. 312–337.
7. Родионов В.Г. Артивансен Сӓварӓ. Чӓваш пулса пурӓнни: публицистика, сӓвӓсем, интервьюсем. Шупашкар, 2022. 36 с.
8. Родионов В.Г. Ермей Рожанский: жизнь и творчество [ст. и архив. материалы]. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. 148 с.
9. Родионов В.Г. Избранные труды по литературоведению и этнологии = Суйласа илнисем: литература тата этнос пӓлӓвӓсемпе ҫырма ӓҫсем / сост. И.Ю. Кириллова. Чебоксары: ЧГИГН, 2022. 196 с.
10. Родионов В.Г. Культурӓмӓр анинчи малтанхи сухӓҫӓ. «Миллион чӓвашпа ҫармӓсран эп Раҫҫейри пӓрремӓш ҫыравӓ...» // «Хыпар» кӓнеки. Шупашкар, 1996. Раштав, 14. С. 2–5.
11. Родионов В.Г. Наци юхӓмӓсемпе интеллигенци ушкӓнланӓвӓсем (1917–1923) // Хыпар. 2004. Ҫӓртме, 9–10. 111–112 №.
12. Родионов В.Г. Новое о деятельности Ермея Рожанского // Актуальные проблемы чувашской литературы. Чебоксары: ЧГИГН, 1983. С. 157–178.
13. Родионов В.Г. Новое о деятельности Ермея Рожанского // Этнос. Культура. Слово. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. С. 280–302.
14. Родионов В.Г. Об авторстве книги «Чувашские разговоры и сказки» // Вопросы метода, жанра и стиля в чувашской литературе: сб. ст. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1981. С. 147–158.
15. Родионов В.Г. О феномене М. Сеспеля // Этнос. Культура. Слово. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. С. 370–381.
16. Родионов В.Г. Рожанский Ермей Иванович // Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. С. 353; Он же. Рожанский Ермей Иванович // Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 3: М–Се. С. 576; Его же. Рожанский Ермей Иванович // Краткая энциклопедия Красночетайского района. Чебоксары: Калем (РГУП «Чебоксар. тип. №1»), 2004. С. 150; Его же. Рожанский Ермей Иванович // Энциклопедия Красночетайского района. Чебоксары: Новое Время, 2019. С. 470; Его же. Рожанский Ермей Иванович // Энциклопедия чувашской журналистики и печати. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. С. 373.
17. Родионов В.Г. Сеспель, Ҫӓҫпӓл Мишши (Кузьмин Михаил Кузьмич) // Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. С. 369; Он же. «Сар кайӓкӓм шур юр айӓнче...»: [Ҫӓҫпӓл Мишши сӓвӓҫ пирки] // Тӓван Атӓл. 2009. № 11. С. 3–19; Его же. Родионов В.Г. Сеспель (Кузьмин) Михаил Кузьмич // Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 3: М–Се. С. 667–668; Его же. «Шупашкар хӓмисен юнлӓ тарӓ...»: Ҫӓҫпӓл Мишши: 110 ҫул // Хыпар. 2009. Чӓк, 14. С. 14; Его же. Феномен Михаила Сеспеля // ЛИК. 2012. № 2. С. 136–145.
18. Родионов В.Г. Сеспель – цветок Земли и Неба (о жизни и творчестве великого чувашского поэта Михаила Сеспеля). Чебоксары: Новое время, 2009. 383 с.; Он же. Сеспель – цветок земли и неба. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 271 с., [16] л. ил.
19. Родионов В.Г. Творчество Спиридона Михайлова (Яндуша) и картина мира чувашского этноса середины XIX века // Исторический поиск. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2021. Т. 2. № 4. С. 102–112; Он же. Труды Спиридона Михайлова (Яндуша) в аспекте некоторых проблем исторической этнологии // Вестник Чувашского университета. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2021. № 4. С. 135–148.
20. Родионов В.Г. Чувашское общественное сознание в условиях становления этнополитической нации // ЛИК. 2013. № 3(24). Июль-сентябрь. С. 97–115; Он же. Чувашская литература 1917–1922 годов: литературно-эстетические течения и школы // ЛИК. 2014. № 1. С. 129–143; Его же. Чувашская поэзия начала XX века // ЛИК.

2014. № 2. С. 132–156; Его же. Чувашская драматургия: как все начиналось // ЛИК. 2014. № 3. С. 146–165; Его же. Чувашская проза 1917–1922 годов (начало) // ЛИК. 2014. № 4. С. 141–151; Его же. Общественно-политические взгляды чувашского публициста и эмигранта С.Н. Николаева // КИЛ. 2015. № 1. С. 157–165; и др.

21. Эртвансен Саварё. Пултарулах суречёсем (Творческие портреты). Шупашкар: ЧГИГН, 2017. 80 с.

22. Яковлев И.Я. Моя жизнь: воспоминания. М.: Республика, 1997. 696 с.

ЛЕОНТЬЕВ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ – кандидат исторических наук, научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

А.Ф. МЫШКИНА

ВСЯ ЖИЗНЬ – НАУКА, В НАУКЕ – ВСЯ ЖИЗНЬ

Аннотация. Статья посвящена освещению научной деятельности одного из корифеев чувашской филологии Виталия Григорьевича Родионова в связи с его 75-летним юбилеем.

Ключевые слова: Родионов Виталий Григорьевич, юбилей, чувашская филология.

5 октября 2022 года исполнилось 75 лет со дня рождения чувашского литературоведа, критика, фольклориста, этнографа и поэта Виталия Григорьевича Родионова. Он является доктором филологических наук (1993), заслуженным профессором Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (2012), заслуженным деятелем науки Чувашской Республики (1997), заслуженным деятелем науки Российской Федерации (2010), лауреатом Государственной премии Чувашской Республики в области гуманитарных наук (2018), членом Союза писателей Российской Федерации (1995). Его литературный псевдоним Сувар Эрдиван. В период с 1997 по 2022 годы он был председателем диссертационного совета по филологическим наукам, созданного на базе Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Под его руководством успешно защитились и получили ученые степени 15 кандидатов и 3 доктора филологических наук. Он является автором свыше 300 научных работ, в их числе более 50 монографий и учебных пособий по проблемам и вопросам в области стиховедения, литературы и мифологии народов Урало-Поволжья, фольклористики, литературной теории, этнографии и антропологии, тюркологии и финно-угроведения [4, 5, 6, 7, 8, 10, 11].

Виталий Григорьевич выходец из Вурнарского района (д. Хора-Сирма) Чувашской Республики. Свой долгий путь в науку он начал в годы обучения в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова в 1970–1975 годах. Результатом его первых научных изысканий стала кандидатская диссертация «Чувашское стихосложение и пути его развития: дооктябрьский период» (1979). Тема стихосложения для В.Г. Родионова стала магистральной, она легла в основу и его докторской диссертации – «Генезис и эволюция чувашского стиха» (1993).

Вся трудовая жизнь В.Г. Родионова связана с двумя авторитетными учреждениями науки и образования Чувашской Республики – Научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук) (1976–1994) и Чувашским государственным университетом имени И.Н. Ульянова (1994 – по настоящее время). Хотя связь с ЧГИГН у него не прерывалась и после перехода в ЧГУ им. И.Н. Ульянова на должность заведующего кафедрой чувашского и сравнительного литературоведения и декана факультета чувашской филологии и культуры. Он также продолжал свои научные исследования под «крылом» гуманитарного института в качестве совместителя.

Огромной заслугой В.Г. Родионова перед чувашской и региональной филологией стало то, что он сформировал новое для чувашского литературоведения направление – историческое стиховедение. Более того не оценим его вклад в изучение истории развития чувашской литера-

туры и письменности. Под его руководством в ЧГИГН были подготовлены и выпущены коллективные монографии «История чувашской литературы XX века» в двух частях [1, 2] и «История чувашской литературы в XVIII–XIX веках» [3], которые в совокупности стали объемной работой, дающей представление о всех достижениях чувашской художественной словесности от зарождения до начала XXI века.

Как показывают исследования ученого, он стал авторитетным специалистом в области национальной культуры, этнографии и чувашской литературы XVIII–XIX вв. и 1900–1930-х гг. Его научная концепция строится на том, что художественная литература является частью историко-культурного развития и просветительского движения народа. Она (литература) напрямую прорастает в проблемы зарождения и развития национальной интеллигенции, борьбы за духовную свободу как отдельного человека, так и всего народа.

Так, в монографии «История чувашской литературы XVIII–XIX веков» читаем: «На рубеже XIX–XX вв. начало складываться новое историко-этническое сознание чувашской интеллигенции, которое способствовало появлению ряда работ как по истории самого народа, так и по проблемам развития отдельных сфер его духовной жизнедеятельности (религиозного и школьного просвещения, этнографии, словесности и т.д.). Эти научные сочинения в основном являлись историко-этнографическими, но содержали, как правило, лингвистические и литературоведческие разделы» [3, с. 4]. В качестве убедительных примеров своих рассуждений В.Г. Родионов приводит книгу «Народное образование у чуваш<ей>» и монографию «Христианство среди чуваш<ей> Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках» Н.В. Никольского, очерк «Чуваши Казанского Заволжья» Г.И. Комиссарова. В этих и других подобных работах впервые анализировались и печатались первые оды и другие художественные произведения на чувашском языке, а также отдельные извлечения из грамматики чувашского языка.

В.Г. Родионов стал автором исследований творчества многих чувашских писателей. Среди них можно назвать С. Михайлова (Яндуш), Г. Комиссарова, Иг. Иванова, К. Иванова, С. Эльгера, В. Эктеля, Г. Юмарта, Г. Айги, П. Эйзина, М. Карягину и др. Однако во всей этой плеяде талантливых писателей особым вниманием и любовью ученый выделил реформатора чувашской поэзии Михаила Сеспеля. Его монография «Сеспель – цветок Земли и Неба» [9] посвящена исследованию жизни и творчества этого поистине великого чувашского поэта.

Данную монографию можно охарактеризовать как научное исследование и художественный очерк одновременно. В ней В.Г. Родионов проявил себя не только как пытливый ученый, который стремится дойти до глубинных слоев истины, но и как талантливый писатель, который, посредством литературно-художественных средств, трепетной любовью создает образ поэта и человека Михаила Сеспеля.

Подобный подход в своей работе в какой-то степени объясняет сам исследователь: «Теперь нам известно, что будущий поэт воспитывался на традициях и впитывал культуру средненизовых чувашей, строго придерживающихся тюркских традиций, в том числе в отношении возрастных и половых различий. Например, такого случая, что произошло с Анук в период жизни прапрадеда М. Сеспеля, не могло быть среди верховых чувашей: там отсутствовало табу на показ голых ног и волос женщин. Даже один единственный факт различий убеждает нас в том, что полностью понять творца и его творения невозможно, если исследователь не будет учитывать те традиции культуры, которые веками сложились на территории его малой родины. А они, иногда, отличаются друг от друга даже в пределах одного района. Свои традиции имеют, как известно, отдельные роды и семьи, в том числе и предки М. Сеспеля» [9, с. 27]. Именно поэтому в данной работе слиты воедино и мифы, и документы, и факты.

Завершая свое монографическое исследование, В.Г. Родионов философствует о роли отдельного человека в судьбе своего народа: «В истории любого народа есть переломные эпохи или периоды, когда он вырабатывает новые парадигмы для своего дальнейшего достойного существования. Иногда такие переходы из одного состояния в другое занимают целые века, а чаще на подобные вызовы истории приходилось находить ответы на ходу. В таких экстремальных ситуациях выдвигались из гущи народа отдельные личности и вели они свой народ к Новому Дню» [9, с. 378].

На наш взгляд, эти строки относятся не только к творчеству поэта Михаила Сеспеля, но и к личности самого Виталия Григорьевича. В чувашском литературоведении конца XX – начала XXI века он стал одним из ключевых фигур, определяющих направление научных исследований не только в чувашской науке о литературе, но и целого региона – Урало-Поволжья.

Литература

1. История чувашской литературы XX в. (1900–1955 гг.): коллективная монография. Ч. 1 / Кириллова И.Ю., Родионов В.Г., Мышкина А.Ф. и др. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 431 с.
2. История чувашской литературы XX века (1956–2000 гг.): коллективная монография. Ч. 2 / Родионов В.Г., Мышкина А.Ф., Хузангай А.П. и др. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. 432 с.
3. История чувашской литературы XVIII–XIX веков: коллективная монография, ЧГИГН. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2020. 296 с.
4. Мышкина А.Ф., Родионов В.Г. Научная рецензия на сборник статей: Фольклор народов Поволжья и Урала: поэтика, проблемы изучения / сост. и науч. ред. Г.Г. Ильина. Чебоксары: ЧГИГН, 2021 // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 7. С. 2067–2069.
5. Родионов В.Г., Юмарт Г.Ф., Кондратьев М.Г. Чувашская народная поэзия. Чебоксары: ЧНИИ, 1980. 144 с.
6. Родионов В.Г. Чувашское и тюркское стихосложение: учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1986. 80 с.
7. Родионов В.Г. Чувашский стих: проблемы становления и развития. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. 224 с.
8. Родионов В.Г. Виктор Вишневский и этапы становления чувашской письменной культуры. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 47 с.
9. Родионов В.Г. Сеспель – цветок Земли и Неба: монографическое издание. Чебоксары: Новое Время, 2009. 384 с.
10. Родионов В.Г., Мышкина А.Ф. Проблемы изучения литератур народов региона и литературоведческая компаративистика // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. С. 297.
11. Родионов В.Г., Федоров Г.И., Мышкина А.Ф., Софронова И.В. Сравнительное и сопоставительное литературоведение народов Урало-Поволжья: концепция, история (на материале чувашской и других литератур): монография. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. 164 с.

МЫШКИНА АЛЬБИНА ФЕДОРОВНА – доктор филологических наук, профессор Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

М.И. ИБРАГИМОВ

ВИТАЛИЙ РОДИОНОВ И ЯМИЛЬ САФИУЛЛИН: ДИАЛОГ УЧЕНЫХ

Аннотация. Предметом статьи является научный диалог в области изучения национальных литератур и литературной компаративистики между известными российскими литературоведами Я.Г. Сафиуллиным и В.Г. Родионовым. Установлены точки схождения между учеными в понимании природы национального в литературе, компаративистской методологии. Научные идеи Я.Г. Сафиуллина и В.Г. Родионова рассматриваются как продуктивные в исследованиях национальных литератур Поволжья.

Ключевые слова: Ямил Сафиуллин, Виталий Родионов, национальные литературы, сравнение литератур, сопоставление литератур, диалог.

В.Г. Родионова и Я.Г. Сафиуллина связывали отношения искренней дружбы. Их дружеское расположение друг к другу основывалось не только на взаимной симпатии с момента их первой встречи (она состоялась на одной из конференций в Казани во второй половине 2000-х гг.), но, прежде всего, на резонансе научных идей, которые они развивали в своих трудах. Воспользовавшись терминологией А.Н. Веселовского, можно говорить о «встречных течениях», ставших основой многолетнего интеллектуального диалога двух ученых. Их в первую очередь объединяло понимание национальной природы языка, литературы, искусства,

осознание того, что культура не может быть вненациональна. Важно и другое: в трудах Ямиля Галимовича и Виталия Григорьевича красной нитью проходит мысль о необходимости выхода за рамки собственной национальной культуры для понимания ее своеобразия, идентичности. Каждый из ученых шел к этой идее собственным путем. Ученик известного теоретика литературы – Н. Гуляева – Я. Сафиуллин многое почерпнул из философии и эстетики романтизма, проявлявшего значительный интерес к восточным культурам. В.Г. Родионов прошел школу ИМЛИ им. М. Горького, защитил кандидатскую диссертацию под руководством Л.И. Тимофеева, известного советского теоретика литературы. Его кандидатская диссертация, посвященная чувашскому стихосложению дооктябрьского периода, была новаторской в том числе и потому, что автор рассматривает особенности чувашского стиха в соотношении с жанрами народной поэзии, привлекая данные по этнографии и фольклору чувашей. Таким образом, уже в своей ранней научной работе В.Г. Родионовым реализовывалась одна из опорных позиций сопоставительного метода: обращение к широкому культурному контексту для объяснения литературных явлений.

Диалогу Виталия Григорьевича и Ямиля Галимовича в значительной степени способствовал их интерес к татарской и чувашской литературам. В исследованиях по чувашскому фольклору, языку, литературе В. Родионов часто проводит чувашско-татарские параллели [4, 5, 6, 12], в орбите его научных интересов творчество классиков татарской литературы: Г. Тукая, М. Джалиля, Г. Ибрагимова, Г. Исхаки [2, 3]. Отдельные статьи ученого посвящены рецепции татарской литературы выдающимися чувашскими учеными и просветителями [10, 11].

Я.Г. Сафиуллин также интересовался чувашской литературой. Нас, своих учеников и последователей, он неоднократно призывал учить чувашский язык. Словосочетания «чувашский язык», «чувашская литература» часто встречаются в его трудах. Погружению в творчество классиков чувашской литературы (К. Иванова, М. Сеспеля) в немалой степени способствовало его научное руководство дипломной работой дочери Виталия Григорьевича – Эльби Родионовой (работа была посвящена философии цвета в татарской и чувашской поэзии). С большим вниманием Ямиль Галимович относился к творчеству Г. Айги, который наряду с Ч. Айтматовым был для него наиболее ярким воплощением идеи существования национальной литературы на другом (русском) языке.

Обоснованная в трудах Я.Г. Сафиуллина идея сопоставления литератур как особого, отличного от сравнительно-исторического, метода в литературной компаративистике нашла отклик у чувашских литературоведов [1]. Трудно переоценить роль В. Родионова в сближении позиций литературоведов Поволжья относительно предложенной Я. Сафиуллиным методологии. Именно Виталий Григорьевич стал для нас своего рода проводником идей, немало поспособствовав их распространению среди ученых Поволжья. Важно отметить, что, признавая перспективность идеи сопоставления литератур, В. Родионов полагает, что сравнительный метод не исчерпал своих возможностей. Здесь необходимо подчеркнуть, что Я. Сафиуллин никогда не отрицал сравнения литератур: сопоставление литератур виделось им как альтернатива сравнению, но не его отрицание. Отметим в этой связи, что рецепция обоснованных Я. Сафиуллиным и развиваемых его учениками идей в трудах В. Родионова носит полемизирующий характер. Так, в одной из своих статей, посвященной развитию литературной компаративистики в Поволжье, он справедливо задается вопросом о критериях понятия «родственные литературы», являющимся одним из опорных при дифференциации сравнительного и сопоставительного методов: «На наш взгляд, установить степень родства и близости двух или нескольких народов не очень-то просто, иногда и невозможно. Если взять чувашскую традиционную культуру, то она в равной степени близка как к марийской и удмуртской, так и к татарской и башкирской. По религии чуваша православные, а по языку родственны с мусульманскими народами Урало-Поволжья» [8, с. 40]. Это одно из свидетельств диалогического, полемизирующего мышления Виталия Григорьевича. Для Ямиля Сафиуллина полемика, дискуссия, диалог были необходимыми условиями развития науки (жанр многих своих публичных выступлений он обозначал как «Приглашение к дискуссии»).

Сходные позиции занимали ученые относительно устоявшегося в советском литературоведении ранжирования литератур, их разделения на «ведущие» и «ведомые». «Нет «зрелых» и «незрелых» народов и культур. Все культуры ориентированы, прежде всего, на духовные потребности своего этноса, они соответствуют своему историко-генетическому типу, видоизменяются с общественным и этническим сознанием», – пишет В. Родионов в одной из своих статей [7, с. 74] (Ср.: «В науке и особенно в критике вместо словосочетания «национальная литература» была введена в обращение метафора «братские литературы», которая указывала на растворение единичных образований в общности, основанной на согласии и взаимопомощи. В «братской семье литератур» культивировался патернализм, связанный с признанием превосходства одной литературы над остальными, с ожиданиями постоянной помощи и примеров поведения со стороны «старшего брата». Повторявшиеся в течение десятилетий слова о единстве, гармонии, взаимопомощи, которые в реальности означали утверждение однообразия в литературе, вели к атрофии чувства национальной неповторимости в ней. Инерция, заданная советским временем и до сих пор сохраняющая свою силу» [13, с. 256]).

Отметим также критическое отношение В. Родионова и Я. Сафиуллина к ряду устоявшихся в советском литературоведении идей и понятий, например к идее ускоренного развития литератур, которая ими воспринималась как одно из проявлений создания абстрагированной от реальности национальных литератур модели литературного процесса, сводящего его к некоей умозрительной схеме, основывающейся на все той же идее неравноправия национальных литератур.

В татарском языке есть слово «милләтпәрвәр». Так называют людей, преданных своей нации, живущих ее интересами, людей, в ценностной иерархии которых неизменно преобладают национальные духовные и культурные ценности. В.Г. Родионов, без всякого сомнения, является такой личностью. Важно другое: глубокое погружение в мир родной чувашской культуры, стихию чувашского языка дополняются в нем стремлением к познанию иных национальных культур. Для него национальный язык, национальная литература и культура не замкнуты в самих себе. «В Поволжье, – пишет он, – исторически сложились общие обрядовые комплексы и музыкально-поэтические традиции, общий лексический пласт терминов культуры и народной философии, эстетики, этики и т.д. Вместо замкнутого существования имела место тесная культурная коммуникация, функционирование уникальных традиций побратания, породнения с людьми не своей национальности, престижность свободного владения языками соседних народов и т.д.» [7, с. 76]. Эту идею утверждал в своих трудах и Ямил Сафиуллин. Эта позиция нашла отражения не только в его теоретических трудах, но и герменевтической практике, в частности, в интерпретации отдельных произведений татарского поэта Ш. Бабича (для их понимания ученый привлекает широкий контекстуальный ряд: суфийская поэзия, Ф. Тютчев, А. Блок, Ибн Араби, Франциск Ассизский) [14]. Предпринятые в разных трудах В.Г. Родионова опыты прочтения произведений чувашских поэтов и писателей свидетельствуют о значимости для него такой герменевтической стратегии, преодолевающей исследовательский этноцентризм [9].

На одной из конференций Виталий Григорьевич подарил Ямилю Галимовичу библиографию своих трудов. Полистав ее, Ямил Галимович в шутку сказал, что, если его собственные труды собрать в одну книгу, то она по объему будет как эта библиография. В прошлом году усилиями учеников и коллег Ямиля Галимовича были изданы его опубликованные труды. Искренне надеемся, что в скором времени Виталий Григорьевич подарит нам собрание своих научных трудов.

Литература

1. Проблемы сравнительного и сопоставительного литературоведения Поволжья: сб. науч. ст. Чебоксары: Новое время, 2010. 140 с.
2. Родионов В.Г. Проблемы перевода произведений М. Джалиля на чувашский язык (на примере перевода стихотворения «Жырларым») / В.Г. Родионов // Муса Джалиль: творчество и подвиг: взгляд из XXI века. Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. С. 56–60.

3. Родионов В.Г. Чувашская поэзия начала XX века в контексте творчества Г. Тукая / В.Г. Родионов // Наследие Габдуллы Тукая в контексте национальных культур: материалы Междунар. научн.-практ. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения Г. Тукая (25 апреля 2011 г.) / ИЯЛИ им. Ибрагимова АН РТ. Казань, 2011. С. 78–80.
4. Родионов В.Г. Типология творчества Г. Ибрагимова и Ив. Юркина (к проблеме своеобразия литератур татарского и чувашского народов) / В.Г. Родионов // Наследие Г. Ибрагимова и тюркский мир: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения Г. Ибрагимова (17 апреля 2012 г.). Казань, 2012. С. 96–99.
5. Родионов В.Г. К проблеме татарского и чувашского межкультурного диалога // Нематериальное культурное наследие тюркских народов как объект сохранения: сб. материалов Междунар. научн.-практ. конф. (г. Казань, 16–19 июля 2014 г.). Казань: Илхас, 2014. С. 216–221.
6. Родионов В.Г. Межлитературный диалог татарского и чувашского народов (вторая половина XIX – начало XX века) // Tatarica. 2015. № 1 (4). С. 67–76.
7. Родионов В. Г. Современные проблемы типологии литератур народов Российской Федерации // Чувашское сравнительное литературоведение: теория и практика. Чебоксары: Новое время, 2017. С. 70–78.
8. Родионов В.Г. О сравнительном и сопоставительном методах в современном литературоведении народов Урало-Поволжья // Чувашское сравнительное литературоведение: теория и практика. Чебоксары: Новое время, 2017. С. 33–43.
9. Родионов В.Г., Родионова Э.В. Проблема интерпретации в современном региональном литературоведении // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. Йошкар-Ола, 2017. С. 162–165.
10. Родионов В.Г. И.Я. Яковлев как собиратель чувашского и татарского фольклора / В.Г. Родионов // Национальные языки и литературы в поликультурных условиях: сб. науч. тр. Вып 4. Чебоксары: ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2018. С. 12–19.
11. Родионов В.Г. Николай Ашмарин о татарской литературе второй половины XIX века // Ашмаринские чтения: сб. ст. XII Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 20 ноября 2020 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. С. 3-9.
12. Родионов В.Г. Об общем и особенном в некоторых жанрах татарского и чувашского фольклора // Татары и чувашы – ветви одного древа: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары, 2021. С. 400–407.
13. Сафиуллин Я.Г. Понятие «национальная литература»: метаморфозы содержания // Сафиуллин Я.Г. От романтизма к сопоставлению литератур. Казань: ИЯЛИ, 2021. С. 249–277.
14. Сафиуллин Я.Г. Жизнь поэта в его стихах: 125-лет со дня рождения Ш. Бабича // Сафиуллин Я.Г. От романтизма к сопоставлению литератур. Казань: ИЯЛИ, 2021. С. 365–394.

ИБРАГИМОВ МАРСЕЛЬ ИЛЬДАРОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент, Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан.

Е.Р. ЯКИМОВА

ЧУВАШСКАЯ КАРТИНА МИРА В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА В.Г. РОДИОНОВА

Аннотация. В статье рассматривается представление мотивов-концептов традиционного чувашского мировоззрения в исследовательских работах и лирических стихотворениях профессора В.Г. Родионова. Картину мира чувашского этноса исследователь находит в таких наиболее часто встречаемых константах, как мать, родной дом, родовые корни, чувашский народ и язык, представляющих архаичные пласты национальной культуры.

Ключевые слова: Виталий Родионов, Савар Эртиван, концепт, культура, этнос, ценности.

Виталий Григорьевич Родионов – автор более 300 научных трудов, в том числе более 50 монографий и учебных пособий, поэтических сборников. Область его научных интересов охватывает историческое стиховедение, историю развития литературы, письменности народов Урало-Поволжья, фольклор в системе языческих обрядов, литературную теорию, этнологию, тюркологию и финно-угроведение. Даже поверхностное рассмотрение трудов профессора В. Родионова позволяет заметить, что в своих исследованиях он значительное внимание уделяет изучению культурно-ценностных доминант чувашского народа, этнического и историче-

ского сознания, а также выработке новых типов индивидуально-художественного восприятия действительности. Говоря о типах чувашского национального мышления, ученый на основе изучения строя языка утверждает, что «в агглютинативных языках, в которых действует закон сингармонизма, доминирует идея *согласования*, а в флективных – идея *подчинения* (выделено В. Родионовым). Последняя тесно связана с типом европейского мышления, с представлением о борьбе непримиримых противоположностей. Языки урало-алтайских народов, в том числе и чувашский, воплощают идею ненасилия, согласования взаимодействующих составляющих» [1, с. 249]. «Мысль говорящего по-чувашски устремлена к пониманию собеседника, к нормализации взаимоотношений на момент диалога», – продолжает мысль исследователь. Для чуваша важнее всего взаимопонимание и взаимоуважение. Европейский же человек благодаря характеру своего мышления «противопоставил себя Природе, стал относиться к ней враждебно, что приблизило современный мир к экологической катастрофе [1, с. 250]. Согласимся с ученым, ведь ценностная парадигма западного, техногенного типа – это, прежде всего, отрицание всех существующих ранее приоритетов человечества, о чем мы писали и ранее [3; 4].

«У чуваш весьма сильно развито чувство социальной справедливости и общинного равноправия и в таком обществе полностью презируется индивидуально-эгоистическое, индивидуалистическое начало», – пишет ученый, характеризуя чувашскую общность [1, с. 251]. Так же трудно возразить ученому, ведь вся чувашская словесность подтверждает данную идею. «В единичном есть целое, а в целом – единичное, – пишет В. Родионов о традиционных коллективистских устоях народа. – Высшее благо, когда интересы отдельного человека гармонизируются с интересами коллектива, общества» [Там же].

«У истоков традиционного мышления чувашей лежит особая форма знания, приписываемая *ваттисем* (старшее поколение, предки)», – заключает В. Родионов [1, с. 255]. Действительно, если взять, к примеру, чувашские народные пословицы и поговорки, то можно заметить, что чуваша, утверждая что-либо, все же ссылаются на мудрость старших, ранее живших поколений, таким образом координируют свое поведение [4]. «В чувашском видении личность – это человек, имеющий определенные ценностные ориентиры, совпадающие с общенародными» [1, с. 259], то есть это веками складывавшиеся жизненные приоритеты, установки.

Основные ритуалы чувашей были связаны с культом предков [1, с. 260]. Именно эта связь определила механизм передачи этнокультурных традиций из поколения в поколение.

Следующей объединяющей силой в чувашской семье был культ женщины-матери. Согласно чувашскому мировоззрению, женщина-мать была священна и неприкосновенна [1, с. 262–263]. Эти доминанты определили в народной культуре культ предков, Священной Земли и Женщины-Матери.

Рассуждая о национальной идее, В.Г. Родионов видит ее в трех составляющих: это родной язык, родная культура и образование. Символом национальной культуры, по его мнению, являются театр, кино, песня и узоры-вышивки.

Анализируя работу Н. Ашмарина «Очерк народной поэзии у чуваш», написанную в 1892 г., В.Г. Родионов отмечает следующие характерные особенности, присущие чувашам:

- они не противопоставляют себя природе, наоборот – считают себя ее частью;
- их отличает не стремление к борьбе, а большая склонность к наблюдению;
- очень дорожат отчим домом – находиться вдалеке от родного дома оборачивается для них настоящей трагедией;
- дорожат «добрым именем», что сродни чести;
- чувашей отличает настоящий гуманизм, им свойственно милосердие.

Также в работе Н. Ашмарина исследователь находит черты, считающиеся символом красоты у чуваш: светлые волосы, темные глаза и тонкая талия.

Единицы ценностного сознания чувашского народа, отмеченные исследователем, можно разделить на четыре константы:

- моральные ценности – культ матери, рода, природы, предков;
- природно-социальное пространство – род, природа, мир, Вселенная;
- формы народного сознания – народное искусство, народная этика;
- алгоритм образования личности – народные традиции, народные воспитание и народная культура.

В художественном мире лирических стихотворений Савара Эртивана (литературный псевдоним В.Г. Родионова) наиболее часто встречаемые концепты-мотивы следующие: мать, родной дом, родовые корни, чувашский народ и язык, представляющие архаичные пласты национальной культуры. Ментальный символ родной земли соединен с ее материальным началом, этот символ повествует о родном месте. Так как «символическая связь земли с образом матери близка для чувашского сознания» [5]. Неслучайно особую роль в лирических стихах отведена Матери, провожающей своего сына в путь.

*Сар сáмсаллá чéппúччé эп санáн,
Юрататтáм кёрхи сён тёсе.
Эс шúтлеттён: «Илемлё пулсан та
Сарá тёс – уйрáлу вáл» тесе.
Сунат сартáм, кил-сурт тáвáрланчé.
Пусáмра вёсес шухáш кáна.
Эп юратнá тёсне кёр сáрланчé.
Асатсамччé, анне, ывáлна.*

Также значителен образ родной стороны:

*Манáн тён тёрекём –
Хура сёр-тымар.*

Обнаруживая во многих произведениях поэта слово «дом», приходим к выводу, что оно имеет ключевое значение, это начало начал, ценность, на которой держится мир.

Культ предков – один из основных особенностей чувашского этноса – также нашел отражение в работах В. Родионова. Говоря о почитании предков, он отмечает следующие моменты: 1. У чувашей Урало-Поволжского региона поминовение предков является обязательным во время Мánкун (Великого дня) и в месяц юпа (октябрь) дома, в Симёк на кладбище. Когда их поминают дома, то считалось, что усопшие приходят на угощение, а для поминовения усопших живущие сами посещали кладбище. 2. Если могила какого-либо родственника находилась далеко от деревни или ее расположение неизвестно, то для таких случаев на кладбище сооружали специальные, символические места для их поминовения – кенотафы. 3. Во время Симёк никто не поминал около символических памятников, установленных в деревнях в честь погибших на войне [2, с. 7-8].

В последнее время В. Родионов больше занимается вопросами исторической этнологии, выявлением адаптационной схемы этноса, определением особенностей этнической картины мира и бессознательных образов чувашского этноса.

Литература

1. Родионов В.Г. Этнос. Культура. Слово / Сост. А.Н. Лукина. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. 552 с.
2. Родионов В.Г. – Аэтивансен Сáварё. Чáваш пулса пурáнни: публицистика, сáвáсем, интервьюсем. Шупашкар, 2022. 36 с.
3. Якимова (Афанасьева) Е.Р., Чекушкина Е.П., Софронова И.В. Парадигма традиционных ценностей в современной чувашской литературе (на примере творчества Н. Ильиной) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8 (74). Ч. 2. С. 60–62.
4. Якимова Е.Р., Трофимова С.В. Рефлексия традиционных ценностей народа в литературе Поволжья // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2019. № 4 (104). С. 116–122.
5. Якимова Е.Р. Представление концептов традиционного чувашского мировоззрения в трудах профессора Г.А. Ермаковой // Национальные языки и литературы в поликультурных условиях: сб. науч. тр. Чебоксары, 2018. С. 138–142.

ЯКИМОВА ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

О.Г. ВЛАДИМИРОВА, И.В. СОФРОНОВА

**«ЧАВАШ ПУЛСА ПУРЌННИ»
(В.Г. Родионован сёне кёнекине тишкерни)**

**«ЧУВАШАМИ МЫ РОДИЛИСЬ»
(обзор новой книги В.Г. Родионова)**

Аннотация. В статье проанализирована книга «Чувашиами мы родились» литературоведа, поэта, доктора филологических наук, профессора Виталия Григорьевича Родионова. В ней представлены публицистические статьи, стихи, интервью с автором. В ходе исследования выявлено, что основная идея В.Г. Родионова заключается в утверждении «национальное должно жить и живет в языке народа».

Ключевые слова: В.Г. Родионов, чувашское литературоведение, поэзия Сувары Эрдивана.

Чаваш халăхĕн сумлă ывăлĕ, литературапа фольклор тĕпчевши, филологи аслăлăхĕсен докторĕ, профессорĕ, савăсĕ Виталий Григорьевич Родионов (Артивансен Саварĕ) хайĕн 75 çулхи юбилейĕ умĕн «Чаваш пулса пурăнни» кёнеке пичетлесе каларчĕ. Унта авторан юлашки çулсенче сырнă публицистики, саввисем тата унран илнĕ интервьюсем кенĕ. Самах май, В.Г. Родионов сёне кёнекине юпан 5-мешенче, хай çуралнă кун, ёçтешесемпе вĕренекенёсене пурне те экспромт мелёпе савă сырса, алă пусса парнелерĕ. Пире панă кёнекесенче сапла савă йĕркисем:

Пурсамăр пĕрле пулар,
Чан чаваш пулса юлар! (О.Г. Владимирована)
Йывăр чух кулар,
Аптраман пулар! (И.В. Софронована)

«Самрăк чухне эпир пурте савăсем сыратпăр, поэзи еннелле туртанатпăр. Малта чун хавалĕ, хавхалану тăрать. Аспа пурăнма тытăнсан вара проза сырăнать. Манан проза – аслăлăх», – тесе палăртать В.Г. Родионов [1, 25 с.]. Хавхалану кўрекен çалкуçсенчен пĕри хайĕн ентешĕ, чаваш халăх поэчĕ Семен Элкер пулнине тăташах систерет. Ахальтен мар «Чаваш пулса пурăнар» кёнекен ум питне те Семен Элкерĕн кенотафне лартнă хыççан саптарнă сан ўкерчĕке ырнастарнă, пуçламăш статийне Элкерĕн «Хам – чаваш, ачасем – ыраç» хайлав ятне панă.

Элкере сума сунине В.Г. Родионован маларах пичетленнĕ тĕпчев ёçсем те, саввисем те сирĕплетесĕ. Чаваш халăх поэчĕпе пĕр тăрăхра çуралса ўсни тĕпчевсĕ пултарулахне витĕм кўнех. 2017 çулта Виталий Григорьевича 70 çулхи юбилейпа саламласа В.А. Иванов профессор сапла самахсем сырнăчĕ: «Виталий Родионован таван тăрăхенче пулса курнă май тўрех Семен Элкерĕн Кушлаваш вăрманне халалланă поэми аса килчĕ: сём-сём вăрман епле кашланине хам халхапа илтрĕм, вăрманан кёрхи илемне хам курса килентĕм. Çак илемлĕ тавралăх çуратса ўстернĕ чаваш ачи ВИТАЛИЙ поэзипе интересленни кётменлĕх мар – сынна çут çанталăк калăплать. РОДИОНОВ профессор литература историне тĕплĕн тĕпчени те ансартран мар: Шупашкартан тухичченех Сăкăт кёперне тĕл пулать (Сога – пирĕн несёлсен сём авалхи тёнчи, эппин, чаваша халалланă палăк); Апаш ялĕ – археологсен пуянлăхĕ; Канаш – тёнчери пёртен-пёр чаваш ячёллĕ хула; Ёç геройёсен Кульцав ялесем – Родионова, хутла вĕреннĕ сынна, çул вĕрентнĕ. Саванпа нимёссем аслă сынна erfahren (fahren – ездить) тенĕ» [2].

Семен Элкере сывăх йышăннăранах-тăр В.Г. Родионов хайĕн кёнекинче савăç кун-сулне тимлет, поэтамăра канăç пaman ыйтусене тишкерет. Чаваш шăпи пирки шухăша ўксе публицистикăлла статийсемпе паллаштарать.

«Чаваша чаваш пулса юлма мён кирлĕ?» статья шухăшĕ Çеçпĕл Мишшипĕ Семен Элкер хайлавёсем евĕрех витерўллĕ. Паянхи кун статья ятёнчи ыйтаван хуравне пёрре ларса шухăшланипе шыраса тупма май çуккине палăртать тĕпчевсĕ, мёншĕн тесен таван халăхамăр шăпи хăрушлахне XX ёмĕр пуçламăшёнченех туйма-сисме пулать. Статьяри хаш-пёр

шухăшсене тимлер: «Чѐлхесен пѐр танлăхне нумай чѐлхелѐх сине таянса кăна йѐркелеме май пур. Урăхла каласассăн, тѐрлѐ халăх хушшинчи хутшăнăва куçару урлă йѐркелесси малта пулмалла. Калаçăва хутшăнакан сыннан тăван чѐлхипе калаçма ирѐк пурри – чи малтан шута илмелли сăлтав. Нумай чѐлхеллѐ аудитории кашни сынна хайѐн тăван чѐлхипе калаçмалли тата итлесе ѐнланмалли майсем туса парасси хутшăнури тѐп йѐрке пулса тăмалла» [1, 13 с.].

Асăннă статьяра кăна мар, кѐнекери кашни шухăш пил сăмахѐ евѐр. Вѐсем тăван халăхăмăрăн авалтан килекен хаклăхне уяма, чăваш пулса пурăнма вѐрентеççѐ: «Чăваш пулма ят та пулăшат, ху чăвашне манса кайма памасть» [1, 31 с.]. Е тата: «Чăваш халăхѐн пуласлăхне тăвас еçре кашнин тўпи пулмалла. Ялти сыннан ача çуратса йѐркеллѐ ўстермелле. Чи кирли – ачисемпе мăнукесене чăвашла калаçса çитѐнтермелле. Чăвашлăх ыйтăвѐшѐн мѐнпур наци интеллигенцийѐ яваплă, вăл шутран техника интеллигенцийѐ те. Вѐсем те мăшăрѐсене чăвашранах тупчăр, ачисене чăвашла çитѐнтерме пултарччăр. Вара халăхăмăр малалла кайма пултарассине ѐненме май пулѐ» [1, 32 с.].

«Чăваш пулса пурăнни» кѐнекене И.Н. Ульянов ячѐллѐ Чăваш патшалăх университетчѐ 55 сул тултарнине халалланă тата Виталий Григорьевич Родионовăн 75 сулхи юбилейѐ тѐлне йѐркеленѐ интервью та кѐнѐ. Унта университетăмăра çутă малашлăх сунса В.Г. Родионов çапла калать: «Юбилейные годы, как кольцевые нарастания на стволе дерева, пусть укрепят ствол нашего Дерева знания, устремленного вверх, к вечному светилу на чистом небе!» [1, 34 с.]. Кулленхи пурнăçра та В.Г. Родионов тѐпчевçѐрен йывăç мăнаçлăхѐ, вайѐ тымарѐнче тесе каланине тăтăшах илтетпѐр. Асăннă шухăша автор хайѐн лирика тѐнчинче меллѐ çураçтарма пѐлнѐ:

Чѐр йывăç пек куратăп шăпама:
Сыпăланса пултартăр ши! кайма.
Чи тăрринче çеçке çурса çупайтăр,
Хай тавралла вăррисене сапайтăр!

Çўлрех асăнтăмăр ѐнтѐ, В.Г. Родионовăн ѐслăлăх еçесенче те, илемлѐ тѐнчинче те пѐр шухăшах çураçанса аталанать: чăваш пуласлăхѐшѐн пѐр пулса пурăнасси, халăхăмăра пѐрлѐхре курасси, тăван чѐлхемѐре ѐруран ѐрăва куçарасси. «Хамăр йăхсене пѐлни пире пурнăçра çирѐпленме пулăшат, вай парать», – тет В.Г. Родионов интервьюра [1, 24 с.]. Çак шухăш «Хамăр йăхсене» сăвăра та палăрать:

Арăслансен амипеле аси
Пѐр ѐмѐт-тѐллевпех пурăнаç-и?
Аса тени ют вăрлăха сивлет,
Ама вара ют варшăн сивѐнет.
Качча кайсан илесеçѐ юттине,
Улăштараç тумне те чѐлхине.
Çапла йѐркеленет этем тѐнчи.
Калас тениѐ ман урăххинче:
Тăван чѐлхе пуласлаха уçать,
Вăл варпа мар, йăх урлă сеç куçать,
Йăх-халăха сыхать те чăмăртать,
Ытти чѐлхесемпе шав ѐмăртать.
Йăх тăсăмѐ килет упăшкаран.
Ана пулах чѐлхе пѐтет кайран.
Хушаматна паран тăк хăвăнне
Ачусене вѐрент йăх чѐлхине!

«Чăвашла пѐлекен чăвашсене» сăвă шухăшѐ питех те вирлѐ. Чăваш пулса çуралса хай ачи-пăчине тăван чѐлхене вѐрентмен çынсене питлет автор, йăх тăсăмѐ чѐлхене упранинче тесе çирѐппѐн палăртать:

«Пирѐн тăсăм – мăнукра»
Теекен чăваш, тăнла:
Пурăнатпăр кутăнла.
Мѐн акни йăлтах пукра.

Вăрансам! Пăхсам, тесе,
Астусамччĕ ёмĕре:
Тăсам пултăрччĕ тесен
Упрасам чĕлхемĕре!
«Чăваш арĕсене» савăра та çак шухăшах:

Халăхăмăр пуласси
Ачăр чĕлхинчен килет!

Āртивансен Сăварĕн юлашки вăхăтра сырнă сăввисенче философиллĕ шухăшлав уйрăмах пĕлтерĕшлĕ. Этем шăпи, пурнăçри вырăнĕ пирки шухăша ўкет лирика геройĕ.

Кашнин шăпи пĕр евĕр сыпăнать:

Çуралнă, пурăннă та вилнĕ.

Малтан этем пуçтарнă, илнĕ,

Чи вĕçĕнче каллех çав сапăнать.

Сине-сине черетленекен тĕрлĕ формăри тата шухăшĕ тĕлĕшĕнчен пĕр-пĕрне хирĕçлекен глаголсем (*сыпăнать – сапăнать, çуралнă – пурăннă – вилнĕ – пуçтарнă – илнĕ*) вăхăтлăх пурнăçан тупсамĕ-пĕлтерĕшĕ çинчен ас тутарсах тăраççĕ.

Çут çанталăк пулăмĕсем хай йĕркипе аталанаççĕ. Автор шучĕпе вара, этемĕн иртнине манса кайса çенĕлĕх кĕтнипе сырлахмалла мар:

Тулатъ те уйăх – катăлатъ,

Улми пиçет те татăлатъ.

«Кивви каять, килет çĕнни»

Тесе шутлатъ чăваш çынни.

Кивви каймасть, вăл çенелет,

Вай-хал пухать те чĕрĕлĕт.

Тăванăмсем, ак ман чĕнни:

«Киввинченех тăвар çĕнни!»

Ханăхнă йăлапах асаннă савăри шухăша унăн тĕпчевĕ-калаçăвĕнче те тупса палăртас килет: «Кирек мĕнле пулăма та паянхи лару-тăрупа çеç виçсе хаклама çук. Пиншер сул каяллахи истори асталăхĕ те питĕ пĕлтерĕшлĕ. Ун чухнехи чăвашсен ватă аслашшĕсем те аслă-тăнлă çынсемех пулнă. Манăн тĕллевĕм – халăхăмăн аваллăхне йĕрлесе тухасси, унти тĕрлĕ çĕкленĕсемпе ўкўсене, çĕнтерĕсемпе çухатусене кăтартса парасси» [1, 24 с.]. Чи пахи, В.Г. Родионов шухăшне чăвашра кăна мар, ытти регион тĕпчевçисем те пысăка хурса хаклаççĕ. Коми литератури тĕпчевçi Е.В. Остапова шухăшне палăртар: «Говоря о Виталии Григорьевиче, перед глазами встает Человек многогранный, равнодушный, энергичный, чутко реагирующий на всё происходящее, всей душой болеющий за родной язык, родную литературу, родную культуру, за свой народ. Своими интересными сообщениями и публикациями он вносит особый, немного неожиданный, немного восточный колорит в наше северное восприятие мира. И образуется причудливый узор в литературной картине мира коми, обогащенный красками художника слова Родионова Виталия Григорьевича» [2].

Сапла вара, В.Г. Родионовăн çенĕ кĕнекинче пичетленĕ публицистики, сăввисем тата унтан илнĕ интервьюсем пурте пĕр шухăшпа тĕвĕленнĕ: чăваш пулса пурăнмалла, йăх тăсамне чĕлхере курмалла. Чун хĕлĕхĕпе шăранса тухнă йĕркесем пурнăçланасса шанатпăр.

Литература

1. Родионов В.Г. Чăваш пулса пурăнни: публицистика, сăвăсем, интервьюсем. Шупашкар: ЧПГĀИ, 2022. 36 с.

2. Родионов В.Г. 70 сул тултарнă ятпа сырнă салам сăмахĕсем // О.Г. Владимирова архивĕнчен.

ВЛАДИМИРОВА ОЛЬГА ГЕННАДИЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

СОФРОНОВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

СЌВАР ЭРТИВАН ПОЭЗИЙЁНЧИ ЧЌВАШ ТЁНЧИ

ЧУВАШСКИЙ МИР В ПОЭЗИИ СУВАРА ЭРДИВАНА

Аннотация. В.Г. Родионов в чувашской среде известен как профессор, доктор филологических наук, автор многих исследовательских работ по литературоведению. Однако его творчество этим не ограничивается, он пишет и стихи, известен под псевдонимом Сувар Эрдиван. Наша работа продиктована отсутствием исследовательских работ по данной теме. В данной статье проанализирована поэзия Суvara Эрдивана. В ходе исследования выявлено, что в его творчестве чаще всего отражаются концепты чувашского мира.

Ключевые слова: Сувар Эрдиван, современная чувашская поэзия, чувашский мир, образ матери, чувашский язык.

В.Г. Родионов профессоран, филологи аслалӑхӑсен тухтӑрӑн ячӑ чӑваш литературоведенийӑнче сумлӑ та паллӑ ят. Унӑн тӑрлӑ сӑлсенче литература анине сухаласа сӑрнӑ вуншар монографи, сӑршер статья пичетленсе тухнӑ, вӑл калӑпланӑ кӑнекесемпе школта ачасене вӑрентесӑсӑ. Виталий Григорьевич Родионов ячӑ аслалӑхра сес мар, поэзире те палӑрчӑ. Унӑн сӑвӑ тӑнчинчи ячӑ – Сӑвар Эрдиван. Сӑмах май, пирӑн чӑваш литературинче аслалӑхра та, илемлӑ сӑмахлӑхра та палӑрнӑ ятсем сахалах мар: Г.Ф. Трофимов (Юмарт), Г.И. Федоров, В.П. Никитин (Станъял), А.Ф. Мышкина, Н.Г. Ильина т.ыт.те. Вӑсен ӑсӑсемпе паллашсан пирӑн йӑхташӑмӑрсем илемлӑ тӑнчене чунпа парӑнни, хӑйсен пултарулаӑхне пур енлӑн аталантарни сисӑнет.

Сӑвар Эрдиван сӑмрӑклах сӑвӑсем сӑрнӑ, анчах ун чухне вӑл сӑвӑ кӑнекисем пичетлемен. Ытларах ӑна тӑпчев ӑсӑ илӑртнӑ те, вӑл вара Чӑваш патшалӑх университетӑнче вӑрентӑ тапхӑртах чӑваш сӑввин аталанӑвне тишкерме пулать, фольклорти жанрсене классификацилет. Унӑн «Чувашское и тюркское стихосложение» (1986 с.), «Чувашский стих» (1992 с.) кӑнекисем иртнӑ ӑмӑрӑн 80-90-мӑш сӑлӑсенче пичетленесӑсӑ. Вӑсенче вӑл чӑвашсен сӑвӑ хывас асталӑхӑ епле сирӑплансе пынине тишкерет, нумай чӑваш поӑчӑ сӑвӑ хайланӑ чухне халӑхӑмӑрӑн авалхи йӑлисене асра тытнине асӑрхаса сӑпла сӑрать: «...любой начинающий чувашский поэт писал или пишет свое произведение на основе семисложной силлабики (4+3). Лишь в дальнейшем, обретая знания теории современного стиха, он постепенно отходит от "материнской" ритмической формулы» [1, 102 с.]. Сӑк шухӑш Сӑвар Эрдиван поэзийӑшӑн те юрӑхла теме пулать. Хӑйӑн тӑпчев ӑсӑсенче те В.Г. Родионов поэзи тӑнчинчен пӑрӑнмасть, унӑн вуншар чӑваш сӑвӑсин пултарулаӑх кун-сӑлне тӑпчесе сӑрнӑ ӑсӑсем пичетленсех тӑрасӑсӑ. Вӑсен хушшинче Константин Иванов, Сеспӑл Мишши, Семен Элкер, Илле Тӑхти пултарулаӑхӑсене тишкернӑ ӑсӑсем самаях сулмаклӑ, хӑйне евӑрлӑ те тарӑн шухӑшлӑ.

Сӑвар Эрдиван поэт тӑрлӑ жанрпа ӑслет. Ун сӑмрӑк чухнехи поэзи сӑпсӑнче сӑтсӑнталӑк, юрату, граждан лирики тӑл пулать, философилле сӑвӑсем те ют мар уншӑн, эпика та, юрӑ та пур. Сӑвар Эрдиванӑн сӑсси XX ӑмӑрӑн 70-мӑш сӑлӑсенче сӑткенленсе сӑтет, XXI ӑмӑр пултамӑшӑнче вара тарӑн философилӑхпе тулать. Поэтӑн сӑввисем тӑтӑшах «Тӑван Атӑл» литература журналӑнче кун сӑти кураӑсӑсӑ. Каярах тӑрлӑ сӑлсенче сӑрнӑ сӑввисем «Тӑрлӑ тӑрӑллӑ тӑнчем» [3] кӑнекере, XXI ӑмӑр пултамӑшӑнче хайланнисем «Тӑрӑк тӑррисем» [4] кӑларӑмра пичетленесӑсӑ.

Сӑвӑс мӑнле шухӑш-ӑмӑтсемпе пурӑнни, паллах, ун поэзийӑнче ӑтленет. Виталий Родионов профессор хӑйӑн пӑтӑм пурнӑсӑне чӑваш тӑнчин хӑйне евӑрлӑхне тӑпчессине халалланӑ, сӑвна май Сӑвар Эрдиван поэзийӑнче те хӑйне утӑкка сиктернӑ тӑнчен сӑнарӑ яр усӑн ӑкерӑнет. Мӑн кӑрет-ха Сӑвар Эрдиванӑн чӑваш тӑнчийӑ шутне? Хамӑра сӑратакан аннене, тӑвансене, чӑлхемӑре, йӑхташӑмӑрсене хисеп тунинчен пултанать вӑл сӑк тӑнче. «Аннем чӑвашла кӑнекесем вулама пите юрататчӑ. «Ялавпа» «Тӑван Атӑл» журналсене сӑрӑнсах

тӑратчӑ. Ялта ӑна Кайӑкка тесе чӑнетчӑҫ. Ҫичӑ уйӑхра ҫуралӑран, аслашӑ ӑна ҫапла ят панӑ. Аннем 1923 ҫулта кун ҫути курӑн», – аса илет поэт амӑшне [2, 32 с.]. Ун ҫӑнарне уйрӑмах юратса калӑплать Сӑвар Эртиван, чылай сӑвӑра тӑл пулать вӑл. Акӑ, «Кулма вӑрентнишӑн витӑннӑ кӑлӑ» сӑвӑ. Автор ӑна ытахальтен «кӑлӑ» тесе палӑртмасть: кашни ачан хӑйӑн амӑшне тав туса кӑлӑ вулама тивӑҫӑ пур. Илсе пӑхар-ха хӑшпӑр йӑркисене:

Аннеҫӑм,
сан куллуна вӑрентнӑ хыҫҫӑн
ҫак тӑнчере
ҫитмӑл те ҫичӑ тӑслӑ кула куртам эп,
ҫитмӑл те ҫиччӑшне те
сан куллупа танлаштараймарӑм эп.

Автор кунта чӑваш халӑхӑн символла «ҫитмӑл ҫиччӑ» хисепне асӑнать. Сӑмах май, ҫак шут хисепӑ ытти сӑвӑсенче те тӑтӑш тӑл пулать. Ывӑлӑшӑн амӑшӑн кулли пурӑнҫри ытти кулаҫене виҫмелли хак пулса тӑнӑ, мӑншӑн тесен ку тӑнчере йӑлтах аннерен пуҫланать, уӑн кулли ҫеҫ хӑвел пек, вӑл пурин чӑрине те ӑшӑтакан кула. Аннеренех эфир чӑвӑлти чӑваш чӑлхине вӑрентпӑр, ҫавӑнпа Сӑвар Эртиван поэзийӑнче анне тата тӑван чӑлхе сӑнарӑсем уйрӑлми ҫӑреҫӑ:

Таҫта шалта, кӑкӑрӑмра,
ҫитмӑл те ҫичӑ сӑмахӑм пӑлминче,
ҫитмӑл ҫичӑ кӑмӑлам ҫӑпҫинче
аннем пилӑпе чӑркенӑ тӑшӑ-вӑрӑ пур,
асамла юрӑ акма ҫенӑ вӑрлӑх пур.

Автор поэзи тӑнчине кӑме амӑшӑ пиллесе хӑварнине пӑр сӑвӑра ҫеҫ мар палӑртать: «Ҫак сӑмахсем манӑн мар – аннем пиллесе хӑварӑнчӑ», – тет вӑл. Палла ӑнтӑ, амӑшӑ ывӑлне чӑвашла тасан калаҫма вӑрентмен пулсан унран литература тӑпчевҫи те, чӑваш сӑвӑҫи те пулаймастчӑ. Ҫакна автор питӑ хаклать, сӑввисенче те ҫав шухӑшах шахвӑртать. Анне тата пил сӑмахӑсем те уӑн яланах тӑван амӑшӑпе ҫыхӑнӑ:

«Аннеҫӑм, пилле, пуҫам тӑрӑх шыв яр,
поэзи ҫӑрне талпӑнать сан Сӑвар», – тет вӑл «Тӑне кӑретӑп» сӑввинче.

Сӑвар Эртиван поэзийӑнче паянхи куна авалхи чӑваш тӑнчипе ҫыхӑнтаракан шухӑш-кӑвӑ тӑтӑш тӑл пулать. Ку вӑл сӑвӑсене чӑваш халӑх юрри майла хывнинче те сисӑнет. Акӑ тӑслӑх:

Атте-аннемӑре мӑн кирлӑ,
кил-картинче вьлӑх сасси кирлӑ-ҫке,
пӑртӑмӑрте ача сасси кирлӑ-ҫке.

Текстӑн малаллахи пайӑнче пичче, инке, аппа пирки калакан шухӑш сӑвемӑ тӑсӑлать. Чӑваш тӑнчишӑн тӑванлӑх тени ялан малта тӑнӑ, вӑсене аслинчен тытӑнса кӑҫӑннисем еннелле асӑнса тухӑнӑ. Ҫак меслете Сӑвар Эртиван ҫирӑп тытса пырать.

Сӑвӑ хайланӑ чухне тӑван халӑхӑн авалтанах килекен илемлӑх мелӑсемпе, *аллитераци*, *параллелизм* меслечӑсемпе усӑ кураҫси те час-часах мала тухать поэтӑн. Паллах, ҫак меслет уӑн поэзине витӑм панине Виталий Родионов тӑпчевӑҫӑ пулнине ҫыхӑнтарма пулать. Пирӑн шутпа, чӑваш сӑввине тӑпченӑ майӑн ҫакна ҫирӑппӑн ӑша хывӑн та вӑл. Аллитераци пирӑн несӑлсенченех килекен илемлӑх мелӑ, «повтор звуков в поэзии, являясь древнейшим художественным приемом предков чувашей, сначала проник в устное народное творчество, а далее – в письменную культуру чувашского народа» [5, 127 с.]. Акӑ Сӑвар Эртиванӑн поэзийӑнче тӑл пулаккан аллитерацин сӑнарла тӑслӑхӑсем: "Ҫуллахи ҫырӑ ҫӑр хӑве хупӑнӑ, хӑхлет", "ӑҫӑр ӑхӑ ӑхӑрет". Параллелизм пирки те ҫавнах каламалла: «Наряду с тюркской аллитерацией чувашский народный стих изобилует параллелизмом, который встречается как в древнетюркских текстах, так и в народной поэзии современных тюркских народов. Этот художественный прием, прежде чем войти в стихотворную речь, сначала использовался в языческих молитвах, молитвообразных заговорах, благословениях, пословицах и т.д.» [5, 127 с.].

Савар Эртиванан маларах ҫырна саввисенче те халӑх саввин традицийӗсем тапса тӑраҫҫӗ. Вӗсенче пил пани те, кӗл туни те, вӗрӗ-суру чӗлхи те тӗл пулать. Калӑпӑр, «Конӗллӗ кӗпем» ярамри «Эпи пехилӗ» савӑ йӗркисене пил сӑмахӗ пекех йышӑнатӑн:

Йе, Хунав Амӑшӗ паян пире
ҫӗнӗ чун пачӗ,
ҫылаӑхсӑр кайӑк пачӗ.
Пӗчӗккин
ырлаӑх-сывлӑхӗ пултӑр.
Ҫичӗ кунтан кулли пултӑр,
пит-куҫ тулли пултӑр.
Ҫичӗ уйӑхран утти пултӑр,
утӑн юртти пултӑр,
чӗкеҫ чӗлхи пултӑр.

Савӑра усӑ куракан символ-сӑнарсем те ҫаваш тӗнчинченех: *ҫиччӗ* тӗрӗк чӗлхиллӗ халӑхсен савӑплӑ хисепӗ, *кайӑк*, *ут*, *чӗкеҫ* сӑнарӗсем те тӑван фольклортан килнӗскерсем. Тӑван чӗлхе пирки шухӑшланӑ май поэт ӑна яланах "чӗкеҫ чӗлхи" тесе хисеплет. Илер-ха «Чӗремӗр» савӑри йӗркесене:

Пӗчӗккинче тӑван сӑмахӑмӑр
чӗкеҫ чӗлхи евӗр пултӑр,
ҫамрӑккинче тӑван сӑмахӑмӑр
хӗртнӗ хурҫӑ евӗр пултӑр,
ватӑ ҫынра тӑван сӑмахӑмӑр
ылтӑн-ахах евӗр пултӑр.

Анне, тӑван ҫӗршив, чӗлхе, ҫӗре ӑнлавсене поэт пӗр ретре ҫеҫ курать, мӗншӗн тесен вӗсем пӗри тепринсӗр пулаймаҫҫӗ. Ку, паллах, Савар Эртивана ҫеҫ тивӗслӗ шухӑш мар, ӗлӗкех пирӗн несӗлсем ҫакна аван пӗлнӗ, поэт вара ҫак ӑнланӑва ҫӗнетсе паянхи вулакан патне ҫӗнӗлле ҫитерет.

Анне сӗчӗ пек сӗтеклӗ
ачаран тӑван сӑмах.
Вӑл пуртан эпир тӗреклӗ,
пурӑнатпӑр уншӑнах.

Савӑҫ шучӗпе, «ҫаваш халӑхӗн пуласлаӑхне тӑвас ӗҫре кашнин тӗпи пулмалла... Чӑвашлаӑх ыйтӑвӗшӗн мӗнпур наци интеллигенцийӗ яваплӑ, вӑл шутран техника интеллигенцийӗ те» [2, 32 с.]. Ҫапларах вӑл Савар Эртиван саввисенче ӗкерӗннӗ паянхи Чӑваш тӗнчи.

Литература

1. Родионов В.Г. Чувашский стих: проблемы становления и развития. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. 224 с.
2. Родионов В.Г. Чӑваш пулса пурӑнни: публицистика, сӑвӑсем, интервьюсем. Шупашкар: ЧПГАИ, 2022. 36 с.
3. Савар Эртиван. Тӗрлӗ тӗрӗллӗ тӗнчем: сӑвӑсен пуххи. Шупашкар: ЧПУ изд-ви, 2007. 188 с.
4. Савар Эртиван. Тӗрӗк тӗррисем: сӑвӑсен пуххи. Шупашкар: ЧПУ изд-ви, 2007. 20 с.
5. Чекушкина Е.П. Общeturкские традиции в чувашской словесности: учебное пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2013. 144 с.

ПЕРЕПЕЛКИНА ЕЛЕНА ПЕТРОВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Я.Г. САФИУЛЛИН КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУР ПОВОЛЖЬЯ

Аннотация. Определяется вклад Я.Г. Сафиуллина в становление методологии сопоставительного исследования национальных литератур Поволжья. Рассматривается понятийно-терминологический аппарат ученого, с помощью которого им осмысливаются предельные основания бытия каждой литературы в ценностном поле мировой культуры – с одной стороны, и новые смыслы, которые рождаются в диалоге как свободном обмене художественными ценностями, – с другой.

Работы В.Г. Родионова, посвященные творческим взаимосвязям классиков татарской и чувашской литератур, позволяют сделать вывод о продуктивном диалоге, который устанавливается между ведущими учеными-литературоведами Поволжья.

Ключевые слова: национальная литература, диалог, идентичность, поволжский межлитературный контекст, Я.Г. Сафиуллин, В.Г. Родионов.

О Я.Г. Сафиуллине, основателе Казанской школы сопоставительного литературоведения, ученом-мыслителе, неповторимом лекторе, педагоге и обаятельном человеке, написано немало [см.: 1; 2; 3, с. 470–561]. Его имя стало высоко знаковым, объединяющим ученые умы, а его статьи, доклады, книги обрели статус золотого филологического фонда. Однако до сих пор не осмыслен вклад ученого в исследование национальных литератур республик Поволжья как особой «межлитературной общности».

Поволжье – самобытный регион со своей особенной национальной и культурной идентичностью, заселенный народами этнически неродственными, различающимися по языку, религии, культурно-историческим и художественно-эстетическим традициям. Однако длительное проживание русских, чувашей, татар, марийцев и других национальностей в близком соседстве, сходные пути исторического развития этих народов способствовали расширению контактных связей между ними. На современном этапе интегральные, дифференциальные и взаимодополнительные функции поволжского литературного контекста отражают как процессы национально-культурной самоидентификации, так и формирования неких универсальных смысловых структур. Об этом писали и пишут многие видные ученые Поволжья, в частности один из крупных исследователей чувашской литературы – В.Г. Родионов.

По инициативе Я.Г. Сафиуллина было проведено исследование национальных литератур Поволжья (см.: [4]), объединившее ученых этого региона общей для них проблемой национального в литературе. Судьба литератур Поволжья, в их сложных, но всегда созидательных взаимодействиях, сопоставление и сравнение творчества национальных писателей между собой, одновременно – осмысление трагических моментов в жизни народов Поволжья, – все это формировало основу для создания богатого комплекса теоретических идей казанского ученого, а также его общечеловеческой позиции, которая придавала еще большую глубину последним.

Исследуя в сопоставлении русскую и татарскую литературы по преимуществу, Я.Г. Сафиуллин в своих научных докладах и статьях не раз акцентировал внимание на *общности судьбы* тех литератур, которые исторически сложились в Поволжье. Подчеркивая духовную связь народов данного региона, ученый опирался на те определения нации, которые прозвучали в размышлениях В. Розанова и Н. Бердяева: «Нация – это судьба (призвание, миссия) того или другого народа в мире. Возлагаемая Создателем на него ответственность. Воля к самоутверждению» [5, с. 403]. В его собственных размышлениях национальная литература предстает явлением, имеющим, с одной стороны, концептуально-семиотическую природу, закрепленную в устойчивых, исторически мало изменяющихся смысловых структурах и символических формах, с другой – континуально-целостный характер: «Когда мы называем ту или другую литературу собственным именем («русская», «татарская», «чувашская» и др.), она представляет нам как самодостаточная целостность (в языке, образной системе, духовности)» [6, с. 253]. Предельные основания бытия каждой национальной литературы в ценностном поле мировой

культуры как уникального духовно-практического образования раскрываются Я.Г. Сафиуллиным с помощью понятия «идентичность», которое ученый связывает с категорией «различие» и противопоставляет словам «своеобразие», «специфика», «особенности», используемым при сравнении разных литератур: «Различие укоренено в национальной идентичности отдельно взятой литературы и демонстрирует ее уникальность» [7, с. 93].

Я.Г. Сафиуллин был убежден, что идентичность литератур реализуется в диалоге как свободном обмене художественными ценностями – идеями, образами, темами, жанрами, которые сложились в каждой из них. Этот диалог выступает необходимой основой жизни, рождает творческую энергию, создает условия для гармоничного сосуществования разных литератур в мировом культурном пространстве. По мнению ученого, «в современном мире практически не осталось “замкнутых” в себе литератур, они “открыты” друг другу, пребывают во взаимодействиях, в сосуществовании, в соперничестве. Так что понятие “национальная литература” находится на границе разных литератур; в нем и то, что разделяет их, идентифицируя каждую из них в контексте общего, и то единое, что существует или возможно между ними» [6, с. 254].

Поволжье привлекало внимание ученого прежде всего потому, что в нем исторически сложились те литературы (мордовская, удмуртская, чувашская и другие), которые функционировали не только в орбите национального языка, но и создавались на русском языке. Поволжье, с этой точки зрения – самобытный регион, демонстрирующий возможность бытования художественных произведений национальных писателей на «чужом» языке. История таких литератур, по мысли Я.Г. Сафиуллина, непредсказуема, удивительна, однако на общем, наднациональном уровне их объединяет сходная траектория движения. Она – в идеи «возвращения», в том, что «национальные литературы могут зародиться на “чужом” языке, чтобы потом перейти на свой, иметь сравнительно долгую историю на нем, однако с последующим возвращением снова на «чужой» язык, ставший к этому времени родным для большинства нации» [5, с. 411].

Согласно взглядам Я.Г. Сафиуллина, народы Поволжья объединяет между собой *проблема сохранения родного языка*. Роль языка здесь особенно значима, т.к. в истории татар, удмуртов, чувашей он выступает главным фактором, определяющим идентичность этносов. Я.Г. Сафиуллин видит в языке независимое от индивида бытие, «существующее в самом себе образование, с присущей ему энергией», которое, тем не менее, способно оказать благотворное воздействие на человека [6, с. 267]. Интересна логика размышлений исследователя. В ней – интеллектуально-диалогическое начало, которое проникает во многие его научные интенции и человеческие убеждения. Так, цитируя высказывание чувашского поэта М. Сеспеля об опасности ассимиляции родного языка в жизни его родного народа (*«Во имя чувашского языка необходимо сплотить, собрать воедино людей с сердцами, полными любви к родному народу. <...> Если не взяться всем разом, дружно за спасение родного языка, то так и жди исчезновения нашей нации с лица земли»*), Я.Г. Сафиуллин располагает рядом схожие по содержанию поэтические воззрения Г. Тукая. Известно, что татарский поэт в своем творчестве, как и М. Сеспель, говорил о непостижимой силе благодатного влияния родного языка на бытие человека (стихотворение «Туган тел» – «Родной язык») [Там же, с. 266–267]. Отметим, что сравнение татарского поэта с чувашским автором – достаточно новая интенция в размышлениях Я.Г. Сафиуллина, которая стала заметной в его трудах в самом начале XXI века.

Идеи Я.Г. Сафиуллина связаны с научными исканиями современных литературоведов поволжского региона. Так, размышления казанского ученого о художественном своеобразии литератур Поволжья пересекаются с идеями, высказанными В.Г. Родионовым в статье, посвященной межлитературному диалогу татарского и чувашского народов: «На фоне общих экономических и социально-политических процессов сложились уникальные национальные культуры, в том числе и художественные литературы. Они никого не догоняли и ни от кого не отставали, но постоянно вели с “другими” диалогические отношения, прежде всего типологического характера» [8, с. 75].

Оба исследователя говорят о равноправии литератур и культур. Для Ямиля Галимовича не было литератур ведущих и ведомых, он в своих работах не соизмерял национальные лите-

ратуры по их вкладу в сокровищницу мировой культуры. Такие же идеи мы находим и в исследованиях В.Г. Родионова. Если Я.Г. Сафиуллин проводил параллели между отдельными представителями татарской и чувашской лирики, то в статье Родионова идет сравнение чувашского и татарского поэтов (он обращался к поэзии Г. Тукая): «С 1908 г. татарский поэт все выше и выше ставит народную поэзию, глазами народных певцов и сказителей, простого люда своей родной земли он критикует татарских «сеннобазарцев» языком едкой сатиры и критического реализма. По такому пути шла и чувашская поэзия» [8, с. 75].

Исследователь чувашской словесности отмечает, что общие внешние факторы, которые оказали на татарскую и чувашскую литературы одинаковое воздействие, способствовали образованию в области их поэтики больше несходств и различий, чем аналогий и параллелей. В сходном русле вел свои рассуждения Ямиль Галимович. Он отмечал, что литературы «открыты» друг другу, они могут взаимодействовать, сосуществовать, соперничать. Татарская, чувашская, марийская, русская литературы выступают как уникальные самодостаточные единицы. В результате их *со-поставления* мы можем воспроизвести разнообразие национальных литератур, найти индивидуальное в видении мира представителями каждого народа. Виталий Григорьевич пишет о двух типах диалогических отношений между чувашской и татарской литературами: противопоставляющем диалоге и типологическом диалоге.

В Поволжье сформировалась плеяда талантливых русскоязычных авторов, представляющих феномен русскоязычной литературы: Р. Кутуй, Г. Айги, Р. Бухараев. Их творчество ценно и значимо для истории поволжского народа, т.к. «писатель, создающий свои произведения на русском языке, может содействовать <...> утверждению и эволюции своей нации в мире других», – считает Я.Г. Сафиуллин [5, с. 422]. Именно в таком ракурсе восприятия русскоязычной литературы ученый-компаративист рассматривал творчество чувашского поэта-модерниста Г. Айги. В его поэзии, – пишет Я.Г. Сафиуллин, – «признаки *чувашского народно-го сознания* в его языческих истоках, в котором, как в своего рода эфире, пребывают его поэтические образы» [Там же]. По мнению Я.Г. Сафиуллина, русскоязычная литература народов Поволжья заняла свое достойное место среди многих других российских литератур. И, как правило, утратив способность идентифицировать себя с этносом по языку творческого самовыражения, русскоязычные авторы нашли другие пути отождествления себя с родной этнокультурной традицией: через переводы произведений родной литературы, обращение к мотивам и образам народной поэзии и творчества классиков национальной литературы.

Идеи Ямиля Галимовича создают благотворную почву для тесного научного диалога его учеников и продолжателей идей ученого. Он взрастил любовь к художественному слову и умение не подчиняться стереотипным научным суждениям, которых, к сожалению, немало, а находить свой путь в науке. Всей своей многогранной деятельностью Я.Г. Сафиуллин формировал новый высокий тип научной культуры, которая во многом определяет развитие теоретического литературоведения не только в Казани, но и в Поволжье и значение которой с течением времени раскрывается все полнее и глубже.

Литература

1. Аминова В.Р., Хабибуллина А.З. Из истории и теории казанской школы сопоставительного литературоведения // Национальные литературы в контексте культурной интеграции: сб. ст. Междунар. круглого стола (9 июня 2021 г., г. Казань). Вып. 3 / сост.: Л.Р. Надыршина, Ф.Х. Миннулина. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2021. С. 23–30.
2. Аминова В.Р., Нагуманова Э.Ф. Понятие «национальная литература» в трудах Я.Г. Сафиуллина // Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика: I Международный научно-практический семинар (Казань, 2-3 декабря 2021 г.): сб. материалов / сост.: Ф.Г. Файзуллина, Г.А. Хуснутдинова, Э.М. Галимзянова. Казань: ИЯЛИ, 2021. С. 211–215.
3. Сафиуллин Я.Г. От романтизма к сопоставлению литератур / Я.Г. Сафиуллин; науч. ред. М.И. Ибрагимов; сост.: В.Р. Аминова, Э.Ф. Нагуманова, А.З. Хабибуллина. Казань, 2021. 576 с.: 20 л. ил.
4. Национальные литературы республик Поволжья (1980–2010 гг.): коллективная монография / науч. ред. В.Р. Аминова. Барнаул: ИГ «Си-пресс», 2012. 234 с.
5. Сафиуллин Я.Г. «Национальная литература», «Русскоязычная литература». Что значат эти словосочетания? Диалог писателя с филологом // Сафиуллин Я.Г. От романтизма к сопоставлению литератур /

Я.Г. Сафиуллин; науч. ред. М.И. Ибрагимов; сост.: В.Р. Аминева, Э.Ф. Нагуманова, А.З. Хабибуллина. Казань, 2021. С. 401–424.

6. Сафиуллин Я.Г. Понятие «Национальная литература»: метаморфозы содержания // Сафиуллин Я.Г. От романтизма к сопоставлению литератур / Я.Г. Сафиуллин, науч. ред. М.И. Ибрагимов; сост.: В.Р. Аминева, Э.Ф. Нагуманова, А.З. Хабибуллина. Казань, 2021. С. 252–279.

7. Сафиуллин Я.Г. О межлитературном диалоге // Проблемы сравнительного и сопоставительного литературоведения Поволжья: сб. науч. ст. Чебоксары, 2010. С. 92–95.

8. Родионов В. Г. Межлитературный диалог татарского и чувашского народов (вторая половина XIX – начало XX века) // Tatarica. № 4. 2015. Казань. С. 67–76.

АМИНЕВА ВЕНЕРА РУДАЛЕВНА – доктор филологических наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Республика Татарстан; ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук.

ХАБИБУЛЛИНА АЛСУ ЗАРИФОВНА – кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Республика Татарстан.

НАГУМАНОВА ЭЛЬВИРА ФИРДАВИЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Республика Татарстан.

Т.И. ЗАЙЦЕВА, О.М. МАКСИМОВА

ЖАНР ОЧЕРКА В ТВОРЧЕСТВЕ УДМУРТСКОГО ПРОЗАИКА М. ВОРОНЦОВА

Аннотация. Рассматриваются особенности эволюции очерка в удмуртской послевоенной прозе; специфика содержательных и структурных изменений жанра изучается на примере публицистики Михаила Сидоровича Воронцова (1914–1963). Материалом для исследования явились его очерки, включенные в книги «Гуртэ тулыс вуиз» («Весна пришла в деревню», 1959) и «Меч гурезе» («В крутую гору», 1963).

Ключевые слова: удмуртская послевоенная литература, очерк, тема, жанр.

Наиболее слабоизученным этапом в истории удмуртской литературы XX века остается послевоенный период ее развития. Недостаточная освещенность литературной жизни Удмуртии послевоенного десятилетия во многом связана с нашими скромными познаниями о творческих индивидуальностях авторов, работавших в те годы. Между тем, история литературы состоит и формируется из изучения биографии и художественных миров конкретных писателей, выстраивания литературной иерархии и соответствующей системы координат, что ведет, в конечном итоге, к литературному канону.

Удмуртская литература послевоенных лет, как целостное художественное явление, вызревала в жанре очерка. Важное значение в национальном литературном процессе той эпохи имеет публицистика М. Воронцова. Именно в его послевоенной публицистике сформировались основные жанровые признаки удмуртского очерка, свойственные ему до настоящего времени. К сожалению, творчество одного из интереснейших удмуртских журналистов, в публицистике которого значительное место занимают очерк, набросок и зарисовка, находясь вне сферы внимания литературоведов, до сих пор остается практически не изученным. Оно не включено в вузовские и школьные учебники и учебные пособия, а разрозненные критические заметки о его отдельных произведениях написаны еще в «шестидесятые» годы прошлого столетия (см.: [3, 5]). Весьма односторонне представлен этот автор и в библиографическом справочнике «Писатели и литературоведы Удмуртии» [4]. В контексте сказанного следует отметить, что само знакомство с произведениями М. Воронцова связано с немалыми трудностями, так как их большая часть опубликована на страницах журналов и газет той эпохи, а книги его изданы малыми тиражами, найти которые сегодня очень сложно.

Очеркистика М. Воронцова – это наглядный пример накопления национальной прозой опыта постижения образа человека труда. Важно заметить, что особенно непростыми для литературы оказались первые послевоенные месяцы, поскольку новая реальность требовала от писателей быстрой перестройки тематики, содержания, структуры художественного текста. Прежде всего, положительное в деятельности удмуртской публицистики 1945–1955-х гг. связано с ее умением направить усилия народа на восстановление разрушенного войной хозяйства. Фактором литературно-общественной жизни конца «сороковых» стали очерки М. Воронцова, раскрывающие на сельском материале трудовой героизм простых крестьян. Надо сказать, что послужившие в этой статье материалом для исследования очерки М. Воронцова, вначале печатались на страницах республиканских газет «Советской Удмуртия» и «Удмуртиись комсомолец», журнала «Молот», альманаха «Кизили». Впоследствии они вошли в книги «Гуртэ тулыс вуиз» и «Меч гурезе», указанные в аннотации к статье.

Одной из черт очеркистики М. Воронцова, обращенной к актуализации народно-хозяйственных проблем современности, стало то, что вместе с разговором об устранении негативных явлений в жизни колхозного производства, автор заострил внимание на вопросах сохранения народных ценностей и национальных традиций. Хотя, надо заметить, далеко не все его очерки выдерживают жанровые каноны публицистики. Они более соответствуют жанру небольшой зарисовки, предшествующей формированию послевоенного очерка.

Обратимся к разбору очерков сборника «Гуртэ тулыс вуиз». Заслуга писателя – в стремлении изображать факты и события местной деревенской жизни в экономических, общественных, политических связях с общими реалиями страны. Персонаж очерков М. Воронцова воплощает авторскую позицию. К примеру, крестьянки, почувствовавшие радость свободного коллективного труда с появлением в деревне ясель и садика («Анайес бусые мыно» – «Матери выходят в поле»); деревенский кузнец-левша, на все руки мастер, одновременно плотник и обувщик Василий Андреевич Главатских («Портрет»); трактористы-новаторы, горячие общественники, братья Демьян и Евгений Пономаревы («Выньес» – «Братья»); молодой председатель колхоза «Киров» Балезинского района Валиулла Касимов и опытный агроном Агния Емельянова («Чупчи шур дурын» – «На берегу реки Чепцы»); совсем юная трактористка Женя Власова («Нырысь вамыш» – «Первый шаг»). Отличительная особенность названных очерков М. Воронцова – в трудовых буднях обнаруживать повсеместное наступление нового. Автор стремится рассказать читателю о положительном опыте труда конкретных людей без излишней «парадности».

В рецензии на книгу «Гуртэ тулыс вуиз» вступающий тогда в литературу маститый прозаик-публицист С. Самсонов пишет: «Солэн (М. Воронцовлэн – Т. З., О. М.) син шораз котьку но нырысь ик йотэ ужась адыми»* [5, с. 47]. («Он (М. Воронцов – Т. З., О. М.) сразу может выделить из множества главные черты характера человека-труженика»). Делает же воронцовские образы интересными для современного читателя такое свойство их характера, как самоотверженность.

Говоря о структурной специфике очерков М. Воронцова, следует обратить внимание на построение их композиции, сюжета. Показательны в этом отношении очерки «Братья» и «На берегу реки Чепцы». Ведущие герои очерков – председатель сельхозартеля «Выли Парзи» («Верхние Парзи») Илья Плехов, в первом случае, и председатель колхоза «Киров» Балезинского района республики Валиулла Касимов, во втором произведении. Оба героя хорошо понимают, что для успешного развития хозяйства нужна современная сельхозтехника и высококвалифицированная молодежь. Автор оттеняет такой момент трудового процесса послевоенного периода, как «перековка» крестьянина.

«Чупчи шур дурын» отличается основательностью и правдивостью материала. Валиулла Касимов борется с практикой планирования, спускаемой сверху без учета местных обстоятельств. Нежелание властей считаться с людьми и с конкретной ситуацией мешает продвиже-

* Здесь и далее, где не указан переводчик, удмуртский текст приводится в дословном переводе авторов статьи. – Т. З., О. М.

нию «Колхоза имени Кирова» вперед. После войны, считает автор, страна должна справиться не только с производственно-экономическими разрушениями, но и избавиться от неверных методов хозяйствования на селе. Идеи председателя помогает внедрить в жизнь хорошо известный в те годы в республике агроном Агния Георгиевна Емельянова. Образ подлинной героини олицетворяет тенденцию становления нового поколения экономических кадров из простой деревенской молодежи. Разбуженные силы трудовых низов становятся реальной силой, налаживающей на селе современное производство. Писателю удалось передать заинтересованность людей послевоенных лет в достижении высоких результатов общего труда.

Очерки М. Воронцова так или иначе «выполняли» роль художественной формы агитации за модернизацию колхозной системы. Если подходить без исторического учета специфики жанра очерка, можно подвергнуть воронцовскую публицистику критике. Но его произведения привлекательны постановкой актуальных производственных и общественных вопросов, близких читателю той эпохи. К примеру, критика формальных отчетов. Увлекательны авторские публицистические отступления о преодолении жизненных трудностей, о стойкости духа рядового человека, включающие в себя не только рациональную, но и эстетическую силу воздействия. Динамично освещенные в авторских отступлениях картины народной жизни, дают возможность ощутить энтузиазм трудового коллектива послевоенных лет, поучительный пример которого имеет для нас серьезный смысл.

Особо интересен для современного читателя язык очерков М. Воронцова, отражающий богатство речи рядового человека. Публицист умело использует самобытные народные обороты и выражения, примеры которых приводятся здесь и на языке оригинала: «Оскон – со усто маке, сотэк уг луы, нош асьме ужын, зеч тырштыэк, оскон коже гинэ нянь уг лыкты» [1, с. 99]. («Вера – это хорошо, без нее нельзя, но только без усилий и труда на одной вере хлеба не вырастишь»); «Уть, пинал ке но, тынад синмыд лэчыт ни» [1, с. 109]. («Ты смотри-ка, молода, а глаз – острый»). Встречается немало выразительных и живых сравнений: «Корт кисэ кадь кырмиз со милесьтым киосмес. Кимышказ лызмыт вирсэръесыз писпулэн пуниськем выжьюсыз кадь адзисько: ужась киос» [1, с. 91]. («Как железными тисками пожал он наши руки. На тыльной стороне руки синие кровеносные сосуды словно переплетенные корни деревьев: руки трудяги») и др. Очерк не только прокладывал пути художественного освоения новой действительности, но как литературный жанр одним из первых вырабатывал образное отношение удмуртской прозы к окружающему миру, обогащая язык информативно насыщенного публицистического текста.

Интересна с точки зрения формирования очерковой поэтики в удмуртской прозе «пятидесятых» и другая книга М. Воронцова «Меч гурезе». На этот раз крупным планом даны образы женщин-современниц, изображен путь возвышения рядовой удмуртской женщины до активного участника строительства новой жизни в республике и стране. «Ошмес син» («Глаз родника») свидетельствует, что удмуртский очерк от описания отдельного факта поднимается на более высокую ступень художественного анализа производственной коллизии. Две пионерки, Люся Наговицына и Нина Щуклина, по собственному почину налаживают в деревне подростковое движение помощи для взрослых. Начинания девочек автор сравнивает с родниковым источником: «Гурезь выжыын позись ошмес син, суй пырыосты каллен бугыртыса, дыртытэк азьянь бызе, выль эшьесыныз пумиське, соосты сьораз нуэ. Собрере учкиськод но – тини, нырысь кынартэм, векчи суй пырыосты гинэ лопкытыны быгатись ошмес синэд ваньзэ жутись, ваньзэ бергатись бадзым кужымлы порме» [2, с. 43]. («Родниковый источник, что бьется у подножия горы, неторопливо бежит вперед, разрыхляя твердый грунт, затем встречается с новыми друзьями и ведет их за собой. Потом глядишь – и слабенький, омывающий лишь мелкие крупинки земли родниковый источник превращается во всемогущую силу, способную все перевернуть»). Произведение демонстрирует образную логику изложения фактов, где автор применяет ассоциативные связи. Это говорит о том, что удмуртскую публицистику уже не удовлетворяет простое описание передового опыта современника, литература стремится выйти на обобщения, используя искусство детали или символа.

Художественность изложения материала в ряде очерков М. Воронцова начинает определять выбор героя. Автор одним из первых в удмуртской очеркистике послевоенных лет обращается к изображению образов людей, занятых творческим трудом. Очерк «Соослы калык чабе» («Им аплодирует народ») рассказывает о непростой жизни самодеятельного коллектива колхозного клуба одного из сел Балезинского района Удмуртии. Рядовая работница литейно-механического завода Алевтина Перевозчикова становится ведущей солисткой премьеры сюиты «Балезино станциын пумиськон» («Встреча на станции Балезино»), поставленной на сцене районного дома культуры. Расширяя и углубляя тематику труда, стремясь к более разностороннему освещению фактов и событий, М. Воронцов, вместе с тем, начинает более глубоко передавать сложность человеческих чувств и настроений. Этот очерк отражает тенденции художественных поисков удмуртской публицистики, связанные с жанровой циклизацией. Циклы очерков М. Воронцова «Меч гурезе» («В крутую гору»), «Соослы калык чабе» («Им аплодирует народ») и «Улонэ вамышто пичиос» («В жизнь входят дети») представляют собой соединение исследовательски-публицистического материала с беллетристическим. Хотя абсолютно органичного взаимодействия публицистического и беллетристического начал в этих циклах не получилось, само их наличие показывает, что очерк в удмуртской литературе обратился к изучению сложных процессов, происходящих как в производственной сфере, так и в мироощущении отдельного человека.

В публицистике М. Воронцова преобладает такая разновидность жанра как проблемный очерк, который точнее назвать проблемно-портретным. Основными элементами воронцовской поэтики являются актуальность материала, фактографичность, описательность, выраженное авторское присутствие. Несмотря на то, что многие его очерки документальны, основаны на реальных фактах, он создает, прежде всего, представление о типе человека той эпохи путем обобщения сходных черт людей и явлений действительности. Достижения этого вида очерка связаны с тем, что писатель направляет свои усилия на анализ, изучение, выявление особенностей народной жизни в новых исторических условиях, стремится оказать прямое влияние на развитие процессов мирной жизни. Изучение творческого наследия М. Воронцова дает возможность расширить существующие в современном литературоведении представления об истории удмуртской литературы послевоенного периода. Статья является лишь подступом, закладывающим основы для исследования общей концепции творчества писателя, его идейных и эстетических установок.

Литература

1. Воронцов М.С. Гуртэ тулыс вуиз: Веросьес но очеркъес. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1959. 119 б.
2. Воронцов М.С. Меч гурезе: Очеркъес. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1963. 60 б.
3. Ермаков Ф.К. Удмурт литература война бере дас ар куспын (1945–1955) // Удмурт литература. Ижевск: Удмуртия, 1966. С. 232–243.
4. Писатели и литературоведы Удмуртии: Биобиблиографический справочник / сост. А.Н. Уваров. Ижевск: Ассоциация «Научная книга», 2006. Изд. 2-е, расшир. и доп. 220 с.
5. Самсонов С. Виль тулыс, виль адымиос // Молот. 1960. № 5. С. 45–47.

ЗАЙЦЕВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА – доктор филологических наук, профессор Удмуртского государственного университета, г. Ижевск, Удмуртская Республика.

МАКСИМОВА ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА – кандидат филологических наук, доцент Удмуртского государственного университета, г. Ижевск, Удмуртская Республика.

**НИКИТА ПИЧУРИНСКИН ВИСЁ СЌВВИ
ТАТА ЧЌВАШ ПОЭЗИЙЁНЧИ ОДА ЖАНРЁ**

**ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ НИКИТЫ ПИЧУРИНСКОГО
И ЖАНР ОДЫ В ЧУВАШСКОЙ ПОЭЗИИ**

Аннотация. Статья посвящена проблеме сложения в чувашской письменной поэзии XVIII в. жанра оды. В книге «Торжество Казанской семинарии, приносящей [...] Амвросию, архиепископу Казанскому и Свияжскому [...]» (М., 1795) опубликованы оды семинаристов, в том числе две оды (на русском и древнегреческом) подписаны: «Никита Пичуринский». Доказывается, что тому же автору принадлежит и третья ода, сочиненная на чувашском языке. Последняя полностью отражает метrorитмические и поэтико-стилистические, а также диалектные особенности автора, в первой половине известного как монаха-востоковеда отца Иакинфа (Н.Я. Бичурина). Данное произведение является самым первым образцом чувашской оды, написанной на основе силлабо-тонической метрики. Оно сочинено четырехстопным ямбом, полностью отражает теоретические выкладки М.В. Ломоносова в области русского стиха.

Ключевые слова: силлабика, авторство, Просвещение, космическое сознание.

Н.Я. Бичуринан ырас пултарулахё чи малтан поэзире паларна. 1795 ылта вал «Н. Пичуринский» хушма ятпа ырасла «Сон» («Тёлёк») тата авалхи грекла «Юра» одасем хайлать, саван пекех чавашла мухтав савви те ырать. Вёсене самрак савас хайён вёрентекенне Амвросий епископа халалланя [1, с. 24–28, 334]. Шел пулин те, тепчевсё пурнасне ыраса катартна ёссенче юлашки факт пирки темле салтава пула пелтермен [2, с. 135].

Малтанхи чавашла одасене XVIII ёмерён 60-меш ылёсенчех хайланя пулна. Хусан семинарийёнче Кийу тен академийён традицийёсене малалла тасни палла. Сакна унта поэтикапа риторикана вёрентнинчен те лайах куранать. Тан сыпакля, силлабикалла сав ырас ёсе крешён шкулёсенче те ханхтарна.

Тан сыпакля сав ырас традици Рацейре Кийу академийёнчен килсе анлан сарална терёмёр (ку ытупа тепленрех пахар: [4, с. 75–80, 94–110]). Вал савя кулепи сутлах идеясене пула Польшара йеркеленне пулна. Сав саван йеркисем нумай сыпакля, самахёсем эрешле, йерке вёсёсем састашла. Савассем вёсене сыпаксенчи самах пусамёсене шута илсе мар, сыпак хисепне тепе хурса (тан сыпакля савя) хайланя. Тухас Европран килне савя хывам (стихосложение) никёсё синче чи малтан мухтав саввисем, урахла каласан, одасем хайланя. Сак йерке М.В. Ломоносов уярна «сёкленуллё стиль» (высокий стиль) тата «сёкленусёр стиль» (низкий стиль) тексёсене пер-перинчен уярса ушканлама май туса паня. Ансатрах каласассан, текстсене висё стиле уярни самахла культурана сёне жанрсемпе пуянлатна.

Стильпе жанр пер-перинпе тача сыханни палла ёнтё. Хамаран ырулла самахлахамара эфир сак куспа сахалтарах пахса тишкерне-ха. XVIII ёмере илсесён, кунта чи малтан сёкленуллё стиль жанресем йеркеленсе ситнине палартмалла. Хусанти малоруссен тарашулахне пула 1767 ылта чавашла перремеш савя хайланать, ая ода жанрепе ырна. Акя уян хальхи орфографине паханса ырна йеркисем:

Пелместпер эфир, темён парас парне,
Сана, чипер патша, пурямаран Анне,
Юратнашан пире. Пелместепер хальччен
Турра, хашё ылте; пелсен ытах чечен,
Памалах саваншан ним сук – чун анчах,
Парне ырынне пултар вал та, эппин, санах.

Саван кашни йеркинче вун икшер сыпак, вёсене сурмаран сикчепе (цезурапа) уярса тухна: 6+6. Йеркисем машарла ар састашпа (парные мужские рифмы) вёсленесё: парне – анне, хальччен – чечен, анчах – санах.

Кунта хальлѣхе ҫекленӱллѣ стиль ҫирӗплене ҫитни курӑнмасть-ха. Сӑвӑ одӑран ытларах ҫаваш сӑмахлӑхӗнчи кӗлӗ сӑмахӗсене аса илтерет. Ҫав хушӑрах «чипер патша» «пурӑмӑрӑн Анне», «пӗлсен ытах чечен» тенисем сӑвва кӗлӗ сӑмахӗсенчен уйӑрарах тӑраҫҫӗ, урӑх сӗм кӗртеҫҫӗ. Сӑвва оратор ӑсталӑхӗпе калани, риторика мелӗсемпе ӑнӑҫлӑ усӑ курни ӑна одӑн кӱлепине тул енчен те пулсан кӗртсе ҫитернех теме юрать.

Хӑшӗ-пӗри сӑвва Е. Рожанский ҫырӑнӑ пулӗ тет. Сӑвӑҫ урӑх ҫын пулнине тӗрлӗ фактсемпе ӗнертерме май пур. Чи малтан сӑвӑ ҫыраканӗн калаҫӑвӗ «анне» сӑмах сарӑнӑ тӑрӑхпа ҫыхӑннине аса илмелле. Ҫав сӑмаха «ання» тесе ҫырни (капла форма нӑхӑш калаҫура та тӗл пулмасть) ыттисене те «парне», «пире», «темӗн» тесе вуламалли ҫинчен калать. Е. Рожанский вара Хӗрлӗ Чутай калаҫӑвне тӗпе хурса ҫырни паллӑ. Хальлӑхе ҫакна каласа хӑварӑпӑр: сӑвва Хусанти крешӗн шкулӗнче ҫаваш куҫаруҫисен ушкӑнне ертсе пыраканӗ хайлама пултарнӑ. 40-мӗш ҫулсенче ҫав ӗҫре Иван Михайлов ҫаваш пулни паллӑ. 1767 ҫулта ку ырӑнта кам ӗҫленине пӗлни автор ыйтӑвне татса пама пулӑшнӑ пулӗччӗ. Кирек кам ҫырӑнӑ пулсан та, унӑн ӗҫӗ питех те пӗлтерӗшли пачах та иккӗленӱсӗр. Ҫаваш ҫыруллӑ сӑмахлӑхӗнче ҫекленӱллӗ стиль тума пулӑшакан мухтав сӑввисенчен чи малтанхи хайланнӑ тесе калама май килни хӑех историлле пулӑм!

Ку одӑри автор ӑнӗ ушкӑнла ӑнпа ҫеҫ мар, этнос ӑнӗпе те тачӑ ҫыхӑннӑ. «Эпир» текеннисем – вӗренекек ҫаваш ачисем. Вӗсем малтан ҫӱлти Турра та пӗлмен иккен, халӗ пӗлӗсҫӗ, ҫав хушӑрах ҫавӑншӑн «чипер патшана» тав тума вӗсен мулӗ ҫук. Юрать чунӗ (ыра кӑмӑлӗ) пур ҫав вӗренекексен, ҫавна вӗсем патшана парне ырӑнне параҫҫӗ иккен. «Пирӗн мул ҫук, чун анчах пур» текен шухӑш чылай мухтав сӑввисемпе сӑмахӗсене йӗркелеме пулӑшнӑ. Кунта хӑйне евӗрлӗ сӑмах формули, клише ҫирӗплене ларнӑ тесе калама та май пур.

XVIII ӗмӗр вӗҫнелле асӑннӑ жанр литературӑмӑрта чылаях вӑй илет. Чи малтанах одӑна малтанхи классикӑлла силлабикӑпа мар, тӑватӑ картлӑ (стопаллӑ) ямбпа ҫырнине палӑртмалла. Ҫак традицие ырӑс поэзийӗнче М.В. Ломоносов никӗслени паллӑ. Одӑра вӑл е ку ҫынна мухтаса, унӑн ыра ӗҫсене ҫырса кӑтартмалла пулнӑ. Никита Пичуринский «Тӗлӗк» оди вара ҫак традицилле меле пӑхӑнсах каймасть. Автор унта ытларах ҫутҫанталӑк ӱкерсе кӑтартнӑ, илӗртекен сюжетпа усӑ курнӑ, ҫавна май вӑл чӗрӗ те сӑнарлӑ, поэмӑна ҫывӑх хайлав пулса тухнӑ:

Ҫухалчӗ ҫӑп-ҫӑпар илемӗ
Хусанӑн шывӗ хӗрринче.
Черчен кӗрен чечек хӗлхемӗ
Ҫук ӗнтӗ йӗплӗ хул ҫинче.
Мӗнпурӗ улшӑнать, шанать,
Уй-хир те ӗнтӗ пушанать.
Епле-ха ҫӑтмахри тӗнче
Кунти пӗлӱлӗх садӗнче?
Яланлӑх илемрен юсмасӑр
Ем-ешӗл лавр ларнӑ пек,
Кунта хӗле-мӗне пӑхмасӑр,
Чечек ӱсет йӑранӗпех.
Ҫӱрет яш-кӗрӗм савӑнса,
Музӑсемпе хавхаланса:
Чечек кӑшӑлӗсем явать,
Ӑраскалне юрра хывать... (Г. Юмарт куҫарӑвӗ).

Малалла лирика харкамҫи Ватӑ ҫынпа («Старец») тӗл пулать, ун хыҫҫӑн хӑюллӑн утать:
Ват ҫын ҫул кӑтартса пыруҫӑн
Эп ҫитрӗм сулхӑн катана.
Илемлӗ ырӑн, шывӗ уҫӑ.
Вӑр-вар тӗл пулмӑн эс ӑна.
Ем-ешӗл ту тӑрри тӗмсем,

Сап-сар чечеклӗ айла́мсем,
Йӑлтах тӑрать ҫӗклентерсе,
Кӑмӑла́ма илентерсе.

«Тӗлӗк» одӑн малтанхи йӑркисенчех ҫаврӑнса тӑракан ҫут ҫанталӑк таппи, унти таврӑнуллӑ вӑхӑт (*цикличное время*) сисӗнет: кун ҫӑрпе ылмашать, хӗвел – уйӑхпа, ҫу вара – сивӗ хӗлпе. Ку вӑл космос ӑнӗ. Малалла лирика харкамҫи ҫын йышӑннӑ (урӑхлатнӑ) тавралӑха курать: ҫанталӑкӑн кирек хӑш вӑхӑтӗнче те ешерекен пахча. Кунти вӑхӑт ҫут ҫанталӑкринчен урӑхрах, вӑл таврӑнмасть, малаллах шӑвать (тахҫан-тӑр вӑл пуҫланнӑ, хӑҫан та пулсан вӑл вӗҫленет, эппин, вӑл пуҫла-вӗҫлӗ вӑхӑт, вырӑсла ӑна *линейное время* теҫҫӗ). Ҫапларах европӑлла ӑнлав христиансемшӗн ютӑ талккӑшпа ҫураҫӑнма пултарнӑ. Ҫакна пахча варринче вӑрманла ҫӑрт пур тенинчен курма пулать. Европа ҫыннисемшӗн вӑрманпа ҫӑрт – усал вӑйсен вырӑнӗ, кунта вара ҫав вырӑна чи сӑвапли пек кӑтартнӑ.

«Тӗлӗк» одӑра сӑнара ансӑрлатса пыни (ешерекен пахча – ҫӑрт – сӑваплӑ ҫурт) тата ҫынна ҫут ҫанталӑкпа танлаштарни (пӗр енчен, ҫутӑ ҫанталӑкпа ҫын улаштарнӑ тавралӑха, тепӗр енчен, ешерекен пахчапа чечекленекен Хусан семинарине) пӗтӗмпех ҫӑвашсен илемлӗхӗ-поэтикӑлла шухӑшлавӗнчен тухса тӑраҫҫӗ. Сӑваҫ кунта тӗнчен нациллӗ сӑнарне тума пултарнӑ.

Мухтав сӑввинчи автор ӑнӗ космос ӑнӗпе тӑр килет. Космос ӑнне ҫавӑн пек уҫӑмлӑн та илемлӗн кӑтартни ҫӑваш ҫыруллӑ сӑмах культуринче унчен пулман темелле. Ҫавӑн пекех лирика харкамҫине пайӑррӑн сӑнлани те, унӑн ӑшӗнчи туйӑмсене уҫҫӑн палӑртни те ҫенӗ пулнӑ ҫав вӑхӑтшӑн. Кунта ҫав ҫулсенчи ҫӑвашла ҫырдӑ текстсенче тӑтӑшах тӗл пулакан «ыйту-хурав» моделӗ пурри сисӗнет [4, с. 82], лирика харкамҫи Ватӑ ҫынпа калаҫать, унӑн сӑмахне итлет.

Никита Пичуринский портрет, ӑкерчӗк ӑсти пулни унӑн каярах ҫырдӑ очеркӗсенче те тӑтӑшах курӑнать. Сӑваҫ фантазийӗпе унӑн сӑнар тытӑмӗ пире ҫийӗнчех ҫупӑрласа илет, илемлӗх тӗнчине илӗртсе кӗрет. Ҫул ҫӑревҫӗн вичкӗн куҫӗ, вӑл сӑнарла ӑкерчӗк тума пӗлни, детальсене тӗплӗ кӑтартни Шӗнерпуҫӗнчен ӑс пухма пынӑ семинарҫӑн ачаранах аталаннӑ тесе шутламалла. Палла ӗнтӗ, ҫав ӑсталӑх, хӑй евӗрлӗх ҫӑваш психологийӗпе тӗнче курӑмне питех те ҫывӑх. Урӑхла каласан, ҫӑваш ялӗнчи ҫӑваш пурнӑҫне лайӑх пӗлекен ҫын куҫӗ вӑл.

Авалхи грекча ҫырдӑ «Юрӑ» ода ку тӗлӗшрен традициллех пулса тухнӑ. Анчах сӑваҫ кунта та ӑнӑҫла форма тупма пултарнӑ: сюжета вӑл лирика харкамҫи музӑсемпе калаҫнӑ евӗр йӑркеленӗ. Музӑсем пастыре «Аслӑласа юр юрлаҫ, / Ылтӑн пуҫ кӑшӑлӗсем / Яврӗҫ вӗсем ун валли».

Ҫӑвашла ҫырдӑ сӑвви унӑн чи кӗски, вӑл икӗ ҫавраран кӑна тӑрать:

Паян эфир айла тайнатпӑр,
Порӗ пӗрле х(ӗ)пӗрпе калатпӑр.
Паян эфир ытах савнатпӑр
Пӑрсе ҫоратнӑ санӑн кон.
Тав, агте, пире в(ӗ)рентнишӗн,
Рехмет сана х(ӑ)вормоннишӗн.
Ватӑличчен телейлӑ пол,
Нумай ҫол порниччен сыв пол.

Кунта сӑвва 1989 ҫулта «Революцичченхи ҫӑваш литератури» ятпа тухнӑ кӗнекеринчен урӑхларах реконструкциленӗ. Чи малтанах пиллӗкмӗш йӑркене кӑларса пӑрахнине палӑртмалла. Ӑна, тимлӗнрех пӑхсан, кайран хушса хуни курӑнать. Пӗрремӗшӗнчен, ҫав йӑрке сӑввӑн ҫеммине пӑхӑнман прозӑлла шухӑш йӑрки кӑна пулни иккӗленӑҫӗр. Иккӗмӗшӗнчен, ҫав сӑмахсене тури диалектпа калаҫакан ҫын хушса хуни (кунта «атия», тепӗр йӑркинчех «атте» тӗл пулать) палла. Ҫав ытлашши йӑркене кӑларса пӑрахсан сӑва ҫылай яклать, икӗ ҫавралла хайлав пулса тӑрать. Ахӑртнех, сӑвва ҫырдӑ хыҫҫӑн унӑн вырӑсла вариантне хайланӑ, ҫавна май редактор тепӗр шухӑш тӗрки хушса хума йышӑннӑ-тӑр.

Ҫав сӑва классикӑлла мухтав сӑввисенчен ытларах ҫӑваш пилӗсене аса илтерет. Вӑл вӑхӑтри одӑсенче тӗп вырӑнта мухтав-чыслав сӗмӗ пулнӑ пулсан, кунта вара малта пилри пек ыра сунӑм тӑрать. Вырӑс поэзийӗнчи ҫӗкленӑллӗ стильпе ҫыхӑннӑ жанр ҫӑваш поэзийӗнчи пи-

ле сывах сёне жанр йёркелеме пулашть. Сака вал ике стиль теорийе вал вахатри чаваш литература чёлхишён юта пулнинчен те, сырулла поэзи жанресе халэх самахлахён жанресе паханса йёркеленнинчен те килнэ-тёр.

Кёнекере суререх илсе катартна савван авторне катартман пулсан та, эфир ана хайлаканё Никита Пичуринских тесе шутлатпяр. Сапла калама хистекен салтавсем саксем. Пёрремёшенчен, сав Амвросий юбилейё ячепе чавашран тухна семинарист вырасла тата авалхи грекла хайлани палла. Саван пекех вал чавашла саввине те хәех сырма пултарна. Сака унан поэзири пултарулахне, вал төрлө чөлхесене аван пёлнине (чаваш чөлхине семинарире вёрентнэ) ытларах катартни кана пулеччө. Самрак Никита вара хайён кумирён умёнче сакна тумасяр юлма пултарайман. Амвросий хай те чавашла сырна ёсене хисепленё, 1800 султа тухна пёрремёш чавашла кёнекене вал хайён укcipe каларна.

Иккёмёшенчен, чавашла сырна сав хайён кўлепи енчен те, стиль телёшенчен те «Н. Пичуринский» одисемпе пёрешкел. Шухашпа сыру мелёнчи пёрпеклөхсем ытларах авалхи грекла тата чавашла сырнисенче паларащө. Чавашла саввине машяр састашпа калапланя, малтанхи йёркисенче те тахяршар сыпак. Сав савя виши «Тёлөк» оданнипе пёрешкел. Чавашлинче савя вишине сирёпех тытса пырайманни куранать. Сака вал поэтан чавашла мухтав саввисем сырас асталыхө туптансах ситейменнинчен те чылай килнэ пулас. Сапах та сак одара силлабикатоника виши (таватя картля ямб) хушаланни питех те пёлтерёшлө. Тёрёссипе каласан, вал самах пусамёсене тепе хурса сырна пёрремёш чавашла савя! Эппин, чавашан самах пусамне тепе хурса сырна саввин малтанхи ахахө 1795 султа хайланя. Эфир вара таватя картля ямба тепе хурса хайланя пёрремёш савя чылай каярах (1852 султа) сыранна тесе шутланяччө [3, с. 75, 98].

Сак чавашла мухтав саввине Н. Пичуринских сырна тесе сирёплетсех калама тепёр (вищёмёш) салтав та май парать. Ку одари диалект никёсө Никита Бичурин тепчевсө ситённө таряхри каласавя питех те сывах. Хайлаври *эпир, атте* самахсемпе сумман *сол, пол, порё* формасем, лабиалля а° сася (хвормоншан) тел пулни автор чаваш чөлхине Энёш шывё таврашёнчи ялсенчен пёринче вёреннө теме май пур. Палля ёнтө, Никита ситённө Шёнерпус ялө шяпах сав таряха керет.

Сав сулсенче вёренекенсенчен 2-3 семинарист кана савяс пулнине паларса таня, вёсенчен чавашла лайях пёлекенни Никита Пичуринский кана пулна. 1795 султа вал риторика класёнче вёреннө, саванпа та одасене хайланя теле вал сёкленуллө стиль уйрамляхёсене те, поэтика варттанляхёсене те аван чухланя. Самах май каласасан, сав сулсенче риторикана М.В. Ломоносов кёнекипе вёрентнө. Ахальтен мар ёнтө чавашла сырна самрак савяс-семинарист вырас сутляхсин (просветителён) юратна савя кўлепипе (таватя картля ямбпа) тухасля уса курна.

Юлашкинчен чаваш сырулла поэзийёненче мухтав савви суралнин салтавёсем пирки сапларах пётмлетсе каламалла. Ращейри патшалых, общество пурнасёнчи улшанусем XVIII ёмёрте чаваш хутляхне Европа халыхёсен пурнас йёркисемпе шухашёсене, сав шутрах сырулла культура традицийёсене илсе ситерещө. Чаваш сырулла культуры ерипен йёркеленсе, Европа культуринчи кўлепесемпе пуянланса пырать. XVIII ёмёрён иккёмёш сурринче чаваш халыхө, унан чёлхи, культуры пуррине Ращейре кана мар, анасри сёршывсенче те пёлме пултаращө. Сака вал халыхамяр тёнчери этносен йышне керсе пыни, ун сине вёсен контекстенче пахма пуслани синчен те калать. Чаваш халыхө XVIII ёмёрти общество пурнасён объектёнчен, варахан та пулин, унан субьекчө пулса пырать. Чаваш сырулла культуринче сав талккяша сёнесе илес вахатсем каярах килещө-ха. Никита Пичуринский савасем хайланя телелле вара халыхамяран сырулла культуры чамартанса, төрлө хайлавсемпе пуянланса пына. Палля ёнтө, вырас литературинчи ода жанрө Ф. Прокоповичан тата М.В. Ломоносован теорилле ёсёсен витёмөпе сирёпленсе ситнө. Вищө стиль теорийёнчи чи султе таракан стиле керекен сак жанр XVIII ёмёр вёсёнчи чаваш литературинче сирёпленсех пырать. Малтан вал Кийу академийёнче вёрентнө силлабика саввине тепе хурса йёркеленнө пулсасан, каярах (Никита Пичуринский одисенче) М.В. Ломоносован таватя картля ямбан (четырёхстопный ямб) силлабика-тоникипе пуянланать.

Литература

1. Бичурин (Иакинф) Н.Я. Ради вечной памяти: Поэзия. Статьи, очерки, заметки. Письма / сост., предисл. и коммен. В.Г. Родионова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1991. 352 с.
2. Денисов П.В. Никита Яковлевич Бичурин: очерк жизни творческой деятельности ученого-востоковеда. К 200-летию со дня рождения. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1977. 143 с.
3. Родионов В.Г. Формирование традиций старой письменности и жанров религиозной и художественной литератур // История чувашской литературы XVIII–XIX веков: коллективная монография, ЧГИГН. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2020. С. 60–100.
4. Родионов В.Г. Чăваш литератури. XVIII–XIX ёмĕрсем: Вĕренÿ пособийĕ. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2006. 463 с.

РОДИОНОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

В.Г. РОДИОНОВ

К ПРОБЛЕМЕ ЭТИМОЛОГИИ НАЗВАНИЙ ЖАНРОВ ЧУВАШСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Аннотация. Работа выполнена с использованием новых методов лингвокультурологии. Ее основной целью является выявление этапов эволюции жанрово-родовых групп чувашского фольклора, достижение которой может способствовать историческому изучению отдельных терминов чувашского фольклора. Тексты жанров, связанных с основами йом / дом тюркские народы относили к повествовательной прозе, которую составляли мифы и предания, сказки и загадки, когда-то входившие в обряд инициации. В пратюркскую эпоху тюркское йом (дом) означало повествовательные (фабульные) произведения мифологического содержания. Этот жанр был достоянием родового шамана кам. Тексты его рассказа о похождениях в потустороннем мире получили специальное название йомах. Таким же образом эволюционировали древние термины речевой и напевно-речевой поэзии.

Ключевые слова: этимология, методы компаративистики, этапы развития языка, роды и жанры фольклора.

Слово «этимология» в словарях русского языка имеет два значения. Первое – это раздел языкознания, исследующий происхождение слов, их первоначальную структуру и семантические связи, а второе – «происхождение слова и его родственные отношения к другим словам того же самого или других языков» [9, с. 770]. Автор теории имитативов Г.Е. Корнилов, как специалист-этимолог, различает несколько разновидностей этимологических выявлений и реконструкций [5]. Необходимо нам изначально предупредить, что в данной работе обращение к этимологии того или иного слова не имеет чисто лингвистической перспективы (достижение наибольшей этимологической глубины). Главная наша цель – выявление этапов эволюции жанрово-родовых групп чувашского фольклора, достижению которой частично может способствовать историческое изучение отдельных терминов чувашского фольклора. Из вышеизложенной цели вытекают лингвокультурологические и этнолингвистические задачи.

В данной работе авторитетно используются научные положения многотомных исследований тюркологов Института языкознания РАН [10], [11], [14], а также критически рассматриваются этимологические выводы региональных ученых (Р.Г. Ахметьянова, М.Р. Федотова и других [1], [2], [13]). В аспекте выяснения морфо-семантического состава ряда терминов чувашского фольклора автор настоящей статьи имеет особое мнение, которое следует признать и как приглашение к дальнейшему, более глубокому проникновению в историю происхождения этих слов.

При изучении жанров фольклора в сравнительно-историческом срезе прежде всего необходимо определить его жанровый состав в синхроническом плане. Сравнительный анализ жанровых систем чувашского и татарского фольклора в синхроническом аспекте вывел бы нас на новые уровни – историческую типологию и компаративистику. Только такой подход позволил бы нам успешно реконструировать основные этапы эволюции традиционной жанровой системы устного творчества (как в разрезе развития родовых групп, так и в аспекте собственной исторической семантики самих жанров).

Булгаро-чувашский язык относится к болгарской группе западно-хуннской ветви тюркских языков. Он является языком, в котором сохранились наиболее древние черты пратюркского языка. Исследователи замечают много общего в культурах чувашей и сибирских тюрков – якутов, тувинцев и др. Сохранению в этих культурах пратюркских элементов способствовали религиозные, культурно-исторические, общественно-политические и некоторые другие факторы. Генетический аспект изучения чувашского фольклора возможен в том случае, если путем сравнения находить то общее, что связывает родственные по языкам народы. Но здесь генетические параллели легко можно спутать с типологическими соответствиями, поэтому для сравнения подходит ограниченное число схожих элементов. К ним относятся языковые параллели, которые не могут быть отнесены к явлениям типологическим.

Прибегая к помощи исторического языкознания (этнолингвистики), мы в состоянии представить тот или иной элемент культуры в древней его форме. Что же касается чувашского языка, то историческое языкознание позволяет проследить его историю, а вместе с тем и этническую историю со времен пратюркской эпохи до наших дней. Генетически фольклор, по утверждению В.Я. Проппа, должен быть сближаем не с литературой, а с языком [12, с. 143].

На определенной стадии развития общества, как известно, общетюркский союз племен распался на более мелкие племенные объединения. Естественно, при таких обстоятельствах в духовной культуре этих племенных объединений возникали свои особенности, которые со временем могли проникнуть и в среду их соседей. Выявить схожие элементы, которые возникали путем соприкосновения разных культур, помогут нам контактные сравнения. С их помощью мы можем восстановить ранние формы того или иного элемента культуры уже на самостоятельном пути развития, выявить пути и условия взаимоотношений различных типов культур.

Таким образом, если схожие явления не могут быть объяснены с точки зрения генетической общности, то больше шансов объяснить их историческими связями предков этих народов. Но прежде чем сделать такое важное заключение, их следует подвергнуть типологическому сравнению. Действительно, многие сходства могут быть объяснены не контактными и генетическими связями, а прежде всего типологическими параллелями, т.е. сходствами из-за общих закономерностей того или иного явления.

Следующим принципом изучения духовной культуры народа является историко-стадиальный подход к вопросу. Любое сравнение остается безрезультатным, если мы не сможем отнести выявленные параллели к определенному хронологическому срезу. Например, сравнение чувашского фольклора с фольклором сибирских тюрков может дать скорее генетические и типологические результаты, чем контактные. А подобные сравнения с тюрками, носителями огузской и кыпчакской групп языков, могут привести не только к генетическим и типологическим, но и контактными параллелям.

Для сравнительного изучения фольклора народов, языки которых относятся к одному генеалогическому дереву, методологически оправдано определение родственного расстояния между сравниваемыми языками и культурами. У самого основания генеалогического древа тюркских языков лингвисты располагают пратюркский язык, который представляет языковое состояние, существовавшее до отделения болгарской группы (ветви) от общетюркского языкового сообщества. Данный отрезок времени назван пратюркской эпохой, которая охватывает временное пространство с седой древности до рубежа н.э. [4, с. 65]. К болгарской группе из современных языков относится единственный чувашский язык, который сохранил, как уже было отмечено, многие черты пратюркского языка. Историю развития чувашской фонетиче-

ской системы (прежде всего гласных звуков) А.В. Дыбо делит на такие последовательные эпохи: 1) пратюркская эпоха (с седой древности до рубежа н.э.), 2) древнечувашская (булгарская, с рубежа нашей эры до IX в. н.э.), 3) среднечувашская (волжскобулгарская, с IX до конца XIV в.) и 4) чувашская (новочувашская, с XV в. до текущего времени). Второй этап (эпоха) истории чувашского языка (соответственно, и этноса) включает в себя время с отделения дальнего предка чувашского от остальных тюркских языков до прихода его потомков на Волгу, т. е. с рубежа нашей эры до IX в. н.э. Третий этап берет свое начало с IX в. и завершается к XIV–XV вв., скорее всего, к концу XIV в. Четвертый этап начинается, соответственно, с XV в. и продолжается до наших дней [11, с. 224]. (Существует более подробная периодизация Н.И. Егорова и ее несколько упрощенный вариант – с учетом истории не только языка, но и этноса [7, с. 8–13]).

Начало формирования отдельных языков внутри восточной и западной ветвей кыпчаков относится, как полагают современные лингвисты-тюркологи, к позднезолотоордынской эпохе, за точку отсчета принимается рубеж XIV–XV вв. В период возвышения Ногайского ханства в предке ногайского языка исконные западные особенности основательно вытеснены восточными. Отпочковавшиеся от Ногайской орды еще до преобладания в языке восточных элементов предки казанских татар и балкарцев оказались в западнокыпчакском окружении, но сохранили некоторые черты восточных кыпчаков (в частности «джеканье»). Окончательное формирование казанскотатарского языка происходило, заключают лингвисты, после образования Казанского ханства в середине XV в. [10, с. 258–259]. А.В. Дыбо профессионально замечает, что датировки непосредственно связаны с историей литературных традиций, поэтому не исключено, что они характеризуют исключительно связи между словарями соответствующих литературных языков. Отделение татарского языка от восточнокыпчакской группы (1390) может быть связано со становлением так называемой хорезмийско-тюркской литературной традиции, которая географически связана с территорией Золотой Орды, а современный литературный татарский язык отчасти является наследником этой традиции [11, с. 817]. Здесь речь идет о литературном языке, который функционировал прежде всего в коммуникативной среде элиты общества (как Золотой Орды, так и Казанского и других ханств). А фольклор опирался, как известно, на разговорный язык тех людей, которые творили и исполняли вне функционирования литературного языка. Такое четкое различие для нашего исследования имеет, на наш взгляд, методологическое значение.

Речевые тексты, которые входили в группу родовых жанров *сăвă-сăмах*, противопоставлялись фабульно-сюжетным текстам *йомак*. Р.Г. Ахметьянов считает, что корнем чувашского слова *сăмах* «слово», «речь», «текст» является древнетюркское *сар*, *-сару* «декламировать», «скандировать», откуда образовались слова *сарын* «плясовая песня», «песня-речитатив» и *саргамак* «всяческие обрядовые песни», *самак* «речь-обращение к отъезжающей дочери или новоприбывшей невестке», «речитатив», «причитание», «напевная речь» [1, с. 109–110]. Чувашские этимологи возводят термины *сăмах* и *сăвă* («стихи», «песенные слова», «песня») к древнетюркскому *саб* «слово», «речь» [13, с. 20, 24]. Не погружаясь здесь в поиск аргументов, доказывающих наиболее большую объективность той или иной версии, мы можем отметить в семантике этих терминов речевую, то есть ненапевную организацию текста. Речевые тексты в чувашском фольклоре имели название, связанные с основой *саб*: *сăмах* и *сăвă*. Кроме того, в верховом диалекте чувашского языка сохранилась форма *сой* «слово», «речь» (огуз. *сойламак* «сказать»), сюда же, может быть, следует отнести чувашский термин *шар* (*шарла* разговаривать), который, будучи имитативом, мог быть болгарским вариантом общетюркского *саз* «слово».

Известны следующие тюркские формы: *sav/sab* «слово, речь», «весть, известие», «послание, письмо», «поговорка», «повествование, история, рассказ», *savčĭ* «пророк, посланник», *sabčĭ* «вестник», «прорицатель, предсказатель, вещун», «пророк», уйг. *sap* «слово», *sav* «речь», «известие». В.В. Радлов относил древнетюркское *sab* к китаизмам, а М.Р. Федотов венгерское *szó ~ szav* – «слово» – к тюркизмам [13, с. 20].

Современные исследования А.В. Дыбо значительно расширяют сравнительный материал, тем самым позволяют хотя бы контурно очертить историю эволюции группы жанров *сăвă-сăмах*. В первую очередь бросается в глаза семантическая разбросанность основы *sav/sab* в различных тюркских языках. Праалтайская форма восстанавливается как **saba* со значением «знак», а праугорская – **savV* «слово, песня» (праобскоугорская **sewe* «песнь», «голос»). По мнению А.В. Дыбо, с точки зрения фонетики, «гипотеза о заимствовании столь же возможна, сколь и предположение о древнем родстве» (алтайских и уральских языков) [4, с. 171]. Праностратическая форма реконструируется как **savV* с семантикой «слово, речь». Значение «песня» к данной основе присоединяется, как мы видим, в праугорском языке, а семантика «знак» появляется в праалтайском. Не случайно в ряде тюркских языков *sav+čï / sab+čï* имеет такие семантики: «пророк, посланник, вестник», «прорицатель, предсказатель, вещун» [13, с. 20]. В этой группе семантик явно проглядываются следы праалтайского значения «знак».

Возвращаемся к этимологии лексемы *сăмах*, которую Г.И. Рамстедт разделял на две составляющие: *sav+mak*. Вполне вероятно, что термин является исконно болгаро-чувашиским. Из-за аффикса *-мак* З. Гомбоц относил чувашскую лексему *йомах / юмах* к татаризму (проник в чувашский язык «из какого-то татарского говора» [14, с. 221]). Если учесть, что в предполагаемом этимоне содержатся *йом* «предзнаменование, предсказание» + уменьшительно-уподобительный аффикс *-ак /-зак* [14, с. 221], то вполне допустимо, что термин является исконно болгаро-чувашиским. Соответственно, и слово *сăмах* могло образоваться тем же аффиксом: *сăвă + ак > сăвах > сăмах* «жанр речевой поэзии». Ср.: *йиштакан сăмах* «приворотное заклинание», *сивётекен сăмах* «отворотное заклинание», *сăмах яр* «загадка», *вăрам сăмах* «приговор старшего дружки на свадьбе» и др. [3, с. 248–249].

Исключительно татарского происхождения является чувашский термин *такмак*, который образован на основе глагола *так-* «привязать, подвязывать; привесить», «связать узлом», «водрузить», «вздернуть» и аффикса *-мак* «кожаный мешок для калачей и пирогов, переметная сумка [13; 2, с. 20]. Его чувашским вариантом следует считать глагол *урт-* «накинуть, перекинуть» + аффикс *-мах/мак* «притужина», «нечто вроде двух переметных кожаных сум, вешается через плечо во время свадьбы» [13, с. 287]. Если бы данная лексема проникла в чувашский язык через тюркских соседей (татар или башкир), то она имела бы, во-первых, идентичную семантику, во-вторых, фонетический облик *артмак*, а не *уртмах*. Следовательно, наличие аффикса *-мах/мак* не может быть фактом окончательного доказательства кыпчакизма слова в чувашском языке. Хотя может быть, что данное слово появилось еще в болгарском языке (XIII–XIV вв.), а потом передалось предкам современных чувашей. Известно, что в конце XIII – первой половине XIV в. в состав болгарского этноса влилась некоторая часть мигрировавших на Среднюю Волгу огузо-кыпчакских племен (они оставили болгарские эпиграфические памятники с элементами болгарского языка). Таким образом, на современном уровне развития компаративистики мы не сможем дать окончательного ответа на данный вопрос. Если аффикс *-мак* действительно не свойственен болгаро-чувашискому языку, то это не означает, что основные термины чувашского фольклора *сăмах* и *юмах* являются кыпчакизмами в болгаро-чувашиском языке. Мы предложили иной путь решения проблемы. В пользу нашей гипотезы дополним еще несколько аргументов. Во-первых, эти два термина часто заменяют друг друга, или же вместе образуют несколько сходную семантику (*сăмах-юмах* «разговоры, речь», «переборы» [3, с. 249]. Во-вторых, членение лексем на существительные *юм* и *сăвă* и аффикса *-мак* не верно по простой причине, что вышеназванный аффикс присоединяется, как правило, к глаголам, а не к существительным. В третьих, если чувашский *юмах* был бы образован с помощью аффикса *-мак*, то лексема звучала бы как *юммах*, а не с одной фонемой *м*.

Таким образом, термином *сăмах* в народе выделяли как объемный мифологический эпос (*мăнкёрӳ сăмахӳ / мăнкёрӳ такмакӳ*), так и более короткие *сăмах*, различающиеся друг от друга по наличию определенной бинарной оппозиции и стилю. Термин *сăвă*, трансформируясь по семантике, в начале XX в. стал означать стихотворение, а у низовых чувашей – напев хоральной песни.

К напевно-речевой группе жанров относятся чувашские термины *юрă* и *авăт*, которые в современных тюркских языках имеют несколько значений и фонетических вариантов. В результате рассмотрения истории архаичной формулы, встречающейся главным образом в песнях свадебных поезжан со стороны жениха и попытки реконструкции ее архаической семантики, мы можем привести ряд положений из нашей недавно опубликованной статьи [6]). В алтайскую и пратюркскую эпохи семантику «петь (напевно-речевое исполнение обрядового текста)» имели ряд словоформ, которые в дальнейшем дифференцировались и обрели дополняющие друг друга значения. Булгаро-чувашский язык, благодаря своему раннему отделению от остальных тюркских языков, сохранил наиболее архаичные семантики терминов пратюркского обрядового фольклора. В болгарском языке (до IX в. н.э.) от имитатива *jar* (сравните тат. *жар-жар* «свадебные песни») путем добавления аффикса образовалось новое слово (*jarı*) со значением «напевы с заклинаниями и пожеланиями», т.е. песни воинов (свадебных поезжан), отправляющихся в чужое горизонтальное пространство. Их действия и словесно-музыкальные исполнения были направлены на достижение главной цели – победы в противостоянии с «чужими» (добыча невесты и богатства), а также успешное возвращение в свой род, племя, страну – *эл (> *йал* в волжско-булгарскую эпоху). Чувашский термин *йорă / йурă*, как синтез обрядово-вербального заклинательного текста и музыкального напева, сложился в эпоху перехода от союза родственных племенных объединений оногуро-болгар к раннегосударственному образованию волжских болгар. Благодаря архаичной магической формуле (*ай, йар, ай, йар, ай, йар-ах*) данным термином стали означать не только обрядовые, но и лирические напевно-речевые тексты. В итоге термин *йорă / йурă* в системе жанров чувашского фольклора обрел семантику, означающую целую группу напевно-речевых текстов. То общее, наблюдаемое между терминами татарского и чувашского фольклора со значением «песня» было образовано, еще в пратюркскую эпоху. Но особенное в них является наследием позднезолотоордынской эпохи, когда в татарском языке стало господствовать начальное «джеканье» (вместо «йюканья», как, например, в мишарском).

Из татарского и чувашского фольклористического материала, собранного Гурием Комиссаровым и Гали Рахимом, и анализа отдельных терминов мы можем сформулировать следующие обобщения: Татарское *жыр* и чувашское *юрă* («песня») имеют общую пратюркскую и, вероятно, общеалтайскую основу.

В повествовательную группу жанров (калуллă жанрсен ушкăнĕ) входят *юмах* («сказка», «загадка»), прозаические мифы и предания, затерявшие свои древние названия. Это общетюркское слово финский ученый Рамстедт возводил к тюркскому *йом* и монгольскому *дом* («заклинание», «заговор». Р.Г. Ахметьянов полагает, что общетюркские термины *йумах, жомак, ымак, нумах* и монг. *домаг* («легенда», «былина», «рассказ», «сказка», «притча», «загадка» и пр.) происходят от древнетюркского (зафиксированного также в огузских диалектах Закавказья и Анатолии) *йом* («легенда», «рассказ шамана о приключениях души больного в потустороннем мире») [1, с. 105]. Авторы «Этимологического словаря тюркских языков» считают, что *йомак* является производным от имени *йом*, представленного в диалектах турецкого языка в значениях «доброе предзнаменование», «предсказание», «подражание», «сказка, миф, легенда, острота», «высказывание», «песня» [14, с. 220].

Чувашские слова *юм* «волшебство», «заклинание» и *юмă* «знахарь», «ворожея» следует отнести к однокоренным с термином *юмах* лексемам. В семантике последнего слова четко выделяется повествовательность (фабульно-сюжетная структура) текста. Существует версия А. Рона-Таша, согласно которой, кыпчакское слово *йомак* вытеснило исконный булгаро-чувашский термин *калав* со значением «эпические сказки» (в современном чувашском языке оно имеет значение «рассказ») [8, с. 136.]. Как полагает венгерский исследователь, из этого же корня образовалось название поговорок – *каларăш*. Оба термина образованы на основе пратюркского глагола **kele-* «говорить, владеть речью, сказать» [11, с. 164, 215]. По древним чувашским представлениям, «речью» владеют также музыкальные инструменты (*купăс кала* «играй на скрипке») и растворимые в воде и придающие жидким блюдам вкусовые качества продукты (перец, соль и т.п.). Мы уже изложили свою, на наш взгляд, наиболее вероятную версию происхождения термина *йомах*.

Жанр «сказка» в диалектах чувашского языка имел термины *халлап / халап* (низ.), *йомах / юмах* (верх., ср.-низ.). Сравните тат. *экият* «сказка». По предположению Р.Г. Ахметьянова, первый термин (араб. *hikāyāt*) проник в татарский язык из старокыпчакского языка (сравните арм.-кыпч. *hakiat* «сказка») [2, с. 130]. Второй термин тоже арабского происхождения, ученые возводят его к *hilaf* с семантикой «противоречие, разногласие; конфликт» [13, с. 308]. В казанском говоре русского языка зафиксировано слово *халапса* со значениями «краснобай; рассказчик; говорун», этимон которого М.Р. Федотов объясняет чувашским термином, имеющим еще семантики «рассказ», «речь, разговор, беседа», «новости», «слово» [13, с. 308]. Исконно булгаро-чувашским следует считать *йомах / юмах*, этимологию которого мы рассматривали выше вместе с этимологией *самах*. Мифы нами условно названы *чӑн пулни*, с учетом на их правдоподобность, т.е. веру в истинность описанных действий и явлений. Но когда-то они находились, очевидно, в составе *йомах* же.

Итак, фольклорные тексты жанров, связанных с основами *йом / дом* тюркские народы относили к повествовательной прозе, которую составляли мифы и предания, сказки и загадки, когда-то входившие в обряд инициации. В пратюркскую эпоху тюркское *йом (дом)* означало, следует полагать, повествовательные (фабульные) произведения мифологического содержания. Этот жанр был, очевидно, достоянием родового шамана *кам*. Поэтому тексты его рассказа о похождениях в потустороннем мире получили специальное название *йомах*.

Лексема *халап* («сказка», «рассказ», «речь, разговор, беседа» и т.д.) возникла в чувашском языке относительно недавно, в основном в лексиконе низовых чувашей, соседствующих с мишарями. До этого предания, как и мифы, могли называться *чӑн пулни*. Современные фольклористы используют термин *халап* в значении «предание». Этим же термином (*улап халапӑсем* «предания об улыпах») названы чувашские этногенетические предания.

В волжскобулгарскую эпоху, т.е. в период разложения родоплеменных объединений и возникновения феодализма, у предков чувашей шло дальнейшее развитие системы устно-поэтического творчества. Во-первых, с образованием болгарской народности и государства мифологическое мышление постепенно должно было заменяться историческим осознанием этнического прошлого и действительности. Роль *юмӑӑ* отодвигался на второй план, уступая место феодальной знати. Часть тех текстов, которые раньше считались правдивыми и достоверными (мифы, тотемистические предания и т.п.), впоследствии стали пониматься как выдумка предков. А в противопоставление этим выдумкам (*юмах*) стояли *чӑн пулни*, т.е. то, что было в действительности. Они соответствовали существующей идеологии. Такое новое понимание термина *йомак* произошло у всех тюркских народов самостоятельно. При этом следует отметить, что булгаро-чувашские заимствования в марийском языке показывают на приблизительно время разделения пратюркского йомак на жанры «сказки» и «загадки» – эпоха марийско-булгарских контактов (не позднее до конца XIII в. Глубина устной исторической памяти чувашского народа в исторических преданиях четко доходила до времени падения Волжской Булгарии (1236 г.), а в эпических сказаниях об Улыпе она смутно сохранила и факты переселения предков чувашей с Северного Кавказа.

Этимологии терминов названий жанров чувашского фольклора позволяют констатировать, что его функционирование по отдельным группам родов и жанров началось еще в пратюркскую эпоху, в последующие эпохи он обогащался новыми жанрами и их разновидностями.

Литература

1. Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981. 144 с.
2. Ахметьянов Р.Г. Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Т. 1. Казань: «Магариф – Вақыт», 2015. 543 с.
3. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. В 17 т. Т. 11. Чебоксары: Руссика, 1994. 343 с.
4. Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков. М.: Наука: Вост. л-ра, 2007. 222 с.
5. Корнилов Г.Е. Этимология. Лингвистические исследования, критика и обобщения / 2-е изд., испр. и доп. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. 232 с.
6. Родионов В.Г. Об одной пратюркской магической формуле, ставшей в обрядовом фольклоре причиной образования жанра «песня» // Вестник Чувашского университета. 2021. № 2. С. 171–180.
7. Родионов В.Г. Чувашский стих: проблемы становления и развития. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. 224 с.

8. Рона-Таш А. Чувашские сказки (Заметки венгерского исследователя) // Чувашский фольклор. Специфика жанров: сб. ст. ЧНИИ. Чебоксары: ЧНИИ, 1982. С. 130–149.
9. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. М.: «Русский язык», 1988. 796 с.
10. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / отв. ред. Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 2002. 767 с.
11. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 908 с.
12. Тмарченко Н.Д. и др. Теория литературы. Том III. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). М.: ИМЛИ РАН, 2003. 592 с.
13. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Т. 2. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. 510 с.
14. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». М.: Наука, 1989. 293 с.

РОДИОНОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

З.Г. АМИНЕВ

МОТИВ СПУСКА (ПРОНИКНОВЕНИЯ) В ПРЕИСПОДНЮЮ В БАШКИРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Аннотация. В башкирском фольклоре одним из распространенных и интересных мотивов является спуск в преисподнюю. В архаическом эпосе «Урал батыр» этот мотив является одним из узловых и определяющих поведение персонажей. Положительный герой Урал спускается в иной мир, владыкой которого является царь по имени Катил. Имя этого персонажа в переводе на русский язык означает «убивец, убийца» и тем самым уже в имени указывается, куда попадает Урал. Кроме этого эпоса, спуск в потусторонний мир описан также в эпосе «Акбузат», где главный герой Хаубан оказывается во владениях хозяина потустороннего мира, обитающего в пещере Шульган-Таш в горах Южного Урала. Подробно описывается спуск (проникновение) в потусторонний мир и в сказке «Акъял батыр», где одноименный герой в погоне за владыкой потустороннего мира по имени Иргаил спускается в подземный мир и уничтожает его, освобождает плененный им народ.

Ключевые слова: эпос «Урал батыр», братья Урал и Шульган, владыка потустороннего мира Катил, означающий «убийца, убивец», оголенность, жертвоприношение людей, яблоко, черный ворон, эпос «Акбузат», Хаубан, Акъял батыр, Иргаил.

Спуск в преисподнюю – один из популярных мотивов древней мифологии как Старого, так и Нового света. В качестве примера можно вспомнить путешествие в иной мир Гильгамеша в Вавилоне; спуск Энея в глубины подземного мира в «Энеиде» Вергилия (книга VI) или путешествие Одиссея в Аид (XI песнь Одиссея); двенадцатый подвиг Геракла, где он оказывается в царстве Аида, в подземном царстве мертвых [9, с. 148]; путешествие в преисподнюю совершает Кухулин ирландских саг; в осетинской нартиаде спускается в тот мир Сослан. В Новом свете в мифологии индейцев Центральной Америки в подземный мир спускается бог-творец мира Кецалькоатль [8, с. 286].

Есть такой мотив и в башкирском фольклоре. Например, описанный в архаическом эпосе «Урал батыр» эпизод попадания солнечного героя Урала в страну Катилы – это тот же мотив спуска в преисподнюю.

В эпосе «Урал батыр» после ухода из отчего дома родные братья Урал и Шульган у некоей огромной воды, под каким-то огромным деревом, рядом с медным сундуком встретили седого старца с огромной палкой в руке [3, с. 46]. «Огромная вода», «огромное безымянное дерево», «медный сундук под деревом», сам старик и огромная палка в его руке – все это маркеры, указывающие на то, что это место перехода из этого в иной, потусторонний, подземный мир. Здесь же седобородый старик описывает Уралу и Шульгану две страны, куда предстоит попасть братьям по жребию. Одна дорога ведет в страну царя птиц Самрау, а другая – в страну

царя Катилы. Целью нашей работы является анализ страны Катилы, как мира потустороннего, куда предстоит спуститься Урал батыру. Поэтому описание страны царя птиц Самрау, как не касающейся нашей темы, мы пропустим.

Мир страны Катилы и события, которые там будут происходить, в момент прибытия туда Урала, в эпосе описаны довольно подробно.

В мифологической картине мира башкир Мир (Донъя) состоит из трех ярусов, если рассматривать в вертикальном срезе, и страна царя Катилы расположена здесь в нижнем, подземном ярусе, на это указывают описание этой страны и всех персонажей, встреченных там Уралом, а также событий, которые там происходят.

По словам вещего старика, страна Катилы находится справа от него. При определении места расположения страны Катилы, слова старика надо понимать с точностью наоборот, то есть с позиции живого человека, – страна Катилы оказывается слева.левой стороне соответствует север, или же низ, там, где и положено находиться потустороннему миру предков.

Расположение потустороннего мира с северной стороны было свойственно многим народам. Например, по демонологическим представлениям хорезмских узбеков, областью расположения джиннов является Север, что совпадает с представлениями Авесты. Мотив Севера, как обители всякого зла, – один из излюбленных в Авесте. С Севером, с зимой связаны образы Ангро-Майнью и подчиненных ему демонов. С Севером связан и образ трупного демона Насу [14, с. 143].

Вещий старик, встретившийся Шульгану и Уралу в эпосе «Урал батыр», описывая страну Катилы, сообщает, что в той стране плач и стоны все время, люди льют кровавые слезы, из человеческих костей сложены горы, и что страна эта утопает в крови [3, с. 47; 2, с. 279].

Все это есть описание страны мертвых, страны смерти. Урал в эту страну прибывает в день, когда там приготовились исполнить ежегодные ритуалы человеческих жертвоприношений. Прибыв на место, Урал видит выстроившиеся ряды совершенно голых людей [3, с. 50]. Нахождение в голом состоянии – это также маркер потустороннего мира. Расспросив собравшихся людей, Урал от них узнает кровавые обычаи, царящие в этой стране [3, с. 47–51].

При анализе этой страны нельзя упускать из виду само имя царя этой страны. В эпосе имя владыки этой страны передано в форме «Катил батша». Слово «катил» в иранских языках означает «убивец, убийца» [12, с. 629], т.е. слово это не башкирское. Словосочетание «Катил батша» переводится как «царь-убивец» или же «убивающий царь». Как видим, в эпосе башкирскими сказителями сообщается не само имя владыки этой страны, а указываются только его функциональные обязанности. Видимо, на произношение имени этого царя у башкир было табу, объясняемое страхом, что он может ненароком явиться, если назвать его имя. О табуизации имени этого персонажа говорит и то, что даже его функция убийцы передается через иранское слово.

В мифологических воззрениях древних был распространен обычай применения слов из чужого языка, непонятного для большинства, чтобы утаить намерение, или же чтобы нечаянно не вызвать нежелательное явление или событие. Подобную табуизацию образов и желание избежать событий, связанных с хтоническими силами, фиксируют многочисленные этнографические материалы [7, с. 160–183].

Не случайно и упоминание знамени царя Катилы. Знамена являлись неизменным атрибутом погребального обряда у многих народов мира, и с древних времен символизировали определенные космологические представления и являлись символами конкретных божеств, что проявлялось в увенчивающих их знаках [16, с. 108; 4, с. 166–168]. Знаменам, как символам определенного божества, приносили жертвы [11, с. 150–151]. Все это дает нам основание полагать, что такое же значение придавалось сказителями и знамени царя Катилы, который украшает черный ворон, что тоже не случайность.

В мифологии многих народов мира, в том числе и башкир, птица ворон является символом потустороннего, хтонического мира. Например, у тюркоязычных якутов сохранилась устойчивая неприязнь, боязнь к ворону, как к птице, связанной с «нечистой, потусторонней силой». В якутских олонхо вороны – враги главных героев, жителей среднего мира [1, с. 99–100].

Такое же отрицательное отношение к ворону у тюркоязычных карачаевцев и балкарцев, у которых эта птица связана с потусторонним миром [6, с. 40–41]. Ворон, как птица, питающаяся падалью, этим своим качеством связана с миром мертвых. На мир мрака, мир мертвых указывает и черный же цвет (цвет перьев ворона). В традиционной культуре башкиры мир смерти, потусторонний мир до сих пор описывают черным цветом – «карангы донъя, или кара донъя», «кара гур» (черный свет, имеется в виду потусторонний мир).

«Север» в башкирском языке называется «Төнъяк», то есть «ночная, темная сторона», где никогда не бывает солнца. Черным, темным цветом башкиры маркируют северную сторону, которая также, как было сказано выше, является страной мрака, ночной стороной, поэтому и называется «төн як», которая в башкирском языке имеет еще и цветовую маркировку «карангы төн» («черная, темная ночь»). В этой стороне располагается страна ушедших в иной мир предков, где никогда не бывает солнца, света. Здесь властвует смерть; раз в год приносятся кровавые человеческие жертвоприношения [2, с. 288; 3, с. 55]. Для подчеркивания царящего в той стране ужаса и с целью усиления эффекта воздействия на слушателей, описание этого кровавого обряда человеческого жертвоприношения повторяется несколько раз [3, с. 53–55].

На принадлежность страны Катилы хтоническому миру указывает также огромный свирепый бык, с которым вынужден будет бороться Урал [3, с. 56–57]. О связи быка с потусторонним миром подтверждает древнее поверье башкир, где говорится, что потусторонний мир состоит из семи слоев и, что на последнем, седьмом, в воде лежит огромная рыба. На усах этой рыбы стоит огромный бык и своими рогами держит всю землю [10, с. 15].

О том, что бык – это животное владыки потустороннего мира, говорится и у тюркоязычных якутов, живущих на огромном расстоянии от башкир. Например, герои якутских олонхо в подземный мир уходят на быке, а иногда же превратившись в быка. У южносибирских тюрков сохранились верования о том, что Эрлик, владыка потустороннего подземного мира, ездит на черном быке. У тюркоязычных народов различных регионов бык очень часто является обитателем потустороннего мира, владыка водного источника [15, с. 18, 23].

Все эти примеры о связи быка с потусторонним миром, с водной стихией подтверждают, что бык Катилы в эпосе «Урал батыр» также является указателем на то, что страна Катилы является потусторонним миром мертвых, что Урал после ухода от вещего старика спустился в потусторонний мир, если иметь в виду пространственный аспект по вертикали.

Одним из маркеров, указывающих на нахождение Урала в потустороннем мире, является яблоко, которое протягивает Уралу дочь царя Катилы. Как известно, в мифологии многих народов мира яблоко – это атрибут бога преисподней [5, с. 130]. Например, у таджиков до наших дней сохраняется обычай класть на место яблоко, где лежал умерший [13, с. 179].

Символично также то, что у дочери Катилы в эпосе не указывается имя. Видимо, первоначально у нее имя было, но из-за действовавшего у древних башкир запрета на произношение ее имени, как представительницы потустороннего мира, мира смерти, имя ее забылось, и в эпосе сохранилось только иносказательное: «дочь царя Катилы», «дочь Катилы». У башкир до сих пор сохранились поверья, что нельзя вслух упоминать какую-либо болезнь или же смерть, так они могут явиться к человеку, который их произнес. Все вышеперечисленные признаки страны Катилы показывают, что эпизод нахождения Урал батыра в стране царя Катилы – это тот же, распространенный в мифологии многих народов мира, мотив спуска в преисподнюю, в потусторонний мир.

Кроме эпоса «Урал батыр», этот же мотив имеется в эпосе «Акбузат», где главный герой эпоса Хаубан также проникает в потусторонний мир, олицетворяемый пещерой Шульган-Таш. Проникновение Хаубана в тот мир происходит через озеро, находящееся у вышеуказанной пещеры. Описанные в эпосе похождения Хаубана также соответствуют потустороннему миру. В древних верованиях башкир пещеры, также как щель в земле, колодец, ущелье и т.п. места, являются местом перехода из одного мира в другой. У башкир с пещерой Шульган-Таш, где сохранились картины первобытных художников эпохи палеолита, связаны многочисленные легенды и предания космогонического характера. Башкиры считают, что коней и другой скот они получили от хозяина Шульган-Таш.

Ярко и красочно описан спуск в иной мир в башкирской сказке «Акъял батыр». В этой сказке владыка потустороннего мира, карлик, именуемый Иргаил, убегая от Акъял батыра, через щель в земле уходит в свои владения – в подземный мир. Акъял батыр через эту же щель также спускается во владения Иргаила. Описание страны Иргаила дает основание говорить, что это владение хозяина потустороннего мира. Здесь Иргаилу каждый день приносят в жертву человека. Акъял батыр в ходе борьбы уничтожает Иргаила, освобождает людей от кабалы и с помощью волшебной птицы Самрегош (Симург) поднимается на поверхность земли. Гнездо этой птицы находится на вершине огромного дерева, в корнях которого обитает змей, похищающий птенцов Самрегош. Акъял уничтожает змея и спасает тем самым птенцов, за что Самрегош выводит Акъяла из потустороннего мира на этот, светлый мир.

Таким образом, можно сказать, что мотив спуска (проникновения) в преисподнюю для башкирского фольклора является одним из сюжетообразующих линий при описании похождений героических персонажей.

Литература

1. Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980.
2. Башкирский народный эпос. М.: Наука, 1977.
3. Башкорт халык ижады. Эпос. Беренсе китап. Өфө. 1972.
4. Гемуев И.Н., Люцидарская А.А. Знамена манси // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990.
5. Голан Ариэль. Миф и символ. М., 1994.
6. Караева А.И. О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа. Черкесск, 1961.
7. Кауров Э.Н., Степугина Т.В. Древнекитайский миф и мифологическая основа созвездий Зодиака // Вестник древней истории. 1995. № 1.
8. Кинжалов Р.В. Катабасис Кецалькоатля // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре: сборник в честь 90-летия со дня рождения профессора М.И. Шахновича. (Серия «Мыслители». Вып. 8). СПбГУ, 2001. С. 54–56.
9. Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991.
10. Надршина Ф.А. Рухи хазиначар. Өфө. 1992 (на башк. яз.).
11. Окладников А.П. Конь и знамя на Ленских писаницах // Тюркологический сборник. М.–Л., 1951. С. 150–151.
12. Персидско-русский словарь М., 1950. 629 с.
13. Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1976.
14. Толстова Л.С. Исторические предания Южного Приаралья. М., 1984.
15. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988.
16. Шукуров Ш.М. К анализу принципов иконографии в изобразительном искусстве Средней Азии // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.

АМИНЕВ ЗАКИРЬЯН ГАЛИМЬЯНОВИЧ – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института стратегических исследований Республики Башкортостан, г. Уфа, Республика Башкортостан.

А.Ф. ГАНИЕВА

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ИДЕЙНЫЙ СМЫСЛ РОМАНА «СЮЮМБИКЕ» РАБИТА БАТУЛЛЫ

Аннотация. В статье исследуется исторический роман Рабита Батуллы «Сююмбике». Личность Сююмбике имеет существенное значение для татарского народа. От писателя, воплощающего ее образ, требуются историческая подготовленность и профессионализм. Автор статьи определяет жанровую специфику романа, излагает принципы творчества писателя и показывает его художественное мастерство; дает оценку главной героине Сююмбике и другим образам, раскрывает их историческое значение в данном произведении.

Ключевые слова: татарская проза, литературный жанр, исторический роман, Рабит Батулла, Сююмбике, образ, герой.

У каждого народа есть свои герои, близкие им по сердцу, по духу. Это может быть герой, вошедший в историю своей бессмертной славой, фольклорный герой, выражающий народные чаяния и надежды, или герой литературного произведения, сосредоточивший в себе национальный характер, его ментальность. Они «являются основными выразителями национальной концепции» [3].

Личность Сююмбике для татарского народа имеет особое значение. Ее образ нашел широкое отражение в литературных произведениях. В народном сознании этот образ сформировался в тесной связи с понятиями нация и государственность. Любовь и уважение к правительнице сохраняются на протяжении веков, и это связано с тем временем: то был самый болезненный период в истории судьбы татарского народа. Трагедия Сююмбике – это трагедия татарской нации. Только тот, кто во всей глубине может понять, что значит утрата родины, горе народа, навечно обреченного на горькую судьбу, – только тот может решиться на воплощение образа Сююмбике.

Один из таких – Рабит Батулла, писатель, который в своих произведениях ставит основной целью пробуждение национального сознания в читателе. Если в начале своего творчества он больше обращался к фольклорным произведениям, к различным, основанным на иносказании, метафорическим событиям, то в дальнейшем он обращает свои взоры на видных деятелей культуры, таких как Сююмбике, Габдулла Тукай, Карим и Захида Тинчурины, отражая их жизненный путь и место в судьбе нации. С одной стороны, он верит в суждение о том, что «историю создают личности», с другой стороны, понимает, что в деле воспитания и сохранения национального самосознания обращение к конкретной личности обладает гораздо большей степенью воздействия.

В советские годы освещение в литературе событий периода Казанского ханства являлось одной из самых щепетильных проблем. Обращение к утаиваемой на протяжении долгих лет теме, описание сохраняемого в народной памяти образа Сююмбике требовали от писателя большой смелости, решимости. Понимая всю ответственность этой работы, Батулла в 1992 году создает роман «Сююмбике», использует труды историков Х. Атласи, М. Худякова, работает в архивах, советуется с такими учеными как М. Усманов, А. Каримуллин, Р. Фахретдинов.

Произведение охватывает весь жизненный путь Сююмбике, начиная от рождения и до ее смерти. Но нельзя сказать, что роман только о правительнице. Автор сочетает общественно-политическую обстановку последнего периода Казанского ханства с повседневными событиями, создает единую полномасштабную картину. В романе Батуллы «Сююмбике» четко прослеживаются четыре принципа, взятые за основу будущего исторического произведения: историзм, следование традициям древней письменной литературы, обращение к фольклору и фантазия самого писателя. Успех автора в том, что, не искажая исторические факты, он смог создать образ правительницы, хранящейся в народной памяти как истинная героиня.

В первой части романа доминирует романтика. В период детства, отрочества, юности Сююмбике описывается не как простая девушка, а как нечто большее. Тогда как в других произведениях Батулла не уделяет большого внимания описанию внешности, портрета героев, но Сююмбике он описывает как истинную красавицу. Она умна, начитанна, отважна, деловита, милосердна. То, как, одевшись с подружками в мужские одежды, Сююмбике изучала воинские секреты, как устанавливала в степи справедливость, как пустилась в Индию на поиски приснившегося ей Ирамбага, как там встретила с находчивым и милосердным Бабур-патша и его сыном Хамаюном, как тень птицы счастья попала на лицо Сююмбике – это все элементы мифологических сюжетов, созданных на основе восточных традиций. Все это необходимо для того, чтобы подчеркнуть необычность героини. Эти мифологические мотивы как бы поясняют, почему это произведение написано в жанре «кыйсса».

Во второй половине произведения описан период, когда Сююмбике становится женой хана, и на первый план выходит реалистическое описание. Нерасторопного и неделового Джан-Али она почитала не только как мужа, но и как правителя, поддерживая его своей сообразительностью и прозорливостью. А когда вышла замуж за Сафа-Гирея, она по-настоящему обрела счастье. Батулла акцентирует внимание на том, как они подходили друг к другу: «Сафа-Гирей был степенным мужчиной, участвовавший во многих сражениях, великим богатырем, за плечами которого немало побед. Если начинает работать, работает с дьявольским усердием, если берет в руки саблю, сражается со всей страстью, если веселится, то от всей души» [1, с. 247]. То важное место, которое занимал Сафа-Гирей в истории Казанского ханства, писатель подтверждает историческими событиями, его деяниями, его характером. Совершенно прав А. Гилязов, заявляя: «Такой хан и сегодня бы нам очень пригодился, образа аксакала, представляющего величие Казанского ханства, образа вождя нам не хватает для воспитания нашего молодого поколения в духе патриотизма. [...] Батулла наряду с правительницей Сююмбике поставил памятник и хану Сафа-Гирею» [2].

В произведении мы видим образ юного Кошчака: начиная с рождения и до его последних дней. В исторических рукописях о его отношениях с Сююмбике ничего нет, но в русской литературе на него было вылито немало грязи. (Более полные сведения можно узнать из трудов И. Рамиевой) [5]. Батулла показал Кошчака преданным Сафа-Гирею, отчизне и вере, воином с чистою душой, трезвого разумом и храброго сердцем, сражавшегося на поле брани до последней капли крови так, что у читателя не остается ни малейшего сомнения. В самые тяжелые дни, когда на Казань пришел враг, он был опорой Сююмбике.

В романе есть повторяющиеся символические образы. Они помогают усилить степень воздействия произведения и углубить его содержание. И что интересно, видимо, для того, чтобы показать их противоположность, они даны со своими антиподами: Карakoш и Хомай-кош, Ирамбаг и Поле брани. Самые удачные и действенные символические образы – это Карakoш и мотив мелодии несгораемой девушки Гайша-бэгим. Если Карakoш, с одной стороны, птица-падальщик, всегда подстерегающая героев, – представительница племени-захватчика, с другой стороны, воспринимается как наша горькая судьба, печальная участь. Мотив мелодии несгораемой девушки Гайша-бэгим – это историческая память. В начале романа Батулла дает сведения о ханах Болгарского государства. В разделе, посвященном, вошедшему в историю как последний хан, Габдулле, автор пишет о том, каким непобедимым духом обладали болгары. Несмотря на то, что Тамерлан превратил страну в руины, он не смог сломить его народ. Любимая дочь хана Габдуллы Гайша-бэгим из горящего строения выходит живая и невредимая, и ставит Тимуру условие, по которому три ее брата получают волю. Напев этой девушки, превратившаяся в символ храбрости и гордости, пройдя сквозь века, продолжает жить в душе народа Казанского ханства как чарующая, волшебная мелодия. Разумеется, не в каждой душе. Этот мотив потрясает тех, кто знает свои корни, любит свою родину, силен духом – это последний сын племени Таргын Кошчак, поэт Мухаммадьяр, его сестренка Саягуль и Сююмбике. Таким образом, мотив песни «Янмас кыз» («Несгораемая дева»), который «звучит» лейтмотивом на протяжении всего произведения, находит воплощение в образе исторической памяти, которая воскрешает прошлое.

Батулла задумывается о причинах трагедии нации. Отсутствие единства, лицемерие различных партий, коварные игры беков, заботящихся лишь о собственном благополучии, названы причинами, приведшими Казанское ханство к распаду. Автор прекрасно владеет знаниями о политике, системе правления, военной стратегии. Описание взятия Казани дано как дневник-летопись, что помогает представить это историческое событие как кинокартину. Сопrotивление народа до последней капли крови, метания Сююмбике в желании отстоять страну, наконец, ее решительные попытки что-либо сделать – все потрясает до глубины души. Показано,

как тяжело проигрывала этот неравный бой Казань. Очень удачно использованы древние названия, что позволяет читателю представить городские картины в географической плоскости. Автор, который и ранее в своем творчестве охотно использовал историзмы и архаизмы, в романе «Сююмбике» также часто обращается к ним. Сохраняя и передавая смысл, уместно использует, некогда бывшие в активном использовании в старотатарском языке, а ныне забытые, слова, органично вставляет свои неологизмы. Использование пословиц, поговорок, поучительных выражений усиливает историческое начало, помогает читателю погрузиться в эту эпоху. Слова: юлчатыр (палата), этраман (нанятое войско), тез йөгөнү (реверанс), ганимэт (трофей), поскын (засада) не только украшают произведение, но обогащают и развивают язык.

Как пишет М. Мирза, «Поднимая образ Сююмбике для прошлых и будущих поколений до уровня символа красоты и отваги, верности и героизма, и сам автор Р. Батулла становится обладателем смелости и величия» [4].

В целом, Батулла, обратившись к древним корням, славным страницам истории народа, воспитывает в душе читателя гордость, чувство национального достоинства, и, наоборот, через чувство боли и страдания, воскресая в памяти трагические исторические события, дает уроки на будущее, показывает, какое место занимает образ Сююмбике в жизни татарского народа, определяет ее историческое значение.

Литература

1. Батулла. Сөембикә: Кыйсса. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. 415 б.
2. Гыйләжев А. Әсәр чын бәясен көтә... // Татарстан хәбәрләре. 1995. 5 апрель.
3. Дзюба Елена Марковна Исторический персонаж как реализация национальной модели образа-персонажа в русской литературе первой трети XIX века (Н. А. Полевой «Краковский замок») // Научный диалог. 2018. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskiy-personazh-kak-realizatsiya-natsionalnoy-modeli-obraza-personazha-v-russkoy-literature-pervoy-treti-xix-veka-n-a-polevoy> (Дата обращения: 12.08.2022).
4. Мирза М. Тәнкыйтьчегә тел ачычы... // Ватаным Татарстан. 1995. 24 март.
5. Рәмиева И.Р. Рус, татар, төрек әдәбиятларында ханбикә Сөембикә образы. Казан, 2009. 244 б.

ГАНИЕВА АЙГУЛЬ ФИРДИНАТОВНА – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан.

Г.Е. КОРНИЛОВ

ИТОГИ ВНУТРИСЕМЕЙНОЙ ДИВЕРГЕНЦИИ
ИЛИ РЕЗУЛЬТАТЫ СУБСТИТУЦИЙ?

(Запоздалый полилог по поводу башкиро-татаро-чувацкого названия реки Волги)

Аннотация. Предполагается, что в тюркских языках параллели потамонимов: чув. *Атӑл*, тат. *Идел*, башк. *Изел*, называющих реку *Волгу*, не восходят к некогда существовавшему нарицательному географическому номенклатурному термину со значением «река; большая река», а являются заимствованиями из восточнославянского петрификата *одол [адол] и их фонетический облик – не итог исторического развития *ä->a-; *ä->э->и-, характерного для исконной тюркской нарицательной лексики, а результат последовательных субституций звуков в заимствованных именах собственных.

Ключевые слова: Атӑл, Идел, Изел; одол [адол], подол [падол]; потамоним, комоним; дивергенция, субституция, этацизм, итацизм.

Несомненно общий источник имеют современные поволжско-тюркские названия Волги: чув. *Атӑл* [áДӧл], [áДӗл], тат. *Идел* [iДәл], башк. *Изел* [iдәл], поданные у Мартти Рясненена в списке: čag. *ätil*, *ädil* ‘Wolga’, kzk., tel. *ädäl*, kaz. bšk. *idäl* (>? wog. TLW81 *èètl* ‘Wasser des Meeres’), čuv. *aDäl* [15. S. 52a]; здесь, как видим, чагатайские (среднеузбекские) варианты обнаруживают колебание интервокальных **-t-/-d-** по звонкости-глухости, анлаутные гласные – по широте-узкости и по признаку «передний ряд – задний ряд»: **a-/ä-/i-** (вогульский=мансийский анлаут – результат субституции при заимствовании); башкирский вариант с интердентальным **-з- [-δ-]** отсутствует (*idäl* считается общим для казанско-татарского и башкирского, что неточно).

Ущербность перечня Рясненена также в том, что в этом списке (как и в подобных менее или более подробных списках всех других авторов): 1) не указывается место ударения и 2) отсутствует словообразовательный анализ.

Три исконных варианта – чув. *Атӑл* [áДӧл, áДӗл], тат. *Идел* [iДәл], башк. *Изел* [iдәл] – в соответствующих говорах, диалектах, наречиях названных поволжских тюркских языков произносятся с обязательным ударением на первом слоге, потому что гласный второго (конечного) слога подвергается качественно-количественной редукции, отмечаемой на письме только у чув. *Атӑл*, потому что в чувашском алфавите имеются специальные буквы для редуцированных заднего и переднего ряда (ӓ, ӕ), но в башкирском и татарском языках букв нет, здесь буквы для гласных пишутся одинаково, независимо от того, как – редуцированно или нередуцированно – произносится соответствующий гласный звук.

Рассмотрим последовательно в хронологическом порядке попытки осмысления выше-приведенных вариантов потамонимов в нескольких наиболее популярных (и общедоступных) источниках.

И. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [10].

В конце статьи, посвященной названию **Волга** [10. С. 336–337], Макс Фасмер пишет: «Распространено, наконец, в качестве названия *Волги*: чув. *Amäl*, *Adyl* (Ашмарин 2, 141), тат. *Idyl*, чагат. *Ätil*, казах. *Edil*, тат. *Kara Idyl* «Волга», *Ak Idyl* «Кама или Белая» (Радлов 1, 842, 850, 857, 1509), монг. *Ižil*, калм. *idž*; см. Рамстедт, KWb. см. *Итиль ...*» [10. С. 337].

Как видим, этот список не вполне гармонирует с чувашско-татарско-башкирскими вариантами, указанными нами в начале статьи. У Н.И. Ашмарина дано: *Атӑл* [Адӑл] Rha (в нашей транскрипции [аДӑл / аДӓл], можно добавить вариант [аДӑл] [2]). У В.В. Радлова [6] на указанных страницах читаем: **с. 842:** *Ätil* ... (чагат.) = *Ädil* «река Волга – die Wolga»; **с. 850:** *Ädäl* (телеут.) = *Ädil*, *Ätil* «река (Волга)», ... *Эдель* ... *Edel* ...; **с. 857:** 1. *Edil* [киргиз., ср. *Ädil*, *Ätil*, *Ädäl*] «Волга – die Wolga»; *Edil Цајык* «реки Волга и Уралъ – die Flüsse Wolga und Ural», 2. *Ädil* (чагат.): 1) река Волга (в сказках) – der Fluss Wolga; *Ак Ädil* «река Кама – der Fluss Kama»; *Кара Ädil* «река Волга – die Wolga»; 2) река – der Strom, Fluss; **с. 1509:** *idil* [казан.-тат.] «большая река, преимущественно река Волга ...»; *ак idil* «река Кама или Белая ...»; *кара idil* «Волга – die Wolga»; *Ука idil* «река Ока – der Fluss Okka» (в его примерах смешаны латинские и кириллические t/т, d/д. – Г. К.). Радлов ошибся: *Кара Идел* не *Волга*, а *Уфа*.

Таким образом, у В.В. Радлова и у М. Фасмера отсутствуют как попытки классификации перечисленных вариантов, так и попытки какого-либо анализа.

II. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь [5]: 1. **С. 46–47:** «Белая – л. пр. Камы в Башкирской АССР. Рус. калька тюрк. назв. *Ак-Итиль* (у волжских болгар): *ак* «белый», *Итиль* – назв. Волги; противоположно *Кара-Итиль*». Некорректность этого сообщения В.А. Никонова в том, что рус. *Белая* перевод не волжско-болгарского (источник не указан), а тат. *Ақ Идел* или башк. *Ақ Изел*, ставших известными после присоединения Поволжья Иваном Грозным; вариант *Итиль* имеет источником неточно транскрибированные (транслитерированные) исторические памятники на арабском, еврейском и персидском языках. То же относится и к *Қара Идел*, *Қар(а) Изел* (не *Кара Итиль*). В современных языках башк. *Ақ Изел*, тат. *Ақ Идел*, чув. *Шур/Шор Атӑл* относятся исключительно к реке *Белой*; 2. **С. 87:** «В тюрк. языках среднее и нижнее течение В[олги] получило назв. *Итиль* (*Этел*, *Атал* – следовало *Атӑл* – удержано в современном чуваш. языке). По Л. Рашони, назв. *Атиль* существовало еще до н.э. («Acta linguistica», Budapest, III, 1953, № 3–4, с. 347–350)». Здесь обычные для российских авторов две неточности, во-первых, в чув. нет и не было звучания *Этел*, чув. письм. *Атӑл* скрывает [аДӓл, аДӑл, аДӑл], «тюркская» форма *Итиль* – книжного происхождения; 3. **С. 170:** «**Кама** – лев. пр. Волги ... В тюрк. языках Поволжья *Ак-Идель* (*ак* «белая» ...) ... Не исключено, что волжские болгары главной рекой могли считать не Волгу в современном смысле, а реки *Белую* и *Нижнюю Волгу*, притоками – *Каму* до слияния с *Белой* и *Волгу* до слияния с *Камой*». Сказанное В.А. Никоновым не вполне убедительно, потому что столица Волжской Болгарии / Булгарии – город *Болгары Великие / Великий Город* – располагалась непосредственно в треугольнике, образуемом впадающими друг в друга великими реками – *Волгой* (несет воды почти в полтора раза меньше) и *Камой* (исконное тюркское название *Чолман / Чулман Атӑл / Идел*, по-башкирски должно звучать **Солман / Сулман Изел*), которая почти в полтора раза многоводней. Трудно себе представить «географическую ущербность» болгар / болгар, считающих более полноводную реку притоком менее полноводной. Любопытно, некоторые авторы волжских болгар / болгар называют волжско-камскими болгарями / болгарями или даже – камскими болгарями / болгарями. *Ақ-Идел / Ақ Изел // Шор / Шур Атӑл* «Белая» в разы меньше *Камы*, вряд ли ее название после впадения в *Чолман / Чулман Идел / Атӑл* могло быть перенесено на дальнейшее течение великой реки; 4. **С. 441:** «Тюрк. назв. р. *Уфа Караидель* (*кара* «черная» в отличие от *Ак-Идель*, как называли р. *Белую*)». **Современный русско-башкирский словарь водных объектов Республики Башкортостан** [8] указывает: «Русское название *Белая / Агидель*, башкирское название *Ағизел* ... происхождение названия – от *ак* «белая, чистая, священная» и древнетюрк. *изел (itil)* «река» [7. С. 41]. На самом деле в Древнетюркском словаре: **ITIL–III** см. **etil-** [4. С. 2156], **ETIL** *геогр.* Название реки, Волга (?), (МК I 73, ЛОК 18–5) [4. С. 1876], т.е. приведенные формы **возможно относятся к названию Волги**, они не древние (МК – Махмуд Кашгарский – XIII в. – это средневековье), исключительно башкирское *изел* в нарицательном значении не документируется и в Древне-

тюркском словаре отсутствует. Относительно русских вариантов потамонима *Уфа / Караидель* указана башк. форма *Қаризел* (ожидалось *Қара Изел*), происхождение – «от *Кара* «черная, северная» и *изел* «река» [7. С. 221]. В словарях *қара* «северный» отсутствует, указывается *қара* «дремучий» (о лесе), а *север, северный* всюду *төньяк*, букв. «ночная сторона».

III. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка [12]: 1. С. 69: АТЃЛ. Название реки Волги ... Тюркские соответствия: др.-тюрк. **Edil=Etil** название реки; Волга? (ДТС, 163); тат. *Идел*; чаг. *Адил* река Волга (в сказках); река (Радл. Сл. I, 857) = чаг. *Атил* река Волга (Радл. Сл. I, 842); каз. *Идел* (=Адил) большая река, преимущественно река Волга (Радл. Сл. I, 1509). Византийский хронист Theorphan (ок. 752–819) ... несколько раз повторяет «величайшую реку, стекающую вниз от океана (Северного ледовитого океана? – Г. К.) по земле сарматов и называемую *Ател*» (с. 66). В латинском переводе ... «около полувека спустя после создания греческого оригинала» (с. 71) стоит *Atel* (И.С. Чичуров. Экскурсы Феофана о протобулгарах // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976)».

Как видим, совершенно необходимый для этимологической статьи **словообразовательный анализ** здесь у М.Р. Федотова, как и у его предшественников, **полностью отсутствует**, значение же изложенного состоит в том, что к повторяющимся от автора к автору примерам имеется ценное добавление: греч. **Ател**, латин. **Atil** – с конкретной датировкой (752–819 гг. н.э.), указывающей на эпоху Хазарского каганата и Великой Болгарии (изначально между азовско-черноморским побережьем и бассейном Кубани, позже – в волжско-камском поречье), а также – на надежный источник.

Достойно сожаления, что М.Р. Федотову при создании его выдающегося словаря, остался неизвестным вышедший в свет на 6 лет ранее фундаментальный труд А.П. Новосельцева «Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа» [6], содержащий указания на арабо-персидские, греко-латинские и другие оригинальные источники в гораздо большем числе и разнообразии. В свою очередь, А.П. Новосельцеву при создании его вышеназванного труда осталась неизвестной вышедшая на 12 лет ранее в журнале «Советская тюркология» статья М.Р. Федотова «Этацизм и итацизм в свете тюркских названий реки Волги» [11], специально посвященная объяснению колебания анлаутных **ä-i-** и имевшая целью «уточнить хронологию одного из интереснейших явлений исторической фонетики тюркских языков, а именно звукопереходов **ä>a, ä>e>i** в тюркоязычных названиях реки Волги» [11. С. 44]; она имеется в свободном доступе в интернете, что делает ненужным пересказ ее содержания в нашем случае, достаточно будет ограничиться комментариями к четким однозначным выводам автора (их всего 5), представляющимся нам далеко не корректными.

Первый вывод: «(1) чув. *Атӓл* (-д-) своей формой почти не отличается от зафиксированных в V–VIII веках византийских форм ...».

Небезупречность этого заявления в следующем. В начале своей статьи М.Р. Федотов приводит данные из знаменитой публикации О. Прицака (Omeljan Pritsak) [15. S. 406], при хронологическом перечислении которые должны выглядеть так: а) *Αττιλα* «Волга» (Менандр Протиктор, около 582 г., т.е. конец VI в. н.э.); б) *Ἀντελης, Ἄταλ* «Волга» (Феофан, хроника, до 818 г., т.е. рубеж VIII–IX вв. н.э.); в) *Atel, Atal; Ατηλ* «Волга» (латинские переводы Анастасия, 873–875 гг., т.е. конец IX в.); г) *Ἐτελ* (Константин Багрянородный, до 959 г., т.е. конец X в.) [11. С. 45]. В этом списке V в. отсутствует; все данные в промежутке – конец VI – конец X вв.!

Данные памятников древней восточной литературы из той же публикации О. Прицака [15. S. 407–408] в исторической последовательности выглядят так: а) *'itil* (Ибн Русте, около 903 г.); б) *ātl* (Ибн Фадлан, 922 г.); *'tl* (ал-Балхи, до 934 г.); г) *'itil* (Истахри, середина X в.); д) *atul* (Ибн-Хаукаль, около 975 г.); е) *ātl* (аноним Hudūd al-'alam, 983 г.); ж) *'itil* (ал-Мукаддеси, 996 г.); з) *ātl* (ал-Бируни, до 1048 г.); и) *ātil* (Махмуд Кашгари, около 1070 г.); й) *'itil* (ал-Гарнати, 1162 г.); к) cod. Alger: *atal* (год не указан); все данные в промежутке – начало X – середина XII вв.!

При внимательном знакомстве с приведенными выше списками выясняется: а) формы с анлаутным **А-** датируются: VI в. (582 г.), VII в. (армянский географ-аноним), IX в. (818 г., 873–875 гг.), X в. (922 г., 975 г., 983 г.), XI в. (1048 г.); б) форма с анлаутным **Ä-** XI в. (1070 г.); в) форма с анлаутным **Е-** X в. (959 г.); формы с анлаутным **i-**, в свою очередь, датируются: середина X в., далее в X в. – 903 г., в XII в. (1162 г.), в XIII в. (1229 г.). То есть **А-** анлаутные формы появляются много раньше – с VI в., их зарегистрировано больше (около 10), **i-** анлаутные формы появляются почти на 4 века позже, их зарегистрировано у О. Прицака всего 5, две из которых – совсем поздние – XII и XIII вв. Поздними являются и формы с **Ä-** анлаутом (XI в.), с **Е-** анлаутом (X в.), к тому же они единичны. На основе сказанного утверждать еще нельзя, но предполагать можно: **А-** анлаутные формы древнее всех остальных, они преимущественно греческие, а эллины и позднее – византийцы на территориях, примыкающих к Поволжью, известны на столетия раньше мусульман и иудеев.

Второй вывод: «чув. *Amäl* восходит к др.-тюрк. форме *Adil*, зафиксированной в енисейском памятнике E 36¹⁵...» [4. С. 163].

Этот вывод не безупречен, как и первый (см. выше).

На с. 163б «Древнетюркского словаря», откуда почерпнуто М.Р. Федотовым слово, написано следующее: «**Edil**, геогр. название реки, Волга (?) (E 36₃). Ср. *etil* (Второй памятник из долины р. *Тубы*, надпись из 3 строк». Соответственно на с. 187б: «**Etil**, геогр. название реки, Волга (?). (МК I 703, ЛОК 18₅)». Здесь МК – словарь Махмуда Кашгарского (XI в.), ЛОК – Легенда об Огуз-кагане (XIII в.). Что **Edil/Etil** – названия Волги, подано под вопросом. Далее, **Edil** – не датируется, а **Etil** – XI в.! – никакая не древность, всего-то средневековье. Восхождение чув. *Amäl* к форме **Adil* (на самом деле в словаре *Edil!*) трудно представить исходя из пространственно-хронологических соображений; говорить, что слово одного языка (чувашского) восходит к слову другого языка (енисейско-тюркского) можно лишь в случае, если одно заимствовано у другого (например, чув. *кёрепле* восходит к рус. *грабля*), а если енисейско-тюркские *Edil* и *Etil* действительно являются названиями реки Волги, то они вместе с чув. *Amäl* сами должны быть продолжениями некоего пратюркского архетипа, имеющего более или менее прозрачную словообразующую структуру. Лексика орхоно-енисейских памятников условно именуется древнетюркской, она не представляет собой исходное состояние лексики всех тюркских языков, она должна рассматриваться на равных с древней лексикой уйгурских, огузских, болгаро / булгаро-хазарско-древнечувашских, кыпчакских и т.д. наречий. Язык орхоно-енисейских памятников – не предшественник всех других тюркских, а всего-навсего – один из тюркских языков, получивших письменность в эпоху, когда остальные ее еще не имели. Если бы от гунно-болгаро-хазаро-древнечувашского языка остались письменные памятники, то представлялась бы возможность параллельно ныне изданному «Древнетюркскому словарю» издать еще один «Древнетюркский словарь», существенно отличающийся от имеющегося как составом лексики, так и ее – лексики – фонетико-морфологическими характеристиками. Если речь идет не о заимствованиях, то лексические параллели из разных родственных языков должны возводиться к условным архетипам, ни в коем случае гомогенная параллель одного языка не должна возводиться к параллелям другого языка.

Третий вывод: «византийские названия реки Волги V–VIII вв. отражают звукопереход **ä>a**. Он осуществился не после XIII в., а в раннюю эпоху формирования тюркских языков, еще во времена енисейских или даже доенисейских памятников ...».

Утверждение более чем сомнительно, нет никаких оснований думать, что существуют «доенисейские памятники», что именно формы енисейских памятников через тысячекилометровые степи Евразии дошли до Византии, что с енисейцами не могли конкурировать по-тамонионосители из среды гуннов, хазар, болгар, восточных славян, что не коренные или основные жители бассейна великой реки дали ей название и это название было заимствовано соседями-невожжанами, жителями Зауралья, Северного Кавказа и Закавказья, Подонья, Поднепровья и далее...

Как мы видели в нашем комментарии ко второму выводу М.Р. Федотова, в «Древнетюркском словаре» «древнетюркские» варианты выглядят вовсе не *Adil*, а *Edil* и *Etil*, вовсе не отражающие «звукопереход **ä>a**», а наоборот, по причине палатального сингармонизма восходящие к **Adil*, реально здесь переход **a->ä->e-**, то есть – все наоборот...

Четвертый вывод: «**I-** в кыпчакском названии *Idël* восходит к закрытому переднеязычному **E-**, который в свою очередь восходит к более открытому заднерядному **Ä-** (здесь необъяснимая ошибка терминологического характера; **Ä-** это переднерядная пара заднерядного **A-!** – Г. К.), то есть **Ä->** чув. **A:** *Ädil* > чув. *Amäl*; *Ädil* > *Edil* > кыпчак. *Idël* ...». Выглядит убедительно, однако эти переходы реальны при одном, замалчиваемом М.Р. Федотовым условии, а именно, если языковые параллели-варианты чув. *Amäl* [*aDäl* / *aDöl* / *aDïl*] действительно являются нарицательными словами со значением «река / большая река» и в большем числе восходят к пратюркскому архетипу. Но ведь этот архетип никем не реконструирован, выдавать «древнетюркские» (по существу – мононациональные орхоненисейские) слова за формы, к которым «восходят» аллолексы всех других (или большей части других) языков с точки зрения стандартных сравнительно-исторических процедур совершенно недопустимо. Попутно следует отметить бездоказательность реконструкции О. Прицака: **äs* (> чув. *ac-*: *~lä* «большой, великий») плюс тюрко-монг. **tal*/**dal* «большая река; море; разлив, наводнение» [15. S. 412–413] получают, якобы, антропоним *Αττιλα* и варианты чув. *Amäl*: *Ätel*, *Ätal* и т.п.; но ведь не имеется ни единого примера (ни в одном языке) упрощения сочетания **-st->-t-** или регрессивной ассимиляции **-st->-tt-** с последующим стяжением **-tt->-t-**; не приведен ни один потамоним с определяемым географическим номенклатурным термином *-dal/-tal* в границах былой и современной тюркской ойкумены. На сегодня известен лишь пример прямо противоположного фонетического развития, мы имеем ввиду: **-dt->-tt->-st-**, ср. рус. *вед-у* (наст. вр.), *ведти* (инфинитив) > **ветти* (оглушение **-д->-т-**) > *вестти* (диссимиляция **-тт->-ст-**), или рус. *плет-у* (наст. вр.), **плетти* (инфинитив) > *плестти* (диссимиляция **-тт->-ст-**). То есть, примеры **-tt->-st-** регистрируются реально, а примеров **-st->-tt->-t-** нет.

В попытках усмотреть в архетипе потамонима *ADäl / Ädil / Idäl* дополнительный согласный перед **-д/-т-** О. Прицак не одинок. Р.Г. Ахметьянов [1. С. 293б, 294а] указал в качестве убедительных параллелей: кабардин. *Андыл*, адыг. *Индыл*, но оставил без попыток объяснить, хотя с учетом кумык. *Дол* все выглядит совершенно прозрачным, так как в этом ряду само собой напрашивается членение *Ан-дыл* (<**An-Dol*), *Ин-дыл* (<**In-Dol*), где **ан-/ин-** (<**än-**) «широкий», ср. др.-тюрк. *en*, кыпчак. *иң*, турец., азерб., чагат. и т.д. *ән* «ширина»; алт. *ён* «широкий», Э.В. Севортян предполагал глагольный корень **ен-* «быть широким» [9. С. 352], ср. *Ин-гул* [10. Т. II. С. 131], *Ин-сар* «обширное болото» и нек. др.; а *-дыл*: *Ан~*, *-дыл*: *Ин~* прямо соотносится с кумык. *Дол* «Волга», разумеется, из восточнославянского источника, отраженного и в других потамонимах; ср.: *Дол*, лев. приток р. *Нарма*, впадающей справа в р. *Гусь* (лев. приток р. *Ока*, бсн Волги); *Коряжный Дол* – прав. приток р. *Синташты* (приток р. *Тобол*, бсн р. *Иртыш*; территория Брединск. р-на Челябин. обл.); *Сухой Дол* – лев. приток р. *Свияга*, бсн Волги; территория Цильнинск. р-на Ульянов. обл.; *Сухой Дол*, впадает в р. *Утелга* (бсн *Зиган* → *Белая* → *Кама* → *Волга*; территория Иткулов. с-совета Ишимбаев. р-на Башкортостана).

С адыг. *Индыл* (<**Индул* <**Индол*) переключаются крымско-татарские: *Suvlu Indol / Сувлу Индол*, русская параллель – *Мокрый Индол*, результат слияния рек *Су-Индол* и *Салы*, впадает в р. *Восточный Булганак*, далее – в *Сиваш* (Крым), река на самом деле горная, узкая, но по сравнению с другой рекой – *Quru Indol / Къуру Индол / Сухой Индол*, также впадающей в *Сиваш*, еще более узкой, пересыхающей и теряющейся у *Русского Карабая*, она могла именоваться *Широкой*, но поскольку и *Сухой Индол* содержит компонент *-Индол*, убедительнее будет в составе этих потамонимов в слове *Ин-* усматривать не *ин-/ан-* «широкий», а омонимичные тюркские *ин* «нора; берлога» [9. С. 352; 16. S. 172а], или *ен/ин* «низ», «низкий», «низменный», «спуск» [14. Т. I. С. 49], см. также [9. С. 354]. У крымских краеведов встречается написание *Эндол* (!). Возможен, однако, вопрос, написание *Куруандал* на военно-

топографической карте генерал-майора Мухина (1817 г.) является ошибочным, или это исконное тюркское (огузское, крымско-татарское) произношение? В последнем случае следует учесть кумык., крымско-караим. *дал* «ветвь; ветка», *тал* «ива; тальник; верба» (их другие тюркские параллели см. [9. С. 130–131]) и формы *Индол*: *Мокрый*~, *Сухой*~ считать источником переосмысления.

Пятый вывод: «предположение, что **А-** в вышеприведенных византийских формах по существу изначально и в этом виде сохранилось в чувашском языке, противоречит всей истории вокализма тюркских языков, поскольку **анлаутное А- древнетюркских слов в чувашском последовательно переходило в гласные ы, ä, о>у**. Однако история чувашского языка не знает форм **Ытäl, *Äтäl, *Отäl > *Утäl*».

Во-первых, следует еще раз возразить М.Р. Федотову: чувашские слова не восходили никогда, не могли восходить и не восходят к древнетюркским словам, чувашский язык не происходит от древнетюркского, а вместе с последним восходит к группе говоров, диалектов, наречий пратюркского языка; «**древнетюркский**» язык (не глубже VI–XIII вв.) ни в каком случае **не является пратюркским!**

Во-вторых, нет никаких доказательств существования в пратюркском языке географического номенклатурного термина **√'tl-, *√'dl-* «(большая) река» с прозрачной словообразовательной структурой. Если даже условно признать реальной упомянутую выше реконструкцию О. Прицака, то невозможно допустить, что она относится к пратюркской эпохе, несомненно относящейся к временам до нашей эры.

Исконными не вообще, а для других тюркских языков, разумеется, являются тат., башк. диал. *Идел* [Ídəl / Ídíl], чув. *Äтäl* [ÄDäl / ÄDöl / ÄDül], при этом башк. литературное *Изел* [ídəl / ídíl] – вторичный результат перехода **-d'-** в межзубный / интердентальный **-ð-**. Осмысление этих форм следует начинать с осознания их не типичной для других тюркских акцентуации, а именно – ударение имеет место не на последнем, а на первом слоге; второй / последний слог во всех трех языках образован редуцированным гласным. Это норма всех марийских наречий, унаследованная чувашским языком от доказанного / реального марийского субстрата. То есть татарский вариант *Идел* по отношению к чувашскому вторичен. Но возможно ли, вопреки всему сказанному М.Р. Федотовым, развитие анлаута **А->И-**? Считаем, что возможно.

Не следует забывать, что кабардин. *Андыл*, адыг. *Индыл*, кумык. *Дол* – это названия реки Волги, их анлауты **А-/И-** точно повторяют анлауты болг.-чув. *Äтäl* [ÄDöl / ÄDäl / ÄDül] и кыпчак.-тат. *Идел* [Idəl, Idíl], они возводимы к **Andul < *Andol, *Indul < *Ändol < Andol*. Сказанное противоречит принятому постулату – в тюркских нарицательных словах имело место развитие **Ä->А-* (чув.), **Ä->Е->И-* (кыпчак.), см. [11. С. 44–47]. Но мы в данном случае имеем дело вовсе не с историческими лексическими параллелями в границах семьи близкородственных языков, где гласные переживают закономерное развитие в виде последовательного сужения или расширения, упереднения или узаднения, а речь должна идти о фонетической судьбе прямых или опосредованных заимствований собственных имен, когда имеют место не историческое развитие, а субституции (замены) звуков языка-источника в языке-приемнике, заимствующие произносят заимствованное имя ни с чем не соотносясь, а как им удобно, часто переосмысливая или домысливая. Поэтому вопреки исторической фонетике возможна субституция **а>ä** (не узаднение, а упереднение анлаута), ср. араб. *Rağab / Раджаб*, но башк., тат. *Реджан*; персид.-араб. *Рашид* – тюрк. *Ришид*; араб. *Рахим* – башк. *Рэхим*; персид.-араб. *Рахмат* – башк. *Рэхмät*.

Не итогом исторического развития, а результатом субституций (замен) звуков явились тюркские варианты др.-греческого антропонима *Александрос* «Защитник мужей»: *Искандер, Искендер, Искандербек* и т.д., ср. зеркально: чув. *Äтäl* [ÄDäl, ÄDöl, ÄDül] ~ тат. *Идел* [Idíl, Idəl] «Волга» (!). Подобные субституции не редкость и между говорами (диалектами) самого татарского языка, ср. судьбу персидского *'Almäs* «алмаз, бриллиант» в татарских вариантах: *Алмаз / Алмас / Илмаз / Илмас*; или: *Алира / Элира / Илира* [3. С. 41]; *Альмир / Эльмир / Ильмир* (муж.), параллельно: *Альмира / Эльмира / Ильмира* (жен.); **Ангел(ь) / Энгель / Ингел* [3. С. 213]. Болгаро-чув. *ÄDül* и т.д. вошло в кыпчакско-тат. как **Ədil* [Ädíl], затем сузило ан-

лаут: > *Edil* > *Idil* (орфографически *Идел*), точно так как *Алмаз* > *Илмаз* и т.д. Упереднение заднерядных гласных при заимствовании в татарском хорошо иллюстрируют арабизмы типа: *'Amīr* > *Амир* > *Әмир* / *Эмир*; *'Anṣar* > *Анвар* > *Әнвәр* > *Энвэр* и т.д.

Восточнославянское военное, торговое и местами вполне вероятное административно-политическое присутствие в бассейне Верхнего и Среднего Поволжья, включая Поочье, Пособье, Поветлужье, Покамье (с бассейном р. Вятки) делает вполне вероятным в прошлом наличие, допустим – в языке великоновгородцев – географического номенклатурного термина **одол*, параллельно с сохранившимся поныне рус. *подол* (из *по-* и *-дол*), ср. др.-рус. *Подолие*, укр. *Поділля* (старорус. *Русь Дольняя, Понизье*, укр. *Пониззя*, между Южным Бугом и Днестром), укр. *поділ* (род. п. *подолу*) «низменность, долина, дол и под.», *діл* (род. п. *долу*) «долина; дол», «пол» (в доме), «низ». Имеются на территории России два созвучных топонима на большом расстоянии друг от друга: 1) комоним *Одола* (осетин.-дигор. *Уодола*, осетин.-ирон. *Одола*), село в левобережье р. *Урух*, при впадении в р. *Харесидон* притока *Сури* в Ирафском р-не Республики Северная Осетия-Алания (ни у В.И. Абаева, ни в осетинско-русских или русско-осетинских словарях основа *одол-* не встречается); 2) потамоним *Одола*, прав. приток р. *Маймакан* (лев. приток р. *Мая* (бсн *Лены*) в Хабаровском крае, но образованы они от глагола *одолеть* или на базе *дол* «долина; низ(овье)» – совершенно не понятно. Во всяком случае, в русских говорах Забайкалья (Могочин. р-н Читин. обл.; с. *Оймур* Бурятии) зарегистрировано *одóлина* «низменное место, по которому во время разлива реки течет вода» [13. С. 260а]. Произносятся эти слова в южнорусском варианте *одол* [адóл], *подóл* [падóл], **а-, -а-** в первом слоге, при заимствовании их в болгаро- / болгаро-чувашиские говоры происходит перенос ударения на первый слог по причине наличия в нем широкого задненебного гласного **-а-**, ср. субституции: рус. *Давид* ~ чув. *Тáвйт*; рус. *Овѣн* [авѣн] ~ чув. *áвѣн*; рус. *завод* ~ чув. *сáвѣт*, следовательно – рус. *одол* [адóл] ~ чув. *áДáл* > *Атáл* [ÁДóл, ÁДѣл, Адѣл], последний ряд возможен и из *Подóл* [Падóл], в случае утраты анлаутного согласного **П-**, что иногда случается, ср. рус. *пóжжня* ~ чув. *ушине* / <**ошине, ѣшине* [õšn'e, ýšne].

Таким образом, чувашские потамонимы на основе *Атáл* фактически базируются на восточнославянском, ныне утраченном в современном русском языке, географическом номенклатурном термине-петрификате **одол* [adól] (как и *подол* [падóл], образованном от *дол*), и исконно означают: *Аслá Атáл* «Великий Дол», *Нухрат Атáл* «Новгородский Дол» (Вятка), *Чулман / Чолман Атáл* «Чолманский Дол», «Кама» (*Кама* – индо-иран. наследие, ср. осетин. *ком* «дол(ина)»; *Шор / Шур Атáл* (башк. *Ағизел*, тат. *Ақ Идел*) «Белый / Священный Дол». Исконно тюркские названия Волги были явно другие, марий. *Йул* (утрачен обязательный вариант **Йол*) «Волга», созвучен с тюркскими *Чол / Чул, Йол / Йул, Сул / Сол* «дорога», «река», «водный путь», с увеличительным **-га** (для согласования в жен. роде), возможно в восточнославянских дало *Йолга / Йулга*, субституция **Й-/В-** (ср. рус. диал. *она* ~ *вона* ~ *йона* и под.) дала *Волга* (анлаутный **В-** мог развиться после утраты **Й-**: **Йолга* > **Олга* > *Волга*), на что несомненно оказало влияние и этимологическое сближение с аллонимами южнославянского *влага*, восточнославянского **волога* (в этом ряду *Волга* или **Валга* выглядит как праславянское (!), ср. *балто*, ст.-слав. *блато*, вост.-слав. *болото*).

Корректирующее дополнение. Поддерживаемое Р.Г. Ахметьяновым сближение потамонимов *Идел* и *Иртыш* [1. С. 293б–294а] сознательно оставляем без комментариев.

Литература

1. Ахметьянов Р.Г. Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Т. I. А–Л. Казань: Магариф-Вақыт, 2015. 543 с.; Т. II. М–Я. Казань: Магариф-Вақыт, 2015. 567 с. (на тат. яз.).
2. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чăваш сăмахăсен кĕнеки. Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928–1950. Вып. I–XVII.
3. Галиуллина Г.Р. Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 352 с.
4. Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.
5. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 510 с.

6. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.
7. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. Санктпетербургъ: Императорская Академія Наукъ, 1893–1911. Т. 1–4.
8. Русско-башкирский словарь водных объектов Республики Башкортостан / сост. Ф.Г. Хисамитдинова, Р.З. Шакуров, З.А. Сиразитдинов, Ю.Х. Юлдашбаев. Уфа: Китап, 2005. 256 с.
9. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1974. 767 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964–1973. Т. I–IV (=1986–1987; 1996).
11. Федотов М.Р. Этацизм и итацизм в свете тюркских названий реки Волги // Советская тюркология. № 4. 1978. С. 44–47.
12. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. Т. I–II.
13. Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М.: Наука, 1980. 472 с.
14. «Divanü Lûgat-it-Türk» tercümesi. Çeviren Besim Atalay, I–III. Ankara, 1939–1941.
15. Pritsak Omeljan. Der Titel Attila. «Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag». Wiesbaden, 1959.
16. Räsänen Martti. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969. [Lexica societatis Fenno-Ugricae XVII. 1.]. 533 S.

КОРНИЛОВ ГЕННАДИЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Л.В. БОРИСОВА

ФАУНИСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить национально-культурные особенности семантики фаунистической лексики русского, чувашского и туркменского языков. Исследование данной группы лексики актуально, поскольку позволяет выявить национально-культурные особенности языковой категоризации мира. Работа выполнена на материале, отобранном из лексикографических и фольклорных источников. Анализ языкового материала осуществляется на основе положений когнитивно-дискурсивного подхода, сформулированных Е.С. Кубряковой. В работе использованы такие методы, как дистрибутивный анализ, кластерный анализ, концептуальный анализ, компонентный анализ, сопоставительный метод. Исследование показало, что к эффективным способам выявления этнокультурной специфики языковой картины мира можно отнести анализ фаунистической лексики в когнитивном аспекте.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, национально-культурная специфика, репрезентация, русская языковая картина мира, сопоставительная семантика, туркменская языковая картина мира, фаунистическая лексика, чувашская языковая картина мира.

В данной работе представлен опыт изучения интерпретирующего потенциала фаунистической лексики в аспекте языковой картины мира. Цель исследования заключается в выявлении национально-культурной специфики репрезентации кластера «фауна» в русской, чувашской и туркменской языковых картинах мира. Объектом исследования послужила фаунистическая лексика русского, чувашского и туркменского языков. Материал исследования отобран из лексикографических источников и произведений фольклора.

Исследование опирается на теоретические положения когнитивно-дискурсивного подхода, разработанные Е.С. Кубряковой [6].

Единицы языка, представляющие собой наименования животных, составляют обширный пласт в лексической системе любого языка. В лингвистике такие лексические единицы обозначают термином «фаунистическая лексика». На протяжении многих лет фаунистическая лексика привлекает внимание лингвистов, поскольку наименования животных издавна широко

используются в переносном значении для характеристики человека. В частности, в русле семиологического подхода фаунистическая лексика была рассмотрена А.О. Кубасовой [7]. К изучению зоонимической лексики обращались также Е.В. Метельская [8], И.В. Миронова [9], М.В. Соколова [10] и другие лингвисты. Сопоставительное исследование репрезентации кластера «фауна» в русской и чувашской языковых картинах мира было проведено в нескольких наших предыдущих работах [2; 3; 4].

Настоящее исследование показало, что наименования многих представителей фауны имеют совпадающую культурную коннотацию в русской, чувашской и туркменской языковых картинах мира.

Во всех трех проанализированных языках медведь символизирует силу, волк – хищность, а заяц – трусость. В туркменской культуре с зайцем ассоциируется также милый безобидный человек, очень привязанный к своему дому. Туркмены говорят: «Зайцу родной холм дороже всего».

Лев в русской, чувашской и туркменской языковых картинах мира символизирует храбрость, мужество. В русском языке есть выражение «сражаться как лев», то есть храбро сражаться. Чуваши о сильном человеке говорят: «Силен как лев». О человеке, чьи физическая сила и ловкость вызывают восхищение, туркмены говорят: «С глазом сокола, с лапой льва». О храбром человеке туркмены говорят: «С крыльями сокола, с сердцем льва». В туркменском фольклоре есть пословица: «Не горюй, что родилась дочь: львица достойна льва». В чувашской культурной традиции со львом ассоциируются также высокомерие, спесивость. В чувашском языке есть выражение «высокомерен как лев».

Положительной коннотацией характеризуется во всех трех проанализированных языках конь. В русской культуре конь (лошадь) – символ трудолюбия, выносливости. Крепкое здоровье русские называют *лошадиным здоровьем*. В русском устном народном творчестве есть поговорка: «Конь не пахарь, не кузнец, не плотник, а первый на селе работник». В чувашской культурной традиции конь – самое почитаемое домашнее животное [5]. У чувашей есть поговорки: *Лошадь – жизнь человека; Конь – крылья мужчины*. Похожая поговорка есть и у туркмен: «У кого конь, у того и крылья». В Туркменистане говорят: «Конь – равноправный член туркменской семьи». Туркменская пословица гласит: «Проснувшись утром, сначала поздоровайся с отцом, потом с конем».

Проведенное исследование позволило также выявить интересные отличия, связанные с национально-культурными особенностями русской, чувашской и туркменской языковых картин мира.

В русской культурной традиции сова оценивается отрицательно, с ней ассоциируются хищность и эгоизм. Русская поговорка гласит: «Сова спит, а кур видит». Эта птица считалась связанной с нечистой силой. В чувашской культуре сова символизирует глупость. Бестолкового, невежественного, глупого человека чуваши называют совой. В туркменской культурной традиции сова – символ мудрости, степенности, опыта и рассудительности. «К сове добыча сама приходит», – говорят туркмены, имея в виду, что мудрость помогает добиваться своего без особых усилий.

В туркменской культурной традиции с шакалом ассоциируются алчность, наглость, лицемерие. У туркмен есть поговорка: «Самую лучшую дыню кушает шакал». Наглого лицемера и обманщика туркмены называют *бесстыжим шакалом*.

Только в чувашской культуре горноста́й символизирует хитрого, изворотливого человека, ловкача и проныру [1].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что фаунистическая лексика представляет собой достаточно информативную лексико-семантическую систему для изучения процессов языковой когниции. Фаунистическая лексика позволяет выявить национально-культурную специфику языковой картины мира с позиций взаимодействия ментальных и языковых структур.

Литература

1. Борисова Л.В. Лексико-семантическая группа «дикие животные» как один из фрагментов языковой картины мира (русские, чешские, английские и чувашские параллели) // Вестник Чувашского университета. 2010. № 4. С. 193–198.
2. Борисова Л.В. Лингвокультурологический анализ названий птиц отряда соколообразных (русско-чувашские параллели) // Филология и культура. 2011. № 3 (25). С. 147–152.
3. Борисова Л.В. Репрезентированные в языке стереотипы и архетипы традиционного народного сознания как объекты лингвокультурологического исследования (русско-чувашские параллели) // Вестник Чувашского университета. 2014. № 3. С. 73–79.
4. Борисова Л.В., Иванова А.М. Ассоциативно-образное осмысление счастья и горя в русской и чувашской языковых картинах мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 116–122.
5. Борисова Л.В. К вопросу о фаунистическом коде лингвокультуры // Межэтническое взаимодействие в поликультурном образовательном пространстве: проблемы языкового взаимодействия и межкультурной коммуникации: сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары: Издательство Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева, 2018. С. 16–19.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
7. Кубасова А.О. Образная характеристика человека в румынском языке через сравнения с животными и зоометафоры (лексико-семантический анализ): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.05. Санкт-Петербург, 2008. 24 с.
8. Метельская Е.В. Образ человека в английской и русской субстандартной лингвокультурах (на материале зоонимов английского и русского языков): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.20. Пятигорск, 2012. 26 с.
9. Миронова И.В. Микросистема зооцентрических обозначений человека и его действий в современном английском языке: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04. Тамбов, 2000. 175 с.
10. Соколова М.В. Лингвокультурологическая специфика фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в марийском и финском языках: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.20. Чебоксары, 2015. 24 с.

БОРИСОВА ЛЮДМИЛА ВАЛЕНТИНОВНА – доктор филологических наук, профессор Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

А.Р. ГУБАНОВ, О.В. СВЕКЛОВА, А.А. ОБЖОГИН, Г.Ф. ГУБАНОВА

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ТЕКСТА ПОСЛОВИЦЫ КАК ЗНАКОВЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ОБЪЕКТ

Аннотация. Исследуется онтологическая модель прецедентного текста пословицы как знаковый культурный объект в русском и чувашском языках. Актуальность исследования связана с тем, что в современном информационном мире интенсивно растет число текстовых массивов, и необходимые целевые знания становятся труднодоступными, а также технология информационно-поисковых систем в основном связана с лексическими или с другими языковыми средствами, а не знаниями и не с онтологической архитектурой текстовых массивов, что актуально для автоматической обработки текстов. В исследовании структура пословиц представлена в виде онтологии. В модель прецедентов-пословиц в Базе знаний включены такие компоненты, как: 1) универсальный (темпоральный) признак; 2) оценочность; 3) каузальность и др. На основании вышеназванных сущностей онтологическая модель прецедентного текста пословицы представлена в программном средстве Protégé.

Ключевые слова: картина мира, когнитивная структура, концепт, паремиологические единицы, фрагмент языковой картины мира, коммуникативная оптимальность, акт аргументации, онтологическая модель, знаковый культурный объект.

Маркерами представления знаний часто выступают естественноречевые тексты, в том числе и пословицы, так как соответствующие формы знаний легко передаются и модифицируются участниками коммуникации. В современном информационном мире, с другой стороны, интенсивно растет число текстовых массивов, и необходимые целевые знания становятся труднодоступными [2, 4, 7]. Технология информационно-поисковых систем, к сожалению, в

основном связана с лексическими или с другими языковыми средствами, а не знаниями и не с онтологической архитектурой текстовых массивов, что актуально для автоматической обработки текстов.

Личностная и культурная значимость пословицы является базисной предпосылкой ее функционирования в качестве прецедентного текста [6, 7]. Следует отметить, в настоящее время большое количество работ посвящено различным аспектам исследования пословичных фондов русских и тюркских языков мира [1, 4, 6, 7, 9, 10].

Благодаря известности, частотности, универсальности, обобщенности и экономии выражения мысли пословицы как прецедентная единица позволяют говорящему трансформировать ее содержание с целью использовать в той или иной ситуации, чтобы достичь коммуникативной оптимальности соответствующего речевого акта аргументирования. Пословицам как прецедентным текстам, обладающим большим аргументативным потенциалом, присуща стереотипная ситуация, содержащая все необходимые оптимальные аргументы для коммуникации, ибо для доказательств своего мнения говорящий апеллирует в системе ценностей и норм поведения слушающего, и в ходе ситуации «прецедент-аргумент / контраргумент» используются тактические ходы с целью изменения модели поведения, характеризующиеся как «общее, присущее каждому человеку чувство истины и справедливости, приобретаемое с жизненным опытом» [5, с. 140].

В современных исследованиях ведущей парадигмой структурирования информационного контента считается онтология, следовательно, структуру прецедентного текста можно представить в виде онтологии [2, 3, 8]. Отметим, что анализ работ, посвященных прецедентным текстам и высказываниям, показывает: для того, чтобы те или иные единицы смогли выступать в качестве прецедентных, они должны иметь соответствующие параметры, т.е. модель прецедентов-пословиц в Базе знаний должна включать в себя следующие параметры:

1) универсальный (темпоральный) признак (пословицы как прецедентный текст выступают как модель общепризнанной (обобщенной) истины (ситуации) в формате концептуального времени и темпорально соотносены с объективной действительностью: а) противопоставляются два временных промежутка «сегодня – завтра» (*паян – ыран*); «утро – вечер» (*ир – каç*): Утро вечера мудренее. – *Каçхи ёç – ир кулли*; Тише едешь, дальше будешь. – *Хуллен кайан, час çитён*; б) временный характер всего существующего, что характерно и для лингвокультур русского и чувашского народов: Куй железо, пока горячо. – *Тимёре хёрнё вăхăтра тупта*; Кто вовремя помог, тот трижды помог. – *Вăхăтра пулайши – виçе хутчен пулайши*; в) благоприятных моментов для совершения каких-либо действий: Будет и на нашей улице праздник. – *Пирён урамра та уяв пулĕ*.

Маркерами универсальной темпоральной характеристики прецедентных пословиц в сопоставляемых языках выступают: а) видо-временные формы вербального компонента текста пословицы: Семеро одного не ждут. – *Çиччĕн пĕр çынна кĕтмесçĕ*; Что посеешь, то и пожнешь. – *Мĕн акан, çав шăтать*; Деньги счет любят. – *Укçа шута юратать*; б) субстантивные контекстные элементы-операторы, способствующие значению обобщенности (личные местоимения *он, ты, оно, один*; неопределенные местоимения – все, все и т. д.: Ты с угла живешь, а я с краю. Он его бранит, а Бог его хранит. Один в поле не воин. – *Пĕччен хулă хуçăлать*; *Пысăк ёçе пĕччен ан пуçан: ёнсўне хуçан* (За большое дело не берись один: хребет сломаешь); в) темпоральные адвербальные компоненты, выражающие неопределенную временную локализацию действия (гномические операторы) – *никогда, всегда*. Всегда говори «да». – *Яланах «çапла» те*; Учиться никогда не поздно. – *Вĕренме нихçан та кая юлман*; Никогда не бывает слишком много хорошего. – *Лайăххи нихçан та ытлашиши пулмасть*; г)менной предикатный компонент, выражающий постоянный признак: Любовь слепа. – *Юрату суккăр*; Хлеб и соль взаимны. – *Çăкăр-тăвар хире-хирĕç*; чув.: *Юрату хăпарту мар, сĕтпе çисе ярайман* (Любовь не ситный хлеб, с молоком не съешь);

2) оценочность (связана со свойством человека осуществлять рациональную и эмоциональную деятельность) выражается в следующих компонентах: имплицитный субъект оценки как анонимный коллективный автор маркируется во вводных неопределенно-личных конструкциях: Век живи, век учись. – *Ёмёр пурән, ёмёр вёрен; Эс хура тул пәтти сймен-ха.* – Мало каши ел; Много будешь знать, скоро состаришься. – *Нумай пёльсен час ватәлать, тет; основание* оценки (в основе аргументативной силы пословицы-аргумента лежат общечеловеческие и групповые ценности: *оценочная шкала «хорошо – плохо»* (негативный/позитивный оценочные компоненты выражаются лексически): Лучше быть счастливым, чем богатым. – *Пуян пуличчен телейлэ пулни лайәхрах; Надежный друг цены не имеет. – Шанчәклә тусән хакё сук; Друг в нужде – это действительно друг. – Пёләш инкекре пёленет; наличие / отсутствие* сравнительного компонента: Знание – сила; Ученье – свет, неученье – тьма. – *Вёренни – сүтә, вёренменни – тёттём; Сердце – не камень. – Чёрё сын чёри чён мар* (Сердце человека не ремень); *Силленсе сил арманё лартаймән* (Злостью не построишь ветряной мельницы). Ср. рус. На сердитых воду возят; а) абсолютная оценка (наличие сравнительного компонента) / сравнительная оценка (отсутствие сравнительного компонента): Ученье – свет, неученье – тьма. – *Вёренни сүтә, вёренменни – тёттём; Малтан хәйне асла хуракан кайран кёсён пулнә.* (Кто сначала считает себя старшим, тот потом станет младшим); Простота хуже воровства. – *Йәвашипа ухмах пёр танах; Не все то золото, что блестит. – Йәлтәр-ялтәр ялтәркки ялан янтар мар иккен; б) оценка с контрастом / альтернативностью: перлокутивная сила* пословицы связана с усилением контраста: антитеза (намеренное противопоставление): *Ёни хура та, сёчә шура* (Корова черная, да молоко белое); Весна цветами красна, осень – снопами. – *Суркунне – сёсски, кёркунне – курланки* (Весной – цветы, осенью – плоды); оксюморон (синтез противоположностей): Порой и смехом плачут. – *Хәш чух кулса та макәраççё; Больному и мед горек. – Чирлэ сынна пыл та йуҗсё туйәнать; ирония: Только у молодца и золотца, что пуговка оловца; Богат Тимошка, живота – собака да кошка; альтернатива (ситуации исключают друг друга с помощью альтернативных союзов а, то/либо): Палка о двух концах: либо ты меня, либо я тебя. – Патак икё вёслё, пёр вёсёне сәпсан тепёр вёсё хәвна пырса тивме пултарать; в) кондициональная модальная оценка: реализованная возможность: Не надобен и клад, коли в семье лад; Коли заварил кашу, так не жалея масла. Чув: *Кам нумай пёлет, вәл сүхалас сук.* (Кто много знает, тот не пропадет); *Кёнекепе туслашсан әсләләх пухан.* (Наберется ума тот, кто дружит с книгой); нереализованная возможность (прецедентный текст характеризует ситуацию как нереализованная): Не будет добра, коли меж своими вражда; *Арәмәнчен вәтәнни ача-пәча курайман.* – Жены стыдиться – детей не видать; Ешь хлеб, коли пирогов нет. – *Кукәль сук пулсан, сәкәр си; нереализуемая возможность (содержит информацию об условиях, осуществление которых невозможно): Когда бы все знал, так бы не погибал. – Укессине пёлнә пулсан, туйшек сарса хунә пултәтәм;**

3) градуальность (сигнификативный контраст *большое – малое*: а) шкала градуальности *большое – малое, много – мало*: Худое охажками, хорошее щепотью; Здоровье выходит пудами, а входит золотниками (*вес*); Не было ни гроша, да вдруг алтын; Не стоит гроша Пахом, а смотрит пятаком; На грош амуниции, а на рубль амбиции (*стоимость*); День долог, а век короток; Терпи горе неделю, а царствуй год; День пируют, а неделю голова с похмелья болит; Посуленного год ждут, а суженого до веку (*длительность*); Не сули журавля в год, а хоть синицу, да в рот; Правда, что у мизгиря в тенетах: шмель пробьется, а муха увязнет (*насекомые, птицы, дикие и домашние животные*); Женина родня ходит в ворота, мужнина в прикалиток (*поселения, строения*); С молода прорешка, а под старость дыра (*отверстия*); Дает стогом, а принимает логом (*движимое и недвижимое имущество*); Не бей в чужие ворота плетью, не ударили бы в твои дубиную (*орудия насилия и наказания*); В лесу – дуб рубль: в столице – по рублю спица (*деревья и изделия из него*); б) шкала «маркеры- числительные два и семь с инвариантом *много – мало*»: Отцов много, а мать одна. – *Аишә аллә, амәшә пёрре анчах* (Отцов – пятьдесят, а мать только одна, т. е. отца легче заменить); *Икё сын – пёр мәшәр, сичё сын – пёр*

семье (Два человека – одна пара, семь человек – семья); *Вун икё пуртă аври пёр сёрте выртнă, вун икё кёнчелеçси выртман* (Двенадцать топорищ могут рядом лежать, двенадцать прялок – нет). Соотв. рус. Семь топоров вместе лежат, а две прялки врозь; Одна головня и в печи гаснет, а две и в поле курятся. *Пёри ака-сухара, сиччён сётел хушинче* (На пашне один, за столом семеро). Соотв. рус. Один с сошкой, а семеро с ложкой;

4) пословицы с имплицитным оценочным компонентом (несмотря на отсутствие оценочных маркеров-компонентов пословица имеет ту или иную аксиологическую оценку): Кто говорит А, должен сказать Б; Находясь в Риме, поступайте, как римляне; *Ватă патёнче ватă пул, çамрăк умёнче çамрăк пул*. (Около старого будь старым, около молодого будь молодым);

5) интенсивность (маркеры-интенсификаторы признака: *большой, слабый, легкий, легкий, мягкий* и др.; количественно-пространственные маркеры: *тяжелый – легкий, большое – малое, длинное – короткое, глубокое – мелкое, широкий, широкий – узкий, высокий – низкий*): Горька работа, да сладок хлеб. – *Ёсё йывăр пулсан çиме тутлă*; Поработаешь до пота, поешь досыта. – *Тарличчен ёслесен тăраниччен çиетён*; Дорогу осилит идущий. – *Ура утсан сул юлать*; Нить в тонком месте рвется. – *Çип астан çинçе, çавăнтан татăлать*; Что посеешь, то и пожнешь. – *Мён акнă, вăл шăтать*; Бери, когда дают, беги, когда бьют. – *Паракантан ил, çапакантан тар*;

б) каузальность (в пословице как в прецедентном тексте отражается логика коллективно-носителя языка, представлен обобщенный народный опыт, самые разнообразные взаимосвязи явлений в свернутом виде, на основе сведений экстралингвистического, лингвокультурологического характера): Нет дыма без огня. – *Вун хутмасăр тётём тухмасть*; *Çил вёрмесёр сулçă (курăк) силленмест, калаçмасăр сăмах тухмасть* (Не было бы ветра, не шелестели бы листья); *Авмасăр майăр татаймăн* (Не соберешь орехов, не согнув ветки). Маркерами выступают: а) одновершинные прецедентные тексты-пословицы с именным / субстантивированным компонентом: *Ахи да охи не дадут подмоги* (Не надо ахать и охать, потому что **они** в беде не помогут); *Мода да вино и скрягу разорят* (Если человек будет модно одеваться и пить вино, то он разорится, даже если он скупой). *Подарки любят отдарки* (Человек ждет ответного подарка, если (потому что, когда) сам подарил что-либо другому человеку); *Боль врача ищет* (Человек ищет врача, если (потому что, когда) он болеет); *Суд что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет* (На суде "большой" преступник проскочит, а мелкий увязнет); **Не пойман** – не вор. – *Тытман вăрă вăрă мар*; **Один** в поле не воин. – *Пёччен шăпăр хуçăлать, ушкăн шăпăр хуçăлмасть*; Всякому **свое** и немыто бело. – *Курак чёппине: «Хура пулсан та хамăн», – тесе калать, тет*; б) двувершинные прецедентные тексты: Кто часто за шапку берется, тот не скоро уйдет. Чув.: *Çиместён-çиместён теекен сичё кукăль çинё, тет*; Кто скуп да жаден, тот в дружбе не ладен. – *Скупой и жадный не ладен в дружбе. У кого много всего в доме, тот не будет в лямке на Дону. – Имеющий много всего в доме не будет в лямке на Дону; Кому надо собаку ударить, тот и палку сыщет. – Желаящий ударить собаку сыщет палку; Кому хочется много знать, тому не надобно много спать. – Желаящему много знать не надо много спать*;

7) локальность (аргументативный компонент в традиционной картине мира русского и чувашского народов указывает, какими значениями наполнялось их первоначальное пространство, на их личное пространство и т.д.). Маркерами выступают: а) одновершинные прецедентные тексты-пословицы с пространственным детерминантом: рус.: **На своей улочке** и курочка храбра, чув.: *Сёпёрте те сын пурăнать*; **Впотьмах** и гнилушка светит. – *Тёттёмре тунката та çутатать*; б) двувершинные прецедентные тексты: Куда стадо, туда и овца. – *Аста йёппи, унта çиппи*; Где здоровье, там и красота. Чув.: *Сывлăхна пуянлăх пёр тан*.

На основании вышеназванных сущностей создаем онтологическую модель прецедентного текста пословицы в программном средстве Protégé:

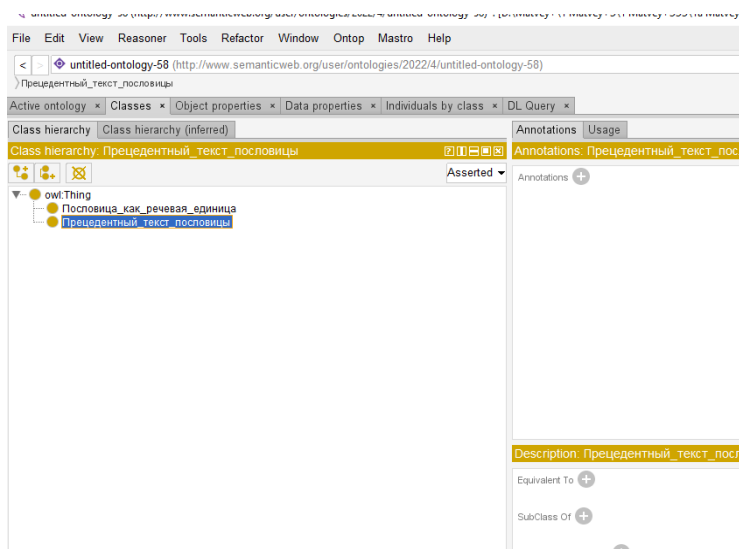

Рисунок 4.12 – Прецедент, вкладка «Главное»,
на вкладке «Главное» расположены основные поля прецедента

Онтологическая модель прецедентного текста пословицы выступает как когнитивная система, где в русском языке задействованы тендерные, культурные, социальные факторы в абстрактном концептуальном поле, а в чувашском языке соответствующий фрагмент языковой картины мира связан с конкретной концептуализацией мира, осложненной эмотивным компонентом.

Литература

1. Борисова Л.В., Иванова А.М. Ассоциативно-образное осмысление счастья и горя в русской и чувашской языковых картинах мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 116–122.
2. Гаврилова Т.А. Онтологический подход к управлению знаниями при разработке корпоративных информационных систем // Новости искусственного интеллекта. 2003. № 2. С. 24–30.
3. Гаврилова Т.А., Хорошевский В.Ф. Базы знаний интеллектуальных систем. СПб: Питер, 2001.
4. Дандис А. О структуре пословицы // Паремнологический сборник. М.: Наука, 1978. С. 13–34.
5. Ивин. Основы теории аргументации. М.: ВЛАДОС, 1997. 352 с.
6. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремнологии. М.: Наука, 1988. 235 с.
7. Пермяков Т.Д. От поговорки до сказки. Заметки по общей теории клише. М.: Наука, 1970. 240 с.
8. Alekseev A.A., Loukachevitch N.V. The automatic retrieval of news entities based on the structure of a news cluster // Scientific and Technical Information Processing. 2012. V 39. № 6. P. 303–309. (Scopus).
9. Olga Evdokimova, Alena Ivanova, Anna Zaharova, Tatyana Romanova, Nadezhda Fedorova. Features of professional training of foreign students – future specialists in Russian philology by Russian universities // The International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences” (CILDIAN-2019) (Volgograd, Russia, April 23-28, 2019). SHS Web of Conferences. Volume 69 (2019).
10. Tatyana Romanova, Olga Evdokimova, Anna Zaharova, Alena Ivanova, Nadezhda Fedorova. The concept family in the Russian and Ukrainian language culture (based on proverbs and sayings) // The International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences” (CILDIAN-2019) (Volgograd, Russia, April 23-28, 2019). SHS Web of Conferences. Volume 69 (2019).

ГУБАНОВ АЛЕКСЕЙ РАФАИЛОВИЧ – доктор филологических наук, профессор Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

СВЕКЛОВА ОКСАНА ВИТАЛЬЕВНА – старший преподаватель Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

ОБЖОГИН АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – старший преподаватель Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

ГУБАНОВА ГАЛИНА ФЕДОРОВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

САНСКРИТ-ТИБЕТСКИЕ ИМЕНА РОДА ХАРГАНАТ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-012-00335 А «Словарь исторической антропониимии хори-бурят»*

Аннотация. Статья посвящена описанию подходов, выбору номинативных признаков, мотивов имянаречения исторической антропониимии. Свод антропонимов извлечен из архивных документов – ревизских описей инородческого населения Иркутской губернии за 1830–1831 гг., хранящихся в фондах Государственного архива Забайкальского края. В статье продемонстрирован ономазиологический подход к анализу имен, предусматривающий опору на определенную семантическую антропомодель, иллюстрацию избранных мотивов имянаречения при анализе и поиске этимологии имен. Исторические антропонимы хори-бурят как важный исторический документ способны отразить не только архаику концептосферы автохтонного населения, но и подтвердить традиционные методы исторической ономастики. Как результат выявилось участие санскрит-тибетских имен в сложении исторической антропониимии хори-бурят.

Ключевые слова: историческая антропониимия, хори-буряты, 11 родов, ревизские описи 1830–1831 гг., Государственный архив Забайкальского края, ономазиологический подход, архаика самосознания, концептосфера, аборигены Сибири, этногенез, санскрит-тибетские имена.

В бурятской ономастике и этнографии упоминаются 11 родов хори-бурят, однако в нашем распоряжении имеются ревизские описи 14 родов, включая все подразделения 3 крупных родовых сообществ – Хоацай (Хуацай), Харганать и Кубдуть, которые записаны в ревизиях как Барунь-Хоацай и Зунь-Хуацай, Барунь-Харганать, Зунь-Харганать, Барунь-Кубдуть, Зунь-Кубдуть. 14-й род – это род Гучит, который не входил в ведомство Агинской степной думы, а был приписан к Урульгинской степной думе Нерчинского уезда. Однако опись данного рода обнаружилась в архивном документе «Ведомость учета народонаселения, имущества и земельных владений, доходов, его источников и обороте, сборе ясака и податей, натуральных повинностей Хайсагарской и Тугнуйской инородных управ. Именные списки общей переписи оседлых, кочевых, бродячих бурят Иркутской губернии, Верхнеудинского округа, ведомства Хоринской степной думы с распределением по разрядам и отчисленных в крестьяне за 1830–1831 гг. Сравнительная перепись населения за 1823 год. 707 листов» [2].

Каждый из 14 родов хори-бурят переписан в данном деле отдельным документом как «Имянной списокъ Въ комиссію Восточной Сибири осоставленіи окладныхъ ясачныхъ книгъ для кочевыхъ ибродячихъ Инородцевъ Иркутской губерніи верхнеудинскаго округу ведомства Хоринской степной думы Цаганскаго рода окочевыхъ братскихъ инородцахъ. 7 іюля дня 1831 года» (менялось название рода). Документ относится к фонду № 284 (опись №1, дело постоянного хранения № 50 за 1830–1917), в котором переписаны поименно все инородцы степных дум – Хоринской и Агинской как подъясачное население.

В рамках реализации данного проекта авторский коллектив реконструировал в 13 научных Сборниках все ревизские описи каждого из 14 родов как исторически аутентичный текст. По каждому из 14 родов выписан и изучен свод исторических имен на предмет описания этноязыковой принадлежности посредством стратиграфии на 3 основных антропонимических пласта – до-тибет-монгольские, санскрит-тибетские и бурят-монгольские имена.

Впервые в отечественной ономастике по результатам анализа исторически аутентичного материала предлагается возможная этимология личных имен хори-бурят. Наименьшее количество бурят-монгольских имен, их относительная «прозрачность» в плане их значения в сравнении, особенно, с огромным числом до-тибет-монгольских имен, значения которых составили этимологическую проблему, доказывает факт консолидации разных этноязыковых сообществ Сибири в единую ныне народность – хори-буряты. Наличие санскрит-тибетских имен по своему языковому происхождению доказывает принятие бурятами ламаистской (буддийской) антропонимической практики имянаречения.

В качестве иллюстрации данного тезиса приведем таблицу из архивного документа «Именной Списокъ. Въ Коммисію Восточной Сибири, осоставленіи окладныхъ ясачныхъ Книгъ для Кочевыхъ и бродячихъ Инородцевъ Иркутской Губерніи Верхнеудинскаго округа Ведомства Хоринской Степной Думы барунъ харганатскаго роду окочевыхъ братскихъ Инородцахъ. Июля дня 1831 года» [2].

Довольно большое число личных имен хори-бурят оказалось санскрит-тибетского происхождения, обусловленное фактом принятия хори-бурятами как восточной группой бурят, буддизма. По своему значению эти имена – это эпитетные имена, значения которых связаны с именами буддийских божеств, бодхисаттв, именованій религиозного культа. Эпитетность значений буддийских имен, объясняемых из санскрита и тибетского языка, призвана служить своего рода оберегом, по-другому, «охранным» именем для человека. Имя буддийского божества традиционно присваивается новорожденному священнослужителем-ламой и призвано оберегать и укреплять положительные качества характера человека, уподобляя его таким образом божественной природе значения имени.

Из приведенной ниже таблицы как иллюстрации оригинального текста исторического архивного документа – ревизской описи Барунъ-Харганатскаго рода 1830 года [2], мы выборочно опишем значение имен санскрит-тибетского происхождения. Это имена АЮША (1 ед.), БАДМА (1 ед.), БАНЗАРГАШИ (1 ед.), БАНЗАРОВЪ (1 ед.), ДАНБА (1 ед.), ЖАМБА (1 ед.), НАМСАРАЕВЪ / НАМЦАРАЕВЪ (2 ед.), ПОНЦОКЪ (1 ед.), САНЖИ (1 ед.), ЦЫДЫПОВЪ (1 ед.), которые по своему значению относятся к именам, объясняемым из лексики тибетского языка.

Табл. 1. Оборот Листа 582

Понцокъ Намсараевъ	45	53	–	
Сынъ Его Ирдыни	2	–	–	померъ въ 1825 году
банзаргаши Намцараевъ	43	51	–	
Сынъ Его Монхондой	7	–	21	въ 1823 году попереписи поошибке написанъ былъ вместо 13 тоисть7 летъ
Зяте /:ане Золту:/ Банзаровъ	11	–	19	
Гыбгуй Шойдоръ Намцараевъ	35	–	43	повыбору общества притугнуйской Галтайской Кумирне править Должность ламбагаа
Сондуй Намцараевъ	40	–	48	
Сынъ Его бату	–	3	–	новорожденной
Лама Жамба Цыдыповъ	23	–	31	Притугнуйской Галтаевской Кумирне править Должность Гыбгуя
бадма Сакіевъ	18	–	26	
Санжи Сакіевъ	17	–	25	
Сыновья Его: Данба	–	5	–	новорожденные
Аюша	–	3	–	
Миди лакшіевъ	77	–	–	померъ въ 1813 году попереписи 1823 года поошибкою помещень былъ въ числе живыхъ что оказалось посея переписи
Шойндонъ Мидіевъ	45	53	–	
Ховаракъ Сондуй Мидіевъ	43	51	–	
		7	7	

В первой колонке ревизской описи дается возраст ясачного инородца согласно переписи за 1823 год. Во второй колонке – возраст новорожденных, а потому не могущих считаться подьясачными. В третьей колонке указан возраст на момент переписи 1830–1831 гг.

Так, имя АЮША как одно из наиболее распространенных имен у хори-бурят объясняется как «Продлитель жизни» и является эпитетным именем божества долголетия в буддизме [4]. Имя БАДМА это самое частотное имя у монголоязычных народов – монголов, бурят и калмыков и переводится с санскрита как «Лотос». Образ лотоса в буддизме символизирует хрустальную непорочную чистоту, так как прекрасный лотос не имеет ничего общего с грязью болота, из которой он произрастает, так же как Будда достигший нирваны, вырвавшийся из болота сансары [1]. Имена БАНЗАРГАШИ и БАНЗАРОВЪ мы трактуем как эпитетное имя буддийского божества и означающее буквально «Объединяющий силу».

Имя ДАНБА это распространенное имя в форме Дамба и понимается от тибетского འཇམ་བཤམ་, транслитерированное латиницей как BSTAN PA 1. ‘Учение’ [5]. Данное имя транскрибировано посредством монгольской кириллицы от исходного тибетского Bstan-pa: *Danba > Damba до современного Дамба 2. «Возвышенный, святой» [4].

Имя ЖАМБА это тибетское ཇམ་བཤམ་ /тиб./ . BYAMS PA 1. ‘Милосердие’. Имя Жамба транскрибировано посредством монгольской кириллицы от исходного тибетского Byams-pa: *Jamba > Jamba до современного Жамба 2. «Милосердие, доброта» и является именем грядущего Будды Майтреи. Зафиксированы формы данного имени как ЖАНБАЕВЪ, к примеру.

Имена НАМСАРАЕВЪ / НАМЦАРАЕВЪ от тибетского RNAM SRAS 1. ‘Бог изобилия’. Имя транскрибировано посредством монгольской кириллицы от исходного тибетского Rnam-sras: *Namsrai > Namsarai до современного Намсарай 2. «Имя божества богатства».

Имя ПОНЦОКЪ по-тибетски རུན་ཚོགས་ /тиб./ ПУНЦОГ. Посредством латиницы это PHUN TSHOGS 1. ‘Обладающий тремя: благодатью, славой, богатством’ [5]. Имя Понцокъ (орфография 1830 г.) транскрибировано посредством монгольской кириллицы от исходного тибетского Phun-tshogs: *Puntsog > Puntsug / Punsug > Puntsag до современного Пунсэг 2. «Совершенный, счастливый, прекрасный». Имя САНЖИ транскрибировано посредством монгольской кириллицы от исходного тибетского Sangs-rgyas: *Sangjai > Sangjai > Sanjaa до современного Санжи «Чистый. Честный».

ЦЫДЫПОВЪ это производное от имени ЦЫДЫП. Имя транскрибировано посредством монгольской кириллицы от исходного тибетского Tshe-bsgrub: *Tsedrub > Tsedüb > Tsedew до современного Цыдып «Жизнедатель» [6].

Таким образом, санскрит-тибетские имена хори-бурят составляют вторую по численности антропонимическую страту в своде исторической антропонимии хори-бурят после до-тибет-монгольских имен. Наименьшее число имен составили бурят-монгольские имена [3]. Анализ количества имен хори-бурят этих двух первых страт позволил сделать вывод о консолидирующей роли буддизма для формирования народности, в общем. К ревизии 1858 года бо́льшая часть именника хори-бурят – это санскрит-тибетские и бурят-монгольские имена.

В данной статье мы описали только те имена, которые имеют санскрит-тибетскую природу. При описании первым указано само имя, затем предположительное тибетское произношение в транскрипции, далее следует транскрипция заверенной вертикальной (уйгурско-монгольской) письменности и, транскрипция современной кириллической версии. Астериском отмечено предположительное тибетское произношение.

В ревизской описи приводятся наименования степеней буддийских санов священнослужителей – ЛАМА, ГЫБГУЙ, ХОВАРАКЪ. Хуvaraки это послушники, первая степень монашества в ламаизме. Обычно хуvaraки – это мальчики в возрасте 8-17 лет. Посвящаемый отвечал на 40 вопросов, при помощи которых устанавливалась возможность принятия монашеского обета. Затем, по прошествии ряда лет обучения в буддийском монастыре хуvaraк избирал для себя персонального учителя – ламу. Лама и Гэбгэ – это более высокие саны, то есть ученые саны, которые присваивались после экзамена-диспута.

Литература

1. Бир Роберт. Энциклопедия тибетских символов и орнаментов. М.: Ориенталия, 2011. 428 с. URL: <https://phototour.pro/content/library/files/131.pdf> (Дата обращения: 12.10.2021).
2. Государственный архив Забайкальского края. Фонд № 284, опись 1, д. № 50 (ЗА 1830–1917 гг.). Лл. 505–628.
3. Жамсаранова Р.Г. Личные имена бурят рода Барунь-Кубдуг за 1830 год / Р.Г. Жамсаранова, З.Д. Бардаханова, В.И. Алтаева. Чита: Читинская городская типография, 2021. 157 с.
4. Сотников И. Словарь бурятских имен. С. Иволгинск, Бурятия: Изд-во Буддийской академии «Даша Чойнхорлинг», 2004. С. 1–22.
5. Modern Tibetan Language / Volume II. Losang Thonden. Published by Library of Tibetan Works & Archives, Dharamsala, and printed at Indraprastha Press (CBT), 4 Bahadurshah Safar Marg, New Delhi-110002. Reprint: 2012, 2016. Pp. 141–149.
6. Atwood, 2004: Atwood Christopher P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. NY, 2004. Pp. 1-11. URL: https://www.academia.edu/4767912/Searchable_list_of_Mongolian_versions_of_Tibetan_names (Дата обращения: 12.10.2021).

ЖАМСАРАНОВА РАИСА ГАНДЫБАЛОВНА – доктор филологических наук, профессор Забайкальского государственного университета, г. Чита, Забайкальский край.

Г.Н. СЕМЕНОВА, Н.И. ЯКИМОВА

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СВЕТ» В ЧУВАШСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация. В языковой системе концепты, будучи сложными ментальными единицами, передают особенности и специфику жизни и мышления народа и представляют собой бесценные ключи к пониманию культуры народа. В особенностях не только лексической системы, но и грамматики того или иного языка отображается необходимость выражения тех или иных смыслов для носителей языка. Формы репрезентации и передачи менталитета членов языкового сообщества на основе культурно значимых синтаксических и грамматических моделей необходимо изучать глубже. В этом мы видим актуальность и данной статьи.

Ключевые слова: структура концепта, лингвокультурная общность, средства репрезентации концепта, светоносность слова, лексические концепты, грамматические концепты, пространственная семантика, ассоциативная связь.

Любая человеческая деятельность неизменно связана с мыслительными процессами, которые воплощаются в языковую форму через те или иные понятия. Именно сейчас, когда основным объектом научного познания является человек, исследования в когнитивной лингвистике, позволяющие увидеть отражение этих процессов, являются востребованными [2], [4], [5], [10], [14]. Одним из способов изучения мыслительных процессов человека и установлением прочных ассоциативных связей является концепт. Для нашей статьи был выбран основополагающим концепт «свет» в силу следующих причин: 1) концепты возникают в сознании человека не только на основе словарных дефиниций, но и на основе личного и культурно-исторического опыта; 2) со словом-концептом связано много крылатых выражений, фразеологических оборотов, прецедентных текстов, эти единицы представляют собой ценнейший элемент народной культуры.

Как социопсихическое образование, отражающее особый тип мировоззрения носителя языка, концепт «свет» также носит общечеловеческий и универсальный характер. С его помощью можно репрезентировать ряд различных понятий, так как он связан со многими константами как русской и мировой культуры, так и чувашской лингвокультуры [7]. В состав этой концептосферы входят понятия *солнце, луна, звезды, заря, день, огонь*; при помощи этого слова можно передать значения слов разум, добро, истина, чистота, жизнь. Обратимся к цитате известного чувашского литературоведа Г.А. Ермаковой: «поэт, ...размышляя о сути человека, творчества, приходит к выводу, что суть человека и творца в этом мире – светить, чтобы

«невидимое зарево из распыленной тоски», пройдя по полянам, местам в лесу, полям, превратилось в свет» [3, с. 27]. Далее она продолжает: «Слова кванты, т.е. слова, составляющие «осевой» поток текста, ... раскрывают мировосприятие поэта, его связь со своим народом. Через лексические единицы «сиянье – «светлый» – «сиять» поэт репрезентирует прапамять, они представляют поток света, идущий из «доньев» народа» [3, с. 29].

Концепт рождается как образ, расширяющий концептосферу до бесконечного множества ее составляющих. Целостный, глобальный образ мира, формируемый в процессе постоянного всестороннего процесса познания окружающей нас действительности, основывается на общечеловеческом понимании света. Так называемая «светоносность» данного концепта в синхронном срезе подводит исследователя к мысли, что неизменным его признаком становится светлая, позитивная стилистическая окраска. Она содержит в себе элементы, связанные с положительной стороной восприятия мира, нравственными человеческими устоями, природой, искусством.

Во многих современных толковых словарях русского языка основными значениями данного слова являются следующие: лучистая энергия (электромагнитные колебания в определенном диапазоне волн), светлое пространство, источник освещения и приспособление для освещения, рассвет или восход солнца, символ разума и добра и т.д. В «Чувашско-русском словаре» концепт «свет» («*сут, сутӑ*») представлен следующими основными значениями, как и в русском языке: свет, освещение; сияние, блеск [13, с. 438]. Чаще всего концепт представлен в языке отдельной лексемой, в связи с чем слово получает имя языкового знака, который передает содержание концепта наиболее полно и адекватно. В данном случае мы имеем дело с лексическими концептами. Из этимологического словаря чувашского языка узнаем, что название древнего божества *сут тӗнче тытан* «название божества, в значении повелитель мира» в языке появилось очень давно [11, с. 146]. Скорее всего, на первоначальное значение постепенно накладывались и другие семантические ассоциации, на формирование слова каждая историческая эпоха должна была оставить отпечатки, имеющие национальные особенности и коннотации. В словаре Н.И. Ашмарина [1] анализируемый нами концепт встречается в разных значениях: *Вӑрман витӗр тухрӑмӑр вӗрене сулси сутине* (Прошли по лесной дороге, освещенной кленовым листом); *Тулта хӗвел сутти, пӑртре уянь сутти* (На улице солнечный свет, а дома его отражение); *Манӑн умри кӗмӗлӗм Атӑл сутти пултӑр-и* (Пусть серебряный свет около меня будет светом от Волги); *Вуник пус нухрат куш сутти, эфир атте-анненӗн кун сутти* (Двадцать серебряных копеек свет моих глаз, а мы для родителей дневной свет). В этом примере анализируемый концепт употребляется в значении «поддержка, отрада».

Значения концепта могут быть репрезентированы в контекстах и в производных образованиях. Средства его репрезентации различны, в основном они соотносятся с более чем одной единицей. В различных словарях представлен широкий ряд фразеологических сочетаний, имеющих в своем составе слово «свет». В исследованиях эти концепты названы «фразеологическими, а те, которые находят свое отражение в грамматических формах, – грамматическими» [8, с. 6–16], [5]. В современном чувашском языке примерами подобных лингвистических единиц могут быть следующие фразеологизмы: *кун сутти* «дневной свет», *хӗвел сутти* «солнечный свет, блеск солнца», *сутӑ каҫсем* «белые ночи», *сутӑ ёмӗт* «светлая мечта», *сут ҫамка* «лысый, с залысинами (о человеке)», *сут тӗнче* «вселенная, мир, белый свет». В чувашской лингвокультуре этот концепт также ассоциируется со значением «красивая, чистая». Интересны примеры из словаря Н.И. Ашмарина: *Сут тор лаша сул сутти, сарӑ арӑм кил сутти, кӗмӗл ҫӗрӗ ал сутти* (Гнедая лошадь свет пути, красавица жена – краса дома, серебряное колечко – свет руки); *Леш кас хӗрӗ ҫап-сутӑ, пирӗн кас хӗрне ҫитеймес* (Девушка с той улицы прекрасная, но не краше чем девушки с нашей улицы); *Ҫӳрен лаша сул сутти, савнӑ арӑм чун сутти* (Рыжий конь – отрада в пути, любимая жена – отрада души). В приведенных примерах молодые чувашские женщины характеризуются словами *кил сутти / кил сутти* «краса дома», «краса улицы».

Анализ деривационного поля концепта «*сутӑ*» и анализ деривационных возможностей ключевой лексемы и семантики выявленных дериватов позволяет обнаружить ряд дополнительных когнитивных признаков исследуемого концепта [6], [9]. Ярким свидетельством подобного утверждения могут быть следующие примеры из словаря [13, с. 428]: *сутӑлӑх* «освещенность», *сутӑлла* «засветло», *сутӑс* «просвещение, народное образование», *суткӑс* «выключатель, включатель, рубильник», *сутсанталӑк* «природа, мир, вселенная, мироздание», *сутти* разг. «водка, водочка», *суттӑн* «светло, ясно, ярко». В фразеологических словосочетаниях *сутта тух* «выйти в люди, узнать что-то новое, расширить свой кругозор, показать себя» ощущается переход из узкого пространства в более широкое. Подобное наблюдается и в примерах «*сут тӑнче кур*», «*сут тӑнче кӑтарт*», «*сут тӑнчене кил*» (со значением *пурӑнма сурал, хӑв шӑпуна хыв* «родиться для счастливой жизни»); *Сутсанталӑк сӑти пурне те ситет* (Во вселенной всем хватит света); *Тӑрӑслӑх хӑвелтен те сутӑрах* (Правда светлее солнца).

Следует также обратиться к глагольным словосочетаниям со словом «*сут*» (зажечь, засветить, включить): *сутӑ сӑнтер* «погасить свет», *красӑсын лампи сут* «зажечь керосиновую лампу», *сутӑ сут* «зажечь свет», *шӑрпӑк сут* «зажечь спичку», *электричество сут* «включить электричество», *суртсене хӑйӑ сутни чылай пулатӑ ёнтӑ* «времена лучинок давно уже прошли», *курман кӑнтӑрла сурта сутнӑ* «слепой и днем свечку зажигает», *халӑха сутта кӑлар* «просвещать народные массы».

Свет обычно несет положительную энергию, но значение его все же зависит от внутреннего состояния человека. Следует отметить, что во фразеологизмах, пословицах и поговорках чувашского языка лексема «свет» интерпретируется прежде всего как пространство, наделенное разными свойствами и характеристиками. Свет воспринимается как ограниченное пространство, где проживает человек. В примерах *сутӑ кун кур*, *сут тӑнчене кил* данная лексема употребляется с положительным значением. Анализ данного слова в лексическом фонде чувашского языка позволяет нам подчеркнуть, что пространственная семантика взаимодействует и с эмоционально-оценочной характеристикой. При этом свет мыслится как бескрайнее чистое, светлое пространство, очень нужное человеку для нормальной, полноценной жизни.

Наряду с этим прецедентные микротексты чувашского языка интерпретируют данный концепт как пространство, наделенное разными характеристиками, в том числе и с отрицательным смыслом. Со значением «жить бесцельно, не принося никакой пользы обществу, коптить небо» в чувашском языке употребляются фразеологизмы *кун сӑти курмасӑр пурӑн* «не видеть жизни, жить плохо, в нужде», *сут тӑнче ан кӑтарт* «не дать увидеть белый свет», *сут санталӑк сӑтине сухат* «быть в равнодушии к красотам природы», *кун сӑтине сая яр* «потерять вкус к жизни», *кун сӑтинчен пытар* «отстраниться от нормальной жизни», *кун сӑти ан кӑтарт* «не дать нормально жить человеку» и т.д. Фразеологизм *сут тӑнчерен уйрӑл* или *кай* со значением «оставить этот свет, покинуть мир, скончаться» ассоциируется со смертью человека. Со смертью человека ассоциируется и фразеологизм «*леш тӑнче*» (тот свет, на тот свет, на том свете). «Тот свет» в данном случае выступает как вечность. В этих примерах представлено довольно простое, обывательское отношение людей к жизни и смерти.

Таким образом, концепт «*сутӑ*» и его «светоносность» в чувашском языке может быть репрезентирован отдельными лексемами, фразеологическими сочетаниями, прецедентными микротекстами, свободными словосочетаниями, рядом грамматических форм. Такой анализ позволяет подчеркнуть дифференциальные признаки концепта. Содержание концепта соединяет в себе разные семантические моменты, составляющие визуальный, локальный аспекты, а также эмоциональные сферы, позволяет понять особенности восприятия языковой картины мира носителями языка.

Литература

1. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чӑваш сӑмахӑсен кӑнеки. Вып. I–XVII. Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928–1950.
2. Борисова Л.В., Иванова А.М. Ассоциативно-образное осмысление счастья и горя в русской и чувашской языковых картинах мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 116–122.
3. Ермакова Г.А. Дискурсы М. Сеспеля, П. Хузангая, Я. Ухсая, Г. Айги как речевая репрезентация мироощущения чувашского этноса. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та. 2016. 203 с.

4. Ермакова Г.А., Сорокина О.В., Якимова Н.И. Первые шаги по осмыслению проблемы постижения лингвокультурологического поля концепта согласие / сурастару / йараш / anlaşma в картине мира тюркского (чувашского, татарского, турецкого) этноса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4-2 (70). С. 95–98.
5. Ермакова Г.А. Якимова Н.И. Художественный мир Г.Н. Айги как репрезентация мировидения чувашского этноса // Художественная культура народов Волго-Камского полиэтнического региона в парадигме современности: сб. ст. Йошкар-Ола, 2015. С. 83–87.
6. Иванова А.М., Семенова Г.Н. Словообразование в чувашском языке – III / Вестник Чувашского университета. 2014. № 3. С. 80–83.
7. Михайлова Р.В., Семенова Г.Н. Диалект как форма крестьянской духовности / Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 172–174.
8. Попова З.Д., Стернин И.Д. Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях // Мир человека и мир языка: коллективная монография. Кемерово: ИПК «Графика», 2003. С. 6–16.
9. Семенова Г.Н., Иванова А.М. Грамматикализованные и фразеологизированные синтаксические конструкции в чувашском языке // Мировая тюркология и Казанский университет. Казань, 2018. С. 351–354.
10. Семенова Г.Н., Якимова Н.И. Феномен репрезентации обобщенного субъекта пословиц и поговорок в чувашском языке / Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 8. С. 2531–2535.
11. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Т. 2. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. 509 с.
12. Федоров Г.И. Толковый словарь фразеологизмов чувашского языка: в 2 т. Т. 2. Чебоксары: Чуваш кн. изд-во. 2017. 206 с.
13. Чувашско-русский словарь / под ред. М.И. Скворцова. М.: Рус. яз., 1982. 712 с.
14. Tatyana Romanova, Olga Evdokimova, Anna Zaharova, Alena Ivanova, Nadezhda Fedorova. The concept family in the Russian and Ukrainian language culture (based on proverbs and sayings) // The International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences” (CILDIAH-2019) (Volgograd, Russia, April 23–28, 2019). SHS Web of Conferences. Volume 69 (2019).

СЕМЕНОВА ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА – доктор филологических наук, профессор Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

ЯКИМОВА НАДЕЖДА ИВАНОВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

М.В. СУББОТИНА

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ АНТРОПОНИМОВ В КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация. Данная статья стала результатом обобщенного автором «полевого» материала, собранного им в бытность преподавания культурологии китайским студентам. Цель статьи – обозначить речевые слагаемые в формировании имени личного в китайской традиции: лексическое восполнение астрологической недостачи, актуализация цитаты из семейной книги, символизация родительской надежды.

Ключевые слова: имя, традиция, женщина, мужчина, уникальность, омонимия.

Имя – минимальная единица, передающая культурно значимую информацию. Имена охватывают все области знакомства человека с окружающим миром. Академик Ю.В. Рождественский систематизировал всю совокупность имен, распределив имена по следующим группам: 1) названия единичных природных явлений, 2) антропонимы, 3) зоонимы, 4) топонимы, 5) гидронимы, 6) прагмонимы, 7) имена действий, 8) хрононимы [2, с. 51].

С одной стороны, эти группы имен наличествуют во всех известных науке национальных культурах, с другой – в каждой национальной культуре есть только ей свойственная особенность в образовании внешней и внутренней формы имени. Очень часто эти особенности практически недоступны поверхностному взгляду иностранца и мультиобразная омонимия слов прочитывается им как скучная смысловая одинаковость. Особенно это касается такой группы имен, как антропонимы.

Так, например, китаец в русском имени «Георгий» не находит ничего, кроме фиксированного словарями значения «земледелец», окаменевшего со времен древнегреческого языка. С точки зрения китайца, европейцы часто пользуются именами просто как номенклатурными ярлыками. И напротив, он убежден, что в родных ему китайских антропонимах потаен живой нарратив о традициях народа, его желаниях, надеждах, о связи между родственниками различных поколений и родственниками одного поколения. Это при всем при том, что китайским антропонимам свойственна экономность как в форме выражения (фамилия и имя пишутся слитно), так и в объеме содержания.

В противоположность общей европейской традиции в китайской культуре нет исторически устойчивых имен, как например, Иван, Ганс, Пабло и т.д. Каждый китаец после рождения получает свое уникальное имя. То, что в Китае много людей с одинаковыми именами, китайцы воспринимают как омонимию, но не тождество значений. Для сравнения: на 1,5 млрд. китайцев приходится приблизительно 4100 фамилий, из них часто употребляемых насчитывается всего лишь порядка двухсот. По своему происхождению китайские фамилии близки к европейским. Человек работал в фарфоровой мастерской, его дети получили фамилию Тао (陶/ «фарфор, керамика»); имел княжеский титул – потомки получили фамилию Ван (王/ «князь»). В отличие от русских фамилий, китайские фамилии не содержат информацию о биологическом поле человека, также как нет этой информации в имени.

В Китае родители должны сами придумать имя для своего ребенка, а не брать готовое имя из литературных источников или устной традиции. Типичное китайское имя состоит из одного или двух иероглифов. В последнее время предпочтение отдается двум иероглифам. Двуйероглифным именем легче исключить омонимию имен по сравнению с именем из одного иероглифа. Дополнительно заметим, двуйероглифное имя позволяет увеличить объем информации, должной обеспечить благополучие носителя имени. Отметим: в словаре «Море иероглифов» (中華字海) 1994 года зафиксировано более восьмидесяти пяти тысяч иероглифов [3], а в пятом официальном издании «Словаря китайских иероглифов и их вариантов» – более ста шести тысяч иероглифов [4].

Стартовой ступенью в придумывании имени является хронотоп рождения человека [1]. Согласно традиционной философии Китая, мир состоит из пяти элементов, которые суть: металл, дерево, вода, огонь, земля. Каждому человеку, в зависимости от времени и места рождения, какого-то элемента из этих пяти недостает. В именовании необходимо компенсировать недостающий элемент. Сложные астрологические расчеты, синонимизация и метафоризация лексических значений помогают найти комплементарный иероглиф.

В имени необходимо выразить связь между поколениями. По традиции каждая китайская семья должна иметь семейную книгу, в которой записывается история семьи; отмечается, какие известные люди были в истории этой семьи. Семейная книга хранит записи высказываний наиболее важных людей своего рода. Через эти цитаты сыновьям и внукам транслируются жизненные принципы выдающихся предков. Все члены рода должны строго следовать заветам, хранимым в семейной книге, и в честь уважения старших (а также подтверждения своей верности) иметь один иероглиф из этих цитат в своем имени. Каждый член одного поколения имеет в своем имени один иероглиф, одинаковый с именами других членов этого поколения, как общее имя. Следующее поколение детей получает новое общее имя по очереди иероглифов в цитате. Например, у деда и его братьев в именах — общий иероглиф Фу[富/ «богатство»], в именах поколения отца – иероглиф Цинь (天/ «прозрачный»), в именах поколения внука – иероглиф Хун (雄/ «великий»). После 1949 года некоторое время эта традиция в основном сохранялась в устной фактуре речи. В последние десятилетия тысячелетняя традиция активно реализуется в официальном документообороте Китая.

Китайские родители в именах своих детей стремятся выразить свое желание или надежду. Такие иероглифы, как Ли (力/ «сила»), Юн (勇/ «храбрый»), Вэй (偉/ «величие»), часто являются сокращенной формой названия какого-либо высокого морального качества. Через иероглифы Цзянь (長/ «длинная»), (Шоу 壽/ «жизнь»), Фан (鳳/ Феникс) родители желают своим

детям долголетия. Иероглифы Ху (虎/ «тигр»), Цзян (劍/ «меч»), Ган (敢/ «осмелиться») обозначают храбрость мужчины.

В Китае существует различие между мужскими и женскими антропонимами. Китайские мужчины (особенно мужчины с хорошим образованием) обычно имеют два имени. Первое имя чаще всего состоит из одного иероглифа. Это имя употребляется в текущих бытовых ситуациях, является самым частотным. Его могут использовать родители, учителя, знакомые. Второе имя состоит из двух иероглифов, выражает высокий социальный статус его носителя, характеризуется стилистической изысканностью и используется в избирательных ситуациях. Например, в кругу культурных людей при обсуждении ими литературных или политических вопросов. Так, известного поэта Ду Фу (杜甫), в зависимости от сферы общения, могут называть Ду Цзымэй, философа Кун Фу-цзы (孔子) – Кун Цю (孔丘). Иногда оба имени мужчины состоят из двух иероглифов. В частности великий политик Мао Цзедун (毛澤東) имеет второе имя Мао Жунь-чжи.

В отличие от мужчин, у китайских женщин до XX века не было собственных индивидуальных имен. Женщина имела фамилию семьи, в которой она родилась, и кличку. После свадьбы к девичьей фамилии прибавлялась фамилия мужа. К двойной фамилии женщин обычно добавляли иероглиф Шон (生 «рожать»), который обозначает женский пол. Хотя право иметь собственное имя появилось у китайок в XX веке, в китайском языке сам иероглиф «фамилия» образуется из значений иероглифов «женщина» + «рожать» (姓). Сами китайцы воспринимают это как свидетельство того, что фамилии у них появились тогда, когда женщины занимали управляющее место в обществе. Этим объясняется тот факт, что многие китайские фамилии содержат в себе детали иероглифа «женщина». В XX в. женщины получили индивидуальные имена. Появились новые иероглифы-имена: Фан (香/ аромат), Хуан (光/ легкость), Хуа (华 / «великолепие»), Чуэн (春/ «весна») – выражающие манкость женского образа. Абсолютный идеал женской красоты в китайской мифологии представляется как образ прекрасной девушки, которую мужчина видит среди цветов на другом берегу озера.

В традиции китайской антропонимии определить пол человека легко по значению образа имени-иероглифа. Однако в последние годы в Китае наблюдается тенденция пользоваться нейтральными иероглифами в именах. При таком употреблении определить пол человека становится трудно. Кроме того, в 80-е годы некоторые родители стали называть своих детей японски и по-корейски под культурным влиянием этих стран, а также давать детям имена персонажей художественных произведений.

Случается, что придуманное родителями имя затрудняет детям их пребывание в социуме. В связи с этим в Китае гражданам разрешают один раз изменить имя по собственной воле.

Современные сложности в именовании родившегося человека можно разграничить на две составляющие. Первая заключается в увеличивающейся трудности поиска уникального имени во все возрастающем количестве людей; вторая связана с технической невозможностью: не всякий найденный иероглиф наличествует в электронной фактуре. Такое положение дел обусловило появление в Китае специальных агентств, специалисты которых призваны помочь родителям придумать для их ребенка имя, в котором бы сочетались традиция и уникальность.

Литература

1. Иванова А.М., Хазиева-Демирбаш Г.С. Сравнительно-сопоставительный анализ охранительных имен в тюркских языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5-3 (71). С. 87–90.
2. Рождественский Ю.В. Введение в культуроведение. М.: Добросвет, 1999. 288 с.
3. Лэн Юлун, Вэй Исинь. «Море иероглифов». Издательство Китайской Дружбы, 1994. 1784 с.
4. Сколько иероглифов в китайском языке? URL: <https://www.perevod-kit.ru/blog/skolko-ieroglifov-v-kitayskom-yazyke> (Дата обращения: 29.09.2022).

СУББОТИНА МАРИНА ВАЛЕНТИНОВНА – доктор филологических наук, профессор Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ КОМПОЗИТНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

Аннотация. Многозначность структурно-сложных единиц основывается на широко действующих метафорических и метонимических переносах значений, которые используются в английском языке гораздо чаще как источник обогащения семантики слов, чем как чисто образное средство или стилистический прием. Распространенность конверсии способствует многозначности, так как грамматические категории используются как средство словообразования.

Ключевые слова: производное слово, сложное слово, дериват, производящая основа, композита, словосложение.

Семантика производных слов, отражающих универсальную тенденцию к экономии языкового материала, в последние годы изучается весьма интенсивно, неугасающий интерес к ней лингвистов вполне закономерен: объект исследования сложен и многогранен. К.А. Левковская различает процесс образования новых слов и словообразовательную структуру основ производных (точнее, производных и сложных слов) [18, с. 25–33].

Е.С. Кубрякова трактует «производное слово» более широко, как противостоящее «простому», «непроизводному», и отмечает, что возможно существование некоторых промежуточных образований, возникающих вследствие того, что генезис многих производных связан с определенными синтаксическими моделями [17, с. 5–11].

Производными мы считаем лексемы аффиксального типа, сложные и сложносuffixальные лексемы, образования, созданные путем конверсии, телескопии, а также путем лексикализации синтаксических конструкций [16]. Одна из двух единиц рассматривается как исходная – источник деривации, единица мотивирующая, другая – как результат деривации, единица мотивированная.

К основным признакам композитного деривата относятся: 1) наличие в слове производящих основ; 2) наличие в слове словообразовательного средства; 3) семантическая мотивированность слова предполагаемыми производящими; 4) тождественность синонимичным словосочетаниям (производящей базе) по морфемному составу; 5) способность совмещать значения разных частей речи в одной и той же структуре, т.е. способность к транспозиции знаков из одного класса в другой; 6) свойство двойной референции (связанность с другими словами и семантическая обусловленность этими другими словами).

Сложное слово (композита) как объект анализа принципиально отличается от других объектов лингвистического анализа, в том числе от производных слов – аффиксальных и простых конвертированных [19, с. 15]. Об этом говорил еще В.В. Виноградов: «Словосложение является своеобразным комбинированным типом словообразования, синтаксико-морфологическим. Вопрос о соотношении основ, о порядке их сцепления выводит этот тип словообразования за рамки правил образования простых производных слов» [13, с. 208].

С точки зрения предметной направленности выделяются номинативные и неноминативные значения композитных дериватов. Если понимать номинативность как непосредственную связь с денотатом, то прежде всего надо противопоставить номинативным значениям значения, которые по своему употреблению лишены предметной отнесенности. К таковым многие современные лингвисты относят слова экспрессивные и эмоционально-оценочные типа *cock-brain* «тупица»; *scratch-cat* «(шутл.) злючка, мегера»; *shutterbug* «(шутл.) фотограф-энтузиаст (особ. о любителе)»; *fill-belly* «обжора»; *ratface* «(амер. жарг.) хитрец, продувная bestия»; *windbag* «(пренебр.) болтун, пустомеля; пустозвон».

Итак, неноминативные значения в основном своем употреблении не имеют непосредственной связи с обозначаемым (т.е. они нереферентны), номинативные значения эту связь имеют (ср. *coffee-grinder* «кофемолка»; *change-maker* «автомат для размена монет, разменник»; *peace-lover* «сторонник мира»). Однако определение номинативного значения как значения,

в котором слово непосредственно соотносится с предметом неязыковой действительности, не вполне применимо ко всем производным структурно-сложным словам. С учетом особенностей композитных дериватов номинативное значение можно определить как значение, имеющее непосредственную предметную отнесенность или получающее ее через посредство этого номинативного значения, которое для производного слова является мотивирующим. Ср.: *steel-hearted* «1) отважный, смелый; 2) жестокосердный; безжалостный, жестокий, черствый»; *honey-mouthed* «сладкоречивый; медоточивый, льстивый».

Мотивированность значения производного слова, опосредованность в силу этого связей его с внеязыковой действительностью, многосторонность связей с другими единицами лексической системы языка обуславливают такие особенности его семантики, которые не свойственны значениям непродеривированных слов. С учетом сказанного определим прямое значение композитного деривата как то значение, которое непосредственно мотивировано значением производящих слов или коррелятивной синтагмы. Ср.: *machine-gunner* «пулеметчик»; *speechmaking* «(ирон.) разглагольствование»; *time-sharing* «использование ЭВМ в режиме разделения времени».

Но это определение может разграничить прямое и переносное значения производных слов при условии, если метафорическое значение производного не мотивируется метафорическим значением производящего.

Например: *cave-dweller* «пещерный житель», «хам, дикарь»; *lovebirds* pl. «1) (зоол.) попугайчики-неразлучники; 2) влюбленные; нежные супруги»; *side-track* «1) ж.-д. запасный путь; 2) ж.-д. ветка; 3) (перен.) второстепенная роль; невыгодное положение»; *bootlicker* «(жарг.) подхалим, льстец, подлиза»; *gold-digger* «1) золотоискатель; 2) (разг.) авантюристка, вымогательница»; *brown-nose* «(жарг.) подлиза, подхалим; любимчик»; *clockwatcher* «человек, работающий с ленцой»; *eye-opener* «(амер. разг.) 1) потрясающая новость; 2) сенсационное сообщение или разоблачение»; *penny-pincher* «(амер. разг.) скряга, скупердяй».

Для непродеривированных слов противопоставление прямого и переносного значений – это противопоставление немотивированного значения мотивированному. Различие между прямыми и переносными значениями композитного деривата выражается в характере мотивации этих значений: прямое значение производного мотивировано значением производящих основ, а переносное – прямым [15, с. 55-58]. Например: *bread-basket* «1) корзина для хлеба; 2) главный зерновой район, житница страны; 3) (жарг.) брюхо, живот»; *bug-eyed* «(амер. жарг.) с глазами навывкате»; *peg-leg* «1) деревянная нога; 2) инвалид на деревянной ноге»; *lack-beard* «безбородый»; *lack-all* «обездоленный человек».

Переносное значение у непродеривированного слова не может быть единственным значением этого слова, поскольку переносное значение непродеривированного мотивировано только прямым значением этого же слова. Если непродеривированное слово обладало двумя значениями – прямым и переносным – и первое утратилось, то оставшееся становится единственным и поэтому прямым.

Среди композитных дериватов встречаются слова, не имеющие или не реализующие свое прямое значение, но обладающие отчетливым переносным. Например: *cliff-hanger* «(разг.) событие или состязание с труднопредсказуемым исходом»; *widow-maker* «(жарг.) опасное дело; нечто, угрожающее жизни (море и т.п.)»; *comma-counter* «педант».

Композитные производные слова, имеющие только переносное значение, не единичны. Они встречаются в разных структурных типах с большей или меньшей регулярностью (*rainbow-chaser* «мечтатель; тот, кто гоняется за недостижимым»; *back-breaking* «изнурительный, требующий огромного напряжения сил, непосильный; каторжный (о работе)»; *wire-pulling* «закулисный нажим; использование связей, знакомств (особенно для махинаций)»; *muckrake* «усердно расследовать и разоблачать темные административные и политические махинации; разгребать грязь»).

В представленных ниже примерах приведены дериваты, имеющие либо только прямые, либо прямые и переносные значения, а также дериваты, имеющие только переносные значения.

I. Дериваты, имеющие либо только а) прямые, либо б) прямые и переносные значения: а) *badger-baiting* «охотничья травля барсуков (собаками)»; *round-faced* «круглолицый»; *high-priced* «дорогой, дорогостоящий»; б) *wether-head* «1) баранья голова; 2) (перен.) болван»; *nosedive* «1) ав. круто пикировать; 2) (перен.) резко снизиться (о ценах)»; *skyrocket* «1) устремляться ввысь; взлетать, как ракета; 2) стремительно подниматься, быстро расти (о ценах и т.п.)».

II. Дериваты, имеющие только переносные значения; *badger-legged* «колченогий»; *badmouth* «(амер. жарг.) чернить, порочить; обливать грязью»; *blacklist* «вносить в черный список»; *catlick* «(разг.) мыть; кое-как ополоснуть»; *fiddle-headed* «пустоголовый»; *flint-hearted* «жестокосердный»; *wetback* «(амер. жарг.) мокрая спина; нелегальный иммигрант из Мексики (переплывший р. Рио-Гранде)»; *rough-neck* «1) буян, хулиган; 2) attr. хулиганский»; *red-neck* «(пренебр.) деревенщина».

Не каждый композитный дериват реализует весь набор значений, регулярно присущий словам определенного типа. Некоторые значения могут присутствовать в составе семантической парадигмы этого деривата потенциально. У композитных производных слов потенциальными могут быть и прямые, и переносные значения. Будучи в своем значении зависимым от производящей базы, композитный дериват не теряет вошедших в него значений, пока не теряется его связь с производящей базой. Таким образом, композитный дериват может себе позволить не иметь прямого значения, либо утратив его, либо не реализуя; именно потому, что оно, как правило, не утрачивает его совсем, в его структуре всегда сохраняется в латентной форме хотя бы след этого прямого словообразовательного мотивированного значения.

Например: *butter-fingered* «имеющий слабые руки; не умеющий крепко держать (что-л.)»; *butter-fingers* pl. «(разг.) растяпа, неумеха; дырявые руки; руки-крюки; человек, у которого все валится из рук»; *breast-beating* «показное раскаяние»; *cave-dweller* «1) пещерный житель; 2) хам, дикарь»; *star-gazer* «непрактичный человек»; *gate-crasher* «(разг.) 1) незванный гость; 2) зритель без билета, «заяц». Ср. русск.: «молокосос, лизоблюд (блюдолиз), лежебока, пустомеля, зубоскал, головорез, живодер, белоручка, кровопийца, верхогляд, крохобор, буквоед». Слова с потенциальным прямым значением и узуальным переносным есть во многих языках [24].

Ср. польск. *maciwoda* «смутьян, склочник», *analfabeta* «неуч, невежда, пьянчуга»; (чешск.) *holobrádek* «молокосос», *běloručka* «белоручка», *srdceryvný* «душераздирающий», *větroplach* «ветрогон»; нем. *Milchbart*, *Grünschnabel*, *Gelnschabel* «юнец», *Langfinger* «воришка» и др.

По характеру мотивированности значения целого значениями составных частей сложные слова этого типа напоминают фразеологизмы, которые В.В. Виноградов относил к так называемым фразеологическим единствам: каждая часть имеет прямое свободное значение, но значение слова в целом создается переносным употреблением их в совокупности. Ср.: *blue-pencil* «(разг.) редактировать; сокращать, вычеркивать»; *headhunt* «(разг.) подбирать высококвалифицированные кадры»; *dogface* «(амер. разг.) 1) пехотинец; пехота; 2) рекрут, новобранец; 3) солдат, рядовой; 4) солдат, догоняющий свою колонну»; *beachcomber* «бродяга, живущий случайными заработками».

Усвоение дериватами переносных значений производящих слов зависит от наличия или отсутствия у производных фразеологичности семантики. Производные с фразеологической семантикой, как правило, усваивают переносные значения производящих: *black-leg* v «быть штрейкбрехером» (ср.: *black-leg* n 1) (спец.) «черная ножка»; 2) штрейкбрехер; 3) шулер, плут).

Охотно усваиваются разными типами композитных производных переносные значения (с фразеологическими приращениями) структурно-сложных прилагательных, глаголов и существительных: *neat-handed* «ловкий, искусный, имеющий золотые руки»; *light-footed* «1) быстроногий, проворный; 2) с легкой походкой»; *double-hearted* «двоедушный, лицемерный»; *double-minded* «1) нерешительный, колеблющийся; 2) фальшивый, двоедушный»; *pigeon-hearted* «трусливый, робкий»; *rabbit-hearted* «трусливый; с заячьей душонкой»; *panhandler* «(амер. разг.) попрошайка, нищий»; *pea-souper* «густой, желтый туман»; *day-dreamer* «мечтатель, фантазер»; *high-hat* «(амер.) 1) цилиндр; 2) (разг.) важная персона, шишка; 3) (разг.) высокомерный, заносчивый человек»; *pipe-lay* «1) укладывать трубы; 2) (амер.) зани-

маться политическими махинациями»; *blackwash* «1) красить черной краской; 2) клеветать»; *backbite* «злословить (об отсутствующем)».

Если переносное значение деривата не противоречит значению производящих слов, то оно «уживается» с производящими словами. Наиболее регулярно усваивают отыменные глаголы метафорические значения мотивирующих сложных существительных: *pigeon-hole* v «1) раскладывать бумаги по ящикам, отделениям; 2) (перен.) класть под сукно, откладывать в долгий ящик»; *pigeon-hole* n «1) голубиное гнездо; 2) отделение для бумаг (в бюро, письменном столе и т. п.); ящик для корреспонденции; 3) закуток»; *shuttlecock* v «1) бросать туда и обратно; 2) двигаться взад и вперед»; *shuttlecock* n «1) мяч с перьями (для игры в волан или бадминтон); 2) волан, бадминтон; 3) предмет бесконечных споров, разногласий; 4) неустойчивый, колеблющийся человек; игрушка страстей и обстоятельств».

Знание свойств производного слова имеет большое практическое значение прежде всего для изучения английского языка иностранцами. Не случайно методисты рассматривают изучение словообразования в качестве одного из путей овладения словарным запасом английского языка. Изучающий английский язык как неродной должен представлять себе, в какой мере возможно понимание английских производных слов по значениям составляющих их частей, все ли типы производных слов одинаковы с этой точки зрения. В семантической структуре композитных дериватов вторичной номинации, относящихся к различным грамматико-лексическим классам и построенным по различным словообразовательным моделям, на первый план выступает коннотация, включающая эмоциональные, экспрессивно-стилистические и другие ингредиенты, которые как бы наслаиваются на денотативное значение, создавая требуемый по условиям коммуникации прагматический эффект.

Следует отметить широту использования метафорического и метонимического типов композит в сфере литературной разговорной речи, непринужденного, неофициального общения и просторечной экспрессивной номинации, включающей слова сниженного стилистического тона.

Литература

1. Абрамова А.Г. Пути освоения разговорных синтаксических конструкций авторской речью в английском романе XX века // Функциональная грамматика: теория и практика: сборник научных статей по итогам Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Чебоксары: Изд-во ЧГПУ, 2021. С. 107–113.
2. Абрамова А.Г. Характер процесса компенсации асимметрии морфологических оппозиций в современном английском языке // Язык и слово: сборник научных трудов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2021. С. 142–147.
3. Абрамова А.Г., Гурьянова Т.Ю., Фадеева К.В. Методологические проблемы изучения фразеологии // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. Вып. 7. С. 12–22.
4. Абрамова А.Г., Гурьянова Т.Ю., Фадеева К.В. Семантические особенности английских глаголов, указывающих на положение объекта в пространстве // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. Вып. 6. С. 12–22.
5. Абрамова А.Г., Гурьянова Т.Ю., Фадеева К.В. Функционирование общенаучной лексики в научно-техническом тексте // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. Вып. 7. С. 53–64.
6. Абрамова А.Г., Ильин Е.В., Леонтьева Л.Е. Метапредложение как средство анализа единиц различных уровней // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2021. Вып. 8. С. 3–16.
7. Абрамова А.Г., Никитина А.Ю. Сочинение и подчинение в свете коммуникативного подхода // Функциональная грамматика: теория и практика: сборник научных статей по итогам Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Чебоксары, 2021. С. 114–120.
8. Абрамова А.Г., Никитина А.Ю. Топология цитат в художественном и научном текстах // Функциональная грамматика: теория и практика: сборник научных статей по итогам Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Чебоксары, 2021. С. 311–317.

9. Абрамова А.Г., Павлова М.Н., Яковлева О.В. Английские прилагательные типа *alive* // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2021. Вып. 8. С. 29–40.
10. Абрамова А.Г., Таланова Т.В., Тарасова Л.В. Проблема аналитичности форм категории лица английского глагола // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. Вып. 7. С. 32–43.
11. Абрамова А.Г., Фадеева К.В. Телескопия как один из способов глаголообразования современного английского языка // Наука и инновации в системе развития информационного общества: сборник материалов Международной научно-практической конференции: в 3 ч. Чебоксары: ЧКИ РУК, 2019. Часть 1. С. 14–20.
12. Анисимова И.Н., Никитина А.Ю., Петрова О.А. Метафора как ключевой элемент лингвокогнитивного уровня языковой личности политического деятеля XVIII века // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: Труды и материалы международной конференции. Казань, 2017. С. 13–16.
13. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 560 с.
14. Гуцин В.А., Фадеева К.В., Абрамова А.Г. Управление общением и его влияние на эффективность учебно-воспитательного процесса // Наука и инновации в системе развития информационного общества: сборник материалов Международной научно-практической конференции: в 3 ч. Чебоксары: ЧКИ РУК, 2019. Часть 1. С. 160–163.
15. Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке. М.: Русский язык, 1984. 150 с.
16. Иванова А.М., Семенова Г.Н. Словообразование в чувашском языке – I // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. С. 237–242.
17. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.
18. Левковская К.А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М.: Высшая школа, 1962. 296 с.
19. Мешков О.Д. Семантические аспекты словосложения английского языка. М.: Наука, 1986. 208 с.
20. Никитина А.Ю., Петрова О.А. Пословичное выражение в структуре языковой личности политического деятеля XVIII века // Русский язык в диалоге культур: материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Саранск, 2017. С. 373–379.
21. Никитина А.Ю., Петрова О.А., Анисимова И.Н. О чувашских зоонимах в функции инвективы // Ашмаринские чтения: сб. статей XII Междунар. науч.-практич. конф. Чебоксары: Изд-во ЧувГУ, 2020. С. 103–106.
22. Никитина А.Ю., Петрова О.А., Богомаз С.П. Особенности обучения фонетике русского языка при использовании дистанционных образовательных технологий // Актуальные вопросы интернализации высшего образования: опыт и перспективы: материалы XIII Международной учебно-методической конференции, посвященной 30-летию международной образовательной деятельности Чуваш. гос. ун-та им. И.Н. Ульянова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2021. С. 229–233.
23. Петрова О.А., Никитина А.Ю. О некоторых особенностях региональной лексики в условиях двуязычия // Вестник Чувашского университета. 2017. № 4. С. 307–310.
24. Семенова Г.Н., Иванова А.М. Словообразование в чувашском языке – II // Вестник Чувашского университета. 2013. № 1. С. 167–170.
23. Серебрякова Н.В., Абрамова А.Г., Фадеева К.В. К вопросу заимствования англицизмов в русском языке // Духовные основы отношений человек – природа: материалы Всероссийской (Национальной) с международным участием научно-практической конференции. Чебоксары, 2020. С. 261–266.
24. Степанова В.В., Федорова О.Н. О лингвистическом подходе к аргументации // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2018. С. 134–138.
25. Степанова В.В., Федорова О.Н. Языковая и речевая компетентность, используемые при обучении английскому языку посредством изучаемого языка // Научная дискуссия: вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2018. С. 119–123.
26. Тарасова Л.В., Абрамова А.Г. Отражение социолингвистических и гендерных особенностей в ходе коммуникации (на базе американского варианта английского языка) // Межкультурная коммуникация и профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. С. 36–42.
27. Федорова О.Н., Степанова В.В. Лингвистическая переработка модели аргументации С.Э. Тулмина // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: материалы Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2019. С. 90–94.
28. Федорова О.Н., Степанова В.В. Модель Тулмина и аргументативная решетка // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: материалы Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2019. С. 86–90.
29. Федорова О.Н., Степанова В.В. Чтение текста на иностранном языке: стратегии, обеспечивающие понимание // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2016. С. 194–197.

АБРАМОВА АНЖЕЛИКА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВОЗВРАТНЫХ И ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В СИНТАКСИЧЕСКИ ЭКВИВАЛЕНТНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

Аннотация. Вокруг рефлексивных конструкций в английском языке ведется много споров. Особенности функционирования возвратных местоимений таковы, что лингвисты сталкиваются с определенными трудностями в определении их категориального статуса. Как следствие этого, существуют различные точки зрения на значение рефлексива и различные классификации рефлексивных конструкций.

Ключевые слова: рефлексивная конструкция, возвратные местоимения, антецедент, личные местоимения, анафора, непереходные глаголы.

Рассмотрим субъектно-объектные конструкции с прямым и/или предложным дополнением, где объект имеет конкретный характер.

1. а. She had her fiancé beside her.

б. She was beside herself with rage.

Формальное различие между этими конструкциями (her vs. herself) объясняется в грамматиках тем, что оно отражает различие между буквальным (1а) и метафорическим (1б) значением. Отметим, что метафора в (1б) возникает благодаря употреблению возвратного местоимения, а употребление объектной формы личного местоимения ведет к неграмматичности (при условии, что дополнение и подлежащее кореферентны): *She was beside her. Неграмматичность такого предложения объясняется тем, что в его формально-семантической структуре выражается пространственное положение предмета относительно этого же предмета, что само по себе не имеет смысла. Возвратное местоимение позволяет снять это противоречие, отсылая не к предмету «she», а к одной из его ипостасей, которой в данном случае является внутреннее ЭГО, или psyche, и деля синкретный субъект на две сущности: body + psyche. В результате возникает смысл «наличие признака предмета, обычно не имеющего внешнего (наблюдаемого) проявления».

2. а. John Olsen walked in and closed the door behind him.

б. They placed their papers in front of them.

в. She looked around her.

г. She looked around.

В (2а) и в (2б) дается пространственная характеристика одного объекта относительно другого (дверь vs. он, бумаги vs. они). В (2в, г) речь идет о пространственной характеристике движения объекта относительно исходного пространственного положения этого же объекта (т.е. о движении глаз и, возможно, головы субъекта), при этом наличие или отсутствие местоимения her не влияет на общее значение конструкции, как и в случае с имплицитно-рефлексивными глаголами. Употребление возвратного местоимения в конструкциях типа (2) невозможно потому, что пространственная характеристика предмета (дверь, бумаги) дается относительно другого предмета (он, они) как гомогенной бытийной сущности (другими словами, одно тело характеризуется относительно другого тела), т.е. описывается наблюдаемое пространственное положение предметов, и не более.

Любая пространственная характеристика предмета есть следствие когнитивной категоризованности ситуации наблюдателем, который, принимая на себя роль говорящего, выступает в качестве источника информации. Осуществляя высказывание типа (2а, б), говорящий констатирует положение вещей, каким он его видит («такие-то предметы находятся в таких-то местах»), и местоимение 3 л. выполняет свою основную функцию – указание на предмет речи.

3. а. «That Joe Namath», he muttered as he pushed the New York Times to one side.

б. «And hope the other side doesn't come after us while we're eating our dinners», he muttered to himself as he entered his small cabin.

Различие между этими двумя примерами заключается в том, что в (3а) констатируется факт осуществления речевого действия без указания на его направленность, тогда как в (3б) указывается, строго говоря, на отсутствие адресата как такового – в том смысле, в каком мы понимаем адресат вслед за Х. Кларком [23, с. 518–529]. Хотя значение конструкции *he muttered to himself* в прототипическом смысле является пространственным, в отличие от примера (2в) употребление кореферентного личного местоимения здесь невозможно, поскольку совершаемое действие говорения направлено не на тело «he», а на его духовно-мыслительную ипостась (*psyche*). Сторонний наблюдатель утверждать этого не может, поэтому фраза *He muttered to himself* может иметь ассертивный характер только с точки зрения самого субъекта действия. Аналогичным образом точка зрения субъекта действия выражена в конструкции *He smiled to himself* в отличие от *He smiled*.

На особенности употребления возвратных и личных местоимений в синтаксически эквивалентных конструкциях обращал внимание П. Эрадес, анализируя следующий ряд примеров:

4. *She and Jean needed sons if they were to realize all her ambitions – own their land instead of rent it, work several acres, and finally build them [a] (themselves [b]) a house that was really a house* (E. Mannin).

5. a. *The problem which I am setting before myself may best be indicated by a comparison* (Gardiner).

б. *When they had drunk it, he took off his tunic and lay in one chair, rested his legs on another, and spread his overcoat across himself.*

в. *Who was that young fellow he brought with him?*

г. *The girl swept out to her brougham, and left Harry to pay and bring the box with him* [24, с. 47].

Он начинает с того, что определяет сущность «возвратного» отношения в грамматическом смысле, каковое, по его мнению, отсутствует в предложении типа *She closed the door behind her*. Такое отношение наблюдается «только когда подлежащее и референтное местоимение идентичны в сознании лица, обозначенного подлежащим, или в сознании говорящего (пишущего)» [24, с. 77]. Анализ примера (4) должен исходить из того, что это предложение представляет собой косвенную передачу утверждения типа *we want to build ourselves a house*, в котором присутствует отношение возвратности как оно определено выше. «В косвенном утверждении... *themselves* (в слабой форме, конечно) было бы вполне возможно... но сложное местоимение передавало бы мысли крестьянки, тогда как *them* показывает, что автор, Маннин, выражает желание женщины с ее точки зрения как автора, и, следовательно – как профессионального наблюдателя и описателя характера» [24, с. 78]. Однако объяснение примеров (5) у П. Эрадеса нельзя признать удовлетворительным. Он пишет: «В нашем первом примере профессор Гардинер рассматривает действие, выраженное глаголом, как относящееся к нему самому, потому что он мог бы также поставить задачу перед другим лицом. Во втором примере идентичность понятий, обозначенных подлежащим и референтным местоимением, также определено осознается, ибо мы можем накрыть плащом и другое лицо. Не то, конечно, чтобы в том и другом случае действительно присутствовала мысль о другом индивидууме. Бесспорно, здесь не выражается и не предполагается никакого контраста, ибо местоимения не выделены ударением, но самой возможности того, что глагольное действие может быть направлено на другое лицо, достаточно, чтобы вызвать употребление сложного местоимения» [24, с. 122]. В аналогичном ключе объясняются примеры (5в, г). Алогичность этого пассажа очевидна, и она вызывала справедливую критику.

С нашей точки зрения, пример (5а) объясняется так же, как пример (2б), т.е. характер пропозиции в (5а) предопределяет референцию местоимения не к синкретной сущности «Гардинер», а к ее психологической ипостаси. Пример (5б), где в конструкции с пространственным значением употреблено, тем не менее, возвратное местоимение, казалось бы, противоречит отмечаемой в грамматиках закономерности и нашему объяснению примеров (2а), (2г). Однако, как будет показано чуть ниже, противоречие это кажущееся.

Что касается примеров (5в) – (5г), то референтом местоимения *him* в них является предметная сущность (объект), относительно которой предикцируется пространственное (проксимальное) положение другого объекта (*fellow, box*). Замена личного местоимения на возвратное ведет к вычленению психологической ипостаси синкретного объекта «человек», смещая смысловой акцент от предикации пространственных отношений в сторону предикации интенционального действия, что ведет к семантическому противоречию, поскольку *psyche* дистанцируется от *body* (посредством предлога *with*). Наоборот, в предложении типа *He brought it himself*, где возвратное местоимение употреблено в так называемой эмфатической функции, подчеркивается, что субъект осуществил интенцию к совершению данного действия. Невозвратное предложение *He brought it* констатирует тот факт, что некое тело (*it*) изменило свое местоположение в пространстве в результате действия, совершенного субъектом (*he*), при этом наличие интенции у субъекта к совершению этого действия не утверждается, но и не отрицается (он мог принести нечто как по собственному желанию, так и против воли).

Вернемся теперь к примеру (5б). Здесь следует принять во внимание следующее. В первых, пример (5б) представляет собой тип субъектно-объектных конструкций, в которых в принципе возможно употребление как личного, так и возвратного местоимения (Б), в противовес двум другим типам конструкций, в которых рефлексив либо обязателен (А), либо недопустим (В) (во всех случаях речь идет о кореферентных субъекте и объекте, на что указывает знак « \Leftrightarrow »):

- А. \neq *Mary bought a new dress for her.*
= *Mary bought a new dress for herself.*
- Б. = *Charles pulled the cloak around him.*
= *Charles pulled the cloak around himself.*
- В. = *John saw a snake near him.*
**John saw a snake near himself.*

Во-вторых, дистрибуция возвратных местоимений в этих типах конструкций имеет семантическую мотивацию, связанную с отношениями между предикатом и предикатными актантами в предложении [25, с. 99-119]. В частности, как считает Г. Ватсон, предложное дополнение с пространственным значением (тип Б) может иметь одно из двух значений: физическая личность субъекта (в этом случае требуется рефлексив для отражения кореферентности между подлежащим и предложным дополнением), либо физическое окружение субъекта (это значение определяется контекстом и требует употребления невозвратного местоимения), например, *John searched around himself (*him) for the mosquito bite that was itching him so terribly*, но *John searched around him (*himself) for the stone he had tripped over*.

Такое толкование в принципе не вызывает возражений, однако остается непонятной мотивация в примерах типа Б, семантические структуры которых одинаковы, и Г. Ватсон этот момент упускает из вида. Представляется, что мотивация здесь не семантическая, а прагматическая и связана с фактором «точка зрения». Предложение *Charles pulled the cloak around him* можно интерпретировать следующим образом: «А воздействовал на Б, в результате Б определенным образом изменил свое пространственное положение относительно А». Предложение *Charles pulled the cloak around himself* имеет интерпретацию «А воздействовал на Б, в результате Б определенным образом изменил свое пространственное положение относительно А, удовлетворив некоторую потребность, испытываемую А» (например, в данном случае, потребность в тепле).

Другими словами, в первом случае действие Чарльза описывается как бы со стороны, тогда как во втором случае ситуация описывается с позиции Чарльза, так как никто другой не может знать, какую потребность испытывает Чарльз. При таком подходе становится понятным и употребление рефлексива в предложении (5б), поскольку контекст вводит наблюдателя, находившегося в описываемой ситуации (в частности, через форму *Past Perfect*), и этим наблюдателем, скорее всего, является сам субъект перечисляемых действий. Именно такое объяснение предложению *John hid the book behind himself vs. John hid the book behind him*, дает А. Зриби-Херц, ссылаясь на работы С. Куно и Й. Хинтикки и Дж. Куласа: «[В последнем] просто утвер-

ждается, что Джон спрятал книгу где-то за чертой, проходящей по его плечам, в то время как [в первом] подразумевается, что книга очень близко от Джона, возможно, соприкасается с его телом (т.е. Джон может держать книгу за спиной). Это противопоставление может быть перефразировано в терминах точки зрения: в [последнем], но не в [первом], Джон понимается как субъект сознания (subject of consciousness)» [26, с. 125].

Субъект сознания (СС) есть категория грамматики дискурса. Это семантический признак, приписанный референту, мысли или чувства которого, не обязательно выраженные в речи, передаются частью дискурса. Таким образом, СС в общем понимается как [+ human]. Однако А. Зриби-Херц в своей статье практически обходит стороной вопрос о функционировании местоимения *itself*, ограничившись коротким замечанием, что «*itself* может быть семантически [+ human]» и приведя один-единственный пример: *But, aside from this, the family was keenly conscious of the way in which such an estrangement would react on itself* [26, с. 125].

В. Кантрал связывает употребление местоимения *itself* с семантическим признаком «одушевленность», напр., *I wore myself out*; **My shirt wore itself out*; *The dog burned himself on the stove*; **The pudding burned itself on the stove*. Если же «неорганические» ИГ употребляются с рефлексивом, то они так или иначе обнаруживают признак «одушевленность», при этом отношение между референтами ИГ и рефлексива есть отношение целого к его части (первое воздействует на последнее) [21, с. 45]. Одушевленность в таких случаях вполне может быть реликтом анималистского прошлого языка, когда механика описываемого в предложении действия, скрытая от глаз наблюдателя, воспринималась как воздействие на объект внутренней управляемой силы ср.: *The building fell in upon itself*; **The building knocked itself down*; *The creek gradually washed itself clean*; **The car gradually washed itself clean*; *The steamer tore itself loose from the reef*. Поэтому объяснение, почему следующие предложения грамматичны, представляется затруднительным: *It's so easy to cook on this stove that the food practically cooks itself*; *The wood won't chop itself, you know*; *John must think that a dissertation writes itself*.

На наш взгляд, затруднение это кажущееся, поскольку компонентом смысла в этих предложениях является, так или иначе, вера (как правило, ошибочная) говорящего, адресата или лица, о котором идет речь, в то, что предмет (еда, дерево, диссертация) способен к осуществлению действия сам по себе, т.е. он является интенциональным субъектом действия. Приписывание субъекту действия признака «интенциональность» в конечном счете и ведет к его категоризации как одушевленного, поэтому в определенных контекстах следующие предложения вполне нормальны: *The tree felt itself falling*; *The car turned itself around*; *My TV turned itself on at 7:00*.

Вернемся, однако, к пространственным конструкциям. На странность рефлексива в конструкциях с пространственным значением указывал Н. Хомский, приводя примеры *I pushed it away from me* / **myself*; *I drew it toward me* / **myself*, при этом он затруднялся в определении причины такого ограничения [22, с. 146]. Однако, как показал В. Кантрал, причину надо искать в точке зрения: «Когда представление события драматизовано, т.е. оно вновь переживается говорящим, или вызывается к жизни для читателя, только рефлексивная форма представляется правильной: *I wanted (desperately) to push it away from myself*; *I was intent upon drawing it toward myself*; *I pushed her away from myself before temptation got too strong*; *He took the girl's hands and drew her to himself*» [21, с. 45]. В последнем случае (в высказываниях не от 1-го лица) возникает стилистический эффект эмпатии, поскольку автор (и читатель) видит себя в роли действующего лица, и таким образом относит референцию рефлексива к себе, либо автор (и читатель) проецирует свои чувства на действующее лицо, зная, что будь он на его месте, он видел бы себя именно в таком свете.

Суммируя приведенные выше наблюдения, можно сделать следующий вывод: употребление возвратного местоимения в конструкциях с переходно-непереходными глаголами, в конструкциях с пространственным значением и в конструкциях, маркированных по признаку «наблюдатель», является функционально релевантным и носит системный характер; рефлексив обеспечивает указание на интенциональность действия, выраженного глаголом, и, наряду с другими грамматическими явлениями, входит в систему языковых средств, формирующих указательное поле языка.

Литература

1. Абрамова А.Г. Пути освоения разговорных синтаксических конструкций авторской речью в английском романе XX века // *Функциональная грамматика: теория и практика: сборник научных статей по итогам Всероссийской с международным участием научно-практической конференции*. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет, 2021. С. 107–113.
2. Абрамова А.Г. Характер процесса компенсации асимметрии морфологических оппозиций в современном английском языке // *Язык и слово: сборник научных трудов*. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2021. С. 142–147.
3. Абрамова А.Г., Гурьянова Т.Ю., Фадеева К.В. Методологические проблемы изучения фразеологии // *Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сборник материалов Международной научно-практической конференции*. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. Вып. 7. С. 12–22.
4. Абрамова А.Г., Гурьянова Т.Ю., Фадеева К.В. Семантические особенности английских глаголов, указывающих на положение объекта в пространстве // *Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сборник материалов Международной научно-практической конференции*. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. Вып. 6. С. 12–22.
5. Абрамова А.Г., Гурьянова Т.Ю., Фадеева К.В. Функционирование общенаучной лексики в научно-техническом тексте // *Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сборник материалов Международной научно-практической конференции*. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. Вып. 7. С. 53–64.
6. Абрамова А.Г., Ильин Е.В., Леонтьева Л.Е. Метапредложение как средство анализа единиц различных уровней // *Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сборник материалов Международной научно-практической конференции*. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2021. Вып. 8. С. 3–16.
7. Абрамова А.Г., Никитина А.Ю. Сочинение и подчинение в свете коммуникативного подхода // *Функциональная грамматика: теория и практика: сборник научных статей по итогам Всероссийской с международным участием научно-практической конференции*. Чебоксары, 2021. С. 114–120.
8. Абрамова А.Г., Никитина А.Ю. Топология цитат в художественном и научном текстах // *Функциональная грамматика: теория и практика: сборник научных статей по итогам Всероссийской с международным участием научно-практической конференции*. Чебоксары, 2021. С. 311–317.
9. Абрамова А.Г., Павлова М.Н., Яковлева О.В. Английские прилагательные типа *alive* // *Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сборник материалов Международной научно-практической конференции*. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2021. Вып. 8. С. 29–40.
10. Абрамова А.Г., Таланова Т.В., Тарасова Л.В. Проблема аналитичности форм категории лица английского глагола // *Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сборник материалов Международной научно-практической конференции*. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. Вып. 7. С. 32–43.
11. Абрамова А.Г., Фадеева К.В. Телескопия как один из способов глаголообразования современного английского языка // *Наука и инновации в системе развития информационного общества: сборник материалов Международной научно-практической конференции: в 3 ч.* Чебоксары: ЧКИ РУК, 2019. Часть 1. С. 14–20.
12. Гуцин В.А., Фадеева К.В., Абрамова А.Г. Управление общением и его влияние на эффективность учебно-воспитательного процесса // *Наука и инновации в системе развития информационного общества: сборник материалов Международной научно-практической конференции: в 3 ч.* Чебоксары: ЧКИ РУК, 2019. Часть 1. С. 160–163.
13. Серебрякова Н.В., Абрамова А.Г., Фадеева К.В. К вопросу заимствования англицизмов в русском языке // *Духовные основы отношений человек – природа: материалы Всероссийской (Национальной) с международным участием научно-практической конференции*. Чебоксары, 2020. С. 261–266.
14. Степанова В.В., Федорова О.Н. О лингвистическом подходе к аргументации // *Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сборник материалов Международной научно-практической конференции*. Чебоксары, 2018. С. 134–138.
15. Степанова В.В., Федорова О.Н. Сущность и значение комплиментации в аргументативном дискурсе // *Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сборник материалов Международной научно-практической конференции*. Чебоксары, 2019. С. 81–86.
16. Тарасова Л.В., Абрамова А.Г. Отражение социолингвистических и гендерных особенностей в ходе коммуникации (на базе американского варианта английского языка) // *Межкультурная коммуникация и профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции*. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. С. 36–42.
17. Федорова О.Н., Степанова В.В. К вопросу об использовании аутентичных текстов при обучении английскому языку специальности в неязыковом вузе // *Научно-образовательная среда как основа развития интеллектуального потенциала сельского хозяйства регионов России: материалы Международной научно-практической конференции*. Чебоксары, 2021. С. 750–752.

18. Федорова О.Н., Степанова В.В. Лингвистическая переработка модели аргументации С.Э. Тулмина // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: материалы Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2019. С. 90–94.

19. Федорова О.Н., Степанова В.В. О проблеме разработки материалов для занятий по английскому языку специальности // Научно-образовательные и прикладные аспекты производства и переработки сельскохозяйственной продукции: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2020. С. 595–598.

20. Федорова О.Н., Степанова В.В. Чтение текста на иностранном языке: стратегии, обеспечивающие понимание // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сб. материалов Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2016. С. 194–197.

21. Cantrall W. Viewpoint, reflexives, and the nature of noun phrases. The Hague: Mouton, 1974. 178 p.

22. Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. Cambridge, Massachusetts; The MIT Press, 1965. 251 p.

23. Clark H.H. What is said to whom: a rejoinder to Allan // Language. 1986. Vol. 62. No. 3. P. 518–529.

24. Erades P.A. Points in Modern English syntax // English Studies. 1950. Vol. 31. P. 47–122.

25. Watson G. Clausemate reflexives // Linguistic Analysis. 1989. Vol. 19, No. 1. P. 99–119.

26. Zribi-Hertz A. Anaphora binding and narrative point of view: English reflexive pronouns in sentence and discourse // Language. 1989. Vol. 65. No. 4. P. 125.

АБРАМОВА АНЖЕЛИКА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент
Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская
Республика.

И.Н. АНИСИМОВА, А.Ю. НИКИТИНА, О.А. ПЕТРОВА

О НЕКОТОРЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Аннотация. В статье поднимается вопрос о влиянии чувашского языка на русский в процессе освоения речи ребенком. Данные лонгитюдных наблюдений, зафиксированных на территории Чувашской Республики несколькими местными матерями, анализируются с учетом современных подходов онтолингвистики и грамматики креатива. Описываются основные особенности инпута в регионе. Выявлены и охарактеризованы чувашизмы, фонетические и грамматические неправильности, инновации, встречающиеся в спонтанной речи детей, только начинающих осваивать родной русский язык в его региональном варианте.

Ключевые слова: региональный вариант русского языка, чувашизмы, речевой онтогенез, инпут.

Широкое распространение СМИ и литературного русского языка заметно нивелирует диалектные местные региональные особенности, однако они продолжают наблюдаться и фиксироваться лингвистами, в том числе и в детской речи. Например, давно замечено, что региональную отнесенность имеет детская дразнилка «жадина-говядина», точнее ее продолжение. В петербургском варианте – «жадина-говядина, пустая шоколадина», в южных регионах России больше распространен вариант «солёный огурец», в Москве говорят – «турецкий барабан».

Детская речь в определенной степени отражает взрослую. Очевидно большое влияние инпута на формирование речи ребенка. Языковая ситуация Чувашской Республики характеризуется рядом особенностей, среди которых главная – русско-чувашский билингвизм. Даже дети из русскоязычных семей слышат чувашскую речь наряду с русской повсеместно, видят надписи на чувашском и изучают чувашский, что, безусловно, не может не сказаться на освоении ими речи уже на самых ранних этапах. Дети в чувашских семьях, особенно в сельской местности с преобладанием чувашскоговорящего населения являются, как правило, активными или пассивными билингвами. Поскольку ребенок довольно быстро осваивает язык, он способен научиться понимать чувашский (пассивный билингвизм) за летний период нахождения в деревне у родственников (как это часто бывает), но, к сожалению, язык так же быстро забывается без использования.

В последнее время исследователями отмечается вытеснение чувашского языка русским как более престижным из всех сфер жизни местного населения, особенно городского молодого и тем более столичного чебоксарского, несмотря на меры, направленные на сохранение и популяризацию чувашского языка [1; 8].

По утверждению местных языковедов, «разыскания последних лет свидетельствуют о том, что более тонким, едва заметным и посему интереснейшим явлением выступает чувашское присутствие в региональной русской речи...» [5, с. 4]. Именно чувашское присутствие различного рода является главной особенностью русскоязычного инпута в регионе. И поскольку чувашские вкрапления даются в инпуте, местная детская русская речь их также демонстрирует. Инпут как совокупность речевой продукции взрослых, обращенной к ребенку, значительно влияет на становление его коммуникативной компетенции.

Нельзя не признать факты взаимовлияния двух неродственных языков друг на друга, в первую очередь на фонетическом уровне, что ярко отражается в региональной детской речи. Вместе с тем звуковые системы русского и чувашского языков имеют значительные отличия, описанию которых на материале речи младших школьников посвящены работы З.Ф. Мышкина, написанные в ортологическом ключе [6; 7].

По данным лонгитюдных наблюдений, сделанных несколькими местными матерями, у детей отмечается ранее и успешное освоение шипящих и свистящих, которыми богат чувашский, например, дети в возрасте 1 – 2 лет говорят: «щи» в 1 год 3 месяца, «чищ» – помочиться, «кыш» в 1,5 года, «тс, кс» (зовем кошку) в 1 год и 7 месяцев, «быщ» 1,8; «бысь» – брысь, кошка, в 1,9; «чи-чи-чи» – обезьяна чичичи в 1,9; «чо» – черное в противопоставление «бе» (черная смородина – белая смородина) в 2 года, «шотли ’» (смотри), «ш’ама» (сама), в 2,3 и т.п.

Возможно, проявляется широко известный и вместе с тем трудно объяснимый феномен, когда в уже младенческом лепете присутствуют многие звуки языка, однако впоследствии утрачиваются, а некоторые даже вызывают значительные трудности произнесения позже у того же самого ребенка. Например, имя *Маша* трудно дается многим детям именно из-за звука *ш*, поэтому взрослые адаптируют его, вводя в речевой обиход *Маня*.

Разумеется, имеют место и индивидуальные особенности развития детей, закономерности освоения языка в онтогенезе. Вполне вероятно, сказываются также некие генетические особенности (определенная наследственная предрасположенность в строении рта, языка). Например, нравоучительную поговорку «Когда я ем, я глух и нем», местный двухлетний ребенок произносит так: «Када я тух и ем, я тух и ем», используя весьма распространенное чувашское звуко сочетание «тух».

О природной предрасположенности к родному языку рассуждают многие. А.И. Пантелеев в книге о своей дочери, мать которой – грузинка, делает такое замечание о трехмесячном ребенке: «Горлышко у нее грузинское: выталкивает из себя такие заковыристые гортанные звуки, каких мне, пожалуй, и за сто рублей не произнести» [9, с. 4].

В исследуемой региональной русской речи детей наблюдается смягчение твердых согласных в детских словах: *нет’*, *вот’*, *т’ак*, *двер’ку*, а также отверждение мягких, например, в призыве поесть из так называемого языка нянь *ням-ням – нам-нам*, в словах *пятка*, *мячик*: *паятка*, *маячик* (что можно объяснить действием закона сингармонизма, столь характерного для тюркских языков, к которым относится чувашский). Вероятно, под влиянием этого же закона слово *унитаз* преобразилось в *вынитаз*, а одеяло в *одевало*.

Трудными для произнесения у детей на начальном этапе, по нашим наблюдениям, оказываются русские сочетания согласных звуков в некоторых словах, например, *возьми (азми, зами, зями)*, *немножко (меношко)*, *нельзя (низя)*, *одеяло (адевало)*, *оранжевый (ажановый)*, *коричневый (каричканый)*, *гречневая (гречканая)*, *посмотрю (посоплю)*, *огрызок (отгрызок)* от яблока, *сказала (казала)*. Некоторые слоги при осознанном употреблении слов даются с трудом, вызывая недопонимание окружающих и явные ошибки в произношении: *не надо (н’надо)*, *Катюша (Катюха, Катюля, Катюня)*, *баба Оля (баба йойя)*. Замена звука *ф* на звук *х* достаточна регулярна в словах *кефир (кехир)*, *конфетка (кихетка)*, *футболка (хэтболка)*, *алфавит (алхавит)*, *сасетка (салфетка)*. Всем знакома ситуация, когда ребенок что-то говорит,

даже упорно повторяя несколько раз одну и ту же фразу, а взрослые, включая мать, его не понимают из-за неправильного или нечленораздельного произношения. Например, очень трудно узнать в слове «пипийка» бутылку, а в «бабася» – подушку. Или ребенок настойчиво просит *ки'шочку*, а взрослому приходится гадать то ли кошечку, то ли кисточку, то ли крышечку, то книжечку. Особенно много разнообразных звуковых замен-искажений, облегчающих произношение слов, встречается в речи ребенка, переживающего период первого лексического скачка, хорошо знакомого многим родителям, наблюдающих за процессом раннего речевого онтогенеза.

Стоит отметить в исследуемой детской речи действие общезыкового закона экономии усилий, которое проявляется тенденцией сокращать слова и словосочетания. Например, элизии подверглись слова: *варьки (варежки)*, *низя (нельзя)*, *водича (водичка)*, *девоча (девочка)*, *мальчиша (мальчишка)*, *лягука (лягушка)*, *кока (кошка)*, *мыка (мышка)*, *ба Женя (баба Женя)*, *аклой (открой, закрой)*, *буля (бабуля)*, *иита (Никита)*, *посопеть (посмотреть)*. Особенно в потоке речи «теряются» довольно часто звуки: *хочу с а'мой пойти (с мамой)*; *а де' мама? (а где)*, *Натавана (Наталья Ивановна, воспитатель)*. Пропуск суффикса *к* регулярен: «Мамоча, зями на ручи!» (*мамочка, возьми на ручки*).

С удовольствием и задорно местные дети, поощряемые взрослыми, произносят отдельные чувашские слова, которые легко им даются уже на самых ранних этапах освоения языка: *ачупчу (ача-пйча – ребенок)*, *каламала (рассказывать)*, *абан (горячо)*. При этом последнее, произносимое с соответствующими (испуганными или предостерегающими) мимикой и жестами, выступает как ономотопея, имитация возгласа обжегшегося человека. Звукоподражания вообще очень распространены в чувашском языке, детальному изучению их подвергли Н.И. Ашмарин, называя «мимемы», Г.Е. Корнилов, рассматривая в качестве «имитативов».

Также хорошо воспринимаются детьми веселые песни современной чувашской эстрады, например, «Акатуй» Людмилы Кинер. Чувашские народные сказки с их самобытным колоритом пользуются популярностью у местных детей дошкольного возраста. Поэтому присутствие чувашизмов в местной детской речи вполне объяснимо. Они начинают фигурировать в вопросах типа *что это такое?*, например, что такое *са́мса*?

Давно замечено, что почти все слова в речи ребенка проходят этап так называемого ситуативного значения, тесно связанного с действительностью. Конкретная ситуация, эмоционально пережитая ребенком и слово, осмысленное в ситуативно-специфическом контексте, долго сидит в памяти у него. Например, вышеназванные чувашские *абан* и *ачупчу* произносились двухлетним ребенком только в присутствии чувашскоговорящей бабушки с игривым хитрым выражением лица, а к четырем годам совершенно исчезли из речи.

В речи детей, возраст которых приближается к трем-четырем годам, неизбежно начинают возникать высказывания, не соответствующие русскому узуальному употреблению, и разного рода неправильности, ошибки в построении грамматических форм, фраз при попытках самостоятельного речепорождения. Некоторые из них возможно рассматривать в качестве грамматических инноваций, как это делают современные лингвисты-исследователи детской речи, следуя идеи «креативной грамматики», предполагающей описание грамматических категорий с точки зрения их выразительных возможностей и прагматической направленности, например: *лома'тая коробочка*; *засохлый пластилин*; *колду'шка* (тот, кто колдует, колдунья); в ответ на призыв «давай покушаем» – *давай не будем*, «дам тебе карандаш» – *не давай* (вместо «не надо»), *мама и папа не вставают*; *и будет нету игрушки* (и не будет игрушки), в ответ на вопрос «можно возьму твою игрушку?» – *не можно* (вместо «нельзя»), *двумя'ми руками, котенок на нас наблюдает*; *буду запла'чу*; *котик, давай вместе будем гладиться (поглажу кота и будем дружить)*; *что вчера будем делать* (вместо завтра). Для последнего примера поясним, что ребенок плохо ориентируется во времени: «вчера» для него – это то, что было до сна, в том числе дневного, так называемого тихого часа.

Что касается глагольной системы, то в исследуемой речи детей, по нашим наблюдениям, преобладают формы женского рода: «кидала» говорит о себе не только девочка, но и мальчик, что уже было ранее отмечено [3, с. 76]. Частотны ошибки в образовании глагольных форм с

чередованием: *ты куда убежа'ешь?* (*убегаешь*), *я пла'каю, рисова'ю, на другой стороне написа'ю; выдавля'ю зубную пасту* (*выдавливаю*); *рисова'й* (*рисуй*), *щекота'й* (*пощекочи*), *клади'ть* (*класть*), *моя рука достава'ет до полки; бе'гайет буду, ку'шайет хочу, вытиру* (*вытру*). Особенно в диалогах такая тенденция ярко проявляет себя: *От моего квадратика бери* (просит один ребенок) – *Буду бирать* (вместо *брать* говорит другой ребенок).

От отношения взрослых к подобному рода детским неправильностям во многом зависит формирование личности ребенка. Замечено, что терпимое отношение к ошибкам, общение с элементами языковой игры, принятое в семье, поощрение различных инноваций в детской речи способствует развитию лингвокреативности, определенной творческой свободе в обращении с языком, умению находить подходящее слово в трудной ситуации. Безусловно, это не означает, что нужно игнорировать ошибки в речи ребенка, указать на них, естественно, следует. Однако надо понимать, ошибка свидетельствует обычно об идущем у ребенка процессе активного творческого освоения языка, который сам по себе очень не прост для маленького человека и в раннем возрасте скорее имеет характер игры. Как известно психологам, ребенок познает окружающий мир творчески, креативно, с помощью игры, которая для него является своего рода постановкой эксперимента. А еще И.А. Сикорский указывал на то, что вмешательство окружающих в забавы детей должно быть крайне осторожным. Это должен быть скорее надзор и участие, но не почин [11, с. 143].

Первоначальная речевая деятельность ребенка взрывает языковые традиции общества, и не каждый взрослый, привыкший мыслить и выражаться консервативно, в силах это выдержать и принять. Только постепенно в сознании ребенка формируется правильная система грамматических форм, и все, что выходит за пределы парадигмы, вызывает трудности, но лишь до тех пор, пока не будет услышано и повторено. Имитация готовых образцов и самостоятельное конструирование грамматики – вот две стратегии при овладении русским языком, который признан одним из самых сложных ввиду обилия словоформ. Это долгий и трудный процесс для маленького человека и удивительный для наблюдающих его взрослых.

В ходе когнитивного и речевого развития каждый ребенок приобретает индивидуальный опыт владения языком. С.Н. Цейтлин, основатель отечественной онтолингвистики, очень точно характеризует процесс освоения ребенком языка как самостоятельное конструирование им своей собственной языковой системы [12, с. 296]. Именно поэтому для изучения проблем онтолингвистики наиболее важны данные лонгитюдных исследований спонтанной речи детей, которые и были задействованы в нашей работе.

Как известно, формирование речи у индивида обеспечивают не только психофизиологические процессы, но и культурные, в том числе языковые традиции общества, в результате такого процесса происходит становление языковой личности [4, с. 16]. В.Г. Родионов считает, что древние языковые традиции также способны находить свое отражение в современном общении: «Изначальный тип языкового сознания дальних предков тюркских народов не только отражается в современных языках, но и в повседневном коммуникативном процессе постоянно порождает стереотипы на уровне архетипов и мифопоэтического сознания» [10, с. 17].

Неправильно произнесенные взрослыми разговорные и просторечные формы также встречаются в местной детской речи: *едь* (вместо *поезжай*), *ложки* (вместо *клады*), *одень ва-режку* (вместо *надень*), *надень меня* (вместо *одень*), *вода текет* (вместо *течет*), *мама пекет* (вместо *печет*), неверные формы творительного падежа с предлогом «с»: *губки с бантиком, рисовать с мелом*.

Употребление слова *когда* вместо *тогда* (*когда сможем, когда сможем*) обусловлено, вероятно, как фонетическими особенностями, так и лексическими. Некоторые региональные лексические особенности, встречающиеся в том числе в речи детей, были описаны нами ранее [2]. Стоит добавить, что ребенок путает имена собственные и нарицательные, что ярко выражено, например, в таких детских размышлениях: «Маму зовут Ирина. Папу зовут Коля. А как Катю зовут?».

Удивительны по семантике и интонации первые высказывания ребенка. Всякий раз, составляя из услышанных от окружающих лексем собственные высказывания, маленький чело-

век, с одной стороны, копирует чью-то речь (что умиляет близких родственников), а с другой – производит уже собственный дискурс, иногда забавный, эксплицируя, например, незнание многозначности слова: когда мама сказала, что к Маше аппетит пришел, Катя спросила, где он. Услышав слова папы, что «механизм работает через раз», ребенок поинтересовался «через какой раз», поскольку слово «раз» используется обычно при счете: раз, два, три. Асимметрия языкового знака не сразу осознается ребенком, представление о ней формируется постепенно в ходе анализа речи окружающих.

Новые слова объясняются в детской речи через известные, иногда при этом устанавливаются неправильные семантические связи, основанные на фонетическом сходстве лексем, рождая ложную этимологию: «Целеустремленная, она стремянку что ли носит?». Так поразил, видимо, однажды ребенка вид стремянки и способ ее переноса.

Специфические грамматические особенности чебоксарского региолекта, подробно описанные в книге Т.Н. Ериной и Фомина Э.В. «Говорят Чебоксары (Шупашкар калаçать)» [5, с. 51–55], встречаются в речи детей и только начинающих строить фразы, и уже уверенно говорящих. Среди таких особенностей надо отметить замену притяжательных местоимений формами родительного падежа с предлогом *у* (*у нас у бабушки кот есть*); выражение просьбы частицей *–ка* (*дай-ка*), неразличение вопросов *почему?* и *зачем?*, оформление вопроса местоимением *что* и частицей *ли/ль* (*мы домой идем, что ль?*, а также с перестановкой слов *мы что ли домой идем?*).

Современные исследования крупнейших отечественных онтолингвистов показывают, что «родители обращают внимание прежде всего на содержание речи ребенка, а вовсе не на ее языковое оформление. Тем не менее, то обстоятельство, что ребенок на рубеже второго и третьего года жизни уже владеет всеми базовыми языковыми правилами и имеет ментальный лексикон в объеме более двух тысяч лексем, при этом многие лексемы представлены в его составе всеми своими словоформами. То обстоятельство, что в подавляющем большинстве случаев выбор лексемы и ее формы осуществляется верно, т.е. в соответствии с нормой, позволяет думать, что ребенок знает, а точнее сказать – чувствует, ощущает – и сферу референции лексемы, и грамматическое значение используемых им словоформ» [13, с. 86].

Таким образом, детская речь, предоставляя лингвистам богатый актуальный материал для изучения, демонстрирует, что уже на начальном этапе освоения русского языка детьми проявляется региональная маркированность, в частности отдельные моменты влияния чувашского языка на региональный вариант русского языка, функционирующий в Чувашской Республике.

Литература

1. Алос-и-Фонт Э. Исследование языковой ситуации в Чувашской Республике /сб. ст. Э. Алос-и-Фонт. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. 324 с.
2. Анисимова И.Н. Некоторые лексические особенности функционирования русского языка в Чувашии // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: труды и материалы международной конференции. 2016. С. 9–11.
3. Анисимова И.Н., Игнатъева Е.А. К вопросу об общих особенностях детской речи и речи студентов-иностранцев // Развитие экспортного потенциала высшего образования: содержание, опыт, перспективы: материалы XI Международной учебно-методической конференции. 2019. С. 74–78.
4. Анисимова И.Н., Никитина А.Ю., Петрова О.А. Метафора как ключевой элемент лингвокогнитивного уровня языковой личности политического деятеля XVIII века // И.А. Бодуэн де Куртене и мировая лингвистика: труды и материалы Международной конференции. 2017. С. 13–16.
5. Ерина Т.Н., Фомин Э.В. Говорят Чебоксары (Шупашкар калаçать). Чебоксары: Изд-во Чуваш.ун-та, 2021. 168 с.
6. Мышкин З.Ф. Методика обучения русскому произношению в чувашской начальной школе: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук, 1965. 19 с.
7. Мышкин З.Ф. Сопоставительная характеристика звуковых систем русского и чувашского языков. Чебоксары, 2007. 32 с.
8. Проблемы и состояние русского языка в Чувашской Республике / Анисимов Г.А., Корнилов Г.Е., Мышкин З.Ф. // Актуальные вопросы общей и прикладной филологии: материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения М.М. Михайлова. Чебоксары, 2014. С. 8–15.

9. Пантелеев А.И. «Наша Маша (Книга для родителей) URL: https://www.4italka.ru/detskoe/detskaya_proza/41588/str4.htm#bookteg (Дата обращения: 02.08.2022).

10. Родионов В.Г. Чувашский этнос: исследования по этнологии и мифопоэтике / В.Г. Родионов. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. 324 с.

11. Сикорский И.А. Душа ребенка. Киев, 1911. 192 с.

12. Цейтлин С. Н. Освоение ребенком родного языка как синергетический процесс // Российский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 4. С. 288–300.

13. Цейтлин С. Н. Конструирование языковой системы ребенка в свете теории имплицитного научения // Центральные механизмы речи: сборник материалов IX Всероссийской (с международным участием) научной конференции, посвященной памяти проф. Н.Н. Трауготт. Санкт-Петербург: ООО «Издательство ВВМ», 2019. С. 86.

АНИСИМОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент
Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская
Республика.

НИКИТИНА АЛЕНА ЮРЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского
государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

ПЕТРОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент
Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская
Республика.

В.В. АНИФЕРОВА

ЧАВАШ ТАТА ТУТАР ЧЁЛХИСЕНЧИ ТУМТИР ЛЕКСИКИН ЭТИМОЛОГИ ТИШКЕРЁВЁ

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ ОДЕЖДЫ В ЧУВАШСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Чуваши и татары, как и все народы, шили одежду по погоде, поэтому одежду можно разделить на зимнюю, летнюю и осенне-зимнюю. Летняя одежда создавалась из легких и тонких полотен; осенне-весенняя – из овчины, льна и конопли; зимняя – из теплого материала – шерсти, меха. Лексика, связанная с одеждой, очень разнообразна и богата. Перед нами встал вопрос изучения их происхождения. Проводя этимологический анализ слов, мы выделили общетюркский пласт лексики, который за многие столетия развития языков претерпел значительные изменения в фонетическом, морфологическом и семантическом плане. Нами также проведен сравнительный анализ лексики чувашского и татарского языков, что не раз доказал их историческое родство.

Ключевые слова: лексика одежды, чувашский язык, татарский язык.

Чавашсем çўхерех япаласем çийён та́хәнакан кёрхи-çурхи тата хёллехи тумсене *тумтир* сәмахпа паләртаççё. Вәл икё сәмахран та́рать: *тум* тата *тир*. Орхон-енисей чёлхинчен кёнё *тон* «та́хәнмалли япала, кёрёк» сәмахран *тум* пулса та́нә [6, с. 574], чаваш чёлхинче тумпа сыхәннә пур япалана та пёрлештерсе та́ма пусланә. Хальхи чёрё төрёк чёлхисенче вәл «кёрёк», «халат», «кирек мёнле тумтир те» пёлтерёшсемпе çўрет.

Тир – авалхи төрёк чёлхинчен кёнё сәмах. Вәл хальхи төрёк чёлхисенче те сыхланса юлнә. Тёслёхрен, азерб. *дяри*, туркмен *депи*, турккә *депи*, казах, кәркәс, узбек *тепи*, пушкарт, тутар *тири* [17, с. 164–165]. Ёлөк-авал тумсене чавашсен ма́н аслашшёсемпе асламашёсем тиртен çёлесе та́хәннә, çавәнпа вёсен ятёнче те *тир* сәмах сыхланса юлнә.

Чёлхере çавән пекех тымарё сумне сайра төл пулакан çёнё сәмах та́вакан аффикс хушәннипе пулнә сәмахсем те төл пулаççё: тумлав (<тум + -лав) [9, с. 17].

«Тумтир» әнлава тутарла *кием* сәмахпа паләртаççё. Çак сәмаха Авалхи төрёк словарёнче төл пулма пулать *kedim* – тум (одежда, одеяние), *keduk* – кёçсе юпәнчә (накидка из войлока) [6, с. 294]. Тутар чёлхинчи *кием* сәмах пётёмёшле си-пуса, тумтире, кёпе-йёме

пёрлештерет, анчах пуринчен ыгла сўлти тумтирсене пёлтерет. *Киём* лексема икё пайран тәрәт: *кию* глагол «тумлантарас, тәхәнәс», (одевать, надевать) тата ес результатне катартакан *-(е)м* ятарла аффикс [13, с.12]. Төрөк чөлхинчи *kad* «тәхән, тәханса сўре» (покрываться, носить) тата авалхи төрөк чөлхинчи *kad* «тумлантар» (одевать) пёлтерешпе сўрет [16, с. 3].

Чавашсен сәмлә тиртен сәленә хәллехи ашә тумтирә *көрөк* пулнә. Ана арсынсем те, хәрарәмсем те, ача-пәчасем те тәхәннә. «Чаваш чөлхин этимологи словарәнче» В.Г. Егоров тәпчевсә ытти төрөк чөлхисенчи эквивалентсене катарта парәт: чагатай, азербайджан чөлхисенче *күрк* «көрөк», «тир»; карачай чөлхинче *көрүк* «тир» пёлтерешлә. Уйгур *көрүк*, кәркәс *көбрүк*, казах, каракалпак *көрүк*, пушкәрт *күрек*, тутар *күрүк* чөлхисенче аңа «сывләш вөркөчәсем» (кузнечные мехи для нагнетания воздуха) пек аңлантарма пулат. Монгол чөлхинче те вәл сәк пелтерешпе сўрет: монг. *хөөрөг* «мехи кузнечные» [7, с. 108].

Алтайпа хакас чөлхисенчен *көрүк* «пәрәнтәк» (бурундук), калмак чөлхинче «мамак тир» (мех пушного зверя) пек кусәт [7, с. 108]. Сәк сәмах авалхи сыру паләкәсенче те сыхланса юлнә: *kurk* «тир, тумтир, көрөк» (меховая одежда, шуба) [6, с. 329], *курк* – «тир» (мех) [10, с. 338]. Тен, *kuri* // *kura* «тир тунине» пёлтерекен глагол каярахпа япала ятне кусса «тир» пёлтерешпе тәрса юлнә: *kuga* > *курек* > *кюрюк* > *кирк* [6, с. 329].

Тутарсен хәллехи ашә тум-тирә *тун* пулнә. *Тун* сәмах авалхи төрөк словарәнче «тумтир, көрөк» пёлтерешпе сўренә, тутар чөлхинче вара «көрөк» пёлтерешәччен аңсарланнә. В.И. Абаев тәпчевсә «Историпе этимологи словарәнче» сырнә тарәх *тун* сәмахән сәлкусә китәй чөлхинчи *t'uan* (вәрәм тумтир, манти) сәмахран пусланәт, латин чөлхинчи *tunica* сәмаха вара скифсен каласәвәнчи *tuna* сәмахпа сыхантарма пулат. В.И. Абаев шутланә тарәх ку таранччен те сәк лексикәна тәплән аңлантарса пәман [1, с. 337].

Арсынсемпе хәрарәмсен тиртен сәлентнә хәллехи сәмлә тумтирә *тәлән* чавашсен тата *толып* тутарсен пулнә. Ку лексәманә төрөк чөлхисен йышәнче тәл пулма пулат. Сәмахран, каракалпак *тулып*, ногай *тулуп*, пушкәрт *толон* сәмахсем *тәләнә* (шуба) пёлтерешсә. Кәркәс *тулуп*, азербайджан *тулук* чөлхисенчен «чәлха евәр сәвнә пәру тирә» (шкура теленка, снятая чулок) тесе кусәт. Н.М. Шанский, Т.В. Шанская, В.В. Иванов шухәшәпе, термин авалхи төрөк чөлхинчен тухнә: төрөк *tulup* «гискер кайәк тирәнчен сәленә сәвәсәр сәран михә» (кожаный мешок без швов, сшитый из звериной шкуры). В.В. Радлов та төрөк чөлхисенчи сәмахсене катарта: крим, тутар, казах, алтай *tulup* «пәр тиртен сәленә сәвәсәр пәр тир михә» (цельный кожаный мешок без шва из одной шкуры) [20, с. 118–119]. В.Г. Егоров шутланә тарәх вярәс чөлхине сәк сәмах төрөк чөлхинчи *тула*, *тулку*, *толык* «пәтәмәшпе, пәтәмпех» (целиком, полностью) пёлтерешлә сәмахсенчен кәнә [7, с. 235].

Сулхән кунсенче чавашсем кәпе сийәнчен *шупәр* е *пустав* тәхәннә. *Шупәр* – арсынсен авалхи йәла-йәркепе уяв тумә пулнә. Ана шура пиртен сәленә. XIX әмәр сурринче «шупәр» сәмахпа арсынсемпе хәрарәмсен сурхи тата сўллахи сўхе тумне калама пусланә [9, с. 76–77].

Чаваш чөлхин этимологи словарә пёлтернә тарәх: *шабур* – сўха вярәнне шултра касәклә сўлти ес тумтирә; кивә сўлти тумтир, сәтәк-сәтәк (верхняя рабочая одежда с крупным вырезом вместо ворота; старая верхняя одежда, ветошь); атәлпа перм чөлхисенчен йышәннә сәмах: манси *шуп* «кәпе», «рубәха», хант. *шабур*, мар. *шовыр*, *шавыр* «поддевка из холста» [7, с. 339]; ирсе *шавырток* (*шовыртины*) «укрывание (одеялом, покрывалом) глаголтан [9, с. 76].

Тутар хәрарәмәсем те килте тәртнә шура е йәрәм-йәрәм пиртен сәленә *чоба* тәхәннә. Чи малтан сәкна паләртмалла: *чоба* ытти төрөк чөлхисенче те тәл пулат: пушк. *сыба*, ног. *шыба* «хәрарәм кәпи» (женское платье); кбалк. *чуба* «корсет», уйг. *чипо* «маньчжур хәрарәмән тәракан сўхаллә вәрәм кәпи» (длинное женское платье маньчжурского покроя со стоячим воротником) (сәкна та паләртма пулат: уйгурла-вырәсла словарән авторәсем аңа китәй чөлхинчен йышәннә тесе шутлашсә); турккә, крим.-тат. *цубә* «кәске сәналлә килти кәпе» (нижнее домашнее платье с короткими рукавами) [11, с. 189]. Сәпла вара, сиелти тумтир вярәнне килте сәленә *чоба* (финн-угор чөлхисенчен) е *шабур* (Пермь чөлхинчен) тәхәннә.

Пустав – арсынсен хура е тәттәм кәвак пуставран сәленә сўллахи сўхе тумә. Унән әлки шупәрәнни евәрех. Сәк тумтире пуставран сәленә пирки материал ятне панә. В.Г. Егоров

ку сәмаха ыраһсенчен йышанса илнә тесе шутлать: *постав* обл. «чәлём евёр чәркенё пир татәкё» (кусок холста, свернутый трубкой); танлаштар, тува *пос-даавы* «пир-авартан тунә хатёрсем» (текстильные изделия) [7, с. 168]. В.В. Радлов «Тёрёк чёлхисен словарён опычё» кёнекере *пастав* венгри чёлхинчи *pastal* (пустав татәкё) сәмахран пулса кайнә тесе сырать [12, с. 1191].

Чәвашсен арсынё те, хёрарамё те кёркунне-сүркунне тәхәннә килти сәм тәларан сёленё *сәхман* пулнә. В. Г. Егоров хайён этимологи словарёнке ытти тёрёк чёлхисенчи эквивалентсене илсе кәтартать: пушк. *сәкмән* «зипун», «армяк»; хак. *сикпен*, алт. *чекпен*, *чекмен* «сукно»; тәва *шекпен*, *шепкен* «сукно»; «дождевик (из сукна)»; казах., к. калп. *шекпен* «армяк», «кафтан»; узб. *чакмон* «армяк», «кафтан»; тутар *чикмән* «кафтан»; караим. *шушман* «мантия»; турккә. *чекмен*, *чепкен* «короткий суконный кафтан»; «плащ (дождевой)». Сәк сәмахсем глагол сүмне *-ман*, *-мен*, *-пен* аффиксем хушәннипе пулса кайнә. Тёсләхрен: 1. чәв. *сәх, алт. сук «надевать», «вкладывать», «всовывать»; хак. *сук* то же; тур. сок «всовывать», «втыкать», «вталкивать»; 2) турккә. *чек* «тәхән» (надевать, натягивать); танлаш. перс. *чакман* «чекмень», «арсынсен сүлти тумтирё» (мужская верхняя одежда) [7, с. 185].

Тутарсен те *чикмән* – килти поставран сёленё сүлти тумтир – пулнә. Д.Б. Рамазанова хайён монографийёнке сәпла сырать: «...пирён шутпа, пёрремёшёнче, *сукман* питё авалхи сәмах, иккёмёшёнчен, Вәл Атәлпа Камски ареал чёлхисемшён пёрлөхлө сәмах шутланать, авалхи пәлхар тёрёксемпе сыхәннә. *Чекмен* сәмах каярах пулса кайнә, Атәл Тәрәхне кипчаксемпе пёрле килнө» [13, с. 39].

С.С. Харькова та сәкна сирёплетсе парать: тёрёк., танлашт. кәркәс. *ченкен* «вид верхней стеганой одежды», чәв. *сахман*, *сакман* «суконный кафтан», алт. *чекпен*, *чекмен* «сукно», тува *шекпен*, *шепкен* «сукно; дождевик (из сукна)», турккә *дектеп*, *деркеп* «дождевик; короткий суконный кафтан», др.- тюрк. *СЕК* «хлопчатобумажная ткань, на которой шьют верхнюю одежду» тёрёк *чәк-пән, *чәк-мән «одежда из хлопчатобумажной ткани» [23, с. 20].

Чәвашсем килте тёртнө тёттөмрех сукнаран сёлетнө вәрам кёрхи-сүрхи тум – *асам* – тәхәнса сүренё. Н.И. Захарова-Кульева сәк сәмах араб чёлхинчен көнө тесе сырать: чәв. *асам* – араб. *азам*. Асамне каярахпа урәх тум ячөпе *чаппан* тесе калама пусланә [9, с. 63].

Чаппан арсынсемпе хёрарамсен вәрам аркәллә кёрхи-сүрхи тумё шутланать. Чәвашсем чаппансене кёрёк е сәхман сийёнчен хёлле вәрам сүла тухнә чух та тәхәнса янә. Тутар литература чёлхинче *чапан* «бухарский халат» пек кушать. Чагатай, узбек, туркмен, кәркәс, казах чёлхисенче те сәкән пек пёлтерөшпех сүрет: танлаш. тутар. *чапан* «вәрам аркәллә сүлти тумтир», кирг. *чапан* «чапан, халат», чув. «хёрарам постав сәхманё» (женский суконный кафтан), перси чёлхинчи *саран* сәмахран пулса кайнә [23, с. 20]. В.В. Радловпа М. Фасмер сәмах этимологиине кәтартма ытти тёрёк чёлхисенчи төслөхсене илсе парасөё: кәркәс, уйгур *саран* «халат» [20, с. 315].

Юпәнчә – йёпе-сапара си-пус е тумтир сийён уртса ямалли кёсөрен сёленё тум. Унән пуса хуплакән калпакё те пулнә. Н.И. Захарова-Кульева пёлтернө тәрәх сәк сәмах тёрёк. јар «витён» (покрываться) лексемәран пулса кайнә [9, с. 78]. Чәваш чёлхин этимологи словарёнке сәк сәмах ытти тёрёк чёлхисенче те пуррине кураппәр: туркм. *япынжса* «то, чем можно накрыть»; турккә *япынжак* «длинная мохнатая попона, покрывка (для лошадей, зимующих на открытом воздухе)»; тутар *япанча* «чапан», «епанча»; азерб. *япынчы* «епанча»; «бурка» [7, с. 350].

Тутарсен ваткәллә пальто – *бишмәт* – пулнә. Ун пек тум чәвашсем те тәхәннә, әна вёсем *пишмет* тенё. Пишмет – хёллехи әшә тум. Әна пасарта туяннә пусмаран әшне вата хурса сёленё. Тәршшө вәрам пулнә. Ытларах арсынсем тәхәннә [9, с. 69]. *Бишмәт* сәмах Н.П. Остроумова тата Л.З. Будагов словарёсенче «кафтан» пёлтерөшпө тел пулать. Анчах та М. Кашгарипе Codex Sumanus словарёсенче сук. Сәк лексема, төпрен илсен, тёрёк, уйрамах кыпчак тата карлук чёлхисенче сарәлнә [13, с. 18]. Вырәс чёлхине сәк сәмах тутар чёлхинчен көнө тесе шутласөё, анчах та Э.В. Севортыян төпчевсө унән тёрёк тымарөсем пирки иккөленет [13, с. 18–19]. Р.Г. Ахметьянов пёлтернө тәрәх, ку ят перси чёлхинчи *пешибанд* «приталенный бешмет; фартук, камзол» сәмахран төп илет. *Пеш* сәмах пайё кунта «малти енө» (передняя сторона) тата *-банд* – «сыхәннә» (завязанный, приталенный) тесе кушать [2, с. 191–192].

Чăвашсен *эрмек*, тутарсен – *эрмак* пулнă. Вăл килте тĕртнĕ пир-авăртан çеленĕ сăхман евĕр сарлакарах аркаллă, пысăк выртма çухаллă çуллахи çўхе тум шутланнă. *Эрмек* (чăв.) / *эрмак* (тутар.) сăмахан этимологине тĕпчевçĕсем çакан пек аңлантараççĕ: чаг. *ôrmak*, каз. *ôrtoĕk* «тĕве çамĕнчен тĕртнĕ пир» (Г.И. Рамстедт çырна тăрăх), тĕрĕк *or* «тĕртмелле, çыхмалла» [18, с. 88]. Чăваш культурина *эрмек* вырăссенчен куçнă. Вырăссем вара ăна XV ĕмĕрсенче тĕрĕк халăхĕсенчен илнĕ. Пуçласа *эрмеке* пуян сослови шутне кĕрекенсем çеç кил-çуртра тăхăнса çўренĕ, анчах XVIII ĕмĕр тĕлне вăл хресченсен юратнă тумĕ пулса тăна [9, с. 78].

Чăвашсен кĕркунне-çуркунне тăхăнмалли пуставран çеленĕ *сăпан* пулнă. ăна тутар чĕлхинчи *зыбын* сăмахран илнĕ. Тутар тĕпчевçи Р.Г. Ахметьянов пĕлтернĕ тăрăх, *зыбын* араб чĕлхинчи *циубун* «верхняя одежда, плащ» сăмахран пулнă [2, с. 290]. В.В. Радлов тĕрĕк чĕлхисенчи пĕрпеклĕхсене илсе парать: турккă *зыбун* «кĕске çанăллă жилет» (жилет с короткими рукавами) [11, с. 907, 923]. М. Фасмер шутланă тăрăх, вырăс чĕлхинчи *зипун* грек чĕлхинчи *zipovvi* (кофта) сăмахпа е венеци чĕлхинчи *zipon*, итали чĕлхинчи *guibbone* сăмахсемпе тўр килет [19, с. 98].

Чăваш хĕрĕсемпе арăмĕсен халат евĕр касса, пилĕк тĕлĕнчен пĕрме пĕрсе çеленĕ тумĕ – *йĕлен* пулнă. Унăн çухи пулман. ăна çулла тата кĕрхи-çурхи ашă кунсенче тăхăннă. Н.И. Захарова-Кульева шухăшĕпе, ку сăмах тутар чĕлхинчен (*жсилэн, йшлэн*) кĕнĕ, «нарядная, верхняя одежда из фабричной ткани» тесе куçать [9, с. 63]. Тутарсен çак тумтире ватăрах арçынсем вăрăм камзол е кĕске казак çийĕнчен, мечете е обществăлла ытти вырăнсене çўренĕ чухне тăхăнаççĕ. Ку сăмах пушкăрт *елэн*, казах *жселен* чĕлхисенче те пур [21, с. 194].

Р.Г. Ахметьянов словарĕнче çапла çырна: К. Насыри шутланă тăрăх, перс чĕлхинчи *йăлэн* (пĕрдĕ) «чаршав» (штора) – чи малтан пĕр пир ячĕ пулнă. Анчах перс чĕлхине сăмах тĕрĕк йăхĕнчен кĕнĕ пулмалла [2, с. 269].

Чăваш тата тутар лексика вырăс чĕлхи урлă Европа халăхĕсенчен куçнă аңлавсемпе те пуян. Çавăн пек сăмахсене йышăнса чĕлхери фонетика законĕсемпе килĕшуллĕн усă кураççĕ. Тĕслĕхрен, *пальто* (чăв., тутар.) вырăс чĕлхине француз чĕлхинчен (*paletot*) куçнă. Чăвашсем патне пальто XX ĕмĕр пуçламăшĕсенче çеç çитнĕ [9, с. 68].

Камсул / камсал (чăв.) – çан-çурăм çинчи çăтăрах лармалла касса çеленĕ çанăсăр, çухасăр тумтир. М. Фасмер шутланă тарăх *камзол* вырăс чĕлхине Италинчен килнĕ: *camiciola* «фуфайка, майка, кофта».

Тата темиçе тĕслĕх илсе паратпăр: *касак, касакки* (чăв.), *кăзăки* (тутар) < вырăс *казакин; пиншиак* (чăв.) / *пинжăк* (тутар.) < вырăс *пиджак; çипиркке* (чăв.) < вырăс *сибирка*, шилет (чăв.) < вырăс *жилет*.

Чăвашсен *касак* – арçынсен кĕрхи-çурхи кунсенчи тăхăннă çанăллă тумĕ – пулнă. Тутарсен те *кăзăки* çурхи-кĕрхи тумтир шутне кĕнĕ. Унăн тăршшĕ çын социаллă пурнăçĕпе çыхăнса тăна. XX ĕмĕр пуçламăшĕнче фабрика пирĕнчен çеленĕ кĕсьеллĕ, тўрĕ кăкăрлă кĕске *кăзăки* хула интеллигенцийĕпе государство служащийĕсен тумтирĕсем шутланнă.

Алсишсемпе перчеткесене те сўлти тумтир ушкăнне кĕртме пулат. Тутар чĕлхинче алла тăхăнанакан япала ячĕсем йышлă: *бийăлăй, илăсă, кул кабы, варига, ыркача, эцмăк* т.ыт.т. Вĕсенчен чи активлă сарăлнă лексема *бийăлăй*. Р.Г. Ахметьянов шухăшĕпе, вăл перси *бăхла, биһлă* сăмахсенчен тĕп илет. Тĕпчевçĕ *бăхла, биһлă* – кайăк тытмалли тумтир тесе аңлантарать. Çав тумтир шутне вара вăрăм çанăллă сăран алсиш тата сăран енчĕк кĕнĕ. Р.Г. Ахметьянов шутланă тăрăх, ку сăмах тĕрĕк чĕлхисене тахçанах кĕнĕ. Çакна палăртма вăл тĕрлĕ тĕрĕк чĕлхисенчи тĕслĕхсене илсе парать: якут. *баланжик* «манжет», *бăлэнчи* «ташăçсемпе сунарçăсен тумтирĕнчи ятарлă сăран пайсем» [2, с. 192]. Р.К. Рахимова та лексемăна перси чĕлхинчи *бэн-лэи* «лачыпсен аллинчи тумтир» аңлавпа çыхантарать [14, с. 56].

Хĕллекхи вăхатра чăвашсем те алла алса-перчетке тăхăннă. *Алса* – пĕр пўрнескеллĕ туса çыхнă ал лаппине тата тунине пĕтĕмпех хуплакан хатĕр пулнă [9, с. 195]. Алсасене сăранран та çеленĕ. В.Г. Егоров çырна тăрăх, ытти тĕрĕк чĕлхисенче çак тымарпа тăванла сăмах çук. Сăмахран, каракалпак, казах тата ытти чĕлхесенче «алсиш» тесе куçакан *колкап* сăмах пур, тўрремĕн куçарсан «ал çине тăхăнмалли тумтир е михĕ» тесе куçать. Алса *алă* сăмахран пулса кайна, *-са* пайĕн пĕлтерĕшĕ вара паллă мар [7, с. 25].

Алсиш алса сăмахран пулса кайнă. В.Г. Егоров *алсиш* сăмах икĕ пайран тăрат тесе шутлат: *алса* тата *йшĕ*. Çакă чăвашсем *алса* айĕнчен *алсиш* тăхăннипе çыхăннă. Тепĕр вариантпа «*алса йшиш*» тесе калама та пулат [7, с. 25].

Чавашсен пилёк пурнелле туса сыхна алла сивёрен сыхлакан хатёр те пулна. Ана вырас чёлхинчен «перчатка» анлава йышанса *перчетке* (анатрисен), *перчаскка* (турисен) тенё. Урахла каласан, *пурнелле алса* теме те пулать. Тутар литература чёлхинче те *перчатка*, калакура вара – *бишбармак* вариант пур. *Бишбармак* турремён «пилёк пурне» тесе кушаты: *биш* – пиллёк, *бармак* – пурне.

Чаваш тата тутар чёлхисем тумтир лексикипе питё пуян. Тумтир ячэсем хушшинче фонетика, морфологи тата семантика енчен чылай улшанна тёрёк самахёсене уйарса илме пулать. Вёсен хушшине *пишмет* – *бишмет* «бешмет», *эрмек* – *эрмяк* «армяк», *таллап* – *толып* «тулуп» т.ы.т. самахёсене кёртме пулать. Унсёр пушне, тумтир ячёсен хушшинче перс чёлхинчен кёнисем те (*чапан*, *бәһлә*, *биһлә*), вырас чёлхи урла Европа халәхёсенчен кушнисем те (*пальто*, *касака* т.ы.те) тел пулашсё. Чавашсемпе тутарсем куршёллө пуранна пирки, чавашсем тутар чёлхинчен нумай самах илнө.

Литература

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 3. Изд-во «Наука». Ленинград, 1979.
2. Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге. I том (А–Л). Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015. 543 б.
3. Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге. II том (М–Я). Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015. 568 б.
4. Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 1. / Л.З. Будагов. СПб., 1869. 829 с.
5. Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 2. / Л.З. Будагов. СПб., 1871. 419 с.
6. ДТС – Древнетюркский словарь / В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1969. 677 с.
7. Егоров В.Г. Чаваш чёлхин этимологи словарё. Шупашкар: Чаваш кёнеке издательства, 1964. 356 с.
8. Завьялова М.К. Татарский костюм = Tatar costume = Татар милли киеме. Казань: ЗАМАН, 1996. 251 с.
9. Захарова-Кульева Н.И. Чаваш халәх тумё (этнографи словарё). Шупашкар: Чаваш кёнеке издательства, 2017. 255 с.
10. Кашгари Махмуд. Диван Лугат ат-Турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А.М. Ауэзовой. Индексы составлены В. Эрмерсом. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
11. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 4. Ч. 1. СПб.: типография Российской Императорской Академии Наук, 1911.
12. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 4. Ч. 2. СПб.: типография Российской Императорской Академии Наук, 1911.
13. Рамазанова Д.Б. Названия одежды и украшений в татарском языке в ареальном аспекте. Казань: Мастер-Лайн, 2002. 354 с.
14. Рахимова Р.К. Татарская профессиональная лексика: (Ткачество, шитье одежды и обуви, вязание шали, валяние валенок). Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. 160 с.
15. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». Москва: Наука, 1978. 350 с.
16. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «В», «Г» и «Д»/ АН СССР. Ин-т языкознания; Ред. Н.З. Гаджиева. М.: Наука, 1980. 395 с.
17. ТЛС – Тюрк Лешчелери Сюзлюгю. Анкара, 1991.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т.: Пер. с нем. = Russisches etymologisches Wörterbuch / Перевод и дополнения О.Н. Трубачева. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель – АСТ, 2004. Т. 1. 588 с.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т.: Пер. с нем. = Russisches etymologisches Wörterbuch / Перевод и дополнения О.Н. Трубачева. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель – АСТ, 2004. Т. 2. 671 с.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т.: Пер. с нем. = Russisches etymologisches Wörterbuch / Перевод и дополнения О.Н. Трубачева. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель – АСТ, 2004. Т. 4. 860 с.
21. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Т. 1. А-Р. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. 470 с.
22. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Т. 2. С-Я. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. 509 с.
23. Харьковская С.С. Тюркские лексические параллели в калмыцком языке: автореф. дис.... канд. филол. наук. Москва, 1983. 20 с.
24. ЧРС – Чавашла-вырасла словарь = Чувашско-русский словарь / Андреев И.А., Горшков А.Е., Иванов А.И. и др. / под ред. М.И. Скворцова. М.: Рус.яз., 1982. 712 с.
25. Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке, 1976.
26. Codex Cumanicus – «Словарь кыпчакских языков» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elbrusoid.org/articles/karachay-balkar-lang/460577/> (Дата обращения: 10.08.2021).

АНИФЕРОВА ВИОЛЕТТА ВИТАЛЬЕВНА – аспирант Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Республика Татарстан.

ИНОЯЗЫЧНАЯ АББРЕВИАЦИЯ КАК СПОСОБ ПОПОЛНЕНИЯ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается процесс аббревиации в качестве одного из механизмов пополнения языковой системы современного русского языка. Выявлены векторы, особенности функционирования и освоения иноязычных аббревиатур на современном этапе развития языка, причины появления данного явления. Описаны устойчивые модели-аббревиации, структурно-семантические типы.

Ключевые слова: иноязычная аббревиация, структурно-семантические типы, модели-аббревиации.

Исследование теоретических и практических проблем, связанных с взаимодействием различных языковых систем, в настоящее время приобретает актуальность вследствие активизации роли русского языка в сфере межкультурной коммуникации [2, с. 112]. Процесс пополнения лексики русского языка иноязычными словами, словообразовательными элементами – наиболее заметное явление в лингвистике. Это происходит практически на всех этапах развития любого языка, поскольку обусловлено социальными изменениями в различных сферах жизни людей. Подобное явление наблюдается и в настоящее время и затрагивает многие языки, рассматривается не только в масштабе всего русского языка, но и в его отдельных системах [4; 7]. Это логично, потому что в любом языке в той или иной мере отражаются все процессы, связанные с развитием, историей, бытом или культурой народа. Факторами, являющимися причиной активизации такого явления, как заимствование аббревиатур, можно назвать «престижность и современность» иноязычной единицы (VIP и др.), необходимость в наименовании новой лексической единицы (MMS и др.), конкретизация какого-либо понятия или явления (FAO и др.). Следует отметить, что согласно опросам большая часть населения негативно относится к чрезмерному употреблению аббревиатур-заимствований в средствах массовой информации и зачастую не приходится говорить о позитивной коннотации. Тем не менее процесс заимствования аббревиатур – отражение языковых изменений в условиях глобализации.

Аббревиация как один из наиболее продуктивных способов создания новых номинативных единиц отвечает условиям современности, поэтому это довольно популярное и актуальное языковое явление. Появлению сокращений от словосочетаний способствуют различные экстралингвистические и внутрилингвистические факторы. Одна из основных задач аббревиатуры – стремление к так называемой экономии языковых средств, лексическим инновациям, необычности. Возможность выразить объемное понятие одним знаком, синонимичным описательной конструкции, позволяет избежать избыточности громоздких словосочетаний и приводит к интенсивному пополнению словаря русского языка новыми конструкциями. Под аббревиацией мы будем понимать искусственный способ образования слов, при котором происходит произвольное усечение (сокращение) производящих основ.

Аббревиатурные лексические единицы активно используются в различных сферах жизни современного человека: от общественно-политической, научной областей до разговорной и даже жаргонной; отмечается активный рост заимствованных аббревиатур в художественной литературе и публицистике, в средствах массовой информации, в публикациях в интернете и газетных изданиях, в научных трудах. Аббревиатурный способ словообразования актуален, так как увеличивает скорость восприятия информации, позволяет экономить время произнесения, время восприятия за счет уменьшения количества графических знаков. Несмотря на то что наблюдается тенденция к образованию в языках информационно насыщенных многокомпонентных аббревиатур, активно употребляются, как правило, двух- трехкомпонентные единицы.

Вхождению заимствованных аббревиатур в языковую систему русского языка способствует фонетическая, грамматическая и семантическая ассимиляция. По той или иной степени ассимиляции иноязычной единицы мы можем рассчитать ее адаптационный период. Степень адаптации различна для разных типов единиц: самая высокая наблюдается у лексических

аббревиатур, самая низкая у графических. Следует помнить, что существуют так называемые знаки переходного типа, представляющие собой промежуточную ступень от знака условного к знаку языковому.

При переходе аббревиатур из любого языка в язык-реципиент происходят различные адаптационные процессы. В общем и целом судьба заимствованной лексической единицы в русском языке зависит от того пути, через который она проникла в язык. Можно выделить несколько групп аббревиатур-заимствований, образованных по присущим для данных языков моделям и вступающих в системные отношения, объединенных структурно и семантически.

1. Аббревиатуры, передаваемые графическими средствами заимствующего языка, который, используя полный запас звуков и букв, приближает произношение к оригиналу. Например, BBC (British Broadcasting Corporation) – Би-би-си (Британская радиовещательная корпорация); DJ (disc jockey, ранее «диск-жокей») – ди-джей, диджей; AA (American Army) – американская армия и др. Это аббревиатуры могут быть не освоенными семантически, но в обязательном порядке присутствует практическая транскрипция.

2. Аббревиатуры, совпадающие с языком-источником графически, а также освоенные лексически, подчиняющиеся лексико-семантической системе русского языка. Например, PC (Personal computer) – ПК (Персональный Компьютер).

3. Аббревиатуры, адаптировавшиеся на всех уровнях языка-реципиента, не требующие перевода или обязательного комментария, участвующие в русском словообразовании. Например, VIP (Very important person) – ВИП (Особо Важная Персона); VIP-зал – ВИП-зал; выпы. SMS – СМС, SMS/СМС-объявление, SMS/СМС-поиск, SMS-ка/СМС-ка, смсить. IQ – ай-кью. Присутствует грамматическое освоение аббревиатур, а также ярко выражена деривационная активность. Подобные аббревиатуры, входя в русский язык, на начальном этапе сохраняют свою оригинальную графику, затем образуют на русской почве графические гибриды. Например, IBM-совместимый, IT-шник/ айтишник и др.

4. Аббревиатуры-переводы, транслитерированные в языке-реципиенте путем приспособления к русской графике и фонетике: UEFA (the Union of European Football Associations) – УЕФА (европейский союз футбольных ассоциаций); NATO (North Atlantic Treaty Organization) – НАТО (военный блок западных держав), натовский и др.

5. Неосвоенные в русском языке иноязычные аббревиатуры. Например, GSM (Groupe Spécial Mobile, позже переименован в Global System for Mobile Communications) – глобальный стандарт цифровой мобильной сотовой связи; CERI (Centre d'etudes en relations internationales) – Центр образовательных исследований и инноваций; CADAF (Compagnie aeriennne des Alpes francaises) – «Авиационная компания района Французских Альп» и другие.

Как правило, при переносе иноязычных аббревиатур в русский язык ее семантика не меняется, происходит «перевод» значений всех слов, входящих в исконное словосочетание: Hi-Tech – хай-тек («высокие технологии»). Значение в языке-источнике идентично значению в русском языке. Это примеры относительно самостоятельных аббревиатур-заимствований, поскольку не требуют перевода или расшифровки.

6. Аббревиатуры, не имеющие в русском языке буквенных соответствий и неосвоенные семантически: RAM (random-access memory).

7. Заимствованные дериваты-окказионализмы. Например, PRofi-клуб (PR+profi). В результате соединения смыслов разных иноязычных слов мы имеем новое слово в значении «клуб профессионалов, которые занимаются связями с общественностью».

Интересна проблема фонетической адаптации иноязычных аббревиатур. По способу произношения аббревиатуры-заимствования можно отнести к следующим типам:

1. Аббревиатуры-алфавитизмы – произносятся согласно названиям букв. Например, С.Р.Е. (Commission Permanente d'Essais) – «постоянная испытательная комиссия»; MfG (Mit freundlichen Grüßen) – «с наилучшими пожеланиями». Интересно, что на начальном этапе адаптации многие аббревиатуры сохраняют тесную связь с языком-источником на всех уровнях языка. К примеру, на самом первом этапе их вхождения в русский язык встречается подобное написание многих аббревиатур: V.I.P., но со временем их новизна стирается и происходит приспособление к современным нормам языка-реципиента.

2. Аббревиатуры-акронимы – произносятся единым словом. Например, С.О.І.С.М. (centre d'organisation et d'instruction du service du matériel) – «организационно-учебный центр службы материально-технического обеспечения».

3. Буквенно-слоговые аббревиатуры – смешанный тип произношения, сочетания усеченных слогов и отдельных букв. Например, i.all. (im allgemeinen) – в основном.

Часто употребляемые аббревиатуры осваиваются русским языком наиболее активно, что приводит в языкознании к появлению такого понятия, как вариантность аббревиатур-заимствований. Освоение данных аббревиатур происходит как в кодифицированной сфере языка, так и в устно-разговорной. Вспомним о наиболее популярных в молодежной среде сокращениях: LOL (laughing out loud, «громкий смех, хохот») – ЛОЛ (смех, вызванный сообщением пользователя); ИМНО (in my humble opinion, «по моему скромному мнению») – ИМХО («на мой взгляд»). В сфере компьютерных технологий встречается преднамеренное искажение формы слова (искаженная транслитерация): ибээма, ибеема, бима. В русском языке распространено параллельное функционирование полных и сокращенных наименований одних и тех же понятий и денотатов.

Особого внимания заслуживают составные образования, в которых аббревиатура выступает как неизменяемая первая часть сложного слова: WAP-страница, TP-сети, WAP-сайт, DVD-диск, PR-кампания, пиар-проект, пиар-специалист, пиар-технологии, спа-косметика, спа-курорты и др. При этом аббревиатура может передаваться как латиницей, так и кириллицей.

Таким образом, аббревиация как один из способов образования новых лексических единиц прочно вошла в современный русский язык. Это новый удобный и компактный способ передачи большой по объему информации в сокращенной, концентрированной форме, который диктует необходимость создания в современном русском языке определенных речевых моделей, раскрывающих полное содержание иноязычных словосочетаний. Кроме того, иноязычные аббревиатуры понятны не только русскоговорящим, они помогают носителям других языков «...более полно познать...языковую систему русского народа» [6, с. 142], а также «...пополнить лексический запас, развивают фонетический слух» [5, с. 58]. К тому же, аббревиатуры участвуют в «преодолении языкового барьера» [3, с. 99] и раскрывают «языковые особенности» того или иного языка [1, с. 183].

В языке-реципиенте иноязычные сочетания слов, сокращаясь, могут приобретать различную буквенно-звуковую форму: зачастую бывает достаточно двух или трех букв в аббревиатуре для определения ее исходной формы, а иногда – более пяти букв или же возникает необходимость сохранить часть заимствованного слова. Однако говорить об адаптации, относительной языковой устойчивости и эффективности употребления аббревиатур можно только в том случае, когда они соответствуют определенным требованиям: простота произношения и запоминания, частота произношения, стандартность образования, высокая степень варьирования, стремление к словообразованию на почве принимающего языка, контекстуальная интерпретация, графическая трансформация средствами принимающего языка (необязательное условие).

Полному вхождению иноязычной аббревиатуры в систему языка способствует ее семантическое развитие на русской почве, которое может свидетельствовать о создании языковых единиц вторичной номинации, связанных структурно-семантически с языком-реципиентом, а также включенных в его систему. Этот процесс характерен для многих иноязычных аббревиатур. К примеру, в настоящий момент подобное происходит с аббревиатурой PIN (Personal Identification Number): PIN-code – ПИН-код, ПИН, свой пин.

Литература

1. Бакина И.Н. Просмотр фильма как средство обучения русскому языку как иностранному // Развитие экспортного потенциала высшего образования: содержание, опыт, перспективы. Чебоксары, 2019. С. 181–184.
2. Бахтина С.И. Структурная дифференциация иноязычной лексики в русском языке: межъязыковые несоответствия // Вестник Чувашского университета. 2014. № 4. С. 112–115.
3. Евдокимова О.К., Романова Т.Н., Федорова Н.А. Особенности дистанционного обучения иностранных студентов-филологов // Высшее образование в условиях глобализации: тренды и перспективы развития, 2020. С. 96–101.

4. Иванова А.М., Фомин Э.В. Об индексе слов словаря чувашского языка Н.И. Ашмарина // Вестник Чувашского университета. 2014. № 4. С. 149–155.

5. Кожемякова Е.А., Петухова М.Е., Симулина И.А. Принципы отбора языкового материала для создания лингвистических игр при обучении русскому языку как иностранному // Теоретические и практические вопросы изучения русского языка в аспекте региональной картины мира: сборник статей. Казань, 2018. С. 58–66.

6. Никитина А.Ю., Петрова О.А., Игнатъева Е.А. Роль фольклора в обучении русскому языку как иностранному // Российская фольклористика и диалектология на современном этапе: сборник научных статей. Чебоксары, 2020. С. 142–145.

7. Olga Evdokimova, Alena Ivanova, Anna Zaharova, Tatyana Romanova, Nadezhda Fedorova. Features of professional training of foreign students – future specialists in Russian philology by Russian universities // The International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences” (CILDIAH-2019) (Volgograd, Russia, April 23-28, 2019). SHS Web of Conferences. Vol. 69 (2019).

БАХТИНА СВЕТЛАНА ИВАНОВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

ПАВЛОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Е.А. ГРИГОРЬЕВА

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ СПЕЦИФИКЕ МАТЕРИАЛОВ ЭКСТРЕМИСТКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ (ЖАНР ДОГМАТИЧЕСКОЙ ПРОПОВЕДИ)

Аннотация. Исследование посвящено лингвистическому анализу экстремистских материалов, созданных в жанре догматической проповеди.

Ключевые слова: жанр, догматическая проповедь, лингвистическая экспертиза, экстремистская направленность.

Современным российским законодательством запрещены высказывания, оправдывающие терроризм, а также содержащие информацию о необходимости, допустимости, возможности или желательности осуществления экстремистской деятельности и действий, нарушающих права граждан [2, с. 69]. В этой связи объектами лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, являются информационные материалы, которые содержат определенные лингвистические признаки. Как правило, указанные материалы размещены в открытой телекоммуникационной сети Интернет, в одной из социальных сетей, на открытой для публичного просмотра персональной странице того или иного пользователя. Поскольку исследуемые информационные материалы находятся в открытом доступе, т.е. предназначены для публичного просмотра, предполагается массовый уровень коммуникации. В этой связи данные объекты экспертизы могут быть просмотрены большим кругом лиц, владеющих русским языком, относящимся к первичной аудитории. При этом содержащуюся в исследуемых объектах информацию может получить и более широкая аудитория, поскольку у адресата данных информационных материалов есть возможность сообщить полученную информацию в той или иной мере соответствуя прочитанному (аутентичности) и другим людям (вторичной аудитории) и обсудить ее с ними [3, с. 78–79]. Таким образом, «широкий» адресат исследуемых объектов – массовый. Взаимодействие автора (авторов) и адресата опосредованное (через Интернет). Исследуемые информационные материалы по средствам коммуникации чаще всего представляют собой креолизованные тексты, включающие в себя следующие компоненты: вербальный (звучащая речь) и визуальный. Эти компоненты неразрывно связаны между собой, служат для выражения общего смысла и улучшают понимание и запоминание информации адресатом.

Предметно-тематический анализ информационных материалов показывает, что их целевым адресатом в большинстве случаев являются лица, объединенные в группу по признаку национальной либо конфессиональной принадлежности (русские, мусульмане), иногда скинхеды, т. е. группа лиц, придерживающихся идей национального и расового неравенства, см.: *«Поэтому, братья, [неразб.], нас награды Аллаха от рая отделяет один шаг и одно намерение», «И теперь я русский воин/ Ой скинхед»*. При этом автор информационных материалов также относит себя к указанным группам лиц, используя личные местоимения *мы, нас* и др. В том случае, если адресатом информационных материалов являются мусульмане, их автор может использовать особый жанр догматической проповеди, в которой разъясняются важнейшие понятия ислама, истины, законы веры. Лингвистический анализ информационных материалов подобного рода может быть проведен следующим образом. На исследование представлен текст, созданный в жанре догматической проповеди, в которой рассматривается такое понятие ислама, как истишхад, см.: *«Некоторые братья просили сделать отдельную лекцию на тему истишхада. Но (иншалла) постараемся это подготовить чуть позднее. Но сейчас постараемся кратко затронуть эту тему, для того чтобы попытаться пояснить какие-то вопросы, связанные с этим»*. Следует отметить, что при этом автор дает собственное толкование понятию истишхад, в соответствии с которым истишхадом является ситуация *«когда человек намеренно уничтожает себя для того, чтобы уничтожить с собой огромное количество врагов ислама и принести тем самым пользу»*, а с помощью слова *человек*, обозначает муджахедов, лиц, воюющих в составе террористических групп, т. е. использует указанное слово не в его словарном значении (согласно словарному определению, в мусульманских странах этим титулом награждаются при жизни или посмертно люди, принимающие активное участие в общественно-политических движениях или внесшие большой вклад в развитие исламского государства; указанное слово также используется для номинации бойцов вооруженных формирований, выступавших на стороне оппозиции во время войны в Афганистане (1979–1989 гг.)). Об этом свидетельствуют контексты, в которых слова *человек* и *муджахед* употребляются автором как синонимы, см.: *«И поэтому на сегодняшний день [речь, вероятно, на арабском языке] любой из муджахедов, кто попадает в плен, этот человек несет в себе огромное количество информации»*. *«И так же как на сегодняшний день муджахед, если попадает в окружение или он тяжело ранен, то он может взорвать себя. То лучше ему это сделать тогда, когда кафиры подходят к нему. Еще для чего? Для того чтобы из последних сил нанести по ним также удар. Но если не остается никакой другой возможности, то этот человек должен это делать с намерением того, чтобы сохранить ислам и мусульман и не подставить их своим, своей сдачей в плен»*. Другим предметом речи также являются группы лиц: лица, которые по своей конфессиональной принадлежности не являются мусульманами (*кафиры*); лица, которые, являясь мусульманами, не разделяют взгляды автора исследуемого текста и его соратников (*муртады*). Автор противопоставляет муджахедов кафирам и муртадам, поскольку сообщает о том, что кафиры и муртады находятся в состоянии вражды, борьбы с муджахедами, являются противниками муджахедов, см.: *«Есть понятие в шариате (мохамар) - погружение в ряды врагов (см. Враг 1. Тот, кто находится в состоянии вражды, борьбы с кем-л.; противник. Идейный в. Заклятый в. Нажить себе врагов [1]); «Когда человек остается наедине или же он один бросается против куч кафиров и становится шахидом»; «И есть второе положение - это истишхад, когда человек намеренно уничтожает себя для того чтобы уничтожить вместе с собою огромное количество врагов ислама и принести тем самым пользу»; «Но сегодня Аллах дает нам большую возможность того, чтобы человек мог пойти на кучу врагов и с намерением еще нанести им огромный вред»*.

Кроме того, предметом речи в информационных материалах, содержащих признаки оправдания действий, являются законодательно запрещенная деятельность, например, террористическая либо «направленная на полное или частичное уничтожение, дискриминацию какой-либо расовой, этнической, национальной, религиозной или социальной группы» [2, с. 70]. Так, предметом речи в исследуемой проповеди являются действия, направленные на самоуничтожение (самоубийство) человека (муджахеда) с целью уничтожить лиц, которые по своей

конфессиональной принадлежности не являются мусульманами, либо являются мусульманами, но не разделяют взгляды автора исследуемого текста и его соратников (кафиров и муртадов). В исследуемом материале автор также сообщает о действиях, которые нужно совершить адресату в отношении лиц, не являющихся мусульманами. Конкретные действия автором не описаны, но он сообщает о том, что целью указанных действий является нанесение вреда немусульманам (кафирам), следовательно, указанные действия носят агрессивный, насильственный характер, см.: *«Поэтому, братья, [неразб.], нас награды Аллаха от рая отделяет один шаг и одно намерение. Выходите сюда, присоединитесь, участвуйте там, где вы можете. На равнине ли, в любых других местах, старайтесь связываться, старайтесь выходить на связь, приносить и наносить вред кафирам так, как вы можете»*. Информация об указанных действиях представлена глагольно-именными сочетаниями, в которых глагольный компонент имеет форму повелительного наклонения 2 л. мн. числа (см. *старайтесь [...] приносить и наносить вред кафирам*). Частотным является побуждение примкнуть к группе лиц, воюющих в составе террористических групп, в том числе в составе террористической группы, к которой принадлежит автор. Информация об указанных действиях представлена глаголами в форме повелительного наклонения 2 л. мн. числа, например, *присоединитесь, участвуйте*, см.: *«Поэтому, братья, [неразб.], нас награды Аллаха от рая отделяет один шаг и одно намерение. Выходите сюда, присоединитесь, участвуйте там, где вы можете»*.

Оценочно-экспрессивный анализ информационных материалов показывает, что в них присутствуют негативные оценочные суждения: негативно оцениваются действия лиц, которые по своей конфессиональной принадлежности не являются мусульманами, а также лиц, которые, являясь мусульманами, не разделяют взгляды автора исследуемого текста и его соратников. Негативная оценка указанной группы лиц выражена имплицитно – через описание враждебного отношения лиц, которые по своей конфессиональной принадлежности не являются мусульманами (кафиров), а также лиц, которые, являясь мусульманами, не разделяют взгляды автора исследуемого текста и его соратников (муртадов), к лицам, воюющим в составе террористических групп, в том числе в составе террористической группы, к которой принадлежит автор исследуемого текста (муджахедам); через описание действий агрессивного, насильственного характера в отношении кафиров и муртадов, к которым побуждается адресат. При этом негативная оценка распространяется на всех представителей группы лиц, обозначенной с помощью лексем *кафиры* и *муртады*, то есть отношение к человеку мотивируется его принадлежностью к группе. О негативном отношении автора к указанной группе лиц свидетельствует и полярность, односторонность оценок этой группы. В исследуемом информационном материале об указанной группе говорится только плохое (кафиры и муртады находятся в состоянии вражды, борьбы с муджахедами, являются противниками муджахедов). Таким образом, автор, негативно оценивая действия лиц, которые по своей конфессиональной принадлежности не являются мусульманами, а также лиц, которые, являясь мусульманами, не разделяют взгляды автора исследуемого текста и его соратников, хочет, чтобы адресат изменил свое мнение о них. Автор выражает позитивное отношение к действиям насильственного, агрессивного характера в отношении данных лиц, считает их совершение необходимым, целесообразным для адресата (указанная положительная оценка действий выражена имплицитно – побудительной конструкцией, в семантику которой она обязательно входит [2, с. 61]). Кроме того, автор демонстрирует свое положительное отношение к истишхаду, т. е. к действиям, направленным на самоуничтожение (самоубийство) человека (муджахеда) с целью уничтожения кафиров и муртадов. Положительную оценку указанных действий автор выражает имплицитно – через указание на то, что описанные действия имеют своей целью «довольство» Аллаха, т. е. положительно оцениваются Аллахом, угодны ему, см.: *«Потому что этот поступок может сделать только тот человек, который стремится к довольству Аллаха. Так как пришло в Хадисе от пророка [речь, вероятно, на арабском языке]. Тот, кто полюбил встречу с Аллахом, Аллах полюбит встречу с ним. И тот, кто возненавидел встречу с Аллахом, Аллах возненавидит встречу с ним. И только тот человек, которого Аллах укрепил в этой дунье и дал ему возможность, и хочет его увидеть у себя [речь, вероятно, на арабском языке], только этот человек сможет совершить этот поступок. Этот поступок, который мы, иншаллах, обяза-*

тельно я постараюсь, если будет на то воля Аллаха, объяснить в последующих лекциях более подробно эту тему»; «Потому что джихад ведется любыми средствами, законными по шариату настолько, насколько мы сегодня можем разрушить мощь кафинов. И выйти, и не с той целью, конечно, чтобы навредить им. Наша главная цель – это довольство Аллаха. Сможем ли мы повлиять на них или нет. Но это выигрыш каждого отдельно из вас».

Анализ речевой цели информационных материалов показывает, что в них выражены различные речевые цели, например, убеждение адресата, т. е. побуждение к изменению мнения: 'я говорю это, потому что хочу, чтобы ты изменил свое мнение о немусульманах, а также о лицах, которые, являясь мусульманами, не разделяют взгляды автора исследуемого текста и его соратников (кафирах и муртадах), понял, что эта точка зрения правильна, целесообразна для тебя (это нужно и тебе), и согласился с ней, учел ее'; убеждение адресата в правильности, допустимости истишхада – действий, направленных на самоуничтожение (самоубийство) человека (муджахеда) с целью уничтожения лиц, которые по своей конфессиональной принадлежности не являются мусульманами, либо являются мусульманами, но не разделяют взгляды автора исследуемого текста и его соратников, т. е. побуждение к изменению мнения: 'я говорю это, потому что хочу, чтобы ты изменил свое мнение об описываемых действиях (истишхаде), понял, что эта точка зрения правильна, целесообразна для тебя (это нужно и тебе), и согласился с ней, учел ее'; побуждение адресата к действиям агрессивного, насильственного характера в отношении лиц, которые по своей конфессиональной принадлежности не являются мусульманами, а также лиц, которые, являясь мусульманами, не разделяют взгляды автора исследуемого текста и его соратников: 'я говорю вам, что хочу, чтобы вы совершили это действие'. Специальным признаком того, что автор намеренно побуждает адресата к позитивному отношению к истишхаду, является использование приемов убеждения в необходимости такого отношения: «аргумент к авторитету» (аргумент к авторитету – разновидность аргумента *ad hominem*, состоящая, в частности, в ссылке на мнение лица, пользующегося признанием и влиянием в определенной сфере [4, с. 141]), рассказ о событиях в прошлом (рассказ об убийстве одного из сахабов в день битвы; рассказ о «людях рва»), упоминание событий, которые происходили в недалеком прошлом (рассказ о первой операции по истишхаду в Чечне, совершенной, по словам автора исследуемого текста проповеди, Хавой Бараевым).

Таким образом, автор информационного материала, используя жанр догматической проповеди, осуществляет деятельность, направленную на возбуждение вражды, ненависти (разжигание розни) по отношению к группе лиц, выделяемой по признаку конфессиональной принадлежности (немусульмане; мусульмане, не разделяющие взгляды автора исследуемого текста и его соратников); побуждает адресатов примкнуть к группе лиц, воюющих в составе террористических групп, в том числе в составе террористической группы, к которой принадлежит автор, а также совершать действия агрессивного, насильственного характера. В исследуемом информационном материале также имеются лингвистические признаки оправдания действий, направленных на самоуничтожение (самоубийство) человека (муджахеда) с целью уничтожения лиц, которые по своей конфессиональной принадлежности не являются мусульманами, либо являются мусульманами, но не разделяют взгляды автора исследуемого текста и его соратников.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru/>.
2. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: РФЦСЭ при Минюсте России, 2014.
3. Леонтьев А.А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации. М., 2008.
4. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов-на-Дону, 2007.

ГРИГОРЬЕВА ЕВГЕНИЯ АРТУРОВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

У НАС ГОВОРЯТ: «НА СЛЕДУЮЩЕЙ ОСТАВЬТЕ». МАТЕРИАЛЫ СЛОВАРЯ ЧЕБОКСАРСКОГО РЕГИОЛЕКТА

Аннотация. Функционирование русского литературного языка в настоящее время рассматривается в рамках нового подхода, предполагающего учет специфических параметров, обусловленных его естественным региональным варьированием. Региолекты, сложившиеся под влиянием контактирующих языков, практически не изучены. Речь чебоксарцев в этом плане – идеальный результат освоения русского литературного языка под существенным региональным (чувашским) влиянием. Она характеризуется рядом маркеров, которые придают ей неповторимое звучание. Готовящийся к изданию Словарь чебоксарского региолекта отражает многообразие и специфику русской речи жителей столицы Чувашии г. Чебоксары. В статье дается его характеристика, приводятся примеры словарных статей.

Ключевые слова: региолект, словарь, словарная статья.

«Слово не воробей, вылетит – не поймаешь», – гласит известная русская поговорка. Она предупреждает: недобродно сказанные слова могут быть неправильно поняты и могут привести к последствиям, которые человек порой не в силах изменить. Нужно следить за тем, что говоришь, и не говорить лишнего. Возможно, поэтому данное выражение находим в сборнике В. И. Даля «Пословицы русского народа» в разделе «Болтун – Лазутчик» [1].

Однако невзначай, произвольно кем-то сказанное слово, как показывает наш случай, может стать находкой для лингвистических наблюдений и в конечном итоге – отправной точкой целого самостоятельного исследования. Так случилось со словом «оставьте», которое жители г. Чебоксары употребляют как просьбу об остановке маршрутного такси: «На следующей оставьте». В этой фразе «оставьте» так прижилось, что горожане не ощущают здесь ничего необычного, в то время как приезжие, как правило, замечают ее, потому что она кажется им странной: у них так не говорят. Это отметили, например, иногородние студенты разных факультетов Чувашского государственного университета, когда авторы данной статьи попросили их поделиться своими наблюдениями за особенностями русской речи чебоксарцев.

Полина Комарова, г. Пенза, студентка факультета искусств, специальность «Вокальное искусство»: «Отдельное место занимает просьба остановиться на остановке. В Чебоксарах можно просто сказать “Оставьте”, и вас поймут. Местные, но не приезжие. Возможно, люди не знают, как правильно говорить, либо просто привыкли и не задумываются над этим. В общественном транспорте можно с легкостью узнать, кто местный, исключение составляют принципиально грамотные люди, которые говорят «Остановите», либо приезжие, как я».

Никита Кузьмичев, г. Казань, студент строительного факультета, специальность «Промышленно-гражданское строительство»: «Самое очевидное, что приходит в голову, – выход из общественного транспорта. Во всех городах, где я бывал, говорят: “На этой остановите” или “На следующей, пожалуйста”. В Чебоксарах же говорят: “Оставьте!”».

Алина Григорьева, г. Нижний Новгород, студентка медицинского факультета, специальность «Педиатрия»: «В моем родном городе, чтобы водитель остановился, говорят: “Остановите на остановке”, а в Чувашии: “На остановке оставьте”. Первое время это режет уши».

Анастасия Архелина, г. Норильск, студентка факультета иностранных языков, специальность «Китайский язык»: «Особенностью речи жителей г. Чебоксары является фраза, употребляемая в общественном транспорте, – “На остановке оставьте”, тогда как в моем городе говорят: “Остановите на остановке”».

Так кем-то сказанное слово-просьба «оставьте» стало яркой специфической речевой особенностью чебоксарцев и вызвало у авторов данной статьи интерес к их речи [3; 4; 18; 21]. Надо отметить тот факт, что русская разговорная речь жителей столицы Чувашии, несмотря на неоднократные рекомендации доктора филологических наук, профессора М. М. Михайлова, впервые становится объектом научного исследования только сейчас. «... вплоть до последнего времени двуязычие изучается в основном на уровне языка. Это, разумеется, нужно и полезно,

но его недостаточно; очень важно также изучение двуязычия на уровне речи – нужны наблюдения за живой разговорной речью и соответствующие обобщения (выделено нами. – Авт.)», – отмечал ученый в одной из своих монографий [13, с. 52]. Та же мысль была им высказана в более ранних работах, посвященных чувашско-русскому двуязычию [11, с. 197–202], [12, с. 365–370].

Особенности русской разговорной речи жителей столицы Чувашии нашли отражение в монографии «Говорят Чебоксары» [5]. Завершающим этапом, по замыслу авторов, должен быть готовящийся к изданию Словарь чебоксарского региолекта, иллюстрирующий индивидуальность речи чебоксарцев. В данной статье использованы некоторые материалы, позволяющие представить его сущность.

В последнее время усиливается интерес лингвистов к региональному варьированию русского языка. Свидетельством тому являются многочисленные научные статьи, например [2; 6; 8; 15; 19; 20], монографии [16], диссертационные работы [17], региональные словари [7; 8; 9; 10; 14]. При этом нет ни одного специального исследования, посвященного детальному изучению лексикографирования особенностей русской речи жителей регионов России, что несомненно создает определенные трудности при подготовке подобного рода словарей. Прежде всего это касается характера справочного издания, способа подачи материала, оформления словарной статьи. Готовящийся к изданию Словарь чебоксарского региолекта рассматривается авторами как лингвокультурологический. Слова в Словаре расположены в алфавитном порядке. Анализируя структуру словарной статьи, отметим, что она включает в себя следующие обязательные элементы: 1) заголовочное слово; 2) его транскрипцию; 3) пометы; 4) толкование; 5) иллюстративный материал.

Начальным элементом словарной статьи является заголовочное слово, набранное прописными (большими) буквами полужирным шрифтом. Заголовочным может быть не только слово знаменательной части речи (**ГОРОД**), но и целые фразы (**ПИТЬ ЛАЙАХ**), служебные слова (**ДА**), словообразовательные аффиксы (**-ЧИК**), грамматические форманты (**-АХАТЬ / -ЕХАТЬ**). Заголовочное слово несет информацию о его написании и ударении.

Транскрипция заголовочного слова дается с соблюдением фонетических особенностей чувашского языка и лишь в тех случаях, когда оно возводится к чувашскому источнику (**МАТТУР** [мат:ур], **САЛАМ** [салám]).

Толкование является основным элементом словарной статьи, где дается объяснение специфичной семантики слов, употребляющихся чебоксарцами. Иногда называется причина той или иной номинации.

В словаре используются пометы функциональной и социальной характеристики, указывающие на принадлежность слова к определенной социальной среде, социальной группе и ставятся при соответствующих словах:

регион. (регионализмы) – слова, широко распространенные в г. Чебоксары, но не являющиеся общеупотребительными на всей территории России (*Замамье, тубик, первак*);

разг. (разговорное) – слова, употребляющиеся в бытовом непринужденном общении (*Богданка, литейка, чулочка, пятнашка*);

чув. (чувашизмы) – слова чувашского происхождения (*акатуй, хуплу, парне, салам, юлташ*);

жарг. (жаргонизмы) – слова, употребляющиеся в определенной социальной группе и отличающиеся максимальной экспрессией (*Чугунок* ‘Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова’, *забей* ‘пожелание перестать волноваться о чем-то, а также сменить тему разговора’ – в речи студентов; *пробник по русскому* ‘пробные работы ЕГЭ по русскому языку’ – в речи выпускников средних учебных заведений).

После толкования значения слова приводится пример, иллюстрирующий его употребление и тем самым фиксирующий наличие этой языковой единицы в речи. Доказательной базой послужили реальные фразы, записанные в естественных условиях в г. Чебоксары: в магазинах, на улицах, в общественном транспорте, на остановках. Полезными оказались беседы со студентами (особенно иногородними) Чувашского университета, коллегами, друзьями, знакомыми. В отдельных случаях использованы также материалы СМИ и интернета.

Для наглядности приведем примеры некоторых словарных статей.

АЙДА чув. *айта* [ајда]. Междометие с нейтральным значением в роли сказуемого, указывающего на начало какого-либо действия: *Айда в «Антошку»* (магазин), *там дешевые тетради продают* (из разговора школьников).

АЛЬГЕШКА разг. поселок Альгешево.

ЎРАСКАЛ [ъраскал], чаще в русской орфографии *араскал* – чув. счастье. Употребляется в качестве разного рода наименований. *«Араскал» – компания по установке натяжных потолков.*

АСАМ [азám] чув. магия. Употребляется в качестве разного рода наименований. *От кинематографистов республики поступило предложение представить ленту (фильм о М. Сеспеле. – Авт.) на предстоящем в ноябре Всечувашиском кинофестивале «Асам»* (Советская Чувашия. 19 сентября 2019 г.).

БЕЗРОГИЕ регион. троллейбусы с автономным ходом.

БОГДАНКА разг. микрорайон с центральной улицей Б. Хмельницкого. *Богданка выходят?*

ВОЛГА жарг. жилой микрорайон «Волжский» (в речи молодежи).

ГРАЖДАНКА разг. главная улица Юго-западного района г. Чебоксары.

ДИКИЕ ДВОРЫ регион. о некоторых дворах Новоюжного района г. Чебоксары.

ЗАМАМЬЕ регион. историческая часть г. Чебоксары, жилой микрорайон, находящийся за монументом Матери-Покровительницы. *В «Замамье» сгорел дом оппозиционера Юрия Шакеева* (Про Город. 5 февраля 2022 г.). *Хозяин сгоревшего дома в «Замамье» предлагает награду за поджигателя* (Про Город. 26 марта 2022 г.).

-КА разг. частица, выражающая нейтральную просьбу, обусловленная чувашским аналогом *-ха*. *Не толпитесь-ка. Руку подай-ка. Подпишись-ка. Пройти дайте-ка. Слуш-ка. Пойдем-ка. Не мешай-ка.*

КИРПИЧ жарг. в речи водителей маршрутного такси пассажир, следующий с самого начала до конца маршрута.

КИТАЙСКАЯ СТЕНА регион. дом № 77 по проспекту Тракторостроителей в г. Чебоксары. Народное название по длине дома, состоящего из 20 подъездов и 780 квартир.

КОПЕР жарг. Чувашский филиал Московского кооперативного института (в речи студентов).

КУЛЕК жарг. Чувашский государственный институт культуры и искусств.

МУСОРНЫЙ ЦЕНТР регион. общество с ограниченной ответственностью «МВК «Экоцентр».

НОВЫЙ разг. город-спутник Новочебоксарск. *Два (билета) до Нового* (пассажир в маршрутном такси передает за проезд).

ОГОРОД регион. сквер перед Домом Советов и главным корпусом Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева.

ОСТАВЬТЕ НА ОСТАНОВКЕ регион. фраза, выражающая просьбу об остановке маршрутных такси.

ПАХА ТЁРЁ [пау́а т'ёр'ь] чув. прекрасная вышивка. *«Паха тёрё» – фабрика национальной вышивки. Выставочный салон народных промыслов «Чувашская вышивка – Паха тёрё».*

ПЕНАЛ регион. здание администрации Главы Чувашской Республики на Президентском бульваре г. Чебоксары. Народное название дано по внешнему виду здания, резко возвышающегося над низкими строениями центра города.

ПЕНТАГОН регион. микрорайон между поселками Южный и Альгешево г. Чебоксары, охватывающий ул. Пржевальского, Сапожникова, Р. Зорге, Никитина, Яблочкова, а также южную часть проспекта И. Яковлева. Народное название согласно ведомственным домам МВД.

ПЁРЛЕ [п'ёр'л'э], чаще в русской орфографии *перле* – чув. вместе. Первоначально девиз избирательной кампании О.А. Николаева на должность Главы Чувашской Республики в 2020 году, затем слоган мероприятий, посвященных столетию Чувашской автономии.

Впоследствии стало активно употребляться в качестве наименований организаций и официальных мероприятий. *Инициатором закупки аппаратов для лечебных заведений стал фонд развития «Перле» (Советская Чувашия. 3 июля 2020 г.). Сурпан Пёрле – всенародная акция, приуроченная ко Дню вышивки (проходила с 1 по 26 ноября 2020 г.). Фонд развития Чувашии «Перле» начал сбор денежных пожертвований жителям Донбасса (Про Город. 12 марта 2022 г.). Ветеран труда пожертвовал в фонд «Перле» 400 тысяч рублей (Про Город. 9 апреля 2022 г.). «Перле» – онлайн-конкурс детских рисунков и фотографий.*

ПЕРВАК разг. дом № 1 по ул. Ахазова г. Чебоксары. Название дано по очередности строительства.

ПОСЕЛОК разг. Чапаевский поселок, жилой микрорайон около завода им. Чапаева. *Я уже на поселке (пассажир в маршрутном такси по телефону).*

ПЯТНАШКА разг. автобус № 15. *Приеду на пятнашке, жди (школьник по телефону).*

ЅĂĶĂР [Ѕăĵър] чув. хлеб, испеченный по старинному народному рецепту.

ЅĂХМАН [Ѕăхман] чув. кафтан из домотканого сукна. *Ателье «Ѕăхман».*

ТУБИК регион. туберкулезный диспансер.

ТУХЬЯ [тухја] чув. девичий головной убор с заостренным верхом, обшитый монетами и бусами. *Всем известный женский головной убор – тухью – могли себе позволить только богатые девушки (Про Город. 25 сентября 2021 г.).*

ЧУГУНОК жарг. Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова. Название по аббревиатуре ЧГУ (в речи молодежи).

ШАНХАЙ регион. густо заселенная часть города (Мясокомбинатский проезд), где люди живут в ветхих, незаконно построенных домах. Народное название по аналогии с одноименным китайским городом Шанхай. *Конфликт между жителями Мясокомбинатского проезда (Шанхая) Чебоксар и властями города и республики продолжается... Городские власти на месте «Шанхая» запланировали воздвигнуть новый микрорайон. Всех жителей просят освободить площадь, ссылаясь на то, что в свое время они построили свои жилища незаконно (Справедливая Россия – Чувашия. Июнь 2015 г.).*

ШУРИК жарг. универмаг «Шупашкар»(в речи молодежи).

ШУТКА МАР [шуткъ мар] чув. не шутка.

ЭЛЕВАТОР регион. Чувашский государственный театр оперы и балета. Народное название по внешнему виду здания, напоминающему элеватор.

ЭТКЕР [эт'к'эр] чув. наследие. *«Эткер» – центр внешкольной работы с одаренными детьми Министерства образования Чувашской Республики.*

Таким образом, готовящийся к изданию словарь чебоксарского региолекта отражает многообразие и специфику русской речи жителей столицы Чувашской Республики. Представляется, что он может быть интересен всем, кого привлекает «живое» звучащее слово, народная культура города.

Литература

1. Даль В.И. Пословицы русского народа. Москва: ЭКСМО-Пресс; ННН. 2000. 616 с.
2. Демидова К.И. Лексическая семантика в региональном аспекте // Вестник Южноуральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2014. Т. 11. № 3. С. 35–38.
3. Ерина Т.Н. Локальная лексика как особенность чебоксарского региолекта // Ашмаринские чтения. Чебоксары, 2019. С. 24–25.
4. Ерина Т.Н., Фомин Э.В. Ортологический аспект изучения речи чебоксарцев // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2019. № 3. С. 34–39.
5. Ерина Т.Н., Фомин Э.В. Говорят Чебоксары = Шупашкар калаҫать. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2021. 168 с.
6. Забашта Р.В. Реалии Крыма в региональном лингвокультурологическом словаре // Развитие образования. 2019. № 4. С. 13–18.
7. Зотов Г.В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России: около 6000 слов и выражений. Магадан: Изд-во СВГУ, 2010. 539 с.
8. Клименко Е.Н., Попова Е.Н. Словарь екатеринбуржца: неофициальные названия городских реалий. Екатеринбург, 2012. 132 с.

9. Ливинская И.В., Матвеев А.И. Словарь региональной лексики и народных топонимов города Новосибирска. Новосибирск, 2016. 160 с.
10. Липатов А.Т., Журавлев С.А. Региональный словарь русской субстандартной лексики: Йошкар-Ола, Республика Марий Эл. Москва: Издательство ЭЛПИС, 2009. 285 с.
11. Михайлов М.М. Об изучении двуязычия на уровне языка и на уровне речи // Ученые записки / НИИ при Совете Министров Чуваш. АССР. Чебоксары, 1970. Вып. 49. С. 197–202.
12. Михайлов М.М. О некоторых особенностях чувашско-русского двуязычия // Чувашский язык, литература и фольклор. Чебоксары, 1972. Вып. 1. С. 365–370.
13. Михайлов М.М. Двуязычие: проблемы, поиски... Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 160 с.
14. Никитина Т.Г., Рогалева Е.И. Региональный словарь сленга (Псков и Псковская область). Москва : ЭЛПИС, 2006. 382 с.
15. Оглезнева Е.А., Парыгина И.А. О региональной окрашенности лексики (по данным анкетирования носителей русского литературного языка в г. Томске) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2018. № 4. С. 127–132.
16. Прокуровская Н.А. Город в зеркале своего языка: на материале г. Ижевска. Ижевск: Изд-во Удмурт. унта, 1996. 224 с.
17. Торохова Е.А. Региональный вариант русского литературного языка, функционирующий на территории Удмуртии: социолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2005. 224 с.
18. Фомин Э.В., Ерина Т.Н. О Словаре чебоксарского региолекта русского языка // Этническая культура. 2020. № 4. С. 39–42.
19. Чижикова И.Д. Бренд провинциального города – борьба за уникальность (на примере г. Саратова) // Вестник Московского университета. Серия 19 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2018. № 1. С. 100–106.
20. Guschin I.A., Erina T.N. Analysis of carbon fiber destruction by lighting current // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 3, Applied and Fundamental Research Dedicated to the 75th Anniversary of Professor Abdul-Hamid Mahmoudovich Bisliyev. Ser. "3rd International Symposium on Engineering and Earth Sciences, ISEES 2020" 2020. С. 012032.
21. Erina T.N., Fomin E.V. Russian language in modern conditions Cheboksary regiolec // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. International Scientific Conference dedicated to the 80th anniversary of Turkeyev Hassan Vakhitovich. Kh. I. Ibragimov Complex Research Institute. 2020. С. 315.

ЕРИНА ТАМАРА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

ФОМИН ЭДУАРД ВАЛЕНТИНОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент, Чувашский государственный институт культуры и искусств, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

В.Ю. КИРИЛЛОВА

ОСОБЕННОСТИ ОРФОГРАФИРОВАНИЯ ЧУВАШСКИХ И МАРИЙСКИХ ПАРНЫХ СЛОВ

Аннотация. Статья посвящена проблеме орфографирования парных слов в чувашском и марийском языках. Цель работы – изучить особенности написания парных образований в сопоставляемых языках. Автор приходит к выводу, что несмотря на традиционное полуслитное правописание парных слов, вопрос орфографирования парных образований в сопоставляемых языках не совсем однозначен.

Ключевые слова: парные слова, орфография, орфографирование, чувашско-марийские лексические параллели, сопоставительное языкознание.

Парные слова составляют примечательный пласт лексических единиц любого языка. Они представляют собой сочетания двух (в редких случаях – трех) слов, вступающих в связь на основе синонимических, ассоциативных, антонимических или редупликативных отношений и образующих новые лексические единицы, как правило, с обобщенным значением [1; 2; 3], например: рус. худо-бедно < худо + бедно; туда-сюда < туда + сюда; чув. таван-хурянташ

‘родственники’ < таван ‘родственник’ + хуранташ ‘родственник’; хура-шурă ‘невзгоды’ < хура ‘черный’ + шурă ‘белый’; ырă-усал ‘мифические существа’ < ырă ‘добрый’ + усал ‘злой’; аптăр-каптăр ‘хлам, старье, утиль, отбросы’ < аптăр ? + -каптăр, апăр-тапăр.

На первый взгляд, сразу же бросается дефисное оформление в написании парных слов. Однако в написании парных образований в разных языках наблюдаются разные подходы. В русском языке в большей степени преобладает дефисное орфографирование, например: чудодюдо, друзья-товарищи, море-океан, нежданно-негаданно. Однако при заимствовании парных слов из других языков нарушается традиционная логика в написании парных слов в русском языке, ср.:

зигзаг < фр. zigzag из нем. Zickzack ‘окопы, вырытые в виде зубцов’, где Zacke ‘зубец’;

кишмиш < тюрк. кишмиш ‘виноград без косточек’, где киш- – давить, сжимать, букв. сдавленный, сжатый виноград.

При этом орфографирование части парных слов иноязычного происхождения имеет свои особенности. В данном случае речь идет о дефисном написании, так как в оригинале они имели аналогичное орфографирование, например:

буги-вуги < англ. boogie-woogie ‘социальный танец, появившийся в Европе во второй половине 1940-х гг. на основе линди хопа’ < ¹хауса буг ‘бить’; ²мандинго боги ‘бить’; ³зап.-афр. боги ‘танцевать’; ⁴мбуки мвуки из мбуки ‘взлетать в полете’, мвуки ‘дико танцевать, как если бы стряхнуть одежду’;

гоголь-моголь < ¹англ. hug-mug, hugger-mugger; ²нем. Kuddelmuddel ‘мешанина’.

Согласно правилам орфографии чувашского языка, парные слова пишутся через дефис. Это вполне объяснимо: две разные основы, составляющее во взаимосвязи третье слово, безусловно, должны писаться через дефис. Именно в этом проявляется лингвистическая особенность парных образований – их синтаксическая сущность.

С 1938 г. в чувашской орфографии появляется новый подход, согласно которому сложные слова должны писаться слитно, если они означают один предмет, например:

йёкехуре ‘крыса’ < йёке ‘веретено’ + хуре ‘хвост’, но йёке хуре ‘хвост наподобие веретена’;

йытпырши ‘вьюнок’ < йытă ‘собака’ + пыршă ‘кишка’ + -и афф. принадлежности 3 л. ед. ч., букв. собачья кишка, но йыт(ă) пырши ‘кишка собаки’;

утмăлтурат ‘василек’ < утмăл ‘шестьдесят’ + турат ‘ветка’, но утмăл турат ‘шестьдесят веток’.

На практике это обычно сводилось к калькированию русского правописания, иначе говоря, если чувашское словосочетание на русский язык переводится одним словом, то его в чувашском контексте также следует орфографировать слитно, например:

рус. одиннадцать → чув. вунпёр вместо вун пёр < вуннă ‘десять’ + пёрре ‘один’;

рус. голень → чув. чёркуçси вместо чёр куçси < чёр ‘колено’ + куç ‘глаз’;

рус. помнить → чув. асту вместо ас ту < ас ‘память’ + ту ‘делать’.

Согласно обозначенной концепции, в орфографировании парных слов в чувашском языке наметилась тенденция к их слитному написанию: «Парные слова, утерявшие в сознании говорящего свою парность и выражающие одно понятие, пишутся слитно: тумтир, хёрарăм, шăмшак, çёршыв» [5, с. 19], см. также: кунçул ‘судьба, жизнь, история’ < кун ‘день’ + çул ‘год’; хăшпёр ‘некоторый’ < хăш ‘который’ + пёр ‘один’.

Парные слова – это сочетания двух равных компонентов, каждый из которых в словоизменении может иметь аффиксы, и в случае прибавления аффиксов парные словообразования уже должны писаться через дефис: кунçул, но кунё-çулё; çёршыв, но çёрсем-шывсем; хăшпёр, но хăшне-пёрне, хёрарăм, но хёршён-арăмшăн.

Современная орфография чувашского языка исключает дефисное правописание таких словосочетаний как: шăмат кун ‘суббота’, мӑн кёрӳ ‘старший дружка’, пуç кăшӑлĕ ‘диадема’, сут сӑнталӑк ‘природа’ и др.

Полуслитное оформление парных слов и словосочетаний в чувашском языке является важной особенностью, которое свидетельствует о развитии чувашской лингвистической мысли в понимании параметров сложных слов. Первоначально парные слова и словосочетания оцениваются в качестве однотипного феномена, в последующем словосочетания перестают осознаваться лексическими единицами, и их начинают писать отдельно.

В марийской традиции орфографирования парных слов так же, как и в чувашской, утвердилось правописание парных слов через дефис. «В сложных словах сочинительного типа части их являются относительно самостоятельными, но ввиду связанности этих сочетаний, они пишутся через дефис» [4, с. 11], например:

вате-ӳдыр ‘женщина’ < вате ‘жена’ + ӳдыр ‘девушка’;
иза-ака ‘братья-сестры’ < изи ‘старший брат’ + ака ‘старшая сестра’;
мыгыль-мугыль ‘беспорядочно’;
неле-йӧсӧ ‘трудность, невзгоды’ < неле ‘тяжелый’ + йӧсӧ ‘трудный’;
родо-тукым ‘родственники’ < родо ‘родственник’ + тукым ‘род’.

Данный подход к орфографированию парных слов в марийском языке сохраняется по настоящее время.

Лишь парные слова иноязычного происхождения и, видимо, заимствованные относительно недавно, орфографируются слитно, например:

мар. йӧрвар ‘продукты питания’ < чув. юр-вар, чувВ. йор-вар ‘продукты’ (кроме хлеба) (этимологию чувашского юр-вар см. в [7, с. 285].

В целом, в отличие от чувашского, в марийском правописании не было разногласий относительно орфографирования парных слов. Они трактовались марийскими языковедами упрощенно, как композиты, состоящие из двух равнозначных слов и требующих написания через дефис.

Кажущееся простым в чувашском языке правописание парных слов в зависимости от разных причин (в частности, из-за тенденции сближения с правилами русской орфографии) усложнило написание парных слов в виде допущения исключений – слитного орфографирования ряда лексем.

Литература

1. Иванова А.М., Семенова Г.Н. Словообразование в чувашском языке – I // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. С. 237–242.
2. Иванова А.М. Словарь агнонимов чувашского языка: неанализируемые единицы // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2015. С. 48–53.
3. Кириллова В.Ю. Парные слова в языках Волго-Камья: к проблеме составления словаря // Вестник Чувашского университета. 2018. № 4. С. 260–264.
4. Орфография марийского литературного языка (общая для лугово-восточного и горного наречий) / Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1953. 25 с.
5. Основные правила орфографии чувашского языка. Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1939. 24 с.
6. Сибатрова С.С. К истории марийской орфографии // Финно-угроведение. 2007. № 2. С. 49–55.
7. Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск, 1990. 334 с.
8. Чăваш чĕлхин орфографи словарĕ / хатĕрленĕ А.А. Алексеев. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2002. 400 с.
9. Чăваш чĕлхин орфографийĕн тĕп правилисем // Чăваш чĕлхин орфографи словарĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 2002. С. 377–393.

КИРИЛЛОВА ВАЛЕНТИНА ЮРЬЕВНА – старший преподаватель Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ПЕРЕВОДНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. Статья посвящена выявлению специфики употребления прилагательных со значением цвета в художественном тексте, переведенном на русский язык. При сопоставлении оригинального и переводного текста произведения Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» выявляются отличия в использовании цветообозначений в русском переводе, связанные с национальной традицией значимого и символического употребления цветообозначений.

Ключевые слова: цветообозначения, символическое значение, языковая картина мира.

Актуальной проблемой современной лингвистики является определение особенностей языковой картины мира, отражающей материальный и духовный опыт народа – носителя данного языка. Отражение в лексике цветового спектра является ярким примером того, как по-разному может члениться та или иная смысловая область в различных языках, отражая «знания и представления... народа об определенном фрагменте окружающего мира» [5, с. 139]. Большой интерес для исследователя представляет использование названий цвета в художественных текстах. По словам С.М. Соловьёва, «цвет в литературе имеет особый...интерес для исследователя», поскольку «писатель использует его неумышленно, интуитивно, подсознательно...» [16, с. 54].

Тем более интересно оценить разницу в использовании цветообозначений в разных языках с помощью изучения переводных произведений художественной литературы. Сопоставление оригинальных и переводных текстов позволит установить, вносит ли переводчик изменения в употребление цветообозначений и что может служить причиной возможных отличий. В данной статье сопоставляются некоторые названия цвета, употребленные в оригинальном и переводном тексте произведения Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту», прежде всего внимание уделяется случаям, когда перевод отличается от оригинала.

Необходимо отметить, что в русскоязычной культуре существует древняя традиция использования слов, обозначающих цвет, в качестве важного экспрессивного средства. Отличительным свойством древнерусской литературы является отказ от цветописы как таковой. Н.Б. Бахилина связывает это со своеобразием поэтики древнерусской литературы, в которой «мало произведений, где были бы уместны по литературным канонам того времени описания внешности, пейзажа, подробное описание одежды, предметов быта» [2, с. 11]. С другой стороны, даже если портреты или пейзажи появляются в тексте, они не индивидуализированы, этикетны. «Действительность изображается в соответствии с идеалом, либо с определенными критериями, иногда она исследуется, но отнюдь не живописуется. Это не картина, и поэтому здесь нет места цвету» [13, с. 8]. Если же цветовой признак извлекается и показывается в литературном тексте как важное свойство, «тогда такой признак – не просто цвет, как сегодня у нас, он – символ» [7, с. 229].

Символика цвета основана на ассоциациях, имеющих, безусловно, очень сложную природу. Общечеловеческие ассоциации создают общечеловеческое «ядро» цветовой символики, связанное в первую очередь с наиболее древней значимой оппозицией свет-тьма: белый – это «сама сущность дня (со светом люди, освобождаясь от ночных страхов и тревог, покидали свои пещеры, чувствуя себя свободней и независимей)»; «тёмный (чёрный) – это цвет ночи, таинственной, непознанной стихии, исполненной для древних многими неожиданными и опасностями, и потому способный вызвать в них чувство тревоги, смутения, страха» [1, с. 23–24]. Однако в восприятии цвета в разных культурах имеются и отличия, связанные с тем, что цвет приобретает символические значения на основе ассоциаций, свойственных представителям той или иной культуры [17].

Таким образом, главной особенностью русской языковой традиции употребления цветообозначений в художественном тексте можно считать их значимое, символическое использование.

Сравнение оригинального текста романа Р. Брэдбери и перевода на русский язык показало, что в некоторых случаях переводчик добавляет цветообозначения туда, где их не было в оригинале. Анализ контекста позволяет сделать вывод о том, что появление цветообозначения в русском переводе значимо, поскольку оно становится важным выразительным средством: «...создает настроение, обладает оценочностью, в основном же наполняется символическим смыслом» [8, с. 107].

Например, цветообозначения *чёрный* и *огненно-красный* добавлены переводчиком в описание пожара в начале романа: «Он шагает в рое *огненно-красных* светлячков (в оригинале нет названия цвета, лишь слово «*fireflies*» ‘светлячки’), и больше всего ему хочется сделать сейчас то, чем он так часто забавлялся в детстве, – сунуть в огонь прутик с леденцом, пока книги, как голуби, шелестя крыльями-страницами, умирают на крыльце и на лужайке перед домом; они взлетают в огненном вихре, и *чёрный от копоти ветер* (в оригинале нет цветообозначения со значением ‘чёрный’ «*turned dark with burning*») уносит их прочь» [4].

В русском переводе романа цветообозначения в этой сцене не просто придают дополнительную красочность описанию – они усиливают выразительность за счёт символических значений цветообозначений.

В словосочетании «*огненно-красные светлячки*», с одной стороны, можно увидеть намерение переводчика точнее передать цвет огненных искр, поскольку русское слово «*светлячок*» не имеет внутренней формы, связанный со словом «*огонь*», как в английском языке. Однако появление цветообозначения *красный* в описании пожара придает и дополнительное символическое значение. В русском языке различные названия красного цвета традиционно имели амбивалентную оценочность, так как амбивалентна символика красного цвета, обусловленная значимостью для человека двух главных его носителей – крови и огня. С одной стороны, кровь и огонь – символ жизни, с другой – символ смерти. Христианская культура развивала изначальную амбивалентность красного цвета: «...красный означал огонь веры, божественное пламя, был символом мученичества» [11, с. 5], «цвет спасения как цвет крови Христовой, но и цвет ада» [6, с. 37–38]. В переводе романа Р. Брэдбери обозначенный прилагательным *красный* цвет огненных искр вызывает ассоциации с мученической «смертью» книг.

Прилагательное *чёрный* в русской языковой традиции имеет явную отрицательную оценочность. Она лежит в основе символического употребления данного прилагательного в произведениях русского фольклора, где значит ‘траурный’, ‘зловещий’; в древних памятниках письменности, где означает ‘принадлежащий темным силам’, ‘причастный к сонмищу бесов’ [2, с. 29].

Использование прилагательного *чёрный* для описания ветра в данном отрывке не просто передает зрительное ощущение. Оно в русском переводе придает большую мрачность описанной сцене, окрашивая ее в траурный цвет, поскольку в пожарах в данном произведении, как известно, погибают книги. Чёрный здесь – это традиционный цвет смерти.

В этом же описании неслучайно, на наш взгляд, вместо обозначения красного цвета в переводе употреблено прилагательное *багровый*, то есть ‘тёмно-красный’, смешанный с чёрным: «...он нажимает воспламенитель – и огонь жадно бросается на дом, окрашивая вечернее небо в *багрово-жёлто-чёрные* тона (в оригинале – «*red and yellow and black*»). Вновь кроме цветового впечатления в переводе передана эмоциональная окраска: прилагательное *багровый* имеет более отрицательную оценочность за счёт ассоциативной связи с чёрным цветом.

В некоторые описания в романе в переводе добавлено цветообозначение *зелёный*. На первый взгляд, оно просто передает зрительное впечатление от описываемых пейзажей. Однако этимологически оно связано со светом [9, с. 195], в его семантике есть компонент значения ‘светлый’, что определяет его положительную оценочность. Так, исследователи колористики «Слова о полку Игореве» пишут о том, что в «Слове...» *зеленым*, как название одного из «светлых» цветов, вносит положительную оценку [14, с. 130; 7, с. 222]. Именно такую оценочность, по-видимому, следует считать первичной.

Укрепление связей цвета с предметом-носителем, происходившее в процессе эволюции данной лексико-семантической группы [10, с. 546], в «процессе специализации значения» [3, с. 93], позволило развиваться вторичной ассоциативной оценочности и символике этого цветообозначения. *Зелёный* является постоянной характеристикой предметов окружающего растительного мира, что может быть источником символики как положительной (зелёная листва = молодость), так и отрицательной: «зелёный цвет приобретает зловещий оттенок по связи его с представлением о недостаточности, ущербности, незрелости» («клас незрелый»); в арханг. говорах «зелёный год» - неурожайный, а также поговорка «молодо-зелено» [13, с. 15]). Всё это сказалось на символическом употреблении цветообозначения *зелёный*.

В переводе романа Р. Брэдбери, на наш взгляд, цветообозначение *зелёный* добавляется переводчиком для усиления положительной оценочности в описаниях, связанных с положительными героями произведения, с миром свободы: «Он огляделся. Перед ним была тёмная равнина, как огромное существо, безглазое и безликое, без формы и очертаний, обладавшее только протяженностью, раскинувшееся на тысячи миль и ещё дальше, без предела; *зелёные* холмы и леса ожидали к себе Монтэга» [4] (в оригинальном тексте обозначение зелёного цвета отсутствует). Далее противопоставление серого мира города и зелёного мира свободы ещё раз подчеркивается: «То был редкий день в его жизни, счастливый день, когда ему довелось своими глазами увидеть, что за семью завесами нереальности, за телевизорными стенами гостиных и жестяным валом города есть ещё другой мир, где коровы пасутся на *зелёном* лугу, свиньи барахтаются в полдень в тёплом иле пруда, а собаки с лаем носятся по холмам за белыми овечками» [4] (в оригинальном тексте нет цветообозначения *зелёный*). Примечательно, что подобное символическое употребление *зелёного* характерно и для антиутопии Е. Замятина «Мы», где *зелёный* – постоянная характеристика мира «за стеной» – мира «веселья, молодости, красоты, земной, природной, естественной жизни» [8, с. 116].

Наиболее ярко специфика русской цветовой символики проявляется в употреблении прилагательного *жёлтый*. Сравнительно небольшое количество примеров употребления данного цветообозначения в древних текстах можно объяснить особым отношением к жёлтому цвету на Руси, где существовал «запрет на жёлтое» [12, с. 94]. В.В. Колесов указывает, что «слово *жёлтый* использовалось редко, потому что это цвет скорби. В сказках язычников-славян тридевятое царство, царство мертвых, является жёлтым, и змей, охраняющий вход в него, тоже жёлтый. На древних картинах его и рисовали жёлтым» [6, с. 38–39]. Л. Раденкович отмечает связь жёлтого цвета с потусторонним миром и в заговорах: «мифические существа, которые водят души на тот свет, являются в жёлтых тонах» [15, с. 139]. Эта связь объясняется преобладанием жёлтого цвета во второй половине года, в преддверии зимы, холода, мрака. Для русской культуры жёлтый изначально и однозначно отрицателен, «его избегали называть в христианской литературе» [12, с. 100].

В переводе романа Р. Брэдбери есть описание, где вместо английского «*cream-tiled escalator*» употреблено сочетание «выложенный *жёлтыми* плитками эскалатор» [4] метро. Такое употребление вызывает у читателя ассоциации с преисподней, превращая метро в некое подземное царство, ад. Появление в тексте данного цветообозначения создает у читающего русский перевод тревожное предчувствие дальнейших событий.

Таким образом, сравнение оригинального и переводного текста произведения Р. Брэдбери позволяет еще раз убедиться в существовании особенностей функционирования цветообозначений в художественном тексте, обусловленных национальной традицией, вызванных глубинными ассоциациями, обусловившими появление в тексте того или иного цветообозначения.

Литература

1. Алимпиева Р.В. Семантическая структура слова «белый» // Вопросы семантики. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. С. 13–24.
2. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975.
3. Бахтина С.И., Павлова Т.Н. Лексико-семантическая адаптация заимствований в русском языке XX – начала XXI веков // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 89–95.

4. Брэдбери Р. 451 градус по Фаренгейту / Перевод Т. Шинкарь. М., 1987. URL: <https://daningrad.ru/451-gradus-po-farengeytu-bredberi>
5. Григорьева Е.А., Петрова О.А. К вопросу о семантике народных названий растений в разноструктурных языках (на материале русских и английских фитонимов с компонентом чёрт, devil, devil's) // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 139–142.
6. Колесов В.В. О синем море, сизом вороне и черной кручине, а также о самом красивом цвете // Колесов В.В. История русского языка в рассказах. М.: Просвещение, 1982. С. 27–40.
7. Колесов В.В. Свет и цвет в "Слове о полку Игореве" // "Слово о полку Игореве". 800 лет: сборник. М.: Сов. писатель, 1986. С. 215–229.
8. Кожемякова Е.А. Символика цветообозначений в романе Е. Замятина «Мы» // Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня. Научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы. Тамбов, 1997. С. 106–119.
9. Кожемякова Е.А. Семантическая структура цветообозначений в индоевропейском, общеславянском и древнерусском языках // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: материалы региональной научной конференции. Чебоксары, 2000. С. 194–207.
10. Кожемякова Е.А. Универсальное и национально-своеобразное в эволюции семантики цветообозначений: формирование связи с предметом в русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4-2. С. 545–548.
11. Кызласова И.Л. Русская икона // Русская икона XIV – XVIII вв. Л.: Аврора, 1988. С. 5–22.
12. Мурьянов М.Ф. К интерпретации старославянских цветообозначений // Вопросы языкознания. 1978. № 5. С. 93–109.
13. Панченко А.М. О цвете в древней литературе восточных и южных славян // Литературные связи древних славян. ТОДРЛ. Т. XXIII. Л.: Наука, 1968. С. 3–16.
14. Пименова М.В. Цветовой фольклорный эпитет в контексте "Слова о полку Игореве" // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1985. С. 125–131.
15. Раденкович Л. Символика цвета в славянских заговорах // Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, 1989. С. 122–148.
16. Соловьев С.М. Колорит произведений Достоевского // Достоевский и русские писатели. Новаторство. Мастерство. М.: Сов. писатель, 1971. С. 414–446.
17. Фомин Э.В., Иванова А.М. Чăваш поэтонимĕсен пуххи. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. 84 с.

КОЖЕМЯКОВА ЕКАТЕРИНА АРКАДЬЕВНА – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русского языка как иностранного Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

А.В. КУЗНЕЦОВ, Н.М. КУЗНЕЦОВА

О НЕИССЛЕДОВАННЫХ ПЛАСТАХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ (на примере топонимики Янтиковского района Чувашской Республики)

Аннотация. При изучении топонимики Чувашской Республики наибольшие трудности составляют интерпретации единиц индоиранского, финно-угорского и татаро-кыпчакского пластов топонимикона, т.к. они в чувашском языке сильно трансформировались, в связи с этим сложно реконструировать первоначальный звуковой облик и семантику лексем. Топонимы Чувашии исследованы достаточно полно, однако микротопонимам не уделено должного внимания. Вне поле зрения остался целый ряд гидронимов, оронимов, комонимов и т.д. Предлагаем этимологии некоторых из них.

Ключевые слова: чувашский язык, Янтиковский район, гидроним, ороним, комоним, топоним.

В повседневной жизни мы встречаемся с разными онимами довольно часто. Об антропонимах опубликовано множество книг, статей, о них достаточно информации в сети Интернет, каждый ребенок с детства знает значение своего имени. С другими группами онимов дела обстоят сложнее. Даже специалистам с филологическим образованием нелегко разобраться с разными ктематонимами, хрематонимами, этнонимами и т.д. Группа онимов, которая нас заинтересовала – микротопонимы, также нелегко поддается интерпретации. Особенно сложно толковать названия дорог, холмов, оврагов, рек и т.д., «доставшихся в наследство» от народов

и племен, ранее обитавших на данной местности, и говоривших на неродственных современным обитателям языках. Топонимика Волго-Уральского региона состоит из нескольких пластов. На территории современной Чувашской Республики исследователями выделяются: 1) индоиранский; 2) финно-угорский; 3) болгаро-чувашский; 4) татаро-кыпчакский; 5) русский [29, с. 32].

К индоиранским из указанных мы относим гидроним *Черемшан*, хотя существует множество других версий его происхождения: 1) гидроним от русск. *черемша* «дикий лук» [33, с. 179]; 2) гидроним тюрк. происхождения, впервые упоминаемый в записках Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. под названием *Джарамсан*; 3) гидроним, означающий «река черемисов, черемисская река»; 4) гидроним, от славян. *черемша* – растение (от народов Именьковской археологической культуры) [26, с. 219–241]; 5) из татар. языка, означает: 1) «река масляного (смолистого) леса»; 2) «место сбора войск»; 3) *Чиру Мемшен* «предводитель войска»; 6) может означать «сарматская река» [8].

Мы разделяем мнение администратора сайта *dic.academic.ru* и склоняемся к тому, что зафиксированный Ахмедом Ибн-Фадланом в 922 году гидроним *Джарамсан* происходит из иран. *джарм* «течь; текущий, проточный» [8].

Топонимы финно-угорского происхождения встречаются на всей территории Чувашии. Многие из них относятся к марийским, часть связывают с мордовскими и пермскими языками. В предлагаемой работе рассматриваются мордовские, марийские, пермские, татаро-кыпчакские онимы. Многие из них до нас никем никогда ранее не анализировались, в научный оборот не вводились. Встречается их фиксация в работах краеведов-любителей, где приводится, в лучшем случае, народная этимология.

В исторических документах XVI в. на территории современного Янтиковского района Чувашской Республики упоминаются «мордовские выги» и «мордовские пустоши», например: «конкретные участки, отмеченные как «порозжие мордовские» <...> на р. Норваше – участок, на котором в 1565 году чуваша «Яншиник с товарищи» из д. Темяш (ныне райцентр Янтиково) основали селение, на среднем течении р. Уты – пустоши Щепачевка (ныне северная сторона с. Гришина) и Прясевская (на ней ныне стоит с. Можарки, а рядом в 1565 году темяшевские чуваша заложили будущую деревню Подлесную» [28]. Значит, *Яншихово-Норваши*, *Гришино*, *Можарки* и *Подлесное* были основаны на бывших мордовских землях. Некому Якову были переданы земли между деревнями *Киншилеева* (д. Кокшаново, чуваш. *Каншел* (?)) и *Чутеева* (с. Чутеево): «Да Якову ж <...> приписано на диком поле меж деревни Киншилеева Иванка Долгова, меж деревни Чутеева Иванка Рыкова дикаго чистаго поля <...> отделено 74 году в сентябре деревня мордовская, что была пустошь куштонаповская, да порамзина, на реке на Уте» [31]. Также зафиксированы населенные пункты *Нороваши* (совр. Русские Норваши), *Яншанка* (совр. Яншихово-Норваши), *Турмуш* (совр. Турмышы): «деревня Нороваш <...> меж речки Нороваша и чувашские земли деревни Турмуша по реку по Турмуш <...> в другую сторону деревни Нороваша от новые чувашские деревни Яншанка с товарищи» [31]. В следующем фрагменте зафиксированы деревни *Новая* (совр. Яншихово-Норваши (?)), *Нороваши* (совр. Русские Норваши), *Темяшева* (совр. Янтиково), *Турмуш* (совр. Турмышы): «Деревня Новая <...> что поставили ту деревню темешевские чуваша: Яншикай, да Октем (Охметяк), да Кебяк на порозжей на мордовской земле у государевы у оброчные деревни у Нороваша <...> А в старой в чувашской деревни в Темишеве у Яншейка с товарищи <...> от болотца речьюю Турмушем прямо в верх до турмышевской мельницы чувашенина Бориска Шерваузова» [31] и т.д.

В названиях сел и деревень, рек, оврагов проявляются «финно-угорские следы»: к мордве уводят *Инсер*, *Печер*, *Пишнер*, на марийский язык указывают *Паснер*, *Псенарь*, *Тёмер* и *Норваши*, а *Мучар* «Можарки» указывает на венгров (> *мадьяр* «венгр»). Есть мнение, что здесь можно найти следы пермских языков (*Търмайш* > *Турма возж*, *Палмата* > *piele ma ta*) и др. К татарскому языку восходит, вероятно, основная часть топонимов (названий сел и деревень) на русском языке (например, д. *Козыльеры* – *Хёрлэсыр* (Урмарский район), татар. *кызыл* «красный» + *яр* «берег»). Во времена расцвета Казанского ханства, когда «почти полностью пере-

строился на татарский лад традиционный чувашский антропонимикон, многие чувашские населенные пункты получили вторые наименования по антропонимам татарских владельцев: *Кинчер – Янситово, Куснар – Байгулово, Ватакас – Янцибулово, Пинер – Шихабылово, Тёмшер – Солдыбаево* и т.д.» [13, с. 398]. В Янтиковском районе наблюдается та же картина: *Бахтиарово – Вятаяль, Нижарово – Сăхăтпуç* (возможно, название реки, на которой расположена деревня *Нижарка* (чуваш. *Нишер*), от тат. *Мишәр*), *Уразлино – Улянкă, Ямбулатово – Анаткас Тушкил, Янтиково – Тăвай, Турмыш(и) – Тăрмăш* (вероятно, от личного имени *Тăрмăш* (от чуваш. *тăрмăш* ← (?) тат. *тормыш* «жизнь», к тому же, в селе есть часть, называемая *Мишер касси* «часть, где живет мишар» [24]) [Подробнее см.: 23, с. 263–270].

Рассмотрим подробнее по группам топонимов:

1. Гидронимы. *Инсер* [33, с. 17] < морд. *ине сара* «большое болото»(?). Название речки Турмышки, отмеченное на картах XVIII в. Искаженное от морд. *Инсар* (?). Ранее болотистые места мордва обозначала ф.-угор. *сара* «заболоченное место», затем – *шяй* [17, с. 274]. Топонимы с компонентом *-сар* встречаются часто: *Саранск, Инсар, Сарга* и др. [18], срав.: город *Инсар*, поселок *Инсар* и др. от общеморд. *ине сара* «большое болото» [17, с. 274–275].

Норваши (чуваш. *Нăрваши*) < *энгер вож* «начало речки» (?). Топоним *Нăрваши* от мар. *-нор, -нар (-нер)* «не очень большая речка», «начало речки» и мар. *ваш ~ вож* «болото», «болотистое место», «начало ручья» [27, с. 177].

Паснерка (чуваш. *Паснер*) < *пасу энгер* «речка, протекающая в поле» (?). Вероятно, от мар. *пасу* «поле» + *энгер* «река», название речки, протекающей на землях д. Тюмерево и с. Чутеево Янтиковского района. Срав.: *Пасу куп* «болото на поле» или «полевое болото» < мар. *пасу* «поле» + *куп* «болото» [9, с. 259]. Значит, *Паснер* – «полевая река» или «река, протекающая в поле».

Печер [33, с. 17] < *пиче нярь* «сосновая коса леса» или *пиче вирь* «сосновый лес» (?). В работе XIX в. приведены населенные пункты Большие Турмышы и Малые Турмышы при речке *Печере* [21, с. 142]. *Печер* может восходить к морд. *Пиченярь* (*пиче* «сосна» + *нярь* «выступ», «коса» (лесная)) [подр. см.: 7, с. 274], означающий «выступ леса, где растут сосны», «сосновая коса леса». Созвучным является и название поселка Мордовской Республики *Пиче вирь*, образованного от морд. *пиче вирь* «сосновый лес» [17, с. 264]. Оба варианта (*Пиченярь* «сосновая коса леса» и *Пиче вирь* «сосновый лес») имеют право на существование. Не исключен вариант *Печер* < *пичи ер* «маленькое озеро» < удм. *пичи* «маленький» [9, с. 267–268] + мар. *-ер, -яр (-йăр)* «озеро» [9, с. 259].

Псенарь [33, с. 17] < *писе энгер* «быстрая река» (?). Название речки Турмышка на картах XVIII в. Возможно, искаженное от *Писенер*. Происхождение топонима можно объяснить так: 1) *Писенер* < мар. *писе* «быстрый; стремительный» + *энгер* = «быстрая река». Гидроним перешел в комоним [14, с. 137]; 2) *Писенер* (д. Пизенеры Аликовского района) < мар. *писе* «быстрый» + *энгер* «река» = «быстрая река» [30, с. 126]. Возможно и мордовское происхождение, см. *Пиенер*.

Пиенер [33, с. 17] < *пяше нярь* «липовая коса леса» (?). Название речки Турмышка на картах XVIII в. Вероятно, искаженный вариант морд. *Пяшнярь/ Пяшенярь* (*пяше* «липа» + *нярь* перен. «выступ», «коса» (лесная)) [подр. см. 7, с. 274], означающий «выступ леса, где растут липы», «липовая коса леса». Также может происходить от онима *Писенер* (см. *Псенарь*) или от мар. *пушан энгер* «тухлая река» < *пушан* «пахучий; с запахом» + *энгер* «река» [14, с. 137].

Турмыш(ка) (чуваш. *Тăрмăш*) < *Турма вож* «приток озерной реки» (?). Вероятно, название реки и поселения произошли от антропонима *Тăрмăш* «жизнь, состояние, богатство» – личного имени человека. Возможно, *Тăрмăш* – ф.-угор. происхождения: *Тăрмăш* < ф.-угор. *Турма вож*, от *Турма* «озерная река» + *вож* «приток реки». Топонимы с компонентом *Тăрăм / Турма* представлены широко: речка *Тăрăм* «Турма», с. *Турминское*, д. *Чăваш Тăрăм* «Аранчеево», название которой, вероятно, связано с речкой *Тăрăм*, с. Чутеево раньше называлось *Чутеево Турминское* [35]. Гидроним *Турма вож* мог образоваться по типу *Турмо вуд*: перм.-угор. гидроним, ср. манс. *тур* «озеро», *-ма* – ф.-угор. гидроформант, соответствующий перм. *ва* «вода, река»: *Турмо* < *Турма* «Озерная река» [9, с. 331]. Н.И. Якимова и О.В. Сорокина считают,

что «*Търмăш* ← *Търăм* + *-ш* ← *вăш* ← мар. *вож* «приток реки») = «деревня у оврага (речки) *Търмăш*»; в Татарии – д. Турмыш, в Чувашии д. Турмыш в Янтиковском районе. Заметим, что рядом [с речкой *Търăм*. – *А.К., Н.К.*] расположена и деревня *Търăм*. Есть и такое объяснение: *Търмăш* / *Турмыш* ← чув. *търмăш* (неизвестное слово) + чув. *йыш* «группа», «семья»; здесь можно предположить, что *Търмăш* – имя человека» [36].

Комонимы. На территории района предположительно встречаются следующие комонимы ф.-угор. происхождения:

Можарки (чуваш. *Мучар*) < *мадьяр* «венгр» (?). Населенных пунктов с похожим названием в России немало: д. *Можары* (бывший улус *Можарский*, *Можар таг аал*), поселок *Можарский*, *Можарские* озера и река *Можарка*. Есть *Можары* в Рязанской области. Считается, что гидроним *Мачар* означает «венгерский» [22].

Норваши-Кошки (чуваш. *Кушкă*). Компонент *Кошки* < чуваш. *Кушкă*, дохристианское имя мужчины, теперь стало названием ряда селений в Чувашии и Татарстане [6, с. 62–63].

Русские Норваши (русское село, местные по-чувашски называют просто *Сала* «Русское село», официально – *Нърваши сали*). См. *Норваши*.

Турмышши (чуваш. *Търмăш*). О финно-угорской версии происхождения см. выше (гидроним *Турмыш(ка)*).

Яншихово-Норваши (чуваш. *Енĕш Нърваши*). Компонент *Яншихово*, вероятно, связан с именем основателя села *Яншейк* (Яншикай, Яншанк), упоминающемся в писцовых книгах XVI в. [31].

Тюмерево (чуваш. *Тĕмер*) < мар. *тумер* «дубняк, дубрава, дубовая роща» [4, с. 144].

К тюркским относятся комонимы *Абысказаново* (одно из названий деревни Малый Турмыш, чувашский вариант не зафиксирован), *Търмăш* (по одной из версий). Комоним *Абесказаново* встречается только в одном документе, обнаруженном краеведом Э.С. Ушаковым: «Первоначально люди осваивали правое побережье реки Турмышка (Псенар). Впоследствии стали строить дома и на левом берегу. По сведениям из ландратской переписи 1721 г. селение на левом берегу Турмышки называлось «*Деревня Малые Турмышши Абесказаново тож*». Видимо, селение основали пришельцы. Но в ревизской сказке этого же года двойное название деревни отсутствует. Таким образом, к 1721 году в ревизских сказках пишутся две деревни Большие Турмышши (*Аслă Търмăш*) и Малые Турмышши (*Кĕçĕн Търмăш*)» [33, с. 76]. Схожий топоним нами нигде не выявлен. По рекомендации лингвиста Э.В. Фомина мы сделали компонентный анализ, т.е. анализ формантов *Абес* и *казаново*, и пришли к следующим выводам:

Абес, вероятно от *Абыз*. М. Фасмер, опираясь на труды В.В. Радлова, так объясняет данный термин: *абыз*, *абыс* «мулла, татарский священник» (ряз., тамб.); также «язычник, безбожник, горлопан, негодяй» (яроsl., перм., Тобольск.). Заимств. из тат., казах., тоб. *абуз* «мулла», алт., тел., леб. *abus* «русский священник» [2]. Компонент *Абыз* встречается в названии д. *Абызово* (*Кулхĕрри-Ханăс*) Вурнарского района [19] и в названии деревни *Абызово* (*Абыз*) и озера *Абызово* (*Абыз*) на территории Республики Башкортостан [3]. В словарях *Абыз* – «опытный, авторитетный старший родственник; аксакал, старейшина рода. Фонетический вариант имени Хафиз» [1]. К слову, чувашский вариант *Ханăс* звучит ближе к первоначальному варианту *Хафиз*. Вторая часть – *Казаново* – распространена в России от Прибайкалья до Брянской и Смоленской областей, встречается также в Витебской области Республики Беларусь. Его связывают с фамилией *Казанов*. Одно из байкальских селений под названием *Казаново* связано с именем московского дворянина Якова Казанова, который в XVIII веке вел торговлю в этих краях [20]. Деревни *Казаново* в других местностях связывают с прозвищем *Казан*, которое могло быть дано или человеку, делающему котлы (казаны), или человеку, читающему молитву (*hazzan*), или тому, кто приехал из Казани [16].

Таким образом, можно предположить, что основателем деревни *Абесказаново* был *абыс* или *абыз* (мулла; учитель Корана; русский священник; молитвенник) из Казани. Это лишь версия, но форманты топонима подталкивают к данному выводу.

Оронимы. *Палмата* – название косогора и оврага, расположенных на восточной стороне с. Турмыши. На материале чувашского языка этимологизировать невозможно. Вероятно, состоит из формантов *Пал* + *ма* + *та* и восходит к урал. *piele ma ta* «сторона озерной реки» (?). Возможны и иные варианты, т.к. формант *пал-* может иметь несколько значений: 1) в волжских (морд. *pel', päl'*, мар. *pel, wel* «сторона, бок») и других ф.-угор. языках восходит к урал. **pexli* «край, внешняя сторона» [25, с. 256]. Объекты с основой *pal-/nal-* означают боковое, стороннее расположение по отношению к основной водной магистрали [25, с. 256], срав. ф.-угор. *piele-* < **pēle* «бок, край, сторона» [25, с. 175]; 2) топооснова *Palte / Палтега*, ср. вепс. *palte* < **palteg* < **palttek* «склон, косогор» [15, с. 37-38]; 3) вепс. *peld, pöud, püüd* «поле» [15, с. 30]; 4) топооснова *пал-* может восходить к приб.-фин. *palo* «выгоревшее место в лесу; сожженная подсека, пал, пожар» [15, с. 96] и др. Формант *-та (-да)* в современных уральских языках широко представлен: саам. *to* «озеро»; манс. *тоо* «озеро», удм. *ты* «озеро», коми-з. *ты* «озеро», венг. *to* «озеро»; ненец. *то* «озеро» [9, с. 17]. Компонент *-ма* – ф.-угор гидроформант, соответствует *ва* «вода, река» в пермских языках [9, с. 331]. В итоге получаем: *Пал* + *ма* + *та* = 1) «сторона озерной реки», 2) «склон/косогор озерной реки», 3) «поле у озерной реки» или 4) «пал (сожженная подсека) у озерной реки».

Пене сырми «овраг Пепе» < ф.-угор. *Пембе (Пемба)* «темная вода» (?). Есть мнение, что ф.-угор. *Пембе (Пемба)* = коми *пемыд* «темный», фин. *ritea* «темный» + гидрокомпонент *-ба* [10, с. 97; 9, с. 262], а гидроформант *-ба (-бе)* восходит к перм. *ва* «вода», срав. коми *ва* «вода» [9, с. 18].

Шапан тăвайкки (< *Шапан* + *тăвайкки* «склон горы, косогор»). Место на крутом, высоком левом берегу речки Вёре. Краеведы связывают название со словом *шапа* «жаба, лягушка». По их мнению, на берег выходили греться на солнышке многочисленные лягушки, которые в большом количестве и шумно прыгали в воду при приближении людей. [33, с. 180]. На наш взгляд, лягушкам нелегко запрыгивать на почти отвесный многометровый берег быстротечной речки. Связь названия косогора с данными земноводными маловероятна. Предлагаем несколько других версий происхождения названия *Шапан тăвайкки*: 1) финно-угорское: исследователями отмечается, что в марийском языке встречается гидроним *Шаба*, восходящий к хант. *сав, сап* «ручей, являющийся протоком между озерами и реками» и манс. *сав, саав* «омут» [9, с. 357], а гидроформант *-ан* – суффикс, образующий имена прилагательные [9, с. 18], встречается в названиях рек, например, Шукшан (Шўкшан) [9, с. 15]. Учитывая, что на данной территории немало топонимов марийского, эрзянско-мокшанского происхождения, вполне вероятно, что данный ороним образовался следующим образом: *Шаба* + *-ан* > *Шапан* «находящийся на ручье, являющемся протоком между озерами и реками; находящийся у омута»; 2) есть мнение, что Турмыши образовались еще до присоединения Казанского ханства к Русскому государству. На территории Янтиковского района немало топонимов (комонимов, оронимов, гидронимов и т.д.), распространенных у тюркских народов, а также народов, исповедующих ислам, например: *Абесказаново, Търмәш, Мишер, Рахман* и др. Исследователи татарского языка в XIX в. зафиксировали мужское имя *Шапан* в нескольких уездах: «*Шапан* < *Шапан* Р[евизская] С[казка] Чист[опольского и Казанского уездов за 1834 г., ф. 3, оп. 2, № 140]» [34, с. 408]. Это мусульманское имя относится к числу широко распространенных [12]. Происхождение объясняют так: «*Шабан* арабск. [sab'an сытый, удовлетворенный, переносно, богатый]» [32, с. 185.]; 3) существует версия, что *Шапан* – русская фамилия, произошедшая от прозвища. Косогор *Шапан тăвайкки* расположен между Русскими Норвашиами и Турмышами, рядом расположено старинное русско-норважское кладбище, которое турмышцы называют *Чашилама синчи масар* (или *Сала чирку масарё*) «Кладбище Норважской церкви». Можно предположить, что место связано с именем (прозвищем, фамилией) *Шапан* какого-либо русского (которое, в свою очередь, связано с таким именем, как *Шапан*, и прозвищами *Шибан, Шебан, Шибаня, Шибала, Шибай* и т.д.), восходящей к глаголу *шибать* «кидать, метать, швырять», и изначально могло принадлежать человеку, любящему подраться, так как в диалектах русского языка слова *шибак, шибай, шибайла* означают «буян, драчун». Вероятны и другие версии: фамилия *Шибаетов*, например, могла произойти от отчества, по роду деятельности отца:

шибай «рассыльный в суде и в волостной конторе» или «перекупщик, барышник» [11, с. 552]. Следовательно, ороним *Шапан тӑвайки* может быть связан со многими языками, и далеко не родственными. Можно предложить множество версий, и все имеют право на жизнь. Разгадка данной загадки еще предстоит.

Таким образом, даже поверхностный анализ ономастикона Янтиковского района указывает на индоиранское, финно-угорское, тюркское, русское происхождение ряда гидронимов (*Черемшан, Инсар, Норваши, Паснер, Псенарь, Пшенерь, Печер, Тӑрмӑш* «Турмышка»), комонимов (*Мучар* «Можарки», *Тӑрмӑш* «Турмышши», *Енӑш Нӑрваши* «Яншихово-Норваши», *Кушкӑ* «Норваши-Кошки», *Нӑрваши сали* «Русские Норваши», *Тӑмер* «Тюмерево»), оронимов (*Палмата, Пене*) и т.д. Предлагаемые нами версии на данный момент нельзя назвать неоспоримыми. Некоторые версии сомнительны, но на материале чувашского языка необъяснимы. Ряд населенных пунктов, судя по документам XVI в., возникли на бывших мордовских землях (Яншихово-Норваши, Гришино, Можарки, Подлесное) или рядом с ними (Турмышши, Янтиково, Русские Норваши, Чутеево). Дальнейшие исследования могут дать новые сведения о топонимиконе современной Чувашии.

Литература

1. Ахвандерова А.Д., Сергеев Л.П. Островные говоры восточных районов Чувашской Республики (на примере урмарского говора смешанного диалекта) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева. Чебоксары, 2015. № 01 (85). С. 20–25.
2. Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка: в 2 ч. Ч. 1. Учение о звуках. Казань: Типо-литогр. Императ. ун-та, 1898. XXXIV + 382 с.
3. Свое мнение об этом Н.И. Егоров высказал в отзыве о рукописи научного доклада А.В. Кузнецова «Чувашская диалектология: итоги и задачи изучения». Чебоксары: ЧГИГН, 2018. 56 с.
4. Комиссаров Г.И. О чувашах: исследования, воспоминания, дневники, письма. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. 527 с.

КУЗНЕЦОВ АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЯНОВИЧ – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник центра регионального развития Чувашского республиканского института образования, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

КУЗНЕЦОВА НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА – учитель МБОУ «СОШ № 60» г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Э.Е. ЛЕБЕДЕВ

ИЗУЧЕНИЕ ФОРМ ГЛАГОЛА ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА В ТРУДАХ Н.И. АШМАРИНА

Аннотация. Статья посвящена анализу основных трудов Н.И. Ашмарина, где изучаются глагольные формы чувашского языка. Особое внимание уделено исследованию таких форм, как залоговые, аналитические формы глагола и сложные глаголы, причастия и времена. По результатам анализа сделан вывод, что изучение ученым форм глагола в чувашском языке выполнено на самом высоком научном уровне, а указанные труды стали новым этапом в развитии чувашского языкознания.

Ключевые слова: глагольные формы, залоговые, категория времени, причастие, сложные глаголы.

Научное творчество Н.И. Ашмарина в области морфологии чувашского языка представляет собой пример всестороннего, глубокого изучения языковых фактов на базе твердого теоретического фундамента. Образцом подробного и обстоятельного исследования грамматических форм являются три фундаментальные работы ученого, подготовленные им на рубеже XIX и XX вв., а также в первые десятилетия XX в. Это – монография «Материалы для исследования чувашского языка», увидевшая свет в 1898 г. в Казани, и двухтомник «Опыт исследо-

вания чувашского синтаксиса», первый том которого вышел в 1903 г. в Казани, а второй – в 1923 г. в Симбирске. Именно в трех указанных трудах Н.И. Ашмарин дает анализ всех основных категорий и форм глагола. Поэтому наше исследование мы выполнили на материале этих трудов.

* * *

Первой по времени работой ученого, посвященной морфологическому уровню, стали «Материалы для исследования чувашского языка». Несмотря на такое, казалось бы, не броское название, эта книга стала, как уже было сказано, настоящим образцом научного изучения чувашской фонетики и морфологии. Интересующие нас вопросы рассматриваются автором в разделе «Учение о формах». В первой части того раздела, в котором автор исследует формы глагола, представлены аффиксы, участвующие в словообразовании. Открывается эта часть подробным рассмотрением формы возможности, образуемой посредством присоединения аффикса *-ай/-ей*. Сразу отметим, что эта форма в традиции современной тюркологии признается не словообразовательной, а словоизменительной [6, с. 143]. Действительно, вряд ли здесь можно говорить о возникновении нового слова, скорее всего речь идет о внесении в основное значение глагола семантики возможности (или невозможности) совершения действия. Н.И. Ашмарин справедливо замечает, что в некоторых случаях «эти аффиксы ... выражают или действие малоинтенсивное, или действие свободное, беспрепятственное, или действие желательное» [3, с. 289]. Так же прав ученый, утверждая, что аффикс со значением возможности «не может иметь некоторых форм спряжения» [3, с. 289]. По утверждению чувашских языковедов, глаголы в форме возможности в настоящем времени употребляются «только в вопросительных оборотах», и эта форма в целом представляет «в наше время явление отмирающее, исчезающее» [2, с. 184, 185].

Далее Н.И. Ашмарин предлагает нашему вниманию описание форм, образуемых при помощи аффиксов *-ла/-ле*, *-ала*, *-кала/-келе* со значением «напряженности, разнообразности, учащенности, неоднократности и разносторонности» действия [3, с. 292]. В этом случае также имеются сомнения, можно ли относить подобные формы к словообразовательным? По нашему мнению, этот аффикс лишь вносит в значение глагольной основы дополнительную семантику не интенсивности выполнения действия, основное же значение не меняется. Следовательно, здесь нельзя говорить о появлении новой лексической единицы.

Интересно мнение ученого в отношении форм возвратного и страдательного залогов. Как известно, в тюркских языках подобные формы образуются путем присоединения вариантов аффиксов, содержащих в себе звуки «н» и «л». В чувашском языке – это аффиксы *-ән/-ён* и *-ӓл/ӓл*. Н.И. Ашмарин считает, что в чувашском языке имеется только возвратный залог, а страдательного залога нет, но имеются лишь отдельные случаи, в которых встречается «намек на существование страдательного залога» [3, с. 293]. Ученый точно подмечает, что значение страдательности в чувашском языке можно передать обычной формой причастия, которое определяет прямое дополнение – *Иоанн сырӓн Евангелие* «Евангелие, написанное Иоанном» [3, с. 293]. Также им замечено, что некоторые формы возвратных глаголов не могут быть разложимы на отдельные аффиксы. К таким глаголам относятся, например, *пӓтран* «мешаться», *пӓлхан* «мутиться», *вӓран* «проснуться» и др. [3, с. 293]. Это интересное явление характерно не только для чувашского языка. По всей видимости, исходные основы этих глаголов когда-то существовали, но на современном этапе развития языка они уже не могут быть восстановлены. Известный исследователь турецкого языка С.Н. Иванов в свое время ввел в отношении подобных возвратных глаголов очень удачный, на наш взгляд, термин – «мнимо залоговые формы» [7, с. 32–33].

К аффиксам взаимного залога автор относит *-ш*, *-ӓш/-ӓш*, *-с*. Он справедливо замечает, что производных глаголов, образованных при помощи этих аффиксов в чувашском языке не так много, а некоторые из них, как и в случае с возвратным залогом, не имеют исходной основы – *кӓреш* «бороться», *кӓлӓш* «быть приличным, угодным; уговариваться» [3, с. 295–296]. Ученый также отмечает наличие в чувашском языке аффиксов, образующих понудительные

формы. Это – *-ар/-ер, -т, -тар/-тер, -ттар/-ттер*. В соответствующих параграфах подробно рассматриваются все основные особенности этих форм [3, с. 302–309].

Отнесение аффиксов залогов к словообразовательному фрагменту языка является для чувашского языкознания традиционным. И если в других тюркских языках, в частности в турецком и татарском, залог глагола считают полноценной словоизменительной грамматической категорией [11, с. 163–189; 6, с. 128–141], то здесь преобладает точка зрения, сформулированная И.П. Павловым, в соответствии с которой категория залога в чувашском языке в настоящее время еще полностью не установилась [8, с. 181]. В современных грамматиках термин «залог» по отношению к таким формам даже не употребляется [10, с. 250–252]. А по мнению В.И. Сергеева, к словоизменительным можно отнести лишь некоторые из форм, образуемых при помощи аффикса понудительного залога [9, с. 279].

Отдельные параграфы работы посвящены словообразованию глагола. Особо отметим те из них, где речь идет о механизме создания, так называемых, «сложных глаголов», то есть глаголов, образуемых путем словосложения. Среди примеров подобных производных глаголов мы находим такие как: *пуççан* «кланяться, бить челом», *астив* «пробовать», *хапӑл ил* «принять», *кӑтӑк турт* «манить пальцем» и др. [3, с. 300]. В этих параграфах ученый упоминает и сочетания, образуемые при помощи вспомогательного глагола *ту* «делать»: *явит ту* «явиться, заявить», *тав ту* «благодарить», *чуп ту* «целовать» и т.д. [3, с. 301]. Обращение Н.И. Ашмарина к подобным образованиям и причисление их к особому способу словообразования явилось, на наш взгляд, важной вехой в развитии учения о словообразовании не только в чувашском, но и в других тюркских языках. Добавим, что в наше время далеко не все ученые согласны с включением подобных сочетаний в область глагольного словообразования.

Большая часть раздела о глаголе отведена парадигмам спряжения форм, относящихся к различным грамматическим категориям, таким как время, наклонение и др. В частности, автор пишет, что в чувашском языке имеется семь форм времен и четыре формы наклонения [3, с. 291]. На нескольких страницах даются парадигмы спряжения глагола по этим временам и наклонениям, а также изменение причастий, супинов и деепричастий в утвердительной и отрицательной формах [3, с. 291–339]. В целом описание этих форм проводится в традиционном ключе.

* * *

Следующей работой Н.И. Ашмарина, где рассматриваются формы глагола, является первая часть «Опыта исследования чувашского синтаксиса». Третью часть этой книги открывает раздел, где изучаются, так называемые, «определительные предложения» в чувашском языке. Под этим термином Н.И. Ашмарин понимает предложения с причастными оборотами. Ученый приводит справедливое мнение, что значения и функции причастия в чувашском языке гораздо более широкие, и «выражает вообще указание на какое бы то ни было отношение предмета к тому или другому действию» [4, с. 379]. Исходя из разных функций причастий, он делит определительные предложения на семь разрядов: 1) номинативные, 2) генитивные, 3) дативные, 4) аккузативные, 5) локативные, 6) эксцессивные, 7) аблативные [4, с. 380]. Основой для подобного разделения являются разные падежные значения, выражаемые в связи между причастием и словами, которые его определяют. Каждый из указанных разрядов иллюстрируется Николаем Ивановичем большим количеством примеров: *Куракан султа сӳрет*, *курманни кӑмака синче выртать*, *теççӗ* «Тот, кто видит, ходит по дороге, а кто не видит, лежит на печке»; *Хайхи эс кӑнеке пама пулӑ ача килчӗ* «Пришел тот мальчик, которому ты обещал дать книгу»; *Эй, пурӑнса ўснӗ ялӑм! Айӑплӑ пурӑнӑ пулсан, каçар* «О, деревенька, в которой я жил и вырос! Прости меня, если я в чем-то был виноват» и др. [4, с. 380–382]. Н.И. Ашмарин первым обратился к вопросу функционирования в чувашском языке причастных оборотов. И на протяжении долгого времени его исследование по этой теме было самым подробным, пока в 1961 г. не вышла монография И.А. Андреева «Причастие в чувашском языке», в которой чувашские причастия были детально изучены прежде всего в синтаксическом аспекте» [1].

Ученый отмечает, что в чувашском языке с одной стороны сохранился древний способ передачи определительных конструкций, который можно встретить и в других тюркских язы-

ках, а с другой стороны, под влиянием русского языка появились новые способы, которые также получили большое распространение. К новым способам он относит, например следующие случаи: определительные предложения, которые в русском языке составлены при помощи местоимений *тот, кто; то, что; тот, который* (*Кунти чăвашсем ывăлĕсене авлантарнă чух, камăн укçи пур, пуянтарак тăракан, çураçса илет...* «Когда здешние чуваша женят своих сыновей, то те из них, у кого есть деньги, и кто живет побогаче, прибегают к сватовству...»); случаи замены определительных предложений самостоятельными предложениями в форме утверждения или вопроса (*Эп паçăр мĕн каларăм сана? – пур-и? çук-и?* «Я что тебе недавно говорил? – есть или нет?»)» [4, с. 399–405].

Н.И. Ашмарин делит определительные предложения на самостоятельные и несамостоятельные. Первые из них образуются при помощи аффиксов выделения *-и, -скер*: *хулана каяканни, хулана каяканскер* «тот, который идет в город». А вторые – при помощи причастий с определяемым словом: *хулана каякан çын* «человек, идущий в город» [4, с. 406]. В §§ 216–218 автор объясняет, в каких случаях в предложениях используется основная форма (по терминологии Н.И. Ашмарина *первая форма*) причастий, а в каких – причастия присоединяют к себе аффиксы выделения. По традиции, все свои наблюдения ученый подтверждает большим количеством примеров [4, с. 409–428].

Представляют определенный интерес примеры с причастиями будущего времени, долженствования, достаточности и возможности. Так, Н.И. Ашмарин отмечает, что отрицательная форма причастия на *-ас/-ес* образуется в основном аналитическим способом – при помощи отрицательных частиц *çук* и *мар*. а собственная форма отрицания этого причастия – *-мас/-мес* встречается гораздо реже: *иксĕлмес* «неистощимый», *пулмас* «неспособный» и др. [4, с. 448]. В отношении причастия долженствования автор пишет, что оно «означает потребность, обязанность или возможность совершения действия»: *Пурне те юрамалла çын тупăп* «Найду такого человека, который может угодить всем»; *Тарçăсене памалли укçа* «Деньги, которые назначены для выдачи работникам» [4, с. 450–451]. Причастие долженствования в сочетании с аффиксом выделения *-и* часто субстантивируется, употребляясь при этом самостоятельно: *çимелли* «еда, пища» (досл. «то, что надо есть»), *ёсмелли* «питье», *туртмалли* «журево» и др. [4, с. 454].

Похожие свойства имеет причастие достаточности с аффиксом *-малăх/-мелĕх*, описанное Н.И. Ашмариным в § 229. В роли определения это причастие передает значение достаточности предмета «для совершения какого-либо действия»: *Чĕлĕм туртса пĕр сул пурăнмалăх çуне пĕтернĕ* «Жуя трубку, он истратил столько жира, сколько было бы достаточно для того, чтобы прожить целый год» [4, с. 454]. В отсутствии же определяемого слова, оно выступает в качестве субстантива: *Кĕрхи çĕр вăрăм, каласмалăх та, çывăрмалăх та пур* «Осенняя ночь длинная: есть когда поговорить, и есть когда выспаться» [4, с. 457].

Заключительный раздел монографии посвящен, так называемым, предложениям-именам [4, с. 470–547]. Термин «предложение-имя» в современном чувашском языкознании не употребляется, под ним у Н.И. Ашмарина подразумеваются словосочетания с причастиями в форме выделения на *-и*. Ученый пишет, что предложения-имена образуются от самостоятельных предложений путем замены глагола причастной формой и присоединения к ней аффикса *-и*. В этом случае (важное замечание!) указанный аффикс теряет свое «обычное значение» [4, с. 470]. Под этим понимается то, что аффикс *-и* не имеет в данном случае значения выделения, и главной его функцией является, выражаясь языком современного языкознания – субстантивация глагольной формы причастия. Полной субстантивации здесь, конечно, не происходит, и слова, находящиеся в этой форме не ощущаются носителями как «полноценные» существительные и не включаются в словари. Речь идет скорее о частичной субстантивации причастий и получении ими способности принимать формы имен существительных, например падежей. Об этом и пишет Николай Иванович [4, с. 471].

В § 239 автор рассматривает случаи, когда предложения-имена с причастием будущего времени или долженствования сочетаются со словами *пур* «есть, имеется» и *çук* «нет». Такие сочетания в чувашском языке передают значения обязательности или запрета и невозможности совершения действия: *Ачу макăрать, çывăрасси пур, пулмалла* «Твой ребенок плачет, ему,

должно быть, надо спать»; *Манӑн паян тата пӑр ҫӑре каймалли пур* «Мне сегодня надо сходить еще в одно место»; *Манӑн унта ниенле те каймалли ҫук* «Я никак не могу идти туда»; *Манӑн паян пӑр ҫӑре те каясси ҫук* «Мне сегодня некуда идти» [4, с. 484]. Данное причастие в чувашском языке может принимать аффиксы принадлежности 1 и 2 лица: *Энӗ хам авланассӑма хам та пӑлмерӑм* «Я и сам не предполагал, что женюсь»; *Каяссунта-килессӑнте ырӑ ҫул пултӑр!* «Да будет тебе добрый путь в твоих поездках!» [4, с. 486]. Николай Иванович делает важные замечания о том, что аффиксы 1 и 2 лица присоединяются только в тех случаях, когда причастие имеет значение имени действия [4, с. 487].

В своем исследовании Н.И. Ашмарин анализирует случаи, когда предложения-имена сочетаются с различными послелогоми. При этом аффикс выделения *-и* обычно не используется: *Ҫавӑн пек вӑрттӑн илнине вӑсем вӑрланӑ вырӑнне хуман* «Подобное тайное взятие (чужих вещей) они не считали за воровство»; *Пысӑк ҫын йӑнӑ еверлӑ туйӑнчӑ мана* «Мне показалось, будто плакал большой человек»; *Атте чирлӑ, вилес пек выртать* «Отец болен и лежит при смерти»; *Ывӑнӑн ҫинчен пӑрре ҫӑра ӗҫес-ха!* «Ну-ка, надо пивца выпит с устатку!»; *Пирӑн аттепе анне Митришӑн ҫӑваши йӑлипе юмӑҫсем каланӑ тӑрӑх тем те турӑҫ!* «Наши отец и мать, по чувашскому обычаю чего только не делали для Дмитрия, следуя советам йомзей!»; *Ҫывӑрма выртас умӑн вулакан кӑлӑ* «Молитва, читаемая перед тем, как ложиться спать» и др. [4, с. 497–519].

В §§ 247–249 ученый рассматривает примеры, когда причастия будущего и прошедшего времен не принимают аффикса выделения *-и*. При этом указанные причастия могут присоединять формы падежей с передачей различных значений: *Киреметсене пуҫҫапасса пӑрахрӑ ӗнтӑ вӑл* «Он уже бросил кланяться киреметям»; *Вӑл ӗҫлемест, ӑна ҫӑра ӗҫесрен хӑварас* «Он не работает, его надо оставить без пива»; *Тул ҫутӑласна тырӑ вырма тухаҫҫӑ* «Перед рассветом выходят жать хлеб»; *Эпир яла ҫитнӑе чан ҫана пуҫларӑ* «Когда мы стали подходить к селу, стали звонить в колокола»; *Вӑл салтака каймалларан пит йӑрет* «Он сильно плачет, потому что должен уходить на военную службу» и др. [4, с. 527–540].

* * *

Спустя ровно двадцать лет в 1923 г. Н.И. Ашмарину удается, наконец, издать вторую часть «Опыта исследования чувашского языка». Этот труд, по нашему мнению, стал настоящим прорывом в области изучения грамматических форм глагола в чувашском языкознании и оказал большое влияние на дальнейшее развитие этой области лингвистической науки.

Один раздел монографии ученый полностью уделяет рассмотрению конструкций со вспомогательными глаголами. Он верно указывает на то, что одну и ту же мысль чуваш может выразить как простым глаголом, так и сочетанием из двух глаголов: *тӑтӑм мӑкӑрланса тӑнине курнӑ* «увидел, что клубится дым» или *хула тӑтӑм мӑкӑрланнине курсан* «увидев, что над городом клубится дым» [5, с. 43]. Разницы в значении между этими двумя вариантами практически нет. Но небольшое отличие в оттенках значений все же имеется. Как пишет ученый, «в первом случае оттеняется длительность действия ... во втором действие рассматривается безотносительно к его длительности» [5, с. 43]. И это значение длительности в первом случае добавляет вспомогательный глагол *тӑр* «стоять». Подобных вспомогательных глаголов, передающих разные оттенки протекания действия, среди которых может быть длительность, кратковременность, завершенность, начало, интенсивность и др., в чувашском языке огромное множество. Н.И. Ашмарин первым из исследователей подробно описал все вспомогательные глаголы и передаваемые ими дополнительные значения. К ним относятся, например: *ан* «спускаться» или *антар* «спускаться», *ил* «брать», *хӑпар* «подниматься», *у́к* «падать» или *у́кер* «ронять», *яр* «посылать, отпускать», *юл* «оставаться», *вырт* «лежать», *кай* «уходить», *кил* «приходить», *кӑлар* «извлекать», *лар* «сидеть», *пар* «давать», *пыр* «идти», *пӑрах* «бросать», *ҫит* «достигать», *тӑр* «стоять» и др.

Следующим важным вопросом, рассматриваемым во второй части «Опыта», являются времена глагола. Ученый впервые в истории изучения чувашского языка подробно разбирает все существующие на тот момент формы времен, и всего им выделено 12 подобных форм. Если мы сравним количество времен, исследованных у Николая Ивановича, с описываемыми в

грамматиках и учебниках чувашского языка современных авторов, то увидим, что в «Опыте» их значительно больше [9, с. 292–303; 10, с. 357–367]. Термины, которые используются в «Опыте», часто отличаются от современных названий глагольных времен. Так, под настоящим-будущим временем автор имеет в виду форму на *-am/-em*: *каять* «идет», *килет* «приходит» и др. В современных грамматиках она называется просто «настоящим временем». У этой формы ученый находит 11 значений, среди которых имеются такие как: событие, совершающееся в момент, когда о нем говорят; обозначение того, что происходит всегда, обыкновенно; обозначение будущего действия; риторические вопросы; живой рассказ о прошедших событиях и др. [5, с. 171–178]. У формы будущего времени 1-го (аффикс *-ă/-ĕ*: *кайĕ* «пойдет», *килĕ* «придет» и др.) автор определяет еще больше – 16 значений [5, с. 178–184]. Так же обстоят дела и с другими наиболее распространенными формами чувашских времен: прошедшее время действия (аффиксы *-рă/-рĕ, -тă/-тĕ, -чĕ*: *кайрĕ* «ушел», *килчĕ* «пришел» и др.) – 11 значений (с. 185–204); прошедшее многократное (аффиксы *-атчĕ/-етчĕ*: *каятчĕ* «уходил», *килетчĕ* «приходил» и др.) – 5 значений [5, с. 208–212]; прошедшее состояния (аффиксы *-нă/-нĕ*: *кайнă* «ушел», *килнĕ* «пришел» и др.) – 10 значений [5, с. 214–224].

Но среди всего множества чувашских времен глагола Н.И. Ашмарин исследует и такие, которые в современном языке встречаются редко, либо не используются вовсе. К ним относятся, например, «предварительное состояния 2-е», где для передачи нужного значения используется вспомогательный глагол *пул* «быть, становиться»: *Пёрре Катус килне таврăннă. Килĕнче никам та пулман: амăшĕ тăста кайнă пулнă* «Однажды Катя вернулась домой. Дома никого не было: мать куда-то ушла» [5, с. 234]. Ученый в своем труде разбирает значения нескольких подобных сложных временных форм со вспомогательным глаголом *пул* «быть, становиться». В современных грамматических работах по чувашскому языку такого рода формы обычно не рассматриваются, так как априори считается, что времена глагола должны образовываться при помощи одних только аффиксов. Таким образом, мы видим, что тема глагольных времен у Н.И. Ашмарина раскрыта очень подробно. У большинства временных форм выявлено более десятка значений.

* * *

Как показало исследование, изучение форм глагола в представленных выше работах Н.И. Ашмарина выполнено на очень высоком уровне. Ученый в них поднимает ряд вопросов, которые до него никогда так подробно не освещались другими авторами. К ним относятся, например, такие вопросы как образование сложных глаголов, передача видовых значений сочетаниями деепричастий со вспомогательными глаголами, функционирование причастных форм и др. Труды Н.И. Ашмарина, посвященные морфологии и синтаксису чувашского языка, открыли новый этап в развитии всего чувашского языкознания.

Литература

1. Андреев И.А. Причастие в чувашском языке. Чебоксары: Чуашгосиздат, 1961. 263 с.
2. Андреев Н.А., Егоров В.Г., Павлов И.П. Материалы по грамматике современного чувашского языка. Часть первая «Морфология». Чебоксары: Чув. гос. изд-во, 1957. 362 с.
3. Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типолитография Императорского университета, 1898. XXXIV + 392 + XIX с.
4. Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Часть первая. Казань: Типолитография В.М. Ключникова, 1903. XII + 570 с.
5. Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Часть вторая. Симбирск: Типография Полиграфсекции С.Н.Х., 1923. 276 + V с.
6. Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. Спб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2015. 320 с.
7. Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. Часть 2. Грамматические категории глагола. Учебное пособие. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1977. 88 с.
8. Павлов И.П. Современный чувашский язык. Том 1. Морфемика, морфонология, словообразование. Чебоксары: Изд-во ЧГИГН, 2014. 264 с.
9. Сергеев В.И. Морфология чувашского языка. Словоизменение, формоизменение и формообразование. Чебоксары: Изд-во ЧГИГН, 2017. 400 с.
10. Сергеев Л.П., Андреева Е.А., Котлеев В.И. Чăваш чĕлхи. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2012. 431 с.

ЛЕБЕДЕВ ЭДУАРД ЕВГЕНЬЕВИЧ – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

А.П. ЛЕОНТЬЕВ

**КАЗАНСКИЙ ВОСТОЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
В СУДЬБАХ Н.И. АШМАРИНА, В.Г. ЕГОРОВА,
Г.И. КОМИССАРОВА и Н.В. НИКОЛЬСКОГО**

Аннотация. Казанский Восточный педагогический институт (ВПИ) и его чувашское отделение в нашей историографии почти «белое пятно». Не считая упоминаний вскользь в энциклопедических статьях о работе в ВПИ поистине корифеев чувашских гуманитарных наук, вынесенных в заголовок данной статьи. В статье освещены некоторые моменты их биографий, запечатленных в указанном вузе, на основе первоисточников, хранящихся в Рукописном фонде Н.В. Никольского в НА ЧГИГН, и опубликованных прежде материалов, а также воспоминаний.

Ключевые слова: чувашское отделение ВПИ, Ашмарин, Егоров, Комиссаров, Никольский, архивные материалы.

Это был короткий период: с 1926 по 1931 гг., когда четыре светила чувашских гуманитарных наук работали рука об руку в Казанском ВПИ, шли, поддерживая друг друга, по научно-исследовательской стезе. И этот период был для них весьма продуктивным.

Казань как многовековой стольный град волжских «инородцев» (в особенности для чувашей, так как абсолютное большинство их проживало в разных уездах одноименной губернии), в какой-то мере оставалась таковой на некоторое время и после создания ими своих автономий. В письме к ректору Казанского университета от 15 января 1925 г. по вопросу открытия чувашской кафедры в Казанском университете Н.В. Никольский отмечает, что «в Казани во всех вузах чуваш учится свыше 300 человек, причем большая часть приходится на разные факультеты университета. Ни в столицах, ни в поволжских городах нет такого количества студентов из чуваш». Чувашская кафедра, по замыслу Никольского, «должна заключать в себе следующие курсы: чувашский язык (фонетика, морфология, синтаксис; отношение чувашского языка к финским, тюркским и монгольским языкам); чувашская народная словесность и литература; источники чувашеведения (обзор и критика); чтение авторов – арабских, персидских и других, писавших о чувашах; археология (чтение памятников, относящихся к чувашам); география и экономика Чувашского края» [21, с. 69]. Доцент ВПИ Г.И. Комиссаров в 1928 г. в дискуссии по вопросам вхождения Чувашии в какой-нибудь регион, вопреки официальной позиции Чувашской АССР (согласившейся с «рекомендациями» центра о включении республики в Нижегородский край), размышляет: «Что положительного сулит нам вхождение в Волжско-Камский район? Вот что: 1) Казань близка чувашам; 2) Казань и Чувашская республика хорошо соединены и железной дорогой, и Волгой; 3) для чувашей Казань с давних времен являлась экономическим, административным и культурным центром; 4) и теперь Казань самый близкий город для чувашей, здесь обучается очень много чувашей» [2, с. 2].

Нужно признать: в период функционирования ВПИ Казань, как и до революции, действительно оставалась культурно-просветительским центром чувашей, тем более, метрополия, то есть Чувашская республика, пока еще была не в состоянии решать многие вопросы в сфере образования, тем более – высшего. Н.В. Никольский под «университетской кафедрой» подразумевал комплексный подход. Эта идея в определенной степени была решена в структуре ВПИ. Летом 1926 г. отделение востоковедения, в соответствии с решением Совнаркома РСФСР от

25 ноября 1925 г., было разделено на татарское, чувашское, марийское и удмуртское лингвистические отделения. С 1927/28 учебного года они назывались отделениями языка и культуры [3, с. 176–177].

Нами не ставится задача ознакомить читателя с биографиями наших вышеназванных персоналий, так как в интернете можно найти десятки материалов, посвященных им, и им же посвящены книги. Мы расскажем лишь о некоторых заметных вехах в функционировании ВПИ, связанных непосредственно с Ашмариним, Егоровым, Комиссаровым и Никольским, и подчеркнем: даже для освещения полноценной деятельности их в казанском вузе потребуется не одна монография.

К открытию Чувашского лингвистического отделения ВПИ «чисто чувашских» вузов не было. Чувашский институт народного образования (Чувино), первое высшее учебное заведение, готовившее специалистов для чувашских школ, созданное в г. Симбирск на базе чувашских трехгодичных педагогических курсов, функционировавших с 12 декабря 1919 г. взамен закрытой Симбирской чувашской учительской школы (СЧУШ), осенью 1923 г. был преобразован в педагогический техникум [1, с. 579]. Педагогов с высшим образованием для чувашских школ и педтехникумов, сельхозтехникумов и других учреждений в основном готовили в казанских вузах.

Н.И. Ашмарин в 1920–1923 гг. на постоянной основе работал в Чувино (с 1921 г. – Чувашский практический институт народного образования), он вел теоретический курс чувашского языка, после закрытия симбирского чувашского вуза в 1923–1926 гг. заведовал кафедрой тюркологии на восточном факультете Азербайджанского университета. В 1926–1931 гг. Николай Иванович – профессор Чувашского отделения ВПИ, вел курсы чувашского языка, сравнительной грамматики тюркских языков, разрабатывал теорию мимологии («О морфологических категориях подражаний в чувашском языке». Казань, 1928), готовил к публикации «Словарь чувашского языка [23, с. 163]. Н.В. Никольский также преподавал в Чувино. Выпускник этого вуза Гаврил Александрович Молоствовкин, ответственный редактор московской чувашской газеты «Чăваш хресченĕ» (Чувашский крестьянин, 1928–1931), редактор центральной чувашской газеты «Коммунар» (1931–1935), с особенной теплотой вспоминал о своих любимых преподавателях – Н.И. Ашмарине и Н.В. Никольском, «особенно пламенную любовь питал к чувашеведческим предметам, в частности, истории народов Поволжья с древнейших времен». Этот курс в институте читал профессор Казанского университета Н.В. Никольский, который для этого приезжал из Казани в Симбирск [12, с. 7].

Именно Николай Васильевич стоял у истоков Чувашского отделения ВПИ. Он еще до революции имел громадный опыт в организации чувашеведческих дисциплин: в Казанской инородческой учительской семинарии, духовной семинарии, на миссионерских курсах при духовной академии, в Казанском университете (в 1915–1918 – приват-доцент, 1919–1922 – профессор). В 1920–1922 гг. преподавал в созданном им этнографическом отделении Северо-Восточного археологического и этнографического института, преобразованного в 1921 г. в Восточную консерваторию, в 1921–1922 гг. он – директор консерватории (Центральной восточной музыкальной школы). Одновременно читал лекции в Казанском педагогическом институте (1918–1922) и Высшем институте народного образования (1920–1922) [4, с. 241].

Как известно, ВПИ начинает свою биографию с 1922 г., после создания вуза «путем объединения Казанского педагогического института, Восточной академии и факультета общественных наук Казанского университета» [22, с. 362]. В первые четыре учебных года, до лета 1926 г., в ВПИ существовало отделение востоковедения, где готовились специалисты – учителя по родному языку и литературе, культуре и этнографии нерусских народов для Татарстана, Чувашии, Удмуртии и Марийской автономной области. Представители этих народов принимались на льготных условиях. Здесь Николай Васильевич: доцент, заведующий кафедрой этнографии и Чувашским отделением (1922–1928), затем профессор кафедры истории, этнографии и фольклора, читал курсы этнографии народов Поволжья, истории чувашского и марийского народов, чувашского языка, фольклора, поэтики [3, с. 175], в 1930/31 учебном году вновь заведовал Чувашским отделением, кроме того, с 1926 по 1931 г. исполнял обязанности секре-

таря Совета национально-лингвистических отделений (НЛЮ), состоял членом Совета института [14, с. 178]. Как видим: поистине многогранна педагогическая и организационная деятельность Н.В. Никольского в созданных им самим кафедрах и Чувашском отделении. Причина – не в желании Николая Васильевича «все охватить самим». На первых порах не было кадров, особенно по вышеназванным дисциплинам.

Приступивший к работе в ВПИ в 1925 г. Василий Егорович (Георгиевичем он станет позднее) Егоров несколько «снял груз» обязанностей с Николая Васильевича. До ВПИ В.Е. Егоров организовал и заведовал Чувашским рабфаком (1921–1923), с 1923 преподавал в Казанском чувашском педагогическом техникуме. Но все его творчество было связано прежде всего со сравнительно-историческим изучением чувашского языка, вопросами языковой типологии, описанием памятников чувашской письменности, практической лексикографией [24, с. 554].

С 1926 г. приступили к работе Н.И. Ашмарин и Г.И. Комиссаров, с этого периода Н.В. Никольскому становится уже намного легче. В учебном плане, утвержденном Советом НЛЮ от 21 сентября 1926 г., на Чувашском отделении распределены курсы между профессорами и преподавателями: «I курс: Егоров, чувашский язык – 6 ч. в неделю, русский язык – 4 ч.; II курс: Никольский, география и природные богатства АЧССР (ЧАССР. – А.Л.) – 4 ч., Ашмарин, чувашский язык – 6 ч., Максудов, арабский язык – 4 ч.; III курс: Никольский, история чувашского народа – 6 ч., современное хозяйство Чувашской республики – 2 ч., Комиссаров, чувашская народная словесность – 6 ч., краеведение в связи с проработкой школьных программ – 2 ч., школьная практика и семинарий – 2 ч.» [18, с. 9]. Г.И. Комиссаров вспоминает: «Николай Васильевич [Никольский], заботясь больше о своих товарищах по работе, обижал себя и брал работы для себя меньше, чем мог брать. Никаких тренировок, разногласий, тем более раздоров в нашем коллективе не было. Этим мы были обязаны в большей степени Николаю Васильевичу» [10, с. 556]. Это – к характеристике атмосферы в Чувашском отделении.

Для Н.И. Ашмарина этот период – «второй казанский». Напомним: первый период начался в 1894 г. после окончания им Московского Лазаревского института восточных языков с дипломом 1-й степени. Несмотря на то, что высокая степень полученного им диплома позволяла выбрать более перспективные, с точки зрения карьеры и материального достатка направления, ему были предложены варианты зарубежных командировок с возможностью в будущем проявить свой талант на поприще дипломатии, Николай Иванович выбирает работу в Казани. Советом Братства святителя Гурия он был назначен 17 декабря 1895 г. учителем в Казанскую центральную крещено-татарскую школу, а 12 января 1896 г. стал работать наставником Казанской учительской семинарии [8, с. 63]. В школе преподавал татарский язык (до 1899 г.), в семинарии – географию (до 1919 г.), с 1917 г. – профессор чувашского и татарского языков в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте. Сотрудничал с Переводческой комиссией при учебном округе, служил цензором мусульманских изданий (1901–1917 гг.) [23, с. 163]. Добавим: газету «Хыпар» (1906–1907 гг.), основанную Н.В. Никольским, цензурировал также Н.И. Ашмарин [11]. И вот после непродолжительной работы в Симбирске и Баку – снова в Казани.

«Альма-матер» для В.Е. Егорова, Н.В. Никольского и Г.И. Комиссарова – Казанская духовная академия. Ошибаются те, кто считает духовную академию «чисто» богословским учебным заведением. В них изучались не только богословские науки. В документах, связанных с реформой 1808–1814 гг., специальным предметом занятий духовных академий называлась «ученость, сколь можно более приспособленная к наукам богословским», а также присоединяемые к этой «учености» «изящные науки» (*belles lettres*) – словесность, риторика, философия. Все предметы были сгруппированы в шесть классов – богословский, философский, словесный, исторический, физико-математический и класс языков [20]. Выпускник СЧУШ и Симбирской духовной семинарии В.Е. Егоров учился на миссионерском отделении академии (1904–1908), занимался арабским, французским и турецким языками у крупного исламоведа и

арабиста П.К. Жузе, уроженца Иерусалима. После преподавательской работы в русско-арабской школе в Сирии, Елабуге Казанской губернии получил диплом славяно-русского отделения историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1916 г.) [24, с. 554]. С 1925 г. – вновь в Казани.

Г.И. Комиссаров после СЧУШ окончил духовную семинарию (Уфа, 1908). Из воспоминаний Гурия Ивановича узнаем, что он при поступлении в академию (1908 г.) хотел попасть в список студентов словесного отделения. Он «целый месяц слушал лекции на словесном отделении». Но потом ему объявили, что он, как «инородец», должен учиться на миссионерском отделении, представлявшем отделение восточных языков. «Пришлось подчиниться. Кроме латинского языка и римской литературы, французского языка, я изучал арабский, древнееврейский и татарский языки, а также историю и этнографию народов Ближнего Востока. Знание языка, истории и этнографии чуваш было плюсом для меня. Но я посещал также лекции по русской литературе, языку и славяноведению не только в академии, но и в университете (лекции профессоров Богородицкого, Будде, Александрова, Васильева и др.)» [7, с. 74]. Став кандидатом богословия, Г.И. Комиссаров с 1913 г. работал в Уфе, однако с Казанью связь не прерывал. Его исследование «Чуваши Казанского Заволжья» было издано в 1911 г. в Казани, первая монография по истории чувашского народа «Чăваш халăхĕн историйĕ» (История чувашского народа) также опубликована здесь же (1921). И он с 1926 г. становится доцентом ВПИ. Приходится уточнять: здесь он, разумеется, работал до 1931, а не до 1942 г., как было написано в «Чувашской энциклопедии».

О выпускнике Чебоксарского духовного училища (1893), Казанской духовной семинарии (1899), миссионерского отделения татарской группы Казанской духовной академии (1903), агрономического факультета Казанского института сельского хозяйства и лесоводства (заочно, 1926) Н.В. Никольском мы выше говорили. Добавим: он до 1931 г. свою научно-педагогическую, исследовательскую деятельность провел в Казани. Своими учителями считал выдающегося исследователя чувашей В.К. Магницкого, профессоров Е.А. Малова, М.А. Машанова, И.М. Покровского, И.Н. Смирнова, Н.Н. Фирсова, Н.Ф. Катанова [3, с. 23–24]. Особенно добрые отношения сложились у Николая Васильевича с крупным тюркологом, хакасом по национальности Н.Ф. Катановым. Николай Федорович долгое время возглавлял Общество археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) при Казанском университете, членами которого были исследователи чувашей Н.И. Золотницкий, В.К. Магницкий, И.Н. Юркин, И.Д. Никитин (Юррки), Н.В. Никольский, Н.И. Ашмарин, Г.И. Комиссаров, Н.А. Архангельский и др. Общество имело обширную библиотеку. По рекомендации Н.Ф. Катанова библиотекарем ОАИЭ в марте 1910 г. был избран Н.В. Никольский. И он оставил такую запись под письмом с подписью Н.Ф. Катанова об избрании его библиотекарем: «...Предстоит журналы все привести в алфавитный порядок и внутри каждого журнала по годам, томам и выпускам. В 3-й комнате нужно привести все книги в порядок по формату, проставить на книгах №№, составить алфавитный каталог, завести документальный каталог, книгу алфавитную для записи, статистику и пр.» [14, с. 137–138]. За период руководства Н.Ф. Катановым ОАИЭ его библиотека обзавелась тысячами книг на десятках языках. И, очевидно, не было высокопрофессионального специалиста по их систематизации. Николай Федорович владел почти всеми европейскими языками, в своих трудах использовал 114 языков, в том числе чувашский. Н.В. Никольский тоже был полиглотом, поэтому он в кратчайшие сроки навел необходимый порядок в библиотеке. Имея громадный опыт в организации и систематизации библиотек (архивов), Николай Васильевич в ВПИ участвовал (правильно: выступил инициатором и руководил этой работой. – А. Л.) в комплектовании библиотеки и рукописного фонда кабинета чувашеведения [3, с. 178]. В период работы в ВПИ Н.В. Никольский был членом ОАИЭ (с 1905 г., в разное время членом Совета, библиотекарем, редактором «Известий» и секретарем), членом Русского географического общества, Общества археологии, истории и этнографии в Самаре, Общества изучения местного края в Чебоксарах, Педагогического общества при ВПИ, Общества по изучению Татарстана, Научного общества мариведения и пр. [17, с. 118].

На наш взгляд, нами до читателя доведены некоторые штрихи к портретам корифеев-чувашеведов к началу их работы в ВПИ. А непосредственно работа их в институте показана в многочисленных материалах, сохранных Н.В. Никольским [16]. Разумеется, мы ограничимся лишь мизерной частью их.

Преобразованный вуз и Чувашское отделение, как мы выше отметили, нуждались в кадрах. Правление ВПИ обратилось прежде всего к Н.И. Ашмарину и Г.И. Комиссарову. Из заявления завуча Приуральского в г. Уфе Чувашского педагогического техникума Г.И. Комиссарова: «За лестное для меня предложение от 11/XI[1925 г.] за № 1787, прибыть в Казань для занятия должности преподавателя ВПИ, я вынужден сообщить, что я не в состоянии прибыть в Казань до окончания текущего академического года по следующим причинам: 1) я связан с обязательством провести учебный год в Уфе, так как в середине года меня не могут заменить другим лицом ни Чувпедтехникум, ни Ино, в которых я работаю; 2) переезд из Уфы в Казань зимою гораздо труднее и дороже, чем летом, а с семьей почти невозможен; 3) зимний период поставил бы меня мою семью в тяжелые квартирные условия, так как найти квартиру в Казани зимою невозможно; <...> 8) брать уроки в Казан. чувпедтехникуме в середине академического года я считаю неудобным, как по педагогическим, так и по этическим соображениям. Поэтому я прошу: 1) об отсрочке моего переезда в Казань до августа 1926 г. и зачислении меня преподавателем ВПИ только с этого месяца. <...> Прилагаю: 1) 3 экземпляра своего Curriculum vitae (лат.: жизнеописание. – А. Л.) и 2) некоторые из напечатанных в Уфе моих печатных трудов. Отзывы о моих работах могут дать преподаватели ВПИ Н.В. Никольский и В.Г. Егоров, а из других – Т.М. Матвеев, Ф.Т. Тимофеев, академик С.Ф. Ольденбург, проф. Н.И. Ашмарин, проф. Б.Н. Вишневский» [15, л. 36–37].

Из протокола № 2 Совета НЛО института от 22 октября 1926 г. узнаем, что Ашмарин и Комиссаров «приступили к отправлению своих обязанностей», Совет по докладу его секретаря Н.В. Никольского постановляет: «Принимая во внимание научные заслуги Н.И. Ашмарина и Г.И. Комиссарова и вполне разделяя отзывы об их научных трудах, подвергнуть каждого из них баллотировке...» Результатами голосования «Ашмарин Н.И. считается избранным профессором по кафедре чувашского языка и турецко-татарского языкознания. Комиссаров Г.И. считается избранным доцентом на кафедре по чувашской народной словесности и чувашской литературе с методами этих предметов» [18, с. 3]. На совещании НЛО 10 июня 1927 г. [председатель (ректор ВПИ. – А. Л.) С.П. Сингалевич, секретарь – Н.В. Никольский] заведующий учебной частью Г.Ф. Линцер докладывал, что «значительно усилился состав профессорско-преподавательский на Чувашском отделении с прибытием проф. Бакинского университета Н.И.Ашмарина и преподавателя Уфимского чувашского педтехникума, члена Академического центра Башнаркомпроса Г.И. Комиссарова» [15, с. 168].

На заседании Совета Чувашского отделения 10 ноября 1926 г. заведующий отделением Н.В. Никольский заявляет о необходимости еженедельных собраний для обсуждения вопросов, связанных с жизнью отделения. Шло его становление, много было нерешенных вопросов. С некоторым опозданием на этом же заседании утверждают программы Н.И. Ашмарина для II курса по чувашскому синтаксису; Н.В. Никольского – для II и III курсов по географии АЧССР, для III курса – современное хозяйство АЧССР и историю чувашского народа. В работе Совета участвовали члены Совета проф. Н.И. Ашмарин, доцент Г.И. Комиссаров, доцент В.Е. Егоров, уполномоченный НКП АЧССР Меценатов, а также студенты Афанасьев, Резюков и Угандеев [15, с. 86].

Если Н.И. Ашмарин* и Н.В. Никольский имели громадный опыт в научно-педагогической деятельности в вузах и были признанными специалистами-компаративистами

* В.Г. Егоров вспоминает об Н.И. Ашмарине: «Он более 20 лет преподавал в средней школе и около 15 лет в вузах. Как педагог, он оставил в своих слушателях благодарное воспоминание. Его уроки по географии в учительской семинарии и лекции по чувашскому и тюркским языкам в вузах всегда были интересны, полноценны, отличались богатством содержания. Он прекрасно знал преподаваемый предмет и занимался им с увлечением. Слушатели его с большим интересом и вниманием относились к его урокам и лекциям». Егоров В.Г. Н.И. Ашмарин. Чебоксары: Чувашгосиздат. 1948. С. 37.

в разных гуманитарных науках, то В.Е. Егорову и Г.И. Комиссарову было сложнее было войти в «русло» преподавания в высшем учебном заведении, так как у них не было опыта такой работы, они в основном преподавали в средних образовательных учреждениях, тем более, не существовало готовых учебных программ и методики. Все приходилось создавать самим. Из программы пропедевтического курса (предварительного обучения. – А. Л.) чувашского языка для студентов 1-го курса Чувашского НЛЮ на 1925–1926 гг. преподавателя В.Е. Егорова: «Алтайская семья языков. Сравнительная характеристика алтайской семьи языков с точки зрения грамматической структуры их. Место чувашского языка в языковой семье. Отношение чувашского языка к тюркским и монгольским языкам. <...> Фонетика. Физиология звуков чувашского языка. <...> Морфология. <...> Характерные особенности морфологии чувашского языка, свойственные всей алтайской семье языков: 1) отсутствие грамматического рода, 2) отсутствие строгой дифференциации частей речи. <...> Темы для докладов. Отношение чувашского языка к языку древних волжско-камских болгар. <...> Венгерские заимствования из болгарского языка и значение их в решении вопроса о родстве чуваш с древними волжско-камскими болгарамы <...> [15, с. 18–20]». Василий Егорович в 1930 г. в Москве издал монографию «Введение в изучение чувашского языка», где «очертил круг будущих научных тем чувашского языкознания, определил основные проблемы глотто- и этногенеза (место чувашского языка среди алтайских языков, историческое развитие лексики чувашского языка, этноязыковые контакты булгаро-чувашей, стратификация заимствований в чувашском языке и др.» [24, с. 554]. Анализ текста приведенной нами программы для Чувашского отделения ВПИ ясно указывает на первооснову исследования.

15 декабря 1926 г., после четырех месяцев работы в ВПИ, Г.И. Комиссаров представляет «сведения об учебниках по преподаваемым им дисциплинам»: «По чувашской народной словесности. Учебника или рабочей книги по предмету не имеется, так как дисциплина преподается всего лишь год. Материал для проработки приходится почерпать из разных учебников, из которых не менее 50% составляют рукописные материалы, собранные Н.В. Никольским, Н.И. Ашмариним и отчасти студентами Чувашотделения. Для повторения проработанного курса имеются письменные доклады студентов на чувашском языке. По курсу краеведения в связи с проработкой программ ГУСа. Учебника не имеется, так как курс читается первый год. Как материал для повторения собираются письменные доклады студентов на чувашском языке. К будущему академическому году преподаватель предполагает закончить составление конспекта по курсу размером до 7–8 печатных листов. По курсу методики преподавания чувашеведческих дисциплин и русского языка в чувашской школе. Учебник тоже не имеется, так как курс читается первый год. Для повторения курса опять-таки собираются письменные доклады студентов на чувашском языке. Преподавателем начато составление краткого курса на чувашском языке» [18, л. 193–194 об.].

Уже в первом академическом году преподаватели Чувашского отделения подготовили учебно-методические пособия, о чем свидетельствует решение Совета НЛЮ от 16 марта 1927 г.: «[Совет] по вопросу о приготовленных к печати руководствах обращается к национальным республикам о напечатании следующих руководств: Н.В. Никольский. Курс этнографии чуваш. 15 печ. листов; Г.И. Комиссаров. Чувашский фольклор. 10 печ. листов; В.Е. Егоров. Фонетика чувашского языка. 8 печ. листов; Г.И. Комиссаров. Методика преподавания чувашской литературы. 5 печ. листов; Он же. Хрестоматия по чувашской литературе. 20 печ. листов; Н.В. Никольский. Хрестоматия по чувашской истории. 20 печ. листов; Он же. География Чувашии. 10 печ. листов; Н.И. Ашмарин. Словарь чувашского языка (продолжение вып. 1 и 2). 20 печ. листов; Н.В. Никольский. Хрестоматия по марийской истории. 30 печ. листов» [15, с. 148 об.]. Из отчета Н.В. Никольского о работе за 1927–1928 академический год на 3 курсе чувашского отделения ВПИ по чувашской устной народной словесности: «Программа, утвержденная Советом национальных отделений в начале академического года, выполнена целиком. <...> Вполне подготовлены к печати работы: 1) «Чувашские заговоры и заклинания на 3 печ. л.; 2) «Чувашские загадки» на 2 печ. л.; 3) Чувашские народные приметы» на 5 печ. л.; 4) «Чувашские народные сказки» на 10 печ. л. [15, с. 47–48].

Деятельность Чувашского отделения отчетливо характеризуют ежегодные отчеты Совета отделения и преподавателей. Из отчета доцента Г.И. Комиссарова о работе за 1927–1928 академический год от 28 мая 1928 г. (отметим: Гурий Иванович, в отличие от других его коллег, отчитывается буквально до мелочей): «В отчетном году я вел методику чувашского языка на III и IV курсах и историю чувашской литературы на IV курсе. <...> Производственные планы по дисциплинам в общем удалось выполнить. По истории литературы недостаточно обстоятельно разобрали последние вопросы программы – о лирике в чувашской поэзии и юмористической литературе. Причины: болезнь преподавателя в первой половине мая, недостаточность часов и несвоевременное получение необходимой литературы. По методике: не удалось полностью выполнить план школьной практики. Причины: недостаточность часов для проработки теоретического курса (для теоретических занятий приходилось занимать часы, назначенные на практику) и недостаточная согласованность расписаний занятий в ВПИ и Чувашском педтехникуме. <...> Работоспособность студентов в целом была не ниже среднего уровня. <...> Результатами моих научных стремлений явились некоторые печатные и рукописные труды». Далее – длинный список работ, в том числе: краеведческая хрестоматия «Башкирский край», при составлении которой Гурий Иванович был одним из редакторов и сотрудников; статьи в органе Чувашнаркомпроса «Народное просвещение»; биография поэта К.В. Иванова (журнал «Сунтал»); рукописи: 1) «Первый педагогический журнал на чувашском языке» (обзор журнала «Халӑха вӗрентес ёҫ»); 2) «Успехи чувашской литературы за 10 лет и перспективы ее дальнейшего развития» (на чувашском языке); 3) «Мотивы труда в народной поэзии чуваш»; 4) «План краткого курса по истории чувашской литературы»; 5) «План учебника по чувашской литературе для школ II ступени»; <...> 14) «Возникновение чувашской письменности и развитие чувашской литературы» (на чув. языке); 15) «Чувашские термины по литературе и словесности». Комиссаров отчитывается и об общественной работе: член ОАИЭ, педагогического общества при ВПИ, Общества изучения Чувашского края, член правления и председатель Казанского отделения Общества изучения чувашской культуры в Москве, руководитель кружка чувашеведения при ВПИ, чувашского литературного кружка при Казанском чувашском педтехникуме; член академических центров при Татнаркомпросе (по секции совнацмена) и при Чувашнаркомпросе [15, с. 110–113].

Гурий Иванович скрупулезно рецензировал рукописи чувашеведов. Работу П.И. Иванова «Постановка занятий по грамматике родного языка в чувашской школе I ступени и связь этих занятий с изучением русского языка» он в целом одобряет, но находит и немало недостатков, например, отмечает, что автор неправ, когда работу по созданию терминов на основе родного языка называет «глупым предрассудком»; «забывает, что резкие нападки на труды добросовестно поработавших до сих пор чувашских лингвистов не улучшает дела изучения чувашского языка, а только вредит, давая оправдание тем, которые вообще не имели и не имеют охоты изучать этот язык. Учащиеся, которые занимаются по этому предмету, запоминают без большого труда и термины [Федора Тимофеевича] Тимофеева» [17, с.19–21].

Отчет о работе Чувашского отделения языка и культуры за 1928–1929 академический год представляет особый интерес, так как мы не располагаем отчетом за 1929–1930 гг., возможно, его и не было, так как бессменный секретарь общеинститутских советов, конференций, заседаний, секретарь Совета лингвистических отделений и Чувашского отделения Н.В. Никольский был арестован. Из документа узнаем, что у администрации отделения имеется бюро – в составе председателя проф. Н.И. Ашмарина и секретаря проф. Н.В. Никольского. А «вопросы, требующие обсуждения всего коллектива, вносятся в Совет национальных отделений (чувашского и марийского), где председателем состоит проф. Н.И. Ашмарин, а секретарем проф. Н.В. Никольский». Кроме этих органов [администрации или управления отделением] имеются еще заведующие кабинетами. Кабинетом чувашеведения заведовал проф. Н.В. Никольский, а кабинетом методики чувашского языка и литературы – доцент Г.И. Комиссаров. «У первого имелись помощники из студентов: ассистенты-выдвиженцы И.К. Куприянов, М.Н. Никольский и Н.С. Павлов, по кабинету методики – студенты IV курса Андреев и Павлов» [17, с. 55–56].

В этом же отчете Н.В. Никольского представлены выдержки из отчетов о научной работе преподавателей: «Профессор Н.И. Ашмарин читал чувашский язык на II к., диалектологию чувашского языка, сравнительное тюрко-татарское языкознание. Для курса чувашского языка пособиями для студентов были работы Н.И.А.: а) «Материалы для исследования чувашского языка». Учение о звуках» (фонетика). <...> «Учение о формах (морфология)». <...> «Опыт исследования чувашского синтаксиса». <...> По чувашскому диалектологию студенты пользовались записками самого профессора. В отчетном году Н.И.А. дано звание члена-корреспондента Академии наук СССР и предложено принять участие в пополнении словаря тюркских наречий В.В. Радлова, намечаемого ко 2-му изданию. Помимо этой работы, Н.И.А. ежедневно нес работку, данную ему Н[ародным] К[омиссариатом] П[росвещения] ЧАССР, по словарю чувашского языка. Проф. Н.В. Никольский читал курс по чувашскому фольклору на III курсе и экономгеографию ЧАССР на II курсе. Каких-либо специальных руководств по этим дисциплинам не было. И тот, и другой курсы разрабатывались на основе того сырого материала, какой собран был (1900–1927 гг.). Н.В.Н лично и обязательно привлекался к исследованию весь тот материал, который частично содержали русские и иностранные труды. Для лучшего усвоения студентами этих дисциплин необходимо издание конспектов или хрестоматий, каковые Н.В.Н. имеет в рукописях. Доцент Г.И. Комиссаров читал курс «История чувашской литературы» (на IV курсе), а также «Методику чувашского языка и литературы» (лекции, семинарии, практикум). Руководств и пособий на чувашском языке не было. Г.И.К. разрабатывал курсы на основании того сырья, которым он располагает в достаточной степени. Однако категорически заявляет в своем отчете: «В будущем, когда будет издан мой курс истории чувашской литературы, над которым я сидел в этом году и еще продолжаю сидеть, работа студентов при подготовке семинарских докладов безусловно будет обеспечена, и вообще изучение курса истории чувашской литературы получит надлежащее оформление». (После этих слов добавление рукой Г.И. Комиссарова: «При проработке курса методики чувашского языка и литературы пока руководствовались пособиями по русскому языку. В будущем преподаватель намерен издать свой курс на чувашском языке».) Доцент В.Е. Егоров читал пропедевтический курс чувашского языка на I курсе. Разработал «Введение в изучение чувашского языка», работу безусловно ценную по языкознанию. «Большим тормозом», заявляет В.Е.Е., «в преподавании родного языка является полное отсутствие у студентов не только научных знаний, но и самых элементарных сведений из области русского языка, так что нет устойчивых опорных пунктов, на которые они бы могли опереться и от которых могли бы исходить при изучении чувашского языка. Необходимо с следующего же академического года организовать преподавание русского языка на Чувашском отделении, как это предусмотрено учебными планами» [17, с. 57–59].

В отчете кафедры чувашской литературы Н.В. Никольский подчеркивает, что «программы составлялись с таким расчетом, чтобы потом каждый из окончивших Чувашское отделение мог воспользоваться ими в педагогической работе чувашской школы повышенного типа». Поражает объем научно-исследовательских работ, выполненных Н.В. Никольским за 1922–1930 г., эту работу он скромно называет «исследовательской работой кафедры», хотя абсолютное большинство работ он писал сам: среди опубликованных – монографии «Краткий курс этнографии чуваш» (1928) «Народная медицина у чуваш» (1929), множество статей в казанской периодике. Отдельно приведен список рукописных трудов (всего 16) [17, с. 115–117]. Ни один (!) из них к настоящему времени не издан в полном объеме, среди них: «Чувашский народный календарь», «Материалы по истории чуваш», «Русско-латинско-чувашский словарь для агрономов среди чуваш», «Русско-латинско-чувашский словарь для медицинских работников», «Список чувашских селений», «Топонимические названия как материал для истории чуваш» и др. Лишь сказки чувашского народа вышли в Чебоксарах в маленьком объеме – мизерная часть из объема в 28 печатных листов.

Н.В. Никольский сохранил уникальные документы, составленные Н.И. Ашмариным, например, отчет за 1928–1929 академический год: «О преподавании сравнительного тюрко-татарского языкознания на IV курсе Чувашского отделения: преподавание велось при 2 лек. 2 семинарских часах в неделю. Лекции читались студентам-татарам и чувашам одновременно,

а семинарские занятия велись с теми и другими порознь. <...> При изучении отдельных групп языков тюркского семейства некоторые из наречий рассматривались более подробно; сюда относятся: казанско-татарское, башкирское, алтайское и османское. На семинарских занятиях читались тюркские тексты. Чтение их сопровождалось переводом на чувашский язык. <...> Посещаемость лекций была удовлетворительная, семинарских занятий – хорошая. 19 июня 1929 г. *О преподавании научной грамматики чувашского языка на II курсе Чувашского отделения*: <...> На семинарских занятиях студенты читали свои доклады по различным отделам синтаксиса, написанные ими на чувашском языке. Представленные доклады обсуждались всей аудиторией. <...> Во многих случаях студенты писали разбираемые тексты на доске; при этом обращалось большое внимание на правильность правописания и употребления знаков препинания; последние отличаются в чувашском языке большими особенностями и совершенно не может быть подведено под шаблон европейского правописания. Посещаемость лекций и практических занятий не всегда была достаточной. 19 июня 1929 г. *О преподавании чувашской диалектологии на IV курсе Чувашского отделения*: <...> Этот курс введен на отделении два года тому назад и представляет некоторые трудности в отношении проработки вследствие полного отсутствия печатных пособий. Весь курс был построен на собственном материале, собранном в различных частях Чувашского края. Изучение теоретической части сопровождалось чтением и разбором рукописных текстов, заключенных в себе произведения народной словесности. Посещаемость лекций была очень хорошая. 19 июня 1929 г.» [18, л. 50–52].

Н.И. Ашмарин и В.Г. Егоров не оставили воспоминания о периоде работы в ВПИ. Чувашская (также марийская, татарская, удмуртская) гуманитарная наука должна быть благодарна Н.В. Никольскому за сохранение уникальных документов о ВПИ.

А Г.И. Комиссаров в своих воспоминаниях затронул и тему ВПИ, в частности, в рассказах о своих коллегах по Чувашскому отделению. После открытия в 1930 г. в Чебоксарах педагогического института Чувашское отделение и кафедра чувашеведения (как и другие национальные кафедры) в ВПИ были закрыты. Гурий Иванович отмечает, что «профессора Николая Ив. Ашмарина просили переехать в Чебоксары, чтобы возглавить кафедру чувашского языка, <...> но он не поехал. <...> Профессор Н.В. Никольский и доцент В.Г. Егоров тоже не поехали в Чебоксары» [6, с. 21]. О приглашении его в Чебоксары мемуарист не упоминает, лишь сообщает: «После закрытия Чувашского отделения ВПИ я не оставался безработным: у меня была должность преподавателя [Казанского] Чувашского педагогического техникума, работал также в чувашском секторе Радиокомитета Татарской республики. Но это были второстепенные должности» [6, с. 1125]. Согласитесь: для людей, имеющих более-менее объективную информацию о биографии Гурия Ивановича, в словах этих однозначно чувствуются недосказанность и горечь досады. К тому времени он был непубликантом в чувашской периодике, его упоминали лишь в негативных оценках. *Вандера* (его псевдоним) включили в группу чувашских буржуазно-кулацких писателей, а *Комиссарова* – в число национал-шовинистических литераторов [5, с. 21]. «Но я был предупрежден, – пишет Г.И. Комиссаров, – что буду назначен на другую должность. По 1-му Государственному пятилетнему плану была намечена подготовка армии национальных кадров и коренизация системы образования, т. е. осуществление образования на родном языке. Намечена была к открытию в Казани межвузовская кафедра по изучению языков народностей Поволжья. Я и был назначен в заведующие этой кафедрой со званием доцента. Я должен был обеспечить вузы Казани преподаванием их студентам из нацменов их родного языка и литературы. Моя резиденция была в университете. Но мои права не были определены точно» [7, с. 85].

Из воспоминаний Г.И. Комиссарова о Н.И. Ашмарине: «За время работы на чувашском отделении ВПИ Н.И. напечатал такие монографии, как: 1) «Заметки по сравнительной грамматике тюркских народов. 1928 г.» (на стеклографе), 2) «О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. 1928 г.», 3) «Немецкое «schlange» в свете урало-алтайских подражательных образований. 1928 г.», 4) «К вопросу о происхождении латинского названия свинца. 1930 г.». В этот период, казалось, у Николая Ивановича в голове и на языке вертелись только чувашские слова и сопоставлялись со словами других языков. Можно сказать, при каж-

дой встрече со мной он задавал мне вопрос, как я понимаю то или иное чувашское слово. То же самое он делал и со студентами-чувашиами. В 1927 году Н.И. Ашмарин написал большой и весьма положительный отзыв о моих научно-литературно-педагогических трудах, который вместе с отзывами других двух профессоров и с моими печатными трудами были посланы в Государственный ученый совет для утверждения меня доцентом. Я, конечно, до конца своей жизни буду с глубокой благодарностью вспоминать об этом поступке Николая Ивановича, показавшем его доброе, благожелательное отношение ко мне» [19, с. 22].

Н.И. Ашмарин умер от тифа 28 августа 1933 г. после поездки в Чебоксары. Некролог был написан В.Е. Егоровым [19, с. 23]. Василий Георгиевич после закрытия вуза некоторое время работал в казанских вузах, в 1933 г. переехал в Чебоксары и преподавал в Чувашском педагогическом институте, читал курсы современного русского, старославянского, чувашского языков, общего языкознания, историю русского языка [24, с. 554]. В письме к ученому секретарю ЧНИИ В.Д. Димитриеву от 3 марта 1958 г. Г.И. Комиссаров вспоминает: «В Чебоксарах на все последнее 20-летие был только один раз (в 1949 году) и то только проездом с родины в Казань по Волге. Правда, тогда я первый визит сделал в Ваш институт, но, увидев Василия Георгиевича Егорова, подождал, когда он освободится от работы (была суббота), потом с ним вышли на улицу, и я сопровождал его, когда он пошел на Зеленый базар, потом расстались, *почти ни о чем не поговоривши* (курсив наш. – А. Л.). Так и в институте ни с кем не мог поговорить. <...> Я растерял связи со своими бывшими товарищами по учебе и по работе...» [19, с. 2].

После закрытия Чувашского отделения «Никольский не поехал в Чебоксары» [6, с. 1126] – Г.И. Комиссаров здесь как бы немножко «лукавит», так как Н.В. Никольского в Чебоксары, скорее всего, и не приглашали; в то время он был неблагонадежным – после разгромных статей в чувашской периодике о его некоторых работах. И тут новые напасти в Казани. 14 января 1931 г. его арестовали по обвинению в антисоветской деятельности (статья 58–11 УК РСФСР), 11 марта 1931 г. освободили из-под стражи под подписку о невыезде. Советом врачей Н.В. Никольскому был поставлен диагноз: головные боли, головокружение, раздражительность, резкие потери памяти, нарастающие в течении года, связанные с артериосклерозом сосудов головного мозга при явлениях гипертонии, и он был признан нетрудоспособным, в связи с чем ему дали инвалидность 3 группы. 5 марта 1933 г. арестован как член организации «Братство святого Гурия», 11 октября 1933 года из-под стражи освобожден под подписку о невыезде [9, с. 71].

Над систематизацией своего более чем 300-томного Рукописного фонда он работал один (!). Вот что он пишет в ответ на обращение ЧНИИ от 18 июля 1935 г.: «Мои материалы по фольклору находятся в личной моей библиотеке (Казань, ул. Баумана, д. 49, кв. 2. Ход со двора). Архивы я не сдавал и пока не буду сдавать, так как разработкой занят сам. Вопрос об использовании ЧНИИ моих материалов для меня очень большой; разрешение его зависит от разрешения других вопросов, связанных с ним: <...> и описание, и классификация требуют длительного труда, если измерить это в часах, то на одни сказки потребуется не менее одного года ежедневной 6-часовой работы, песни, музыкальные материалы к ним еще столько же; а там в резерве: пословицы, поговорки и др. виды. Поставленные вопросы легче было бы разрешить, если бы от ЧНИИ приехал ко мне [д. Юрмекейкино, Аликовский р. (ныне Моргаушский район Чувашской Республики. – А. Л.)] кто-либо из уполномоченных со всеми директивами исчерпывающего характера» [13, с. 395].

В НА ЧГИГН нами не обнаружены документы, свидетельствующие о направлении какого-нибудь сотрудника к Н.В. Никольскому. А этот период для Николая Васильевича был самым трудным, если не сказать депрессивным, в его жизни. Как видим, именно в этот период он систематизировал свой богатейший научный архив, благодаря чему остались в сохранности сотни документов о деятельности ВПИ и работе в нем Н.И. Ашмарина, В.Е. Егорова, Г.И. Комиссарова и его самого. В 1940 г. Никольского принял Марийский НИИ языка, литературы и истории, тем самым отблагодарив за все его дела, совершенные для развития марийских гуманитарных наук, в том числе в стенах Казанского ВПИ.

Литература

1. Александров Г.А. Чувашский институт народного образования // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Т. 4. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011.
2. Вандер. Чăваш республикне хăш района кĕртмеллине сÿтсе яватпăр. Совет Союзнe çĕнĕлле районланă хыçăн Чăваш республикин аста пулмалла? [Обсуждаем вопрос о вхождении Чувашской республики в какой-нибудь район. Где должна быть Чувашская республика после нового районирования Советского Союза?] // Канаш. 1928. Август, 15. № 156.
3. Димитриев В.Д., Леонтьев А.П., Матвеев Г.Б. Н.В. Никольский – ученый, просветитель, общественный деятель. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. 303 с.
4. Димитриев В.Д., Матвеев Г.Б. Никольский Николай Васильевич // Чувашская энциклопедия. В 4-х т. Т. 3. Чебоксары: Чуваш.кн. изд-во, 2009.
5. Кели. Чăваш пролеттари писаттĕлĕсен IV сйесĕн историри вырăнĕ // Сунтал. 1930. 9 №. С. 21–22.
6. Комиссаров (Вандер) Г. Автобиографические записки (мои мемуары) [рукопись] // НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 492.
7. Комиссаров Г.И. Мой жизненный путь (автобиография) [рукопись] // НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. 76. С. 37–167.
8. Лебедев Э.Е., Родионов В.Г., Семенова И.П., Касимов Е.В. Н.И. Ашмарин – корифей чувашской филологии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2020. 270 с.
9. Леонтьев А.П. «Уголовное дело» Н.В. Никольского // КИЛ. 2008. № 3. С. 71–82.
10. Леонтьев А.П. «Хыпар»: минувшее и настоящее. Факты. События. Личности. Судьбы. Чебоксары: Издательский дом «Хыпар», 2011. 640 с.
11. Леонтьев А.П. Ашмарин – цензор инородческой печати // Ашмаринские чтения: сб. ст. XII Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 20 ноября 2020 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. С. 27–34.
12. Леонтьев А.П. Был учеником Ашмарина и Никольского // Республика. 2020. 19 августа.
13. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 103.
14. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 186.
15. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 300.
16. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 300; 317; 323.
17. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 317.
18. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 323.
19. НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. 76.
20. Наталья Сухова. Система научно-богословской аттестации в России в XIX – начале XX в. URL:<https://www.livelib.ru/book/145196/readpart-sistema-nauchnobogoslovskoj-attestatsii-v-rossii-v-xix-nachale-xx-v-natalya-suhova> (Дата обращения: 20.10.2022).
21. Никольский Н. Ректору Казанского университета // КИЛ. 2008. № 3. С. 68–69.
22. Симулин А.М. Восточный педагогический институт // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006.
23. Хузангай А.П. Ашмарин Николай Иванович // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006.
24. Хузангай А.П. Егоров Василий Георгиевич // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006.

ЛЕОНТЬЕВ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ – кандидат исторических наук, научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Г.Л. НИКИФОРОВ

ЛАША ЛЕКSEMĀН ТЫТĀМĒПЕ ПĒЛТЕРĒШĒ, ЭТИМОЛОГИ ТĒПЧЕВĒ

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ, ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКSEMЫ ЛОШАДЬ

Аннотация. В статье раскрывается значение лексемы лошадь и ее синонимов, а также исследуются структура, семантика и этимология этого слова. Лошадь – крупное непарнокопытное животное, используемое для верховой езды и ведения сельского хозяйства: лошадь или кобыла; конь,

аргамак. В повседневной речи употребляем слова *лошадь*, *конь*. Слово *конь*, более распространенное, чем слово *лошадь*, вошло во все тюркские языки лексемами *ат* или *от*. В чувашском языке имеются несколько синонимов лексемы *лошадь*. Примеры: лошадь «*конь, лошадь*» – конь «*иноходец*» – конь «*аргамак, дикая, неприрученная лошадь*» – *ветрокрылый конь*. Они часто встречаются в песнях, народных словарях. Слово *конь* присутствует во всех тюркских языках: татарский *ат*, киргизский *ат*, узбекский *от*. Лошадь раньше называлась *алоша*, [a]лошадь < *алоша* (в казахском, турецком, крымско-татарском – *алоша*). Слово «*мерин*» в русском языке фонетически закрепилось за русским словом *лошадь*. Лошадь издавна входила в мир верховой езды. *Конный, верховой // верхом*. Профессор Михаил Федотов объясняет это так: "др.-тюрк. *jol atı конь* < *Jolan + atı* (<*at лошадь, конь + -i*); *jolan* – конный, верховой. от *jola-вести, сопровождать*. Значение слова *верховой* связано с конем, который можно назвать *ездовым* или *рысистым*.

Ключевые слова и словосочетания: лошадь, конь, аргамак, верховая лошадь, садиться верхом, всадник.

Лаша мён ёлэкреньпех сынга пёрле пурăнакан сывах та хакла чёр чун пулна. Сынсем сёр ёслеме вёренсе пына май лашасене алла ханхтарса пына. Алла вёрентне лашасем килти выльах пулса таня. Вёсене ёрчетне, кётуре суретне. Пёр вырантан тепёр сёре кусса кайна чухне лаша кётёвне хаваласа кайна. Сынсем выльахсем хысхан кусса пына.

Авал чавашсен тёр сарё *утля сар* пулна. Юлан *утля сарта* усă куракан лашасене уйрам пахна, ял хусалах ёсёсене явастарман, Сар лашисене тёрле чармавсем урля казма, харсар та шиксёр пулма вёрентне.

«*Ар суначё – ут*», – тенё чавашсем. Нумай чухне пулас *ута*, тихана, арсын ачасем хайсем пахна, тасатна, сулла шыва кёртне, сёлё-утя ситерне. *Ут* тенине *айяр (аса лаша), кёсре (лаша ами, ама ут)* кёрет, вёсене пёр самахпа *лаша* тетпёр.

Лаша харах чёрнелле шултра выльах йышне кёрет. Валь – пин-пин ёмёр сынга юнашар пурăнакан сывах та хакла чёр чун. Каласура *лаша, ут* самахсемпе усă курачпа. *Ут* самах, *лаша* самахран анлярах саралнаскер, мёнпур тёрёк чёлхине *ат е от* самахсемпе кёнё.

Николай Ашмаринан «Чаваш самахёсен кёнеки» словарёнке *лаша* пирки сапла калани пур: «*ут, лошадь* (у низовых обыкн. только в поэзии)» [1, 316 с.]. Палла чёлхёсён шухашне усамлатар. Чавашсем ку выльаха ытларах *лаша* тецсё, *ут* тени вара савя-юрара паларать. Словарьте тёлёхсем те илсе паня:

Кушка ялэ асла ял,
Пёчёксё пёвём шанасмарё,
Таяпа ялэ кёсён ял,
Ут нек пёвём шанасрё.

Паянхи кун вата сынсен пуллевёнке *лашасен (утсен)* тёс ячёсене илтетпёр, илемлё литературара вёсене тёл пулатпёр. *Лашасене (утсене)* тёс енчен уйарса калассё. Тёлёхсем: *кавак* «сивая», *кёрен* «тёмно-рыжая», *кёрен сурен* «светловато-рыжая», *павар, паварля* «бурая», *саря* «серая», *сутя саря* «светло-серая», *хура саря* «темно-серая», *хура сурен* «черно-рыжая», *сар(я)* «саврасая, буланая, соловая», *сарарах хёрлэ, туря* «гнедая», *сурен* «рыжая», *сутя сурен, чуттар* «рыжая, чалая (рыжая с белым хвостом и гривой), игреня», *сутя хамар, саря сурен, хамар сутя* «каурая», *тимёр кавак* «тёмно-сивая», *ула, шур саплакля* «пегая», *улма кавак* «серая в яблоках», *улма чанар* «пестрая, сивая, серая в яблоках», *хура* «вороная», *хура туря, хамар* «темно-гнедой, карий», *хура шупка сурен* «светло-каурая», *шуря* «белая», *шуря кавак* «бело-синяя, бело-сивая» [3, 50-51 с.]. Сыравсасем вёсемпе анля уса курачсё, *Лаша/ут* ячёсене сав хальлёнех хайлава кёртецсё. Савна пула хайлав чёлхин илемлёхёпе янаравлахё вайланать. Тёлёхшён Митта Васлейён «Суресе синселмен сурен ут...» саввинчи сак йёркесене илер:

Суресе синселмен *сурен ут*

Лар, савни, вёстерер пёрех хут! [5, 154 с.].

Тепёр тёлёх илсе пахар. Акя Михаил Федорован «Арсури» поэмичен илне йёркесем:

Хура утна иксёмёр

Сырма хёрне ситрёмёр [7, 71 с.].

Ҷак тәсләхсенче *лашан* (*утан*) тәс ячәсене (масти лошадей) паләртса каланипе поэзире анлә усә курнине куратпәр.

Лаша (*ут*) паллине пәлтәрекән сәмахсем мәнлеләх паллә ячәсен ушкәнне кәреңсә. Мәнлеләх паллә ячәсем лашасән паллисене тӯрех, мәнле пур ҫавән пек кәтартаңсә. Чәлхери пуләм «Арҫури» поэмәри йәркәсенче лайах курәнәт:

Акә әнтә ачсемәр, –
Аран-аран уткалатъ:
Ыраш уләм ҫитерсен,
Ыр выльах та ывәнәтъ,
Турткалаймасть, тухатмәш.
Чуман лаша пек чупатъ. [7, 71 с.].

.....
Пушкәрт лаши күлнә те,
Те ҫуркунне, те ҫулла
Яртлаттарса чуптарнә. [7, 73 с.].

Ҷак тәсләхсенчи *чуман* лаша аран-аран чупакан лашана, *пушкәрт лаши* вара уйрәм йышши лашана, чәтәмлә лашана пәлтәрет.

Пирән чәлхере лаша сәмахән синонимәсем темиҫе те. Тәсләхсем: *лаша* «лошадь, конь» – *ут* «конь, лошадь» – *ҫәрха* «иноходец» – *урхамах* «аргамак, дикая, неприрученная лошадь» – *ҫил ҫунат* «ветрокрылый конь». Вәсем пуплевре, сәвә-юрәра, халәх сәмахләхәсенче тәтәш тәл пулаңсә. Акә ун пек тәсләхсем:

Утланса тухрәм *хура ҫәрха*,
Хура ҫул тусанне те, ах, тускайәм, тустарма,
Юрласа ятәм ҫак юрра
Ҫунакан чәрене те, ак, тускайәм, пусарма.

Утҫәм тарән ҫырмана, ах, кәмерә,
Ҷак тәнчере ҫул тикәс, ах, тускайәм, килмерә.
Ҷак тәнчере әмәр тикәс килсен
Курәпәр-ха эфир те, ах, тускайәм, ыр кунсем [8, 152с.].

Тепәр тәсләхшән Митта Ваҫлейән «Ҫүресе ҫинҫелмен ҫүрен ут...» сәввин йәркәсене илер:
Лар часрах! Әш вәркәтә, әш ҫунатъ...
Кукалет – ҫул ыйтатъ *ҫил ҫунат*. [5, 154с.].

Сәмах әстисем хәйсән сәввисемпе поэмисенче синонимсемпе анлә усә кураңсә, пуплеве илемлә те сәнарлә әсталаңсә. Илемлә литературәри тәсләхсенчен тата Константин Ивановән «Нарспи» поэмичн йәркәсене илер:

Чипер ача Сетнерән
Пәр *урхамах лаши* пур,
Ватә карчәк амәш пур,
Вәри юнлә чәри пур [3, 48 с.].

Ут сәмах, тәнчере «лашаран» анләрах сарәлнәскер, мәнпур тәрәк чәлхисене *ат/от* сәмахпа кәнә: тутарла *ат*, кәркәсла *ат*, узбекла *от*. Тәсләхсенчи *ут*, *ат*, *от* сәмахсем пәр евәрли питә лайах курәнәт. *Лаша* сәмаха әләк *алаша* тенә, [а] сасә лартса каланә. Каярахпа [а] сасса калама пәрахнә: *лаша* <*алаша* [6, 9 с.]. *Лаша* хурәнәтәш чәлхәсенче: казахла, турккәлла, крым тутарла *алаша* иккен. *Лаша*, *кастарнә айәр* «мерин» *алаша ат* сәмах вырәс чәлхине фонетика енчен вырәсланса *лошадь* сәмахпа кәрсә ҫирәпләннә [10, 332 с.].

Лаша авалах утланса ҫүремелли чәр чунсен шутне кәнә. Эфир *лаша* (*ут*) *ҫине утлан* тесе калатпәр пулсан та ку пуләма *юлан* тетпәр. Юлан – *диал.* Конный, верховой// верхом; юланутпа ҫүре ездить верхом; юланутпа кай поехать верхом [9, 638 с.].

Лаша (ут) утланнă сын пирёншён юлан ут «верховая лошадь» тата юлан утçа «всадник, верховой, конник» пулать [9, 638 с.]. *Утлан ут* тени сайра хутра савăсенче тёл пулкалать.

Юлан утлан – разг. садиться верхом на лошадь [9, 638 с.]. *Юлан (утлан)* вырăнти калаçу сăмахёсен йышне кёрет. Михаил Федотов тѣпчевсѣ унăн пулавне çапла аңлантарать: «др.-тюрк. *jol ati* конь (ДТС, 270–271) <*jol* дорога + *ati* (<*at* лошадь, конь + *-i*); *jolan-* возвр. от *jola-* вести, сопровождать (ДТС, 271) [11, 483–484 с.]. *Юлан* пёлтерёшĕ *утна* сыханна, ана çулпа çурекен е кўлсе çурекен *лаша* теме пултаратпър.

Юрий Виноградов доцент хатёрленĕ орфографи словаренче *ут* сăмахпа сыханура тăракан сăмах майлашăвĕсем тёл пулаçсĕ: *ут арманĕ, ут валли, ут выльăх, ут карти, ут кайшарĕ, ут куçĕ, утлан, ут таврашĕ, ут- тум, ут тумĕ, ут тутти, ут хўри* [2, 194–195 с.]. *ут арманĕ, ут армань, ут-юпи, ут-выльăх, ут вити, ут валашки, ут върри, ут-кайăк, ут калчи, ут карти, ут кункăри, ут кустар, ут-куç, ут кайшарĕ, ут-кĕтў, ут çар, утлă сын, ут-пырĕ, ут пуçĕ, утçу, ут-тум, ут хатĕрĕ, ут хўри* [2, 316–320 с.].

Тĕслĕхсенчи сăмах майлашăвĕсем тытăмĕ енчен ансър сăмах майлашăвĕсем пулаçсĕ. Вĕсенчи сăмахсем пĕр-пĕринпе вырăнĕ-йĕркипе тата аффиксемпе сыханна. Вырăнĕ-йĕркипе сыханна чух пăхăнакан сăмах тĕп сăмах умне вырнаçать. 3-мĕш сăпат аффиксĕ *-ĕ(-и)* те сыханăва кăтартать, ун чухне въл тĕп сăмах çумĕнче пулать.

Шухăша пĕтĕмлетер. Чăваш чĕлхинчи *лаша* сăмах вырăс чĕлхине те витĕм панă. Унта въл *лошадь* сăмахлă. Чăвашла *лаша* сăмах вырăс чĕлхинчи *лошадь* пĕр сăмахран, чăвашлинчен пулса кайна.

Юлан (утлан) чăвашсен кивелнĕ сăмахёсен йышне кёрет. *Юлан, юлан ут, юлан утлан, юлан утлă, юлан утçа* пёлтерёшĕсем *ут* сăмахпа сыханна. Пирĕн мăн асаттесем лашана авалах алла вĕрентнĕ, ханăхтарна. Алла вĕрентнĕ лашасем килти выльăх пулса тана.

Литература

1. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. 3. Чебоксары: Руссика, 1994. 368 с.
2. Виноградов Ю.М., Виноградова Г.М. Орфографи словарĕ. Тĕрĕс сьрмалли правилăсем. Шупашкар: Чăваш Республикин вĕрентў институтĕн редакципе издательство пайĕ, 2002. 304 с.
3. Волкова А.В., Диарова И.А. Школьный чувашско-русский словарь сочетаемости прилагательных семантического поля «Цвет». Чебоксары: Издательский центр Чувашского республиканского института образования, 2013. 56 с.
4. Иванов К.В. Сьрнисен пуххи. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2000. 335 с.
5. Митта Ваçлейĕ. Сьрнисен пуххи. 1 том. Савăсемпе поэмăсем, куçарусем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2004. 339 с.
6. Сергеев Л.П. Сăмах тĕнчи: Иккĕмĕш кĕнеке. Шупашкар: Чăваш Республикин вĕренў институтĕн издательстви, 2006. 61с.
7. Чăваш литератури: Учебник-хрестомати: 8 класс валли (В.П. Никитинпа В.Е. Цыфаркин пухса хатёрленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1990. 375 с.
8. Чăваш сăмахлăхĕ: 10-мĕш класăн вĕренўпе вулав кĕнеки. I пай / Н.Г. Ивановăпа В.П. Никитин пухса хатёрленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1993. 311 с.
9. Чувашско-русский словарь / Андреев И.А., Гошков А.И., Иванов А.И. и др.; Под ред. М.И. Скворцова. 2-е изд., стереотип. М.: рус. яз., 1985. 712 с.
10. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Т. 1. А-Р. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. 470 с.
11. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Т. 2. С-Я. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. 509 с.

НИКИФОРОВ ГЕРОНТИЙ ЛУКИЯНОВИЧ – заслуженный учитель Чувашской Республики, г. Новочебоксарск, Чувашская Республика.

**МУЖСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА МУСУЛЬМАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В ОНОМАСТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ЕГИПТА
(на примере имен студентов Чувашского госуниверситета)**

Аннотация. Статья посвящена исследованию мужских личных имен студентов-египтян Чувашского государственного университета. На основе статистических подсчетов и сравнительного анализа 888 имен молодых людей мужского пола двух разных возрастных групп, родившихся в период 1984–2000 гг. и 2001–2004 гг., выявлены наиболее распространенные антропонимы, указаны важнейшие этнокультурные факторы и семантическая мотивация при имянаречении.

Ключевые слова: ономастика, антропонимика, мужские личные имена, Египет.

Современный Египет представляет собой динамично развивающееся общество с большой долей молодого населения [4]. В то же время система и структура личных имен у населения Египта в сравнении с аналогичными системами ряда стран Ближнего Востока и Северной Африки в большей мере базируется на многовековых традициях, чем на принципах минимизации и упрощения [5], что в какой-то мере сближает ее с системой русских имен [1]. С другой стороны, антропонимикон любого общества в определенный период времени часто отражает актуальные для него социальные процессы, его приоритеты и доминирующую в обществе систему ценностей [3]. Все это не может не отражаться на конкретном именной стране, на том, какие личные имена дают своим детям ее жители, какой смысл и какие ожидания они вкладывают в них [6; 7]. Анализ актуального состава личных имен молодой части общества может также в некоторой степени характеризовать доминирующие социальные настроения в обществе.

Целью работы стало изучение состава личных имен у молодых мужчин-мусульман различного возраста, прибывших из Египта и обучавшихся в Чувашском государственном университете в течение последних пяти лет.

Для получения материала и проведения анализа использовались списки граждан Египта, проходивших обучение в Чувашском государственном университете в период 2017–2022 гг. Данные лица обучались на русском или английском языке на различных уровнях образования – подготовительном отделении, бакалавриате, специалитете, магистратуре.

Написание личных имен иностранных студентов приводилось в соответствии с их транслитерацией на русский язык, отраженной в визах, выданных российскими консульскими службами Министерства иностранных дел за рубежом или миграционными службами Министерства внутренних дел в России.

Среди всего массива данных для анализа выбраны имена студентов-мусульман мужского пола. Для оценки различий в представленности наиболее распространенных личных имен среди египетских молодых мужчин-мусульман различного возраста были определены две возрастные группы – студенты, родившиеся в период 1984–2000 гг. (группа 1) и студенты, родившиеся в период 2001–2004 гг. (группа 2).

Полученные данные были подвергнуты сравнительному анализу, а также математико-статистической обработке с нахождением абсолютных и относительных значений, сравнением показателей групп на достоверность различий при помощи критерия χ^2 при уровне значимости $p < 0,05$.

Согласно полученным данным за указанный период в Чувашском госуниверситете прошли обучение 1245 граждан Египта обоего пола. Большинство из них (1095 чел. или 85,1%) составили обладатели личных имен мусульманского происхождения. Остальные студенты имели личные имена христианского, как правило, коптского происхождения. Подавляющее большинство мусульманских имен (888 чел.) принадлежало молодым мужчинам (71,3% от числа всех египетских студентов или 83,9% от всех египетских студентов-мусульман).

Число студентов 1 группы, или лиц, родившихся в конце XX века, составило 484 чел. (54,5% от всех мужчин-мусульман), 2 группы, или лиц, родившихся в XXI веке, составило 404 чел. (45,5%).

Анализ состава личных имен исследованных показал, что у 70,5% египетских студентов-мусульман мужского пола число имен ограничено пятнадцатью, распространенность которых находится в диапазоне от 22,4% до 0,8% (табл. 1).

Таблица 1 – Мусульманские личные имена, распространенные у египетских студентов мужского пола (888 чел.)

№	Личное имя	Абс., чел.	Относ., %
1.	Мохаммед (محمد)	199	22,41
2.	Ахмед (أحمد)	144	16,22
3.	Махмуд (محمود)	52	5,86
4.	Абдельрахман (عبد الرحمن)	42	4,73
5.	Омар (عمر)	26	2,93
6.	Мустафа (مصطفى)	23	2,59
7.	Абдулла (عبد الله)	22	2,48
8.	Юссеф (يوسف)	21	2,36
9.	Али (علي)	18	2,03
10.	Ибрахим (إبراهيم)	16	1,80
11.	Амр (عمرو)	15	1,69
12.	Халед (خالد)	15	1,69
13.	Карим (كريم)	14	1,58
14.	Оссама (أسامة)	12	1,35
15.	Хасан (حسن)	7	0,79
		626	70,50

Как видно, наиболее распространенным личным именем является Мухаммед (محمد – хвалимый, прославляемый), что отражает желание родителей назвать ребенка именем самого почитаемого исламского пророка. Его имеет каждый пятый египетский студент (22,4%). На втором (16,3%) и третьем (5,9%) местах находятся имена Ахмед (أحمد) и Махмуд (محمود), являющиеся однокоренными с первым именем и восходящие к арабскому корню *h-m-d*, означающему «восхвалять». И это не удивительно. Ведь имя пророка Мохаммада связано с историей исламской культуры, а его фигура является центральной для всего мусульманства, т.к. он – основатель и глава исламской общины [2].

Далее представлен перечень десяти имен, распространенность которых среди египетских студентов составляет менее 5%. Так, на четвертом по популярности месте находится имя Абдельрахман (عبد الرحمن), означающее «верный слуга Аллаха Милостивого, Милующего, Милосердного». Пятое место занимает имя Омар (عمر), переводящееся с арабского как «процветающий» и восходящее к имени второго праведного халифа Омара ибн аль-Хаттаба. На шестом месте – мужское имя Мустафа (مصطفى), означающее «избранный». Оно относится к одной из характеристик пророка Мухаммеда.

Имя Абдулла (عبد الله) является седьмым по популярности именем, и означает «раб, слуга Божий». Далее идет египетский вариант имени Иосиф – Юсеф (يوسف) – олицетворяющее имя общего для иудаизма, христианства и ислама пророка Иосифа (Юсуфа). Следующее имя египетских студентов Али (علي) переводится как «высокий, возвышенный», и происходит от имени двоюродного брата и зятя пророка Мухаммеда, четвертого халифа в исламе.

Имя Ибрахим (إبراهيم), находящееся на 10 месте в обозначенном нами списке, соответствует общему для трех религий пророку Аврааму, проповедовавшему единобожие. Шестое имя Амр (عمرو), несколько похоже по написанию на арабском языке на имя «Омар» (عمر). Означает «жизнь», «жизненный путь», «возраст». Еще одно настолько же распространенное, как и предыдущее мужское имя египетских студентов – Халед (خالد). Переводится как «вечный» или «бессмертный».

Имя Карим (كريم) относится к одному из 99 имен Аллаха и переводится как «щедрый» или «великодушный». Осама (أسامه) – арабское мужское имя, соответствующее значению «львёнок», «молодой лев». Имя Хасан (حسن), означающее по-арабски «хороший», «красивый», замыкает наш перечень популярных мужских мусульманских имен современных египетских студентов. Оно представлено менее, чем у 1% студентов.

Данная картина описывает обобщенную характеристику состава имен египетских студентов, родившихся в период 1984–2004 гг. Можно ли проследить по нашим результатам относительную динамику имянаречения в Египте мальчиков мусульманскими именами? Для этого мы провели статистическое сравнение частоты представленности у студентов двух возрастных групп одинаковых имен. Результаты сравнения показаны в табл. 2.

Таблица 2 – Сравнение частоты представленности наиболее распространенных мужских мусульманских имен у египетских студентов

№	Личное имя	Группа 1 (n=484)	Группа 2 (n=404)	Достоверность различий	
		Абс., чел.	Абс., чел.	χ^2	p
1.	Мохаммед	113	91	0,08	0,77
2.	Ахмед	84	60	1,02	0,31
3.	Махмуд	25	27	0,92	0,34
4.	Абдельрахман	20	21	0,57	0,45
5.	Омар	14	12	0,00	0,95
6.	Али	11	7	0,32	0,57
7.	Халед	9	6	0,19	0,67
8.	Мустафа	8	12	1,74	0,19
9.	Абдулла	8	14	2,99	0,08
10.	Ибрахим	8	8	0,13	0,72
11.	Амр	7	8	0,38	0,54
12.	Осама	7	5	0,07	0,79
13.	Юссеф	6	15	5,83	0,02*
14.	Карим	6	8	0,78	0,38
15.	Хасан	6	1	2,77	0,10

* различия достоверны при уровне значимости $p < 0,05$

Как свидетельствуют полученные результаты, несмотря на определенные колебания в частоте представленности среди египетских студентов большинства личных мужских имен в конце XX века и начале XXI века, эти различия не носят статистически значимого характера. Частота обращения родителей к описанным выше наиболее распространенным именам, по сути, остается неизменной. Т.е с конца XX века на начало XXI века степень популярности имен Мохаммед, Ахмед, Махмуд, Абдельрахман, Омар, Али, Халед, Мустафа, Абдулла, Ибрахим, Амр, Оссама, Карим и Хасан остается прежней. Исключением является только имя, распространенное как в среде мусульман, так и среди христиан Египта. Это имя – Юссеф, которое статистически достоверно более чем в два с половиной раза стало популярнее в начале XXI века ($\chi^2=5,83$; $p=0,02$).

Проведенное исследование показало, что в современном египетском ономастическом контексте важнейшим фактором при имянаречении мальчиков продолжает оставаться религиозный, в частности, исламский. Наиболее распространенные у молодых мужчин личные имена даны в честь пророка Мохаммеда, что соответствует традициям мусульманского имянаречения в других странах мира и в предыдущие периоды. Остальные личные имена египетских студентов имеют отношение к характеристикам Аллаха, повторяют имена пророков или праведных халифов, что может отражать значимую роль исламского дискурса в сегодняшней жизни страны. На рубеже XX–XXI веков в Египте отмечен рост числа обращений к популярному в различных конфессиях имени Юссеф, что можно рассматривать как одно из проявлений движения египетского общества в сторону развития межрелигиозного диалога и интеграции.

Литература

1. Аль-Дурейд Мохаммад. Русские личные имена на фоне арабских имен // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 4 (47). С. 255–260.
2. Гасанова М.А., Алиева А.А. Религиозные прецедентные имена в русском и арабском пословицном дискурсе // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 3 (94). С. 451–453. DOI 10.24412/1991-5497-2022-394-451-453.
3. Иванова А.М., Хазиева-Демирбаш Г.С. Сравнительно-сопоставительный анализ охранительных имен в тюркских языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5-3 (71). С. 87–90.
4. К прогнозированию структурно-демографических рисков социально-политической дестабилизации в странах Африканской макрорегиональной нестабильности и Африки южнее Сахеля / А.В. Коротаев, М.Б. Айсин, Ю.В. Зинькина, Д.М. Романов // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Волгоград: Изд-во «Учитель», 2020. С. 198–236.
5. Макангали Б.К. Традиционные имена как маркер этнокультурной идентичности арабов // Наука и мир. 2015. № 4-1 (20). С. 99–102.
6. Олейникова С.Д. Особенности именника некоторых стран африканского континента: к постановке проблемы // Язык, культура и профессиональная коммуникация в современном обществе: материалы VIII Междунар. науч. конф. (Тамбов, 23–25 апреля 2019 г.). Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2019. С. 128–135.
7. Салех К.Ш. Имя личное в русском и арабском языках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2008. № 540. С. 84–92.

НИКОЛАЕВ ЕВГЕНИЙ ЛЬВОВИЧ – доктор медицинских наук, профессор, начальник управления международной деятельности Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

АБДАЛЛА ИСМАИЛ МОХАМЕД ИСМАИЛ БЕХИТ – обучающийся (бакалавр) Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ СЕЛА ТЯТЕРБАШ СТЕРЛИБАШЕВСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Аннотация. Статья посвящена изучению чувашских топонимических преданий села Тяттербаш Стерлибашевского района Республики Башкортостан. Материалом исследования послужили полевые записи, сделанные во время фольклорно-диалектологической практики студентов. Собранный нами материал показывает, что в легендах и преданиях, в их названиях сохранились история и мировоззрение чувашского народа, его обычаи и обряды.

Ключевые слова: топонимы, чувашские топонимические предания, обряд, легенда, чувашаи Республики Башкортостан.

Многие объекты сельской местности, их названия и связанные с ними легенды и предания сохранились только в воспоминаниях старожилов. Изучение географических наименований позволяет глубже проникнуть в историю села и понять языковую картину мира чувашского народа. В числе топонимических преданий – названия улиц. В чувашском селе Тяттербаш Стерлибашевского района Республики Башкортостан всего 6 улиц: Мира, Школьная, Макарова, Нагорная, Дружбы, Речная. Кроме официальных названий, гидронимы (от греч. «*rhodos*» – улица, «*опута*» – имя) имеют народные названия. Улица Школьная «*Шкул урамё*» названа по расположению школы на данной улице; улица Макарова раньше именовалась как Лесная. В народе называют эту улицу *Арсай*. Необычное название связано с легендой о брате батыра Караная Муратова Рысай (Урсай), который поселился в наших лесах. Однако его арестовали и увезли из деревни. В память о нем были названы улица, поляна *Арсай ланпи*, речка и пригорок, на который он любил подниматься и исполнять душевные мелодии на курае; улица Мира разделена на четыре части: *Ту касси* – часть, находящаяся на горе, ближе к лесу; *Вата кас* – средняя часть улицы, которая еще включала улицу Нагорную; *Анат кас* – часть улицы, которая находится около магазина; *Муртаса касси* – часть улицы, которая является началом дороги в деревню Муртаза; улица Дружбы имеет народное название *Турмай касси*. В прошлом дорога, ведущая из Стерлибашево в село Турмаево, проходила именно по этой улице; улица Речная основана позже всех и поэтому именуется Новая – *Сёнь урам*; улица Нагорная в народе распространилась под названием *Сельсовет касси* (букв. улица Сельсовета). Название получило из-за нахождения данного учреждения на этой улице.

Среди топонимических преданий следует указать гидронимы (от греч. *hydros* – вода) и связанные с ними легенды. В селе Тяттербаш имеются родники с интересными названиями. Один из таких называется *Тихан çăлĕ* (букв. родник Тихона). Название *Тихан çăлĕ* получило по имени одного из основателей села Тяттербаш, Тихона, который поселился около этого родника и благоустроил его. Вода в нем летом студеная, а зимой теплая. Современные чувашаи там проводят обряд Крещения. В селе имеется еще один родник *Сытунка çăлĕ* (букв. родник Сыдунга). Данное название связано с именем *Сытунка*. В прошлом *Сытунка* обустроил этот родник и ухаживал за ним. Он со своей семьей проживал на месте нынешнего парка Славы. По сей день его потомки живут рядом с родником и продолжают ухаживать за ним. Эти родники впадают в речку *Кайраклы*, которая очень обмелела. По названию реки наше село имеет второе название – *Кайраклы*. При этом село Турмаево, которое по рассказам старожилов раньше находилось у истоков этой речки, тоже называли *Кайраклы*. В эту речку впадает речка *Арсай*, протекающая вдоль улицы *Макарова*. Через эти речки проложены мосты *Тихан кёперĕ*, *Куля кёперĕ*, *Арсай кёперĕ*. Первые два моста названы в честь их основателей Тихона и Николая (Коли), а последний прилегает к улице *Арсай*.

В чувашском фольклоре существует множество легенд и преданий, связанных с оронимами (от греч. *oros* – гора). Село Тяттербаш расположено в ложбине, окруженной со всех сторон пригорками, оврагами и холмами. Они тоже имеют интересные названия, у которых своя история. *Кора пўлек* (букв. черный подарок) – холм на севере деревни, где находится кладбище. Легенда гласит, что жители деревень Муртаза и Тяттербаш вместе отмечали какой-то праздник. Во время сходки жители деревни Тяттербаш пожаловались на то, что земли ма-

ло, даже хоронить людей негде. Тогда один из башкирских баев подарил им этот кусок земли *Кора нүлек* под кладбище. Рядом с кладбищем находится пригорок *Асәнкәр*. Название получило от долгого подъема на гору. В западной части села ближе к лесу идет дорога на пригорок, который называется *Еким варё* (букв. Екима овраг). На этой дороге скончался человек по имени Еким от боли в животе. Западнее села Тяттербаш находится *Чалйш сул* (букв. кривая дорога), которая ведет в сторону сел Уязыбашево и Васильевка. В легенде рассказывается, что в Васильевку ездили молиться, а в Уязыбашево – жениться. Однажды был такой случай: тяттербашевский парень Василий Иванов взял невесту из села Уязыбашево. Новобрачная в память о своей родине по дороге в Тяттербаш взяла горсть земли. Об этом узнали жители Уязыбашево и, чтобы вернуть землю, устроили погоню за молодоженами. Они догнали их недалеко от деревни Тяттербаш на пригорке. На этом месте произошла страшная стычка между жителями двух деревень. Ныне это место называется *Хёркке ту* «Гора невесты» или «Горячая гора». Вдоль *Чалйш сул* (букв. кривая дорога) находились маленькие пруды, где замачивали коноплю и лыко. Это место сейчас называется *Кириле күлли* (букв. Кирилла пруд). По легенде, возле этого пруда от голода умер просящий милостыню, нищий Кирилл. Он захоронен там без гроба. На западе деревни с *Арсай лапти* (букв. Арзай низина) начинается *Пасар сулё* (букв. базарная дорога), по которой люди ходили на базар в Оренбургскую область. Чуть дальше в лес от *Арсай лапти* находится *Эльми варё* (букв. Эльми овраг). Этот участок получил название от того, что на этом месте проходила большая часть жизни Эльми. Все лето он со своей семьей жил на пасеке и ухаживал за пчелами. На юго-западе находится *Песукан*. Конокрады часто там резали ворованных лошадей. При въезде в Тяттербаш из Стерлибашево на южной стороне слева находится *Вантер варё* (букв. Вандера овраг). Там погиб мужчина по имени *Вантер*, который ехал домой на лошади. Взбесившаяся лошадь задавила своего хозяина до смерти.

В топонимических преданиях часто встречаются антропонимы (греч. *antropos* «человек» + опута «имя, название»). Восточная часть села Тяттербаш особенно богата различными географическими объектами. Вдоль речки имеется низина *Кирукка лапти* (букв. Кирука низина). На этом месте одинокая женщина по имени Кирука скашивала траву на сено. Из односельчан никто не смел заходить на этот участок. После смерти женщины стали называть этот участок ее именем. *Иван Ниқиш лапти* (букв. Ивана Никитича низина). Здесь проживал очень богатый человек по имени Иван Никитич. Когда его семью раскулачили, ему пришлось покинуть это место и переселиться в середину деревни, где меньше земельного участка. Прежнее место его проживания стали называть *Иван Ниқиш лапти*. В годы Великой Отечественной войны уклонившиеся от фронта прятались в лесах. На востоке деревни Тяттербаш имелись пещеры, где проживали беглецы с разных мест. Для спуска в пещеру была лестница. Из далека этот вход был похож на печку, от этого и назвали пещеру *Таркән кәмаки* (букв. беглеца печка). Дезертиры часто наводили страх местным жителям, поэтому пещеру взорвали. Со слов информаторов, целых два дня гремели взрывы. Полагают, если убрать разрушенный вход, то пещеру можно возобновить. Чуть ближе к деревне от этого места находится *Учук варё* (чув. *уй* – степь, чув. *чүк* – жертвоприношение, чув. *вар* – овраг). В старину здесь проводился обряд моления о дожде, который совершался рядом с водой. Накануне моления со всей деревни собирали крупу, яйца, масло, резали барана и приготавливали из них жертвенные блюда, в первую очередь кашу. Молились, просили о дожде, при этом приносили в жертву Богу часть еды. Выпускали голубя в сторону восхода солнца.

Таким образом, топонимические предания не только поясняют происхождение названий географических объектов, но и раскрывают историю заселения, мировоззрение и традиции чувашского народа.

ПЕТРОВ КОНСТАНТИН ВЯЧЕСЛАВОВИЧ – студент факультета башкирской и тюркской филологии Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Республика Башкортостан.

АФНАСЬЕВА ЛИРА АРКАДЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Республика Башкортостан.

НОВЫЕ УСТОЙЧИВЫЕ ОБОРОТЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ

Аннотация. В статье представлены особенности образования и функционирования устойчивых оборотов, связанных с пандемией коронавируса. На материале новых устойчивых выражений из «Словаря русского языка коронавирусной эпохи», а также из интернет-ресурсов, электронных и печатных изданий рассматриваются вопросы семантики, структуры, вариативности и выполняемых функций новых фразеологических единиц. Устанавливаются основные приемы трансформации новых устойчивых оборотов – семантические и структурно-семантические преобразования (расширение компонентного состава, замена одного из компонентов). Намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: «короналексика», новообразования, терминологический оборот, трансформация, устойчивый оборот, фразеологическая единица.

Фразеологизмы как языковые единицы являются источником национально-культурной информации: в них находят отражение политическая, экономическая и культурная жизнь народа, особенности его быта, а также все изменения, происходящие в жизни людей. В современном языкознании сохраняют актуальность исследования, направленные на изучение историко-культурных и лингвокультурных традиций [9, с. 262; 10; 14; 15]. Сложившаяся ситуация, связанная с пандемией коронавируса, нашла отражение не только в нашей жизни, но и в языке: лексико-фразеологическая система русского языка пополнилась значительным количеством новых слов и устойчивых оборотов; большим количеством представлены слова и выражения, семантика которых претерпела изменения за счет расширения или сужения значения; расширилась сфера употребления специальной лексики [2; 5; 6]. Показательным является факт фиксации и лексикографического описания «коронаслов» и связанных с коронавирусной инфекцией устойчивых оборотов, а также создание словарей, в которых нашло «максимально полное отражение процесса словарного обновления русского языка» [4, с. 325].

Целью данной статьи является анализ устойчивых оборотов, появившихся в эпоху коронавируса, и лингвистическая интерпретация собранного материала. Нельзя не согласиться с тем, что «новые явления в сфере фразеологии и паремиологии не столь многочисленны» и что «отслеживать их намного сложнее» [7, с. 339]. В соответствии с тематикой исследователи новые устойчивые выражения распределяют по группам, в которых находят отражение указание на: 1) дистанционный способ работы и учебы (*виртуальный офис; дистанционное обучение; допандемическое расписание; пандемические каникулы; удаленная работа*); 2) меры борьбы с ковидом (*бесконтактная доставка; дезинфекция рук; ковидный чемоданчик; режим самоизоляции; социальная дистанция*); 3) особенности протекания болезни и лечения (*зеленая зона; красная зона; порог заболеваемости*) [13, с. 144].

Особенностью устойчивых оборотов, появившихся в эпоху пандемии, является их терминологический характер и переход в другие сферы жизни. Широкое распространение узкоспециальных конструкций в речи позволило дополнительно выделить фразеосемантические группы, в которых объединяются устойчивые обороты со следующими значениями: 1) отрезок времени, связанный с коронавирусной инфекцией (*докоронавирусная эпоха; посткоронавирусная эпоха; постковидный период*); 2) отношение к коронавирусу и связанному с ним явлениями (*вирусный суверенитет; коронавирусное безумие; коронавирусный сепаратизм; цифровой концлагерь*); 3) лицо по отношению к коронавирусной инфекции (*бессимптомный носитель; ковидный больной; красные врачи; нулевой пациент; вирусный нигилист; социальные дистанцы*).

Обращает на себя внимание преобладание конструкций, образованных по типу «прилагательное + существительное» (*бесконтактная доставка; зеленая зона; ковидный хвост; масочный режим*), что объясняется «универсальностью внутренних отношений между компонентами, краткостью и специфической семантической цельностью» устойчивых словосочетаний [13, с. 149]. Меньшим количеством представлены структурные модели «существительное +

(определение) + существительное» (*режим самоизоляции; карта ковид-сопротивления*) и «глагол + существительное» (*выйти на плато*).

Новые устойчивые выражения терминологического характера выполняют номинативную функцию, содержат информацию о борьбе с коронавирусом, о его воздействии на организм человека и способах лечения (*искусственная вентиляция легких; масочно-перчаточный режим*), а также называют реалии, связанные с коронавирусной инфекцией (*вакцинный туризм; феномен туалетной бумаги; шашлычные выходные*). Среди устойчивых оборотов, восходящих к специальной фразеологии, нами отмечены фразеологические варианты, которые обозначают одно и то же понятие, но отличаются лексическим составом: *ковидные (коронавирусные) премии; китайский (уханьский, китайско-уханьский) вирус; диванный доктор (вирусолог); вакцинный (прививочный) тур*.

Все исследователи отмечают стилистически сниженный характер «коронаслов», которые характеризуются «широким регистром (разговорные, фамильярные, ироничные, шутливые, грубые)» и помимо номинативной выполняют коннотативную функцию [1, с. 37; 8, с. 119]. Неудивительно, что в разговорной речи активно функционируют выражения, которые сохраняют ту же образную основу, что и стилистически нейтральные устойчивые обороты, но отличаются сниженностью за счет разговорных или просторечных компонентов: *масочный (намордочный) режим; поймать (подхватить, словить, подцепить) корону; коллективный (стадный) иммунитет*.

Для коронавирусного словаря характерны фразеологические инновации, связанные с «переосмыслением прецедентных феноменов» [11, с. 900]. К примеру, фразеологизм *не все дома* ‘кто-либо глуповат, не в полном рассудке’ [3, с. 358] приобретает новое значение, связанное с нарушением режима самоизоляции: *Не все дома – это не оскорбление, это статья УК РФ, в условиях карантина* [12, с. 448]. Полное изменение смыслового содержания наблюдаем в использовании выражения *коронный номер* (‘такой, какой лучше всего удастся кому-л.’) со значением ‘лучшая шутка о коронавирусе’ [12, с. 176].

Процесс образования новых фразеологических единиц может осуществляться на базе уже имеющихся в языке устойчивых оборотов за счет структурных преобразований одного из компонентов, прямо указывающего на ситуацию, связанную с пандемией: *Вот тебе, бабушка, и коронавирус (коронавирусов день)* (ср.: *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день* (ирон., шутл.) ‘о неожиданно не сбывшихся надеждах, резких переменах к худшему и т.д.’) [12, с. 438]; *После коронавируса в четверг* (ср.: *После дождичка в четверг* (шутл.) ‘неизвестно когда, никогда’) [12, с. 447]. Ср. также: *Вирус в бороду – пневмония в ребро; COVID по осени считают; Обещанной вакцины три года ждут; Где родился – там и сиди на карантине; Не имей сто рублей, а имей антисептик; Каше маска не помеха* и др.

В качестве нового компонента трансформированного фразеологизма может выступать слово, косвенно указывающего на существующие реалии: *Ни в зум ногой* (ср.: *Ни в зуб ногой* (прост. ирон. или пренебр.) ‘совершенно ничего не знать; абсолютно не разбираться в чем-л.’) [12, с. 457]. Ср. также: *Око за око; Zoom за Zoom* и др.

Новые устойчивые обороты, появившиеся в языке в коронавирусную эпоху, отличаются тематическим разнообразием, стилистической разнородностью и особенностями употребления. Появление новых выражений и переосмысление уже существующих требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Басыров Ш.Р. Лексика периода пандемии коронавируса в сопоставительном аспекте // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики: сборник научных трудов / под ред. Е.М. Шастиной, В.М. Панфиловой. Елабуга, 2020. С. 36–39.

2. Беженару Л.Е. Все течет, все меняется: новые слова и устойчивые словесные комплексы COVID-ной тематики (на материале русскоязычных СМИ) // Славянская фразеология и паремиология: традиционные и новаторские решения проблем: к 80-летию со дня рождения профессора В.М. Мокиенко / редкол.: Е.В. Ничипорчик (отв. ред.) [и др.]; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2020. С. 52–59.

3. Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий / [авт.-сост. И.С. Брилева и др.]; отв. ред. В.Н. Телия. Москва: Ридерз Дайджест, 2012. 781 с.
4. Геккина, Е.Н. Коронавирусная эпоха в зеркале языка // Шаги / Steps. 2021. Т. 7. № 4. С. 322–331.
5. Голованова Е.И. Динамические процессы в русском языке эпохи коронавируса // Вестник САФУ. Лингвистика. 2021. Т. 21, № 5. С. 33–39.
6. Голованова Е. И. Маджаева С.И. О словаре эпохи пандемии коронавируса // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. No 7(441). Филологические науки. Вып. 121. С. 48–57.
7. Даниленко Л. Коронавирусная эпоха и ее новая лексика и фразеология в славянских языках // Slavia Centralis. 15(1). 327–346.
8. Романова Т.Н., Матижева Е.Г. «Короналексика» как отражение современных реалий // Ашмаринские чтения: сб. ст. XII Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш.ун-та, 2020. С. 117–120.
9. Романова Т.Н., Федорова Н.А. Лингвокультурологический аспект изучения годонимикона (на материале названий улиц г. Чебоксары и г. Алатырь) // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2015. №4. С. 262–266.
10. Романова Т.Н., Федорова Н.А. Отражение правосознания русских и украинцев в пословицах и поговорках // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: сб. ст. Всерос. науч. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. С. 76–82.
11. Северская О.И. Ковидиоты на карантинных участках: коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 887–906.
12. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / составители: Х. Вальтер [и др.]; редакторы: Е.С. Громенко [и др.]; Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2021. 550 с.
13. Чернова О. Е., Осипова А. А., Позднякова Н.В. «Мир никогда не будет прежним»: актуальные фразеологизмы в период пандемии коронавируса // Научный диалог. 2021. No 5. С. 140–153.
14. Olga Evdokimova, Alena Ivanova, Anna Zaharova, Tatyana Romanova, Nadezhda Fedorova. Features of professional training of foreign students – future specialists in Russian philology by Russian universities // The International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences” (CILDIAN-2019) (Volgograd, Russia, April 23-28, 2019). SHS Web of Conferences. Volume 69 (2019).
15. Tatyana Romanova, Olga Evdokimova, Anna Zaharova, Alena Ivanova, Nadezhda Fedorova. The concept family in the Russian and Ukrainian language culture (based on proverbs and sayings) // The International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences” (CILDIAN-2019) (Volgograd, Russia, April 23–28, 2019). SHS Web of Conferences. Volume 69 (2019). <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900136>.

РОМАНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

МАТИЖЕВА ЕЛЕНА ГЕОРГИЕВНА – бакалавр филологии, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова.

Т.Н. РОМАНОВА, Н.А. ФЁДОРОВА

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

Аннотация. В статье анализируется место практического курса русского языка в системе профессиональной подготовки иностранных студентов, представлены особенности формирования орфографической грамотности иностранных студентов-филологов, перечислены трудности, с которыми сталкиваются обучающиеся. Намечены основные этапы становления орфографической грамотности, связанные с необходимостью системного освоения лингвистических дисциплин – фонетики, морфемики, словообразования, морфологии, подчеркивается важность усвоения фонетической системы языка во взаимосвязи с графической. Обращается внимание на виды работ, способствующих закреплению приобретенных орфографических навыков и умений, и указывается на необходимость корректного подбора текстового материала.

Ключевые слова: лингвистические компетенции, методы и принципы преподавания орфографии, орфографическая грамотность, орфографическая зоркость.

В настоящее время возрастают требования к обучению иностранных студентов русскому языку как средству повседневной коммуникации и языку специальности. Овладение иностранными студентами русским языком на достаточно высоком уровне – необходимое условие формирования не только специалиста, но и социально активной личности [10; 12]. Преподавание практического курса русского языка иностранным студентам-филологам напрямую связано с формированием у них орфографической грамотности, необходимой для овладения языком специальности.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных вопросам изучения методов и принципов преподавания орфографии русского языка, проблема развития коммуникативных и лингвистических компетенций студентов-инофонов, перед которыми стоит задача «овладения языком как средством получения профессиональных знаний и как специальностью», сохраняет актуальность, что обусловлено целым рядом факторов [5, с. 88].

Исследователи подчеркивают, что «выражение мыслей в письменной форме на неродном языке – нелегкий процесс, потому что он предполагает наличие у пишущего определенных речемыслительных навыков, умений формулировать мысль в соответствии с заданным стилем» [3, с. 80; 11]. Между тем ограниченный словарный запас иностранных студентов, отсутствие у них системных знаний по русскому языку, крайне низкий уровень грамотности – все это порождает «многочисленные и трудно устранимые орфографические ошибки» [1, с. 278]. Отмечается также недостаточная разработанность методики обучения студентов-иностранцев русской орфографии и пунктуации, указывается на нехватку учебно-методических пособий [4; 8, с. 38]. В связи с этим возникает необходимость поиска новых решений для формирования орфографической грамотности иностранных студентов-филологов [6, с. 97].

Традиционно основой орфографической грамотности считается умение соотносить фонетический и графический образы слова, обозначать звуки соответствующими буквами без их пропусков, замен и перестановок. При изучении русской орфографии иностранные студенты из ближнего зарубежья сталкиваются с трудностями, связанными с латинской графикой их родного языка, а также различиями в фонетической системе русского и родного языков.

Для преодоления этих сложностей практический курс для иностранных студентов рекомендуется начать с изучения особенностей произношения гласных и согласных звуков русского языка (глухих и звонких, твердых и мягких, непроизносимых и удвоенных согласных, сочетаний согласных) и их отражения на письме. Очень важным является усвоение фонетической системы языка во взаимосвязи с графической: понимание, в чем заключается сущность слогового принципа русской графики, который применяется для обозначения парных по твердости/мягкости согласных и согласного звука [j], и знание функций Ъ и способов обозначения мягкости согласных на письме позволит студентам-иностранцам разграничивать твердые и мягкие согласные: *Дина – дыня, гул – Айгуль, волна – вольна, молчи – мальчик, сад – сядь, угол – уголь* и т.п.

Следующим шагом к формированию орфографической грамотности является систематизация знаний по фонетике, морфемике и словообразованию, морфологии (установление особенностей структуры однокоренных слов, словообразовательного значения, роли морфемы как значимой части слова, учет семантики словообразующих аффиксов, разграничение частей речи и др.), что будет способствовать усвоению принципов русской орфографии, на которых строятся все правила: морфологического, суть которого заключается в единообразном написании всех родственных морфем (*воды – вода – водяной*); фонетического, в соответствии с которым произношение находит отражение на письме (*разбить – распить*); исторического, объясняющего написание слов по традиции (*жить, карман, убирать – уберу*). В отдельную группу выделяются дифференцирующие написания, различающие значения слов: *любовь – Любовь, детский плач – не плачь, отказаться от части – отчасти прав* и др.

Орфографические умения и навыки формируются в процессе выполнения иностранными студентами специальных упражнений, направленных на усвоение системы правил, например: 1) установить соответствие между словом с безударной гласной в корне и проверочным словом (I. Вд(о/а)ли от дома; гулять в л(е/и)су; х(о/а)лодный день. II. Холод; даль, дальний; лес (образец ответа: вдали – даль); 2) подобрать проверочные слова с помощью формы единственного числа: ст(о/а)лы, д(е/и)ла, д(о/а)лги (образец ответа: дома – дом); 3) объяснить правописание глухой или звонкой согласной буквы с помощью формы множественного числа: зу(б/п), моро(з/с), голу(бь/пь), гво(здь/сть) (образец ответа: столб – столбы). Эта работа представляется нам очень важной, так как зачастую иностранные студенты не видят связи между элементами словообразовательного гнезда, воспринимая такие слова как «словарные», требующие запоминания, поэтому в качестве действенного способа рекомендуется «подбор морфологической аналогии и опора на словообразовательную модель русского слова» [9, с. 182].

Усвоение орфографических правил и усовершенствование приобретенных навыков и умений требует постоянной работы, направленной на развитие орфографической зоркости. Очень эффективной является словарная работа, связанная с подбором синонимов и антонимов, установлением лексических значений слов, в том числе многозначных, и употреблением их в различных стилях в соответствии с коммуникативной задачей.

Для закрепления орфографического правила и проверки грамотности рекомендуется проведение различных видов диктантов (объяснительных, предупредительных, контрольных), творческие работы, тестовые и игровые задания. На всех этапах работы очень важным является тщательный подбор текстового материала с учетом национальных особенностей аудитории, уровня подготовки студентов, лингвострановедческих особенностей, а также «профессионально-ориентированной направленности» [7, с. 67; 2]. Учет принципов отбора фактического материала и практическая направленность заданий позволят сформировать необходимые навыки у иностранных студентов-филологов и тем самым повысить орфографическую грамотность будущих бакалавров филологии, а значит, развить не только лингвистические, но и профессиональные коммуникативные компетенции.

Литература

1. Анисимова И.Н., Никитина А.Ю., Петрова О.А. О проблемах преподавания русского языка представителям ближнего зарубежья // Актуальные вопросы интернализации высшего образования: опыт и перспективы: материалы XIII Междунар. учебно-метод. конф., посвящ. 30-летию международной образовательной деятельности ЧГУ имени И.Н. Ульянова. Чебоксары, 2021. С. 276–280.
2. Бакина И.Н. Лингвострановедческий комментарий текста в иноязычной аудитории // Чтения, посвященные дням славянской письменности и культуры: сборник статей Региональной научной конференции. Чебоксары, 2020. С. 17–22.
3. Бахтина С.И. Развитие коммуникативной компетенции студентов-инофонов в процессе комплексного подхода к обучению // Развитие экспортного потенциала высшего образования: содержание, опыт, перспективы: материалы XI Междунар. учебно-метод. конф. Под ред. А.Ю. Александрова, Е.Л. Николаева, А.М. Шамсиева, Ш.А. Юсупова. Чебоксары, 2019. С. 78–82.
4. Гаврилова И.В. К вопросу о формировании орфографической и пунктуационной грамотности студентов-иностранцев // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 28. С. 16–18. URL: <http://e-koncept.ru/2017/770675.htm>.
5. Евдокимова О.К., Романова Т.Н. Использование ономастического материала в подготовке иностранных студентов-филологов // Эпомен: филологические науки. 2022. № 1. С. 86–100. URL: https://epomen.ru/issues/philological_sciences/01/epomen-philological.
6. Евдокимова О.К., Романова Т.Н., Федорова Н.А. Особенности дистанционного обучения иностранных студентов-филологов // Высшее образование в условиях глобализации: тренды и перспективы развития: материалы XII Междунар. учеб.-метод. онлайн-конф. Чебоксары, 2020. С. 96–101.
7. Кожемякова Е.А., Петухова М.Е., Симулина И.А. Принципы отбора языкового материала для создания лингвистических игр при обучении русскому языку как иностранному // Теоретические и практические вопросы изучения русского языка в аспекте региональной картины мира: сборник статей. Казань, 2018. С. 58–66.
8. Корабо О.А. Изучение орфографии русского языка студентами-инофонами // Лингводидактика: новые технологии в обучении русскому языку как иностранному: сб. науч. ст. / редкол.: С. И. Лебединский (гл. ред.) [и др.]. Минск : Изд. Центр БГУ, 2017. С. 38–41.
9. Позднякова А.А., Кабак М.А., Чепкова Т.П. Принципы отбора орфографического материала для обучения иностранных студентов письменной речи // Преподаватель XXI век. 2020. № 4. С. 176–186.

10. Olga Evdokimova, Alena Ivanova, Anna Zaharova, Tatyana Romanova, Nadezhda Fedorova. Features of professional training of foreign students – future specialists in Russian philology by Russian universities // The International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences” (Volgograd, Russia, April 23–28, 2019). SHS Web of Conferences. Volume 69 (2019). <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900135>.

11. Petrova O.A., Nikitina A.Yu., Romanova T.N., Fedorova N.A., Abramova A.G., Ignatieva E.A. Formation of speech skills in online teaching Russian as a foreign language // 9th International Conference on Education & Education of Social Sciences. Abstracts & Proceedings E-publication. 2022. С. 34–37.

12. Tatyana Romanova, Olga Evdokimova, Anna Zaharova, Alena Ivanova, Nadezhda Fedorova. The concept family in the Russian and Ukrainian language culture (based on proverbs and sayings) // The International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences” (CILDIAH-2019) (Volgograd, Russia, April 23–28, 2019). SHS Web of Conferences. Volume 69 (2019). <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900136>.

РОМАНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

ФЁДОРОВА НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Н.И. ЯКИМОВА, Г.Н. СЕМЕНОВА

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Исследование фразеологизмов в ряде тюркских языков (чувашского, татарского, башкирского, турецкого) имеет важное значение как для решения ряда частных и общих проблем фразеологического фонда языка, так и для лексикографической практики и повышения культуры речи. Особое значение в данной статье мы придаем типологическому и сравнительно-сопоставительному анализу фразеологизмов, характеризующих физическое состояние человека. Методы сопоставления, сравнения, компонентного анализа стали основными [3], [7], [8]. Предпринятая методика позволила выявить национально-культурные особенности [4], [5], [6] фразеологизмов с семантикой физического состояния человека.

Ключевые слова: фразеологический фонд языка, фразеологические единицы, типологический и сравнительно-сопоставительный анализ, национально-культурная специфика, образность.

В данной работе за основу взята трактовка термина фразеологизм в широком лингвистическом смысле. В ней рассмотрены фразеологические единства и сочетания, представляющие процессуальные фразеологические единицы. Целостное значение в них сформировано на основе трактовки переосмысления словесного комплекса, т.е. базового свободного словосочетания [1], [10]. Их внутренняя форма прозрачна. Собранный материал представлен четырьмя подгруппами:

1) **утрачивать чувство равновесия, болезненное состояние:** чув. *пуç çаврăнать / çаврăнчĕ* «кто-либо испытывает головокружение (от усталости, переутомления и т.п.)» (букв. голова кружится (закружилась), *пуç сурăлать* (букв. голова раскалывается), русск. соотв. *голова кружится (закружилась)*, тат. *баи эйленеп бетте* (букв. голова закружилась), *баи катып бетте* (букв. голова затвердела), башк. *баи эйленеп китте* (букв. голова закружилась), тур. *başım ağrıyor* (букв. у меня (моя) голова болит), *kafam bozuldu* (букв. у меня (моя) голова испортилась), *baş dönтек* (букв. голова кружится): «*Te пăлханнипе, те фельдшер аллинчи шприца курнипе, Вера пуçĕ çаврăнса кайрĕ* [Чебоксаров, 1987, 67] «То ли от волнения, то ли, увидев шприц в руках фельдшера, голова у Веры закружилась»; «*Вăл çапла, çиес килет тесе*

чарансанах, манан **пуç çаврайса кайрĕ** [Ашм., XI, 17] «Моя голова закружилась, как только он(а) сказал(а), что хочет перекусить»; *Шывра çапла шухайласа тăнă çĕртрех пуç çаврайса килчĕ те, весерле кайрайм ўкрĕм* [Ашм., XI, 17] «Голова закружилась и упала навзничь когда стояла в реке о чем-то раздумывая»; – *Мĕн амакĕ пулчĕ тата? – ыйтрĕ упайши* «Что еще стряслось? – спросил супруг.

– **Пуç суралать.** *Иртенпех тăман* (Миллин) «Голова раскалывается. С утра туман»; *Минем башым айланă* [Исанбэт, 1989, 153] «Моя голова закружилась»; *Сăгыйдәнең башы айланде, ул кинĕт кычкырып еларга телĕде, лăкин яшьлĕре тын юлларына тыгылып анны будылар* [ТФПиП, 1957, 200] «У Сагыйда закружилась голова, ей захотелось громко закричать и заплакать, но слезы застряли в глазах»; *Yurdun kapısının önüne geldiği zaman başının dönmeye başladığını hissetti* [Banguoğlu Tahsin, 1998, 53] «Оказавшись у ворот общежития, почувствовала, что закружилась голова»;

2) **испытывать слабость, обморочное состояние:** чув. *куç хуралать* «кому-либо становится дурно, плохо, обычно от усталости, слабости, волнения и т.п.» (букв. глаза чернеет); русск. соотв. *в глазах темнеет [мутится, зеленеет]*; тат. *күз бәйләнү* (букв. глаза заплетаться), башк. *күз бәйләнәү* (букв. глаза заплетаться), *күз тоноу* (букв. в глазах темнеть), *күз алды караңгылану* (букв. темнеть перед глазами), тур. *gözleri buğulanmak* (букв. глаза затуманиться), *göz bulanmak* (букв. глаза помутнеться): *Чĕре сиксе тухас нек шаккатъ, куç-пуç хурала-хурала килет* [Уяр, 1984, 116] «Сердце стучит будто хочет выскочить, в глазах начинает темнеть»; *Вара куçĕ хуралса килчĕ. Вăй-халĕ тăмăч пĕтрĕ. Вăл самантлăха минренĕ сын нек выртрĕ* [Алендей, 1988, 294] «Затем в глазах потемнело. Неожиданно силы покинули. В то же время упал, словно потерял сознание»; *Кояш баеган, күз бәйләнă башлаган иде* [Исанбэт, 1989, 456] «Когда выглянуло солнце, в глазах потемнело»; [Ул] *күз бәйләнĕнче казармага житĕргĕ ашықты* [ТСТЯ, 1979, 284] «Он поспешил добраться до казармы, пока не помутнело в глазах»; *Koltukta yatarak kitap okurken birden bire gözlerim bulandı* [Gülensoy Tuncer, 1998, 37] «Когда читал книгу, лежа в кресле, в глазах моих вдруг потемнело»;

3) **испытывать усталость:** чув. *пуç пăтавка [чўлмек] нек* «кто-либо теряет способность ясно соображать от множества дел, забот, переживаний и т.п.» (букв. голова как пудовка, горшок); русск. соотв. *голова как чугунная*, тат. *баш чуйен кебек* (букв. голова как чугун), *башым тубал кебек булды* (букв. голова стала, словно котел), башк. *баш тубал кеуек булды* (букв. голова стала, словно котел), тур. *kafam kazana döndü* (букв. моя голова превратилась в котел): *Ирхине пăтавка пуçна тăратчĕ слесарь* [Максимов, 1982, 211] «Утром слесарь вставал с чугунной головой»; *Көне буге борчып йөргән сораулардан башым чуен кебек булды* [ТСТЯ, 1977, 139] «От тревожных вопросов за целый день голова стала как чугунная» *Matematik problemini çözüp bitirene kadar kafam kazana döndü* [Gülensoy Tuncer, 1998, 124] «Пока решал задачу по математике, голова стала как котел»;

4) **испытывать чрезмерное утомление:** чув. *ураран ўк* «приводить в лежачее положение; вынуждать упасть, лечь» (букв. падать с ног), *ураран ура иртми пулчĕ* (букв. нога за ногу не переставляется); русск. соотв. *валить [сваливать] с ног*, тат. *аягым калмады* (букв. ног не осталось), башк. *аяк калманы* (букв. ног не осталось), тур. *ayaklarına kara su inmek* (букв. на его ноги спуститься черная вода), *bacakları koptuk* (букв. ноги отваливаться): *Пĕр татăк хытнă çăкăршăн ураран ўкиччен ėçлетĕн* [Ашм., III, 260] «Из-за куска черствого хлеба работаешь пока не свалишься с ног»; «*Бик ардым, аяк атлар халем калмады димăктән*» [Исанбэт, 1989, 117] «От сильной усталости я свалился с ног»; *Istanbul sokaklarında bütün gün koşuşturarak gezince akşama doğru bacaklarım koptu* [Göker Osman, 1997, 224] «Я совершенно изнемог от беготни по улицам Стамбула, к вечеру ноги отвалились»;

чув. *чĕлхене кăларса пăрах* «в хлопотах до изнеможения (делать что-либо)» (букв. язык высунуть / вытаскивать); русск. соотв. *высунув (высунувши) язык*, тат. *телеңне аркылы тешлăу* (букв. языка укусить поперек), башк. *телде аркыры тешлăу* (букв. языка укусить поперек), тур. *dili bir karış dışarı sarkmak* (букв. язык вытянуться в наружу), *dili bir karış çıkmak* (букв. язык выходить в один пядь): *Вăл чĕлхине кăларса пăрахса чупать, сывлăш çавăрса илеймест*

[Капк., 1991, №9, 8] «Он(а) бежит высунув язык, задыхаясь»; *Әмма кешеләр... башларын түбән теп, телләрен аркылы тешиләп булса да түзделәр* [ТСТЯ, 1981, 73] «Но люди..., склонив головы, терпели высунув язык»; *Uzun mesafe koşup geldikten sonra dili bir karış çıktı* [Tan Nail, 1997, 27] «После пробежки на длинную дистанцию высунул язык».

Таким образом, в рамках данного исследования были выделены четыре семантические подгруппы фразеологических единиц, обозначающих физическое состояние человека, имеющих в основном грамматическую структуру глагольных словосочетаний. Основным свойством и признаком рассмотренных единиц, по нашему мнению, является образность [2], [9], [11]. Прийти к данному заключению позволяет и тот факт, что именно образность служит самым ярким признаком на фоне спаянности компонентов и их семантики при условии метафорического их переосмысления. Перспективным представляется дальнейшее изучение выделенных подгрупп с точки зрения этимологии и исторического контекста. Это позволило бы исследователю внести вклад в изучении быта, нравов и ценностей менталитета того или народа – носителя языка.

Литература

1. Иванова А.М., Семенова Г.Н. Словообразование в чувашском языке – III // Вестник Чувашского университета. 2014. № 3. С. 80–83.
2. Михайлова Р.В., Семенова Г.Н. Диалект как форма крестьянской духовности // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 172–174.
3. Семенова Г.Н., Якимова Н.И. Феномен репрезентации обобщенного субъекта пословиц и поговорок в чувашском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 8. С. 2531–2535.
4. Семенова Г.Н., Иванова А.М. Грамматикализованные и фразеологизированные синтаксические конструкции в чувашском языке // Мировая тюркология и Казанский университет: материалы Международной научно-практической конференции. 2018. С. 351–354.
5. Якимова Н.И. Соматические фразеологические единицы чувашского языка: опыт сравнительно-сопоставительного исследования с татарским, башкирским, турецким языками // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2007. 25 с.
6. Якимова Н.И. Некоторые критерии выделения различных типов межъязыковых соответствий // Творчество Флора Васильева и вопросы языка, литературы, образования в глобализирующемся мире: материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию удмуртского поэта Флора Ивановича Васильева. Глазов, 2014. С. 213–215.
7. Якимова Н.И. Некоторые подходы изучения фразеологии по тематическим и семантическим полям // Ашмаринские чтения: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. С. 157–162.
8. Якимова Н.И., Ермакова Г.А. Пословицы и поговорки в детских рассказах И.Я. Яковлева // Национальные языки и литературы в поликультурных условиях: сборник научных трудов. Чебоксары: Изд-во Чувашский государственный педагогический ун-т им. И.Я. Яковлева, 2018. С. 146–149.
9. Якимова Н.И. Обстоятельственно-оценочная и пространственная характеристика восприятия фразеологизмов // Билингвальное (полилингвальное) образование и межкультурная коммуникация в XXI веке: сборник научных статей. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2014. С. 62–63.
10. Якимова Н.И. Особенности межъязыковых соответствий фразеологизмов в чувашском, татарском, башкирском и турецком языках // Вопросы лингводидактики и межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. Чебоксары, 2015. С. 315–319.
11. Якимова Н.И. История изучения соматической фразеологии // Чувашский язык и литература: теория и методика: сб. ст. Чебоксары, 2016. С. 203–208.

ЯКИМОВА НАДЕЖДА ИВАНОВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

СЕМЕНОВА ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА – доктор филологических наук, профессор Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

В.Г. РОДИОНОВ, И.Ю. КИРИЛЛОВА

ИСТОКИ СТАНОВЛЕНИЯ ДРАМАТИЧЕСКИХ ЖАНРОВ
В ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. Статья посвящена истокам формирования жанрово-родового сознания первых чувашских писателей и становлению драматических жанров в чувашской художественной словесности. Авторами особое внимание уделяется таким жанрам как *вйй*, *камит*, *пейёт*, которые способствовали развитию комедийного и трагедийного сознания в чувашской словесности.

Ключевые слова: чувашская литература, творческое сознание, род драмы, этнические константы, ролевые игры, автор-творец.

В состав национальной словесности входят, как известно, фольклор и литература. К периоду становления письменной литературы художественные формы «давно уже установились и были высоко развитыми и древними» [11, с. 155]. Родо-жанровое деление устного народного творчества тоже относится к самым древним его категориям. В данной работе мы в большей части будем использовать словосочетание «жанрово-родовое сознание», которое используется с целью смещения проблемы словесности в плоскость субъектно-объектных отношений, в сферу литературного самосознания, сознательного и бессознательного в словесном творчестве. Движение от фольклора к литературе растянуто, как убедительно утверждает А.Л. Топорков, на тысячелетия, оно не получило своего завершения до настоящего времени [11, с. 155]. По этой причине проблему становления жанрово-родового сознания этноса, в том числе и рода драмы, необходимо рассматривать в рамках не только отдельных сфер национальной словесности (устной и письменной), но и во всем пространстве ее существования. В данной работе мы ограничимся пунктирным обозначением основных эпох становления родо-жанрового сознания, а также периодом письменной фиксации текстов, когда начинался процесс зарождения новой формы вербального дискурса (художественной литературы). Именно тогда на основе фольклорной поэтики сложилось представление составителей письменных текстов о принадлежности их творений к определенным жанрам и родам словесности. Основной целью авторов данной работы является выявление истоков становления жанрово-родового сознания первых писателей и классиков чувашской литературы. Больше всего нас интересуют истоки отдельных жанров такого рода как драма.

Поиск начал чувашской драмы приводит исследователя к ряду истоков. Первый – это детские и молодежные ролевые игры (*ача-пӑча вӑййисем*), в которых слово (зачастую стихотворное) сопровождает действия участников игры. Например, в игре «*Кӑшманла*» («В свеклу») присутствуют две группы персонажей: «хозяева» и посаженные ими «свеклы». Первыми начинают «петь» качающиеся на ветру «растения»: «*Каш-каш сил кашлать, / Каш-каш сил кашлать, / Ир те пулать, каҫ та ҫитет, / Пире килсе шӑвармаҫ*» (Каш-каш! ветер дует, / Каш-каш! ветер дует, / Утро прошло, вечер наступает, / Нас никто не поливает»). После этой сцены приходят «хозяева» и показывают движения, производимые во время поливки растений.

Следующая сцена связана с летней прополкой, далее – с осенней уборкой: «*Кӑ-ӑш, кӑ-ӑш, кӑш кӑшман, / Кӑ-ӑш, кӑ-ӑш, кӑш кӑшман, / Ир те пулать, каҫ та пулать, / Ҫу та пулать, кӑр те пулать, Пире ҫаплах кӑлармаҫҫӗ. // Кӑ-ӑш, кӑ-ӑш, кӑш кӑшман, / Сывлӑм та ӱкет, тӑм та ӱкет, / Ҫумӑр та ҫӑвать, юр та ҫӑвать, / Пире ҫаплах кӑлармаҫ*» («Кы-ыш,

кы-ыш, кыш! свеклы, / Кы-ыш, кы-ыш, кыш! свеклы, / Утро приходит, вечер уходит, / Лето приходит, осень уходит, / Нас никто не убирает. / Кы-ыш, кы-ыш, кыш! свеклы, / Роса выпадает, заморозки наступают, / Дожди выпадают, снега покрывают, / Нас до сих пор не убирают»). Полностью назревший конфликт между двумя группами персонажей к концу игры разрешается показом трудоемкой уборки свеклы [3, с. 18–20]. Имеются и другие варианты конфликтов (между человеком и зверем, хищной птицей и т.д.) [3, с. 23–25, 32–34, 36–37, 42–43, 45, 47, 48–49]. Во всех этих текстах наблюдается синтез действия и слова, последнее зачастую произносится как составная часть песни. В подобных текстах нет повествователя, его функцию выполняют ролевые персонажи, которые входят в диалог в форме прямой речи, мелодии и содержательных действий.

Другим источником сложения рода драмы необходимо назвать *мӑн кӑрнӑкер сӑмахӑ* (*такмакӑ*), который традиционно переводится как «речь старшего дружки». Форма речи данного мифологического эпоса (в основном изображающей речью повествователя) максимально близка орхонским текстам древнетюркской поэзии (VIII в.) [10, с. 320–321]. Такая форма речи, как утверждает Н.Д. Тмарченко, относится к более развитой форме поэтической речи, чем в «основном изображенной речью персонажей» [11, с. 223]. Подобный исконно тюркский мифологический эпос у казанских татар со временем заменен жанром *дастан*, широко распространенным в письменной культуре восточных народов, а в чувашском фольклоре сохранен с элементами изображающей речи *мӑн кӑрнӑкер* и слушающей публики.

К отличительным чертам письменной словесной культуры в «Истории чувашской литературы XVIII–XIX веков» мы включили ее фиксированность и наличие автора текста [4, с.126]. «Письмо, – пишет А.Л. Топорков, – создало предпосылки для появления сознательного авторства со всем спектром связанных с ним понятий, в том числе и с понятием о художественном вымысле» [11, с. 154]. Опубликованный фольклорный текст, теряя свою вариативность, обретает новое качество – авторское сознание (оно в фольклоре является неосознанным). Читатель знакомится с этим текстом не в период его исполнения, а через определенный промежуток времени, быть может, и годы. Поэтому он воспринимает этот фольклорный текст как новый, созданный (записанный) конкретным человеком. Фактически текст фольклора тоже воспроизводится по памяти исполнителя, когда-то услышанного от того или иного мастера [11, с. 138]. Например, знаменитый чувашский певец Гаврил Федоров многие исполняемые песни фиксировал в своей памяти как авторские (услышанные от конкретных людей в фиксированном месте и времени). По этой причине все тексты, созданные (в том числе и опубликованные тексты фольклора) в период становления чувашской литературы (XVIII–XIX вв.) мы рассматриваем в аспекте эволюции формирования индивидуального авторского сознания [4, с. 62–64, 126–153].

Итак, третьим источником становления чувашской драмы необходимо назвать фольклорно-этнографические записи чувашских бытописателей, прежде всего описания свадебного обряда. Самым наиболее полным таким описанием следует считать записки землемера Симбирской губернии Мильковича (1783), которые были опубликованы Н.В. Никольским в 1906 г. [7, с. 481–507]. Часть описания брачной церемонии буинских чувашей можно представить как готовый сценарий спектакля под названием «Чувашская свадьба». Здесь автор-повествователь рядом с длинными ремарками помещает и русский перевод речей отдельных персонажей, вербально перечисляет свадебные и бытовые предметы, описывает акционные и другие обрядовые тексты свадьбы [7, с. 487–491].

Наиболее приближенным к сценарию свадьбы верховых чувашей является очерк С. Михайлова (Яндуша) «Чувашские свадьбы» (1852) [6, с. 67–91]. Здесь персонажи имеют собственные имена, их образы скопированы с родственников самого автора, а их речи подаются не в переводе, а на языке оригинала. Данный автор сочинил, как известно, шесть произведений, которые мы назвали «разговорами-диалогами». Фактически они относятся к драматическим произведениям, имеют открытые и скрытые ремарки.

В заслугу писателя следует его описание *шилёк*, специально устраиваемые для свадебной церемонии места «из досок, положенных на чурбашках, вышиною в аршин, с обширною в середине площадкою для плясок», «точно такие, как у фигляров в балаганах для зрителей, и со входом с одного угла на площадку, на которой ставят два стола с пивом, вином и разными кушаньями» [6, с. 73–74]. С устройства вышеописанной сцены для исполнителей ролей свадебных персонажей (по определению автора очерка «амфитеатра») жених посылал «верхом полдружку собирать на свадьбу прочих поезжан» [6, с. 74].

С. Михайлов (Яндуш) в очерке сообщает, что у верховых чувашей середины XIX в. вышеописанные специальные «сцены» временно устраивались во дворе как дома родителей невесты, так и жениха [6, с. 73]. По представлению Н.И. Ашмарина *шыльак* – это «название свадебного обряда, который совершался в доме невесты (*туй* – в доме жениха)» [1, с. 188]. Но далее перечисляются остальные семантики данного термина: «особо устроенное место для получения от молодых подарков», «место, где устраивалась свадьба у невесты», «стол, за который сажаются поезжане, приехавшие за невестою», «сиденье из досок для “*туй халэх*”», «оповещающий о свадьбе мальчик» (*шилёк йыхаракан, шилкё*) [1, с. 188–189, 198–200].

Слово *шилёк* (варианты: *шилэх, шылэк, шыльак, шырлак*) имеет несколько этимологических объяснений. Чувашский материал указывает на то, что этимологию данной лексемы следует искать в кругу действий свадебных церемоний. М.Р. Федотов осторожно допускает, что все тюркские марийские варианты данного термина восходят к общетюркской основе *сый* («угощение», «подарок», «уважение» и др.) + *-лык* (аффикс) [12, с. 21, 466]. В таком случае изначальной семантикой *шилёк* следует считать как «место для получения подарков и угощения [свадебных поезжан]».

Более раннее значение этого термина было связано, скорее всего, с полной выплатой калыма, а затем появились остальные семантики, связанные с подарками, трапезой и общим весельем. Не случайно выбором места и установкой *шилёк* командовал *вай килли* (< *вай килё нуçё* «глава дома игр»), который, был главной фигурой действий, происходящих при встрече свадебной свиты невесты со свадебными поезжанами жениха (у низовых чувашей подобный «игровой дом» находился не в доме родителей) [1, с. 188]. Мы полагаем, что можно реконструировать наиболее раннюю семантику названия обряда (как похода за добычей и невестой) древних предков чувашей: *çуй* (< др.-тюрк. *jaxı* «враг» [12, с. 129]) + аффикс *-лак* «арена встречи с врагами». Не случайно свадьба в доме родителей невесты (территория «врагов») называлась, как весьма метко заметил Н.И. Ашмарин, не *туй*, а *шилёк*. В таком случае название *вай килё* следует отнести к эпохе, когда военные походы были заменены с условной игрой в эти походы. Это уже время обитания предков чувашей на Средней Волге. Дружина жениха, как описывает С. Михайлов (Яндуш), называлась нукерами (воинами-товарищами) главного героя, они были вооружены, сидели на конях. Драки между двумя группами свадебных поезжан на чувашской свадьбе допускались вплоть до начала XX в.

Общетюркское *ойун* (> чув. *вайй*) имеет следующие семантики: 1. «игра» (в разных значениях); «состязание»; «развлечение», «забава, шутка»; «шалость», «баловство, потеха»; «веселье»; «пирушка»; «вечеринка»; «игра на музыкальном инструменте, пение»; «музыкальный инструмент»; «музыка»; «учение, маневры». 2. «пляска, танец»; «игра, танцы»; «постановка, театральное представление». 3. «шаманское моление и его части». 4. «обман, плутовство»; «козни, интриги»; «искусство, хитрость, фокус»; «чучело, пугало». 5. «место, изобилующее чем-либо» [13, с. 435]. В чувашском языке словом *вайй* образуют такие понятия как «цирк, балаган» (*шуйттан ваййи* «игра шайтана»), «кукольный театр» (*пукане ваййи* «игра кукол») [2, с. 292]. Наиболее развитые семантики обнаруживаются в огузской группе языков («постановка, театральное представление»).

Итак, этимологические поиски свадебных терминов позволяют нам считать, что игровые функции чувашского свадебного обряда сложились в средние века. Некоторые древние термины сохранились, но они трансформировались, скорее всего, как по внешней форме, так и по семантике. Так, чувашский исследователь и поэт Н. Ефимов в 1880-е гг. назвал цирк термином *камит* (< комедия). И. Я. Яковлев в своей статье «О влиянии театра» (1870) видел

его назначение в служении человеку развлечением и удовольствием после обыкновенных занятий, не утомляя его и не требуя от него напряжения умственных способностей [14, с. 383]. Можно заключить, что тяга чувашской творческой интеллигенции к комедии возникла в те годы бессознательно, под воздействием этнических констант. В чувашском фольклоре широко были распространены различные стихотворные диалоги, в которых изобилуют игра звуков и слов, имеют различные оттенки народного смеха. На них построена и классическая комедия Ф. Павлова «*Сутра*» (На суде, 1917) [4, с. 121].

Наравне с комедией в чувашской драматургии стал формироваться и жанр трагедии. Первые пьесы Г. Комиссарова «*Чăваш туйĕ*» (Чувашская свадьба, 1901) и «*Вьртмара*» (На кормежке, 1903) относятся к этнографически-бытовым драмам. Третья его пьеса «*Авлану*» (Женитьба, 1903) имеет трагическую фабулу [4, с. 123–124]. Следует считать, что именно традиционное жанрово-родовое сознание автора привело автора к изображению чувашской свадьбы с трагическим финалом.

Такие причины обращения к трагедийным сюжетам выявляются и в творчестве классика чувашской литературы К. Иванова (Кашкыра). Самое первое произведение, которое стало фактом для признания ученика приготовительного класса Симбирской чувашской учительской школы (СЧУШ) как стихотворца, стало известно после новогодних каникул 1904 г. По воспоминаниям одноклассницы, будущего чувашского писателя Марфы Трубиной, тогда пошли слухи, что Константин сочинил стихотворение о трагической смерти одной девушки-родственницы. Далее со слов подружек она дала такую оценку: «*Сăвви титĕ хитре вара. Çав тери хурлăхлă, вуласан йĕрсе ярăн терĕç*» («Сказали, что стихотворение очень прекрасное. Элегически-трагического содержания, невозможно читать без слез») [5, с. 78].

Это было сюжетное стихотворение, по тональности и поэтике весьма близкое, скорее всего, к фольклорному жанру *пейĕт* (пейет). Прототипом главной героини этого лиро-эпического произведения К. Иванова (Кашкыра) явилась, в чем мы не сомневаемся, тетка поэта по отцу, его учительница и наставница Евгения Николаевна, окончившая СЧУШ в 1899 г. Совпадение ее внезапной перемены места жительства и неожиданной смерти несколько загадочно: в конце августа 1903 г. она проводила племянника и племянницу в СЧУШ на учебу, тогда же перебралась жить из д. *Кекен-Васильевка* в родную деревню своей матери – *Ахнус*, а через несколько месяцев умерла в двадцатидвухлетнем возрасте. Смерть молодой учительницы родственники мотивировали какой-то внутренней болезнью (*айи чирĕ*) [5, с. 63, 66], что вызывает большое сомнение. Наш Константин, потрясенный преждевременной смертью своей наставницы и, зная истинную причину своей любимой тетки, не мог бы данный артефакт оставить вне фабульных коллизий своих лиро-эпических произведений трагического содержания. Но в руках талантливого поэта данное реальное событие было бы более или менее скорректировано и подчинено главной идее автора-творца.

Очевидно, не без воздействия творчества своего школьного коллеги, сходное стихотворное произведение трагического содержания было сочинено Марфой Трубиной («*Елик*», 1906), жанр которого ею определен как *халăх халанĕ* «народное предание». Там дочь богача Елик, насильно выданная отцом замуж за «чужого» (марийца), во время переправы через Волгу утопилась, тем самым выразила протест не только отцу, но и всему миру богатства и насилия. Подобный, но более усложненный трагедийный лейтмотив содержит и «*Нарспи*» К. Иванова (Кашкыра), а также произведения ряда поэтов конца XIX – начала XX в. [4, с. 19, 64]; [9, с. 210, 301, 302].

Главная особенность фольклорного лиро-эпического жанра *пейĕт* отражена «в основном изображенной речи персонажей» [11, с. 223], т.е. в преобладающих в тексте монологов героев. Изображающая речь повествователя или рассказчика в данном жанре сведена до минимума. Именно такая особенность жанра *пейĕт* (преобладание монологов персонажей и трагический сюжет) способствовали формированию трагедийного сознания первых чувашских поэтов. К. Иванов (Кашкыр) еще в первой половине октября 1906 г. приступил к написанию своей первой стихотворной трагедии («*Йывăр сұл*» – Трудная година), в конце октября он изменил ее название («*Тăлăх ача*» – Сирота) [8, с. 20–21]. Тогда же поэт намеревался

написать комедию в одном действии («Эрех» – Алкоголь). До начала 1907 / 1908 учебного года поэт приступил к написанию трагедии «Шуйттан чури» (Раб дьявола) [8, с. 46]. Все это говорит о том, что родовое сознание драматурга в тот период было концентрировано на двух жанрах – трагедии и комедии. Последнее его драматическое произведение, написанное в жанре комедии, к сожалению, не сохранилось, оно, скорее всего, не было завершено, а часть написанного, как мы полагаем, вошла в «Нарспи». Последующие за классиком драматурги, как под гипнотическим воздействием поэмы-трагедии К. Иванова (Кашкыра), разрабатывали проблемы «любовного треугольника» на фоне чувашской свадьбы.

В конце следует изложить основные выводы, сделанные на основе анализа исследуемого материала.

1. Фольклор и литература являются как два вида словесного творчества и имеют общий материал (естественный язык), поэтические категории (роды, виды и жанры). Так как с утверждения письменности они сосуществуют параллельно и взаимодействуют друг на друга, современные литературоведы обязаны изучать эти коэволюционные процессы и восполнить образовавшиеся лакуны.

2. Истоки становления драмы как жанрово-родового сознания творцов чувашской словесности уходят своими корнями в седую древность, когда между племенами и родами складывались традиции совершения грабительских походов за добычей скота и людей (в том числе и жен) соседних этнических сообществ. С тех эпох развивался свадебный обрядовый комплекс, который со временем все более и более стал обогащаться игровыми элементами.

3. В чувашском письменном языке XIX в. словом *вайй* выражали такие понятия, как «цирк, балаган» (*шуйттан ваййи* «игра шайтана»), «кукольный театр» (*пукане ваййи* «игра кукол»). В 1880-е гг. в чувашский лексикон вошел термин *камит*, которым стали называть комедийные зрелищные представления, в том числе и драматургический жанр «комедия». Тяга чувашской творческой интеллигенции к комедии возникла в те годы бессознательно, под воздействием этнических констант.

4. Особенности жанра *пейёт* (преобладание монологов персонажей и трагический сюжет) способствовали формированию трагедийного сознания чувашских поэтов начала XX в.

Литература

1. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: в 17 т. Чебоксары: Руссика, 2000. Т. 17. 434 с.
2. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: в 17 т. Чебоксары: Руссика, 1994. Т. 5. 420 с.
3. Воронцов Г.И. Ача-пӓча ваййисем: Вайӓсем. Шӓпа сӓввисем. Пӓрремӓш пайӓ. Шупашкар: Чӓваш кӓн. изд-ви, 1992. 128 с.
4. История чувашской литературы XX века. Ч. 1 (1900–1955 гг.): коллективная монография / В.Г. Родионов, И.Ю. Кириллова [и др.] Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 431 с.
5. К.В. Иванова аса илещӓ / пухса хатӓрлекенӓ Г.Ф. Юмарт. Шупашкар: Чӓваш кӓн. изд-ви, 1990. 271 с.
6. Михайлов С.М. Собрание сочинений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 510 с.
7. Никольский Н.В. Собрание сочинений. Т. 1. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 527 с.
8. Родионов В.Г. Константин Васильевич Иванов (Кашкыр). Чебоксары: ЧГИГН, 2010. 80 с.
9. Родионов В.Г. Чувашский этнос: исследования по этнологии и мифопоэтике. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. 324 с.
10. Стеблева И.В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассическом периоде. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1976. 211 с.
11. Теория литературы. Т. III. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении) // Н.Д. Тармарченко, А.Л. Топорков [и др.]. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 592 с.
12. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 767 с.
13. Яковлев И.Я. О влиянии театра // Революичченхи чӓваш литератури. Текстсем. 1 том (XX ӓмӓрччен). Шупашкар: Чӓваш кӓн. изд-ви, 1984. С. 383–385.

РОДИОНОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары, Чувашская Республика.

КИРИЛЛОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

РЕТРОСПЕКТИВНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ В РОМАНАХ И.С. ТУРГЕНЕВА: СПОСОБЫ ВКЛЮЧЕНИЯ И КОНТАМИНАЦИИ

Аннотация. В статье исследуется специфика повествования в романах И.С. Тургенева, предыстории персонажей как структурный элемент в системе произведения. Анализируются экскурсы в прошлое и способы их включения в основной повествовательный пласт, определяются типы ретроспекций и приемы их стилистической контаминации с сюжетным рассказом настоящего времени.

Ключевые слова: романы И.С. Тургенева, ретроспективное повествование, типы предысторий.

Романы И.С. Тургенева – особая модификация в истории русского романа XIX века: это структурно-жанровая дефиниция, организованная по своим художественным законам [7, 1]. Специфика романного повествования заключается в чередовании повествовательных частей, отличающихся различной временной доминантой. Основное повествование (сюжетное время действия) сменяется ретроспективным (рассказ о прошлом, который называется писателем как *Vorgeschichte*, предыстория) и завершается повествованием эпилога, которое, по отношению к событийной динамике настоящего времени, представляет будущее время – то, что происходит после завершения сюжетной канвы, развязки конфликтной ситуации. В романах И.С. Тургенева просматривается четкое функциональное назначение повествовательных частей. В повествовании о настоящем времени полно проявляются характеры героев, происходит развитие действия и конфликта. В ретроспекциях характер объясняется в основных и главных чертах, конфликтная ситуация во многом подготавливается. Предыстория – значимый структурный элемент, формирующий тургеневский тип романа, его жанровую модификацию, что отмечалось в исследованиях по творчеству И.С.Тургенева [8, 9]. Повествование эпилога, максимально полно обнаруживающее в романном рассказе субъективное начало, описывая итоговые по отношению к сюжетной динамике события, передает логически-эмоциональное завершение конфликта, главную тенденцию произведения [11].

В романах И.С.Тургенева можно выделить несколько типов ретроспективного повествования: предыстория-рассказ, предыстория-характеристика, предыстория-биография. Принципом классификации служит степень самостоятельности, обособленности ретроспекций в сюжетном повествовании. Так, предыстория-рассказ оформляется как достаточно автономная часть в системе романного целого с выраженной внутренней структурой: со «своим» временем, соотношенным с временным пластом настоящего, с сюжетной динамикой действия и особенностями повествования; своеобразная, как ее часто и определяют, «вставная новелла». Это предыстории Федора Лаврецкого (VIII – XVI главы, которые является по существу историей дворянского рода Лаврецких), Лизы Калитиной, Лемма в романе «Дворянское гнездо», «вставная новелла» о Павле Петровиче и княгине Р. в «Отцах и детях», история жизни и взаимоотношений Григория Литвинова с Ириной Осининой (VII-IX главы) в «Дыме», новелла о XVIII веке (XIX глава) Фомушке и Фимушке в «Нови». В этом типе ретроспекций доминантно определяющим является один из персонажей, история которого, однако, неизменно связана с национально-историческим пластом жизни (историей рода, сословия, эпохой в развитии страны) или философским мировосприятием писателя; доминантные аспекты в системе произведения анализируются современными исследователями [2, 4].

Предыстория-характеристика – это небольшие экскурсы-характеристики в произведениях писателя: Пандалевского и Пигасова в романе «Рудин», Марьи Дмитриевны Калитиной и Марфы Тимофеевны Пестовой в «Дворянском гнезде»; Павла Шубина в «Накануне»; Арины Власьевны – матери Базарова в «Отцах и детях»; Маркелова, Машуриной, Сипягиной в романе «Новь». Рассказ о прошлом героев выделен «слабо» из основного повествования, хотя и ретроспективно четко обозначен в нем: от авторского имени излагается «осколочно» прошлое как характеристика персонажа, его основных черт и свойств.

Предыстория-биография в романах И.С. Тургенева отличается также большей «вмонтированностью» в сюжетный рассказ и содержит основные моменты жизни, связанные с рождением, воспитанием и главными событиями жизни персонажей: значителен именно автобиографический момент, когда герой предстает в разные возрастные моменты. В ретроспекции-биографии пунктирно намечается своеобразная история жизни персонажа. Это рассказ о прошлом генерала Павла Петровича Коробьина в романе «Дворянское гнездо» (в истории рода Лаврецких возникает история отца Варвары Павловны Лаврецкой); Николая Артемьевича и Анны Васильевны Стаховых, Андрея Петровича Берсенева и его отца в «Накануне»; история жизни Фенечки, Анны Одинцовой и ее отца Сергея Локтева в «Отцах и детях». Предыстории расширяют границы изображаемой жизни: увеличивается «густота населенности» тургеневского романа, усложняется полотно изображаемой действительности, появляются проблемы, характерные для другой эпохи. Предыстории придают небольшому по объему роману писателя ощущение полноты и длительности времени, масштабности изображаемых явлений жизни, они «обременяют» читателя широким спектром гуманитарных познаний иных временных эпох русской жизни [3].

Романные предыстории даются от авторского лица, обладающего исчерпывающими знаниями и неограниченными правами. Однако следует отметить один интересный аспект нетрадиционного для писателя включения ретроспекций в роман: они являются во временном сюжетном пласте как беседа-диалог персонажей. В «Рудине» история главного героя излагается в разговоре с Липиной Лежнева, который, будучи участником кружка Покорского, характеризует и философский кружок, и себя в нем, и Рудина. В романе «Накануне» о прошлом Инсарова, его судьбе до появления в Москве рассказывает Андрей Берсенева в беседе с Еленой Стаховой.

Один из проблемных аспектов в изучении романного повествования – это способы включения ретроспекций в основной временной рассказ, их контаминация с сюжетным повествованием. «Соединительные швы», способы введения ретроспекций в основное повествование – проблема актуальная, требующая своего рассмотрения. «Вставные эпизоды» оправдывают свое название. Однако оформляя предыстории в отдельные главы (главы) или как ее составную часть, Тургенев искусно монтирует ретроспекции в систему романного повествования. Оформляя предыстории-рассказы в отдельные главы, писатель намеренно продолжает сюжетный рассказ с прерванного момента, сохраняя при этом содержательную последовательность сюжетного рассказа и единство стилистического соединения повествовательных частей, обладающих различной временной категорией.

Предыстория музыканта Лемма в романе «Дворянское гнездо» составляет отдельную пятую главу, которая органично введена в сюжетное повествование. Владимир Паншин в гостиной Калитиной исполнил свой романс «Луна плывет высоко над землею», когда появляется Лемм, которому «восхитительный», «премиленкий» романс не доставил удовольствия. Паншин прекрасно это понимает и сознательно говорит о духовной кантате, которую старый музыкант написал для Лизы, в конце которой было приписано «для вас одних, *für Sit allein*». Писатель замечает, что при словах Паншина Лемм покраснел, бросил «косвенный» взгляд на Лизу и вышел из комнаты, пошел давать уроки Леночке. Следующая пятая глава романа – это *Vorgeschichte* Лемма, история его приезда из Германии и жизни в России. Окончание четвертой главы соединяется с началом шестой: изъять ретроспекцию из романного пространства – и будут соединены, сомкнуты «разорванные» ею части. Окончание четвертой главы следующее: «В комнате остались Паншин и Лиза: она достала и раскрыла сонату; оба молча сели за фортепьяно. Сверху доносились слабые звуки гамм, разыгрываемых неверными пальчиками Леночки» [12, с. 18]. Начало шестой главы продолжает повествование четвертой: «Паншин громко и решительно взял первые аккорды сонаты (он играл вторую руку), но Лиза не начинала своей партии. Он остановился и посмотрел на нее» [12, с. 21]. Конечно же, писатель отмечает безмолвный упрек Лизы: Паншин не сдержал своего слова. Лиза показала кантату при условии, что Лемм об этом не узнает, она боится потерять его доверие.

Автор в романном повествовании, как правило, сигнализирует о введении материала о прошлом героя. Так, в романе «Дворянское гнездо» предыстория Лаврецкого оговаривается

писателем: «Федор Иванович Лаврецкий (мы должны попросить у читателя позволения перевести на время нить нашего рассказа) происходил от старинного дворянского племени» [12, с. 28]. «Выход» из ретроспективного рассказа в сюжетную динамику настоящего времени тоже неизменно присутствует: «... прибыл он в город О., где мы расстались с ним и куда мы просим теперь благосклонного читателя вернуться вместе с нами» [12, с. 55].

Авторские призывы-обращения к читателям, выводящие на рассказ о прошлом, встречаются в романах писателя часто. Так, в «Отцах и детях» автор характеризует Николая Петровича Кирсанова, ожидающего своего сына Аркадия: «Познакомим с ним читателя, пока он сидит, подогнув под себя ножки и задумчиво поглядывая кругом» [13, с. 7]. За временным экскурсом следуют сведения, включающие персонажа в день сегодняшний: «На последнюю зиму он приехать не мог, – и вот мы видим его в мае месяце 1859 года, уже совсем седого, пухленького и немного сгорбленного: он ждет сына, получившего, как некогда он сам, звание кандидата» [13, с. 10].

В романном повествовании предыстории не изолированы друг от друга, они соединены во временном потоке бытия: дополняют другие рассказы о прошлом, давая факты, важные для ретроспективного рассказа о каком-либо из персонажей. Так, Дмитрий Пестов в романе «Дворянское гнездо» (отец Марьи Дмитриевны Калитиной, дед Лизы), приютивший Маланью, на которой от нечего делать женился Иван Лаврецкий, упоминается в ретроспекции о роде Лаврецовых. Свою же характеристику персонаж получает в *Vorgeschichte* Лизы, где речь идет и о няне героини – Агафье, оказавшей сильное влияние на формирование характера Лизы Калитиной: «... человек скромный и тихий, влюбился в Агафью, взял ее к себе в дом» [12, с. 10]. Любовница деда, «опомнившаяся» Агафья, привела к богу и внучку Дмитрия Пестова – такое причудливое жизненное соединение, переплетение человеческих судеб.

И.С. Тургенев добивается соединения разных жизненных потоков в один мощный временной поток бытия [6]. В ретроспективном повествовании романист выхватывает из течения времени отдельные, конкретизирующие то или иное событие эпизоды, определяющие в становлении характера. Сюжетные события «произрастают» из мотивных событий прошлого; специфику мотивной структуры одной из повестей Б. Зайцева содержательно анализирует Л.В. Ляпаева [5]. Поэтому-то в тургеневских ретроспекциях встречаются одинаковые лексико-стилистические конструкции, повторяющиеся в рассказах о героях: «Бывало, сидит он (Лаврецкий – Л.С.) в уголке со своими «Эмблемами» – сидит... сидит» [12, с. 40]. «Бывало, Агафья, вся в черном... сидит и вяжет чулок, у ног ее, на маленьком креслице, сидит Лиза и тоже трудится над какой-нибудь работой» [12, с. 112].

В рассказе о прошлом возникает свое сюжетное время, событийная канва и персонажное «поле». В ретроспективное повествование органично вписывается слово героя: характеристика персонажа неизменно сопровождается включением его «голоса». Персонаж входит в роман характерологическим словом, определяющим его сущность, оживляющим героя. Речевой пласт большинства героев из прошлого невелик, он, как правило, состоит из нескольких слов, но весьма значимых, выводящих на специфику характера. В романе «Накануне» Николай Артемьевич Стахов, отец Елены, использует характерное слово «подцепить». Как упоминает автор, его с молодости занимали две мечты: попасть в флигель-адъютанты и выгодно жениться, по выражению героя, «подцепить»: он и «подцепил» Анну Васильевну. В романе «Дворянское гнездо» умерший Калитин присутствует со своим словом: «в деревню таскаться незачем», «нянчиться с писклятами», «сам себя сравнивал с молотильной машиной», «набить деньгу» [12, с. 107]. Его дочь, уходя в монастырь, хочет отмолить свой собственный грех – любовь к женатому человеку и грех всего дворянского сословия. Не случайны эти слова Лизы Калитиной: «Я все знаю, и свои грехи, и чужие, как папенька богатство наше нажил; я знаю все. Все это отмолить надо, отмолить надо» [12, с. 151].

Галломанствующая княжна Кубенская, на воспитание которой был отдан Иван Лаврецкий, определена в романе одной репликой: она называет наставника своего воспитанника господина Куртена «*fine fleur*» (цвет) эмиграции. Свою жизнь княжна Кубенская организовала по французскому образцу (даже умирая, держит в руках эмалевую табакерку работы Петито) и

очень гордится, что к племяннику приставлен «цвет» Франции – «бывший аббат, ученик Жак-Жана Руссо». В повествовании же господин Куртен определяется как «ловкий и тонкий проныра», удалившийся с деньгами княжны Кубенской в Париж. В ретроспективном рассказе определенная роль принадлежит упоминаемым произведениям искусства, историческим и философским сочинениям [10].

Для нерусских романых героев ретроспекций писатель использует слово персонажа на родном языке как характерологическое средство. «Зона языка героя» (М. Бахтин) расширяет читательское представление о нем. В предыстории Федора Лаврецкого упоминается Каллиопа Карловна, мать Варвары Павловны Коробьиной, которая, узнав о замужестве дочери, произносит только одну фразу на родном языке: «Meine Tochter macht eine schone Partie» («моя дочь делает прекрасную партию»). Реплику персонажа сопровождает авторское пояснение: «И купила себе новый ток» [12, с. 48]. Пустота и никчемность персонажа отражены в этой реплике. Генерала Павла Петровича Коробьина после скверной истории на военной службе, которую он вынужденно оставил, исчерпывающе характеризует его фраза «не наскочит ли... теплое статское местечко», которое, как иронически отмечается автором, так и «не насканивало» [12, с. 46]. Однако его дочь Варвара Павловна составила выгодную партию – вышла замуж за богатого Лаврецкого, именем которого и стал управлять генерал Коробьин.

В романе «Дворянское гнездо» гувернантка-француженка, девица Моро в предыстории Лизы Калитиной входит в повествование со своей неизменной, неоднократно повторяемой фразой «Tout sa cést desa bêtises» («все это глупости»), выражающей дешевый скептицизм и никчемность героини [12, с. 113]. В Vorgeschichte-характеристике «Накануне» упоминается Августина Христиановна, которая в письме к своей кузине Феодолинде Петерзилиус характеризует Николая Артемьевича Стахова, о чем он и не подозревает, как «mein Pinselchen» (мой дурачок) [12, с. 171]. Голосовая зона персонажа в ретроспективном повествовании романов И.С. Тургенева – проблема значимая в создании образа второстепенного или вообще несценического персонажа, требующая отдельного рассмотрения.

Таким образом, предыстории – существенный и значимый структурный элемент в организации романного повествования. Ретроспекции способствуют всестороннему изображению жизни, в ее сложности и целостности, создают широкую панораму действительности. Разнообразны типы рассказов о прошлом, способствующие решению определенных творческих задач в системе романов И.С. Тургенева. Экскурсы в прошлое органично включаются в основной повествовательный пласт: писатель использует разнообразные приемы стилистической контаминации ретроспекций с сюжетным романым рассказом.

Литература

1. Беляева И.А. Система жанров в творчестве И.С. Тургенева. М.: МГПУ, 2005. 250 с.
2. Евдокимова О.К. Доминантный концепт в рассказе А.П. Чехова «Страх» // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2020. № 4 (109). С. 12–19.
3. Евдокимова О.К., Горбунов В.И., Обжогин А.А. Предмет «литература» в системе непрерывного образования «школа – вуз» // Ашмаринские чтения: сб. материалов XI Международ. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 25 апреля 2019 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. С. 174–177.
4. Ляпаева Л.В. Доминанта романного сознания в «малой прозе» конца XIX – начала XX веков // Вестник Брянского университета. 2013. № 2. С. 210–213.
5. Ляпаева Л.В. Некоторые особенности мотивной структуры повести Б. Зайцева «Голубая звезда» // Классика и современность. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. С. 43–47.
6. Сарбаш Л.Н. Время в романах И.С.Тургенева // Русский язык как интеллектуальная ценность и как учебный предмет: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. 2008. С. 44–50.
7. Сарбаш Л.Н. Жанровое своеобразие романов И.С.Тургенева // Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежной литературах: материалы Международной научной конференции. Федеральное агентство по образованию Российской Федерации, Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Волгоградский государственный университет. 2006. С. 404–407.
8. Сарбаш Л.Н. Изучение поэтики романов И.С.Тургенева 50–60-х годов. Учебное пособие по спецкурсу. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1988. 73 с.
9. Сарбаш Л.Н. Предыстория героя в романах И.С. Тургенева как способ организации повествования // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 1987. № 1. С. 63–66.
10. Сарбаш Л.Н. Произведения искусства в романах И.С. Тургенева. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 80 с.

11. Сарбаш Л.Н. Эпилог романов И.С. Тургенева 50–60-х годов // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 1979. № 5. С. 24–29.
12. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения в 12. М.: Наука, 1981. Т. 6. 495 с.
13. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения в 12. М.: Наука, 1981. Т. 7. 559 с.

САРБАШ ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА – доктор филологических наук, профессор Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

О.К. ЕВДОКИМОВА, Е.В. УДАЛОВА

ТЕНДЕНЦИИ СЦЕНИЧНОСТИ В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «ПИСЬМО К УЧЁНОМУ СОСЕДУ»

Аннотация. Статья посвящена малоизученному в литературоведении вопросу – сценичности прозы А.П. Чехова. В центре внимания первый опубликованный рассказ писателя – «Письмо к учёному соседу», поскольку уже в этом произведении выявляются тенденции сценичности, определившие впоследствии особенности чеховской манеры письма. Авторы работы, продолжая цикл своих статей, посвящённых данной проблеме, делают акцент на своеобразии прозы А.П. Чехова, тяготеющей к драме уже в раннем творчестве писателя. Для того чтобы раскрыть суть проблемы, проанализирован текст рассказа «Письмо к учёному соседу» с акцентом на выявление таких сценических особенностей повествования, как изображение «человека играющего», «масочное» поведение персонажей, драматически напряжённый диалог, что позволяет показать родство прозы А.П. Чехова с драмой и что находит развитие в дальнейшем творчестве писателя.

Ключевые слова: русская литература, А.П. Чехов, жанр, драма, проза, сценичность.

Во все времена общечеловеческие ценности неизменно оставались и остаются актуальными. В этой связи имя А.П. Чехова, писателя с подчеркнуто нравственной проблематикой, вряд ли кого-то может оставить равнодушным, как в нашей стране, так и за её пределами. Чехова переводят на языки мира, его читают и ставят на сцене, а чеховский театральный фестиваль снискал международное признание у профессиональной общественности и широкого зрителя [13]. Творчество А.П. Чехова и литературу его времени активно изучает литературоведение, причём направления научного поиска самые разнообразные: это и поэтика, и художественный мир, созданный писателем в своих произведениях, и литературные взаимосвязи [23, 26, 12, 4, 20, 6, 7, 25].

В 2000-е гг. актуализировалось изучение художественной литературы с помощью концепта, позволяющего углубить научный поиск и придать ему подчеркнутую целенаправленность. Исследовательский интерес к концепту не случаен, поскольку через призму концепта можно раскрыть новые, глубинные смыслы текста [14, 3]. Обращение к концепту в чеховедении в значительной степени обогатило анализ творчества писателя [11, 19, 15, 5].

В центре внимания в данной статье проблема сценичности прозы А.П. Чехова, к которой исследователи практически не обращаются. Между тем, вопрос о сценичности чеховской прозы представляется актуальным, поскольку сценичность – одна из базовых характеристик творчества А.П. Чехова, пролагавшего новые пути в драматургии [18]. Цель статьи – показать тенденции сценичности в прозе писателя на примере его первого опубликованного произведения – «Письмо к учёному соседу» (1880). Выбор этого рассказа даёт основания утверждать, что сценичность прозы составляет особенность писательской манеры А.П. Чехова, начиная с его первых выступлений в печати.

В связи с поставленной целью в работе были использованы следующие методы: сравнительно-сопоставительный анализ и элементы комплексного анализа художественного текста с

выявлением его сценичности. Новизной данного подхода к изучению чеховской прозы – сценичность – определяются научная новизна статьи и её актуальность.

Термин «сценический» традиционно употребляется, когда мы обращаемся к драме. Более того, успех той или иной пьесы зависит от потенциала её сценичности, реализуемой на театральной сцене. В статье предпринята попытка расширить рамки понятия «сценичность» и проследить связь данной характеристики драматического произведения с прозой А.П. Чехова на примере рассказа – «Письмо к учёному соседу».

Данный рассказ, строго говоря, был написан до 1880 года, поскольку относящаяся к нему заметка в «почтовом ящике» журнала появилась уже 13 января 1880 года. Сохранилось также письмо А.П. Чехову от редактора «Стрекозы» И. Василевского от 20 января 1880 г.: «Милостивый государь! Редакция честь имеет известить Вас, что присланный Вами рассказ написан недурно и будет помещен в журнале» [22, т. 1, с. 557]. Считая «Письмо к учёному соседу» первым печатным выступлением А.П. Чехова, его брат, Михаил Павлович, вспоминал: «Произведение его называлось в рукописи «Письмо к учёному соседу» и представляло собой в письменной форме тот материал, с которым он выступал по вечерам у нас в семье, когда приходили гости и он представлял перед ними захудалого профессора, читавшего перед публикой лекцию о своих открытиях» [24, с. 25]. По мнению М.П. Чехова, формой для этого рассказа послужило письмо деда, Егора Михайловича, к их отцу – Павлу Егоровичу. В результате, жанровые особенности этого рассказа-«письма» определились сразу. Отметим, что, по мнению целого ряда исследователей и учёных, из всех аспектов раннего творчества А.П. Чехова жанровый состав является наиболее изученным в чеховедении [2, 16, 17, 26].

В настоящее время жанровая принадлежность практически всех прозаических произведений А.П. Чехова не вызывает сомнений в литературоведении, тем не менее проблемы в изучении жанровой специфики чеховской прозы, на наш взгляд, всё-таки остаются. Прежде всего, несомненный интерес представляет тенденция к синтезу прозы и драмы, которая отмечается уже в ранних рассказах писателя. Так, анализ прозы А.П. Чехова позволяет выявить фактически нерасторжимую связь «прозаического» и «драматического» в его рассказах и повестях. В данном случае имеется в виду проникновение в прозу писателя особенностей, свойственных драматическому роду литературы. Неслучайно его прозаические произведения, обладающие большим сценическим потенциалом, с уверенностью можно поставить в один ряд со всевозможными сценками, фельетонами и даже пьесами.

Мы уже обращались к изучению сценичности прозы писателя на примере таких его рассказов, как «Спать хочется» (1888), «Дуэль» (1891), «Печенег» (1897), «Ионыч» (1898), «Крыжовник» (1898) [10], рассматривали «маски» «человека играющего» в рассказах «Палата № 6» (1892), «Анна на шее» (1895), «Убийство» (1895), «Человек в футляре» (1898) [9], а также проанализировали поведенческие модели чеховских героев на примере рассказов «Корреспондент» (1882), «Либерал» (1883), «Размазня» (1883), «Ниночка» (1885) [8]. Комплексный анализ художественного текста показывает, что в рассказах писателя разных лет используются такие приемы сценичности, как особый тип героя – «человек играющий», драматически напряжённый диалог, неакцентированность авторской позиции, саспенс и неокатарсис, невербальное поведение героев (жесты, мимика, интонация), поведенческие «маски» [8].

Таким образом, если рассматривать творчество А.П. Чехова в его развитии, то мы имеем возможность проследить эволюцию приемов сценичности, используемых в прозе, начиная с первых произведений писателя. В этой связи рассказ «Письмо к учёному соседу» представляет особый интерес, поскольку именно в нём начало своеобразной писательской манеры А.П. Чехова – прозаика.

Обратимся к тексту произведения. По форме это, действительно, письмо, на что указывает и его название – «Письмо к учёному соседу». Данная форма изложения, казалось бы, включает всякую связь со сценичностью, поскольку сценичность – это действие, развитие характеров, постоянное движение. В рассказе же, как такового, действия нет, не описываются ни автор письма, ни адресат, а есть только письмо главного героя своему соседу. Однако при более детальном рассмотрении содержания этого «письма» мы понимаем, что само «письмо» –

лишь видимая часть. Прежде всего, в нём заключено действие, которое реализуется с помощью различных характеристик, выразительных деталей, ярких эпитетов, позволяющих воссоздать отдельные эпизоды так, как если бы они были сыграны на сцене. Более того, через характеристики, данные в письме, складывается представление и об авторе письма, и о его получателе.

В рассказе нет традиционного вступления, читатель сразу попадает в атмосферу самого письма. Так, уже в первом предложении содержится извинение автора письма – Василия перед своим соседом за беспокойство: «Максим... (забыл как по батюшке, извините великодушно!) Извините и простите меня старого старикашку и нелепую душу человеческую за то, что осмеливаюсь Вас беспокоить своим жалким письменным лепетом» [22, т. 1, с. 11].

Стиль письма, уничижительный тон по отношению к себе и, напротив, превознесение на своем фоне «ученого соседа» – всё это помогает автору создать образ Василия, который ярко вырисовывается в тексте «письма» и к которому автор относится с явной иронией. Мы как бы видим героя – участника небольшой сценки, чему способствуют выбранные автором для своего персонажа обращения, приём самохарактеристики и даже пунктуация. Многоточие, восклицательные знаки выдают в чеховском герое неуверенного, «масочного» персонажа [9, с. 343], который не просто следует установленным правилам письменного этикета, но становится воплощением определенной модели общественного поведения, где взаимоотношения определяются не личностными качествами человека, а его статусом в социуме.

В «Письме...» делается акцент на нарочито почтительном обращении автора «письма» к своему соседу поскольку, в глазах чеховского героя, социальный статус ученого неизмеримо выше, чем его собственный. Неслучайно Василий стремится к тому, чтобы в иерархии общества стать наравне со своим соседом и тоже прослыть «учёным». С этой целью он старательно сообщает о своих «открытиях»: «Много я сделал открытий и кроме этого хотя и не имею аттестатов и свидетельств» [22, т. 1, с. 11]. Герой как бы примеривает на себя «маску» почтения и преданности своему более именитому соседу, наказывая даже побить по щекам ключника Трофима, если тот доставит письмо не в срок.

Подобное «масочное» поведение выглядит неестественным настолько, что невольно возникает мысль о роли, которую играет чеховский герой, пряча своё истинное лицо под маской. Для него это удобно, потому что в итоге создаётся иллюзия определённого статуса в обществе, в котором все соглашаются на «игру», подменив ею реальную жизнь. В результате ничего удивительного в поведении чеховского героя нет. Напротив, оно выглядит как некая социальная норма, принимаемая всеми, а само «письмо» – это своего рода одна из сцен многообразного жизненного потока, однако в этой сцене по воле автора, благодаря «масочному» поведению героя, раскрываются его невежество и злоба.

Любопытно и то, что по характеру самого «письма» можно воссоздать даже невербальное поведение его автора, жесты, мимику, интонацию. Неправильность в построении фраз, обилие восклицательных и вопросительных знаков выдают импульсивность и торопливость речи героя – он спешит показать себя «учёным». В свою очередь, импульсивность речи диктует и определенное жестовое поведение: суету в движениях или, наоборот, скованность. Особенность изображения невербального поведения автора письма состоит в том, что произведение не содержит описаний, из которых мы обычно узнаем о данных характеристиках. Тем не менее, письменная речь Василия настолько эмоционально напряжена и выразительна, что его образ обретает вполне конкретные очертания, мы как бы видим героя на сцене, где он, по сути, сам говорит о себе.

Еще одной важной составляющей сценичности данного рассказа является неакцентированность авторской позиции, что в дальнейшем станет отличительной особенностью всей прозы А.П. Чехова. В прозаических произведениях писателя фактически нет буквально выраженного авторского «я», поскольку А.П. Чехов был принципиально против навязывания своей точки зрения, будучи убеждённым в том, что невозможно «сочетать искусство с проповедью» [21, т. 4, с. 54]. Однако если в целом ряде рассказов писателя авторская позиция в большей или меньшей мере могла передаваться через не собственно прямую речь автора, то в

«Письме к ученому соседу» такой возможности нет вовсе, поскольку по форме изложения это письменная монологическая речь персонажа. Вместе с тем, мы не можем сказать, что авторская позиция в произведении не прозвучала. Содержание письменного монолога героя, отразившиеся в письме черты характера персонажа, его речевое поведение обнаруживают и отношение автора: мы понимаем, что А.П. Чехов осуждает героя, играющего, по сути, роль «шута» перед своим соседом.

Следует отметить, что в «Письме...», подобно драме, есть и своя драматургия. Так, например, повышая эмоциональный «градус» к середине письма, автор показывает состояние возбуждения Василия с помощью риторических вопросов: «Разве мы покрыты кругом шерстью? Разве мы не носим одеяний, коих лишены обезьяны? Разве мы любили бы и не презирали бы женщину, если бы от нее хоть немножко пахло бы обезьяной, которую мы каждый вторник видим у Предводителя Дворянства?» [22, т. 1, с. 11]. Безусловно, говорить о саспенсе и, тем более, неокатарсисе, которые свойственны более поздним рассказам А.П. Чехова – «Спать хочется» (1888), «Убийство» (1895), «Архиерей» (1902) – не приходится, однако отметить тяготение к драме можно уже по первому произведению писателя.

Таким образом, вывод напрашивается сам собой – тенденции к сценичности в прозе А.П. Чехова берут своё начало уже в первом его опубликованном произведении. Это связано, прежде всего, с тем, что писатель всегда стремился показать жизнь такой, какая она есть, ничего не приукрашивая, воссоздавая картины и сцены повседневности. Не случайно современники вспоминали Чехова как человека, который основной задачей литературы считал стремление «писать то, что видишь, то, что чувствуешь, правдиво, искренно» [1, с. 116]. При этом сам А.П. Чехов подчеркивал, что задача писателя – «писать, а не учить», проводя строгую грань между этими двумя понятиями [1, с. 116].

Стремление к реалистичности, правдивости в изображении событий и лиц подсказывало писателю особенную манеру письма. Сценичность становится тем удачно найденным приёмом, который наиболее соответствовал творческой задаче А.П. Чехова, а потому со временем этот приём только усиливался в рассказах писателя, позволяя раскрыть специфически чеховское миропонимание в образах героев, внешне и внутренне ничем не примечательных, но запоминающихся с первых строчек произведения.

Литература

1. Авилова Л.А. Рассказы. Воспоминания. М.: Советская Россия, 1984. 335 с.
2. Александров Б.И. О жанрах чеховской прозы 80-х годов // Ученые записки Горьковского гос. пед. ин-та. Вып. 37. О творчестве русских писателей XIX в. Горький, 1961. С. 3–80.
3. Володина Н.В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения: монография. М.: Флинта: Наука, 2010. 256 с.
4. Долженков П.Н. Тема страха перед жизнью в прозе Чехова // Чеховиана. Мелиховские труды и дни. М.: Наука, 1995. С. 66–70.
5. Евдокимова О.К. Доминантный концепт в рассказе А.П. Чехова «Страх» // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2020. № 4 (109). С. 12–19.
6. Евдокимова О.К. Художественный мир рассказа А. П. Чехова «Рассказ старшего садовника». // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: сб. ст. Всерос. науч. конф., посвященной 80-летию со дня рожд. д-ра филол. наук, проф. Г.Е. Корнилова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. С. 104–111.
7. Евдокимова О.К., Ляпаева Л.В., Федяй С.В. Концепт «сад» в русской и чувашской литературе XIX–XX вв. (А.П. Чехов, И.А. Бунин, А.С. Артемьев) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2017. № 3 (95). Ч. 2. С. 50–58.
8. Евдокимова О.К., Удалова Е.В. «Театральные маски» в прозе А. П. Чехова // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов: в 2 ч. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2021. С. 421–426.
9. Евдокимова О.К., Удалова Е.В. «Человек играющий» в прозе А. П. Чехова // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов: в 2 ч. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. С. 341–345.
10. Евдокимова О.К., Удалова Е.В. Сценичность прозы А.П. Чехова // Ашмаринские чтения: сб. ст. XII Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 20 ноября 2020 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. С. 172–176.
11. Зайцева Т.Б. Концепт «страх» в рассказах А. П. Чехова (к антологии «Художественные константы русской литературы») // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. 2 (24). С. 856–861.
12. Катаев В.Б. Литературные связи Чехова. М.: Изд-во МГУ, 1989. 261 с.
13. Куделина Е.А. Феномен международного театрального фестиваля им. А.П. Чехова // Власть. 2017. № 11. С. 187–190.

14. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология / Под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 147–165.
15. Мясникова Т.С. Концепт «старый дом» в рассказе А.П. Чехова «Дом с мезонином (рассказ художника)» // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 1. С. 34–38.
16. Овчарская О.В. Жанровые особенности раннего творчества А.П. Чехова в контексте «малой прессы» 1880-х гг. // Русская филология. 25: сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2014. С. 98–104.
17. Родионова В.М. Особенности жанра и композиции ранних рассказов А.П. Чехова // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1961. № 160. С. 98–104.
18. Семанова М.Л. Чехов-художник. М.: Просвещение, 1976. 224 с.
19. Сопова С.П. Мотивные составляющие концепта скука в повести А.П. Чехова «Скучная история» // Сибирский филологический журнал. 2014. № 2. С. 43–47.
20. Сухих И.Н. Проблемы поэтики Чехова / Изд. 2-е, доп. СПб, 2007. 495 с.
21. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. / Редколл.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1974–1983. Ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страницы.
22. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / Редколл.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1974–1983. Ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страницы.
23. Чехов и его время: сборник статей / редколл.: Л.Д. Опульская, З.С. Паперный, С.Е. Шаталов. М.: ИМЛИ РАН, 1977. 359 с.
24. Чехов М.П. Антон Чехов и его сюжеты. М., 1923. 158 с.
25. Чеховские чтения в Ялте: сборник трудов конференции / редколл.: А.А. Логинов (гл. ред.) и др. Ялта, 2022. 296 с.
26. Чудаков А.П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. М.: Сов. писатель, 1986. 379 с.

ЕВДОКИМОВА ОЛЬГА КОНСТАНТИНОВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

УДАЛОВА ЕЛИЗАВЕТА ВЯЧЕСЛАВОВНА – бакалавр филологии, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Д.В. ЕЖОВА, Л.А. АФАНАСЬЕВА

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В РОМАНЕ «ТЕНЁТА» ХВ. УЯРА

Аннотация. В статье на примере романа «Тенёта» Хв. Уяра рассматриваются фольклорные элементы и самобытность чувашского народа середины XIX века. В данном произведении через сюжетные линии и судьбы героев показаны религиозные верования чувашей. В этом отношении центральное место занимает герой Яриле, который считает, что соблюдение традиций и обрядов позволит жить ему в гармонии с обществом и природой. Однако, как показывает развитие действий в романе, злой рок преследует его всю жизнь.

Ключевые слова: чувашская литература, обрядовый фольклор, праздник, обычаи, традиция.

Фольклорные традиции прослеживаются во многих произведениях чувашских писателей. Ценители словесного искусства в своих творениях ярко и красочно описывают обряды, обычаи и верования народа. Использование фольклорных элементов обусловлено «идейно-эстетической необходимостью, возникающей в процессе художественного творчества писателя» [2, с. 118]. Одним из таких является роман «Тенёта» Хв. Уяра, где раскрываются этнографическая и фольклорная стороны чувашского народа середины XIX века. Это позволило автору воспроизвести картину мира того времени и национальный колорит в характерах персонажей [4]. Среди них является Яриле, который в своем лице несет черты народа. Хв. Уяр описывает своего персонажа с любовью, проникая каждый момент в его жизни. Поступки и действия, помыслы и мечты героя связаны с традиционными обрядами и ритуалами. Яриле считал, чтобы обрести благосклонность Бога в любых начинаниях необходимо соблюдать традиции. «У старика Яриле не ладилась дела: рогожки, что он наткал, все не удались, нить

то в одном, то в другом месте порвется; осенью утонула единственная корова в болоте; с поля украли копны необмолоченного хлеба. Старик не понимал, почему к нему так сурова судьба, и решил, что киреметь на него рассердился и надо принести жертвоприношение: Яриле тут же зарезал барана и поднес киреметю жертву, хотя сам увяз в несметных долгах» [5, с. 39]. В древности чуваши-язычники приносили в дар жертву Киреметю, чтобы умиловать высшие силы. В качестве жертвы Киремет чуваше подносили сначала птицу, затем овцу – быка – корову – лошадь. Иерархическая последовательность закалывания животных на месте моления соблюдалась в обрядах индивидуального уровня [3, с. 276]. Цель моления киреметям жизненно важные: благодарение за полученный хлеб, за приплод скота, за преумножение новорожденных младенцев; чтобы киремети не насылали на людей напасти (засуху, голод, мор). Кроме того, каждый просил то, что хотел [3, с. 276].

Чуваши особо почитали хозяина воды – Вутӑш. Считался он злым и вредоносным. Чтобы избежать возможных недугов, которые может наслать хозяин воды Вутӑш, в родник следует бросить горсть травы [3, с. 177]. По верованию чувашей, Вутӑш («дух воды») обитает в водах: реках, озерах, прудах, колодцах, родниках. Особо глубокие водоемы, называемые в народе бездонными, обязательно заполнены ими. Обитающие в родниках духи очень маленькие и похожи на новорожденных детей. Согласно легендам, Турӑ за непослушание прогнал своих служителей с неба, те, которые упали в воду, стали называться Вутӑш. Водяные существа не что иное, как души утопленников, особенно – краденых детей. Людям они являются в виде больших рыб, черных собак и голых людей. Приблизиться к ним невозможно, они исчезают или прыгают в воду. Если выходят на берег, то можно заметить, что тела этих водных людей синие. В жаркие дни любят сидеть на берегу и расчесывать волосы. Под солнцем они иногда засыпают. Жертвенные дары – верный способ умиловления этого духа. Собираясь пить воду из родника, чуваш бросает в родник несколько травинок. В свадебном обряде хождения за водой у родника оставляли нитку в дар Вутӑш. Из продуктов наиболее уместными жертвами являются горбушка хлеба, яйцо, кисель [3, с. 329]. Существует специальный обряд, посвященный духу воды Вутӑш. Проводят его осенью после обряда, посвященного духу овина. В эти дни все в деревне родникам и колодцам приносили жертву в виде киселя и блинов [3, с. 329]. Яриле в своей жизни строго соблюдал обряд поклонения духу воды. «Пойдет за водой – обязательно вудыша-водяного умиловит: хоть малую кроху хлеба, да бросит в колодец, да и молитву еще прошепчет: «Бисмилле, спаси нас, грешных. А раз в году он потчевал его даже масляной кашей. Правда, яйцами не угощал – кур не было у Яриле, может, потому и прогневался на него вудыш, забрал корову. Кто-то сказал ему, что на него киреметь рассердился, потому, мол, и корова сгинула. Яриле тут же зарезал барана и поднес киреметю жертву, хотя сам увяз в несметных долгах» [5, с. 40]. Как видно из романа, Яриле свое несчастье по своей наивной простоте видит в неблагосклонности божеств. В связи с чем он не только приносит жертвоприношение всевышним силам, но также оказывается в долгах.

В романе Яриле поклоняется и богу огня. «Летом, в жару, часто случались пожары. И Яриле старался умиловить бога огня – пек семиугольную лепешку, варил жертвенную кашу, приговаривая: «У бога руки коротки – да пусть они удлинятся, у огня руки длинные – да пусть они укоротятся. Может, прогневали тебя ребяташки, плюнули на огонь, вот я и стараюсь их грех замолить. Спаси и помилуй, не насылай на нас пожаров» [5, с. 40]. В чувашской мифологии божество огня именуется «вут амӑшӗ и вут ашшӗ», что в переводе означает мать и отец огня. Чуваши издревле почитали духа огня. Это подтверждается примерами из фольклора. Например, запрещено было плевать на огонь, ибо мать огонь могла насылать всякого рода несчастий человеку.

Согласно чувашской мифологии, кроме верховного бога Турӑ существовали и его служители. Одним из таких является Пюлех (Пӱлӗхсӗ), который назначал людям судьбу, счастливые и несчастливые жребии. Чуваши верили, что через его посредство доходит молитва людей до Бога. Если Пюлех рассердится на кого-нибудь, то может помешать его молитве дойти до Бога. Для расположения Пюлех к себе во многих местах чуваше ежегодно в месяц

жертвоприношений (Чүк уйăхё) приносили небольшую жертву из каши и мелких лепёшек *юсман*. В романе Хв. Уяра описывается момент, когда Яриле свою судьбу принимает как знак от Пюлех. «Утром Яриле поразился еще больше. В его обнесенном плетнем дворе жевала солому соседская белая овечка. В огороде Яриле стоял их же улей. А чтобы овечка не сбежала, калитка была подперта огромным пнем. Так «отблагодарил» медведь Яриле за свое спасение. Соседи же сочли это божьим провидением и не стали возвращать себе овцу и улей: а вдруг медведь прознает и вернется обратно? «Это же мне сам пюлех указывает дорогу к счастью!» – обрадовался Яриле и принялся изо всех сил разводить пчел и овец» [5, с. 42].

Наряду с добрыми божеествами в романе особое место уделено вредоносным божеествам. Одним из них считается Йерех (Йёрёх) – невидимый злой дух, способный якобы насыпать на людей наружные болезни: сыпи, лишай, чирьи и прочие гнойные нагноения, а также глазные заболевания. Страх перед болезнями и наивная попытка найти защиту от них послужили суеверным чувашам причиной для создания этого культа. Первоначально местом обитания Йереха считались разные лиственные деревья и кустарники, которым верующие и приносили жертвы [1]. Многие ученые считали, что Йёрёх – это отдельно растущие одно, два или три дерева. Выходящие замуж девушки получали от родителей ветку с такого дерева – йёрёх и обзаводились своими. Такую рябиновую, шиповниковую или вязовую ветку меняли каждый год [3, с. 280]. Хв. Уяр в своем романе описывает почитание чувашами божеества Йереха. «Мульдиер подошел к висающему на перекладине какому-то предмету и встал на цыпочки. – Видишь? К перекладине на тонком кожаном ремешке была подвешена засохшая горбушка хлеба. На хлебе лежала монетка. – Что это? Йерех? – Нет. Йерех – там, у двери, – указал Мульдиер на пучок рябины с деревянной куклой. Йерех есть в каждом доме. Привяжется ли к человеку какая хворь или нападут на него другие невзгоды, тут уж надо ублажить йереха: испечь юсман-лепешку или сварить кашу и накормить его. Если и это не поможет, режут барана, чтобы умиротворить еще более злого йереха всей деревни» [5, с. 81]. Следует отметить, что жертвоприношение Йереху совершали осенью. Как правило, днем моления является пятница. Кроме обязательных кормлений совершаются и спорадические жертвоприношения. Типичным можно считать моление Йёрёху в родовом (коренном) доме. В конце моления все старались хорошо угостить главу дома, т.е. хранителя божеества-покровителя рода. Удмурты воршудам совершали частные, родовые и общие моления. В.П. Вишневский писал о приношении обрезков ногтей и выпавших волос в качестве жертвенных даров Йереху. Однако ногти и волосы, в отличие от обычных даров, являются заместителями заболевшего человека (т.е. откупом) и занимают более высокий ранг в ряду жертвенных даров. Хорошими дарами считаются дубовые листья, кисель, юсман и пресная лепешка. Мелкие монеты, а лучше – имитации из оловянных пластинок также являются подходящими дарами. На месте обитания Йёрёха можно было обнаружить недогоревшие свечи. Как и Киреметю, чуваша Йереху вешали куски холста и ленточки. В группе жертвенных даров, несмотря на многообразие, существует строгий перечень. Раз в десять лет Йереху режут барана [3, с. 284].

Таким образом, опираясь на фольклорные и этнографические материалы, Хв. Уяр сумел показать многогранную жизнь чувашского народа.

Литература

1. К вопросу о культе йёрёха у чувашей. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.chuvash.org/wiki/K%20%20o%20%20%20y%20>
2. Николаева Н.А. О фольклорно-изобразительных средствах в романе «Тенета». [Электронный ресурс]. http://elbib.nbchr.ru/lib_files/0/kchp_0_0000115.pdf
3. Салмин А.К. Праздники, обряды и верования чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. 687 с.
4. Фомин Э.В., Иванова А.М. Чăваш поэтонимёсен пуххи. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. 84 с.
5. Уяр Ф.Е. Тенёта. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1981. 415 с.

ЕЖОВА ДАРЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА – студентка чувашско-татарского отделения Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета.

АФНАСЬЕВА ЛИРА АРКАДЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Республика Башкортостан.

ХРОНОТОП КАК ЦЕННОСТНАЯ ЕДИНИЦА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЧУВАШСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматривается хронотоп как целостность пространственных и временных координат бытия. Представлены основные взгляды на проблему развития хронотопа в чувашской литературе.

Ключевые слова: хронотоп, временно-пространственная организация, пространство и время, публицист.

В литературоведении до XX в. проблема пространственно-временной организации не рассматривалась как насущная проблема. В первой половине XX в. литературоведы все чаще стали обращать внимание на вопросы пространственно-временной организации произведения и уже были написаны важные исследования, посвященные этой теме.

Русский ученый М.М. Бахтин совершает революционное открытие в осмыслении категории времени и пространства в литературоведении, он является первым исследователем, который ввел в литературоведение понятие «хронотоп». Под термином ученый подразумевает взаимосвязь временных и пространственных отношений. Согласно теории М. Бахтина, именно хронотоп определяет жанр и жанровые разновидности произведения. Время является главным составляющим и ведущим началом в хронотопе произведений, а пространство вносит лишь конкретизацию, дополнение в произведение [2].

В своей работе «Автор и герой в эстетической деятельности» видный исследователь М. Бахтин говорит о необходимости изучения пространственных ценностей, тем самым вводит понятие пространственной формы героя [1]. Для М. Бахтина важна сама идея неразрывности понятий пространства и времени. Концепция Бахтина стала ключевой в понимании пространственно-временных связей и отношений в литературоведении.

В чувашской литературе 1930-х годов в основном изображались передовые партийные организаторы и председатели колхозов. Через таких образов авторы произведений показывали роль того или иного человека в укреплении или создании колхозов. Герой, изображающий образный хронотоп произведения, должен был обладать социалистическим отношением к труду, а отрицательные персонажи – это второстепенные герои, которые слабо участвуют в создании образного строя произведения.

Писатели второй половины XX в. стали задуматься о взаимодействии исторического процесса и отдельного человека. В произведениях Хв. Уяра, М. Карима и Ю. Скворцова стали появляться герои, которые создают новое пространство и время. Их герои (например, Педер из произведения Хв. Уяра «Где ты, море») уже не могут быть прикованными к одной местности. Война внесла коррективы во взгляды авторов произведений и заставила постоянно менять место своего пребывания, быть в движении. Именно это побудило писателей пересмотреть сюжетику и хронотоп произведений.

Публицист-новатор, который создает нового героя с иным хронотопом в чувашской литературе – А. Емельянов, отходит от былых принципов отображения жизни. Творчество Анатолия Емельянова – яркий образец художественного философского мышления второй половины XX века. В своих произведениях он стремится к пластическому строению художественного образа. Его герои – вдумчивые аналитики. Эта черта как раз определяет хронотоп прозы писателя.

Названия повестей публициста А. Емельянова («Имя», «Не ради славы», «Черные грузди») влияют на характер пространства и времени в произведениях. Особо важным становится проблема облика героев и эпохи того времени. Названия произведений писателя заставляют

задуматься читателей и находить в образном хронотопе более глубокое и бытийное. Жизненное пространство персонажей меняется. Основная причина этого явления – отношение человека и истории, которое показано через общение героя и природы. Детали произведений становятся философско-публицистическими (березка Ю. Скворцова, полевые дороги А. Гилязова» и т.д.). В произведениях этого времени проблема взаимоотношений власти и народа принимает иной характер, все больше начинает проявляться недоверие народа к власти, проблема экологии природы переплетается с экологией души. А. Емельянов придает огромное значение и образу повествователя, и образу рассказчика. В произведении «Колокольчики» автор ведет рассказ от первого лица – от имени главного героя Александра Васильевича, но в речи главного героя можно заметить и голос повествователя. Хронотоп прозы Емельянова – это хронотоп повествователя-публициста.

Во второй половине XX века проблема взаимоотношений власти и народа, человека и природы, личности и истории выводят литературу на новый уровень – меняется внутренний строй прозы, рассказы и повести начинают принимать лирический характер, так как мысли героя и повествователя тесно переплетаются с природой. Лирический и публицистический стили начинают взаимодействовать с публицистически-философским взглядом. В прозе писателей на первом месте находится не публицистическое рассмотрение сцен, героев и ситуаций, а используются приемы показа внутреннего пространства произведений. Хронотоп прозы писателей создается и отношением друг к другу лирики и публицистики.

Особое место в произведениях чувашских писателей занимают категории времени и пространства. Например, в произведениях А. Емельянова появляются объемные аллегории, как курицы («Имя»), грузди («Черные грузди») и т.д. Подобные образы выводят героев на пространство жизни, а это уже проявление философского хронотопа жизни. Изучая творчество А. Емельянова, необходимо сделать обоснованный вывод, что писатель участвует в создании хронотопа всей чувашской литературы.

Нельзя не согласиться с мнением А.Ф. Мышкиной, что в понимании мира А. Емельяновым преобладает нравственно-публицистическая сторона, не получает глубокого философского выражения позиция автора, становление мира публициста связано с движением творца к бытийному пониманию динамики жизни [3]. Такие тропы, как аллегории, метафоры, сквозные образы создают философско-публицистический хронотоп прозы А. Емельянова. Именно они помогают понять авторскую позицию публициста.

Многие писатели за счет использования объемных аллегорий и метафор конкретные пространство и время переводят на другой уровень, идет процесс сосредоточения не только на определенном герое, но и на описании и изучении окружающей среды героя. Таким образом возникает еще одна черта хронотопа, которая увязывается с другими свойствами хронотопа. Литература движется в сторону философизации лирики и публицистики. Писатели разрабатывают основы внеисторического пространства и времени, что помогает углубить публицистико-философские стороны произведения, происходит переосмысление роли отдельного человека и истории в развитии общества.

Литература

1. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. М.: Искусство, 1979. 446 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
3. Мышкина А.Ф. Чувашская художественно-философская и художественно-публицистическая проза второй половины XX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. 276 с.

ЕМЕЛЬЯНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

ФОЛЬКЛОР КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЧУВАШСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ ОДЕЖДЫ

Аннотация. В статье через произведения устного народного творчества анализируются исчезнувшие из быта редкие типы и виды чувашской народной верхней одежды (*кипке*, *юпрӑнчӑ*, *сулхах*) и головных уборов (*крымски калтак*, *мулаххай*, *ялккас*). В исследовании отдельных предметов чувашской народной одежды разные жанры фольклора выступают дополнительными, порой единственными источниками. Они помогают полнее раскрыть картину ушедшего быта, произвести реконструкцию отдельных деталей одежды. По сюжету песен также легко угадать, кто носил тот или иной предмет, что также имеет немаловажное значение для этнологии. В песнях встречаются редкие архаичные названия одежды, исчезнувшие из быта задолго до начала сбора предметов старины для музеев.

Ключевые слова: традиционная одежда, верхняя одежда, головные уборы, фольклор, этнография.

В фольклорных текстах содержится ценная информация, касающаяся всех направлений социально-гуманитарных дисциплин, в том числе и этнологии. При внимательном чтении народных песен, пословиц, поговорок замечаешь, что в них сохранились разные пласты истории и материальной культуры народа. В этих кратких текстах застыли архаичные элементы.

Произведения устного народного творчества являются дополнительными источниками в изучении материальной культуры, в нашем случае – народной одежды. Отдельные детали костюма весьма часто описываются в народной поэзии, по фрагментам которой можно проследить изменение материала одежды, отделки и расцветки. По сюжету песен также легко угадать, кто носил тот или иной предмет, что также имеет немаловажное значение для этнологии. Фольклор, таким образом, помогает полнее раскрыть картину ушедшего быта.

На основе сравнительно-сопоставительного метода и контекстного анализа в данной статье сделана попытка реконструкции исчезнувших из быта некоторых видов чувашской традиционной верхней одежды и головных уборов, не сохранившихся в музейных коллекциях. В исследовании данного вопроса главными источниками стали фольклорные тексты, архивные документы и опубликованные этнографические труды.

В разных жанрах устного народного творчества изредка встречаются названия предметов одежды и головных уборов, описания которых не сохранились в специализированных публикациях и изданиях. Таким загадочным и неопределенным одеянием является *кипке*, упоминаемое в разных народных песнях, включенных в Словарь Н.И. Ашмарина:

*Апи кӑмаки шур кӑмака,
Шатах килеççӗ шупӑрна,
Эпӗ анчах кипкене.
Тутӑр сукки кипке пӑркене...*
[1, VI, с. 227]

У моей матери белая печь,
Все идут в белых халатах *шупӑр*,
Лишь я один (одна) в старой *кипке*.
У кого нет *платка*, тот накинул *кипке*
(Здесь и далее перевод наш. – Н.З.-К.)

В том же месте слову *кипке* ученый дал следующее объяснение: «старая рубашка, надеваемая сверх хорошей во время грязной работы» [1, VI, 227]. Из содержания песни также можно понять, что *кипке* по сравнению с верхней одеждой *шупӑр* является уже рабочей, не совсем праздничной.

Научная этнографическая литература отрицает ношение чувашами одновременно двух рубаш. Однако архивные записи утверждают обратное. По сведениям, собранным К. В. Элле во время экспедиции по волостям Чувашии вначале XX века, *кипке* выступает как отдельный тип верхней одежды. Ее бытование он отметил в следующих волостях: Тархановской [33, л. 16] и Шемалаковской Батыревского уезда [33, л. 20]; Алымкасинской [33, л. 53], Акулевской [33, л. 20] и Воскресенской Чебоксарского уезда [33, л. 57], Хочашевской Ядринского уезда [33, л. 43]. В Муратовской волости Батыревского уезда он написал, что «кипке носят только в ненастную погоду» [33, л. 22].

В научном архиве Н.В. Никольского *кипке* отмечена как «верхняя рубаха, надеваемая зимою» [14, л. 126]. В следующих строках угадывается другое ее значение:

<p><i>Пире атте-анне суратнй чух</i> <i>Тытмаикан та кипкийё пулман пуль.</i> <i>Хурлахан сулцине, ай, тытнй пуль,</i> <i>Саванна эфир хурлахлй пулнй пуль</i> [32, с. 52].</p>	<p>Когда нас родили У родителей, наверное, не было и <i>кипке</i>, чтобы нас взять на руки. Брали, наверное, нас листьями смородины, От того, наверное, мы такие несчастные.</p>
---	--

В данном контексте *кипке* можно понимать как пеленку, приготовленную для новорожденного. По этнографическим сведениям в качестве первой одежды для младенца использовали поношенную рубаху родителей или бабушек и дедушек, т.к. она была намного мягче [10, с. 46].

В чувашских народных песнях, особенно, свадебных, встречается название еще одной архаичной верхней одежды – *хыс*:

<p><i>Уртса ячёс хысалтан</i> <i>Симёс хыссем пуставран</i> [1, XVI, с. 99]</p>	<p>Накинули на спину Зеленые <i>хыс</i> из сукна.</p>
<p><i>Сийём тулли кавак хыс,</i> <i>Сире халал тавас сук</i> [1, XVI, с. 99]</p>	<p>С головы до пят (на мне) синий <i>хыс</i>, Но вам (его) не завещу.</p>

В фольклорных текстах они представлены в разных расцветках: *симёс хыс* (зеленый *хыс*); *кавак хыс* (синий *хыс*). В словаре Н.И. Ашмарина, кроме двух расцветок, упоминается и третий – *хура хыс* (черный *хыс*) [1, XVI, С. 99]. Там же можно узнать о других особенностях данного халата, что его шили «длиною до пят» и украшали раковинами каури: «*хурткусци (ужовки) хыс хёррине еретлесе сакса тухассё*» [1, XVI, с. 99].

Впервые *хыс* зафиксирован А.Ф. Риттихом. По его описаниям, в XIX в. под таким названием была известна юбка, «обшитая тесемками, серой, белой, синей и одной мишурной – золотой» [22, с. 59]. Этот предмет одежды включен в первые словари чувашского языка. Например, в труде В.П. Вишневого *хыс* отмечен как «женский синий кафтан» [4, с. 193]. В «Корневом чувашско-русском словаре», составленном Н.И. Золотницким, дано аналогичное объяснение с добавлением слова «праздничный»: «женский синий праздничный кафтан» [11, с. 100].

Более подробные описания данного редкого одеяния содержатся в трудах Н.В. Никольского и С.М. Михайлова. Первый из них пишет, что «в Ядринском уезде употреблялся женщинами еще летний кафтан (*хыс*)», сделанный из нанки, у которого спина и грудь украшались разноцветной материей» [18, с. 167]. У второго автора его носят женщины на свадьбу и это «... суконный или пониточный синий кафтан (*хыс*) с четвероугольным воротником, лежащим назад, шириною в четверть и обшитым по краям разными шелковыми тесьмами или лентами» [13, с. 52].

По мнению составителей этнографического исследования «Чуваши» «такие кафтаны более широко распространены у второй и третьей группы вирьял и у анат енчи...» [28, с. 279–280].

На сегодняшний день ни в одном музейном собрании России по чувашам верхней одежды под таким названием в книгах поступлений не зафиксировано. Однако если сравнить имеющиеся краткие описания с музейными предметами, тот *хысу* соответствует распахнутой приталенный легкий халат, верхняя часть которого сшита из красного французского ситца с пышными рукавами, а нижняя – из черного ситца или сатина. В Книгах поступлений Чувашского национального музея, как целые, так и их фрагменты (верхняя часть) документированы как «каптал» (ЧКМ 96, ЧКМ 127, ЧКМ 1018, ЧКМ 2100, ЧКМ 2144, ЧКМ 3657). В этнографической литературе советского периода они записаны как *пустьрлй шупар* [28, с. 279, 345] / *пустьрлй шупар* [5, с. 137]. Все они имеют единый покрой. Наспинная часть украшена нашивками в виде двух восьмерок из пересекающихся разноцветных шелковых лент и коричнево-белой тесьмы, соединяющихся в центре крестообразно. Узор составлен на красном ситце, пришитом

на грубый холст. Плечевая часть рукавов украшена роговидными яркими аппликациями. Воротник в виде удлиненного прямоугольника готовили из черной ткани. Лицевую сторону полностью украшали разноцветными лентами: два конца, спускающиеся на грудь оформляли горизонтально нашитыми тесемками и позументом. По трем краям ворота обшивали белыми кружевами.

Обратившись к этнографической литературе по костюму народов Средней Азии, нам удалось найти некоторые предметы нательной и верхней одежды с аналогичными названиями. У таджикских женщин были «платья, сшитые из обычной белой тонкой платяной ткани кустарного изделия (*хоса*)» [21, с. 114]. Белуджские мужчины Туркмении носили «длинную и свободную верхнюю одежду туникообразного покроя, называемую *хаас* (*khuss*) и доходившую почти до пят» [6, с. 56].

Мы смеем предположить, чувашский *хыс*, скорее всего, имеет общие корни происхождения со среднеазиатскими *хоса* и *хаас*. В рукописях Н.А. Наумова, хранящихся в Государственном историческом архиве Чувашской Республики название халата *хыс* отмечено как фарсизм: «*хыс* < перс. хааз «сорт шелковой материи» [7, с. 52–53]. К сожалению, он не успел опубликовать свой труд.

Другие специалисты гуманитарных наук об исчезнувшем типе верхней одежды не упоминают. Поэтому мы не можем дать полное описание. Как и любой предмет костюма, видоизменяясь в покрое, материале и декоре, быть может, он существовал вплоть до XVIII в. Однако со временем его перестали носить. Название было перенесено на другую верхнюю одежду. Может быть, это тот самый экзотический халат, сохранившийся под названиями *пўштёрлэ шупър* или *каптал*.

В чувашских народных песнях, собранных Г.Т. Тимофеевым и включенных в его этнографический сборник «Тăхăръял», упоминается еще одна верхняя одежда **юпăнчă**:

«Шур юр суса килет-ске –
Шурă юпăнчă пирĕн сук.
Çичĕ ют пулса килет-ске –
Пирĕн тăвансем аста-ши?»
[24, с. 378].

Белый снег идет –
А у нас нет белой юпăнчă.
Она придет как семижды чужая
Ах, где же наша родня?

Название вышедшего из употребления одеяния автор прокомментировал: «Юпăнча – *тăваткал пысăк кĕçсе. Туй таврашĕнче тыткаласçĕ*» [24, с. 378]. – (Ебанча – большой четырехугольный войлок. Используют во время свадебного обряда).

В этнографических записках К.С. Мильковича «О чувашах» жениха и невесту «ставят спинами к печи и, накрыв их епанчою, плещут на них яшкою» [12, с. 122]. Этот небольшой эпизод свадьбы также может послужить неким доказательством того, что верхняя одежда *юпăнчă*, бывшая когда-то в употреблении, была изготовлена из войлока.

У других авторов, описывающих подобные обрядовые действия, молодоженов накрывают войлочной кошмой. Данный эпизод описан в книге А.А. Осипова «Чувашская свадьба», там же приведено наглядное изображение [19, с. 85]. Чуваша, как и скотоводы Средней Азии, видимо, некогда носили войлочные дождевики. Со временем этот вид одежды исчез из быта людей, а название перенесено на другую вещь.

Существование войлочного дождевика среди предметов чувашской народной одежды подтверждается примерами из других жанров фольклора. Так, одна из чувашских поговорок гласит: «Уяра кура юпăнчă илме хушнă» – («Несмотря на ясную погоду, надо («велено») брать с собою покрывало») [3, с. 11]. Видимо, в ненастную погоду для укрытия от дождя, чуваша использовали накидки или дождевики, называвшиеся *юпăнчă*.

Бытование у чувашей войлочного дождевика подтверждается также и архивными документами. В книге «История Чувашии XVIII века ...» В.Д. Димитриев приводит список украденных вещей разбойниками у чувашских богатеев, в списке которых не раз упоминается «епанча серая» [8, с. 197–198]. Судя по этимологическим словарям, *юпăнчă* считается древнетюркским словом и произошло от **jar* «покрывать» [9, с. 235; 25, с. 285].

В текстах лирических песен изредка встречаются названия архаичной одежды *сулхах / сурхах*:

«Пурри пурçан тăхăнăр, Çукки сулхах тăхăнăр» [1, XII, с. 229]	Богатые, наденьте шелка, Бедные, наденьте <i>сулхах</i> .
«Пурри пурçан çакать, тет Çукки сурхах çакать, тет <...>» [32, с. 63]	Говорят, богатые наденут шелка, Говорят, бедные – <i>сурхах</i> .

В имеющихся этнографических и искусствоведческих трудах по народному костюму данный вид одежды нигде не фигурирует. Современные чувашки словами *сулхах / сурхах* обозначают другие предметы, а именно, пленку и перепонку. В контекстах приведенных фольклорных текстов мы понимаем, что речь идет об изношенной одежде *сулхах*.

По этимологическим толкованиям М.Р. Федотова, данный термин встречается во многих тюркских языках со значениями «шуба с шерстью наружу», «замша» [26, с. 295].

Основываясь на лингвистические материалы, можно предположить, что когда-то и у чувашей была одежда, сшитая из полосок шкур животных. К сожалению, она не сохранилась, но в лирических жанрах устного народного творчества она живет:

Пурри пурçан тăхăнăр, Çукки сулхах тăхăнăр [1, XII, с. 229].	Богатые одевайте шелка, Бедные одевайте <i>сулхах</i> .
---	--

Традиционную чувашскую одежду мы представляем в таком виде, в каком комплекте она сохранилась к началу и середине XX в. в музейных собраниях. Однако в словесных источниках и архивных документах затаились детали, которые исчезли вовсе или же сохранились крайне редко. Например, в сюжетах народных песен часто упоминается **крымски калпак** и **крымский сёлёк**:

«Крымски калпак йыснам пор, Алла тытса каям-ши, Пуça тăхăнса каям-ши?» [1, VII, с. 332]	Есть у меня зять, словно <i>крымский колпак</i> , На руках понести Или на голову надеть?
---	--

Из контекста мы понимаем, что эту шапку носил жених. В другой песне, считающейся застольной и записанной среди чувашей д. Средние Алгаши Цильнинского района Ульяновской области, крымский колпак носили мужчины:

«Этир ёлĕк чухне, ай, ёлĕкчĕ, Пуçра кĕримски сёлĕкчĕ, Çумра савнĕ сарĕ, ай, хĕрсемчĕ, Хушăмărта лайăх сăмахчĕ» [23, с. 40].	Ах, в старину, в старину, На голове (была) <i>крымская шапка</i> . Рядом возлюбленная красавица, А между нами – согласие.
--	--

В следующей песне текст содержания также передан от имени мужчины:

Çакă Итмар хĕрсене Крымски сёлĕк тăвăттăм. Поçа лартса кайăттăм, Бтах корас килсесĕн Йăпăр илсе пăхăттăм [20, с. 136].	Этих девушек из Итмер Сделал бы <i>крымской шапкой</i> . И унес бы (их) на (своей) голове, Если бы захотелось на них взглянуть, То снял бы и посмотрел бы.
--	--

В чувашской народной свадебной песне крымский колпак сравнивается с девушками, и мы понимаем, что они тоже носили данный головной убор:

«Крымски калпак – хĕрсемне Сар çунçере тытрăмăр, Сар çунçерен кăларсан, Хăтана леще патăмăр <...>» [30, с. 95].	Девушек, подобных <i>крымскому колпаку</i> Мы держали в <i>сюнсе</i> (укладке) Когда их вытащили оттуда, Отвезли и оставили у свекра.
--	--

Крымски калпак носили не только девушки. В архивных документах Н.В. Никольского записано, что и женщины изредка носят крымский колпак [16, с. 415: *в оригинале дается на чувашском языке*].

Под названием «колпак» у чувашей скрывается много разных головных уборов, отличающихся как по материалу, так и по покрою. Это также нашло отражение в фольклоре. Например, в одной хороводной песне, из собрания Е.А. Ягафовой, содержится название головного убора, в котором угадывается его покрой:

«Уяв <i>ситсе килнӗ чух</i> <i>Клин калпак –</i> <i>Саваннӑ пекех пултӑм.</i>	С приближением уява <i>Клин калпак</i> Точно я обрадовалась» [34, с. 479]
---	---

Данная подсказка дает представление о каком-то исчезнувшем головном уборе, сшитом из клиньев.

На сегодняшний день только через фольклорные тексты можно реконструировать забытый и исчезнувший из быта народа старинный чувашский головной убор *ялккас*. В песенных жанрах молодежных посиделок *улах юрри* встречаются следующие строки, содержащие его название:

« <i>Атя, Петӑр, улах курма:</i> <i>Васлей тичче панче хӑна хӑр пур.</i> <i>Сав хӑна хӑрне курсассӑн</i> <i>Пусри ялккас кирлӗ мар»</i> [27, с. 221]	Пошли, Петр, посмотрим на посиделки: У дяди Васлея есть девушка приезжая. Коль увижу эту девушку То мне не нужна шапка <i>ялккас</i> , которая сейчас у меня на голове.
---	---

По содержанию текста можно констатировать, что данный головной убор принадлежит мужчине. В следующем примере *ялккас* сравнивается с девушкой:

« <i>Ялккас калпак пӗчиккӗ,</i> <i>Ялккас калпак пӗчиккӗ те</i> <i>Пӗчиккӗ те полин поҫ толли.</i> <i>Манӑн хӑрӑм пӗчиккӗ те,</i> <i>Пчиккӗ те полин коҫ толли,</i> <i>Чӗлхи-ҫавар(ӗ) чӗкеҫ пек»</i> [29, с. 168].	Шапка та моя мала, да покрыта голова. Моя доченька мала, да ласкает взгляд сна, да щебечет ласточкой [29, с. 168].
---	--

В чувашских народных песнях детали одежды и украшений часто сравниваются с их хозяевами (мужчиной или женщиной) и по ним можно судить о принадлежности. Данная песня была записана в д. Верхний Магазь Чебоксарского района Чувашии. Внизу на *ялккас* дана подстрочная ссылка с комментариями: «*ялккас тесе эпӑр ҫамрӑк чухне шлепке пек калпака каланӑ – тет Г.Ф. Федоров*» [29, с.168]. – (В нашей молодости *ялкасом* называли колпаки в виде шляпы).

Г.Ф. Федоров жил в д. Томакасы Чебоксарского района. Его молодость пришлась на конец XIX в. Считаем, что в его время название могло уже переноситься на головной убор другой формы.

Следующий головной убор, не попавший в музейные собрания, – это зимняя меховая шапка *мулаххай*. Данный этнографизм также изредка встречается в чувашских народных песнях:

<i>Ах-хах-хай, мулахай.</i> <i>Мулахай хулхи сулахай.</i> <i>Мулахай, мулахай,</i> <i>Мулахай мана сурах пач.</i> <i>Сурӑхне Атӑла ятӑм та,</i> <i>Атӑл мана пулӑ пач</i> [1, VIII, с. 261]	Эх-эх-эй малаххай Одно ушко на лево Малахай, малахай, Его мне дала овечка. Овцу я подарил(а) Волге, А Волга мне за это дала рыбу.
--	--

В своем «Тезаурусе» в словарном тексте *мулахай / мулаххай* Н.И. Ашмарин написал: «*авалхи чăваш сĕлĕкĕ*» [1, VIII, с. 260–261] – (древняя чувашская шапка). Однако в книге не дано ее полное описание и невозможно точно представить конструктивные детали.

В этнографической литературе по народному костюму данный головной убор не встречается. Тем не менее, он сохранен в архивных документах.

Один из корреспондентов Буинского уезда Симбирской губернии, Алексей Кокель, сообщил Н.В. Никольскому, что чувашаи здешних мест «носили высокие квадратные шапки, примерно с пудовки, чувашское название «мулахай», а теперь из них выйдет более 4 шапок» [15, л. 600].

По мнению лингвистов, название данного зимнего головного убора в чувашском языке считается монгольским заимствованием: *мулаххай* монг. *malayai* «шапка» [26, с. 176].

По приведенным нашим источникам, большие шапки-ушанки раньше были распространены среди средненизовых и низовых чувашей. К сожалению, в фондах музеев вещественные доказательства не сохранились. В настоящее время их форму можно восстановить только по описаниям и фотографиям подобных шапок-ушанок других тюркских народов.

Таким образом, в данной статье мы рассмотрели исчезнувшие из быта некоторые виды верхней одежды (*кипке, хыс, юпăнчă, сұлхах / сурхах*) и головные уборы (*крымски калпак / крымски сĕлĕк, ялккас, мулахай / мулаххай*). В музейные собрания из них попал исключительно крымский колпак. Распашной халат *хыс*, скорее всего, видоизменившись в покрое и орнаментации, переименован. Однако их многократное повторение в разных жанрах устного народного творчества, считаем не случайным. Тем более, их бытование в составе чувашского народного костюма, подтверждается другими источниками.

Литература

1. Ашмарин Н.И. Чăваш сĕмахĕсен кĕнеки [Словарь чувашского языка]: в 17 т. Казань; Чебоксары, 1928–1950.
2. Ашмарин Н.И. Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской. Казань, 1900.
3. Ашмарин Н.И. Ваттисем каланă сĕмахсем. Шупашкар: Чувашиздат, 1925. 56 с.
4. Вишневский В.П. Начертание правил чувашского языка и словарь, составленный для духовных училищ Казанской епархии. Казань, 1836. 248 с.
5. Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья (материалы по этногенезу). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1960. 228 с.
6. Гафферберг Э.Г. Одежда белуджей Туркменской ССР // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Сб. музея антропологии и этнографии. Т. XXVI. Л., 1970. С. 52–101.
7. Государственный исторический архив Чувашской Республики (Фонд Н.А. Андреева). Ф–1959. Оп. I. Д. 52. Л. 52–53.
8. Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII в. История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773–1775 гг.) / Под ред. П. П. Епифанова. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959. 531 с.
9. Древнетюркский словарь. Л.: Наука. 1969. 677 с.
10. Егорова О.В. Родильные обряды и поверья у чувашей // Этнология религии чувашей. Вып. I. Чебоксары, 2003. С. 16–56.
11. Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875. 279 с.
12. Милькович К.С. О чувашах // Северный архив, 1827, ч. 27, № 9, с. 47–67; № 10, с. 120–139; № 11, с. 210–232.
13. Михайлов С.М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972. 422 с.
14. НАЧГИГН (Фонд Н.В. Никольского). Отд. I. Ед. хр. 156.
15. НА ЧГИГН Отд. I. Ед. хр. 168.
16. НА ЧГИГН (Фонд Н.В. Никольского). Отд. I. Ед. хр. 174. Инв. 4996–5031.
17. НА ЧГИГН (Фонд Н.В. Никольского). I. Ед. хр. 177.
18. Никольский Н.В. Краткий курс этнографии чуваш. Чебоксары, 1928. Вып. 1.
19. Осипов А.А. Чувашская свадьба: обряд и музыка свадьбы вирьял. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 206 с.
20. Патмар И.А. Радость жизни. Канаш, 1992. 256 с.
21. Писарчик А.К. Материалы к истории одежды таджиков Нурата. Старинные женские платья и головные уборы // Костюм народов средней Азии (ИЭО). М., 1979. С. 113–123.

22. Ритгих А.Ф. Казанская губерния. Материалы для этнографии России. Ч. II. Казань, 1870. С. 41–120.
23. Родионов В.Г. Епле пурӑнать-ши аякри тӑван: пур енлӗ экспедици материалӑсем. III пай. Шупашкар: ЧПГАИ. 2008. 400 с.
24. Тимофеев Г.Т. Тӑхӑръял: Сӑве тӑршшинчи чӑвашсем. Шупашкар. 1972. 449 с.
25. Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск: Изд-во Сарат. ун-та. Саран. фил., 1990. 334 с.
26. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. 2-е изд., испр. и доп. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та. 2002. 470 с.
27. Халӑх сӑмахлӑхӗ: Хрестомати / Г.Ф. Юмарт пухса хатӑрленӗ. Шупашкар: Чӑваш кӑнеке изд-ви, 2003. 415 с.
28. Чувашки: Этнографическое исследование / Сост. Н.И. Воробьев, А.Н. Львова, Н.Р. Романов, А.Р. Симонова. Ч. I. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1956. 416 с.
29. Чувашские народные песни. 620 песен и мелодий, записанных от Гавриила Федорова / сост. Ю.А. Илюхин. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1969. 352 с.
30. Чӑваш фольклорӗ. Сост. И. Тукташ. Шупашкар: Чӑваш кӑн изд-ви, 1949. 328 с.
31. Чӑваш халӑх пултарулӑхӗ. Мифсем, легендӑсем, халапсем. – Шупашкар: Чӑваш кӑнеке изд-ви, 2004. 567 с.
32. Чӑваш халӑх сӑмахлӑхӗ. 6 томпа тухать [Чувашское устное народное творчество: в 6 т.]. 3 т. Юрӑсем / Пухса хатӑрленӗсемпе ӑнлантарусене сыраканӑсем И.И. Одюков, Г.Ф. Юмарт. Шупашкар: Чӑваш кӑн. изд-ви, 1978. 512 с.
33. Элле К.В. Женские украшения, описанные по волосьям Чувашии // НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 567. Инв. № 6998 (черновая работа).
34. Ягафова Е.А. Чувашки Урал-Поволжья: История и традиции культуры этнотерриториальных групп / XVIII – нач. XX в. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2007. 530 с.

ЗАХАРОВА-КУЛЬБЕВА НАТАЛИЯ ИВАНОВНА – старший научный сотрудник Чувашского национального музея, г. Чебоксары, Чувашская Республика; аспирант кафедры археологии, этнографии и региональной истории Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова.

Л.В. ЛЯПАЕВА

МОТИВНАЯ СТРУКТУРА РАССКАЗА Е. ЗАМЯТИНА «ДРАКОН»

Аннотация. В статье рассматриваются контекстуальные мотивы рассказа Е. Замятина «Дракон». Мотивная структура рассказа «Дракон» носит многоплановый характер. Мотивы формируют ассоциативный фон рассказа, устанавливают взаимосвязь с мифами, с произведениями Н. Гоголя, А. Белого, Н. Гумилева, А. Блока, А. Солженицына. Образ дракона, ведущего героя рассказа, мифологичен, главная его особенность – обратимость. Отмечается, что выделенные мотивы дракона, движения, Петербурга, холода, трамвая способствуют «приращению смысла» (В.В. Виноградов), углубляя и расширяя контекстуальность и ассоциативность рассказа.

Ключевые слова: Е. Замятин «Дракон», мотив, контекст, хронотоп, миф.

Рассказ Е. Замятина «Дракон» (1918) относится к «петроградской трилогии», куда исследователи включают рассказы «Мамай» (1921), «Пещера» (1922) [2, с. 510]. Литературоведы характеризуют его как «фольклорно-жуткий», «фантастический рассказ», «рассказ-метафора» [11, с. 86]. Рассказ интересен тем, что в нем в полной мере проявилось дарование Е. Замятина, связанное с конструкторским мастерством возводить «строительные леса прозы» [11, с. 84]. К рассказу, на наш взгляд, вполне применимо и высказывание самого Е. Замятина из статьи «О литературе, революции, энтропии» о синтезе реальности, быта, литературы [2, с. 89]. Соглашаясь с общей оценкой рассказа, отметим, что феноменальность рассказа определяется взаимодействием мотивов, формирующих контексты, ассоциативный фон. О роли и значении этих приемов в формировании семантического пласта размышляют исследователи, касаясь самых разных авторов и их произведений [6, с. 210; 7, с. 234; 8, с. 105; 10, с. 64]. С этих позиций

рассказ изучен менее всего, что актуализирует избранный ракурс анализа. Наиболее активно воздействуют на читательскую рецепцию, на наш взгляд, мотивы дракона, Петербурга, холода, трамвая (поезда). Каждый мотив рассказа полисемантический и рождает целый спектр литературных ассоциаций.

Название рассказа не просто значимо, за ним возникает мощное поле неоднозначных мифологических структур: дракон в христианской культуре – символ сатаны. Известно, что в мифологии этот образ характеризуется той же семантикой: греческий Персей, Геркулес убивают Гидру, Лаокоон борется со змеем, Аполлон убивает змея. В рассказе Е. Замятина герой назван драконом и драконочеловеком, оба имени равнозначны, так названы носители революционных идей, устанавливающих новую власть и демонстрирующих непримиримость к инакомыслящим, классовым врагам – интеллигенции. В этом смысле показателен диалог дракона: «Веду его: морда интеллигентная – просто глядеть противно. И еще разговаривает, стервь, а? Разговаривает! – Ну и что же – довел? – Довел: без пересадки – Царствие небесное штыком» [2, с. 156]. Образ дракона мифологичен, обратим. Исследователи справедливо отмечают, что «мифологическое, то есть вечное, архетипическое Е. Замятин обнаруживает внутри повседневного, обыденного, земного» [5, с. 413]. Этот диалог показателен для эпохи революции прежде всего, а жестокость героя говорит о «точечности» сознания, сиюминутности оценок, возводя героя к архетипу зла. Но в рассказе все смысловые акценты очень зыбки, позволяя воспринимать драконочеловека в другой модальности. Так происходит наложение смысловых пластов. Образ дракона амбивалентен: он носитель зла, и он же носитель человеческого, поэтому все детали портрета двойственны и вторичны, характеризуются «литературностью»: «картуз залезал на нос, и, конечно, проглотил бы голову дракона, если бы не уши, на оттопыренных ушах картуз засел... Шинель болталась до полу; рукава свисали, сапоги загибались кверху – пустые. И дыра в тумане: рот» [2, с. 156]. Литературность очевидна: портрет со всем набором деталей (шинель, картуз, сапоги) отсылает к образу Акакия Акакиевича, «маленького человека», из повести Н.В. Гоголя «Шинель». Но здесь важно и то, что весь портрет носит оценочный характер, он эстетически снижен, во многом условен: все в герое с чужого плеча, все велико – картуз, сапоги, рукава шинели. Все карикатурно: рот – «дыра в тумане», «пасть», глаза – щелочки, руки – «красные лапы», а оттопыренные уши прямо указывают на близость к сатане. Облик героя смягчается, когда он спасает от замерзания воробья, отогревая его своим дыханием: «Стервь этакая; будто трепыхнулся, а? Нет еще? А ведь отойдет, ей-бо... Ну скажи ты!» [2, с. 157]. Модальность слова «стервь» меняется в зависимости от ситуации, оно в речи дракона носит и оскорбительный характер, и ласкательный.

Мотив движения является сквозным в рассказе, реализуясь в образе трамвая, в котором обнаруживаются свойства и черты человека: трамвай «скрежетал зубами», «несся в неизвестное». Движущийся трамвай рождает пучок литературных ассоциаций: трамвай – поезд – «птица-тройка» из «Мертвых душ» Н.В. Гоголя. Мотив скоростного движения «над» возникает и в стихотворении Н.С. Гумилева «Заблудившийся трамвай» (сборник «Огненный столп»), ассоциативно перекликаясь с образом несущегося трамвая из рассказа Е. Замятина. В стихотворении Н. Гумилева трамвай преодолевает время и пространство, превращаясь в метафору смерти. Трамвай, летящий, как гоголевская птица-тройка, не только символ неизвестного и неизвестного пути, но и смертельной опасности. Именно на это восприятие настраивает и обилие страшных смертей в стихотворении (Старик из Бейрута, «мертвые головы», срезанная голова лирического «я»):

Мчался он бурей темной, крылатой,
Он заблудился в бездне времен....
...Поздно. Уж мы обогнули стену,
Мы проскочили сквозь рощу пальм,
Через Неву, через Нил и Сену
Мы проскочили по трем мостам [4, с. 431].

Рассказ «Дракон» ассоциативно перекликается с произведениями, в которых трамвай/поезд символизирует зло жизни, губит героев. Таковы сюжеты стихотворения А. Блока «На железной дороге», романа Л. Толстого «Анна Каренина», рассказа А. Солженицына «Матренин двор» и др. В рассказе «Дракон» важен мотив города, связанный с хронотопом Петербурга. В облике города повторяющиеся детали задают перспективу восприятия, отсылая к произведениям классиков. И в этом смысле можно говорить о развитии традиций. Парадный Петербург Е. Замятина («желтые и красные колонны, шпили и седые решетки») восходит к «Медному всаднику» А. Пушкина:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит... [9, с. 173].

Географические константы Петербурга (желтый цвет зданий, Нева, Невский проспект, памятник Петру I) подчеркивают его литературность. Они являются важной составляющей картины мира и человека в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя, «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского, романе «Петербург» А. Белого, стихотворении «Петербург» И.Ф. Анненского. Так, в стихотворении И.Ф. Анненского главное сосредоточено на узнаваемых символах города, соединяющих историю и современность:

Желтый пар петербургской зимы,
Желтый снег, облипающий плиты...
Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слез, ни улыбки...
Только камни нам дал чародей
Да сознание проклятой ошибки [1, с. 186].

Еще одна особенность связана с бинарностью мотивов, которые придают своеобразие структуре рассказа. Это мотивы «лютого холода»/тепла, «ледяного солнца»/тумана, «земного мира»/ «несущегося мира». Эти мотивы можно охарактеризовать как космологические, смысл и назначение которых в том, чтобы подчеркнуть вселенский характер событий. Именно такой образ мира создает А. Блок в поэме «Двенадцать», где происходящее в Петрограде расширяется до мировых масштабов, природная стихия символизирует революцию: «Ветер, ветер на всем божьем свете». Возникшие ассоциации не являются случайными. Исследователи полагают, что ассоциации – результат сложного явления под названием «творческий процесс», в котором нет ничего случайного, все закономерно [3, с. 79].

Таким образом, следует отметить, что мотивная структура рассказа характеризуется системностью и четкостью, позволяя говорить о ее «технологичности». Выделенные мотивы носят ассоциативный характер, способствуют «приращению смысла», углубляя семантический спектр произведения.

Литература

1. Анненский И.Ф. Стихотворения и трагедии. Л.: Советский писатель, 1990. 640 с.
2. Замятин Е. Избранные произведения. М.: Советская Россия, 1990. 544 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
4. Гумилев Н.С. Избранное. М.: Советская Россия, 1989. 496 с.
5. Лейдерман Н.Л. Постреализм: Хаос и «воля к смыслу» // Русская литература XX века: закономерности исторического развития. Книга 1. Новые художественные стратегии / Отв. ред. Н.Л. Лейдерман. Екатеринбург: УрО РАН, УрО РАО, 2005. С. 394–454.
6. Ляпаева Л.В. Доминанта романного сознания в «малой прозе» конца XIX – начала XX веков (М. Горький, И. Бунин, Б. Зайцев) // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 210–213.
7. Ляпаева Л.В. Система мотивов в произведении З. Прилепина «Патологии» // Нижегородский текст русской словесности: сб. ст. по материалам VI Междунар. науч. конф. / Отв. ред. В.Т. Захарова. При поддержке РГНФ (проект № 17-04-14074 г.). Н. Новгород: Мининский ун-т, 2017. С. 233–237.
8. Перова Н.А. Код романа Л.Н. Толстого «Война и мир» в рассказе Б. Зайцева «Мой вечер» // Вестник Марийского университета. 2016. № 2 (11). С. 105–110.
9. Пушкин А.С. Сочинения: в 3 т. Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. М.: Художественная литература, 1986. 527 с.

10. Сарбаш Л.Н. Предыстория героя в романах И.С. Тургенева как способ организации повествования // Филологические науки. 1987. № 1. С. 63–68.

11. Сухих И.Н. Утопия и вера вечного еретика // Сухих И. Русский канон: Книги XX века. СПб.: Азбука, Азбука–Аттикус, 2019. С. 83–113.

ЛЯПАЕВА ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г.Чебоксары, Чувашская Республика.

О.Н. МИХАЙЛОВА

АНАТ ЕНЧИ ЧАВАШСЕН ТУЙ ЮРРИСЕНЕ ПУХСА ПИЧЕТЛЕСЕ КАЛАРНИ ПИРКИ

О СБОРЕ И ПУБЛИКАЦИИ СВАДЕБНЫХ ПЕСЕН СРЕДНЕНИЗОВЫХ ЧУВАШЕЙ

Аннотация. Работа посвящена обстоятельному освещению историографического вопроса: сбору и публикациям свадебных песен средненизовых чувашей с начала XIX в. до наших дней. В ходе анализа изданий, подготовленных музыковедами, филологами и краеведами, отмечается, что исследователями музыки сборники песен изданы с нотами, с переводом текстов на русский язык, с информацией о месте и авторе произведенных записей. Работы филологов выполнены в рамках требований к академическим изданиям: тексты систематизированы, песни снабжены паспортами. Собиратели-краеведы, представители сельской интеллигенции, любители устного народного творчества щедро делились своими материалами, адресовывая их массовому читателю.

Ключевые слова: чувашский фольклор, средненизовые чуваша, свадебные песни.

Чаваш халăх сăмахлăхĕн йăла поэзине тĕпчекенсенчен пĕри – И.И. Одюков. Вăл историографи ыйтăвне «Чаваш халăх лирики» кĕнекен «Юрра пухса пичетлени, тишкерни» пайĕнче тĕплĕн çутатнă. Кунта анат енчи чавашсен юррисене пухакансем пирки те пусăмласа каланă [12, с. 69]. Чаваш фольклорне пухакансемпе тĕпчекенсем пирки пĕтĕмĕшле Г.Ф. Юмарт «Сбор и изучение чувашского фольклора» [24] ёçре çырнă. Ун тĕпчевĕнче 1993 çулччен пичетленсе тухнă хăш-пĕр юрăсен кĕнекисене асăрхама пулат. Анчах та ятарласа анат енчи чавашсен туй юррисене пухса пичетлесе каларакансем çинчен çырнă ёçсем ку таранччен куç тĕлне пулмарĕç.

Чаваш халăх сăмахлăхне пухса каларасси XIX ĕмĕрĕн пĕрремĕш çурринче Раççейри географи обществу (Российское географическое общество) тата Хусан университетĕ çумĕнчи Раççейри сăмахлăха юратакансен обществу (Общество любителей российской словесности) йĕркеленнĕ хыççăн вăй илсе каять. Этнографипе чĕлхе науки аталаннă вăхăтра анат енчи чавашсен туй йăли-йĕркине (юррисемпе пĕрле) чи малтан çырса кăтартакансем те чаваш халăх пурнăçĕпе интересленекен вырăс этнографĕсем пулнă. Вĕсенчен пĕри – Хусан университетĕнчи медицина профессорĕн К.Ф. Фуксăн мăшăрĕ, çыравçă тата таврапелĕçĕ А.А. Фукс. Вăл 1833–1834 çулсенче Шупашкарпа Çĕрпÿ уесĕсенчи ялсем тăрăх курса çÿренĕ чухне чавашсемпе çармăссен пурнăçĕпе йăли-йĕркипе сывăхрах паллашнă. Этнографи материалĕсене пĕтĕмлетсе 1940 çулта «Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии» [20, с. 61] кĕнеке пичетленĕ. Апа чаваш туйне те курма тÿр килнĕ. Туйĕ хăш ялта пулнине вăл палăртман, анчах та çыринчен çакă паллă: «Я нимало не жалею, что ездила в дурную погоду за пятнадцать верст смотреть чувашскую свадьбу» [Çавăнтанах, с. 61–70]. Чаваш çĕрне килсен вăл Вырăс Салинче (выр. Русское Исенево) хайĕн усадьбинче пурăннă (Хусан кĕпĕрнин Шупашкар уесĕн Воскресенски вуласĕнчи ял, 1969 çулта ку ял пĕтнĕ, унччен вăл Куславкка районне кĕнĕ). Апла пулсан вун пилĕк çухрăма яхăн тăршшĕ çула

Вырăс Салинчен шутламалла. Кёнекери туй йăлине пăхсассăн каччă енчисем киличчен хёр виç кун малтан йёме пуçлани паллă. Хёр йёрри тĕслĕхĕсем тури чăвашсен упранса юлман. Эппин, кунта сăмах анат енчи туй пирки пырать. Александра Фукс – пĕрремĕш вырăс хĕрарăм-этнограф пулнипе пĕрлех анат енчи чăвашсен туйне чи малтан çыrsa кăтартакан та.

Чăваш юррисен пуянлăхне Шупашкар уесĕнчи Урхас Кушкăра (халĕ Сĕнтĕрвăрри районне кĕрет) И.С. Протопопов пачăшкă семейинче ўснĕ тепĕр вырăс этнографĕ В.А. Сбоев асăрханă. Вăл юрăсене 1848 çулта Н.И. Золотницкипе хай ўснĕ тăрăхри ялсенче çуренĕ чухне çыrsa илнĕ. Çак экспедици хыççăн Николай Иванович чăваш юррисене вырăсла куçарнă, алçыру пĕр вариантне В.А. Сбоева та панă. Василий Афанасьевич вĕсемпе хайĕн ёçенче усă курни пирки çапла пĕлтерет: «Анчах чăвашăн йăхран йăха, ламран лама куçакан çирĕппеннĕ юрăсем те пур. Фукс госпожа хай те пĕтĕм чăваш пĕлекен икĕ юрра илсе панă, вĕсене хитре куçарнă. Çамрăк чух ун пек юрăсене эпĕ хам та чылай пĕлеттĕм. Каярахпа маннă ёнтĕ. Халĕ акă хаш-пĕрне чăвашсем юрланине илтсе аса илтĕм, теприсене Шупашкар уесĕнче çуралнă, халĕ пирĕн университетра вĕренекен, манпа пĕрле ялсем тăрăх çурекен Н.И. Золотницкий студент аса илтерчĕ, тата теприсене чăваш юрăсисенчен илтрĕм. Çапла ман аллăмра чылай юрă пухăнчĕ» [12, с. 8]. 1856 ç. тухнă «Исследования об инородцах Казанской губернии. Заметки о чувашах» кёнекене В.А. Сбоев 9 юрă кĕртнĕ (çичĕ туй юрри, икĕ салтак юрри). Унта юрăсене шухăшне кура ушкăнланă: «Пать-пать потене», «Хора хĕрсене», «Чолхолара чон вылятъ», «Кикирик сар алтан», «Кăва-кăва кăвакал» (эротические); «Кăш-кăш вăрман, кăш вăрман», «Атте панă хура лаша» (элегические); «Ай, ай, инке, Куль инке» (обрядовые); «Хёр чипер-и? – Тылла поç!» (сатирические). Этнограф юрăсен поэтикене, савă виçи уйрăмлăхĕсене те палăртнă. Çавăн пекех Урхас Кушкă чăвашĕсен туй йăлине туллин сăнласа панă.

В.А. Сбоев кёнекинчи çуререх асаннă юрăсем, «Кăш-кăш вăрман, кăш вăрман», «Атте панă хура лаша» салтак юррисемсĕр пуçне, 1877 çулта П.М. Мальховăн «Симбирские чувашы и поэзия их» [8, с. 39] очеркĕнче тепĕр хут пичетленнĕ.

Анат енчи чăвашсен туй йăлине (юррисемпе пĕрле) çыrsa кăтартакан вырăс этнографĕсен ретĕнче – В.К. Магницкий. Унăн 1881 çулта пичетленнĕ «Материалы к обряжению старой чувашской веры» паллă ёçенче Шупашкар уесĕн хĕвелтухăç енчи Маслă ялĕнчи (халь Куславкка районне кĕрет) тата Етĕрне уесĕн кăнтăр хĕвелтухăç енчи Хапăс ялĕнчи (халь Вăрнар районĕнче) туйсем çыранса юлнă [7, с. 200–217].

1878 çулта Хусан университетĕ çумĕнче «Археологи, историпе, этнографи общества» йĕркеленнĕ хыççăн «Известия Общества археологии, истории и этнографии» журнал тухма тытăннă. Унта 1884 çулта М.П. Арзамасовăн «Несколько преданий чуваш и татар Чебоксарского уезда Казанской губернии» [1] статийинче хёр йёрри пичетленнĕ. Вăл апа 1800 çул тĕлнелле Тĕрлемесре И. Артамоновран çыrsa илнĕ. Чăвашла текст хыçенче вырăсла куçарăвĕ пур. Ку текста М.П. Арзамасов В.К. Магницкине панă пулнă. Вăл хайĕн çуререх асаннă ёçенче туй йăли-йĕркине çыrsa панă вырăна кĕртнĕ [Çавăнтах, с. 216–217].

XIX ёмĕр вёçе XX ёмĕр пуçламăшĕнче чăваш фольклорне пухса пичетлес, тĕпчес ёçе вырăс этнографĕсем кăна мар, чăвашсем те хутшăнаççĕ. И.Я. Яковлев пуçарса янипе Чĕмпĕрти чăваш шкулĕнче вĕрентекенсемпе вĕренекенсем халăх сăмахлăхне анлă пухма тытăннă. Çак ёçе Хусанти тата Чĕмпĕрти тĕн семинарисенче пĕлў пухакансем те хавхаланса пуçаннă. Хусанта сине-синех турипе анатри чăвашсен тĕрлĕ юррисем пичетленсе тухма пуçланă. 1900 çулта Н.И. Ашмаринăн «Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской» [2] ятпа вырăсла-чăвашла юрăсен пуххи пичетленнĕ. Кунта турипе анатри чăвашсен туй юррисем тĕл пулаççĕ. 1903 çулта Чĕмпĕрти чăваш шкулĕнче вĕреннĕ, çавăнтах тĕн семинарине, Хусанти тĕн академине пĕтернĕ паллă тĕпчевсĕн К.П. Прокопьевăн «Брак у чуваш» [16] кун çути курнă. Ку кёнекере анатри чăвашсен туй йăли, мăн кĕрў такмакĕ, 82 хёр йёрри çыранса юлнă. 1908 çулта тухнă И.Д. Никитинăн (Юрки) «Песни чуваш Ядринского и соседних уездов» [10, с. 265–292] ёçенче турисен туй юррисем вырнаçнă.

Анат енчи чăвашсем хушшинче те туй сăмахлăхне пухса пичетлесе кăларакансем пулнă. Çавсен шутĕнче Шупашкар уесĕнчи Кутемер ялĕнче (халĕ Куславкка районне кĕрет) çуралса ўснĕ П.В. Васильев. Вăл 1909 çулта «Чăваш юррисем, халапсем» [22] пысăках мар брошюрăра

тупмалли юмахсемпе, сӑнавсемпе 20 туй юрри пичетленӗ. Юрӑсен умӗн автор калани пур: «Сарьялӗнчен тухрам та уграм, виҫ тавлакран ҫитрӗм кӗтӗм Тӗрлемесе, туй тапраннӑ тӗле лапах пултӑм. «Туй курсах кай, – терӗ пӗр ыра ҫын мана, тӗл пулчӗ те, – пирӗн ялта юрӑсем пит аван юрлаҫҫӗ», – терӗ... Тӗлӗнсех кайрам вара ҫаваш юррисенчен, кӑмӑлам хусканачченех итлӗрӗм. Хӑшне-хӑшне ҫырсах илтӗм». Ку пухӑ калӑпӑшӗпе пысӑках мар пулин те, хӑй вӑхӑчӗшӗн те, хальхишӗн те пӗлтерӗшлӗ ӗҫ, анчах та ун пирки И.И. Одюков [12, с. 23] асӑнса хӑварнисӗр пуҫне тӗпчевӗсем ку таранччен тивӗҫлӗ хак паман.

Ҫавӑн пекех 1877–1889 ҫулсенче П.В. Васильев Чӗмпӗрти ҫаваш шкулӗнче вырӑс чӗлхине вӗрентнӗ вӑхӑтра вӗренекенсене ҫине тӑрсах тӗрлӗ юрӑсене пуҫтарттарнӑ. Вӑл алҫырусем Чӑваш патшалӑх гуманитарнӑ ӑслӑлӑхӗсен институтӗн ӑслӑлӑх архивӗнче уйрам томсенче упраҫҫӗ (ЧПГАИ АА. III уйр. 148, 150, 151 упр. ед.). Ачасем юрӑсене ушкӑнламасӑр ҫырса панӑ. Алҫырура вӗрентекен хӗрлӗпе тӗрлетнӗ вырӑнсем те пур. Аҫта тата кам ҫырса илнине асӑнман пулин те, текстри чӗлхе уйрамлӑхӗсене, топонимсене тата юррӑн поэтикӑне пӑхсан анатрисен юррисем пулни курӑнатӑ.

Анат енчи ҫавашсен туй сӑмахлӑхӗ революцичен тухнӑ тепӗр ӗҫре – «Чуваши Казанского Заволжья» [6, с. 357–366] историпе этнографиллӗ очеркра сӑнланнӑ. Унӑн авторӗ – виҫӗ (тури, анат енчи, анатри) этнографи ушкӑнӗнчи ҫавашсен чиккисене чи малтан уҫӑмлатса палӑртканӗ Г.И. Комиссаров. Вӑл Етӗрне уесӗнчи (халӗ ЧР Ҫӗрпӗ районӗ) Патӑрьел ялӗнче ҫуралса ӗҫнӗ. Хӑйсен тӑрӑхӗнчи туя ҫак очеркра тӗпчевӗ туллин ҫырнӑ. Вӑл мӑн кӗрӗ сӑмахне вырӑсла кӗскен илсе пани те ҫав тери паха, мӗншӗн тесен анат енчи ҫавашсен мӑн кӗрӗ такмакӗсем сахал ҫырӑнса юлнӑ.

Г. Комиссаров ҫӗлӗрех асӑннӑ ӗҫе хушса, якатса 1960 ҫул тӗлне иккӗмӗш кӑларӑмне пичете хатӗрлесе ҫитернӗ. Вӑл каярах «О чувашах» [11, с. 9–211] кӗнекере пичетленнӗ. Пӗрремӗшпе иккӗмӗш кӑларӑмсем чылай уйрӑлса тӑраҫҫӗ. Вӗсенче туй йӑлине ҫырса кӑтартни пӗр пекрех. Кайранхи вариантра халӑх сӑмахлӑхне хушса пуянлатнӑ, системӑласа вырнаҫтарнӑ. Вӑл шутра икӗ туй юрри хушса ҫырнӑ: утҫи арӑмӗн (хӑйматлӑх арӑмӗн) тата туй пуҫӗпе унӑн арӑмӗн юрри (вырӑсла куҫарупа) [Ҫавӑнтах, с. 57, 140–143]. Ку юрӑсене, авторӗ асӑрхаттарнӑ тӑрӑх, 1912 ҫулчен пухнӑ.

Совет тапхӑрӗнче юрӑсене пухса пичетлесси малалла аталанатӑ. 1920 ҫулта Чӑваш автономиллӗ облаҫне туса хурсан ҫаваш культурина аталанма пулӑшакан ҫӗнӗ ушкӑнсем йӗркеленеҫҫӗ: 1921 ҫулта – Чӑваш краеведени обществи; 1923 ҫулта – Чӑваш совет писателӗсен «Канаш» союзӗ; 1927 ҫулта – Чӑваш пролетари писателӗсен ассоциациӗ; 1932 ҫулта – Чӑваш писателӗсен союзӗ. Чӑваш обществинчи тепӗр паллӑ пулӑм – 1930 ҫулта Чӑваш наукапа тӗпчев институтне туса хуни. Сӑмахлӑха пухас ӗҫе ертсе пырассине малалла тӗпчев институтӗ пурнӑҫлама пуҫлатӑ: экспедицисем ирттерет, программӑсем пичетлет, пухнӑ паха материала упрама архив уҫать т. ыт. те.

Октябрьти аслӑ революци хыҫҫӑн анат енчи ҫавашсен юррисене, ятарласа музыка пӗлӗвӗ илнӗ тӗпчевӗсем тӑрӑшнипе, нотӑсемпе пичетлеме тытӑнаҫҫӗ. 1932 ҫулта С. Максимовӑн «Тури ҫавашсен юррисем» кӗнеки тухнӑ [19, с. 43–56]. Унӑн ятӗнче тури ҫавашсем пирки каланӑ пулин те, вӑл кунта Шупашкар, Вӑрнар, Ҫӗрпӗ, Сӗнтӗрвӑрри, Тӑвай районӗсенче юрлакан 15 туй юрри (вӗсенчен виҫӗшӗ сӑвӑсар) кӗртнӗ. Юрӑсен ушкӑнне пӑхсан, хӗр йӗрри, хӗр ҫум, туй арӑмсен, туй ачисен, хӑйматлӑх юррисем тӗл пулаҫҫӗ.

С. Максимов ентешӗсем В.П. Воробьевпа Т.П. Парамонов та музыка пӗлӗвӗ илнӗ, ятарласа юрӑсем пухнӑ. Анчах та вӗсене хӑйсем пурӑннӑ чух кӗнеке туса кӑларайман. XXI ӗмӗр пуҫламӑшӗнче тин В.П. Воробьев Шупашкар, Сӗнтӗрвӑрри, Вӑрмар, Тӑвай районӗсенче пуҫтарнӑ 9 туй юрри «Чӑваш халӑх юррисенче» [3, с. 23–49] кун ҫути курать. А.А. Осипов, ӑна пухса хатӗрлекенӗ, тӗрлӗ ушкӑнри кашни туй юррине нотӑсемпе кӗнекене кӗртнӗ, вырӑсла куҫарнӑ. Ҫавӑн пекех «Чӑваш халӑх юррисенче» [13, с. 225–249] Т.П. Парамонов Шупашкар, Сӗнтӗрвӑрри, Ҫӗрпӗ, Канаш, Тӑвай тӑрӑхӗнче пуҫтарнӑ 17 туй юрри-кӗвви (вӗсенчен таватӑшӗ сӑвӑсар) тухнӑ. Кӗнекене хатӗрлекенӗ, юрӑсене вырӑсла куҫараканӗ, вӗсен нотисене илсе параканӗ – М.Г. Кондратьев.

Анат енчи чăвашсен хушшинче паллă юрă аҫтисем пулнă. Вёсенчен пёри – Шупашкар тăрăхёнчи Томаккасси ҫынни Гаврил Федорович Федоров (халăхра Каверле). Унтан 1929 ҫулта паллă композиторсем Ф.П. Павлов, С.М. Максимов, В.П. Воробьев, Т.П. Парамонов 235 кёвё ҫырса илнё. Вёсем хыҫҫан ҫак ёҫе вырăс композиторёсем В.М. Кривоносов, В. Томилин хутшăннă. 1949–1950 ҫулсенче С.М. Максимов тата 470 юрă ҫырса илнё. Гаврил Федоров асра тытса тăракан юрăсен шучё 750-ран иртсе пынă. Вёсем пурте «Тури чăвашсен юррисем» [19], «146 песен, записанных от Гаврила Федорова С. Максимовым, Ф. Павловым, В. Воробьевым и Т. Парамоновым» [18, с. 127] тата «Чăваш халăх юррисем: Гаврил Федоровран ҫырса илнё 620 юрă-кёвё» [23, с. 148–179] кёнекесене кёнё. Маларах асăннă пухха, сăмахран, 67 туй юрри кёнё. Юррисем пурте анат енчисен – Шупашкар, Сёнтёрвăрри, Ҫёрпұ тăрăхёнчисем. Кунта тёрлё ушканти туй юррисем пур. Вёсене ноталаса вырăсла куҫарнă.

Ираида Григорьевна Вдовина – анат енчисен тепёр паллă юрă аҫти, Сёнтёрвăрри тăрăхёнчи Кёчкейре ҫуралса ўснё. Чăрăш Туҫара вёрентекен пулса ёҫленё вăхăтра пин юрă ытла ҫырса илнё, хай те аҫта юрланă. Унăн репертуарёнчи 16 туй юрри «Ираида Вдовина юрлакан чăваш халăх юррисем» [4, с. 17–33] сборникра ҫыранса юлнă (Ҫёрпұ, Куславкка, Сёнтёрвăрри районёсенче ҫырса илнисем). Вăл шутра хёр йёрри, хёр ҫумсен, арҫын туй юррисем пур. Кёнекере вёсен нотисене илсе панă.

Халăхра ҫуреке туй юррисене пуҫтарас, упрас тата пичетлесе кăларас тёлешпе Чăваш патшалăх гуманитари аҫлалăхёсен институтё нумай ёҫ тунă. Унăн аҫлалăх архивёнче упранакан хăш-пёр туй юррисене 1979 ҫ. И.И. Одюковпа Г.Ф. Юмарт «Чăваш халăх сăмахлахён» IV томне ушкăнласа кёртнё [21, с. 5–128]. Вёсем Шупашкар, Сёнтёрвăрри, Върнар, Канаш, Тăвай тăрăхёнче саралнă 22 юрра суйласа илнё (вăл шутра кёрнўкерсен, туй арăмсен, хайматлăх, хёр ҫумсен, хёр йёрри, ҫёнё хăта юррисем).

Саван пекех чăваш халăх юррин пуянлăхне халăх умне кăларас тёллевпе М.Г. Кондратьев музыковед «Анат енчи чăвашсен юррисем» [15] академиллё кёнеке хатёрленё. Вăл унта 24 туй юррине вырăсла куҫарса нотасемпе пичетленё. Вёсен ушкăнёсем: хёр йёрри, хёр ҫум, туй арăм (каччă енчисен), арҫын туй, туй ачисен, таварна юррисем. Хăш тăрăхра ҫырса илнине пăхсан – анат енчи чăвашсем пурăнакан вырăнсем: Шупашкар, Сёнтёрвăрри, Канаш, Красноармейски, Ҫёрпұ районёсем.

Институтан аҫлалăх архивёнче ёмёр тăршшёпех чăваш халăх юррисене пухакан энтузиаст-учительсен алҫыравёсем сахал мар упранаҫё. Сăмахран, Виктор Семенович Разумован. Вăл Хусанти чиркўпе вёрентў школёнче (Казанская церковно-учительская школа) таран пёлў илнё. Хёрлё Чутайри, Канашри, Патърьелти педагогика техникумёсенче преподаватель пулса ёҫленё вăхăтра (вёренекенсем пулăшнипе) ҫёршер юрă пухнă. Вёсене пичетлес шутпа «Самана» ятлă вунă томран тăракан алҫыру хатёрленё. Унта юрăсене уездсем тăрăх ушкăнланă, кам тата аҫта ҫырса илни пур. Вăл пухнă материалан пёр пёчёк пайё 2020 ҫулта тухнă «Разумов и куплеты старинных чувашских народных песен» [9] кёнекене кёнё. Ку пухха кăлараканё юрăсен паспортне паманни анат енчи чăвашсен туй юррисен йышне палартма чърмав кўрет.

Кузьма Васильевич Элле Хусанти вёрентў семинаринче вёреннё. Вăл, историк пулнă май, чăвашан кун-сулёпе тата авалхи паллă вырăнёсемпе интересленнё, ҫав вăхăтрах Куславкка, Ҫёрпұ, Канаш, Тăвай тăрăхёнчи туй юррисене пуҫтарнă.

Исаков Алексей Тихонович учительте ёҫленё, юрăсене Чăваш ҫёр-шывён тёрлё ялёсенче сахал мар пухнă. Унăн ал ҫыравё 2016 ҫулта «Сар хёвелте ларам-и?» [5, с. 96–129] кёнекере кун ҫути курнă. Унта Върмар, Красноармейски, Върнар, Канаш районёсенче пухнă 15 туй поэзийён тёлёхё (хёр йёрри, туй арăмёсен, хёр ҫум, туй ачисен юррисем) пичетленсе тухнă.

Красноармейски районён Яманакра ҫуралса ўснё Иван Анисимович Патмар та халăх сăмахлахне пухас ёҫре нумай вай хунă. Унăн ёҫё-хёлё вёрентў ёҫёпе тачă ҫыханман пулин те, вăл фольклор пухмалли анкета хатёрлесе пысăк хавхаланупа ялтан яла ҫырса ҫуренё, ҫав шутра анат енчи чăвашсен (Куславкка, Яманак тăрăхёнчи) туй юррисене пуҫтарнă (ЧПГАИ АА. I уйр. 74 упр. ед. 148 л.). Ывăлё, Эдисон Патмар, унăн чылай алҫыравёнчен кёнеке хатёрлесе халăх патне ҫитерме тăрăшнă [14].

Анат енчи чăвашсен туй юррисене пичетлесе кăларнă ют çĕршыв авторĕсенчен уйрăмах Ласло Викарпа Габор Берецки венгр тĕпчевçĕсене асăнмалла. Вĕсем 1964, 1966, 1968 çулсенче чăвашсем хушшинче экспедицире пулнă вăхăтра Шупашкар, Сĕнтĕрвăрри, Тăвай районĕсенче сырса илнĕ 13 туй юрри «Chuvash Folksongs» [25] кĕнекере пичетленсе тухнă. Юрă сăмахĕсене латиниçапа сырнă, ноталанă, венгрла, акăлчанла куçарнă.

Музыковедсем, филологсем тата краеведсем хатĕрлесе кăларнă юрă кĕнекисем пирки пĕтĕмлетсе çапла калама пулать. Музыка пĕлĕвне тĕпчекенсен юрă пуххисем пурте нотăсемпе, ытларахăшĕ чăвашла-вырăсла тухнă, аста тата кам сырнине панă. Сăмахлăх астисем академиллĕ кăларам ыйтнине тивĕстернĕ: текстсене ушкăнланă, кашни юррăн паспорчĕ пур. Краеведсем, ял интеллигенцийĕн представителĕсем, халăх сăмахлăхне юратса пуçтаракансем сборникĕсене йышлă аудиторин валли кăларнă.

Литература

1. Арзамасов М.П. Несколько преданий чуваш и татар Чебоксарского уезда Казанской губернии // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1884. Т. 3. С. 284–285.
2. Ашмарин Н.И. Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской // ИОАИЭ. Т. 16. Вып. 4–6. Казань, 1900. С. 1–91.
3. Воробьев В.П. Чувашские народные песни / сост. А.А. Осипов. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. 327 с.
4. Ираида Вдовина юрлукан чăваш халăх юррисем / А.А. Осипов пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1985. 264 с.
5. Исаков А.Т. Сар хĕвелте ларам-и?.. Такмаксемпе савă-юрăсем, халап-юмахсем, ваттисен сăмахĕсемпе каларăшсем, чăваш халăх календарь уявĕн юррисем т. ыт. те. Шупашкар: ЧПГАИ, 2016. 318.
6. Комиссаров Г.И. Чувашаи Казанского Заволжья // ИОАИЭ. Т. 27. Вып. 5. Казань, 1911. С. 357–366.
7. Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань: Тип. Императ. уни-та, 1881. 267 с.
8. Мальхов П.М. Симбирские чувашаи и поэзия их. Казань: Тип. Императ. уни-та, 1877. 39 с.
9. Нигиль Ю.Н. В.С. Разумов и куплеты старинных чувашских народных песен. Чебоксары: Новое Время, 2020. 164 с.
10. Никитин (Юрки) И.Д. Песни чуваш Ядринского и соседних уездов // ИОАИЭ. Т. 24. Вып. 3. Казань, 1908. С. 265–292.
11. О чувашах: исследования, воспоминания, дневники, письма / сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары, 2003. 528 с.
12. Одюков И.И. Чăваш халăх лирики (савă-юрă сăнарлăхĕ): вĕренÿ пособийĕ. Шупашкар: Чăваш патшалăх ун-чĕ, 1983. 69 с.
13. Парамонов Т.П. Чувашские народные песни / сост. М.Г. Кондратьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. 367 с.
14. Патмар Э. Пурнăç илемĕ. Паянхи чăвашсен туй йĕрки. Канашская Типография Госкомитета Чувашской Республики, 1993. 255 с.
15. Песни средненизовых чувашей / сост. М.Г. Кондратьев. Чебоксары: НИИЯЛИЭ. 1993. 334 с.
16. Прокопьев К.П. Брак у чуваш. 1903. Казань: Типолит. Императ. ун-та, 63 с.
17. Сбоев В.А. Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань: Дубравин, 1856. 188 с.
18. 146 песен, записанных от Гаврила Федорова С. Максимовым, Ф. Павловым, В. Воробьевым и Т. Парамоновым. Чебоксары, Москва, Чувашгиз, Музгиз, 1934. 127 с.
19. Тури чăвашсен юррисем / С.М. Максимов пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш патшалăх изд-ви, 1932. 136 с.
20. Фукс А.А. Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840. 329 с.
21. Чăваш халăх сăмахлăхĕ / И.И. Одюковпа Г.Ф. Юмарт пухса хатĕрленĕ. IV т. Юрăсем. Шупашкар, 1979. 478 с.
22. Чăваш юррисем, халапсем / П.В. Васильев пухса хатĕрленĕ. Казань: Центр. тип., 1909. 4 с.
23. Чувашские народные песни: 620 песен и мелодий, записанных от Гаврила Федорова / сост. Ю.А. Илюхин. Чебоксары: Чуваш. книжное издательство, 1969. 351 с.
24. Юмарт Г.Ф. «Сбор и изучение чувашского фольклора» // Слово: 1993. Исследования и тексты. Чебоксары, 1994. С. 20–39.
25. Chuvash Folksongs bi Laslo Vikar and Gabor Bereczki. Akademiai Kiado, Budapest 1979. 579 i. [Чувашские народные песни / сост. Ласло Викар, Габор Берецки. Будапешт, 1979. 579 с.]

МИХАЙЛОВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

ХАЛЬХИ ПРОЗĂРИ РОМАН ЖАНРĔН ХĂШ-ПĔР УЙРĂМЛĂХĔСЕМ НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОМАНА

Аннотация. В работе изучаются некоторые особенности современного романа. Выдвигается предположение, что чувашский роман, при всеобщей тенденции к короткому письму, не теряет своего места и значимости и в XXI в. Наряду с однотомными произведениями, на современном этапе в чувашской литературе создаются романы в нескольких книгах и циклы романов. Отдельное внимание уделяется трилогии А. Павловской. Анализируется вклад В.Г. Родионова в изучение данной темы.

Ключевые слова: современная литература, чувашская проза, В.Г. Родионов, роман, Н. Симунов, А. Павловская.

Хальхи чăваш литературинче эпикан пысăк жанрĕн, романан, пĕлтерĕшĕ чылай пысăк. Ытти хăш-пĕр халăхсен литературинче ку жанр ыранĕпе вайĕ чакса пынине асарханă пулсан тĕпчевĕсем [1, с. 33], чăваш романĕ юлашки 20–30 çул хушшинче малалла аталанчĕ теме май пур. Çакна çине-çинех пичетленекен çенĕ кĕнекесем çирĕплетсе параççĕ. Кунта çенĕ тĕссем те хутшăнчĕç – ас-хакăллă (интеллектуаллă) роман (Г. Федоров, В. Степанов), социаллă-политикăлла роман (Ю. Сан).

Роман калăпашне е формине илес пулсан хальхи прозăра пĕр кĕнекеллĕ романсем (Н. Максимов, Ю. Сан), темиçе кĕнекеллĕ романсем (В. Муравьев, А. Павловская, У. Элмен, А. Хмыт, Л. Сачкова) тата романсен ярăмĕсем (Юхма М., С. Павлов) пур.

Кăшт маларахри авторсен шутĕнче Н. Симунова асанмалла. Унан «Ан йĕр эсĕ, Лена» романĕ малтанхи хут 1990 çç. пичетленнĕ (1992 – 1-мĕш кĕнеке, 1997 – 2-мĕш кĕнеке), унтан – 2007-мĕшĕнче – икĕ кĕнеки те, виççĕмĕш хут – 2017 ç. Вулакансем ку романа питех те килĕштерни паллă. Тĕпчевĕсенчен ку хайлава В.Г. Родионов тимлĕх уйăрнă.

Профессор чăваш прозине, уйрăм авторсен пултарулахне сахал мар тишкернĕ. Вăл Игн. Иванов, И. Юркин, Г. Тимофеев, И. Тăхти, М. Юман хайлавĕсене тĕрлĕ енлĕ хак панă. «Āста педагог, чăн-чăн художник» статьяра («Ан йĕр эсĕ, Лена» роман ум сăмахĕ) [5, с. 3–10]. В.Г. Родионов прозаикан уйрăм кĕнекисене çеç мар, пĕтĕмĕшле илемлĕ тĕнчине хак пама тăрăшат, тĕп сăнарсене тишкерет. Вăл çирĕплетнĕ тăрăх, «Н. Симунов харкамçи ачасен ўсем психологине питĕ лайăх пĕлни курăнать. Ку кăна мар, вăл халăх педагогикине те тĕрĕс анланать, çынна ёспе йыш кăна тĕрĕс çул çине тухма пулăшат тесе ёненет. Ыранан-ыранан хайлаври вĕрентсе каланисем ырансар тесе палăртма пултарĕç хăшĕсем. Ку вăл апла мар. Сыравса хивре фабула йĕркеленĕрен унти педагогика шухăшĕсемлĕ калаçусем питех те виçеллĕ, вĕсем ёç-пуç аталанавĕпе тачă сыханнă» [5, с. 4,5]. Тĕпчевĕ писатель пултарулахне XX ёмĕр пуçламăшĕнчи О. Романов прозаик пултарулахĕпе танлаштарса пăхать.

В.Г. Родионов «чăваш литературинче эпикан пысăк жанрĕсем (роман, савалла роман) XX ёмĕрĕн 50–60 çç. вай илсе çитернине» палăртать. Шăпах çак тапхăрта Хв. Уяр, Илпек Микулайĕ, Н. Мранькка темиçе кĕнекерен тăракан романсем сырма хал çитереççĕ [5, с. 6]. Çаван чухнех, пĕлетпĕр, С. Асланан «Аслă çул» тетралогийĕ (1957–1967), К. Турханан «Сĕве Атăла юкса кĕрет» дилогийĕ (1960, 1967), В. Пайменан «Кĕпер» (1964, 1966) дилогийĕ кун çути кураççĕ.

1970–80 çç., ахăртнех, çакан йышши хайлавсен аталанавĕн тепĕр тапхăрĕ темелле. Ку вăхăтра П. Осипован «Элкей таврашĕ» (1973–1984) трилогийĕ пичетленет, Н. Мраньккан «Ёмĕр сакки сарлака» романĕн малаллахи кĕнекисем кун çути кураççĕ (5-мĕш кĕнеки 1980 ç. пичетленнĕ, 6-мĕш кĕнекине сырса пĕтереймен).

Юлашки вăхăтра пичетленнĕ темиçе кĕнекерен тăракан роман авторĕсенчен пĕри – Ангелина Павловская. 2013–2014 çç. унан «Вĕрене шывĕ те пылак» трилогийĕ журналта пичетленсе пычĕ [3]. Çав çулсенчех пĕрремĕшпе иккĕмĕш кĕнекисем те тухрĕç (2013, 2014). Н. Симунованни пекех, кунта пĕр çемье историйĕ ўкерĕннĕ. Анчах та Симунов пĕр кил-йыш, икĕ тăлăх шăпине хронологипе йĕрлет, Павловская вара темиçе ару шăпине сăнласа кăтартать.

Хайлав тесне социалла-психологилле роман теме юрать. Кунта вайла туйам та, уйрам семье историйе те, сёршыив историйе те – чаваш ялен пурнасе пётёмешле ўкерёнене. Семенпе Лизавета юратавне, акă, пур енлен кăртатса пама пултарна прозаик. Сак туйам Семене аталанма, ўсме хавхалантарать. Прозаик никама та сивлемест. Вулакана илёртес тесе илемсёр вактёвек сине куҫса каймасть. Паллах, ку туйам пётёмпех аркатма пултаратчѐ. Семьене Семен ма̋шарѐ Анна сълса хаварать. Семен те, Анна та, сирѐп характерсем. Йывър лару-тăрура Анна тата питѐ аслă пулни курăнать. Теме те чăтса иртгерсе татах та сирѐпрех пулма а̀на пурнас хай вѐрентнѐ. Туйамсен тѐнчи кăткăс А. Павловская. Ку романсене ниепле те сăмал жанр, мелодрама е хѐрарамсем валли сьрнă хайлав теме сук.

Сапăсусем пирки те сахал мар тата сăнарлă сьрнă прозаик. Сталинграда хўтѐлекен сартан пиллѐкѐн юлнă – въл шутра Семен чаваш та пур иккен. Историллѐ роман мар та ку хайлав, истори чанлăхне унта шырамăпър, сапах та историлѐх тени кунта питѐ нумай, «Сапаскар хѐрѐ» повесринчен те ытларах. Върсă нуши-терчѐ, сапăсу хирѐнчи самантсем, върсă «географийѐ», тылра юлнисен ѐсѐ-хѐлѐ... Приключениллѐ сюжет йѐрѐ те аталанать хайлавра (тѐслѐхрен, Саша-Шанкърчан кун-сълѐ). Сюжечѐ ку кăсăклă, анчах та тăсъларах кайнă, туратланса каять пек тѐп сюжетран. Хавхаланса кѐрсе кайса пулмалла, прозаик сапла хаш-пѐр чух хушма сюжет йѐрѐсене тăсса ярать. Пётёмешле унăн геройѐсене «пурне те вайлă характерлă пулни, пурнаса юратни, йывърлăхсене сѐнтерсе тухма пултарни пѐрлештерет» [2, с. 130].

«Вѐрене шывѐ те пылак» романăн юлашки, 3-мѐш кѐнеки 2016 с. пичетленчѐ. Темисѐ кѐнекеллѐ произведенисене алла тытсан чылай чух иккѐленў суралать: малалла мѐн те пулин сѐнни, сѐнѐ сывлăш пур-и, автор шанăса тўрре кăларѐ-и? Тўрех каламалла, А. Павловская вулакан шанăсне тўрре кăларать. Вицсѐмѐш кѐнекине въл пач урăхла йѐркеленѐ, вулакана сѐнѐ сюжет йѐрѐсемпе кăсăклантарма пултарнă. Акă Анна та урăх енчен усълать. Иккен, въл та светтуй мар: хѐрѐх сълхи хѐрарам вун сичѐ сълхи каччана юратса пăрахать. Пѐрре сѐс сълăха кѐресѐ вѐсем, – пилѐк съл иртсен. Асамат Илле ывълѐ иккен, анчах Анна сăнарѐ ку вартанлăха пѐлнѐ хыссан та тѐксѐмленмест. Унтан та ытла, татах та таранланса каять. Маврăна ку вартанлăха уснă чух въл хайѐн упашки Елизавета Сергеевна еплерех хытă юратнине тин анлантам, тет. Хай те чанласах пысăк туйам тытканѐнче пулса курнаскер, халь пулнă пулсан, Семене юратнă хѐрарампа пулма чармăттăм, тет.

Върсă хыссанхи ялан йывър пурнасѐ, сѐршыиври ун чухнехи тата каярархи лару-тăру, колхозсем арканнă тапхър – романри сюжет паянхи куна, XXI ѐмѐрти 2015 сұла аталанса ситет. Пётёмешле илсен А. Павловская трилогийѐнче чаваш хутлăхѐнчи пѐр ѐмѐр ытла куҫ умне тухса тăрать. Вицсѐмѐш кѐнеки малтанхисемпе аван сьханать, сирѐп композиципе уйрълса тăрать. «Вѐрене шывѐ» те манăсман, ку символ малалла аталанать. «Чи тутли, чи усълли, чи сипли сѐр синче – тăван сѐр сѐткенѐ» [4, с. 372] – Витя Анна асламашѐн сăмахѐсене юратнă хѐрне анлантарса парать. Самрăксене шанмалăх пур пек туйанать. А. Павловская кѐнекисем ашă, ырă туйам суратасѐ – ку въл питех те пѐлтерѐшлѐ ен.

1990 сс. тата каярах суралнă литературана, романсене те ѐнтѐ, телевиденипе кăртаткан сериалсем те, паллах, витѐм кўнех. Хайлав калăпашѐ еплерех пуласси нумай сълтавран килет, въл шутра а̀на хăсан сьрни те пѐлтерѐшлѐ.

Литература

1. Арзамасов А.А. Этнографический код национальной литературы. Опыт исследования «циркмпольярных литератур» // Национальные литературы в контексте культурной интеграции: материалы Международного круглого стола (9 июня 2021 г., г. Казань). Вып. 3 / сост.: Л.Р. Надыршина, Ф.Х. Миннуллина. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2021. С. 214–219.

2. Власова Р. Чѐлхе пуялăхѐ – ялта (А. Павловская. Автограф) // Тăван Атăл. 2015. 4 №. 130 с.

3. Павловская А. Вѐрене шывѐ те пылак // Тăван Атăл. 2013. 3–5 №; 2014. 6–8 №.

4. Павловская А. Вѐрене шывѐ те пылак: вицсѐмѐш кѐнеке. Шупашкар: Чăваш кѐн. изд-ви, 2016. 389 с.

5. Родионов В.Г. Аста педагог, чан-чан художник // Симунов Н. Ан йѐр эсѐ, Лена. Роман: 1-мѐш кѐнеке. Шупашкар: Чăваш кѐн. изд-ви, 2017. 3–10 с.

НИКИФОРОВА ВЕРА ВИТАЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

«ЧУЖОЕ СЛОВО» В РОМАНЕ З. ПРИЛЕПИНА «ОБИТЕЛЬ»

Аннотация. В статье представлен анализ романа Захара Прилепина «Обитель» с точки зрения интертекстуальной поэтики. Разрыв между духовным пространством, воссоздаваемым «чужим словом», и реальной жизнью на Соловецких островах подчеркивает трагичность происходящего. Обозначенный ракурс исследования позволяет наиболее полно раскрыть смысловое поле произведения.

Ключевые слова: З. Прилепин, «Обитель», чужое слово, реминисценция, аллюзия.

Известнейший роман современного писателя Захара Прилепина «Обитель» (2014) не случайно отмечен рядом литературных премий («Книга года», «Книжная премия Рунета-2014, «Большая книга»). По справедливому замечанию литературного критика и публициста Л. Пирогова, Прилепин «написал весьма серьезную книгу. Уже не из тех, с которыми “падают в историю русской литературы” <...>. А <...> из тех, с которыми в ней остаются...» [9]. Это роман о жизни в Соловецком лагере особого назначения, о тяготах и лишениях, о вере и безверии. Исследование произведения сквозь призму рецепции «чужого слова» позволит, на наш взгляд, углубить представления критиков, обратившихся к изучению данного произведения [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. Под «чужим словом» понимается «речь в речи», «отраженное слово», «слово с оглядкой», способ структурного обнаружения диалогичности в иной плоскости, чем сюжет и система персонажей [1, с. 331], присутствие в тексте элементов предшествующих текстов различных жанров.

Концептуальную функцию в романе З. Прилепина «Обитель» выполняет религиозное «чужое слово», представленное библейскими реминисценциями, аллюзиями, цитатами. Главным выразителем христианских идей в произведении является один из заключенных – православный священнослужитель Иоанн, воспринявший свое пребывание на Соловках как «суровую школу добродетелей – терпения, трудолюбия, воздержания» [11, с. 520]. Он сравнивает Соловки с ветхозаветным китом, на котором жил христианский народ: если хоть одна голова еще возвышается над черной водой, то есть возможность спастись [11, с. 539–540]. Батюшка выступает в роли посредника между людьми и высшими духовными силами. Он пытается направить на путь истинный и главного героя романа – двадцатисемилетнего студента Артема Горяинова, попавшего на Соловки за убийство отца. Правду и честь, которую так ищет Артем, владычка Иоанн видит в Евангелии: «Возьми <...> Как только поймешь всей душою, что Царствие Божие внутри вас есть, – будет тебе много прощ» [11, с. 184]. Герой, цитирующий Евангелие от Луки («Царствие Божие внутри вас есть» [Лк.17:20–21]), говорит о сокровеннейшем духовном царстве в душе человека, которое открывается, когда в сердце вселятся Святой Дух. Постоянное обращение к библейским истинам подчеркивает непоколебимую веру самого о. Иоанна в волю Божью.

Мироощущение Артема Горяинова, его внутреннее состояние автор раскрывает через рецепцию «литературного» текста. На становление личности героя во многом повлияла поэзия Серебряного века, которую он часто вспоминает. Находясь в келье священника, главный герой, увидев сборник стихотворений А. Блока, «немедленно схватил и раскрыл с таким чувством, словно там было письмо лично ему. Прочел несколько строк – закрыл глаза, проверил, помнит ли, как там дальше, – помнил; бережно поставил томик на место» [11, с. 51]. Приобщенность к духовной культуре выделяет героя из большей части арестантов. Из Артема, по замечанию ответственного за подготовку лагерной спартакиады, получился бы «громокипящий» агитатор. Заключенный пытается уловить в этих словах предпочтение Бориса Лукьяновича: «Тютчева любит или Северянина? Скорей, Тютчева. И Блока, конечно» [11, с. 213]. Сборники стихов словно напоминают ему о прежней жизни, спокойной, с которой все больше утрачивается связь.

Жизнь заключенных Соловецкого лагеря невыносима. Арестанты в любую минуту могут встретить свою смерть: в карцере, в наряде на баланах, в Секирке, даже в собственной роте, став объектом чрезмерного внимания блатных. Осужденный за «антисоветскую агитацию»

Афанасьев дает свою оценку происходящему через упоминание фрагмента произведения Гомера «Илиада»: «Соловки – это, Тема, особый случай! Это как одиссея – когда он в гостях у Полифема» [11, с. 60]. Вспомним, Управление СЛОН свободно и произвольно лишает жизни многих заключенных. К примеру, Ногтев «при входе в монастырь убивал одного человека – из револьвера: бамс – и смеялся» [11, с. 39]. Точно так же, как жестокий великан-циклоп пожирал путников.

Ужасны, бесчеловечны условия жизни на соловецкой земле. Подсознательно Артем заминает случайно бросившуюся в глаза во время пролистывания книги строчку из произведения Э. Багрицкого: «Чей путь мы собою теперь устилаем? // Чьи ноги по ржавчине нашей пройдут?» [11, с. 242]. Эти слова характеризуют жизнь заключенных, которые так же, как и оказавшиеся на земле под воздействием ветра «ржавые листья», могут пасть, погибнуть, поскольку их жизни не представляются лагерному начальству ценными. Смерть здесь – обыденное дело.

Главный герой романа часто оказывается в сложных ситуациях, которые могут привести его к смерти: конфликт с Ксивой, взаимоотношения с подругой начальника лагеря и др. Он постоянно балансирует между жизнью и смертью. Отправляясь на баланы, он поет: «Не по плису, не по бархату хожу, а хожу-хожу по острому ножу...» [11, с. 85]. Эти слова народной песни, которые невольно вспоминает Артем, точно передают положение героя не только в конкретном эпизоде, но и на протяжении всего романа.

Фольклорный текст позволяет углубить представление о главном герое. Он храбрится, когда Крапин ударяет его дрынком, вспоминает: «Моя мама так шутила, когда мы с братом собирались к вечеру и просили ужинать: “А мальчишкам-дуракам толстой палкой по бокам!”» [11, с. 29]. Эту дразнилку Артем вспоминает и в наряде на баланах, когда десятник кинул в него дрын за заступничество за хилого заключенного [11, с. 76].

Артем, как герой плутовского романа, проходя через много испытаний, чудесным образом остается живым, но не из-за хитрости, а волею судьбы, на которую он постоянно полагается.

«Чужое слово», неприметно, но настойчиво вторгающееся в художественную ткань произведения «Обитель» в цитатной, ситуативной, сюжетной формах, многообразно. Представленные формы выполняют характерологическую функцию, выражают лирическую и ироническую экспрессию, создают культурно-литературное пространство. Разница между духовным пространством и реальной жизнью на Соловецких островах огромна, что подчеркивает трагичность происходящего.

Литература

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследование разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Волкова О.М. Природа и человек в романе Захара Прилепина «Обитель». Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/priroda-i-chelovek-v-romane-zahara-prilepina-obitel>.
3. Иванова И.С. Концепт «Человек» в романе Захара Прилепина «Обитель». Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-chelovek-v-romane-zahara-prilepina-obitel>.
4. Иванова Н.А. Изучение романа Захара Прилепина «Обитель» на уроках предметов гуманитарного цикла // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Чебоксары, 2019. С. 105-111.
5. Ляпаева Л.В. Доминанта романного сознания в «малой прозе» конца XIX–начала XX веков (М. Горький, И. Бунин, Б. Зайцев) // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 210–213.
6. Ляпаева Л.В. Система мотивов в романе З. Прилепина «Патологии» // Нижегородский текст русской словесности: сборник статей по материалам VI Международной научной конференции. Н. Новгород, 2017. С. 233–237.
7. Парина А.С. Символика названия романа Захара Прилепина «Обитель» // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 1. С. 33–37.
8. Перова Н.А. Человек и история в произведениях М. Горького «Жизнь Клима Самгина» и З. Прилепина «Обитель» // Максим Горький в культуре XX–XXI вв.: материалы XXXIX Международной научной конференции. Н. Новгород, 2020. С. 165–170.
9. Пирогов Л. Канцоне русса // Литературный журнал. Режим доступа: <http://www.lgz.ru/article/-15-6458-16-04-2014/kantsone-russa>.

10. Попова И.М. Функциональность библейского интертекста в романе Захара Прилепина «Обитель». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnost-bibleyskogo-interteksta-v-romane-zahara-prilepina-obitel>.

11. Прилепин З. Обитель. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. 746 с.

ПЕРОВА НАДЕЖДА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

В.Н. ПУШКИН

БИОГРАФИЯ ГЕРОЯ-ОЧЕВИДЦА КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТОР ЭСТЕТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ПИСАТЕЛЯ И ЭПОХИ

Аннотация. В статье дана попытка осмысления художественного отображения национального прошлого чувашского народа в его конкретно-историческом развитии и своеобразии как одной из важнейших задач чувашской литературы. Автор статьи размышляет о концепции героя, выработанную чувашским народным писателем Леонидом Агаковым. Проанализированы принципы создания истории литературы, изучения типологического статуса художника в истории словесности культуры. Автор подчеркивает, что фактор очевидца, его биографическая судьба – одна из главных составляющих всей словесной культуры чувашей.

Ключевые слова: художественный, творческая биография писателя, биографическое сознание эпохи, романтический герой, приключение, проза.

Чувашское литературоведение последних 10-15 лет добилось значительных успехов в деле обновления научных критериев анализа художественной словесности, выработки иных, чем прежде, принципов создания истории литературы, изучения типологического статуса художника в истории словесности культуры. Оно вплотную подошло к осознанию необходимого расширения эстетических площадей словесного искусства, перечитывания самих художественных произведений в новом ключе с позиции обострившихся социальных катаклизмов на рубеже XX и XXI вв., с платформы восстановления подлинных основ истории, адекватного эстетического анализа художественных процессов. Одним из показательных явлений в этом смысле является небольшая в плане объема монография доктора филологических наук профессора Г.И. Федорова «Леонид Агаков: художественное осмысление действительности» [5, с. 53].

Рецензируемый автор, вырабатывая теоретическую базу своего исследования, опирается на работу Д.С. Лихачева «Развитие русской литературы X–XVII веков» [3], в которой известный ученый остановился на необходимости создания теоретической истории литературы. Это, по мнению Лихачева, дает возможность оценить словесное искусство любого (пусть даже малочисленного) народа в его самобытной совокупности в контексте достижений мировой литературы, воспринимающие инокультурные традиции. Однако Г. Федоров, хоть в принципе и соглашаясь с позицией академика Д. Лихачева, высказывает и некоторые сомнения. Литературовед нацеливает теоретическую историю, а вместе с тем, и на наиболее элитную, подготовленную читательскую аудиторию, считает, что теоретическая история возникает на уровне общих теоретических находок. Вслед за ним некоторые ученые-словесники полагают, что это сводится к изучению таких явлений, как сентиментализм, классицизм и т.д. Что это дает истории национальной литературы? Между тем, по мнению профессора Георгия Федорова, теория каждой национальной литературы должна выявить и свои, сокровенно-национальные особенности обыкновенной ее истории и теоретического литературоведения.

Назрело время, когда национальные словесные культуры должны быть исследованы в русле их диалогического взаимодействия со словесными культурами других народов, с другими видами искусств. Так, чувашские писатели Л. Агаков, А. Артемьев, Д. Кибек, Ю. Скворцов

неравнодушны к поэтике музыкальных произведений. В рассказах «Песня девушки», «Кукушка» Л. Агакова, в рассказе А. Артемьева «Не гнишь, орешник», в его повести «Саламби», в новеллах Д. Кибека «Певица», «Удивительная ночь», в рассказе Ю. Скворцова «Славик», музыка, образные средства песен выступают органичным и сюжетно-композиционными приемами построения внутреннего пространства произведений. Чувашские поэты К. Иванов (поэма «Нарспи»), М. Сеспель (целый ряд произведений) неравнодушны к пластическим средствам живописи, что делает их образы, да и всю их художественную методологию, почти что зрительно осязаемыми. Прозаики Хв. Уяр (роман «Тенета»), М. Ильбек (роман «Черный хлеб») и др. привержены к изобразительной поэтике киномонтажа и т.д. Причем Георгий Федоров сделал акцент на своеобразных матрицах, которые названными писателями обретаются в ходе творческой деятельности. Он настаивает на том, что такие поэтические приемы не есть готовые средства, они обретаются писателями в ходе работы над литературными сочинениями. Позиции исследователей, исповедующих такие слова, как «писатель использует», «прозаик отбирает», на его взгляд, глубоко несостоятельны. Известно, что художественное произведение, искусство создается совсем не рассудком. Леонид Агаков, по мнению ученого-литературоведа, тяготеет к традициям А. Чехова (сатира и юмор), М. Лермонтова (лирико-романические рассказы и повести), Н. Гоголя (гротескированные ситуации), Ф. Купера и Майн-Рида (в ходе написания приключенческой и детективной прозы, при лепке авантюрных ситуаций – например, в повести «Однажды весной...») и тем избегает автаркизма в деле изучения особенностей национальной культуры. И вместе с тем кодекс авантюриности, естественно, был присущ и народным героям чувашской патриархальности, природе устных рассказов.

Стечение двух этих обстоятельств (инокультурному опыту и самобытной художественности) не суждено все же, как полагает литературовед, быть определяющими и вседостаточными. Здесь важна так же и фигура самого творца. И это – не банальная истина. В этом отношении плодотворны мысли исследователя об устных рассказах, имеющих своим предметом бесчинство патриархальных террористов, конокрадов и т.д., что потом крупным планом проявлялось в поисках И. Юркина, Н. Шубоссинни, С. Фомина, И. Тукташа, Хв. Уяра, М. Ильбека и т.д. Такой подход позволяет выявить национальные истоки формирования «эстетики приключений и авантюриности» в чувашской литературе. И не только, но и выявить корни национальных особенностей психологической прозы, когда психология касается не только внутреннего мира отдельного героя, но и всего произведения в целом. Собственно, психологизм, уверен профессор Г. Федоров, может быть, и не столь характерен для чувашской культуры, здесь во главу угла выходят притчевность и басенность рассматриваемых ситуаций, символы, идущие из глубины веков и т.д. Взять, хотя бы концепцию героя, выработанную Агаковым. Профессор Георгий Федоров считает, что она произрастает из фактора биографии очевидца страшных, кризисных, экстремальных исторических ситуаций. Сам писатель варился в соку событий, происходивших после гражданской войны, был свидетелем страшных коллизий во время прошлой – Великой Отечественной войны, слышал много рассказов о тяжелейших переживаниях людей, записывал свидетельства очевидцев. Различные зарисовки, «строки, жившие вразброс», часто были предметом очеркового анализа действительности и лишь потом становились фактом художественного воплощения. Так формировалась биография писателя и журналиста, сатирика и юмориста.

Рассуждения профессора вплотную подводят к мысли о том, что в становлении творческих принципов Леонида Агакова (да и, впрочем, и Шубоссинни, Фомина, Уяра и др., равнозначно тому, что и всей чувашской словесности первой половины XX в.) играли авантюрные события времен империалистической, гражданской войн, двух революций, коллективизации, живым очевидцем которых и были писатели тех или иных лет. Из этого вытекает, что фактор очевидца, его биографическая судьба – одна из главных составляющих всей словесной культуры чувашей. Биография очевидца, судьба писателя-очевидца, его биография как факт становления творческого пути – это непреложная данность многих писателей. Так создавалась концепция живого героя, проходившего по военным дорогам, по тревожным путям 20-30-х годов.

Причем эта концепция возникла вкупе с концепцией специальной истории, катаклизмы которой формировали в Агакове отдельные стороны его творческой биографии. Такое кредо очеркиста-очевидца было характерно и для С. Фомина, Исаева-Мэтри (20-30-е гг.), и для И. Тукташа, Хв. Уяра, М. Ильбека, И. Тхти (30-е гг.) и других. Все они вырабатывали практически методику биографического (автобиографического) анализа социальных событий, взаимоотношений человека и власти, человека и истории. Такой человек предстал перед очевидцем как готовый тип, готовый характер, пребывал в горниле готовых событий и ситуаций и это во многом продиктовано тем, что сама индивидуальная матрица носила явный очерковый характер. Художественная разработка этих готовых ситуаций в силу этого проводилась на основе контрастно-противопоставленных сторон жизни.

Такой подход к творческой методологии писателя позволяет выделить в особую когорту писателей с биографией, но не обыкновенной, не эмпирической, а творческой. Это понятно: Агакова, как творца, создает история, его публицистико-художественная биография, сама же эта биография есть залог создания очерков, рассказов, новелл, повестей и романов. Следовательно, в данной монографии весьма впечатляет то, что биографию писателя можно написать по биографиям его героев. Это – взаимобратимый процесс. Нельзя поэтому не отметить, что такой путь изучения творческих фигур позволяет в ходе создания истории литературы обнаружить новые перспективы. Ведь часто романы, повести Агакова (да и М. Ильбека, Хв. Уяра...) выросли из недр малой формы. Леонид Агаков до конца жизни оставался приверженцем публицистики, малых жанров, и неспроста его романы появились в более поздние, лишь в 70-е годы.

Светлые, чистые, лирико-романтические герои представляли как предельно идеализированные персонажи. Герои с негативным нравственным багажом, герои-авантюристы создавались до крайней степени гротескированными красками. Таковы, скажем, отважная девушка-певица и карикатурный немецкий комендант («Песня девушки»), фашистский офицер Генрих Шварц (кстати, даже фамилию этому настоящему кровопийце – обер-лейтенанту писатель подобрал говорящую – «черный» на немецком языке) и смелые ребята-разведчики («Золотая цепочка»). Эта антитетичность, по мнению Г. Федорова, есть следствие романтического мировидения писателя.

Если следовать логике ученого, именно творческая биография, состоявшаяся якобы как «эмпирическая», предрасполагает к совмещению таких сторон. Агаков еще с ранних лет окупился в события, творимые анархично настроенными представителями 20-30-х годов, в атмосфере светлых устремлений лирических личностей. Авантюристы и анархисты в повествованиях писателя стали теми лицами, кто вызывал уродливое смещение событий истории, развития общества. Словом, противостояние двух сторон сформировало писательский облик. И здесь нельзя не соглашаться с Л.Я. Гинзбург, утверждающей: материал выступает как факт биографии, как психология творчества, «биографический, вообще документальный замысел, ретроспективен» [2]. Следовательно, не сама по себе эмпирическая биография, а ее продуктивное осмысление, освоение ее как материала и становились биографией творческой. Время житейское нивелировалось и стало биографией бытийной, творческой. Это было «строительство самого себя» [2, с. 370].

И не только. Во всем этом проявило себя «биографическое сознание эпохи» [2, с. 371], говорящее о типологической близости разных психологических типов – музыкантов, артистов, актеров [2, с. 373]. И, конечно, писателей-журналистов. Развивая плодотворную мысль профессора Георгия Федорова, позволительно обратиться к размышлениям того же О. Кривцуна. «Так, – пишет он, – период конца 50-х годов – начала 60-х годов может быть описан через понятия «искренность», «открытость», «исповедальность», «смелость», «раскованность»» (там же). Но только ли это? Замечание, сделанное выше, о биографическом сознании эпохи не случайно. То, о чем задумывался О. Кривцун, это – данность больше всего 50–60-х годов, как раз тогда, как неоднократно подчеркивал это Георгий Федоров в своих трудах, на авансцене оказалось романтическое мировоззрение. Правда, оно в какой-то мере наличествовало и в 30-е

годы (новеллы И. Тукташа, А. Медведева и других), но в полную меру этот прогресс проявился в 50–60-е годы, ибо все это было сформировано представителями иного поколения, теми, кто принял к необходимости романтики после «пребывания» в мерзостных, кровавых условиях войны 1941–1945 гг. Опираясь на исследования литературоведа Георгия Федорова, возможно выявить своеобразие биографического сознания 1900–1940-х годов. Это, как указывалось, прозаические поиски И. Юркина, Н. Шубоссинни, И. Тукташа, С. Фомина, Хв. Уяра, М. Ильбека, В. Паймена, которые сфокусировали свое внимание на показе «сильной» натуры анархистов-авантюристов, страстных поборников старого, лиц, которые цепко держатся старых обычаев.

Отсюда – феномен сшибки двух эпох, которая предельно обостряет зрение биографического очевидца (биографичен не только писатель, но и герой-очевидец, наблюдатель), его не только социально-историческая, но и художественно-эстетизированная позиция. Все это дает основание полагать, что сознание и эпохи, и индивидуализма героя, писателя – суть явление многослойное. Биографическое сознание есть один из насущных моментов этого всеобщего явления и не учитывать это эстетическое явление при становлении истории литературы, при изучении особенностей поэтики того или иного мастера нельзя. Биографический (автобиографический) срез воплощения образов, построенный на субъективном взгляде очевидца готовых ситуаций и характеров вызывал к жизни краткость, дробность текстов, тягу к малым и средним формам прозы. Вот почему путь к роману в чувашской литературе, как и во многих других, лежал через малую прозу, особенно часто через очерки, через автобиографические зарисовки. Литературовед М.Н. Пархоменко замечает: «Восхождение от малых жанров к роману типологично для всех литератур» [4, с. 285]. И далее, «краткость эта вызвана к жизни субъективным монологом, очерковым отображением жизни в формах самой жизни» (Там же, с. 287).

Словом, на наш взгляд, состоялось не просто весьма добротное, а блестящее, современное исследование, посвященное впервые в чувашской литературе вопросу биографии героя-очевидца как культурно-исторический фактор эстетического сознания писателя и эпохи.

Рассмотренная здесь на малой площади объема книги глубоко значимая проблема, думаю, может стать не только предметом ряда статей и монографий, но и целой серии диссертационных исследований. Видимо, также пора осмыслить художественное отображение национального прошлого чувашского народа в его конкретно-историческом развитии и своеобразии как одной из важнейших задач чувашской литературы. Это актуально и потому, что сегодня резко возрос интерес к отечественному прошлому родного народа, а художественная литература и особо такой литературный жанр, как исторический роман, во многом способствует становлению и развитию национально-исторического самосознания.

Литература

1. Гинзбург Л.Я. О старом и новом: статьи и очерки. Ленинград: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1982. 423 с.
2. Кривцун О.А. Эстетика. М.: Аспект Пресс, 2000. 434 с.
3. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII вв.: эпохи и стили. Л.: Наука, 1973. 254 с.
4. Пархоменко М.Н. Роман семидесятых. М.: Художественная литература, 1987. 332 с.
5. Федоров Г. Леонид Агаков: сӑнарлӑ пултарулаӑ сулӑ-йӑрӑ (чӑваш литературин теориллӑ историйӑ енчен хак пама сӑмлени) : монографи / Г. Федоров. Шупашкар: Сӑнӑ Вӑхӑт, 2010. 58 с.

ПУШКИН ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат педагогических наук, доцент, член Союза писателей России, заслуженный работник образования Чувашской Республики, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

С. САТУРĂН «ЧĔНЎЛЛĔ ÇУЛ» СĂВĂ КĔНЕКИН
СĂНАРЛАХ ХĂЙНЕ ЕВĔРЛĔХĔ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ
СБОРНИКА СТИХОТВОРЕНИЙ С. САДУРА «ЗОВ ДОРОГИ»

Аннотация. В статье предпринята попытка раскрыть художественные особенности лирических произведений современного чувашского поэта С. Садура. Темы и проблемы, затрагиваемые художником слова, разнообразны: память, смысл человеческого существования на земле, сохранение родного языка, преданность Родине. Богата и эмоциональная палитра стихотворений. В некоторых из них прослеживаются нотки отчаяния и стона, в других мелодии радости, любви и призыва. Интерес представляет и поиск индивидуальных поэтических стратегий автора.

Ключевые слова: художественные особенности, тематический диапазон, лирический текст, эмоциональная палитра, стиливые приемы.

«Поэзи вучĕ вăл – сăваплă. Вăл вилĕмсĕр... Вăл халăха кирлĕ, вăл çынсене улăштарать, чунсенче çураçулăх çуратать». Ку шухăша хальхи вăхăтра ăнăçлă ёçлекен чăваш поэтĕсенчен пĕри – Станислав Сатур – хăюллăн та çирĕппĕн палăртать. Чăваш литературин анинче унăн сасси ХХ ёмĕрĕн вёçĕнче палăрма тытăннă. Пĕрремĕш сăвви 1987 çулта «Ялав» журналта пичетленнĕ. Малалла тĕрлĕ хаçат-журналта, «Юратнă кĕнеке», «Шурăмпуç çути», «Радуга над Волгой», «Атăлпа тинĕс хушшинче», «Мужской разговор», «Скандинавия – Поволжье», «50x50» ятлă тĕрлĕ йышши кăларăмсенче кун çути курнă. «Чĕре хĕлĕхĕсем» сăвăсен пĕрремĕш кĕнеки 1993 çулта тухнă, ун хыççăн «Кăмăл тĕкĕрĕ» (1997), «Сăмах» (2001), «Сăмах майăн» (2002), «Чун вёçевĕ» (2005), «Юхăмра» (2017), «Эпĕ» виçе» (2019), «ЧĕнЎллĔ çул» (2021), «Кĕр ванчăкĕ» (2022) сăвă пуххисем пĕрин хыççăн тепри пичетленсе пынă.

Сăмах асти шутланă тăрăх «кирек епле поэзи те пурнăçри пĕр-пĕр ыйту е ёç-пулăм аса хускатнипе çуралать. Поэт чĕререн пăлханса тухакан шухăш-туйăма уçса пани чăн-чăн лирика пулса тăрат. Вăл çивĕч туйăмсăр пулмасть. Çав вăхăтрах шухăшĕ те кирлĕ» [2]. Ахальтен мар пулĕ сăваçа çутă аспа илемлĕ туйăм пĕрлĕхĕ паха хайлавсем шăрçалама çул уçса панине сийĕнчех туйса илетĕн. Вăл хăйĕн сăмахне кĕскен тата ытарлăн калама кăмăллат. Çакан евĕр сыру стилĕн уйрăмлăхĕ пирки С. Сатур пĕр интервьюра çапла каланă: «Эпĕ сăвăсене кĕскен, хĕссе çапса сырнине кăмăллатăп. Юлашки вăхăтра лирика хайлавĕсен калăпăшĕ пĕчĕкленсе пырат. Çакă поэтсем паянхи вулаканăн информаци пусарăвĕ нихсанхинчен пысăккине, саванпа унăн вăрăм сăвă-поэмăна вулама вăхăчĕ çуккине туйса тăнăран килет пулмалла. Сăвăсене кĕскен сырни шухăша çивĕçлетме пулăшат, сăнар хăватне ўстерет» [3]. Поэт каланине шута илнĕ май тата çакна палăртмалла: С. Сатур кашни сăмахăн техĕмлĕ хăватне аван туйса тăни те пулĕ ку. Мĕншĕн тесен пысăк шухăша кĕскен вăлтса пĕлтерме чăваш ваттин асĕ-кăмăлĕ те, калаканнин тимлĕхĕпе ёçченлĕхĕ, ăнтăлавĕ, канăсăрлăхĕпе пуçарулăхĕ те кирлĕ. Литература саккунĕсене пĕлни те ёç ăнăçлăхне ўстерет.

Музăсене парăннă чăвашăн «ЧĕнЎллĔ çул» ятлă сăвăсен кĕнекине 2020–2021-мĕш çулсенче сырăннă лирика хайлавĕсем кĕнĕ. Калăпăшĕпе пысăках мар тĕрлĕ виçеллĕ сăвăсен мотивне палăртакан сăмах-сăнлăхсем – *шырав, çул, асан, астăвăм, чăтăмлăх, Турă, кĕлĕ, халăх, чĕлхе, хуçасăр кил, куççуль-тасалу, тунсăх, аспа чун илемĕ* – пĕр хайлавран теприне куçса пырса шухăш анлăшне сарма, вăйлатма май параççĕ. Вăл тĕнчери пулăмсем çине чăваш сыннин куçĕпе пăхни яр уççăн ярăмланать:

Тăват енре
тĕнче мĕлкенет –
сăнатăп –
тăваткăл ашĕнче
йĕретĕп,
саванатăп!..

Лирика геройён чунёнче лăпкăлăх палăрăмĕсене асархаймастан. Çул чуппин сăнарĕ туйăмсен кĕрлевне палăртмалли тĕп сăнлăх пулса тăрать:

Çул-йĕрĕм ман – чун ыйтнине лăплантармашкăн.

Эп çул çинче – тахсантанпах. Вăл – вĕçсĕр-хĕрсĕр.

Геройăн урисене «çул тусанĕ хуплать», ун çине «хирĕçле çил вĕрет», апа «хыт чулпа переççĕ», вăл «ўксе утать», çапах та «ураган ўкмест». Унăн чунĕ ирĕклĕ, «ăсĕ тăрăшуллă». Çут тĕнчери чи пĕлтерĕшлĕ сыхлавçă-управçăсем унра харсăрлăхпа хастарлăх вăйне тĕреклетнĕ-семĕн тĕреклетсе пыраççĕ. Вĕсен йышĕнче харкамçан ашшĕ-амăшĕн, тăван кĕтеспе сыхăннă вырăнсен тата тăван халăхăн пархатарлă ывăлĕ-хĕрĕсен сăнарĕсене курма пулать. Амăшĕ доминанта-сăнар пулса тăрать:

Умра – аннен ик куçĕ

ялкăшать каллех

уяртнă пĕлĕтри çут çăлтăрсем пекех,

этем тинĕсĕнче пăч çухалма памарĕ

мана –

ман манăçми

яланлăх çул юлташĕ...

Анне пурнăçри чи пĕлтерĕшлĕ çын пулнине палăртни – чылай чăваш поэдне пĕрлештерсе тăракан курăмлă туртăм. Ку шухăша тĕрлĕ тĕпчевçĕсен ёçĕсенче те çине-çинех асархатăн. Тĕслĕхрен, Н.Н. Осиповăн «Концепт «Родной край» в песенной поэзии Сандора Аксара» ятлă статийинчи йĕркесем те çакна аван çирĕплетеççĕ: «Автор сравнивает свою героиню со светлой зарей, золотистым солнцем, серебряным родником. Сопоставляя образ матери с солнцем, поэт констатирует: «не будь этого небесного светила, ни одно растение не возшло бы на земле, ни одна почка не раскрывалась бы на дереве, так и без матери не появится ни один ребенок, не родится ни один герой. Мать в поэзии Сандора Аксара – человек сильный, негибаемый, искренний, жертвенный, любвеобильный» [4, с. 110].

Çуралнă тăрăхри хутлăхсем те лирика геройĕшĕн хаклăран та хаклă:

Ярăнать тўпере амăрткайăк.

Унпа тан

ман вĕçсе хăпарасчĕ.

Ушанар сăрчĕ курăнĕ кайĕ

куçăма ун чухне, тен. Упратап

чĕремре эпĕ

ун шăллă-шăллă

сăнарне,

унпа пиçнĕ ман кăмăл!

Çеçпĕл Мишши сасси вара – малалла патваррăн талпăнма чĕнекен чан йыхравĕ:

Çут хĕвеллĕ ыран еннелле

чĕнтĕрленĕ кĕпер айĕнчен

эп илтетĕп каллех Çеçпĕле... –

çĕн пуçламăш туяннă вĕçе,

вут-кăварлă

çав вĕçĕн

шавне!

Сăвăсенче çыннăн сĕр çинчи тивĕçĕсемпе сыхăннă ыйтусем чи пĕлтерĕшлисем пулса тăраççĕ. Поэт шучĕпе, этемшĕн чи кирли – «çутă астăвăм» пурри. Вăл – тĕрлĕ арурисене пĕр-пĕринпе сыхантарса тăракан паха мул, тупра:

Ĕнтĕ мĕншĕн иртнине асилсех тăратпăр,

çын тени тахсанхине хускатать хăравлăн?

Ĕнтĕ мăн асаттесен ёмĕлкисене те

тăратать чĕртсе этем... – аса вĕрентме те ыр тума,

нумаиашне йăнăш тăвасран,

Ўкёнмелле пуласран ўлём пурнаҗра
хатарма та...
кирлѐ-тѐр җут аставамар, –
пурнаҗ тупсамне аспа
меллѐрех тупма!..

Лирика геройѐшѐн җаваш халахѐн ыра йалисем чун йапанаҗѐ ырайнѐнче пулнине җине-
җинех асархатан. Вал җаваш кѐрекин илемѐпе киленет, нима җаланаҗне мухтатъ, виле пытарнин
хурлахе тавансене пѐр-пѐринпе ытларах пѐрлешсе пуранма пулашнине палартатъ:

Хана килсе тухрѐ пулсассан
кил пуҗѐ
пусланя йаваш пуплеме-шутлеме.
Пурне те манса вал ун чух хатѐр пулна
яна юрапа-ташапа чыслама...
Курка җѐклесе
Пѐр-пѐрне сывлах сунна
авал җавашсем,
тытма тарашна тутя
вартан ытларах харпар чунѐсене!..

Поэт саввисенче кѐреке санарѐ пѐрлешулѐхпе хутшяну культурин хайне евѐрлѐ символѐ
пулса таратъ. Ку шухаша җирѐплетекен йѐркесем чылай:

Ханасене алран аш валеҗеҗѐ
вѐсен сумне те хисепне кура:
хисеплѐреххисем җеҗ тивѐҗеҗѐ
чи лайах татака кѐрекере...
Никам та мар,
җапла тумашкан хушна
сѐм авалтан пыран йала-йѐрке...

Е тата:

Таван ару йави сай паня чух
пустарансан хисеплѐ йышла тус
анатчѐ тейѐн кѐреке юрри
җул туперен... Пурт варрине кайран
арсем ташша тухатчѐҗ ытканса,
аллисемпе пилѐксенчен тытса.
Кѐҗеҗх именчѐк җамрак арамсем
карталанса шуса тухатчѐҗ...

Кѐреке санлахне усамлатма май паракан санарсен йышѐнче те чи курамли вал – амашѐ:

Анне
хана-вѐрлешѐн –
җурта ырайнѐнчеччѐ:
кашни-пѐрне, пурне те
пахатчѐ те тимлетчѐ.

Ғурта санарѐ – амашѐн аш-пиллѐхне палартакан хайне евѐрлѐ метафоралла санлах. Вал
пурнаҗ тыткачи пулни яр усҗан йѐрленет.

Анчах та лирика геройѐн чунѐнче саванаҗпа пѐрлех хурлану кѐввисем хуҗаланнине те
асархатан:

Йали ку – җук халь...
Ватасене курентеретпѐр-җе!
Эх!
Аста халь
Ғав чипер йала, тус-йыш?
Ғѐн арава мѐскер пиллейѐр-ши?..

Лирика геройён кулянәвён сәлтавёсем тата та пур. Чи хумхантарақаннисенчен тепри вәл – чәваш чөлхин хисепё-сумё чакса пыни. Кёнекере ку мотив пёр сәвәран теприне куҫса пырать.

Тәван чөлхе нуши –
элчел ыйту –
ман әс-пуҫа мён чул пуль минретмен!
Паян куна та-ҫке ҫав тёксём ум
епле сирес тесен те –
сирёлмест!..

Асанна проблеман турачёсем те нумай пулни сисёнет. Вёсем ҫаксем: ашшё-амәшё хайсен ачисемпе тәван чөлхепе калаҫманни, влаҫра ларакансем вак халәхсем ҫине алә сулни, ҫакә нумайәшне ҫырлахтарни, ҫамрақ әру халәхан ыра йәлисене пәхәнманни:

ҫук сывләх сунни чәвашла.

Чәваш шукулёнче-ҫке, ара!

– Кун пек пулса тухрә әмма?

Каларән ҫеҫ:

– Хәнәхрамәр!..

Чөлхепе пёрле халәх шәпин малашләхё те тарән шухәша яракан ыйту пулса тәрәть:

Сәввәмра – хурләхәм. Вәл мёскер хыпарлать?

Туйәнәть

тәван халәх пётсе пынәсемён

ҫухалас пек...

Май ҫук

тек ҫырмасәр тәма та

ҫав асапәм пирки:

Туррәм, тусём вилет!

Харсәрри, хәюлли, пур тёнче илтмелле:

«Чәваша упраса хәварар!» – тесе кәшкәр!..

Поэт хайён шухәшне хәш-пёр чух ҫав тери вирлён калать:

– Мён? Чәвашсем? Нивушлё хутшәнса кайман?

Вилсе пётмен-им-ха вёсем ку таранччен?

Эппин – хайсем йәлт айәплә!

Хуллен ҫапла

чәваш мён тәрәшни, ҫине тәни ҫак ҫёр ҫинчен

ҫётсех пырать...

Халь-халь вёлереслех-ҫке акә

хаяр пәвать ун чөлхине патша йәлмакё!..

Ҫапах та лирика харкамҫин чун хевтийё ҫирёп. Вәл йывәрләха парәнмалла маррине паләртать:

Ҫул ту тәрне ман хәпарасчё,

тәват ене те ян янрасчё:

ман чёнёвём пур ентеше те

чәваш камне аса илтертёр.

Чунпа нишли – чиртен хәпайтәр!

Хайне манни – хайне тупайтәр!

Пулсан пирте Тупе сәвапё –

упранәпәр-ха тус-тәванлән!..

Поэт төрлө кәткәс лару-тәрура чәваша яланах пёрлешүлөх хәвачё ҫәлнине ас илтерсе ёнентерет:

Чәвашсенчен эс

кураймән тәләххән юр юрлакан ҫынна.

Пёл, чәвашсем ку тёлёшрен – чән, вәрманах:

унта пёр йываҫ юрӑ юрласа ярсассӑн
мӑнпур тавра ӑна
кӑҫ хирӗҫ парӗ сасӑ!..

Пӑр-пӑриншӑн кар тӑма пултарни мӑн авалтанах пирӑн халӑха ҫӑлна.
С. Сатур ҫак ыра ене асра тытса упрама ҫенет.

Поэтӑн илемлӗ тӑнчи тӑрлӗ сасла, тарӑн шухӑшла пулни куҫ кӑрет. Унӑн лирика геройӑпе пӑрле ҫавашсен кун-ҫулне те аса илетӑн, паянхи саманапа малашла пирки те шухӑша путатӑн. Харкамҫӑпа пӑрле хумханатӑн, йӑретӑн е саванатӑн, пурнӑҫри тӑрлӗ ыйтусене татса пама тӑрашатӑн.

Литература

1. Сатур С. Чӑнӑллӗ ҫул: сӑвӑсем / С.Н. Никоноров. Шупашкар: Чӑваш кӑн. изд-ви, 2021. 319 с.
2. <http://hyar.ru/cv/stanislav-satur-varam-savasem-cyrma-vahat-citse-pymast>
3. <http://www.chgign.ru/a/news/565.html>
4. <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-rodnoy-kray-v-pesennoy-poezii-sandora-aksara/viewer>

СКВОРЦОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент
Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

И.В. СОФРОНОВА, О.Г. ВЛАДИМИРОВА

ПЕТӐР ЯККУСЕН ПОЭЗИЙӐНЧИ ҪУТ ҪАНТАЛАК СӐНАРӐН ПӐЛТЕРӐШӐСЕМ

Аннотация. Цель настоящего исследования – выявить особенности использования образа природы и его трансформации в лирике чувашского поэта П. Яккусен (Яковлева Петра Яковлевича). Поэт активно использует образ природы. В начале творческого пути природа это дорогой сердцу край, малая родина. В дальнейшем образ природы принимает образное, символическое значение. Через явления природы, состояние погоды поэт изображает особенности жизни 90-х годов. Передает переживания о будущем чувашской деревни, родного языка и народа. Нередко изображаемые детали природы соответствуют мифологическим представлениям народа. Полученные результаты показали, что основные особенности лирики П. Яккусен такие как: уделение внимания маленьким и незначительным деталям окружающего мира, размышление о единстве добра и зла, являются проявлением традиций чувашского мировидения, сходного с восточными учениями. Размышление о судьбе родного языка и народа, изображение единства природы и человека являются основными мотивами творчества поэта. В ходе работы были использованы следующие методы исследования: художественный анализ, интертекстуальный анализ, описание, сравнение.

Ключевые слова: П. Яккусен, поэзия, стих, образ природы, художественный мифологизм, модель мира, образ дуба, мотив одиночества, чувашский мир.

П. Яккусен ҫаваш литературиче XX ӑмӑрӑн 90-мӑш ҫулӑсенче хӑй евӑрлӑ сассипе палӑрнӑ сӑвӑҫ. Ҫут ҫанталӑка мухтакан, тарӑн философилле ыйтусем хускатакан поэт теҫҫӑ ун пирки. Унӑн пултарулахе тӑпчевӑсем кашниех хӑйсен ҫитӑнӑвне, уйрӑмлахе, тишкерӑ тӑллевне кура хӑйне майла ӑнланаҫҫӑ. Ҫавна пула хаклавӑ те тӑрлӑрен. Сӑвӑри пӑчченлӑхе (робинзонлаха) асӑрханине, вӑл ялти тата хулари ҫаваш пурнӑҫне танлаштарнине, ҫут ҫанталӑка пысӑк пӑлтерӑш уйӑрнине, сӑвӑҫшӑн философилле пӑтӑмлетӑсем тӑвасси ют маррине, ҫавашлахан пуласлахе пирки чунне ыраттарнине асӑрхаҫҫӑ. Тӑслӑхрен, В. Степанов питех те хӑйне евӑрлӑ ҫӑлхеллӑ прозаик пулнине кура П. Яккусен пултарулахе те хулиганларах тишкерет, хӑйӑн тӑпчевне хӑнахман, кӑтменле сӑмахсенчен йӑркелет. Унӑн тӑпчевӑсемпе паллашнӑ май мӑн каласшӑн пулнинчен ытларах мӑнле каланине тимлӑх уйӑрма тивет [6; 7]. Н. Ильина-Ефремова тӑпчевӑҫӑ уйрӑм сӑнарсен пӑлтерӑшне ӑнлантарса

пама тӑрӑшӑть [4]. Чылай статьяра П. Яккусен пултарулаӑхне хронологипе пӑхаси пур: хӑсан мӑнлерех кӑнеке пичетленӑ, унти тӑп шухӑш мӑнлерех. Эпир чӑваш поэзийӑнчи тухӑҫ литературисен традицийӑсен витӑмӑ пуррине тишкерме кӑмӑллатпӑр [8]. Хӑнӑхнӑ йӑркене пӑсар мар.

Малтанах пире П. Яккусен поэзийӑнчи тухӑҫ витӑмӑ ҫиелтех выртать пек туйӑнатӑ. Пӑр сӑввинче вӑл ҫапла ҫырать:

Китай пейзажӑ евӑр туратсем
Ман чӑрече умне ярапаланнӑ [11, с. 47].

Е тата:
Ҫӑл ту ҫинчи Китай ӑсчахӑ пек,
Килӑшӑве халь чунӑмра шыратӑп [11, с. 95].

Чӑвашри ҫут ҫанталӑк лӑпкӑлаӑхне Китай художникӑсен ӑкерчӑкӑпе танлаштарать сӑвӑҫ. Вӑсем вӑрман уҫланкине, пӑччен тӑракан йывӑҫа, юхан шыва, пӑлӑтсене ӑкернӑ май ҫут ҫанталӑкри, чунри гармоние палӑртаҫҫӑ. «Ҫӑл ту ҫинчи Китай ӑсчахӑ» тени халах юрринчи йӑркесене ҫывӑх:

Шурӑ кӑттай чул ҫинче
Кӑмӑл старик куртӑмар...
Ҫав кӑмӑл старик шурӑ кӑттай чул ҫине
Ҫыру ҫырать ӑмӑрт кайӑк тӑкӑпе... [9, с. 12].

«Этноним китай в текстах чувашских песен это не случайное явление», – тесе ҫырать Н.И. Ашмарин. – Он свидетельствует о том, что предки чувашей когда-то достаточно хорошо знали об этом народе» [2, с. 153]. П. Яккусен те ку сӑвӑра китай сӑмаха ӑнсартран пек уҫа курать. Ҫав вӑхӑтрах, юрӑри пекех, вӑл калас шухӑш та тарӑн пулнине пӑлтерет.

Кам ҫуралать тӑнлӑ, тӑнлӑ старик пек сухаллӑ, –

Ҫавӑ пулгарӑ кулма пирӑнтен, йӑплеме [11, с. 97], – тесе ҫырать вӑл тепӑр сӑвӑра. Ку йӑркене вуласан Китай ӑсчахӑн Лао Дзын ячӑ аса килет. Халапсем ӑненернӑ тӑрӑх, вӑл ҫуралнӑ чухне шурӑ ҫӑҫлӑ пулнӑ. Шурӑ ҫӑҫӑ вӑл ҫуралнӑ чухнех ват ҫын пек ӑслӑ пулнине пӑлтернӑ иккен.

Анчах та тухӑҫ тени П. Яккусен пултарулаӑхӑнче аплах ҫиелтех выртмасть иккен. Вӑл ҫут ҫанталӑка еплерех йышӑннинче ытларах курӑнать. Ҫут ҫанталӑка сӑвӑра сӑнласи, ӑна еплерех йышӑнасси унӑн чӑн чӑвашла. П. Яккусен ҫут ҫанталӑкӑ чӑрӑ, таса, унпа хутшӑнма пулать. Лирика геройӑ пӑрре мар, эп ҫут ҫанталӑкан пӑр пайӑ, тесе калатаь: «Эпӑ курӑк пулса шӑтрӑм...» [11, с. 194], «Эп – ҫумӑр тумламӑ...» [11, с. 191]. П. Яккусен поэзийӑнчи ҫут ҫанталӑка сӑнарлас уйрӑмлаӑха ӑнлантарас тесен В. Абрамовӑн Ухсай Яккӑвӑ пирки ҫырнӑ статийсене уҫа курма пит меллӑ: «Ухсай Яккӑвӑ тата ҫут ҫанталӑк: философияпе стиль» (2002) тата «Мотивы Дао в чувашской словесности» (2010).

«Поэт тӑнчери хӑйӑн вырӑнне тупни, хӑйне хак пани, ҫут ҫанталӑкан пӑр пайӑ пулнине ӑненни – философия категорийӑ («самосознание»). Ҫак гармоние пурнӑҫ никӑсӑпе тӑллевӑ тесе шуллани, тарӑн туйӑмпа сӑнласа пани Инди философийӑнчи самадхи вӑрентӑвне ҫывӑх. (Ӑса, шухӑша, пӑр-пӑр пулама сӑнаса тасални. Ухсайӑн – ҫут ҫанталӑка сӑнаса философилле пӑтӑмлетни). Шыв шӑнкӑртатни, кайӑксем юрлани, хирти ҫил поэта катарсис, илемпе кисренсе тасални патне илсе ҫитерет», – тесе ҫырать В. Абрамов Ухсай Яккӑвӑ пирки [1, с. 128]. Ҫак сӑмахсенех П. Яккусен пултарулаӑхӑ пирки те калама пулать. Унӑн лирика геройӑ те уйри тӑри юррине итлесе киленет, йывӑҫ-курӑк ҫитӑннине пӑхса савӑнать, вӑл сар чечексене чуп тум хатӑр пулни – катарсис хыҫҫӑн килекен тасалу, пур япалана та юратма хатӑр пулни.

Каллех чӑматап ешӑл чӑтлӑха.
Вӑрман ешерӑвне сирсе ишетӑп.
Бӑр ҫут ҫанталӑк панӑ хӑтлӑха,
Чӑре таппи пек, чи шалтан сисетӑп.
Ытам сарать кашни упа сарри:
Хӑлаҫӑмран сарлакарах хӑлаҫӑ, –
Пулать-и ҫӑр ҫинче кунтан ырри?
Ҫак ырлӑхра усал пулма юрать-и? [11, с. 43]

В. Абрамов каланă тăрăх, Ухсай Яккăвешĕн шыв стихийи пирки ҫырасси характерлă. П. Яккусеншĕн те шыв-шур, Шетгма, ҫуллахи ашă ҫумăр, шурă юр ҫуни, ҫавра кўлĕ – тасату палли:

Ҫўрхи сипетлĕ ашă-ашă ҫумăр
Уй-хир питне ҫемҫен ҫуса кайсан,
Уй-хир ҫеҫ мар, чиперленет ман кăмăл,
Уйра ҫеҫ мар, чунра та тап-таса... [11, с. 30]

«Усал тĕнчепе, ҫылăхлă ҫынсемпе, хулапа кăмăлсăр пулни кашни сăвви-поэминчех тўррĕн те ҫирĕп саслăн тухса пырать Ухсайăн. Ку пĕтĕмпех пĕчченлĕхе кăмăллакан, ҫут ҫанталăкпа пĕр килекен философилле тĕнче курăмран килет» [1, с. 131], – вулатпăр малалла В. Абрамов ёҫне. Петĕр Яккусен те, Ухсай Яккăвĕ пекех, хулари тасамарлăхран, чунсăрлăхран, тепĕр чух юлташсен кĕрекинчен те тарса яла, ҫут ҫанталăк ытамне кайма васкать.

Сĕтел йăтайми апат-ҫимĕҫ тавра
Ҫынсем ҫĕн ҫула кĕтсе илчĕр,
Атя, шăппăн-шăппăн тухар та тарар, –
Шап-шурă вăрман аса килчĕ... [11, с. 31]

Ҫынсен тĕнчинчи аңланманлăхран, усаллăхран яла тарса пурăннине В. Степанов робинзонлăх тесе хаклат [6, с. 31]. Эпир ку тыткаларăшра тухăҫ ҫыннин пурнăҫ йĕркипе тўр килни пур тесе шутлатпăр: «Древнеиндийские монахи специально уединялись в лес, чтобы прервать связь с суетным миром. Наградой была свобода и жизнь в гармонии с самим собой» [3, с. 265].

«...Тăван ял уншăн тĕнче варри, тĕнче кăвапи пулса тăрать. Чăвашăн философийĕ каланă тăрăх, кунта ҫеҫ этем хайне лăпкă, телейлĕ, хўтлĕхре туять. Я. Ухсайăн «Эдем пахчи» пур. Вăл ҫут ҫанталăк», – тесе ҫырать Валентин Абрамов. В. Степанов та П. Яккусен поэзийĕнче Эдем пахчи пуррине курать: «Чувашская земля в творчестве поэта не только реликтовый Эдем, это – центр вселенной, все в космосе сложено по образу и подобию его Родины...» [7, с. 62].

Ухсай Яккăвĕпе Петĕр Яккусен поэзийĕсенчи ҫут ҫанталăк сăнарĕн пĕлтерешĕ пĕр пек пулни вĕсем иккĕшĕ те чăн чăваш пулнинчен килет. Вĕсем чăваш куҫĕпе тĕнче ҫине пăхаҫҫĕ, пурнăҫа чăвашла аңланаҫҫĕ. Кашни сăваҫ хай тăрăхне ўкерет. Ҫавă ҫеҫ. Вĕсен лирика геройĕ хайне тухăҫ ҫынни пек тыткалани, ҫут ҫанталăкра ҫăлăнаҫ, тасалу шырани, тухăҫ тени пирĕн чунра, юнра, таҫта шалта (подсознанинче) тахҫанах пулнинчен килет.

Тухăҫ поэзийĕнче, уйрăмах китай, яппун халăхĕсен, ҫут ҫанталăк сăнарĕ тĕпре. Тĕрлĕ вăхăтри сăваҫсем апа тĕрлĕ пĕлтерешпе усă курнă. Чăн малтанах вăл ўкерчĕк, ҫут ҫанталăк пулăмне, тавралаха ўкерни, унпа килени. Кирек епле сăваҫ та ҫут ҫанталăк ўкерчĕкĕ урлă хайĕн чун тăрамне, шухăшĕсене палăртать. Вăл сăнарлăх мелĕ пулса тăрать.

П. Яккусен пултарулăхĕнче те ҫут ҫанталăк сăнарĕ кашни тапхăрта хайне тивĕслĕ пĕлтереш йышăннине курма пулать. Малтанхи тапхăрта ҫырнă сăваҫенче вăл хитре, ыра ўкерчĕк, чăваш тĕнчи, чăваш ялĕ. XX ĕмĕрĕн 90-мĕш ҫулĕсенчи сăваҫенче вара – сăнарлăх мелĕ. Ку чухнехи пурнăҫ йывăрлăхне, нуши-тертне, тўнтерĕсене, чун ыратăвне сăнламалли мел. Ҫумарлă ҫанталăк, ҫил-тăман, пылчăк, йывăр ҫул тенисем кунта ытарлă пĕлтереш йышăнаҫҫĕ. Ҫак сăнарсем чăваш литературишĕн традицилле [5; 10]. Чылай чухне ўкернĕ ҫут ҫанталăк сăнарĕ мифла ўкерчĕке тўр килнине те курма пулать:

Ҫеҫен хир варринчи вăрманта
Ҫын ури таптаман вырăнта
Йăлтăр-йăлтăр ҫиҫет ҫавра кўлĕ [11, с. 153].

Таса уй, уй варринчи юман е уҫланкă варринчи сар чекек, вăрман варринчи кўлĕ – тĕнче модельне тўр килеҫҫĕ. Кунта чăвашлăх, таса чунлăх упранать. Ҫавăнпа та лирика геройĕ хайне тирпейлĕ, чыслă тыткалать, чуна валли ҫамаллăх, ҫураҫулăх ҫаканта тупать. Тĕнче варрийĕ лирика геройĕшĕн храм пекех. Вăл хайпе хай е Турăпа калаҫса кунта чунне тасатма пултарать. Ҫакантах лирика геройĕ ватăсемпе калаҫать. Чăваш мифологийĕнче вилнĕ

сынсен чунёсем йывăҫа ҫаврăнни пирки калани пур. Вулакан та ҫут ҫанталăкăн пĕр пайĕ пул-
нине аса илтерсе сăвăҫ ҫапла ҫыртай:

Эс юман раттинчен: эс – ҫăка раттинчен,
Сарă ҫулҫă – эс тăкнă куҫсуль [11, с. 166].

Ку ыраҫсем тата ачалăхри хаклă самантсемпе ҫыхăннă. Кунта упранакан вăрттăнлăха
пурне те уҫса пама ҫук. Савнине ҫеҫ.

Сăвăҫан 90-мĕш ҫулсенче ҫырни сăввисем урăхларах. Самана йывăр, пăтравлă пулни
сăвăри сăнарлăха та витĕм кўрет. Ҫак йывăрлăхсене вăл аҫтаха вăхăчĕпе, вупăр карчăк
пусмăрланипе, эсрел е эсрел ачисем аташнине танлаштарать. Сăвва хура кĕркунне, ҫумăрлă
ҫанталăк сăнарĕсем кĕреҫҫĕ. Сăвăҫа ку вăхăтра ҫаваш ҫĕлхи, тăван ял пуласлăхĕ, ҫыннăн таса
чунĕ, чун ирĕклĕхĕ хумхантарма тытăнаҫҫĕ. Кашни ыйтăвне вăл хăйне тивĕҫлĕ сăнар урлă
уҫса парать.

Ҫĕршыври лару-тăру ҫĕр ёҫĕпе пурăнакан ҫаваша килĕнчен хăвалать, тăван килне, ялне
пăрахса ыра пурнăҫ шырама хулана е тата та инҫерех ҫĕре кайма хистет. Ҫавна пула ялти
пўртсем, ҫаваш ялĕ пушанса юлма тытăнаҫҫĕ. «Хĕл ҫитсесĕн ку пўрте ан шаккăр...» сăвăра
пушанса юлнă пўртĕн тунсăхне сăнланă. Тунсăхĕ пысăк пулнине палăртма аҫна тивĕҫлĕ
сăнарсем пур: хĕллехи ҫанталăк, кив шпалер, шпалере кăшлăкан шăшисем (тен, шпалера та
мар, вĕсем лирика геройĕн чунне кăшлăҫҫĕ), пушă йăва:

Хĕл ҫитсесĕн ку пўрте ан шаккăр,	Килĕнчен тарать е шăпаран?
Тухса уҫмĕ ыр суна хуҫа...	Анĕ пĕр ҫуна шартлама саслăн,
Кăштăртатёҫ шăшисем кушаксăр,	Туйё ҫын
Кив шпалер шăтăкĕнчен тухса.	Пўртпе шăп танлашсан:
Кăштăр-кăштăр тăвёҫ, шăнса кайёҫ...	Вăрманна ҫырла татма кайсасăн
Кил хуҫийё ҫўрĕ хулара.	Пуш йăва тĕл пулнăн аҫсăртран
Те хуҫа вăл, те раскалсăр кайăк,	[11, с. 123].

Кил-ҫурт ашшине шăши тытăкан кушак, вăрманти ҫырласем пĕлтереҫҫĕ. Кушакĕ килте
пурăнтăр тесен кăмакине хутса тăмала, кушака ачашлăкан алăсем кирлĕ. Вăрманĕ ҫуллахи
вăхăтра ҫырлапа пуян. Ҫырлине хĕлле варенипе чей ёҫме татаҫҫĕ. Чейне сĕтел хушшинче,
ҫывăх ҫынсемпе пĕрле ёҫме аван. Кил хуҫи ҫак ыра тата пĕлтерёшлĕ япаласем ҫинчен манса
хулара тем шыраса, темрен тарса ҫўрет. Хăйĕн пур пуянлăхне хакламасть.

«Акăр ҫулне ҫутатса...» сăвăра пушаннă ҫурт тунсăхне сăнлама кил таврашĕнчи
управҫасен, ыраҫсен ячĕсене усă курнă:

Акăр ҫулне ҫутатса шупка уйăх тухсасăн,
Эс те тухсам ыйха путнă кичем ял варне.
Ав, илтенет халиччен илтмен хĕрхў сасă:
Йĕрĕх йĕрет хĕрхенсе ҫĕрĕшен ампарне.
Кĕлмёҫ хутаҫё ҫакса ырханкка хулĕ урлă,
Ав, тухса тарчĕ ялтан управсу-хĕрсурту.
Пирĕштисем пўрт тăрне ларса тухнă пит хурлă,
Тăлăх та сивĕ тахҫан ашă пулнă ҫурту... [11, с. 130]

Тăван килне хупса, пăрахса кайнă ҫавашан хулари пурнăҫĕ ҫиелтен пăхма питĕ те
телейлĕ пек курăнать. Кавирсем, керменсем, машинсем куҫа илĕртеҫҫĕ. Анчах та ҫак пурлăх
чунри пушăлăха тултарма пултараймĕ. Сăвăра поэт кил таврашĕнчи ыраҫсен ячĕсене каласа
тухат: йĕрĕх, хĕрт-сурт, пирĕшти. Вĕсем пўрт хупассине пĕлсе хурланаҫҫĕ, ҫак килтен, ҫак
ялтан тухса тараҫҫĕ. Ку ыраҫсем ҫаваша ялта ҫеҫ упраса, сыхласа, пулăшса тăма пултараҫҫĕ.
Хулара урăххисем пур. Ялти ыраҫсем тек никама кирлĕ мар пулса тăнишĕн, арусен ҫыхăнăвĕ
татăлнишĕн те кулянаҫҫĕ. Пўрт умĕнчи шура хурăн та хуҫи кайнишĕн хурланать. Ача чухне

въл йываџ џумѣнче сахал мар вѣхѣт ирттернѣ, џавѣнпа та въл ват асамџа-юмахџа. Кил хуџин ача чухнехи ѣмѣѣсем пурнѣџа кѣменнишѣн шур хурѣн тискеррѣн кѣшкѣрса макѣрать. Йывѣџ унѣн терѣсене хѣй џине илет. Ялта пушаннѣ џуртсем татах та пуррине палѣртма сѣвѣџ *кичем ял* сѣмах майлашѣвне усѣ курнѣ. Тахџан въл шавлѣ та хаваслѣ пулма пултарни пуџа килет. Саманисем џѣмѣл мар, пѣтравлѣ пулнине палѣртма *акѣр џулѣ* сѣмах майлашѣвѣ ырѣнлѣ пулса тухнѣ. Акѣр йытти, акѣр џулѣ... *Акѣр йытти* тенине џуйѣн Хѣветѣрѣ «пѣс преисподней» тесе куџарать «Улѣп» (1996) хѣйлавра. Леш тѣнче пѣтравлѣхѣ акѣр џулѣпе џѣваш ялне килет тесе ѣнланмалла ку сѣмах майлашѣвне. џула тухма та въл кѣџхи вѣхѣта суйланѣ. Усал хуџаланакан вѣхѣта. Усалѣ хѣй сѣнланман пулин те, унѣн витѣмѣпе џак ѣшѣ, хѣтлѣ, чунлѣ пулнѣ кил-џурт, тѣрѣсрех каласан, џѣваш тѣнчи арканса, пушанса юлни џинчен џырать поѣт ку сѣвара. «џѣваш ялѣ пѣтнин џуџентермелле уѣкерѣкѣ куџ умне тухса тѣрать» [4, с. 114].

Хѣрес сѣнарѣ те сѣвѣра пѣлтерѣшлѣ. Масар џине лартас хѣресе лирика геройѣ ашшѣ лартнѣ џурт џине џапать. џапла майпа въл иртнине, џѣвашлѣха, тымарсене пытарать. Этем хѣй пурнѣџенче виџѣ хутчен пурт улѣштарать, тет џѣваш: малтан ашшѣ тунѣ пуртре пурѣнать, кѣйран ачисем валли џенѣ йѣва џавѣрать. Виџѣмѣшне, тупѣка, ѣна ял-йыш леш тѣнчене кѣйма туса парѣ. Сѣвѣра џак куџам пѣрремѣш пурт џинче чарѣнса ларать. Лере, таџта инџетри пурѣнмалли ырѣнѣ въл чунсѣр, тымарсѣр. Унта аваллѣхпа џыхѣну џук.

Арпашуллѣ саманара џырнѣ сѣвѣсенче џут џанталѣк уѣкерѣкѣ мифла пѣлтерѣш йышѣннине курма пулать:

Хура хѣвел хуллен сунет,	Хѣнпе тусанлѣ сукмакпа
Сѣмсѣрленсе уѣкет џеџ кѣлѣ.	Утса тухать ылтѣн пѣланѣм.
Алла тѣсатѣп тупене, –	Пѣрле кѣяр-и юмаха?
Пурне вѣџне килет џеџкелѣх.	Пыратѣн-и пѣрле, тѣванѣм?
Калла пѣхатѣп џаврѣнса,	Тискер этем – хѣйне шанать,
Выртать унта инкек амакѣ.	Ыр џын – џыннах-џке ѣненесшѣн!
џѣлен пекех авкаланса,	Пѣян хура хѣвел анать,
Асапланать хыџри сукмакѣм.	Атя, сар хѣвеле кѣтмешкѣн

[11, с. 167].

Йывѣр вѣхѣт иртсе пынине, телѣйлѣ ыран килессине сѣнарлать сѣвѣџ. Хура хѣвел кунта усал саманара хуџаланнѣ идеала пѣлтерет. Лирика геройѣн џак усал саманана џѣтса ирттернине, чунѣ ун витѣмѣпе хуралса ларманнине пула шанѣџ џуралать. Въл симѣс џеџке пулса алла килет. Ылтѣн пѣланѣ – џѣваш мифологийѣнчи санѣр. Халапсенче въл халѣха ырѣ, пурѣнма меллѣ ырѣна ертсе кѣяты. Сарѣ хѣвел џутатса тѣракан ыранхи кун юмах евѣр. Апла йывѣрри хыџџѣн џѣмѣллѣх килмеллех.

Тухѣџ халѣхѣсен вѣрентѣвѣнче ыррипе усалли уйрѣлми пѣрлѣхре. Пѣри тепринсѣр пулма пултараймасть. џак ѣненѣ џѣваш тѣнчекурѣмѣнче те пур:

Шѣнтса кѣрхи џилсем вѣрет	Шур џилхепе хура џилхе
џаранлѣ уйѣм-хирѣм урлѣ.	Яваланса пѣтрашнѣ майѣн
Кун-џул пар лашапа џурет:	Эс, тухнѣскер џула пилпе,
Пѣри – хура, тепри – џѣлт шурѣ...	Ачу валли Сѣмах тупѣйѣн

[11, с. 175].

Тухѣџ вѣрентѣвенче ыррипе усалли пѣр-пѣринпе кѣрешмѣџѣ, вѣхѣт џитсен пѣри теприне ылмаштарать џеџ. П. Яккусен сѣввисенче те џапла. Пѣри тепринсѣр пулма пултараймасть, иккѣшѣ ав «явалансах пѣтрашнѣ».

Тухѣџ поэзийѣнчи евѣр П. Яккусен сѣввисенче пѣџѣк пулѣмсен пѣлтерѣшѣ пирки шухѣша кѣясси пур. Унѣн лирика геройѣ те йывѣџ-курѣкѣн, џѣр-чунсен тыткаларѣшне, асамлѣхне курса тѣлѣнет. Вѣсем мѣн калас тенине ѣнланма тѣрѣшаты. Тупере пѣнѣѣ пек џеџ курѣнакан тѣрисемпе, кил таврашѣнчи тата вѣрманти йывѣџсемпе, юманпа, џил ачипе, уйѣхпа

тата җалтәрсемпе пуплет въл, җәнә чечекән, вут чулән илемәпе киленет. Йәмра кашланинче, кәвакалсем мәкәртатнинче темле пәлтерешлә сәмах пур. Шетьмә шывән шәнкәртатәвәнче те темле шухаш пур. Лирика геройә кашни пуләмра асамләх, чуна пырса тивекен, кискретекен илемләх курать. Пәр сәвәра въл хайне илем пуҗтаракан пыл хурчәпе танлаштарать. Тавраләхра асамлә юмах тәнчин паллисене асәрхама пултарни әна вәрманти кашни йываҗ җинче ыртакан юра сәнама хушать. Җак юра въл җил-тәманән йәви ырянне йышәнатъ. Җил-тәманә кайәк иккенне тавҗарса илет. Хайхи В. Абрамов калакан катарсис пулса иртет. Лирика геройә җәнә әнлану патне килсе тухать. Җут җанталәк уншән пурнаҗа тәрәс әнланма вәрентекенә теме пулатъ:

Хәвел җутин хакне пәлмешкән

Эп вәрентеп сирәнтен [11, с. 75], – тесе калать въл тин җуралакан җәнә папкасене. Ун-тан та ытла, кәлетки вилнә хыҗҗән, хай те, хәҗән та пулсан җут җанталәкән пәр пайә пулса тәрассине пәлсе тәрать. Ашшә-амәшән чунәсем уйәп, әшә җилпе кәмәл уйәх пулса әна пурнаҗ тәршшәнче хуҗтәлесе, упраса пурәннә пекех въл та шура юр, җуркунне, җуллахи тәнче ешеревә, лантәш пулса тәрасса пәлет.

Китай поэзийә тәрлә мифологирен, историрен илнә символсемпе, сәнарләхпа пуян пул-нипе уйрәлса тәрать. П. Яккусен җырна уйрам сәвәсенче те җак паләрәмсене курма пулатъ. Сәвәҗән халәх юррисенчи сәмахсене аса илни, чәваш поэзийән классикәсен ячәсене аәнни, тепәр чух вәсен сәввисенчи йәркесене аса илтерекен җаврамсем әсталини, әтемләх историйәнче паләрнә җынсен (Чингисхан, Веспучи, Колумб), җәр-чунсен (динозавр, мамонт), турәсен (Тур амәшә, Христос, йәрәх, Уләп...) ячәсене уә курни пур. Җакә сәвәри шухаша тарәнлатма кирлә. Въл реминисценци мелән паләрәмә пулатъ.

«Пар, Җеҗпәл, ху ака пуҗне» [11, с. 12], – тесе чәнсе калани Җеҗпәл Мишшин тертлә пурнаҗә җинчен аса илтерет. Лирика геройә чәвашләх анинче хайне шеллемесәр тәрәшма хатәр пулнини кәтартать. Ку сәвва 90-мәш җулсенче җырни те пәлтерешлә. Чәлхе, халәх шәпи җинчен шухашланә саманара лирика геройә уән пуласләхә валли җәнә ака туса тыр-пул җитәнтерме, йывәр әҗе күләнме хатәр. Чингисханләх сәмах та сәвәсенче тарән пәлтерешлә. Тахҗән Чингисхан хайән җәрәпе нумай җәршыва җәнсе илнә пулсан җән йәркелү самани, пурнаҗ пәтравләхә тәнчене вәрҗәсәрах, хәҗ-пәшалсәрах җавәрса илет, җынсенчи чунләха, чәвашләха пәтерме хәтланать.

«Җуйханчә җәрле кәмәл-гуйәм» сәвәра «Уйәх витәр җул курнать» салтак юрринчи сәнарләха уә курнә. Сар уйәх шәтәк евәр, ун витәр сар тәнче, аслә җул, сарә хәр курәнаҗҗә. Шәтәк – чәваш мифологийәнче леш тәнчене куҗмалли мелсенчен пәри. Сар тәнче – эфир пәлмен, курман, унтан никам таврәнса ун пирки каласа кәтартман җәр-шыв. Җав иләртекен пурнаҗсра чәваш чәлхи валли ырян пулә-ши тесе пәшәрханать лирика геройә. Юра сәмахәсене, салтак шәпине пәлнини кура җав сар куна җитме чылай йывәрләха җәнтерме кир-лине туйса илетән. Җулә те тап-такәрах пулас җук. Чәваш сәвәҗисен йәркисене аса илтерекен җаврамсем те пур П. Яккусен. Кәрешү, чәвашләх пирки җырна чухне Җеҗпәлән сасә киләшәвә пуррине, юрату пирки җырна сәвәсенче П. Эзинән савнишән тем тума та хатәр лирика ге-ройне асәрхама пулатъ («Кәрхи кәҗсем ытла салхуллә» [11, с. 179]).

Җапла вара, П. Яккусен поэзийәнчи җут җанталәк сәнарә нумай сәпатлә, нумай пәлтерешлә пулнини тишкерсе тухрәмар. Сәвәҗ җут җанталәк пуләмәсене, вәрманә-җаранәсене тӯрремән үкерет, вәсем хаклә вәхәтпа, ырянпа җыхәннә. Җут җанталәкра, вәрманта, таса уй-хирте уән лирика геройә чун канәҗләхне тупать, тасалать. XX әмәрән 90-мәш җуләсенче җырна сәвәсенче җут җанталәк сәнарне ытарлә пәлтерешпе уә курасси ытларах аталаннә. Пурнаҗри йывәрләхсем, самана пәтравә пирки тӯрремән каламасть сәвәҗ. Аслатиллә җумәра парәнман хурамана, чәвашләха упракан юмана, аҗтахәпа шухаш шайәнче җапәҗнини, вәзәри чечексене тата ыттини те сәнланинче пурнаҗ пәлтерешә, чәвашләх пуласләхә, әрусен

хутшăнăвĕ пирки шухăша кайни пур. Сăвăсенче çут çанталăка Турă, Турра кĕл тумалли храм вырăнне хуни, этеме çут çанталăкăн уйрăлми пайĕ пек курни чăн чăвашла янăрать. Çав хушăрах тухăç халăхĕсен вĕрентĕвĕпе те тўр килет. Сăвăç кашни чăвашшăн çывăх пĕлекен, хаклă япаласем, пулăмсем пирки çырать. Ансат пек курăнакан сăнарсенче, сăмахсенче тарăн шухăш, чун ыратăвĕ-савăнăçĕ те пур.

Литература

1. Абрамов В.А. Вопросы чувашского литературоведения и критики: тезисы, статьи, рецензии, обзоры / сост. И.В. Софронова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. 368 с.
2. Ашмарин Н.И. Чувашская народная словесность: Исследования. Автобиография, воспоминания. Письма / сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. 430 с.
3. Васильев Л.С. История религии Востока. М.: Высшая школа, 1983. 368 с.
4. Ильина Н. Петĕр Яккусен поэзийĕнчи вертикальлĕх // Петĕр Яккусен пурнăçĕпе пултарулăхĕн саманчĕсем (критика статьясем, калаçусемпе интервьюсем). Шупашкар: ЧПГĂИ, 2020. С. 17–120.
5. Сарбаш Л.Н. Фольклор и мифология в волжском путеводителе – травелогe XIX века // Ашмаринские чтения: сб. материалов XI Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. С. 76–81.
6. Степанов В. Робинзон // Петĕр Яккусен пурнăçĕпе пултарулăхĕн саманчĕсем (критика статьясем, калаçусемпе интервьюсем). Шупашкар: ЧПГĂИ, 2020. С. 45–50.
7. Степанов В. Шепот серебряных // Петĕр Яккусен пурнăçĕпе пултарулăхĕн саманчĕсем (критика статьясем, калаçусемпе интервьюсем). Шупашкар: ЧПГĂИ, 2020. С. 50–63.
8. Софронова И.В. Восточные традиции в чувашской лирике // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2011. № 3-1. С. 193–196.
9. Чăваш халăх сăмахлăхĕ. 3 т. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1978. 512 с.
10. Якимова Е.Р. Художественный мифологизм в современной чувашской драматургии // Ашмаринские чтения: сб. материалов XI Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. С. 133–136.
11. Яккусен П. Кĕмĕл кимĕ: сăвăсем. Шупашкар: Çĕнĕ вăхăт, 2010. 351 с.

СОФРОНОВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

ВЛАДИМИРОВА ОЛЬГА ГЕННАДИЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

С.В. ФЕДЯЙ

ЖАНР БАЛЛАДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. ГАЛИЧА

Аннотация. В статье анализируются баллады А. Галича с точки зрения трансформации этого жанра во второй половине XX века. В исследовательской литературе произведения поэта рассматривались в традициях реализма и жанрового своеобразия. Актуальность данной статьи видится в новом осмыслении художественного сознания А. Галича, а также в сравнительно-сопоставительном аспекте советской баллады с творчеством поэта.

Ключевые слова: баллада, лирический герой, художественный образ, трансформация жанра, пародия, внутрижанровый диалог.

Балладный жанр является одним из самых многогранных и сложных и в русской народной поэзии. Большое количество исследований посвящено балладе, и тем не менее она остается наиболее противоречивой и загадочной формой для современной науки. В учебной литературе только в 1971 г. В.П. Аникин впервые ввел тему балладного жанра. До этого времени термин баллада не имел достаточного теоретического обоснования в учебных изданиях. В на-

учном мире можно отметить возрастание интереса к изучению специфики жанра только с конца 50-х годов XX века, со времени публикации собрания русских былин В.Я. Проппа и Б.Н. Путилова [7, с.105]. Одним из ярких представителей балладного творчества, несомненно, является А. Галич. Именно в его поэзии, на наш взгляд, очевидна, трансформация народной баллады в жанр литературно-романтический [9, с. 163]. Творчество А. Галича часто рассматривается в соотнесении с творчеством В. Высоцкого и Б. Окуджавы, поскольку все они внесли большой вклад в бурное развитие бардовской культуры, имевшее место в 60-х гг. XX в.

Множество текстов А. Галича имеют балладный строй: в довольно коротком временном промежутке, образной прямолинейности дается многозначное толкование актуальной проблемы. Изначально баллада – лиро-эпическое произведение исторического, мифического или героического характера. Сюжет баллады обычно заимствуется из фольклора. Жанр баллады в разных эпохах имел принципиально различную специфику: в средние века – это обрядовая плясовая песня, в период Возрождения (Петрарка, Данте) – лирическое стихотворение, баллада конца XIX в. представляла собой стилизацию фольклорных произведений, баллада XX в. (советская) воспевала общественно-экономические достижения человека [7, с. 4], в современном поэтическом и музыкальном творчестве жанр баллады заменила так называемая «массовая песня» [1, с. 3].

На наш взгляд, в творчестве А. Галича представлена баллада в ее советской разновидности, появившаяся сразу после революции 1917 г. и ставшая особо популярной после Великой Отечественной войны. Советская баллада – это сюжетный рассказ о героическом подвиге человека в условиях смертельной опасности, создаваемых как тяжелыми внешними факторами, так и трудностями в личной жизни [8, с. 5]. Одна из специфических черт советской баллады – реалистическая направленность: «Сама действительность встает вровень с легендой, а подчас и превосходит ее» [8, с. 4], побуждая читателя к нравственным исканиям. Данную особенность порождает социально-политическая обостренность того времени, которую А. Галич нередко ставит в тематический центр своих баллад:

*Я сам не люблю старичков – ворчунов
И все-таки истово рад,
Что я не изведаль бесчестья чинов
И низости барских наград [4, с. 283].*

В произведениях А. Галича, по традиции андеграундной поэзии, присутствует полемика с общепринятым литературным подходом. Основной элемент такой полемики состоит в нарочитом отказе от героического пафоса. Структурно его тексты соответствуют форме советской разновидности жанра, но в идейном плане расходятся: герой баллады А. Галича совершает, в основном, обыденные действия:

*Душеет в зале, как в метро,
От пергидрольных локонов.
Принцесса выпила сидро
И съела свой бефстроганов [4, с. 229].*

В творчестве Галича есть ряд произведений, с конкретным обозначением жанра баллады: «Баллада про маляров, истопника и теорию относительности» (1962), «Баллада о прибавочной стоимости» (1963–1956), «Баллада о том, как одна принцесса раз в два месяца приходила поужинать в ресторан “Динамо”» (1967) и др. Именно заглавия выполняют определяющую роль в разграничении формы и содержания. Помимо того, они ориентируют читателя на ролевой характер баллады, выражающей сознание персонажа: маляра, девушки-принцессы и т.д. Таким образом, эти песни образуют своеобразную жанровую парадигму [7, с. 2].

В то время как советская баллада затрагивает довольно распространенные темы (героизм, идеологическую нравственность, патриотизм), в центре баллады А. Галича стоит челове-

ческая личность во всем ее многообразии. Лирический герой здесь существует в пространстве, воспетом советской балладой, что и создает атмосферу пародии: человек, герой Галича, в таких условиях может существовать только как обыватель. Между «советской» балладой и балладой Галича, таким образом, возникает «внутрижанровый диалог» [7, с. 5]. А. Галич дискредитирует жанр советской баллады посредством пародийных элементов, показывая абсурдность подобного слияния содержания и формы, тем самым доводя его до логического конца.

Своеобразие баллады А.А. Галича, таким образом, заключается в иронии, пародийности, в нарочитой обыденности образов и идей и противопоставлении их героям советской баллады.

Литература

1. Алексеева А.А. Песенное творчество (60–80-е годы) // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2015. № 2.
2. Богомолов Н.А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 359–373.
3. Богомолов Н.А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 426–443.
4. Галич А. А. Сочинения: в 2 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы / Сост. А. Петраков, худож. В. Крючков. М.: Локид, 1999. 527 с.
5. Квятковский А.П. Баллада // Квятковский А. П. Поэтический словарь. М., 1966. С. 57.
6. Кононова Н.В. А. С. Пушкин в художественном сознании Александра Галича // Парадигма. 2016. № 24. С. 125–138.
7. Малкина В. Я. Жанр баллады в творчестве А. Галича (постановка проблемы) // Новый филологический вестник. 2008. № 2 (7). С. 104–108.
8. Страшнов С.Л. «Молодеет и лад баллад»: Баллада в истории русской советской поэзии: литературно-критические статьи. М., 1991. С. 3–11.
9. Федяй С.В. Репрезентация концепта "сад" в чувашской литературе 50–80-х гг. XX в. (А. Артемьев) // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: проблемы регионального литературоведения и фольклористики. Материалы XI Международного симпозиума. Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова. 2018. С. 162–166.

ФЕДЯЙ СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

М.Г. ДАНИЛОВА, А.А. ДАНИЛОВ, А.П. ДАНИЛОВ,
В.П. КОМИССАРОВ, А.М. ЭШКЕРАТ

**М.И. СКВОРЦОВ – ПАЛЛА ЛЕКСИКОГРАФ, АСТА КУСАРУСА,
ПУЛТАРУЛЛА ЖУРНАЛИСТ (СУРАЛНАРАНПА 90 СУЛ СИТНЕ ТЕЛЕ)**

Аннотация. Статья посвящена анализу жизни и научно-творческой деятельности прославленно-го журналиста, филолога, редактора, переводчика, лексикографа, доктора филологических наук (1993), профессора (1996), заслуженного деятеля науки Чувашской Республики Михаила Ивановича Скворцова. Он внес большой вклад в разработку актуальных проблем чувашской и тюркской лексикографии, терминологии, исторической лексикологии, ономастики, теории и практики перевода.

Ключевые слова: лексикография, перевод, журналистика, Скворцов Михаил Иванович.

Филологи аслаляхесен докторё, терёк лексикографийёпе терминологийён палла специалистё, чаваш словарёсен авторё, пултарулла журналист тата аста редактор Михаил Иванович Скворцов суралнаранпа 2023 сулхи карлачан 8-мешенче 90 сул ситет. Савна май чаваш асчахён сумла кун-сулне тишкерме теллев лартрамар. Унан тарашулахё, ситенёвёсем тата пуян еткерлехё паянхи самрак тепчевёсемпе журналистсемшенё телёх пулма тивёс.

Таван халахамаран мухтавлё ввалён пурнаç сул-йерё такар выртман, апла пулин те вал малалла сирёппён те усёмлён талпанна. Пурте ачалахран килнине палартса Михаил Иванович час-часах хайён ёмерён пуçламашне, сурална тарашне ашшан аса илетчё: «Манан сурална ял тата асран кайми таван кетес – Канаш районенчи Иккёмёш Хурамал. Хурамал вал – хурамалла ял. Манан Хурамал Савалтан инсе мар вырнаçна. Хурамал – атте ялё, анне ялё юнашарах – виçе сухрамри Сёне Алкасси. Маншан вёсем иккёшё те – таван ялсем».

Ашшё, Иван Алексеевич, 1901 султа сурална, чирку прихут шулён виçе класне пётернё (1914 султа тенче варси пуçланнаран вёсене малалла вёренме илмен). Сав чирку прихут шулён вёрентекенё ачасене хыта тытна. Ытларах ачасен сыру асталашне, сас паллисене мёнке сырса калармаллине (правописание, чистописание, каллиграфии) аталантарма тарашна. Саванпа та ашшён тата унан танташесен почеркё питё хитре те таса пулна. Хайён пёлевне ашшё ачисене те парса хаварма мехел тупна. Граждан варсинчен таврансан Иван Алексеевич район учрежденийесенче ёсленё, Мишша сурална вахатра военкомат пуçлахё пулна. Ашшёне Канаш тарашенчи Шахасанта хваттер парсан Скворцовсем унта пуранма кусаçсё. Мишша ача пахчине суреме тытанать, Нинапа Лида аппашёсем пулашнине тавата султах вулама вёренет. Улта сула ситсен шула каять, анчах та ача сулё ситмен пирки каялла яраçсё. Султалак хушшинче вал мёнке кёнке вулама май пур – пурне те вуланё. Пёрремёш класра икё кун ларна хыçсан ача, вулама-сырма тата шулама лайах пёллине кура, турех иккёмёш класа кусараçсё [1].

«Хурамалта пуранна чухнех пула тытма юрататтам. Шахасана куçсан вара пулача ертём, сак туртам ёмерёпех сунмерё. Савалта пёрремёш хут ырашпатри тытсан валтана парахрам та киле вёстертём: “Анне, пула шурпи пёсерсе пар-ха”. Юратна анне, Анна Никифоровна, сав ыраш патринчен шурпе пёсерсе пачё. Ун хыçсан та ку апата чылай синё – сав шурперен тутли пуллине астумастап», – тесе ачалахри саманта аса илетчё хисеплё профессор.

Чурачак шулёнче вёреннё вахат та яланлахах асра юлна пулампа паларна. Экзамен вахатенче Мишша 12 листалла тетраде пётёмпех сочинени сырса тултарна. Сак ёсе сумла та хисеплё чёлхесё В.Г. Егоров профессор пысака хурса хакланё.

1949 җулта Михаил Скворцов Чурачакри ватам шула кемел медальпе пётерет. Җав җулах Хусанти В.И. Ульянов-Ленин ячелле патшалар университетенчи филологи факультечен ырас челхипе логика тата психологи уйрамне веренме керет. 16 җулхи Михаила ушкан старости пулма шанаҗҗе.

Верену җулесем Михаилшан ас пухмалли тапхар җеҗ мар, терле еҗре пултарулаха тереслемелли вахат та пулна. Вал тенчипе палла ученай В.А. Богородицкий никеслене эксперимент лабораторийенче чаваш челхинчи сасасене тепчет, җав ыйтупах диплом еҗе сырать. В.Г. Егоров профессор ку еҗе пысака хурса хаклана, җамрак тепчевсе малалла еҗлеме сенне.

М.И. Скворцов пурнаҗсенче еҗ-хел җуле-йере терле салтавсене пула пер еверле пулман – терле енепе, арасна ыйтупа еҗлеме тивне. Җаванпа та, ун пурнаҗ сукмакесене тепленрех катарта тесен, пултарула аталанавен теп тапхаресене палартса хавармалла.

Чурачак шуленче веренне чухне Мишша райхасат пуслахне сывах пелне те печек заметкасем җырма пуслана тата шулта тухса таракан стена хасачен редакторе шуланна. Җаванта пухна опыт ушан пите усалла пулна – ана журналист еҗе илертне. Университет птеричченех Михаилан профессилле җул-йере хасатран пусланна. Виҗсемеш курсра веренне вахатра ана университетра тухса таракан нумай тиражла «Ленинец» хасат редакцине еҗлеме илесҗе: малтан секретарь, унтан редактор пулса тарашать. Республикари хасатсен хастар корреспонденте пулса тарать. Вал Тутарстанри «Херле ялав» ятла чаваш хасаче тача сыхану тытат. «Хасат еҗне йеркелеме, редакцилеме, верстка тума, материалсене терес ырнастарма «Ленинец» хасатан ун чухнехи редакторе ыра камалла, опытла, сапайла Л.Г. Юткевич ним хушмасар, хистемесер верентре», – хай наставнике җинчен җапла аса илетче М.И. Скворцов.

«Херле ялав» хасатан ятарла корреспондентенче вал виҗе җул еҗлене. «Хасатра тарашна вахатра Тутарстанри менпур пысак чаваш яленче пулса курна тесен те йанаш пулме. Тяхарьял таврашенчен пулса Павла районенчи Потап-Тампарла таран темиҗе те хутлана. «Херле ялавра» еҗлене җулсем хале те асрах, маншан весем – чи телейле вахат. Җак чаваш хасаче мана пурнаҗ җуле җине каларче. Ун чухне эпе, җамракскер, Тутарстанан анла, ирекле, хура тапралла җересем җинче җаван чухле чаваш пуранныне пелмен те. Сенче таракенчи ялсенче, улахсенче перре пулса курни мене тарать! Хам Чаваш Енре җуралса усенерен Тутарстан чавашесен хайне еверле йали-йеркин, культурин уйрамлахесемпе пите интересленеттем. Мен тери пуянлах унти халах самахлахенче, илемле чаваш юрисенче, ваййисенче! Җамрак чухнехи айванлахама пула җаванти чаваш халах самахлахне йеркелле сырса-пустарса пыманнишен хама хам халиченех ятлатап. Илтне самах, илтне юра емрех асра юле тесе шуланна пуль яшлахра. Шел, апла мар иккен» – хурланса петемлетет хайен самахне вата асчах.

1956 җулта Михаил Скворцов Шупашкара пуранма куҗать. 1957 җулхи карлач уйахенче «Коммунизм ялаве» (хальхи «Хыпар») хасатра еҗлеме пулать. Малтан литсотрудник, каярах редакцин явапла секретаре пулса еҗлет. Хасат аш-чикне пуянлатас, илемне устерес, челхине лайахлатас тесе нумай вай хурать. Куҗару енепе уйрамах нумай тарашать. Хасат материалесемсер пуҗне «КПСС историйе», «Политика пелевен никесесем», «Экономика пелевен никесесем» кенекесене куҗарма хутшанать, В.И. Ленин биографине «чавашлатать». «Коммунизм ялаве» чаваш хасаче пулин те ун страницисенче ырасларан куҗарна материалсем чылай җаванна. Җакан пек еҗлени куҗару пултарулахе асталарне туптама май панна, хайне майла шула пулна – М.И. Скворцова малашнехи еҗре нумай пулашна.

Асанна хасатра еҗлени унан аслалах тепчевесен җуле җинче паларна. 1981 җулта пичетленсе тухна «Челхе культурин ыйтавесем» кенекере М.И. Скворцован «Хасат челхинчи обществана политика терминесем» статья пичетленет. Кунта вал «Коммунизм ялаве» хасатра социалла терминсемпе епле уса курнине тишкерсе тухна: анасусемпе җитменлехсене, йыварлахсемпе весене сирмелли майсене катартна.

1960 җулта Михаил Скворцов Чаваш АССР Министрсен канаше җуменчи аслалах тепчев институтне (хале вал Чаваш патшалар гуманитарни аслалахесен институте) еҗлеме ырнаҗать. Кеҗеҗ ана Мускав университетче җуменчи Хевелтухас челхисен институтен араб уйрамне

вёренме ярашсё. Паллă арабист лексикограф В.М. Белкин ертсе пынипе Михаил Иванович араб чĕлхине тĕпчет, кулленхи лексикографие вёренме тытăнать. 1961 çулта М.Я. Сироткин редакциленипе пичетленĕ пысăк калăпашлă «Чăвашла-вырăсла словаре» хатĕрлес ёсе Михаил Скворцов та хастар хутшăннă.

Хĕвелтухăç чĕлхисен институтĕнчен янипе вăл 1961–1962 çулсенче Каирта командировкăра пулат. Арабсемпе куллен куçа-куçан калаçни, вёсен йăли-йĕркипе тата культура палăкĕсемпе паллашни ахаль иртмен – пăлхар-чăвашсем мĕн пирки тата мĕнле майпа араб сăмахёсене йышăннине лайăхрах аңланма пулăшнă (кайрахпа асчах ку ыйтусене темиçе тĕпчевре те тишкерсе çутатнă). Каиртан таврăнсан М.И. Скворцов аслăлăх ёсёсем чылай сырат, чи палли – «К вопросу о принципах составления русско-национальных словарей» статья (1963).

1964 çулта чĕлхеçĕ тепĕр хут журналистика каçалăкне тăрат, апа Чăваш АССР Министрсен канашĕ çумĕнчи Телекурăмпа радиоохпарлав комитетĕн председателĕн пĕрремĕш çумĕ пулма çирĕплетесçĕ. Михаил Иванович виçĕ çул радио редакцине ертсе пырат, кăларăмсен йышĕпе пахалăхне ўстерме тăрашат, хай те вёсене хатĕрлет.

1967 çулта М.И. Скворцов И.Я. Яковлев ячĕллĕ чăваш патшалăх педагогика институтĕнче (халĕ – педуниверситет) ёсleme пуçлат. Унти вырăс чĕлхи кафедринче тăрашнă хушăрах СССР Аслăлăх академийĕн чĕлхе пĕлĕвĕн институтĕнче аспирантура пĕтерет, паллă тюрколог А.А. Юлдашев ертсе пынипе чăваш чĕлхинчи авалхи обществăпа политика лексика синчен диссертаци сыраса апа 1972 çулта Мускавра апаçлă хўтĕлет.

1960 çулсен вёсёпе 1970 çулсен пуçламăшĕ – М.И. Скворцов аслăлăх ёсёнче питĕ тухăçлă тăрашнă тапхăр. Ун чухне асчах чăваш чĕлхин лексика синчен статья хыççан статья сырат. Вёсен шутĕнче «Еще раз об арабско-персидском вкладе в чувашскую лексику» (1969), «О некоторых особенностях чувашских народных названий растений» (1971), «Терминология ремесел в словаре Н.И. Ашмарина (1971), «Отражение старого общественно-юридического быта в чувашской лексике» (1972), «К вопросу о составе общественно-политической лексика и терминологии» (1972), «Древние титулы в чувашской терминологии» (1972) тата ыттисем те.

Çав вăхăтрах Михаил Иванович 1971 çулта Мускавра пичетленсе тухнă «Вырăсла-чăвашла словаре» кăларас ёсе хастар хутшăнать. Тĕпчевсёсем çак кёнекене чăваш лексикографийĕн аталану историйĕнчи сумлă пулăм тесе шутлаçсĕ.

1973 çулта М.И. Скворцов Чăваш патшалăх педагогика институтĕн вырăс чĕлхи кафедрин доцентĕ пулса тăрат. 1974–1976 çулсенче вара апа филологи факультетĕн деканĕн лавне туртма шанаçсĕ. Ку вăхăтра вăл ытларах чăваш чĕлхин лексика пуянлăхне тата историне тĕпчет, унсăр пуçне лексикографин теорийĕпе тата кулленхи ыйтăвёсемпе интересленет.

1977 çулта Михаил Ивановича И.Н. Ульянов ячĕпе хисепленекен Чăваш патшалăх университетĕнчи историпе филологи факультетĕн чăваш чĕлхи пĕлĕвĕн кафедрине ёсleme чёнсе илесçĕ. Кунта вăл тёрлĕрен предмет вёрентет: чĕлхе пĕлĕвĕн пуçламăшĕ, тёрĕк чĕлхисен танлаштаруллă грамматики, хальхи чăваш чĕлхи, чăваш этимологийĕн никёсёсем, куçару теорийĕпе практики, чăваш ономастики, чăваш лексикографийĕ тата ытти те. Çаканпа пёрлех вёренў пособийёсем хатĕрлес тёлёшпе тăрашат, Лексикографипе тата лексикологипе интересленекен студентсене аслăлăх ёсне явăстарать.

Лексикографи – чĕлхе пĕлĕвĕн сăмах кёнекисем хатĕрлес ёс теорийĕпе меслечёсене тишкерекен пайĕ тата словарь йышши кёнекепе пособисем асталасси. Чăваш лексикографийĕн историне аса илес пулсан Ф.И. Страленберг, Г.Ф. Миллер, В.П. Вишневский, В. Шотт, Н.И. Золотницкий, Н.И. Ашмарин, Н.В. Никольский, Т.М. Матвеев, В.Г. Егоров, Н.П. Петров, М.Р. Федотов ячёсене асанса хăвармалла. Хальхи саманари тăван чĕлхе лексикографийĕн аталанăвне вайлă сулăм кўрекенĕ, тивёслĕ шайра тытса пыраканĕ М.И. Скворцов пулчĕ. Унан ячĕ чăваш словарёсене сыракансен тата редакциленекенсен йышĕнче 1961 çултанпа тăташах тёл пулат.

1973 җулта пичетленсе тухнă «Обществăпа политика терминёсен ыраҗла-чăвашла словарь» маларах кун җути курнисенчен пѐри шутланать. Асăннă кѐнекене кăларма Михаил Иванович нумай җул хушши тар тăкса ёҗленѐ. 1986 җулта словарь иккѐмѐш хут пичетленсе тухать, 2004 җулта вара унăн җенѐ варианчѐ кун җути курать.

Иртнѐ ёмѐрѐн 70-мѐш җулѐсенче чăваш чѐлхеҗисен йышѐнче ономастика аслăлахѐ пирки сăмах пуҗарса яраканѐ тата апа тѐпчеме тытăнаканѐ М.И. Скворцов пулнă.

1978 җулта апа университетра тухса тăракан «Ульяновец» хаҗат редакторѐн тивѐҗне пурнăҗлама шанаҗҗѐ. Кăларăма тематика тѐлѐшѐнчен аталантарма тата вулакана кăсăклантарма М.И. Скворцов чылай җенѐлѐх кѐртет: җентеру кунѐ ячѐпе «Звезда» рубрика йѐркелет, студентсен аслăлах пѐрлѐхѐн «СНО» страницине пуҗарса ярать, абитуриентсем валли ятарлă номерсем кăларать.

Иртнѐ ёмѐрѐн 70-мѐшпе 80-мѐш җулѐсен чиккинче чăвашсемпе венгрсем хушшинче экономикапа культура хутшăнавѐсем аталанаҗҗѐ. Михаил Иванович Ласло Захемскипе пѐрле «Ыраҗла-чăвашла-венгрла калаҗу кѐнеки» асталать (1981).

1989 җултанпа М.И. Скворцов Чăваш Республикин вѐрену институтѐнче вай хума тытăнать. Җамрăклăхран пухнă пуян опыт апа җенѐ кафедра йѐркелеме те, «Тăван ен культури» предметан концепцине җырма та, вѐрену программипе кѐнекисене тата курăмлăх хатѐресене (слайд-фильмсем, фонохрестоматисем, альбомсем) хăварт хатѐрлесе кăларма та май тупать. Җенѐ вѐрену предметне никѐслеме паллă асчахсемпе унерҗесене явăҗтарать.

Җав җулсенче Михаил Иванович «Чѐлхе тата культура» темăна җине тăрсах аталантарать. Вѐрентекенсемпе аслăлахпа ёҗлѐх конференцийѐсем ирттерет, квалификацине уҗтерме института пыракансем умѐнче лекцисем вулать. Кашни вѐрентекенпе тенѐ пекех калаҗма вăхат тупать. Кафедра преподавателѐсем чăвашсем йышлăн пурăнакан регионсене (Тутарпа Пушкăрт республикисене, Чѐмпѐрпе Самар облаҗесене) лекци вулама җуреде пуҗлаҗҗѐ. Җула тухиччен кафедра ертуҗи М.И. Скворцов кашнинчех канаш тата меслетлѐх кăтартавѐсем парса асатса ярать.

1992 җулхи җу уйăхѐнче асчахн тѐрѐк чѐлхисен лексикологийѐпе, лексикографийѐпе җырна ёҗесене тата «Теоретические и методические проблемы чувашской лексикографии» аслăлах докладне хак парса филологи докторѐн степенне параҗҗѐ. Михаил Иванович хайѐн юратнă лексикографи ёҗне пѐрре те алăран ямасть. Пѐрин хыҗҗан тепри «Русско-чувашский словарь для учащихся» (1992, 1997), «Тематический чувашско-русский словарь для учащихся» (1989, 1996), «Чувашско-татарский словарь» (1994), «Чувашско-русский и русско-чувашский словарь» (1999), «Русско-чувашский словарь» (2002) тата ыттисем те пичетленсе тухаҗҗѐ.

2000-мѐш җулсенче вала культурапа аслăхн тѐрлѐ хутлăхѐн икѐ чѐлхеллѐ словарьсене хатѐрлет: «Русско-чувашский словарь социальной лексики» (2004), «Русско-чувашский словарь заимствованных слов» (2006, җум авторѐ Л.Д. Башкиров), «Русско-чувашский словарь юридических терминов» (2006, җум авторѐ Д.Ф. Семенов), «Русско-чувашский словарь правовых знаний» (2016, җум авторѐ Д.Ф. Семенов), икѐ томлă «Ыраҗла-чăвашла словарь» (2012) [2, с. 142].

М.И. Скворцов профессор хай пурăннă чухне пысăк калăпашлă «Чăвашла-ыраҗла словарь» кун җути кураҗса ёмѐтленетчѐ. 90 җулхи юбилейѐ тѐлне – Г.А. Дегтяревпа А.П. Долгова тата И.П. Семенова редакторсем тăрăшнипе – унăн ёмѐчѐ пурнăҗа кѐчѐ: икѐ томлă сăмах кѐнеки вулакан патне җитрѐ (I том, 2021; II том, 2022) [4]. Шел пулин те, авторѐ хай апа кураймарѐ.

Асчах җыра хăварнă ытти словарьсен ал җыравѐсем те («Русско-чувашский медицинский словарь», «Татарско-чувашско-русский словарь») пичете парасса кѐтеҗҗѐ.

Михаил Ивановичн еткерлѐхѐнче пѐтѐмпе 200 ытла тѐпчев ёҗѐ, 5 монографи, 30 ытла словарь, 12 вѐрену пособийѐпе программа шутланать. Кунсăр пуҗне вала 20 ытла аслăлахпа меслетлѐх кѐнеки пухса-редакциялесе кăларнă [3, с. 54].

М.И. Скворцов мухтавлă та сумлă ёҗѐсемшѐн «Чăваш Республикин тава тивѐҗлѐ аслăх ёҗченѐ» ята тивѐҗнѐ. Чăваш Республикин наци унер академийѐ апа Н.И. Ашмарин ячѐллѐ премие панă. Җавн пекех унăн тѐрле хисеп грамотисем питѐ йышлă. Тăван халăхăмăр апа яланах пархатарлăн тав туса аса илѐ.

Литература

1. Данилова М.Г., Виноградов Ю.М. Профессор М.И. Скворцов. К 70-летию со дня рождения. Чебоксары: Чув. респ. институт образования, 2003. 56 с.
2. Данилова М.Г. «Русско-чувашский словарь юридических терминов» и проблемы формирования правовой терминологии в чувашском языке // Вестник чувашского университета. 20015. №2. С. 142–145.
3. Данилова М.Г., Данилов А.А. М.И. Скворцов: творческий портрет журналиста, переводчика, педагога и лексикографа // Вестник Чувашского университета. 2018. № 2. С. 54–61.
4. Скворцов М.И. Чувашско-русский словарь / под ред. Г.А. Дегтярева А.П. Долговой, И.П. Семенов. В 2-х т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2021. 671 с.

ДАНИЛОВА МАРГАРИТА ГАВРИЛОВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

ДАНИЛОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

ДАНИЛОВ АНАТОЛИЙ ПОРФИРЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой журналистики Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

КОМИССАРОВ ВАЛЕРИЙ ПЕТРОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

ЭШКЕРАТ АМИН МУХАМАД – кандидат исторических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Л.А. ВАСИЛЬЕВА, Г.В. ХОРАСЬКИНА, О.Р. СТУДЕНЦОВ, Т.С. ЮРКИНА

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ ИНТЕРВЬЮ КАК ЖАНРА ЖУРНАЛИСТИКИ (по материалам книги-интервью «Сто удивительных встреч» журналиста С. Смирновой)

Аннотация. В статье изучена специфика подготовки и написания жанра интервью на примерах публикаций журналиста газеты «Грани» С. Смирновой. Материалы впоследствии вошли в антологию чувашской журналистики под названием «Сто удивительных встреч».

Ключевые слова: интервью, интервьюер, публицистика, журналистика, медиаконвергенция.

Интервью в журналистике – больше чем жанр. Методом интервью пользуется любой практикующий журналист: пишет ли он репортаж, очерк или заметку, ищет ли новости или составляет анонсы и т. д. Для сбора информации тоже пользуются этим жанром. Интервью журналист также берет на одну определенную тему, продумывает логику вопросов, выбирает место встречи, заранее прогнозирует реакцию и ответы собеседника. Основа любого интервью – тщательная подготовка, внимательное слушание и аккуратное написание готового текста [1, 2].

Исследователи отечественной журналистики традиционно склонны делить интервью на основные виды: информационное, аналитические. Подвидами выступают блиц-интервью, оперативное интервью, портретное интервью, интервью-расследование, бизнес-интервью и т.д.

Подготовительная часть интервью начинается с выбора темы и героя, проведения предварительного исследования и составления вопросов. В этом плане выбор темы и героя является ответственным этапом. Темы для интервью находят в таких источниках, как новостные агрегаторы, социологические опросы, сайты-календари с памятными и праздничными датами, местные СМИ, федеральные СМИ, пресс-релизы, друзья и знакомые, собственные наблюдения, запланированные события или годовщины, официальные документы, книжные новинки,

культурные события и др. Будущему журналисту предстоит научиться искусству задавать главные, важные и грамотные вопросы, чтобы интервьюируемые чувствовали себя комфортно, раскрылись, дали исчерпывающие ответы.

В последние годы силами преподавателей кафедры журналистики изучается жанрово-тематическая направленность, система средств массовой информации, медиаконвергенция региональных печатных изданий. Возрос интерес к исследованию отдельных жанров публицистики и журналистики [3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11].

В региональной журналистике мастером подготовки и написания интервью является журналист Новочебоксарской городской газеты «Грани» Светлана Николаевна Смирнова (1958–2013). К годовщине ее смерти Союз журналистов Чувашской Республики издал книгу «Сто удивительных встреч», в основу которой легли интервью с известными людьми города, республики и России. Все материалы были написаны и подготовлены ею для рубрики «Встречи для Вас» газеты «Грани». В сборник вошла лишь небольшая часть из всего опубликованного за 26 лет ее работы в редакции вышеназванной газеты. Книга «Сто удивительных встреч» стала первой антологией чувашской журналистики в жанре интервью.

Вся жизнь С. Смирновой была связана с печатным словом. Она осознанно выбрала нелегкий журналистский труд, требующий умения общаться с разными людьми, быть принципиальным в отстаивании своей позиции и интересов читателей, а также способности донести суть излагаемого до каждого, кто взял в руки газету с ее статьей.

Основная тематика публикаций – защита прав граждан в сфере торговли и услуг, поддержка материнства и детства, пропаганда семейных и духовно-нравственных ценностей. Одним словом, забота о простом человеке, его чувствах и интересах.

Журналист С. Смирнова обладала удивительной способностью располагать к себе людей с самого первого взгляда. Возможно, именно в этом и кроется секрет ее интересных, живых интервью. Люди с легкостью раскрывались перед ней, делясь своими радостями и печалью, как с подругой или доброй соседкой, понимающей и принимающей все. Она умела услышать самое главное, поэтому ее интервью, прежде всего, были очень искренними. Ее искренность, уверенность и ум помогали с легкостью расположить к себе интервьюируемого и, как следствие, получить отличный результат. Героев интервью объединяет любовь к родному краю, целеустремленность и верность своему призванию. Благодаря таланту журналиста, вырисовывается образ и раскрывается богатый внутренний мир ее собеседников.

Каждое интервью было построено по-своему, но с соблюдением норм жанра, в зависимости от того, кто находился перед журналистом. Директор предприятия, многодетная мать, сотрудник полиции, народная артистка, офицер-подводник, врач, летчик-космонавт, рок-музыкант – все эти люди предстают перед читателем в новом образе. Не как монументальные фигуры, олицетворяющие тенденции в искусстве, науке или достижения в спорте, а как живые люди и интересные рассказчики и повествователи. Журналист подходит к выбору героев очень ответственно, поэтому каждая ее публикация по-своему особенная, интересная, разноплановая и, самое главное, нужная и полезная для читателей.

Среди тех, кого С. Смирнова «разговорила», много известных людей. В их числе – первый директор «Химпрома» Л. Шевницын, народный целитель Н. Остроносова, офтальмолог С. Федоров, первый главный врач новочебоксарской городской больницы Ю. Клейман, первый мэр Новочебоксарска Г. Бабакин, российский тележурналист В. Молчанов, народная артистка РСФСР В. Толкунова и др.

Язык и стиль интервью С. Смирновой выразителен и ярок, понятен и прост, доступен. Она передает информацию четко, емко, строго и продумано. В своих интервью никогда не отходит от главной темы и не говорит о второстепенных вещах.

Автор публикаций умеет заинтриговать читателей своими «говорящими» и «цепляющими» заголовками. Например, интервью под заголовком «Чтобы горел свет в окнах» дает бывший работник ГЭС, а «Там русский дух» – народный умелец. Среди героев публикаций – обычные люди, профессионалы, работники промышленности, транспорта и ЖКХ, которые вносят лепту в развитие республики. Они не занимают высоких постов, но приносят пользу своему городу.

Все интервью индивидуальны, не похожи на предыдущие. К каждому интервью С. Смирнова готовится тщательно. Ведь успех отличной встречи зависит не столько даже от героя интервью, сколько от самого интервьюера. От того, какие вопросы будет задавать журналист, на чем сосредоточится и какие темы затронет. У автора особенное чутье в оформлении текста интервью. Вводная часть, завязка, интрига, кульминация, развязка - все этапы составления текстов освоены и использованы журналистом в своих многочисленных интервью. Она легко может внести в публикацию работу с несуществующими «словечками», которые произносят ее собеседники во время разговора. Эти слова могли быть произнесены неправильно, переделаны или даже придуманы респондентом, но именно в этом журналист видит искренность и верит, что сквозь написанный текст читатель таким образом лучше слышит героя. Это очень важно, и поэтому она жестко отстаивает у редакторов право сохранения этих «словечек» в печатном варианте. В умении преподнести материал так, чтобы он зацепил читателя и заключается великая сила слова, способность раскрыть человека в его ответах таким, какой он есть на самом деле в жизни. Все это интервьюер умела делать превосходно.

Существует три основных принципа, которые лежат в основе разработки сценария интервью: логический, хронологический и интуитивно-импровизационный. Хронологический принцип реализуется, если журналиста интересует, как разворачивалась во времени история, свидетелем и очевидцем которой был его собеседник. На основе этой книги, можно сказать, что этим принципом С. Смирнова руководствуется нечасто, но примеры построения такой стратегии имеются. Например, в публикации под заголовком «Перед глазами ребенок в крошечных сандаликах», она берет интервью у заместителя начальника республиканской поисково-спасательной службы новочебоксарца Александра Логвинца. В интервью подробно и детально рассказывается о ходе поисково-спасательной операции после случившегося затопления теплохода «Булгария» на Волге. В публикации «Горечь полыни – горечь Чернобыля» повествуется о том страшном периоде после произошедшей трагедии на Чернобыльской АЭС. «В августе 2006 вышел Указ Президента России о награждении государственными наградами участников ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной станции. За мужество и самоотверженность ордена Мужества и медали «За спасение погибавших» удостоены 30 новочебоксарцев. Среди награжденных медалью одна женщина – Альбина Павловна Ефимова». Дальше – подробное повествование о ее жизни и деятельности через диалогические вопросы. «Какой героизм? Обычная командировка», – возражает интервьюеру героиня, а в глазах грусть, как будто видели они такое, от чего в сердце поселяются печаль и горечь. Горечь полыни, ведь по-украински «попынь» и есть «чернобыль». Сцена той страшной трагедии проходит перед читателем, который знакомится с этой публикацией.

Логический же принцип, где предметами обсуждения могут являться общественная проблема, конфликт интересов или ситуации, связанные с драмами человеческих взаимоотношений, активно применяется в публицистике С. Смирновой в сочетании с журналистской импровизацией. В центре ее публикаций всегда человек, его характер, душа, психологические особенности и неповторимая индивидуальность; в беседе с ними затрагиваются самые острые, злободневные актуальные проблемы современности. Например, в интервью с Александром и Ларисой Климентьевыми повествуется о проблемах приемной многодетной семьи. Двухкомнатная квартира старой планировки с крошечной кухней стала тесной для семьи из шести человек. Герои интервью узнали из СМИ о том, что приемным семьям в Ульяновской области предоставляют коттеджи, в Орловской – квартиры. Почему бы, рассуждают герои, и в Чувашии не поддерживать таких, чтобы заинтересовать людей в создании приемных семей. Бездетных много, немало и детей в детских домах, интернатах. Может быть, рассуждают герои интервью, стоит предоставлять жилье с правом выкупа, или под небольшие проценты, или хотя бы временно до исполнения приемным детям 18 лет. Интервью проходит в форме спокойной домашней обстановки интервьюера с двумя респондентами, а заголовок «Дочки появились. Еще б сыночка...» сразу притягивает читателя.

Актуальной и интересной, интуитивно-импровизированной получилась публикация «Откуда «серая» личность?». Здесь приводятся факты из 1988 года: «Когда 22 экспертам по сравнительному образованию из США, Японии, Западной Европы предложили оценить качество преподавания в школах ряда стран, то Советский Союз не оказался в хвосте. Не уступал Японии по математике и естественным наукам. Франции – по родному языку, ФРГ – по иностранному и сразу трем странам: ФРГ, США, Англии – по общественным наукам». В вступительной части интервью журналист рассуждает: «Не последние. И не первые. Серединка наполовину. Средний уровень, средние знания и в среднем – средние люди? Без блеска эрудиции? Без высокого полета мысли? Возможно, так категорично ставить вопросы нельзя, но образование в нашей стране, его система, уровень, форма, действительно, отстали от требований времени и нуждаются в перестройке. Об этом шла речь на недавнем пленуме ЦК КПСС, об этом хотелось бы побеседовать с педагогами школ города. Надеюсь, они откликнутся, а пока – разговор, состоявшийся в кабинете директора школы № 2 Нелли Тимофеенко». В данном интервью с директором школы поднимаются острые проблемы образования.

С. Смирнова мастерски перефразирует заголовки к своим интервью. В публикации «И грянул бой, домашний бой...» – интервью с Надеждой Петровой, возглавившей кризисное отделение для женщин г. Новочебоксарска. Вступительная часть начинается с ужасной интригой «Он бил жену каждый день. Бил жестоко, не оставляя следов. Он знал, как это сделать, ведь работал в системе исправительных учреждений. Но однажды не рассчитал силу. Со слезами на лице, напоминавшем один большой синяк, предстала она на пороге кризисного отделения для женщин...». В публикации журналистом раскрывается проблема домашнего насилия по отношению к женщине и причины, обусловленные, прежде всего, социально-экономическими условиями. Это свидетельствует о том, что многие женщины попали в сильную экономическую зависимость от мужчин в семье, они подвергаются избиениям, запугиванию, угрозам, принудительным сексуальным отношениям. Через интервью узнаем о статистических данных, о частоте посещения женщинами учреждения, о портрете жертвы и насильника, даются рекомендации женской части аудитории и наставления мужской.

Журналист С. Смирнова главные вопросы задает в середине или ближе к концу беседы. Интервью старается завершить на положительной ноте, поэтому находит приятные для собеседника вопросы: попросит рассказать о семье, спрашивает, есть ли у интервьюируемого мечта, чем он любит заниматься в свободное время, есть ли любимые домашние животные, ходит ли он в театр или слушает ли классическую музыку, счастлив ли он. Читателю всегда приятно и интересно получить ответы на простые, но человеческие вопросы.

Жанр интервью позволяет раскрыть насущные проблемы общества и человека в целом, искать пути их решения и преодоления. Думается, что примером для будущих студентов-журналистов при подготовке и написания текстов в жанре интервью будет талантливый журналист С. Смирнова.

Литература

1. Авдоница Н.С. Новостная интернет-журналистика: учебное пособие для вузов / Н.С. Авдоница. М.: Юрайт, 2022. С. 40.
2. Баранова Е.А. Теория и практика современного интервью: учебник для вузов / Е.А. Баранова. М.: Юрайт, 2022. С. 37.
3. Хораскина Г.В., Студенцов О.Р., Л. А. Васильева Л.А. и др Литературно-художественные жанры на страницах республиканских газет (подведение итогов Года литературы в Чувашской Республике) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2016. № 3. С. 54–64.
4. Хораскина Г.В., Студенцов О.Р., Васильева Л.А. Жанровые и тематические особенности газеты «Хыпар» // Медиатолерантность – 2019: материалы научно-практической конференции. Казань, 2020. С. 50–58.
5. Шваргина Е.А., Васильева Л.А., Хораскина Г.В. Информационные жанры газеты «Грани» // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов: в 2 ч. Чебоксары, 2020. С. 371–375
6. Хораскина Г.В., Студенцов О.Р., Васильева Л.А. Жанрово-тематическая специфика газеты «Вакуйт» // Ашмаринские чтения: сборник статей XII Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2020. С. 238–240.

7. Васильева Л.А., Хораськина Г.В., Студенцов О.Р. Особенности подачи видеоконтента в газете «Советская Чувашия» // Ашмаринские чтения: сборник статей XII Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2020. С. 223–224.

8. Васильева Л.А., Гаврилов А.Д. К вопросу о гибридизации прессы Чувашии: тенденции и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2019. Т. 19. № 1. С. 120–123.

9. Васильева Л.А., Хораськина Г.В., Студенцов О.Р. Аграрная периодическая печать Чувашии // Ашмаринские чтения: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2019. С. 138–140.

10. Васильева Л.А., Хораськина Г.В., Студенцов О.Р. // Региональные издания Чувашии в условиях медиаконвергенции // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2021. № 1 (110). С. 12–17.

11. Иванова А.М., Фомин Э.В. О полевой структуре старочувашской книги // Вестник Чувашского университета. 2011. № 4. С. 309–312.

ВАСИЛЬЕВА ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

ХОРАСЬКИНА ГАЛИНА ВИТАЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

СТУДЕНЦОВ ОЛЕГ РОСТИСЛАВОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

ЮРКИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА – обучающаяся (бакалавр) Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

О.Р. СТУДЕНЦОВ, Г.В. ХОРАСЬКИНА, Л.А. ВАСИЛЬЕВА

НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗДАНИЯ Н.И. ЗОЛОТНИЦКОГО «СӖЛДАЛЫК КНЕГЕ. 1867 СӖЛДАЛЫК»: ЯНВАРЬ-МАЙ МЕСЯЦЫ (ВЫЯВЛЕНИЕ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА)

Аннотация. В статье методом описания и анализа впервые рассматриваются антропонимы, топонимы, названия преимущественно религиозных праздников, персонажей, памятных дат и других понятий, устаревшие значения слов, а также устойчивые словосочетания из сферы православной религии, использованные в оригинальном тексте чувашского календаря, подготовленного одним из чувашских просветителей Н.И. Золотницким. Выявлено около 130 таких единиц, анализ которых предполагается выполнить в последующем отдельном изыскании. Диалектная основа – верховой диалект чувашского языка. В результате исследования обнаружено также значительное количество устойчивых сочетаний слов преимущественно религиозной сферы, часть из которых можно причислить к собственно религиозным терминам.

Ключевые слова: история чувашского языка, старописьменный период чувашского языка, календарь на 1867 год, лексико-семантическая особенность, устойчивое словосочетание.

Дореволюционную историю чувашского литературного языка в чувашской лингвистике условно можно разделить на два этапа: период старочувашской письменности (1769–1877 гг.) и новой чувашской письменности (1871–1917 гг.). Активное изучение данных периодов осталось в прошлом. Тем не менее, мы должны коротко упомянуть важнейшие работы, касающиеся данных этапов. Научное наследие профессоров Н.П. Петрова и Л.П. Сергеева включает в себя в основном новописьменный период и старописьменный соответственно (около 50 трудов в формате статей, учебных пособий и монографий в совокупности). Значителен также и вклад

исследователей Э.В. Фомина [20–23] и А.М. Ивановой (в соавторстве с Э.В. Фоминым) [1]. С начала века проведены следующие исследования в различных аспектах: о лексике религиозной сферы в 17-томном тезаурусе Н.И. Ашмарина [2], о библеизмах в чувашском языке [3], о заимствованиях лексики в переводах чувашского просветителя И.Я. Яковлева в диахронии [4], о именах существительных, образованных с помощью аффикса *çă* (-çё) в православных текстах [5], о лексических инновациях в религиозных текстах в переводе И.Я. Яковлева и его школы [6; 7; 9], о языковых особенностях и статистике переводов просветителя И. Я. Яковлев [8; 10; 17; 18; 19], о переводческой деятельности И.Я. Яковлева [11], о периодизации чувашского литературного языка [12], о лексике религиозной сферы в Кратком чувашско-русском словаре Н.В. Никольский 1919 года [13], о роли вариативности, синонимии и дублетности в развитии чувашского литературного языка [14], о именах действиях, образованных аффиксами -у (-ў) на рубеже XIX–XX веков [15], о яковлевских переводах на чувашский язык православной литературы в историческом и лингвистическом аспектах [16].

В то же время вне поля зрения лингвистов осталось много неисследованных текстов и аспектов. Надеемся ввести в научный оборот нижеследующие факты, которые помогли бы прояснить их роль в становлении чувашского литературного языка. Заметим, что приведенные нами факты требуют дальнейшего анализа и осмысления в виде продолжения данного труда. В связи с этим примеры даны без комментариев и в небольшом фрагментарном контексте в целях лучшего понимания. Орфография и пунктуация сохранены.

1. Заимствования из русского и через русский язык.

1.1. Антропонимы. Личные имена.

Св. асла Василій; Св асла Иоанн Христоса шива кирдегэнь; Св. асла Филипп митрополит Москвавры; Св. асла Θεодосій; Св. Татьяна; Св. асла Антоній; Св. Афанасій; Св. Максим; Св. асла Евѳимій; Тимоѳей Апостол; Св. Ксенія; Св Григорій Тора сумага вирендгэнь; Св Иоанн Златоуст; Св. Григорій; Иоанн перле праздник Исаія-Пророк; Симеон; Падша-кон – Хальги Падша Александр Николаевич; Св Симеон; Св. Анна; Св. Θεодор Стратилат; Св. Харлампій йивыр хорлыг корзa вильны; Св. Алексій митрополит Кіевры; Онисим Апостол; Св. Θεодор Тирон; Архип Апостол; Христоса чергэ изе-быны кон; Св. Харлампій йивыр хорлыг корзa вильны; Св. Алексій митрополит Кіевры; Св. Иоанн шива кирдэгэнин первейги тэбри да хут пось тобны кон; Христос; Христос Амыж Хирь Марія; Иосиф-святой кон; Св. Иосиф; Св. Варсонофій Хозанда черг-рэ вырдаган; Св. Георгій хоиг-ран сюлакан; Св. Александра падша-майры; Марк Апостол Евангель сиракан; Св. Стефан Пермьры; Иаков Апостол; Св. Герасим; Св. Алексій Торын-син; Св. Дарья; Архангел Гавріил Тор-Амыжн ыра сумаг тынландарза калаган; Лазарь ятлы; Христос св. Лазаря вильны-рэнь чирдны кон; Святой-зэм Кирилл Меѳодій; Св. Кирилл Меѳодій; Св. Θεодосій Кіевры; Св. Николай кистен-бэ орых хола-ран изе кильны; Симон Зилот Апостол; Св. Константин Падша.

1.2. Топонимы.

Св. асла Филипп митрополит Москвавры; Св. Алексій митрополит Кіевры; Христос Иерусалимэ вильг-синэ утланза быны; Иерусалимэ...пынй чох; Св. Марія Египетры; Св. Варсонофій Хозанда черг-рэ вырдаган [Хорлыг эрнэ];

Св. Стефан Пермьры; Св. Θεодосій Кіевры; Тор-Амыж тюсьне Владимір хола-ран изэ-быны.

1.3. Названия религиозных праздников, персонажей, памятных дат и других понятий, включая образованные калькированием.

Ангел; Праздник-зэм; Мун-кон (Пасха); Христос сяндалык-синя хобарны-кон Мун-кондан 40 кон ирдэнь; Тора шива кины кон; Христосын ўтьне касны кон; Чергэ (чиркёве); Савынжын сяга праздник вырысла Сретенье (хирсь болны) дезэ калассе; Падша-кон – Хальги Падша Александр Николаевич; Христоса чергэ изе-быны кон; Сюварни эрне; Илик малдан озал-туны-зэне перь перьне казартарзасын мун-ураза тыдны чохнэ суваб боладь; Апостол ураза вурумрах кюскерех да болассе; Тора сывлыж анны-кон; Онжин сяга праздник вырысла

Богоявление (Тора корнадьче) дезэ калассе; Христоса чергэ изе-быны кон; Св. Иоанн шива кир-дэгэнин первойги тэбри да хут пось тобны кон; Сыварни Мун уразы; Христос Амыж Хирь Марія; Христосын крестне посьсабассе; Ангел-дан илдны сумаг; Онжин сява праздник вырысла Благовещеніе (ыра сумаг каланы кон) дезэ калассе; Иосиф-святой кон; Норус-оих. (МАРТЬ); Св. Евдокія (Мун уразан первойги эрне); Св. Алексій Торын-син; Архангел Гавриил Тор-Амыжн ыра сумаг тынландарза калаган; Чуваис-зэм «Кычка праздник» дезэ калассе; Тамык-хорань-чэ боладьчесь; Тамык-хоранн каймасдь; Св. Марія Египетры; Христос св. Лазаря вильны-рэнъ чирдны кон; «Воскресенье»-кон вильзэнь сява кон чирльны («воскрес»), сывынжин она чувашла «вырыс эрни-кон» дезэ калас мар, он тюре ят боладь «Христос-чирльны-кон»; Мун-кон эрни; Св. Георгій хоиг-ран сюлакан; Марк Апостол Евангель сиракан; «Сюльчи праздник» боладь...вырысла Преполовенье (сөра больче) дезэ калассе; Иоанн Богослов Апостол Евангель сираган; Симон Зилот Апостол; Тор-Амыж тюсьне Владимир хола-ран изе-быны; Христос сяндалык-синэ хобарны кон; Хот-синэ угермэлли Азбуки сумагзэне...

2. Диалектологическая основа текста.

мизе сагат; шот сирны-зэм конзэн шоче (число) кутардассе; Мун-кон (Пасха); кусол Пожа-оигын вон-олты кон шот-ра боладь; окся ьачесь, оксине илмэре; Кострома холинчэ чан сяннинэ; Сьюарни эрне тунды-кон кагай симэ каламасдь; Христос Шойтана синдерче; Иерусалимэ...пынй чох...

3. Устойчивые словосочетания.

Тибе-тиргемэлли кон; Тора сывлыж анны-кон; Ёмюрги ыра борнызь; Торра Сывлыжне; ...синзэм ильдресь Тора Асл-Адиин сумагне; Сяга кон черк-рэ Тора-шива тувассе; Раждав-ран малалла вон-перь кон тибе-тиргемэссе; Тора шива кины кон; Христосын ытьне касны кон; «Мун-сьюарни»-рэнъ малдан... йон-кон эрне-кон тибе-тиргемессе; Хирих святой-зэм хорлыг корза вильны-зэм; Архангел Гавриил Тор-Амыжн ыра сумаг тынландарза калаган; Хорлыгра эрнерэ; Тамык-хорань-чэ боладьчесь; Тамык-хоранне каймасдь; Св. Варсонофій Хозанда чергрэ вырдаган [Хорлыг эрнэ]; Мун-кон эрни; Тибе тиргезэ; Иоанн Богослов Апостол Евангель сираган...

4. Дублетность и вариативность лексики. Внутрискобочная подача поясняющих примеров.

Сёлдалык-ра 366 кон боладь (сява сёлдалык высокос ятлы); шот сирны-зэм конзэн шоче (число) кутардассе; Праздник-зэм (Мун-кон-зыр посне); Мун-кон (Пасха); Порь сява тюре билъмэшкын, хот виренни халыгын сёлленэх кнеге, Календарь ятлы, ку кнеге бегэх, сирны боладь; Онжин сяга праздник вырысла Богоявление (Тора корнадьче) дезэ калассе; Чергэ Савынжын сяга праздник вырысла Сретенье (хирсь болны) дезэ калассе; Падша-кон – Хальги Падша Александр Николаевич; Онжин сява праздник вырысла Благовещеніе (ыра сумаг каланы кон) дезэ калассе; Норус-оих. (МАРТЬ); Св. Евдокія (Мун уразан первойги эрне); «Воскресенье»-кон вильзэнь сява кон чирльны («воскрес»), сывынжин она чувашла «вырыс эрни-кон» дезэ калас мар, он тюре ят боладь «Христос-чирльны-кон»; «Сюльчи праздник» боладь... вырысла Преполовенье (сөра больче) дезэ калассе; Ага-оих (май)...

5. Устаревшие значения слов.

Ку ке-негерэ олта **йирги** бор: первойги-синьчэ, шот сирны-зэм конзэн шоче (число) кутардассе. сяндалыг-синчи Торра мохтаза.

Тора каларе Падша-жин посьсябма **ёмбюньчэ** сирь синчэ ыра болма.

Тор-Амыж **тюсьне** Владимир хола-ран изе-быны.

Христос **сяндалык-синэ** хобарны кон.

Литература

1. Иванова А.М., Фомин Э.В. О полевой структуре старочувашской книги // Вестник Чувашского университета. 2011. № 4. С. 309–312.
2. Студенцов О.Р. «Все слова выписаны в словарь...» Н.И. Ашмарин // Ашмаринские чтения: сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. 2014. С. 113–117.
3. Студенцов О.Р. Библизмы в чувашской речи // Актуальные проблемы филологии: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти академика Матвея Михайловича Михайлова. Чебоксары, 2005. С. 172–176.

4. Студенцов О.Р. Заимствования в переводах чувашского просветителя И.Я. Яковлева в диахронии // Вестник Чувашского университета. 2011. № 2. С. 335–338.
5. Студенцов О.Р. Имена существительные, образованные аффиксом -çă (-çĕ), в чувашских православных текстах конца XIX – начала XX в. // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева. 2013. № 1-2 (77). С. 164–167.
6. Студенцов О.Р. Инновации в лексике церковно-богослужебной литературы на чувашском языке в переводах И.Я. Яковлева и его школы (1871–1917 гг.): дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2007.
7. Студенцов О.Р. Инновации в лексике церковно-богослужебной литературы на чувашском языке в переводах И.Я. Яковлева и его школы (1871–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2007.
8. Студенцов О.Р. Количественная характеристика православных изданий чувашского просветителя И.Я. Яковлева // Ашмаринские чтения: сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. 2014. С. 106–110.
9. Студенцов О.Р. Новое в лексике чувашской православной литературы (1871–1917): учеб. пособие. Чебоксары, 2011.
10. Студенцов О.Р. Новые данные о статистике изданий чувашского просветителя И.Я. Яковлева // Третьи Флоровские чтения: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию удмуртского поэта Флора Ивановича Васильева. 2009. С. 116–118.
11. Студенцов О.Р. Переводческая деятельность И. Я. Яковлева // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: сб. ст. XI Междунар. симпозиума. Чебоксары, 2018. С. 294–297.
12. Студенцов О.Р. Периодизация чувашского литературного языка: история и современность // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 262–265.
13. Студенцов О.Р. Православная религиозная лексика в «Кратком чувашско-русском словаре» Н.В. Никольского 1919 г. (выявление фактического материала) // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. С. 266–268.
14. Студенцов О.Р. Роль вариативности, синонимии и дублетности в становлении лексических норм чувашского литературного языка (по переводам просветителя И.Я. Яковлева) // Вестник Чувашского университета. 2006. № 4. С. 460–466.
15. Студенцов О.Р. Чувашские имена действия, образованные с помощью аффикса -у (-ÿ) на рубеже XIX – XX веков // Вестник Чувашского университета. 2013. № 2. С. 193–197.
16. Студенцов О.Р., Васильева Л.А., Хораськина Г.В. Лексико-семантические особенности перевода с русского на чувашский язык текста «Жития преподобной Марии Египетской» от 1905 г. // Язык и слово: сборник научных трудов. Чебоксары, 2021. С. 79–82.
17. Студенцов О.Р. Основные направления формирования и развития лексического состава чувашского языка в яковлевский период (1871–1917) // Чувашский гуманитарный вестник. 2021. № 16. С. 134–151.
16. Студенцов О.Р., Павлов В.П., Хораськина Г.В., Васильева Л.А. Переводы на старописьменный чувашский язык православных книг: историко-лингвистический экскурс // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева. 2015. № 2 (86). С. 114–120.
17. Студенцов О.Р., Переводы И.Я. Яковлева как источник религиозно-духовного просвещения чувашского народа // Семья в России. 2006. № 1. С. 102.
18. Студенцов О.Р., Хораськина Г.В., Васильева Л.А. Новые значения слов в чувашских переводах Библии: постановка проблемы // Ашмаринские чтения : сб. тр. X Междунар. науч.-практ. конф. 2016. С. 181–184.
19. Студенцов О.Р. Неологизмы в чувашском языке конца XIX – начала XX в.: типы и критерии их определения // Вестник Чувашского университета. 2013. № 1. С. 171–174.
20. Фомин Э.В. Становление научного стиля чувашского литературного языка: дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2000. 159 с.
21. Фомин Э.В. Роль церковно-богослужебной литературы в становлении функциональных стилей чувашского языка // И.Я. Яковлев и духовный мир современного многонационального общества: тезисы докл. Междунар. науч. конф. Чебоксары, 1998. С. 180–182.
22. Фомин Э.В. Чувашская книга XVIII – начала XX вв. Чебоксары: Пегас, 2013. 140 с.
23. Фомин Э.В. Чувашское книгоиздание старописьменного периода: характеристика книжного потока // Вестник Чувашского государственного института культуры и искусств № 6. 2012. С. 193–195.

СТУДЕНЦОВ ОЛЕГ РОСТИСЛАВОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

ХОРАСЬКИНА ГАЛИНА ВИТАЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

ВАСИЛЬЕВА ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

«ЧӐВАШ ЕН НАЦИ РАДИОВӐ»: АЧА-ПӐЧА ПЕРЕДАЧИ СЕМ

ДЕТСКИЕ ПЕРЕДАЧИ НА НАЦИОНАЛЬНОМ РАДИО ЧУВАШИИ

Аннотация. В статье рассматриваются детские передачи на Национальном радио Чувашии. Проводится анализ радиопередач с точки зрения тематической и жанровой специфики.

Ключевые слова: «Национальное радио Чувашии», детские радиопередачи, интервью, репортаж.

Пирӑн республикӑра радиоэфира тухакан ача-пӑча передачисене тишкернӑ ёссем ҫукпа пӑрех. Шел пулин те, ача-пӑча тата ҫамрӑксем валли хатӑрленӑ радиопередачӑсен шучӑ чаксах пырать. Радио ҫитӑнекен ӑрура паха енсене аталантарас ёҫре пысӑк вырӑн йышӑнса тӑрать. Юлашки вӑхӑтра Чӑваш патшалӑх университетчӑн журналистика кафедрин вӑрентекенӑсем пирӑн тӑрӑхра эфира тухакан радиопа телевидени передачисене тӑпчесе чылай статья пичетлерӑҫ [1], [2], [3], [4], [5].

«Чӑваш Ен Наци радиовӑ» 2009-мӑш ҫулхи ака уйӑхӑн 25-мӑшӑнче эфира тухнӑ. Вӑл виҫӑ тапхӑрта йӑркеленнӑ. Пӑрремӑш тапхӑр – 2009-мӑш ҫулхи ака-ҫу уйӑхӑсем – эфира ҫӑнӑ хыпарсем, юрӑ-кӑвӑ программисем тата ача-пӑча передачисем тухнӑ; иккӑмӑш тапхӑр – 2009-мӑш ҫулхи авӑн уйӑхӑн 1-мӑшӑ – ачасем тата ҫамрӑксем валли хыпарсем тата литературӑпа драма программисем; виҫӑмӑш тапхӑрӑ 2010-мӑш ҫулхи кӑрлач уйӑхӑн 1-мӑшӑ. Ҫак кунтан пуҫласа «Чӑваш Ен Наци радиовӑ» радиоэфирта туллин янӑртӑ. Чӑваш Ен Наци радиовне Республикара 105.0 FM, 72.41 УКВ хумсем ҫинче тата www.ntrk21.ru сайтра итлеме пулать.

Чӑваш Наци радиовӑн передачисем 60% чӑвашла, 35% вырӑсла, 5% Чӑваш Республикинче пурӑнакан ытти халӑхсен чӑлхипе тухаҫҫӑ. Вӑсенчен 30% информаципе аналитика, 30% – вӑрентӑ, 20% – литературӑпа драма тата юрӑ-кӑвӑ передачисем.

Чӑваш Ен Наци радиовӑ эфирӑнче ачасем юратса итлекен передачӑсенчен пӑри – «**Ачалӑх урхамахӑ**». Ӑна ертсе пыраканӑ Наци радиовӑн аслӑ редакторӑ Алина Герасимова. Радиопрограмма эфира 2013-мӑш ҫултанпа тухать. Каласу пурнӑҫри чи хаваслӑ та шухӑшсӑр вӑхӑт – ачалӑх ҫинчен пырать. Кашни кӑларӑмра ачасем кӑсӑклӑ ыйтусем ҫине хуравсем шыраҫҫӑ: спорт, вӑрентӑ, пушӑ вӑхӑт... Передачӑна ертсе пыма чӑваш чӑлхине пӑлекен школ ачисем пулӑшаҫҫӑ. Час-часах «Ачалӑх урхамахӑ» ялти школсене ҫитсе курма тӑрӑшать, школ ачисене каласӑтарать, вӑсем валли тӑрлӑ конкурссем йӑркелет, ҫамрӑк корреспондентсене шырать. Журналистсем репортаж, интервью, каласу, дискусси жанрӑсемпе ӑнӑҫлӑ уса кураҫҫӑ, ытларах ачасене каласӑтарма тӑрӑшаҫҫӑ.

«**Мӑншӑнкке**» радиопрограмма авторӑ те Алина Герасимова. Ҫак передачӑна школа каяс умӑнхи ачасем тата пуҫламӑш классенче вӑрентекенсем валли пуҫарса янӑ. Радиопрограмма ачасем тӑрлӑрен ыйтусем ҫӑтсе яваҫҫӑ: пӑчӑк ачасене телефон кирлӑ-и, ӑна школа илсе ҫӑреме юрать-и? Алина Герасимова тата тепӑр ача-пӑча кӑларӑмӑн авторӑпе ертӑҫи: «**Сарӑ кайӑк**». Ҫапла ят радиопрограмма ахальтен паман. Кӑларӑмсен тӑп тӑллевӑ – ҫамрӑк та пултаруллӑ юрӑҫсене тупасси. Кашни кӑларӑмра – ҫӑнӑ ҫын, ҫӑнӑ юрӑ. Радиоэфирта юрӑ янрать, ун хыҫҫӑн юрӑ авторӑ ҫичӑ ыйту ҫине хуравлать. Передача интервью форматӑнче ирет. Ҫак передачӑна ачасем питӑ кӑмӑллаҫҫӑ: редакцине шӑнкӑравлаҫҫӑ, ҫыраҫҫӑ...

«**Уйӑхпи юмахӑсем**» радиопередача ачасене чӑваш халӑх юмахӑсемпе паллаштарать. Юмахсем янранӑ вӑхӑтра журналистсем музыкапа тата тӑрлӑ шавсемпе уса кураҫҫӑ. Ҫакӑ радио итлекенсене юмахсене лайӑхрах ӑнланма пулӑшать. Передачӑна ертсе пыма ачасем те, юмахри сӑнарсем те хутшӑнаҫҫӑ. Программа диалог формачӑпе йӑркеленнӑ. Ертсе пыракансем ачасемшӑн кӑсӑклӑ та пӑлтерӑшлӑ пулӑмсене ҫӑтсе яваҫҫӑ. Унсӑр пуҫне, передача тӑрлӑ

викторинаһемпе, конкурссемпе пуян. Ачасем редакцине хайсен ўкерчѣкѣсене, саввисене, юмахѣсемпе калавѣсене яrsa парасѣ. «Уйӑхпи юмахѣсем» евѣр передачӑсем ачасене аслисене хисеплеме, юлташсене пулӑшма, сѣршыва юратма вѣрентесѣ.

«**Радиоазбука**» ача-пӑча кӑларӑмѣн тѣп тѣллевѣ – ачасене чӑваш алфавичѣпе паллашта-расси. Ертсе пыраканѣсем – Галина Никитина, Денис Александров. Кашни кӑларӑмра – сѣнѣ сас палли. Эфирта ачасене сӑк сас паллипе пусланакан сӑмахсемпе паллаштарасѣ, янӑравлӑ сӑвӑсем вуласѣ.

Наци радиовѣн передачисем тӑван чѣлхене, чӑваш халӑхѣн йӑли-йѣркине упрама вѣрентесѣ. Журналистсем ытларах репортаж, интервью, калашу жанрѣсемпе уса курасѣ: ыт-ларах ачасене каластарма таташасѣ.

Литература

1. Студенцов О.Р., Хораськина Г.В., Васильева Л.А. Контент-анализ онлайн версий информационных программ на чувашском языке государственной телерадиокомпании «Чувашия» (обзор) // Медиасреда. 2018. № 13. С. 212–216.

2. Студенцов О.Р., Васильева Л.А., Хораськина Г.В., Кириллова О.В. Контент-анализ вещания ГТРК «Чувашия» // Ашмаринские чтения: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. 2019. С. 147–150.

3. Студенцов О.Р., Хораськина Г.В., Васильева Л.А., Емельянова К.И. Телеканал «ЮТВ» как один из информационных источников Чувашской Республики // Ашмаринские чтения: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. 2019. С. 150–153.

4. Хораськина Г.В., Студенцов О.Р., Васильева Л.А., Савирова М.П. Детские радиопередачи «Радио Чувашии» советского и современного периодов в сравнительном аспекте // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2020. № 1(106). С. 17–24.

5. Хораськина Г.В., Студенцов О.Р., Васильева Л.А. Детско-юношеские радиопередачи Национальной телерадиокомпании Чувашии в системе воспитания школьников // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2021. № 3 (112). С. 201–207.

ХОРАСЬКИНА ГАЛИНА ВИТАЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Г.В. ХОРАСЬКИНА, О.Р. СТУДЕНЦОВ, Л.А. ВАСИЛЬЕВА

«ЧУВАШИЯ: ТЕРРИТОРИЯ ИННОВАЦИЙ» – НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аннотация. В статье исследуются тенденции развития печати Чувашии на примере научно-популярного журнала Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова «Чувашия: территория инноваций». Рассматривается вопрос о специфике издания, анализируется типологическое и жанрово-тематическое наполнение журнала.

Ключевые слова: Чувашия, региональные периодические издания, глянецовый журнал, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова.

Современный региональный рынок глянецовых изданий в основном представлен журналами рекламно-информационного и информационно-развлекательного форматов. Наличие научно-популярного журнала – большая редкость для регионального медиапространства.

За последние несколько лет исследованиям проблем и специфики региональных печатных СМИ в типологическом и жанрово-тематическом аспектах посвящены ряд научных статей сотрудников кафедры журналистики Чувашского государственного университета [1], [2], [3], [4], [5], [6].

«Чувашия: территория инноваций» – научно-популярный журнал Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова. Это совместный проект газеты «Советская Чувашия» и ЧГУ им. И.Н. Ульянова.

Целевая аудитория – абитуриенты, студенты, преподаватели и читатели, которым интересна наука и ее развитие в нашей республике. Первый выпуск журнала увидел свет в июне 2018 года.

Каждый номер журнала начинается с обращения ректора Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова Андрея Юрьевича Александрова. Это не просто напутствие читателю, а хороший повод для размышления: актуальная информация, полезные факты и статистика.

Журнал рассказывает об основных направлениях научной деятельности университета, о новых проектах и достижениях молодых ученых, освещает все сферы студенческой жизни.

Каждый выпуск номера посвящен определенной теме: электротехническому кластеру, новому виду резины для нефтегазовых установок, участию в Международной конференции, семинарам, проводимым в Чувашском госуниверситете.

Журнал отличается богатой рубрикой:

«Новости»

В данной рубрике представлена подборка новостей, связанных с научными достижениями студентов за последнее время: победы в универсиадах и конкурсах, ход ремонтных и строительных работ.

«Тема номера»

Темы номеров разнообразны. Например, третий номер журнала посвящен разработке новых автоматических выключателей для российских кораблей. В четвертом номере – рассказ о подготовке в университете современных инженеров.

«Наука»

Рассказывается обо всем: от коммуникации пчел до нового способа очищения воды от нефти.

«Образование», «Кадры»

О достижениях в сфере образования: новые методики преподавания, внедрение современных информационных технологий в образовательный процесс.

«Профориентация»

Информация о работе центра профориентационной работы при университете. Центр функционирует с октября 2014 года. Целью данного центра является работа со школьниками и абитуриентами.

«Культура», «Спорт»

В Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова активно развивается не только наука и образование, но и культурно-спортивная сфера: женская баскетбольная команда «ЧГУ-Атланта», сборная команда университета по чирлидингу, хоккейный клуб «Мамонты ЧГУ», межвузовский студенческий театр «Абрикосовый сад»...

Заголовки журнала «Чувашия: территория инноваций» яркие и привлекающие внимание: «Что делали ученые стройфака, когда забивал Дзюба?», «Язву желудка может вызвать солнечное сплетение», «Провокация наслаждения», «Награды – молодым» и пр.

В журнале представлены многие жанры как информационной, так и аналитической журналистики. Самым распространенным являются информационные корреспонденции,

Рисунок 1 – Научно-популярный журнал «Чувашия: территория инноваций»

аналитические статьи и интервью. Аналитический материал «Наука, востребованная рынком» (выпуск № 6) посвящен анализу совместной работы АО «Завод «Чувашкабель» и ЧувГУ в области создания электродома для солнечных модулей ГК «Хевел».

Жанр интервью представлен в большинстве рубрик – от «Науки» до «Спорта». Героями интервью становятся известные люди в сфере науки, образования, культуры и спорта: Елена Брызгалина (заведующая кафедрой философии образования философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова), Константин Липин (кандидат химических наук, доцент кафедры химической технологии и защиты окружающей среды ЧГУ), Антон Первушин (писатель-фантаст, журналист и лауреат литературных премий), Анна Загорзаева (директор дворца культуры ЧГУ), а также студенты, которые добились успеха в разных областях науки и культуры.

Многие публикации сопровождаются инфографикой: фотографиями, таблицами, графическими изображениями. Журнал использует новый способ подачи информации, QR коды, благодаря которым можно посмотреть видео, перейти на сайт и получить более полную информацию.

С научно-популярным журналом «Чувашия: территория инноваций» можно ознакомиться на сайте Чувашского государственного университета (<https://www.chuvsu.ru/universitet/zhurnal-chuvashiya-territoriya-innovaczij/>).

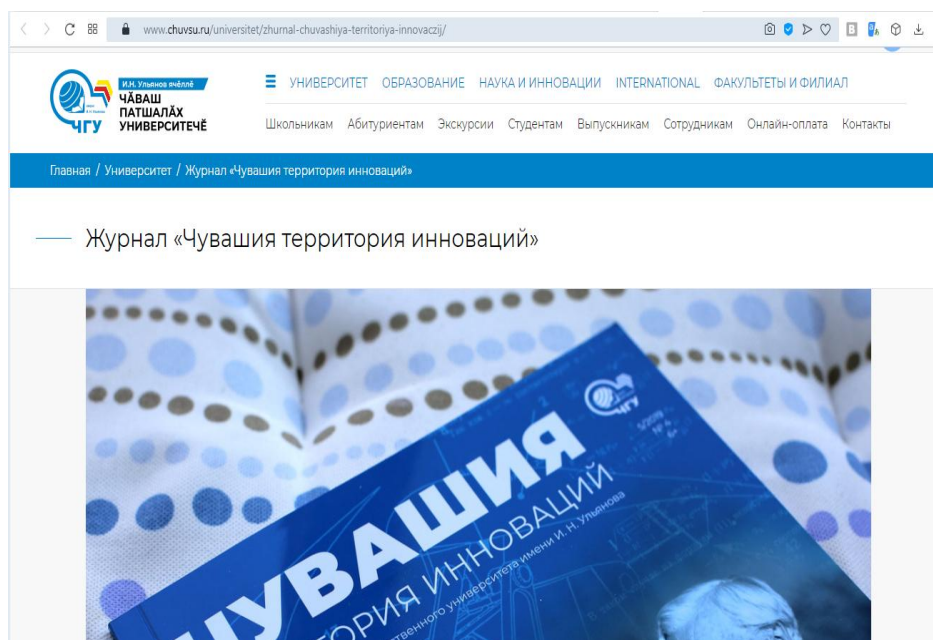

Рисунок 2 – Научно-популярный журнал «Чувашия: территория инноваций» на сайте Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова

Научно-популярный журнал «Чувашия: территория инноваций» – это новый формат научной журналистики для молодежи.

Интересная и доступная подача научной информации, активное взаимодействие с аудиторией делает журнал эксклюзивным продуктом на региональном рынке СМИ.

Литература

1. Хораськина Г.В., Студенцов О.Р. Жанровое своеобразие аналитических публикаций на страницах газеты «Алатырские весты» // Ашмаринские чтения: сб. тр. X Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2016. С. 181–184.
2. Хораськина Г.В., Студенцов О.Р., Васильева Л.А., Сильева О.И., Гаврилов А.Д. Литературно-художественные жанры на страницах республиканских газет (подведение итогов года литературы в Чувашской Республике) // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2016. № 2. С. 54–62.

3. Студенцов О.Р., Хораськина Г.В., Державина Е.С. Репортаж на страницах газеты «Советская Чувашия» // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов: в 2 ч. Чебоксары, 2019. С. 169–173.
4. Студенцов О.Р., Хораськина Г.В., Васильева Л.А., Шваргина Е.А. Жанровые и тематические особенности газеты «Хыпар» // Медиатолерантность – 2019: материалы науч.-практ. конф. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. С. 50–57.
5. Студенцов О.Р., Хораськина Г.В., Васильева Л.А., Емельянова Л.С. Печатные издания Буинского района Республики Татарстан: газета «Байрак» (Знамя, Ялав) // Язык и слово. Чебоксары, 2021. С. 136–139.
6. Студенцов О.Р., Хораськина Г.В., Васильева Л.А. Региональные издания Чувашии в условиях медиаконвергенции // Вестник Чувашиянского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. Чебоксары: Изд-во Чуваш. пед. ун-та, 2021. № 1 (110). С. 12–16.

ХОРАСЬКИНА ГАЛИНА ВИТАЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашиянского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

СТУДЕНЦОВ ОЛЕГ РОСТИСЛАВОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент Чувашиянского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

ВАСИЛЬЕВА ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашиянского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Г.Ф. ЛУТФУЛЛИНА

БЕСЕДА В ПРИЕМНОЙ КОМИССИИ ВУЗА КАК ВИД СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению языкового взаимодействия в приемной комиссии, при котором возникают проблемы: выбор языка, негласное согласование выбора, продолжение диалога. В результате эмпирического наблюдения отмечается выбор русского языка в качестве основного языка взаимодействия, выбираемого подавляющим большинством в результате молчаливых переговоров. Практическая рекомендация заключается во внутренней организации работы учреждений, предполагающей сотрудника, инициирующего коммуникацию на татарском языке при необходимости.

Ключевые слова: языковое взаимодействие, беседа в приемной комиссии, выбор языка, социолингвистический контекст.

Социолингвистика как дисциплина, изучающая взаимосвязь между социальной динамикой и лингвистической динамикой, занимает особое место для изучения беспрецедентных ситуаций языкового контакта. Социолингвистические исследования помогают выявить ряд особенно благоприятных контекстов для анализа связей между социально-экономическими трансформациями и трансформациями языковых практик. В рамках данной статьи мы рассматриваем языковой контакт между приемной комиссией, с одной стороны, и иногородними абитуриентами, с другой стороны, как пример социолингвистического контекста.

Основные характеристики самой речевой ситуации включают в себя пять особенностей, которые необходимо учитывать, чтобы описать и интерпретировать языковое поведение, наблюдаемое в этом контексте.

1. В приемной комиссии мы наблюдаем «мимолетные взаимодействия» [1, с. 256], поскольку собеседники не знают друг друга. Участников этих взаимодействий не разделяют никакие «интерактивные истории», говорящие не имеют подсказок, на которых можно основывать свое языковое поведение.

2. «Скорострельный» характер: взаимодействия короткие и следуют одно за другим через короткие промежутки времени. Большое количество абитуриентов (до 50 человек) должно быть проинформировано приемной комиссией на восьми информационных столах. Существует почти постоянная очередь, и как только абитуриент проинформирован и покидает стол, другой абитуриент готов немедленно занять его место. Нередко можно наблюдать членов приемной комиссии, которые говорят почти без умолку. Конечно, не каждый абитуриент представляет собой новую языковую «проблему», и консультантам не нужно активировать адаптивные навыки.

3. Неоднородность предполагает наличие абитуриентов, для которых татарский язык был родным и основным языком обучения в школе. В период наблюдения за работой приемной комиссии было зарегистрировано посещение абитуриентов из более чем 10 районов Республики Татарстан. В данном случае мы должны учесть наличие татарского языка как первого и русского языка как второго, а также наличие диалектов или разновидностей.

4. Однозначность социолингвистического контекста согласуется с тем, что в социолингвистически «стабильных» ситуациях существует немаркированный язык, который является лингвистическим выбором по умолчанию. Общение в приемной комиссии служит хорошим

примером. С одной стороны, это российское учреждение, где русский язык будет немаркированным языковым выбором в этом языковом пространстве. Однако задача приемной комиссии заключается в том, чтобы завоевать доверие иногородних абитуриентов, проживающих в тех районах, где коммуникация основана на татарском языке. Приемная комиссия представляет собой первое звено адаптации к новой среде общения, в этом случае немаркированный лингвистический выбор русского языка может допускать возможность перехода на татарский язык. Эта динамика может быть отражена в лингвистическом ландшафте через документацию на татарском и русском языках.

5. Профессиональные (и образовательные) обязательства. Как участники служебного взаимодействия консультанты несут профессиональную ответственность за предоставление информации абитуриентам. Они должны быстро адаптироваться к каждому абитуриенту, чтобы иметь возможность информировать большое количество для достижение целей образования. Эти профессиональные императивы создают как обязательства по обеспечению успеха каждого взаимодействия, так временные ограничения.

Беседа в приемной комиссии как вид социолингвистического контекста потенциально открывает возможность использовать татарский язык, как отличный от того, который составляет норму – русского языка. Татарский язык, даже если он не является языком большинства, является языковым ресурсом.

Выбор основного языка: Отсутствие истории взаимодействия означает, что говорящие не знают языковых предпочтений своих собеседников. Однако взаимодействие не начинается с согласования выбора основного языка обмена, то есть с так называемых «избирательных переговоров». После обмена приветствиями на русском языке, абитуриент продолжает говорить на нем, не спрашивая, говорит ли сотрудник по-татарски. Необходимость запроса у сотрудника информации об использовании языкового ресурса – русского языка – отсутствует. Негласное соглашение об использовании русского языка не требует ратификации и подтверждения абитуриентом, который формулирует свой запрос информации на русском языке, что приводит к использованию этого ресурса для остальной части взаимодействия. Обычно взаимодействие начинается с русского приветствия. Абитуриент отвечает на русском языке похожим приветствием. Функция этого первого раунда состоит не только в том, чтобы ответить на приветствие, но и в том, чтобы предложить основной язык взаимодействия и, таким образом, не отказаться от кода, выбранного консультантом. Абитуриент неявно ратифицирует это предложение в следующем раунде, отвечая приветствием на русском языке и, таким образом, устанавливая «базовый» язык для взаимодействия. Обсуждение никогда не является частью тематизации в дискурсе, а осуществляется молчаливым образом.

Несмотря на потенциальное двуязычие абитуриентов и несмотря на наличие двух языков в лингвистическом ландшафте, языковой выбор носителей схематичен. Мари-Луиза Моро [2, с. 98] называет этот тип схематичного поведения «объективной нормой», то есть «языковыми привычками, разделяемыми членами сообщества или его подгруппы». Выбор русского языка посредством молчаливых переговоров представляет собой такой объективный стандарт, наблюдаемый эмпирически.

Мы наблюдаем нормализацию русского языка в контексте работы приемной комиссии благодаря тому, что его выбор никогда не отмечается во взаимодействиях. Если есть по крайней мере одно взаимодействие, в котором отвергается русский язык одним из говорящих, то оно отмечается уже как неуместное или «ненормальное». Это происходит, когда неуверенно говорящий по-русски родитель или старший родственник пытается инициировать переговоры с консультантом, используя татарский язык.

Консультант отклоняет это предложение, говоря, что она не говорит по-татарски. Это заявление представляет собой явный отказ от предложенного ресурса, что понятно, учитывая, что консультант не говорит по-татарски. Однако, помимо простого отказа, высказывание отмечает предложение татароговорящего как неожиданное поведение в данном контексте. Однако консультант меняет код и, таким образом, отказываясь от татарского языка, предлагает русский язык в качестве ресурса. Родитель абитуриента ратифицирует это предложение, не тематизируя его в следующем раунде, переформулирует свой запрос на русском языке.

Татарский язык предстает как неожиданный, русский язык выступает приемлемым или нормальным ресурсом. Ключевым элементом является не отказ от татарского языка как такового, а предложение русского языка для преодоления языковых трудностей.

Следующий пример, когда абитуриенты слышали, как другой консультант говорит по-татарски за другим столом, и поэтому решили тоже говорить на татарском. Несмотря на то, что некоторые консультанты говорят по-татарски, они явно предпочитают общаться на русском. Например, мы несколько раз наблюдали, как говорящий на татарском языке консультант общался на русском языке с татароговорящими абитуриентами. Рассматриваемый консультант никогда не пытался инициировать изменение языка на татарский язык. Несмотря на двуязычие абитуриентов, никто обычно никогда не пытается использовать татарский язык. Причиной «отказа» часто выступает проявление языковой неуверенности. Наше внимание здесь привлекает тот факт, что эти отказы сопровождаются маркировкой русского языка как единственно приемлемого в данном контексте.

Таким образом, лингвистическая норма, по-видимому, может быть определена в отношении поведения при взаимодействии в приемной комиссии: выбор русского языка в качестве основного языка взаимодействия, выбираемого подавляющим большинством в результате молчаливых переговоров. Эти нормы поддаются эмпирическому наблюдению благодаря их частоте. Мы наблюдаем весьма схематичное поведение языка. Определенная социальная и экономическая динамика могла бы помочь понять это явление. Практическая рекомендация заключается во внутренней организации работы учреждений, предполагающей сотрудника, инициирующего коммуникацию на татарском языке при необходимости.

Литература

1. Jaworski A.C. Thurlow. Language and the Globalizing Habitus of Tourism: Toward A Sociolinguistics of Fleet-ing Relationships // The Handbook of Language and Globalization, John Wiley & Sons, Chichester, 2010. P. 255–286.
2. Moreau M.-L. Sociolinguistique: les concepts de base. Éditions Mardaga, Sprimont, 1997. 123 p.

ЛУТФУЛЛИНА ГЮЛЬНАРА ФИРДАВИСОВНА – доктор филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Казанского государственного энергетического университета, г. Казань, Республика Татарстан.

А.Г. АБРАМОВА

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СРЕДИННОЙ ФАЗЫ ДЕЙСТВИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть структурно-семантические особенности глаголов срединного этапа осуществления действия, раскрыть своеобразие значения и особенности употребления в речи синонимических глаголов: *continue, resume, keep*. Предполагается также указать на те факторы, которые обуславливают предпочтительность в выборе той или иной предикативной единицы с указанным общим компонентом значения.

Ключевые слова: срединная фаза действия, локализованность действия, возобновление действия, пресуппозиция, сочетаемость, герундий.

Глаголы *continue, resume, keep* относятся к глаголам срединной фазы действия. Под срединной фазой действия понимается часть действия, занимающего отрезок (или несколько отрезков, или точку) на оси времени, которому предшествует некоторое начало.

Если мы обратимся к вопросу о происхождении исследуемых единиц *continue, resume, keep*, то обнаружим, что глаголы *continue* и *resume* были заимствованы из французского языка, и поэтому они имеют стилистические ограничения в употреблении, не часто встречаются в

разговорной речи, как это обычно происходит со словами французско-латинского происхождения. Глагол *keep* произошел от древнеанглийского *serpan*, который означал «длительное предшествующее развитие».

Все эти глаголы сочетаются с герундиальной формой, что является общим для глаголов, обозначающих фазу срединного протекания действия. Глагол *continue* способен употребляться также и при сочетании с инфинитивом.

Рассмотрим данные глаголы при одинаковом синтаксическом окружении:

Carol kept talking even though we asked her to be quiet.

Carol continued talking even though we asked her to be quiet.

Carol continued to talk even though we asked her to be quiet.

Carol resumed talking even though we asked her to be quiet.

Все рассматриваемые глаголы строятся на пресуппозиции о том, что действие, обозначаемое последующим глаголом, было начато ранее описываемого периода времени, а именно: *Carol talked for unspecified amount of time.* – Кэрол говорила в течение неопределенного времени. *Carol had begun talking earlier (before we asked her to be quiet).* – Кэрол начала говорить раньше (до того, как мы попросили ее успокоиться).

Описываемый период времени Э. Фрид предлагает называть “*nuclear or characteristic activity*” «ядерной или характеризующей активностью» действия *talking*, рассматриваемое в период его непосредственного развития [15, с. 25].

Однако, как мы попытаемся показать, глагол *resume* выпадает из предложенной общей схемы, поскольку указывает на точку, а не на отрезок в протекании действия. Э. Фрид не обращает внимания на то, описывается ли сама точка возобновления действия или действие занимает временной отрезок.

Остановимся подробнее на смысловых особенностях глагола *continue*. Глагол *continue* указывает на срединную часть действия, причем это действие занимает такой отрезок на оси времени, у которого четко не вычлениются его начальная и конечная точки. Следствием отмеченного различия является невозможность сочетания глагола *continue* со словами, указывающими на точную локализованность действия во времени, например:

**At that moment Mr. Fox continued sipping/to sip his tea.*

**At that moment she continued writing/to write her letter.*

**At that moment the politician continued speaking/to speak.*

Перечисленные предложения при опущении фразы, указывающей на точную временную локализованность, являются нормативными.

Рассмотрим высказывание: **He continued to play the piano at 3 o'clock.* Временные выражения типа *at three o'clock* не могут сочетаться с глаголом *continue*, поскольку: “*there is no firm starting point with “continue”*”. Напротив, все перечисленные примеры допускают сочетания с более неопределенными во временном отношении фразами типа *after the meeting, until 5 o'clock, after 2 o'clock*, не обозначающими четко начальную и конечную границы отрезка. Это подтверждает отмеченную ранее особенность глагола *continue*, указывающего на срединный этап действия без четкого фиксирования его начальной и конечной границы, например: *After she arrived Mr. Fox continued to sip his tea.* – После ее приезда мистер Фокс продолжил пить чай.

Данный глагол может также вступать в сочетание с фразами, обозначающими весь отрезок времени, в течение которого длится описываемое действие (типа *for a week*), что также говорит об обозначении данным глаголом всего отрезка времени от некоторой срединной точки до возможной конечной (но не обязательно конечной), например: *The fighting around the airport continued for a week before the enemy was defeated.* – Бой в районе аэропорта продолжался неделю, пока враг не был разбит.

Why don't you continue reading for another few minutes? – Почему вы не продолжили читать еще несколько минут?

He continued thinking about it for several hours. – Он продолжал думать об этом в течение нескольких часов.

Глагол *continue*, так же, как и глагол *resume*, способен употребляться в предложениях, сообщающих о наличии паузы, предваряющей описываемые действия, например: *After a short break the play continued.* – После небольшого перерыва спектакль продолжился. *We shall stop now and continue to work (working) until 2 o'clock.* – Мы прервемся и продолжим работу до двух часов. *Inspector Japp came into the room and continued his questions.* – Инспектор Джэпп вошел в комнату и продолжил свои вопросы.

Однако, если для глагола *resume* сведения о перерыве являются обязательными, то глагол *continue* является неотмеченным по этому признаку. Следующая фраза звучит неправильно из-за того, что описываемая ситуация логически не допускает наличия перерыва в ходе протекания действия: **While the man held a gun on her, she resumed counting hundred-dollar bills.* – *В то время как незнакомец направил на нее пистолет, она вновь стала считать стодолларовые банкноты.

Напротив, употребление глагола *continue* в этом случае будет нормативным: *While the man held a gun on her, she continued to count hundred-dollar bills.* – В то время как незнакомец направил на нее пистолет, она продолжала считать стодолларовые банкноты. Глагол *continue* скорее передает сведения о потенциальной, но не обязательной возможности перерыва, который предшествовал описываемому действию.

Проанализированные результаты позволили выделить еще одну интересную особенность глагола *continue*. Эта предикативная единица используется также для описания объектов, имеющих пространственную протяженность, причем не только в виде линии, но и простирающихся в плоскости, например: *The road continues in a straight line for 5 miles.* – Дорога тянулась в виде прямой линии пять миль. *How far does this road continue?* – Как далеко тянется (продолжается) эта дорога? *The desert continued as far as the eye could reach.* – Пустыня простиралась так далеко, насколько может видеть глаз.

В отличие от глагола *continue*, обозначающего отрезок действия на временной оси, глагол *resume* указывает на ту точку на временной оси, когда происходит возобновление действия.

Утверждение, что глагол *resume* обозначает именно точку (момент) возобновления действия, подтверждается сочетаемостью глагола *resume* с фразами, точно локализирующими действие во времени: *at that moment, at 2 o'clock* и др., например: *At that moment Mr. Fox resumed sipping his tea.* – В этот момент мистер Фокс вновь стал пить чай. *Our group will resume working at 2 o'clock.* – Наша группа возобновит работу в 2 часа.

Напротив, глагол *keep* + герундий и глагол *continue* не сочетаются с фразами, точно локализирующими действие во времени: **At that moment he continued working (to work).* **At that moment he kept working.* **He continued playing (to play) the piano at 3 o'clock.* **He kept playing the piano at 3 o'clock.* **At that moment the politician continued speaking (to speak).* **At that moment the politician kept speaking.*

При опущении указания на точную временную локализованность перечисленные предложения приобретают нормативность. Отмеченный запрет на сочетаемость свидетельствует об обозначении глаголами *keep* + герундий и *continue* именно отрезка, а не точки на оси времени.

Об указании на точку возобновления действия говорит несочетаемость *resume* с фразами типа *all the way home* и др., обозначающими длительность, этапность процесса, а не его точечность, например: **All the way home she resumed remembering every detail of the scene.* **The problem resumed existing until the situation was reevaluated.*

Другой семантической особенностью глагола *resume* является указание на такое действие, которому непременно предшествует перерыв, который произошел ранее, до описываемой точки возобновления действия. Так, если сравнить следующие предложения, то только фраза с глаголом *resume* обязательно указывает на перерыв, например:

My sister continued playing (to play) the piano without paying the least attention to my remarks.

My sister kept playing the piano without paying the least attention to my remarks.

My sister resumed playing the piano without paying the least attention to my remarks.

Как уже отмечалось, предложение с глаголом *continue* может содержать, а может и не содержать сведения о перерыве в процессе протекания действия, т.е. не маркировано по рассматриваемому признаку. *Keep* + герундий не сообщает о перерыве, говорит о его отсутствии. Высказывание с глаголом *resume* означает отчетливо: Она перестала играть, а затем вновь начала.

О наличии в смысловой структуре глагола *resume* сведений о перерыве, предвещающем действие, свидетельствует употребление данного глагола в контекстах, согласующихся с данной информацией, например: *We resumed our journey after a short rest.* – Мы возобновили наше путешествие после короткого отдыха. *We shall stop now and resume working at 2 o'clock.* – Мы сейчас сделаем перерыв и возобновим работу в 2 часа. *After a short break the play resumed.* – После короткого перерыва пьеса возобновилась.

В то же время глагол *resume* не употребляется в контекстах, из которых с очевидностью вытекает невозможность перерыва, как это отмечено в следующем случае: **While the man held a gun on her, she resumed counting out hundred-dollar bills.* – *В то время как он направил на нее револьвер, она возобновила пересчитывать стодолларовые банкноты.

На описываемую смысловую особенность глагола *resume* – обязательность перерыва, предвещающего действие, – обращает внимание также Э. Фрид, которая предлагает на рассмотрение следующее предложение: *Carol resumed talking even though we asked her to keep quiet.* – Кэрол возобновила свой рассказ, хотя мы просили ее успокоиться [15, с. 78].

Предложенное высказывание имеет в качестве пресуппозиции следующее: *Carol had been talking earlier (before we asked her to be quiet).* Оно содержит сведения о том, что действие было начато ранее описываемого момента речи. Кроме того, приведенная фраза с глаголом *resume* отчетливо указывает на перерыв в протекании описываемого события: *Carol had stopped talking when (or before) we asked her to be quiet.* – Кэрол перестала говорить, когда (или до того как) мы попросили ее замолчать.

Остановимся еще на одной интересной особенности глагола *resume*. Эта единица, как было обнаружено, может использоваться не только для описания событий, развивающихся во времени, но также может обозначать пространственные объекты, предполагая при этом, что протяжению объекта в пространстве предшествовал перерыв, например: *The road resumes in a straight line for 5 miles further.*

Глагол *resume* употребляется для обозначения ситуации, при которой описываемый объект *the road* обязательно прерывался в ходе своей пространственной протяженности, например, в этой роли мог выступать другой объект *the village*. В этом контексте может также быть употреблен глагол *continue*, например: *The road continues as a straight line for 5 miles.*

Однако смысл высказывания при этом видоизменяется. Употребление глагола *continue* не передает сведений о наличии перерыва. Даже в том случае, если на линии дороги находится другой объект (*the village*), дорога не прерывается, деревня будет располагаться вдоль этой дороги.

Есть основания, таким образом, полагать, что глагол *resume* при описании пространственных объектов указывает на ту границу пространственного распространения объекта, которая следует после прерывания хода его протяжения. Употребление глагола *resume* будет неправильным в следующих высказываниях: **How far does this road resume? *The desert resumed as far as the eye could reach.*

Напротив, употребление глагола *continue* в этих фразах соответствует норме, например: *How far does this road continue? – Как далеко тянется эта дорога? The desert continued as far as the eye could reach.* – Пустыня тянулась настолько далеко, настолько может видеть глаз.

Хотелось бы также обратить внимание на то, что глагол *resume* используется для описания особого вида пространственных объектов, которые имеют условно вид вытянутой линии, ход следования которой был прерван на некотором этапе.

Обратимся теперь к рассмотрению глагола *keep* при сочетании с герундием. Анализ материала показал, что глагол *keep* употребляется для обозначения двух типов действий: 1) единичного действия, рассматриваемого в период его непосредственного протекания; 2) многократного действия. И в том, и в другом случае глагол *keep* описывает срединную фазу действия, т.е. тот его этап, который следует за начальным периодом.

Глагол *keep* + герундий предпочтителен при обозначении следующей ситуации: при описании такого продвижения по службе, которое не совершается само по себе, а является результатом карьеристических усилий (*the man was pushing himself*): *He kept advancing in his career.* – Он продолжал настойчиво продвигаться по службе.

Глагол *continue* в данном контексте будет выбран говорящим тогда, когда описывается более ровный, естественный ход развивающихся событий, например: *He continued to advance (advancing) in his career.* – Он продолжал продвигаться по службе. Данный признак подтверждает тот факт, что глагол *keep* + герундий не сочетается обычно с наречиями типа *persistently*, поскольку уже несет в своей смысловой структуре данную нагрузку.

Присутствие в смысловой структуре глагола *keep* признака упорства в осуществлении действия приводит к тому, что данный глагол употребляется также для описания событий, которые длятся дольше срока, обычно предполагаемого для осуществления действия, т.е. действий, нарочито продолженных. Вследствие этого говорящий выбирает данный глагол, когда хочет подчеркнуть, что поведение описываемого лица нарушает некоторую норму и, возможно, имеет своей целью воздействовать определенным образом на реципиента (вызвать его раздражение, привлечь внимание), например: *He kept looking at me.* – Он упорно продолжал смотреть на меня.

Описываемый субъект намеренно осуществляет “a prolonged looking”, что обычно расценивается как неэтичное поведение, и делает это намеренно, чтобы обратить на себя внимание затянутым сверх принятой нормы действием. Подобным же образом употребляется глагол *keep* + герундий в следующем примере, когда высказывание вызывает ощущение дискомфорта у наблюдающих эту сцену: *His mother would look up at them, smiled toothlessly and then kept staring with her mouth open.* – Их мать посмотрит на них снизу вверх, улыбнется своим беззубым ртом и затем уставится, открыв рот.

Глагол *keep* не содержит в своей структуре указаний на перерыв, предшествующий осуществлению действия, а напротив, с определенностью сообщает об его отсутствии. Так, было обнаружено, что при возможности выбора из двух последующих предложений говорящий делает предпочтение употреблению глагола *keep* во втором примере, который с очевидностью предполагает отсутствие перерыва в ходе протекания действия, например: *She replied very gruffly to my morning salutations and... her breakfast in silence.* – Она грубо ответила на мои утренние приветствия и... свой завтрак в молчании. *She ignored my morning salutations and kept eating her breakfast in silence.* – Она проигнорировала мои утренние приветствия и продолжала есть молча.

Отмеченный смысловой признак – указание на отсутствие перерыва в предшествующем ходе развития действия – вызывает невозможность использования говорящим данной единицы при произнесении следующих высказываний: **After a short break the scientist kept speaking in a loud voice.* – **После короткой паузы ученый продолжал говорить громким голосом. *We shall stop now and keep working until evening.* – Мы сделаем перерыв и затем продолжим работу до вечера.

Рассмотрим также употребление глаголов *keep* и *resume* в следующих предложениях: *My sister kept playing the piano without paying the least attention to my remarks.* – Моя сестра продолжала играть на пианино, не обращая ни малейшего внимания на мои замечания. *My sister resumed playing the piano without paying the least attention to my remarks.* – Моя сестра возобновила игру на пианино, не обращая ни малейшего внимания на мои замечания. Оба высказывания являются нормативными, но в то же время четко различаются по смыслу. Если предложение с *keep* с очевидностью предполагает отсутствие перерыва и значит – Моя сестра продолжала играть (все играла и играла) на пианино, не обращая внимания на мои замечания. Предложение с глаголом *resume* содержит обязательное указание на предшествующую паузу в фортепьянной игре: Моя сестра возобновила игру на пианино, не обращая внимания на мои замечания.

Итак, глагол *keep* при описании единичного действия, рассматриваемого в его непосредственном развитии, обозначает некоторый срединный (не начальный) период этого действия, без предшествующего ему перерыва, а также сообщает об упорстве субъекта в осуществлении описываемого действия.

Рассмотрим теперь особенности употребления глагола *keep* + герундий при обозначении этой единицей действия многократного. Как показал анализ материала, глагол *keep* указывает, что действие, обозначенное герундием, носит повторяющийся характер, и описывает не первое действие в этом ряду, а ряд следующих за ним, отдельных, конкретных действий, например:

My mother cried out calling me by my nickname: "Cotton! Oh! Cotton!" She kept saying it, over and over, even after we were inside the house. – Моя мама выкрикивала, зовя меня как в детстве: “Коттон! О! Коттон! – продолжая это повторять даже тогда, когда мы уже были в доме. *They were both pale and tense with alarm. "What is it? What is it?" – Rosa kept asking.* – Они оба были бледны и взволнованы: “Что случилось? Что случилось?” – продолжала спрашивать Роза.

Предложение *She kept playing the piano at night* считается правильным в том случае, если каждую ночь регулярно совершалось описываемое действие *playing the piano*.

Таким образом, рассматриваемые глаголы срединной фазы имеют системную смысло-различительную структуру, состоящую из следующих дифференциальных признаков: 1) указание на то, что действие занимает отрезок на оси времени без четкого фиксирования его начальной и конечной точек (*keep* + *-ing*, *continue*); 2) указание на потенциальную возможность перерыва, предшествующего описываемому действию (*continue* + *to*, + *-ing*); 3) указание на точку возобновления действия (*resume* + *-ing*); 4) указание на обязательность перерыва перед возобновлением действия (*resume* + *-ing*); 5) указание на пространственную протяженность объекта (*continue* + *to*, + *-ing*); 6) указание на возобновление пространственной протяженности объекта, имеющего линейную организацию (*resume* + *-ing*); 7) указание на настойчивость, упорство субъекта при осуществлении конкретного действия (*keep* + *-ing*); 8) указание на настойчивость субъекта при осуществлении многократного действия (*keep* + *-ing*); 9) указание на срединный период осуществления действия без предшествующего ему перерыва (*keep* + *-ing*).

Литература

1. Абрамова А.Г. Характер процесса компенсации асимметрии морфологических оппозиций в современном английском языке // Язык и слово: сборник научных трудов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2021. С. 142–147.
2. Абрамова А.Г., Ильин Е.В., Леонтьева Л.Е. Сверхфразовое единство // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сборник материалов Международной науч.-практ. конференции. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2021. Вып. 8. С. 16–29.
3. Абрамова А.Г., Никитина А.Ю. Сочинение и подчинение в свете коммуникативного подхода // Функциональная грамматика: теория и практика: сборник научных статей по итогам Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Чебоксары, 2021. С. 114–120.
4. Абрамова А.Г., Никитина А.Ю. Топология цитат в художественном и научном текстах // Функциональная грамматика: теория и практика: сборник научных статей по итогам Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Чебоксары, 2021. С. 311–317.
5. Анисимова И.Н., Никитина А.Ю., Петрова О.А. Метафора как ключевой элемент лингвокогнитивного уровня языковой личности политического деятеля XVIII века // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: Труды и материалы междунар. конф. В 2-х т. Казань, 2017. С. 13–16.
6. Никитина А.Ю., Петрова О.А. Пословичное выражение в структуре языковой личности политического деятеля XVIII века // Русский язык в диалоге культур: материалы всероссийской науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Саранск, 2017. С. 373–379.
7. Никитина А.Ю., Петрова О.А., Анисимова И.Н. О чувашских зоонимах в функции инвективы // Ашмаринские чтения: сб. статей XII Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во ЧувГУ, 2020. С. 103–106.
8. Никитина А.Ю., Петрова О.А., Богомаз С.П. Особенности обучения фонетике русского языка при использовании дистанционных образовательных технологий // Актуальные вопросы интернализации высшего образования: опыт и перспективы: материалы XIII Междунар. учеб.-метод. конф., посв. 30-летию междунар. образоват. деятельности Чуваш. гос. ун-та им. И.Н. Ульянова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2021. С. 229–233.
9. Петрова О.А., Никитина А.Ю. О некоторых особенностях региональной лексики в условиях двуязычия // Вестник Чувашского университета. 2017. № 4. С. 307–310.
10. Степанова В.В., Федорова О.Н. О лингвистическом подходе к аргументации // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2018. С. 134–138.
11. Степанова В.В., Федорова О.Н. Языковая и речевая компетентность, используемые при обучении английскому языку посредством изучаемого языка // Научная дискуссия: вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2018. С. 119–123.

12. Федорова О.Н., Степанова В.В. Лингвистическая переработка модели аргументации С.Э. Тулмина // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: материалы Международной науч.-практ. конференции. Чебоксары, 2019. С. 90–94.

13. Федорова О.Н., Степанова В.В. Модель Тулмина и аргументативная решетка // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: материалы Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2019. С. 86–90.

14. Федорова О.Н., Степанова В.В. Чтение текста на иностранном языке: стратегии, обеспечивающие понимание // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2016. С. 194–197.

15. Freed A.F. The semantics of English aspectual complementation. Dordrecht, 1979. 173 p.

АБРАМОВА АНЖЕЛИКА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент
Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская
Республика.

С.А. АЛЕКСЕЕВА, Г.Л. НИКОЛАЕВА

Н.И. АШМАРИН ПУРНАЌЕПЕ ПУЛТАРУЛАХЁ ВЁРЕНУ КЁНЕКИСЕНЧЕ САНЛАННИ

БИОГРАФИЯ И ТВОРЧЕСТВО Н.И. АШМАРИНА В ЧУВАШСКИХ УЧЕБНИКАХ И УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ

Аннотация. В статье рассматривается использование творчества Н.И. Ашмарина в учебниках и учебных пособиях, предназначенных для чувашских школ. Авторы изучают содержание книг, систему упражнений, условия заданий, связанных с Н.И. Ашмариным.

Ключевые слова: Н.И. Ашмарин, учебник, творчество, словарь, чувашский язык.

Кашни халăхăн а́на сʉтта кáларас тесе а́нтáлакан а́счахсем пур. Ун пек пысáк а́с-хакáллá сынсем пур чухне те тáван несёл варёнче ўтленсе амаланмащё. Сайра-хутра вёсем ытти таврашран тухса хáйсен пултарула́хне тепёр йáха халаллащё. Щавсен шутёнче вырáссен чаплá сынни – пирён ентеш – Н.И. Ашмарин. Щёр су́л каялла чáвашсен черё каласу чёлхин сáмахёсен пуххине туса хатёрлеме шут тытнá та хáйён ёмёрне щак пархатарлá ёсе парáнса ирттернё. Николай Иванович хáй пущáннá ёсе алран вёщертмен, кунён-щёрён ырма-канми тáрáшнá, 17 томлá словарь хáйласа чáваш халáхне чапа кáларнá. Ашмаринáн ёщё-хёлё пирёншён пуриншён те ыра́ тёслёх пулса тáрать.

Ку ёсре Н. Ашмарин пурна́щёпе пултарула́хне вёрентесси вёрену́ кёнекисенче мёнле вырáн йышáннинне сʉтатса парасшáн.

Чáваш шкулёсенче чёлхепе литературáна, тáван ен культурина вёрентме вищё тёслёх программа хатёрленё. Чáваш чёлхипе тёслёх программáн авторёсем: И.А. Андреев, Г.Н. Семенова, Ю.М. Виноградов, тáван литературáн авторёсем: Н.Г. Ивановáпа Е.А. Майков; тáван ен культурипе щырса хатёрленё программáн авторё Е.В. Енька.

Асáннá программáсенче Н. Ашмарин пултарула́хне вёрентме палáртнá. Тёслёхрен, Л.Г. Петровáпа Ю.М. Виноградов авторсем 6-мёш классем валли хатёрленё вёрену́ кёнекинче щакáн пек хáнáхтару ёщё кёртнё: *Н.И. Ашмарин словарёпе усá курса чáвашсен иккёмёшле ячёсене щырса илёр. Чáвашсем ачасене иккёмёш ятпа мёнишён чённи пирки а́слав щырáр (178 хáнáхтару).*

7-мёш класс ачисен словарёпе усá курса щёртме, чикме, пўлме, пёрме сáмахсемпе предложенисем щырмалла. Пёринче щав сáмах япала ячё, тепринче глаголáн инфинитив форми пулчáр (22 хáнáхтару).

9-мёш класс вёрену кёнекин авторёсем Ю.М. Виноградов, А.С. Егорова тата Л.Г. Петрова ёссене тёрлөрен блоксем сине уйарса тухна. Палла тёпчевсёпе сыханна ханхтарава «Текст. Чёлхе, пуплев тата сыру» блока вырнаштарна. *Ачасен «Ашмарин сурч» текстна паллашса унта мёнле-мёнле документсене асаннине тупмалла. Пань текста очерк теме пулат-и? Хайсен иухайшине текста тел пулакан фактсем сине таянса ёнен термелле.*

Таван литература урокёсенче те ачасене Н. Ашмарин словарёпе ёслеттермелли материал чылай вырнаштарна.

Н.Г. Иванова 5-мёш класс валли сырса-пухса хатёрленё вёренупе вулав кёнекинче *Н. Ашмарин словарёпе усá курса январ сáмах пёлтерёшине анлантарма, унна сáмах майлашавёсем тупма сёнет.*

Кёнекере сáкан евёрлё ёс те пур. Автор ачасен умне проблемалла ыйту лартать. *«Ваттисенчен, ашиё-амайёнен вёсем пуранна чух халал илнё ача пурнасра телейлё пулё-ши? Авал ватасем халала хай вáхáтра тата мёнле йёркепе пань? Ун синчен Интернетри электронла сáмахсарта мён сырна? Н. Ашмарин тупса палартна пёлтерёше тупса вула, юлташусене паллаштар. Пёрле халал тата пехил сáмахсен пёлтерёшесене сáтсе явар».*

Н.Г. Иванован 5-мёш класс валли хатёрленё килти вулав кёнекинче «Вайли сук та этемрен» блока чáваш халáх поэчё П. Хусанкай Н. Ашмарина халалланá «Тезаврус лингве чувашорум» сáва пур. Сáвапа паллашса тёрлё ёс тума палартна.

1. П. Хусанкай хайлава мёниён латинла ят пань? Эсё латин чёлхи синчен мён пёлетён?

2. Чáвашла сáмахсемпе вёсен анлантарáвне Н. Ашмарин хайён словарёнче мёнле-мёнле чёлхепе сырса пань?

Н.Г. Иванован 6-мёш класс валли хатёрленё «Таван литература: вёренупе вулав кёнекинче» те Н. Ашмаринпа сыханна ёссем пур.

1. Кил айшине, хáтлáхне упраса пурнакан кукаси-кукамая, мамак-масака, атте-аннене хёрт-сурт тесе калама пулат-и? Мён-ши вáл хёрт-сурт? Сáмах пёлтерёшине Н. Ашмаринан «Чáваш сáмахёсен кёнекинче» шыраса туп. Кунтах сáкан пек ёс те пур.

2. Интернет услáхёнчи электронла сáмахсарна тата Н. Ашмаринан «Чáваш сáмахёсен кёнекипе» усá курса (тáслáнкá, йётён, рай, сáкар харамсисем, латтак, кáвас хутáм, ан суйланáр) сáмах майлашавёсене анлантармалла.

9-мёш класс вёрену кёнекине В.П. Станьял пухса хатёрленё. Чáваш литературин «XIX ёмёрти литературáран» блока Н. Ашмарин сырна «Качи сáви» халапа кёртнё. *Ачасем сáк халапри сáнарсемпе паллашаçсё, тёрлё ёссем пурнаçласа юратури тёрёлёхне пурнаçри сирёлёхе пётёмлетессё.*

Авторсем хайсен кёнекисене ачасене кáсáклантарас тёлллевпе тёрлё ханхтарусем, ыйтусемпе ёссем кёртни Ашмарин словарён чáваш сáмахёсен палла енёсене сáтатса пама чылай пулашать. Нумай пёлтерёшлё сáмахсене, синонимсене, антонимсене, омонимсене, кивелнё сáмахсене тата ытти анланусене вёреннё чух ку словарён паха енё, чáнах та, усáмла паларать.

«Таван ен культури» программан авторё – Елена Викторовна Енькка та Н. Ашмарин пултарулахне вёрентессине шута илнё. 5-мёш класра «Авалхи áслáлáх пёлёвёсем тата Чáваш ен áслáлáхё» блока Н.Ашмарин пултарулахёпе сыханна материал кёртнё.

Вырáс шкулёнчи 5-9 классенче чáваш чёлхине вёрентме икё вёренупе методика комплекчё хатёрленё. Пёрремёшё И.А. Андреевпа Р.И. Гурьева хатёрленё комплект. Хальхи вáхáтра вáл сёнелсе пырать. Сёнё авторсем шутёнче Н.А. Красновáпа Е.А. Мулюкова. 2-мёш комплектне Г.В. Абрамова хатёрленё. Асанна авторсем вёрену комплектне программана тёпе хурса йёркеленё. Палла тёпчевсён пурнаçсёпе паллашмалли текстсемпе ханхтару ёсёсене 5, 8-мёш классенче кёртнё.

Г.Абрамова 5-мёш класс валли хатёрленё «Чáваш чёлхи» вёрену кёнекинче «Чáваш чёлхи эрни» блока ачасене Н. Ашмарин пурнаçсёпе паллашса диалог йёркелемелли материал вырнаштарна.

Асанна автор 8-мёш классене палла тёпчевсён пурнаçсёпе паллаштармалли материала «Чáваш сёр-шывё» блока кёртнё. *Ачасен кёнекери текста вуламалла, кам синчен сáмах пынине текстран аяларах вырнаштарна 3 сáн укречёкре тупмалла.*

О.И. Печников, М.Н. Печникова, Н.А. Краснова, Е.А. Мулюкова авторсем 8-мёш класс валли хатёрленё вёрену кёнекинче «Чăвашран тухна палла ынсем» блока Н. Ашмарин синчен пуян материал вырнаштарна. Ёссем хайне евэрлэ те кăсăклă.

1. «Ашмарин хай синчен сырни» текстна паллашса ыйтусем сине хуравламалла.

2. Таблицапа паллашса Н. Ашмаринан 17 томла «Чăваш сăмахёсен кёнеки» синчен вуласа пълмелле. Мён пълни синчен каласа памалла.

3. Н. Ашмаринан «Чăваш сăмахёсен кёнекинче» ёс, ырай, усал, илт сăмахсен статийисене тупса вуламалла, мён интересли пълнине каламалла.

Вырăс шукулён чăваш литератури программинче те 8-мёш класра П. Хусанкайан «Тезаврус лингве чувашорум» саввипе паллашса пурнашламалли ёссем пур.

Е. Енькка автор хатёрленё «Тăван ен историйёпе культури» вёрену кёнекисем питё интереслэ, содержанийё те пуян. Автор пирён палла тёпчевёсене манăса хăварман. Ачасем 4-мёш класра «Мой адрес в пространстве», 5-мёш класра «Древние научные знания и наука Чувашии», 6-мёш класра «Дом. Семья. Общество» блоксенче Н. Ашмаринан ёсё-хёлёпе, 17 томла словарён уйрăмлăхёпе паллашащё, словарьпе ёслеме вёренещё.

Ёсе пётёмлетсе чăваш тата вырăс шукулёсенче те морфологи, лексика пайёсене вёренне чухне сăмах пулăвёсене тупма Н.Ашмарин словарёпе усă курса пурнашламалли ёсен шучё сителёклекх пулнине палартас килет. Чёлхе тата литература урокёсенче çак словарь ачасен пуллевне аталанма пулăшакан иксёлми çалкуç пулса тăрать.

Литература

1. Абрамова Г.В. Чăваш чёлхи: вырăс шукулён 5-мёш класё валли / Г.В. Абрамова, А.Л. Краснова. Шупашкар: Чăваш кёнеке издательства, 2014. 271с.

2. Абрамова Г.В. Чăваш чёлхи: вырăс шукулён 8-мёш класё валли / Г.В. Абрамова, С.А. Разумова. Шупашкар: Чăваш кёнеке издательства, 2015.

3. Виноградов Ю.М. Чăваш чёлхи: 6-мёш класс валли / Ю.М. Виноградов, Л.Г. Петрова. Шупашкар: Чăваш кёнеке издательства, 2014. 223 с.

4. Виноградов Ю.М. Чăваш чёлхи: 7-мёш класс валли / Ю.М. Виноградов, Л.Г. Петрова. Шупашкар: Чăваш кёнеке издательства, 2016. 223с.

5. Чăваш чёлхи: 9-мёш класс валли / Ю.М. Виноградов, А.С. Егорова, Л.Г. Петрова. Шупашкар, 2019. 229 с.

6. Енькка Е.В. История и культура родного края: учебное пособие для 4 класса общеобразовательных учреждений Чувашской Республики и чувашской диаспоры / Е.В. Енькка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 207 с.

7. Енькка Е.В. История и культура родного края: учебное пособие для 5 класса общеобразовательных учреждений Чувашской Республики и чувашской диаспоры / Е.В. Енькка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 207 с.

8. Енькка Е.В. История и культура родного края: учебное пособие для 6 класса общеобразовательных учреждений Чувашской Республики и чувашской диаспоры / Е.В. Енькка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 207 с.

9. Елена Енькка. Тăван ен: вёрену пособийё: 5-мёш класс валли. Шупашкар: Чăваш кёнеке издательства, 2008. 96 с.

10. Килти вулав кёнеки: 5-мёш класс валли / Н.Г. Иванова сырса-пухса хатёрленё. Шупашкар: Чăваш кёнеке издательства, 2014. 271 с.

11. Печников О.И. Чăваш чёлхи. 8-мёш класс валли / О.И. Печников, М.Н. Печникова, Н.А. Краснова, Е.А. Мулюкова. Шупашкар: Чăваш кёнеке издательства, 2018. 256 с.

12. Тăван литература: вёренупе вулав кёнеки. 5-мёш класс валли / Н.Г. Иванова сырса-пухса хатёрленё. Шупашкар: Чăваш кёнеке издательства, 2019. 271 с.

13. Тăван литература: вёренупе вулав кёнеки. 6-мёш класс валли / Н.Г. Иванова сырса-пухса хатёрленё. Шупашкар: Чăваш кёнеке издательства, 2019. 271 с.

14. Чăваш литератури: учебник-хрестомати: вăтам шукулён 9-мёш класё валли / В.П. Никитин (Станьял) пухса-сырса хатёрленё. Шупашкар: Чăваш кёнеке издательства, 2003. 319 с.

АЛЕКСЕЕВА СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА – учитель МБОУ «СОШ № 19» г. Новочебоксарск, Чувашская Республика.

НИКОЛАЕВА ГАЛИНА ЛЕОНИДОВНА – учитель МБОУ «СОШ № 19» г. Новочебоксарск, Чувашская Республика.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ПЕРИФРАЗ ПРИ ОБУЧЕНИИ РКИ

Аннотация. В статье приведено подробное описание перифразы как средства выразительности с преимущественным акцентом на лингвокультурологическом и коммуникативном потенциале такой разновидности перифрастической единицы, как топонимическая перифраза, в аспекте преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: перифраза, перифрастическая единица, топонимическая перифраза, лингвокультурологический и коммуникативный потенциал, русский язык как иностранный.

По данным лингвистических словарей, *перифраза*, или *парафраза* (греч. *peri* ‘вокруг’, *phraso* ‘говорю’), – семантически неделимое, иносказательное выражение, являющееся описательной передачей другого слова или сочетания слов [13, с. 434–435], отличительной чертой которого является неоднословность [10, с. 551]. Примечательно, что в отдельных словарях термин *перифраза* не отождествляется с термином *парафраза*: «П. не следует путать с парафразом» [10, с. 552], который «на самом деле не имеет ничего общего с П.» [11, с. 111].

Перифраза в образной форме характеризует определенное явление, событие, указывает на их специфические, отличительные черты.

Перифразы делятся на логические (необразные) и образные. Логические перифразы чаще всего основываются на дополнительной характеристике какой-либо знаменитой личности: *создатель русского литературного языка* (А. Пушкин) <...>. Образные перифразы, как правило, строятся по известным метафорическим моделям: *солнце русской поэзии* (А. Пушкин) [13, с. 434–435]. По степени номинативной адекватности перифразы делят на точные и неточные [10, с. 551]. Разновидностями перифразы также называют такие явления, как антономазия, кеннинг, дисфемиз и эвфемизм [14, с. 226].

В произведениях художественной литературы, публицистике и ораторской речи перифраза используется как стилистический прием с целью усиления выразительности высказывания, более интенсивного воздействия на адресата: *второй хлеб* (картофель), *вечный город* (Рим), *страна восходящего солнца* (Япония) [13, с. 434–435].

Во всех лингвистических словарях отмечена полифункциональность перифразы: перифраза используется в оценочной функции (*каменные джунгли*), характеризующей, декоративной, игровой, эвфемистической, дисфемистической. Кроме того, перифраза используется с целью ухода от тавтологии, а способность ставить вместо отвлеченного слова образ делает ее удобным средством пояснения (логическая дефиниция).

При тематической классификации перифразы систематизируются по объектам, которыми становятся имена собственные известных лиц (*холмогорский мужик* вместо Ломоносов), наименования городов, стран, материков, гор, других географических объектов (топонимическая перифраза). Некоторые из подобных объектов (актуальных, важных для носителей языка) вызывают активное образование: Санкт-Петербург – *северная столица*, *северная Пальмира*, *северная Венеция*, *град Петра*.

Известно, что топонимические перифразы особенно распространены и частотны в текстах СМИ, что связано с потребностью журналистов в «постоянном пополнении арсенала экспрессивных средств выражения, а перифрастические сочетания как раз и призваны оказывать им в этом помощь, поскольку усиливают воздействие всего публицистического высказывания» [9, с. 10], причем авторами-составителями «Словаря топонимических перифраз» замечено, что доминирование в печати тематической группы перифраз, замещающих географические наименования, началось с 2000 года, что вызвано существенными изменениями в жизни российского общества: с одной стороны, увеличением числа рекламных материалов, посвященных путешествиям, с другой, развитием внутреннего туризма и ростом интереса к отечественной истории, вехи которой отражены в топонимике [9, с. 11].

Все вышеописанные признаки, свойства и функции перифрастических единиц, лингвокультурологический и коммуникативный потенциал перифраз делают их интереснейшим материалом при обучении инофонов русскому языку как иностранному, поскольку требуют от них помимо понимания грамматики и лексических компонентов, входящих в состав перифразы, «умения «читать между строк» и анализировать информацию, лежащую глубже внешних грамматических признаков слов и образуемых ими конструкций» [12, с. 160]. Кроме того, как и лексические, и фразеологические единицы любого языка, перифразы «не только являются носителями собственно языковой информации, но также отражают факты общественного бытия, материальной и духовной культуры этноса», а предьявление иностранцам «языкового материала с позиций лингвокультурологии позволяет реконструировать знания и представления того или иного народа об определенном фрагменте окружающего мира, проследить, как внеязыковая действительность преломляется в языке» [6, с. 25].

Так, чтение текстов публицистического стиля с обучающимися, имеющими высокий уровень языковой и коммуникативной компетенции, предполагает понимание ими имплицитных смыслов, созданных средствами языковой игры [15], а значит, в том числе и с помощью перифраз. Но перифразы в ограниченном наборе уже на начальном этапе изучения иностранного языка могут быть введены на уроке в качестве лексического материала. Одними из самых простых для восприятия перифрастических замен являются топонимические перифразы, которые можно включать при изучении таких тем, как «Россия», «Москва», «Города России», «Моя страна», «Мой родной город», «Чувашская Республика», «Чебоксары» и др. на разных этапах изучения РКИ.

Через группу перифраз можно создать яркие образы городов, регионов и стран мира. Такая тематическая группа, как топонимические перифразы, за счет исторических ссылок, географических комментариев, культурных ассоциаций, эмоциональных описаний делает образ города, страны в русской лингвокультуре более емким, наглядным.

Например, Россия – *святая Русь, страна Достоевского, Толстого, Чайковского; страна большого балета и Большого театра; родина первого космонавта, страна богатых возможностей, страна героев, страна праздников, страна берез.*

Москва – *порт пяти морей, сердце России, город на семи холмах, белокаменная столица.*

Санкт-Петербург – *Северная Венеция, Северная Пальмира, Город белых ночей, город Святого Петра, Петра творенье, Окно в Европу, Северная столица, Город трех революций, Колыбель русской революции, культурная столица.*

Известно, что включение сведений регионального характера является «фактором, повышающим эффективность обучения и способствующим интеграции и адаптации иностранных обучающихся в принимающем сообществе» [8, с. 178], поскольку именно краеведческие сведения могут «помогать ориентироваться в новой местности и оказывать воспитательное воздействие на студентов-иностранцев» [2, с. 223]. В связи с этим для обучающихся русскому языку как иностранному в образовательных учреждениях Чувашской Республики актуальны следующие единицы:

Чувашская Республика (Чувашия) – *край ста тысяч песен, ста тысяч вышивок и узоров; родина трех космонавтов.*

Чебоксары – *жемчужина Поволжья.*

Многие из приведенных в качестве примеров перифразы просты для семантизации с помощью рисунков, фильмов, слайдов, географической карты и других средств наглядности. На начальном этапе обучения языку нежелательно использовать поэтические перифразы, нуждающиеся в толковании через перевод (например, *страна березового ситца* (о России)), поскольку такого рода единицы требуют соблюдения «специфики художественного перевода как особого вида творчества» [1, с. 192] с целью адекватной передачи смысла высказывания. Для объяснения некоторых из них может потребоваться более подробный лингвокультурологический комментарий, способствующий «более успешному изучению русского языка иностранцами» [3, с. 17]. Так, например, называя Санкт-Петербург Северной Пальмирой, преподаватель сообщает, что город находится на севере (это северный город), но своей красотой и архитекту-

рой напоминает Пальмиру – сирийский город, построенный в традициях классической архитектуры Древней Греции. На продвинутом этапе обучения можно использовать более подробное толкование данной перифрастической единицы через рассказ о том, что Пальмира была возведена в оазисе среди пустыни. Петербург первые годы также располагался среди относительно безлюдной, бесплодной местности, основная его часть (крепость) находилась на Городском острове. Лингвокультурологическая ценность перифразы заключается в том, что на ее примере можно сделать вывод о мотивах выбора топонима, который представляется носителем русского языка символом, понятным и носителям арабского языка: Пальмира является символом города с красивой архитектурой.

Важно отметить, что при подборе перифраз о России и ее городах в соответствии с воспитательной целью обучения необходимо обращать внимание на оценочность перифрастических высказываний и не включать в контекст урока негативно оценочные единицы, способные нанести ущерб имиджу России или ее городов (*Нигерия под снегом* (о России), *криминальная столица* (о Санкт-Петербурге)).

При работе над страноведческим материалом в перечень вопросов для подготовки учащихся к рассказу в аудитории о своей стране, столице или родном городе можно включить вопросы об имеющихся в иноязычной культуре перифрастических заменах. Такая информация обычно вызывает интерес у интернациональной аудитории, поскольку данная инофоном обремененная характеристика страны или города, указывающая на их специфические, отличительные черты, часто неизвестна носителям других языков (например, *Дамаск – глаз Востока, дверь Кабы, рай на земле, леди столиц, город арсенала, город жасмина*), а потому способна стимулировать мотивацию к коммуникации (задать вопрос, завести беседу, дискуссию) и, возможно, к исследовательской работе, подготовке материалов для выступления на студенческих научных конференциях, «организовать продуктивное взаимодействие преподавателя и студента, нацелить последнего на речевую активность как на основополагающий элемент характеристики творческой личности» [5, с. 81]. Реализация научных проектов, основанных на анализе и сопоставлении языковых единиц, имеющих лингвокультурологический потенциал, несомненно, «сформирует патриотическое сознание и духовно-нравственные устои студентов, стимулирует их творческую и научно-исследовательскую активность, создавая устойчивую мотивацию для профессионального роста и саморазвития» [7, с. 143]. А «при использовании устного собеседования как одной из форм контроля возможна попытка разнообразить содержание экзаменационных билетов введением разного уровня сложности коротких текстов, содержащих имплицитные смыслы» [4, с. 105], в том числе за счет устоявшихся перифраз подходящей тематики.

Литература

1. Абрамова А.Г., Белова Т.А., Григорьева Н.В. Специфика художественного перевода // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сборник материалов Международной научно-практической конференции (25 апреля 2019 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. Вып. 6. С. 192–199.
2. Анисимова И.Н., Петрова О.А. О важности краеведческих знаний при обучении русскому языку как иностранному (из опыта использования элементарного лингвокраеведческого материала в преподавании русского языка слушателям подготовительного отделения чувашского государственного университета) // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 223–227.
3. Бакина И.Н. Лингвострановедческий комментарий текста в иноязычной аудитории // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: сборник статей региональной научной конференции (Чебоксары, 25 мая 2020 года). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. С. 17–22.
4. Бакина И.Н., Бахтина С.И., Игнатьева Е.А., Никитина А.Ю., Павлова Т.Н., Петрова О.А., Федорова Н.А. Опыт проведения вступительных испытаний по русскому языку для иностранных граждан в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова // Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность. Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан: сборник статей IV Международного конгресса преподавателей и руководителей подготовительных факультетов (отделений) вузов РФ и V Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2021. С. 100–106.

5. Бахтина С.И. Развитие коммуникативной компетенции студентов-инофонов в процессе комплексного подхода к обучению // Развитие экспортного потенциала высшего образования: содержание, опыт, перспективы: Материалы XI Международной учебно-методической конференции (Чебоксары, 25 октября 2019 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. С. 78–82.
6. Григорьева Е.А. Лингвокультурологический потенциал диалектизмов в курсе РКИ // Русский язык в современном образовательном пространстве: проблемы изучения и обучения: сборник научных статей по итогам всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной 70-летию канд. филол. н., доц. Ушаковой Галины Михайловны (Чебоксары, 11 мая 2021 г.). Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2021. С. 24–28.
7. Журина М.И., Юркина Т.Н., Якушкина З.Н. Фольклорно-диалектологическая практика: к вопросу о значении и опыте проведения // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2020. № 2 (107). С. 139–145.
8. Кожемякова Е.А., Петухова М.Е., Симулина И.А. Разработка учебно-методических комплексов с региональным компонентом в практике преподавания русского языка как иностранного // Русский язык в диалоге культур: материалы всероссийской научно-практической конференции (Саранск, 06 июня 2017 г.). Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 2017. С. 178–184.
9. Морозов М.А., Якименко Н.Е. Словарь топонимических перифраз: названия российских городов (на материале современной публицистики). СПб.: Алетейя, 2022. 186 с.
10. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 940 с.
11. Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. М., 1996. 172 с.
12. Павлова Т.Н. Работа с текстами разных стилей и жанров как один из аспектов деятельности преподавателя РКИ (из опыта преподавания дисциплины «Лингвострановедение» на курсах профессиональной переподготовки) // Язык и слово: сборник научных трудов. Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 2021. С. 160–162.
13. Стариченок В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2008. 811 с.
14. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты/ под ред. А.П. Сковородникова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 480 с.
15. Olga Evdokimova, Alena Ivanova, Anna Zaharova, Tatyana Romanova, Nadezhda Fedorova. Features of professional training of foreign students – future specialists in Russian philology by Russian universities // The International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences” (CILDIAH-2019) (Volgograd, Russia, April 23-28, 2019). SHS Web of Conferences. Volume 69 (2019).

АНИСИМОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

НИКИТИНА АЛЕНА ЮРЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

ПЕТРОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

РАФИФ АЛХТИБ – магистрант Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Дамаск, Сирия.

Ю.Е. АНИСИМОВА

«АТӐЛ ХӐРРИНЧИ ЮМАН» СӐВВӐН ПОЭТИКИПЕ ИЛЕМЛӐХ МЕЛӐСЕМ

ПОЭТИКА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРИЕМЫ СТИХОТВОРЕНИЯ «ДУБ НАД ВОЛГОЙ»

Аннотация. В статье исследуются художественные особенности поэтики стихотворения «Дуб над Волгой», рассматриваются вопросы стилистики, сюжетики, стихосложения. Стихотворение «Дуб над Волгой» относится к философской лирике. В нем отражены размышления о родном народе, судьбе родного языка. В стихотворении лирический герой анализирует явления жизни через призму

личных переживаний, выражает свои мысли и чувства. В стихотворении народ символизируется с дубом. Он дружит с ним и хорошо о нем отзывается. Через образы дуба и желудей автор показывает взаимосвязь с народом, что он и сам вышел из простого народа. Стихотворение «Дуб над Волгой» представлен в виде сонета. В нем есть утверждения, сомнения. Используя строку «наш отец – старый дуб» из чувашской народной песни, автор выражает главную мысль о духовной силе чувашского народа.

Ключевые слова: дуб, желудь, символы плодovitости, параллелизм, сравнение, поэтический мир автора.

Халăх поэзийенче йывăссен сăнарĕсене тăван-хурăнташ, хĕрарăм е арçын евĕр сăнлани упранса юлнă. Уйрăмах юмана илер. Юман – тĕрекĕ туратсемлĕ чи çирĕп, вăрăм ĕмĕрлĕ йывăç. Вăл 400–500 çула çитиччен пурăнать. Пирĕн мăн асаттесем юмана атте тенĕ. Çуртсен никĕсне тата ытти кирлĕрех çурт-йĕре юманран тунă.

Юман сăнарĕ халăх сăмахлăхĕн «*Ватă юман – асатте, пысăк юман – атте*», «*Юман – авалхи чăвашсен йăх палли*», «*Юман – асамлă та таса йывăç*», «*Йĕкелтен юманах шăтат*» каларăшĕсенче тĕл пулат. Çапла каланисенче эпир юмана хак панине, вăл пурнăç тĕрекĕ, асамĕпе чи хăватли тата аça пуçламăшĕпе вăрăм ĕмĕр палли пулнине курапăр. Халăх юррисенче те юман арçын, атте сăнарĕ пулнипе палăрать: «*Уй варринче лаштра юман, Атте тесе, ай кайрăм та*, «*Килех, ывăлм*», – *ай, темерĕ: Чун хурланчĕ – макăртăм та...*».

Чăваш поэзийĕн анинче юман символла сăнар пулнине, уна халăхăн ĕрчевлĕхне, пурнăç хăвачĕ пуррине палăртакан сыравçăсенчен пĕри – чăваш халăх поэчĕ Петĕр Хусанкай. Унăн пултарулăхенче çак сăнар яланхилле çеç мар, пачах çенĕлле пахалăхсемпе палăрса тăрат. Çакна çирĕплетме халăх поэчĕн «Атăл хĕрринчи юман» сăввине тишкерме илтĕмĕр. Тĕпчев ĕçĕн темине «Атăл хĕрринчи юман» сăввĕн поэтикпе илемлĕх мелĕсем» ят патăмăр. Тĕллевĕ пурнăçлама сăввĕн тытăмне тата илемлĕх хатĕрĕсен йĕркине пăхса тухрăмăр.

Поэт çырнисенче юман сăнарĕ пысăк вырăн йышăнса тăрат терĕмĕр. Ку пахалăх уйрăмах сыравçăн «Вăрман юрлат» сăвă ярăмĕнче палăрать. Автор сăвăсен ретĕнчи çирĕм икĕ йывăçа хак панă, вĕсен йышĕнче юман сăнарĕ те пур:

– Юман, Юман, Юман,
Эп – пуриншĕн утаман!
Йывăссен йышне йăлтах
Пуçлăх эпĕ вăрманта [3,7 с.].

Сăвă çаврăмĕнчи тăватă йĕркере юман чи аслă йывăç, вăрман патши пулнине курапăр. Вăл вăрманăн чи шанчăклă сыхчи, управçи. Кунта эпир юман ытти йывăçсене хўтĕлекен пулнине курапăр.

Юман сăнарне калăплассинче халăх поэчĕн «Атăл хĕрринчи юман» сăвви те пысăк пĕлтерĕшлĕ вырăн йышăнать. Петĕр Хусанкай ăна 1953 çулта çырна, «Лирика» кĕнекене кĕртнĕ. Сăвă жанр енчен – сонет, 14 йĕркере тăрат. Малтанхи тăватшар йĕркере тăракан икĕ строфинчи (сăвă çаврăмĕсенчи) рифмăсем хĕреслĕ, юлашки виçшер йĕркере тăракан икĕ строфан хайсен рифми. Сонета шухăшăн çирĕп йĕркине пăхăнса çырна. Кунта çирĕплетни, иккĕленни тата пĕтĕмлетни пур.

«Атăл хĕрринчи юман» сонет философиллĕ лирика ушкăнне кĕрет. Автор ăна çыннăн пурнăçри тивĕçĕ, чысĕ, хакĕ çинчен тарăн шухăшласа çырна. Сăвăра автор сăнарĕ пур. Вăл шухăш-кăмăла хай ятĕнчен «эпĕ» тесе каланинче палăрать. Калусă тăван халăх тата хай пурнăçĕнче пулса иртнĕ ĕç-пулăмсене сăнласа парассине мала хурать. Вăл юманпа туслă, ун пирки ытарлăн калать, юман, йĕкел сăнарĕсем урлă хай те халăхран тухнине палăртать, ыттисене хай тавра пухса танине пĕлтерет.

Юман ватă (*ăслă-тăнлă*), хаяр аслатипе пĕрре çеç мар çапăçнă (*кун-çул йывăрлăхĕсене курса-чăтса ирттернĕ, вĕсене çĕнтерсе тухнă*), лаштра (*юлташĕсем нумай*), ун йĕри-тавра туйралăх (*çамрăк юманлăх*) çитенет. Петĕр Хусанкай халăха юманпа танлаштарать, çирĕп пулнипе нимĕнле вай та ăна çĕнтереймест тет.

Савара юманпа поэзи параллельлехе санлах илем пайрамне йеркелецсе. Ку вал – символ, ерчевлех, пётменлех палли. Сыравса параллельлехпе уса курса этем ес-хелне, сут санталакри пуламсемпе танлаштарса катартать.

Варманта чи хисепле йывацсенчен чи хаватли – юман. Юманан йекелесем сёре уксен вайхат иртнесемён сёне хунавсем шайса тухацсе, варман пысакланать. Чаваш поэзийенче те Петр Хусанкай пархатарёпе сине-синех самрак поэтсем паларма пуслацсе, вёсен хайлавёсем кашлакан варман пек янарацсе.

Анчах лаштра ларать хай халиччен.

Йавантараймёс: ун тымарё таран.

Сапла пуплет туйралах ун синчен

Йери-тавра карах тарса яш сарран.

Тавата йеркере каллах савас халахан вай-хаватне, ерчевлехне палартатать, сак пайрамсемпе пулас арава халалласа хаварать.

Чаваш литературин теппевси Виталий Родионов «Савя. Самах. Санар» кёнекере «Поэзии теппес ыйтусем» пайра поэзи пирки хай шухашне сапла палартать: «Лирикара прозари пек сиелте ыртакан сюжет сук ёнтё. Унти экспрессилле камал – туйама йеркелекенё мёскер-ши? Мехел тенине тупма пулать-ши сав савасенче? Ман шутпа, пёчек калапашла савасен мехелё икё майпа йеркеленет. Пёри вал, прозари пекех, хайлав варринерех ырнасна. Тёслёхшён Петёр Хусанкайан «Атал хёрринчи юман» саввине илсе пахар:

Эп чанка сартла Атал хёрринче

Тарри хурална юмана санарам:

Хаяр аслатипе ёмёренче

Пёре сес мар вал сапасна патварран.

Анчах лаштра ларать хай халиччен.

Йавантараймёс: ун тымарё таран.

Сапла пуплет туйралах ун синчен

Йери-тавра карах тарса яш сарран.

Эс, халахам, сав ват юман пек мар-и?

Шалта сан тымару, семйу те йышла.

Мёнле хават сана халь парантарё?!

Манра – йалт эс пани: ёсченлех, чыслах,

Хаваслах, хурланса та илкелу...

Юман-аттем! Эп – санан йекелу.

Сюжет йерё кунта иккёмёш савра вёслениченеих аталанса пырать те «Эс, халахам, сав ват юман пек мар-и?» йеркере тупене ситет, каярах вара анлантарса пани каять. Сапла вара, савван мехелё илсе катартна йеркере теме пулать. Эппин, поэзири экспрессилле шухаш-камала параллелизм та тума пулашать. Петёр Хусанкайан «Атал хёрринчи юман» саввинче те савнах куртмар: малтанхи пайёенче (икё савра) сутсанталак пуламне укерсе катартна, юлашки пайёенче вара сав укерчек урла танлаштару туня. Ку ёнтё П. Хусанкай халах саввине поэтикпе, илемлех мелёсемпе анасла уса курнине катартакан тёслёх» [2, 244–245 с.].

Чаваш халах поэтне Петр Хусанкай мёнпе, кампа танлаштарма пулать-ши? «Пирён атте – ват юман» тенё чаваш халахё хайён пёр юрринче. Халах поэтё «Атал хёрринчи юман» савара: «Эс, халахам, сав ват юман пек мар-и?» – тесе ыйтатъ те, хай синчен виç йерке каласа вёслет:

Манра – йалт эс пани: ёсченлех, чыслах,

Хаваслах, хурланса та илкелу...

Юман-аттем! Эп – санан йекелу.

«Атал хёрринчи юман» йекелёнчен чаваш литературинче патвар юман шатрё, вал уссех, ситёнсех пычё, пёлёте перёнекен пулчё. Эпир ун сине пахатпар та: чаваш поэзийён улапё тетпёр», – тесе хак парать чаваш халахён хайолла та талантла ывалне Петр Хусанкай литературин теппевси Василий Долгов [1, 66 с.].

Йёкелтен юманах шăтатъ тенё ваттисем. Автор та «Юман-аттем! Эп – санăн йёкелу», – тет, юман сăнарёнче хайён кун-çул сăвапне ўкерет. Василий Долгов тёпчевсё те çакнах сирёплетет. Эпир те çапла каласа хак панипе килёшетпёр.

Сăвва Петр Петрович Хусанкай «Атăл хёрринчи юман» тесе ят панă. Çак ятпа вăл Атăл пурнăç анлăшёнче юман сăнарне арсын евёр сăнланипе палăратъ. Вырăссем *Атăла – Волга-матушка* теçсё пулсан, чăвашсем *Атăла атте* тенё. Атăлтан хăват илнё, ун хёрринче ларакан юман чăваш çыннинче сывлăх, патварлăхпа паттăрлăх тата вăрăм ёмёр палли пуррине кăтартатъ.

«Атăл хёрринчи юман» сăвă пире эпир авалхи халăх пулнине манмалла маррине калатъ, малалла аталанма, чёлхепе культурăна упраса хăварма чёнет, чăваш пулнишён мăнаçланмалли тата туслă пулмалли шухăш-туйăма сирёплетет тата пире Петр Петрович пек чун хавалёпе сирёп пулма, тăван чёлхешён тăрăшма сунатъ.

Литература

1. Долгов В.А. Ырă сăнар илемлё. Критикалла статьясем. Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 1978. 176 с.
2. Родионов В.Г. Сăвă. Сăмах. Сăнар. Тёрлё çулсенче çырнисем. Шупашкар: И.Н. Ульянов ячёллё ЧПУ издательстви, 2007. 468 с.
3. Хусанкай П.П. Вăрман юрлатъ. Сăвăсем. Шупашкар: Чăвашгосиздат, 1951. 56 с.
4. Хусанкай П.П. Çырнисен пуххи. Иккёмёш том. Сăвăсем, ярăмсем. Шупашкар: Чăваш кёнеке издательстви, 2002. 558 с.

АНИСИМОВА ЮЛИЯ ЕЛИСЕЕВНА – учитель МБОУ «СОШ № 10» г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Ю.М. ВИНОГРАДОВ

РУБАИСЕН ЧĂВАШЛА КУÇАРУÇИ – ФИЛОЛОГИ АСЛĂЛĂХЁН КАНДИДАЧЁ, УЧИТЕЛЬ

ПЕРЕВОДЧИК РУБАИ – КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, УЧИТЕЛЬ

Аннотация. Автор знакомит читателя с первыми переводчиками стихотворений, написанных на русском языке в стиле рубаи. В статье описывается, как учительница чувашского языка СОШ № 62 Н.И. Егорова стала переводить с русского языка на чувашский рубаи, написанные А.Н. Ежовым. В работе использованы такие исследовательские методы, как анализ научной литературы о стихотворной системе рубаи, сопоставление перевода с оригиналом, беседа с автором.

Ключевые слова: кандидат филологии, рубаи, рифма, перевод, основная мысль, школа, воспитание.

Чăваш поэзийёнче рубаипе усă курса çырма юлашки çулсенче кăна пуçларёç. Куçару тăвакансем те нумай мар. Апла пулин те пирвайхи опыт рубаипе чăваш поэзийёнче те усă курма май пуррине кăтартатъ. Мёнле чёлхепе çырсан та, вуласан та рубаи философла шухăшлама вёрентет, сын ас-хакăлне ўстерет. Çавăнпа та рубаи ситемипе, унпа усă курса çырна сăвă тёслёхёсемпе шукул ачисене те паллаштармалла, вёсен тавра курăмне сарма тата ас пама усă курмалла. Оригинал сăвăсен авторё А.Н. Ежов – нумай енлё аталаннă сын, патриот. Çакнашкал пахалăха аталантармалли материалпа шукулта туллин усă курмалла.

Шупашкар хулин 62-мѣш шкулѣнче чăваш чѣлхи вѣрентекен Нина Иосифовна Егорова 2022 сұлхи сурла уйăхѣнче Аслăлăхпа вѣрену аталанăвѣн пѣтѣм тѣнче лигин филологи аслăлăхѣн кандидат дипломне алла илнѣ. Диплома асăннă лигăн аттестаци канашѣ ярса панă. Документ номерѣ – 0002104. Дипломра аттестаци канашѣн лару протоколѣ 175-мѣш номерлă пулнине паллă тунă. Нина Иосифовна кандидат степенне парасси çинчен йышăну утă (июнь) уйăхѣн 10-мѣшѣнче Мускавра пулнă. Диплома вырăс тата акăлчан чѣлхисемпе сырнă. Алă пусаканѣсем – аттестаци канашѣн председателѣпе секретарѣ.

Н.И. Егорова 1971 сұлта сурла уйăхѣн (августăн) 6-мѣшѣнче ун чухнехи Чăваш Автономи Республикин Етѣрне районне кѣрекен Хурамал ятлă ялта суралнă. 1988 сұлта Хучаш вăтам шкулѣнчен вѣренсе тухать те И.Н. Ульянов ячѣллѣ Чăваш патшалăх университетне историпе филологи факультечѣн чăваш уйрăмне заявлени кайса парать, журналистика енѣпе специализиленет. Университетăн 5-мѣш курсѣн иккѣмѣш суррине куçсассăн, 1994 сұлхи нарăсăн 25-мѣшѣнчен тытăнса, Етѣрне районѣн Яракасси тулли мар вăтам шкулѣнче чăваш чѣлхипе литературы вѣрентме тытăнать. Ку шкулта – университет пѣтернѣ хыççăн тата икѣ вѣрену сұлѣ ѣçлет те Шупашкара килет. Кунта 29-мѣш вăтам шкулта 1995–2011 сұлсенче ѣçлет. 2011 сұлхи авăн уйăхѣнчен пуçласа паян кунчченех хайѣн пурнăçне 62-мѣш шкулпа сыхăнтарать.

Н.И. Егорова каласа панă тăрăх, апа доцент ятне пани паллă ученăй, поэт тата спорт сынни А.Н. Ежов çинчен сырнă «Душу выразить в слове хочу...» кѣнекене («Чун ашшине чѣлхепе витерем...») Шупашкар: Çенѣ Вăхăт, 2022. 188 с.) вырăсларан чăвашла куçарса кăларнипе сыхăннă иккен. Ку кѣнекере А. Ежовăн аслăлăхпа, вѣрену, спортпа тата литература пултарулахѣпе сыхăннă пурнăçне уçса панă, савă хайлавѣсене кѣртнѣ. Автор пурнăçѣпе ѣçнехѣлне уçса паракан материал, тѣпрен илсен, вырăсла. Литература пултарулах тѣслѣхѣсене вара вырăсла та, чăвашла та вулама пулать.

Анатолий Николаевич Ежов (1946) – Раççей академийѣн сұт çанталăк аслăлăхѣн, Раççей академийѣн юриспруденци аслăлăхѣн, Вырăс географи обществин, 17 патшалăхăн академи членѣ, Раççей писателѣсен тата журналистчѣсен, Тѣнчен баталист тата маринист писателѣсен ассоциацийѣн членѣ т. ыт. те.

А.Н. Ежов – 27 патшалăх ученăйѣсем 1991 сұлхи авăнăн 27-мѣшѣнче хайсен Мускавра пухăннă създѣнче никѣсленѣ Аслăлăхпа вѣрену аталанăвѣн пѣтѣм тѣнче лигийѣн президенчѣ, çав общество организацийѣ тунă Пѣтѣм тѣнчен управлени институтчѣн ректорѣ.

Мускавра экономикапа статистика институтне пѣтернѣ. 1-мѣш курсрах политика экономийѣпе интересленсе кайнă, кайран экономика, юриспруденци тата философи аслăлăхѣсен докторѣн диссертацийѣсене хутѣленѣ.

Спортпа туслă. Малтан парашют спорчѣпе кăсăкланнă, космонавт пулма ѣметленнѣ, çарта чух пăшал персе, самбо мелѣпе кѣрешсе спорт мастерѣн ятне илнѣ, юлашкинчен кире пуканѣ сѣклесипе тѣнче рекорчѣсем тунă, вѣсем шутѣнче Эльбрус çинче тунисем пысăк пѣлтерѣшлѣ. Ученăй тата спортсмен кире пуканѣ сѣклесипе Гиннесăн 321 сертификатне

тивёснэ. Пётёмпе тэнче тата Европа чемпионачёсенче 45 ылтән медаль, Раçсей шайёнче 33 ылтән медаль илнэ. Ар шутне кёнэ сын сывлăх енчен çирёп, пысăк тёллевлэ, çав тёллеве пурнăçлассишён кар тăракан сын пулмалла, Тăван çёр-шыва хўтёлессишён кирек мёнле вăхăтра та хатёр тăмалла тесе шухăшлать.

А.Н. Ежов сăвăсем çырма инçe çул çўревсене тухсан пуçра пухăнна ку е вăл шухăша хут сине куçарнинчен пуçлать, рубаипе çырма 2000 çулта тытăнать.

Литература пултарулаҳне А.Н. Ежованне Шупашкарта тухнă кёнеке тăрăх пёлме пулать. Унта рубаипе çырнă «Ёмёрлэх хурланать тинкерсе», «Пурнăç йёрки» ярăмсене кёртнэ.

Кёнекен поэзипе сыханнă пысăк пайне – «Пурнăç йёрки» ятLINE шăпах Нина Иосифовна куçарнă. Куçарма а́на А.Н. Ежован студент чухнех паллашнă тусэ – Раçсей журналисчёсен членэ, Чăваш писателёсен членэ Геннадий Александрович Викторов ыйтнă. Вăл Н.И. Егорова учителён пултарулаҳэ пуррине 62-мёш шул директор сўмёнчен Людмила Николаевна Даниловăран илтнэ курăнать. Л.Н. Данилова, шулта «Хавхалану» альманах кăларса тăраканскер, Нина Иосифовнăн сăввисене пичетлесе пынă, хайён ёçтешэ сăвă асти пулLINE асăрхамасăр тăма пултарайман.

Учительница сёнўпе килёшмесен те пултарнă паллах, мёншён тесен, пирён шухăшпа, пысăк пёлтерёшлэ икэ сăлтав пулнă. Пёрремёшёнчен, рубаи хайне майла сăвă. Унта 1-мёш, 2-мёш тата 4-мёш йёркесем кăна рифмăланаççэ. 3-мёш йёрке рифма картине кёмест, анчах пётём строфан тёп шухăшне палăртать:

Эсэ манан савнăча илсем,
Эпэ санан тунсăхна сирем.
Тунсăхэ сұхалтăр тёп пулса,
Пёлётрен тасалтăрччэ тўпем.

(А. Ежов. Пурнăç йёрки. Н. Егорова куçарăвэ.)

Иккёмёшёнчен, учительница сăвăсан куçару енёпе практика нумаях пулман темелле. Куçару опычэ, тёпре илсен, студент вăхатёнче И.Н.Ульянов ячёллэ университетра А. Смолин поэт иртгернэ «Илемлэ куçару асталăхэ» специализаци предметёнчен кăна сыхланса юлма пултарнă. Саванпа – мён вёренLINE тепёр хут аса илме тивнэ.

Мён килет те, мён каять тенэ пек, учительница ёçлеме килёшет. Куçарупа пусăранса 2020 çул тăршшёпе ларать. Студент чухне пухнă ханăху часах хёмленсе вай илнэ курăнать, мёншён тесен асла шул преподавателэ панă пёлўпе опыт асра çирёп тымар хăварнă.

Куçарма сăмал пулманни специалист мар сынна та курăнать, мёншён тесен оригиналан философи шухăшне, сăнарлаҳне сыхласа хăвармалла тата кирлэ сăмахсем тупмалла, çав вăхăтрах рифма тытса пымалла. Паллах, чăвашла текста вырăс сăмахёсен тўр килёвёсемпе усă курма май килсен лайăх:

Кто сказал о **тишине** **ночной**?
В лес **войди** **полночною** порой
И услышишь ты и **плач** **совиный**,
И протяжный, долгий **волчий** **вой**...

Кам шырать **сёрлехи** **шăплăха**?
Кёрсе **пăх** **каç** пулсан **вăрмана**:
Кашкăр та шав улать чăтлăхра,
Макăрать сур сёрпе **тăмана**...

Тўр килўсем сук чухне вара оригиналан тёп шухăшне палăртакан параллельлэ пула́мсем синчен çырма тивет:

Как часто, Небес отвергая участие,
Мы сами стремимся навстречу напастям.
А после вздыхаем и сетуем мы,
Что вновь разминувшись с покоем и счастьем.

Телей шăл сёмёрсе кёрет.
Асли а́на савса кётет.
Ухмаххи сурса пăрахать,
Шăпине шав ўпкелет.

Поэзии чун патне илнĕ учительница хайне шанса панă ёсе тивĕçлипе тата килĕшүүлĕ тунă. Çак сăлтавпа тата кандидат дипломне илнĕ ятпа ёштешĕмĕре пĕтĕм чĕререн саламлар. Саламлама тата тепĕр сăлтав та пур: юпа уйăхĕн пуçламăшенче Нина Иосифовна Чăваш Республикакин тава тивĕçлĕ учителĕ ятне панă. Кулленхи ёçре анăçу пулса пытăр! Поэзи вучахĕ хĕмленсе çулăм кăларса тăтăр!

Чăваш поэзийĕнче паян кун çĕнĕ йышши сăвă хыву юхамĕсем курăнма пуçларĕç (ку енчен Марина Карягина пионер шутланать). Çĕнĕ пулăмра Н.И. Егорова учителĕн ёçĕ те тивĕçлĕ вырăн йышăнать. Çитменнине, чăваш чĕлхи учителĕ вырăс литературинче çĕнĕлĕх çулĕпе пыракан А. Ежов поэтăн рубаисене куçарма хал çитерни хай пысăк пулăм пулса тăрат. Ку поэт нумай енлĕ аталанă ученăй пулнипе те, вĕренĕ ертÿçи, спорт çынни тата Раççейĕн пысăк патриотĕ пулнипе те уйрăлса тăрат. Пĕр çынта ученăй тимлĕхĕ, вĕренĕ ертÿçин мал ёметлĕхĕ, спорт çыннин хастарлăхĕ, поэт хавхаланăвĕ пĕрлешни, анлă тавра курăмĕ лайăххи патне чĕнни, вырăс мар халăх çыннисене хисеплени, пĕтĕм пурнăçĕ – Раççей çыннисемшĕн лайăх тĕслĕх. Кунпа – ачасемпе çамрăксене ас пама май пур таран туллин усă курмалла.

Поэзи тĕнчинче А.Н. Ежов ученăйпа Н.И. Егорова учитель пек çынсем пурри Раççейĕн культурипе вĕренĕвĕшĕн пысăк пĕлтерĕшлĕ.

ВИНОГРАДОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник центра регионального развития Чувашского республиканского института образования, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Н.В. ГРИГОРЬЕВА

ВОСПИТАНИЕ У ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Аннотация. Задача формирования у учащихся национального самосознания и формирования культуры межнациональных отношений актуальна. Решение этой задачи позволит вырастить и воспитать патриотов, настоящих граждан своей родины, и таким образом обеспечить ее будущее, потому что отношение к Родине, своему народу и его традициям, к родной природе, родному краю, языку, культуре и обычаям своего народа – непреходящая ценность для любого народа, любой нации. Цель – выявить приоритеты ценностные ориентиры, методологические основы общероссийского патриотизма, проанализировать реальную ситуацию в практике патриотического воспитания.

Ключевые слова: патриотизм, национальное образование, национальное самосознание, идея.

Для национальной системы воспитания возрождения национального самосознания, патриотизма российского народа является одной из важнейших задач. В нашей стране особую значимость приобретает проблема сплочения народов федерального государства на основе демократических и вековых традиций России, ценностей, ориентиров, исходящих от национальной идеи – патриотизма, а также содержание национального образования.

«Многообразие культур и традиций, населяющих Россию народов, является бесценным достоянием страны», – подчеркивает Глава Государства В.В. Путин.

Отношение к Родине, к своему народу и его традициям, к родной природе, родному краю, языку, культуре и к обычаям – непреходящая ценность для любого народа, любой нации. Она определяет качества человека, и мобилизует его на труд во имя народа, укрепления своего государства, к законам, на сохранение народного достояния. Патриотизм укрепляет чувство долга и ответственности перед народом и государством. Воспитание у подрастающего поколения чувства патриотизма, к любви к Родине, к языку и культуре важны для всех стран. Но в нашем государстве они имеют особое значение. Для национальной системы воспитания возрождение национального самосознания российского народа является одной из

важнейших задач. Без чувства гордости за свою Родину нельзя стать настоящим гражданином своего Отечества. Важно понимать, что чувство национального самосознания, которое способствует выделению своего этноса из числа других, не означает отчуждения – оно не должно стать фактором противостояния с другими народами. Осмысление исторического прошлого своего народа должно способствовать тому, что российский народ сможет почувствовать себя равными среди равных в семье народов мира.

К сожалению, современные школьники очень мало знают своей национальной культуры, поэтому изучение народного искусства является одной из главных задач. Ведь народное искусство – это историческая память. Большую ответственность в решении этих проблем несем мы – учителя-словесники. Нам важно показать, что язык – не только средство общения. Его изучение предполагает знакомство с культурой, психологией, традициями, обрядами разных народов. Язык как форма культуры – необходимое средство человеческого мышления, познания и общения – должен усваиваться вместе с ней. Вот почему любой урок родного языка и литературы, в определенном смысле, превращается в изучение культуры данного народа.

Задача формирования у учащихся национального самосознания и формирования культуры межнациональных отношений актуальна. Решение этой задачи позволит вырастить и воспитать патриотов, настоящих граждан своей родины, и таким образом обеспечить ее будущее, потому что отношение к Родине, к своему народу и его традициям, к родной природе, родному краю, языку, культуре и обычаям своего народа – непреходящая ценность для любого народа, любой нации.

Изучение в школах родной литературы – неотъемлемая часть патриотического воспитания молодежи. Это фундамент, первоисточник. Это колоссальный опыт предков. Именно они позволяют не допустить ошибок прошлого ради построения светлого будущего. Роль военной литературы в деле патриотического воспитания неопределима велика. Она помогала и во время войны: вселяла веру и надежду в Победу, способствовала поднятию боевого духа, давала силы перенести суровые испытания, помогала людям жить, вдохновляла на подвиги во имя Родины. И мы должны добиться, чтобы после прочтения произведения, показывающего героизм, каждый ребенок смог ответить на вопрос «А смог бы я поставить судьбу своей страны выше собственного?», «А я бы поступил так же?»

У нас очень много произведений, где описание войны и мужественные поступки наших Героев вызывают слезы. Будто окунешься в Великую Отечественную войну. Тут невозможно вспомнить поэму Петра Хусанкая «Таня». Еще важнее, как учитель преподносит материал урока. Многие учителя стараются проводить этот урок так, чтобы дрожь пробежала у ребенка по всему телу.

Или, возьмем, новеллу О. Туркая «Черемуха в саду» («Пахчари сёмёрт»), которая включена в программу 5 класса. Это такое нужное и своевременное произведение (низкий поклон Ольге Николаевне Тургай, от всех учителей чувашского языка и литературы), где ни один ребенок не может оставаться равнодушным. Хочу поделиться опытом своей работы, как я проведу такие уроки.

При изучении этого произведения почти каждый год проводим встречи с воинами афганцами и чеченцами. В Ульяновской области функционирует Всероссийская общественная организация «Боевое братство». Мы тесно работаем с ними. Она создана путем преобразования Всероссийского общественного движения ветеранов локальных воин и военных конфликтов. В состав входят бывшие воины разных национальностей (татары, чувашаи, мордва, русские). Членами этих организаций являются уроженцы нашего района, которые постоянно проводят серии занятий «Уроки Мужества». Формат встречи «рядом, глаза в глаза» позволяет учащимся с трепетом рассмотреть боевые награды воинов-интернационалистов, увидеть их волнение, а порой и слезы «здесь и сейчас», а не где-то там – далеко на сцене или на экране телевизора. Встречи больше напоминают душевную беседу о ребятах, которые оказались в нечеловеческих условиях, но с Божией помощью сберегли свою душу. С первых минут встречи формируется атмосфера трепетного и вдумчивого осознания услышанного. Подростки с интересом слушают воспоминания людей, которые прошли Афганскую войну и стали прямыми свидетелями тех событий.

В решении поставленных задач должны участвовать все звенья педагогической системы. Учитель родного языка и классные руководители, на чьи плечи традиционно падает основная нагрузка по воспитанию учащихся, может и в данном случае является важным звеном в деле формирования национального самосознания, которое складывается из знания истории, культуры, обычаев языка своего народа.

Очень актуальна в наши дни музейная педагогика. Такой вид педагогики, как одно из направлений деятельности музея, становится все более привычным в практике патриотического воспитания.

Основной целью музейной педагогики является приобщение детей к музейному делу, поэтому на сегодняшний день такую педагогику рассматривают как инновационную педагогическую технологию. Как говорится, «Лучше один раз увидеть, чем сто раз посмотреть». При изучении творчества писателей, выдающихся личностей очень важно посещение музеев, открытых в честь этих людей. Например, в Дрожжановском районе много памятных мест, где родился Министр авиационной промышленности П.В. Дементьев. С его именем связаны яркие страницы развития отечественной авиационной промышленности в годы Великой Отечественной войны.

Под его руководством проходила эвакуация авиазаводов и быстрая организация серийного производства боевых самолетов. Привлечение педагогами музейных материалов в учебный процесс делает уроки более интересными, выразительными, запоминающимися. Но главное то, что у учащихся повышается мотивация к учебной деятельности. Отличается и урок, проведенный в музее или с использованием музейного экспоната. Музейные предметы – вещи, ценности – выступают в качестве источника информации о людях и событиях, способны воздействовать эмоционально, вызывать чувство сопричастности, так как позволяют проникнуть в дух прошлого, в мир творца. Так прокладывается мостик к сердцу ребенка, формируются правильные жизненные ориентиры, происходит приобщение к вечным ценностям жизни. В этом суть музейной педагогики. Ученик может взять музейный предмет в руки, почувствовать его сопричастность с прошлым, вызвать эмоциональный всплеск. Ведь предмет хранит энергию того или иного исторического события. Музейные экспонаты расширяют возможности учебного процесса.

В Республике Татарстан организуются грантовые конкурсы по поддержке мероприятий в сфере сохранения и развития родных языков народов РФ. Победителем 3-го Республиканского конкурса на получение грантов Кабинета Министров Республики на территории Республики Татарстан стал проект «Народное ткачество», подготовленный приходом церкви Казанской иконы Божией Матери с. Убеи Дрожжановского района. Руководителем является Куракина Наталья Николаевна. Этот грант сыграл большую роль в сохранении и развитии традиционного ткачества на деревянном станке. Учитель настолько заинтересовала детей, что музей постоянно наполнен посетителями. Мы тоже в прошлом году выиграли Грант «Поддержка муниципальных дошкольных образовательных организаций и муниципальных общеобразовательных организаций в реализации проектов, направленных на сохранение и развитие языков, традиций, культур народов, проживающих на территории Республики Татарстан, в рамках Года родных языков и народного единства».

Также организуем постоянные экскурсии по памятным местам выдающихся людей. Цели экскурсии – расширение культурного кругозора детей, воспитание их в духе патриотизма, высокой морали, любви и уважения к труду. Когда ученик непосредственно видит, слышит, осязает окружающий мир, он воспринимает его в более ярких, эмоционально насыщенных, запоминающихся образах, чем те, которые предстают перед ним со страниц книг, учебных пособий, воспитывается любовь к Родине, ее культуре, ее природе, истории, людям. Посещение в дом космонавтики, хотя находится вдали от нас, дает еще глубже изучить творчество А.Г. Николаева, у детей появляется мотивация стать великими людьми, космонавтами.

Посещение в музей И.Я. Яковлева тоже имеет огромное значение. Побывав в музее, дети на всю жизнь будут знать о творчестве этого выдающегося просветителя. А посещение музеев-заповедников города Свияжка и Булгар дают детям узнать историю чуваш, оставляют хорошую память.

Современный век способствует еще активнее развивать интерес к культуре своего народа. Большое значение имеет совместный проект Минкультуры, Минцифры «Пушкинская карта». Он позволяет молодым людям бесплатно посещать участвующие в программе театры, кино-театры, выставки, филармонии и другие учреждения культуры за счет федерального бюджета.

Формирование культуры межнационального общения – длительный и многогранный процесс, который связан с формирования культуры межличностных отношений. На бытовом уровне дети постоянно впитывают, осваивают традиции и обычаи своих соседей, в школе изучают историю других народов, постигают общность нашего социально-исторического развития. Задача педагогов – сформировать у школьников уважение к чести и достоинству каждого народа, каждого человека, убедить их в том, что нет народа лучше или хуже другого. Главное – в самом человеке, каков он, а не к какой национальности принадлежит.

В сегодняшних условиях возрастает важность формирования культуры межнационального общения подрастающего поколения. Педагогу следует исходить из того, что культура межнациональных отношений является общечеловеческой ценностью и базируется на общечеловеческой нравственности. Ее основу составляют формирование гуманных отношений между людьми независимо от их национальности, воспитание уважения к культуре, искусству разных народов, к чужому языку. Эту работу можно проводить в учебное и внеурочное время, через всю систему отношений в коллективе класса, любого образовательного учреждения.

Литература

1. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. № 2. 23 января. С. 5.
2. Электронная база: <https://cyberleninka.ru/article/n/patrioticheskoe-voospitanie-obuchayuschih-sya-v-kontekste-rossiyskoy-politiki-v-sfere-natsionalnogo-obrazovaniya>

ГРИГОРЬЕВА НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА – учитель Алешкин-Саплыкской СОШ имени Дементьева В.С. Дрожжановского района Республики Татарстан.

В.В. ГРУЗИН, А.И. ГРУЗИНА

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассмотрена учебно-исследовательская работа как один из видов внеурочной деятельности. Авторы приходят к выводу, что различные задания с элементами исследования на уроке родного языка повышают мотивацию к изучению предмета. Учебное исследование вносит в процесс преподавания родного языка не только участие в познавательно-творческой работе на уроке, но и оказывает помощь в формировании самосознания школьника как личности и частицы этноса.

Ключевые слова: исследовательская работа, чувашский язык, педагогика, обучение родному языку.

Язык является лучшей характеристикой народа. В языке народа сокрыты все его думы и чаяния, его характер, его стремления. Язык – душа народа. С помощью языка любой народ из поколения в поколение передает свое мировоззрение, свой опыт, свое восприятие окружающей действительности, ценностные ориентиры. С помощью языка мы не только общаемся, передаем свои мысли, но и выражаем свои чувства, структурируем свое сознание, аккумулируем накопленные знания.

Эксперты ЮНЕСКО относят национальный язык чувашского народа к исчезающим. Тема спасения чувашского языка в настоящее время активно обсуждается учеными, видными деятелями культуры, искусства и образования. Для того, чтобы язык жил, людям необходимо осознать важность и ценность знания и применения своего родного языка в жизни.

Сохраняя язык, мы сохраняем главное – мысли, чаяния, заслуги, опыт народа, накопленный в веках. Мы учимся любить свой народ, уважать другие народы, их культуру, традиции, жить с ними в мире и дружбе.

С точки зрения теории и практики образования научные исследования представляют наибольший интерес для сохранения чувашского языка. Исследовательская деятельность предполагает выполнение исследовательских задач с заранее известным решением, направленным на создание представлений об объекте или явлении окружающего мира, под началом руководителя исследовательской работы. Она характеризуется целенаправленностью, активностью, предметностью. Ее результатом является формирование познавательных мотивов, исследовательских умений, новых знаний.

Ученые и практики сформулировали основные задачи, которые позволяет решать исследовательская деятельность:

- приобретение навыка решения познавательных, поисковых, проектных задач исследовательским методом,
- создание познавательной базы исследовательской компетентности – представлений об общей систематике знаний человечества,
- развитие базовых способностей личности к рефлексивному мышлению, аналитическому подходу;
- возможность введения человека в мир человеческой культуры через культуру научного сообщества, освоению принятых здесь способов и норм деятельности, восприятию на личностно значимом уровне образцов, авторитетов и ценностей научного сообщества.

Разнообразные задания с элементами исследования на уроке родного языка повышают мотивацию к изучению чувашского языка. Учебное исследование вносит в процесс преподавания родного языка не только участие в познавательно-творческой работе на уроке, но и оказывает помощь в формировании самосознания школьника как личности, как частички этноса, личностной ответственности перед нацией в обретении позиции заинтересованного и ответственного члена социума в сохранении языка. Еще учит уважать культуру и традиции других народов, трепетно относиться к их достоянию.

В исследованиях можно рассматривать быт, интерьер, кухонную утварь, пищу чувашского народа с точки зрения одного из разделов языкознания – лексики. Поводом для исследования могут стать такие вопросы, как мы разговариваем сейчас и как разговаривали наши предки, какие названия остались неизменными, что утратилось, что заменено заимствованиями, и всегда ли заимствования оправданы.

Главная цель исследовательской работы – привлечь внимание к стремительно исчезающей культуре и быту чуваш, заинтересоваться в изучении богатого наследия чувашского народа. В исследовательской деятельности используются различные методы, среди которых изучение материалов краеведческих музеев, знакомство и изучение литературы по данной теме и многое другое.

Обязательным условием при сопоставительном исследовании единиц разных языков становится создание словника или словарика. Такая исследовательская работа на уровне практики обычно состоит из нескольких обязательных этапов:

- 1) подбор материала из разных языков по методу сплошной выборки единиц одной темы или в другом заданном аспекте (материал выбирается из определенного текста или словарей),
- 2) дословный перевод иностранного материала, создание словника,
- 3) подбор русского эквивалента и описание его семантики,
- 4) сопоставление семантики единиц, понимание общности и отличий, выводы о полной или частичной семантической эквивалентности,
- 5) изучение и описание структуры единиц каждого языка с целью установления структурной эквивалентности,
- 6) далее исследование производится в зависимости от темы, поставленных целей и задач, а также результатов наблюдения над материалом и сопоставления.

Среди представителей чувашского этноса немало известных людей, сыгравших важную роль в истории – как древней, так и современной. К примеру, многие ничего не знают о чувашском просветителе И.Я. Яковлеве и других выдающихся людях республики, мало интересуются историей Чувашии, ее культурой и традициями. Поэтому идея организовать исследование «И.Я. Яковлев – просветитель чувашского народа» очень актуальна. Основной целью исследования может стать значимость издательской и переводческой деятельности И.Я. Яковлева для чувашского народа. В течение своей 50-летней общественно-просветительской деятельности И. Я. Яковлев вместе со своими учениками и единомышленниками составил, перевел и издал свыше 100 названий книг и брошюр, начиная с букваря и кончая Библией. Результат данного исследования – это новые данные о деятельности чувашского просветителя.

Наиболее интересным может оказаться составление летописи школы, родословной своей семьи воспитывают понимание того, что человек не одинок, у него глубокие и давние корни на этой земле. Все собранные материалы, вещи и реликвии могут помочь создать в школе краеведческого музея «Центр чувашской культуры».

И так, мы можем сделать вывод, что исследовательская деятельность – это огромный потенциал и возможность сохранить чувашский язык, используя различные методы и средства.

Литература

1. Ершова Т.М. Приобщение дошкольников к истокам национальной культуры в целях познавательного и нравственного развития // Актуальные вопросы исследования и преподавания родных языков и литератур. 2020. С. 286–287.

2. Кулясова К.В. Исследовательская работа как один из методов изучения и сохранения родного языка в поликультурном пространстве // Актуальные вопросы исследования и преподавания родных языков и литератур. Чебоксары, 2020. С. 238–239.

3. Магулаева Ф.Л. Обязательное изучение родного языка и литературы в школе как фактор их сохранения и развития / Ф.Л. Магулаева, К.А. Салпагарова // Языки и литературы в поликультурном пространстве России: современное состояние и перспективы развития. Карачаевск, 2018. С. 183–186.

4. Сохранение традиций и обычаев чувашей в нашем крае. Исследовательская работа «Чувашские традиции и обычаи на селе». URL: <https://fashiongirlclub.ru/psihologiya/sohranenie-tradicii-i-obychaev-chuvashhei-v-nashem-krae-issledovatel'skaya.html> (Дата обращения: 25.08.2022).

ГРУЗИН ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ – учитель МОУ города Ульяновска «Средняя школа № 57».

ГРУЗИНА АЛЕВТИНА ИВАНОВНА – учитель МОУ Елховоозернская средняя школа муниципального образования «Цильнинский район» Ульяновской области.

О.К. ЕВДОКИМОВА, И.Г. ИГНАТЬЕВА, Д.В. ФРОЛОВА

РОЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ШКОЛА – ВУЗ: КОНЦЕПТ «ДОМ» НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ

Аннотация. Статья посвящена определению роли учебного предмета «литература» в образовательной системе школа – вуз. В центре внимания проблема преемственности образования среднего и высшего звена независимо от выбора выпускником школы направления подготовки и профиля будущей профессии. Авторы статьи, опираясь на опыт преподавания литературы в школе и вузе, показывают, какова связь между изучением данного предмета в школе и адаптацией студента в вузе. В статье подчеркивается особая роль учебного предмета «литература» в формировании социально-нравственного опыта обучаемых. Для того чтобы определить, каким образом можно реализовать преемственность обучения в системе школа – вуз начиная со школьного звена, в работе сделан акцент на анализе концепта «дом» на примере трех произведений школьной программы – «Недоросль» Д.И. Фонвизина, «Горе от ума» А.С. Грибоедова, «Евгений Онегин» А.С. Пушкина. Статья в методологическом отношении представляет интерес, прежде всего, для учителей-словесников, сочетающих в своей работе школьную практику с элементами вузовского преподавания.

Ключевые слова: школа, вуз, преемственность образования, литература, концепт «дом».

Литература – один из тех предметов школьной программы, который в наибольшей степени обеспечивает преемственность школьного и вузовского образования независимо от профиля будущей профессии. Эта преемственность в широком смысле заключается не только в наследовании школьных знаний и их приумножении. Едва ли не определяющую роль играет социальный и нравственный опыт, полученный учащимися в школе, тот опыт, на который они могут опереться в условиях адаптации в вузе. Источники данного опыта разные, но среди них далеко не последнее место занимает школа, где вся система обучения и воспитания нацелена на формирование личности человека, его моральных ценностей и мировоззрения. Обратим внимание на то, что именно литература более, чем любой другой предмет школьной программы, может повлиять на подростка, на процесс его социализации и нравственного становления, поскольку в художественных произведениях фактически представлены модели общественного поведения, актуальные для любого исторического времени [3, 6, 19]. На уроках литературы школьники не только узнают о таких принципиально важных понятиях, как Родина, семья, дом, но благодаря образной картине мира, созданной писателем, соотносят эти понятия с реальностью, с собственным пониманием жизни и конкретным опытом общения с окружающими.

Как известно, в школьную программу по литературе входят произведения разной идейно-тематической направленности, однако все они призваны развить в сознании и эмоциональном восприятии учащихся базовые представления о взаимоотношениях с окружающим миром. В этой связи одним из ключевых понятий при анализе практически любого художественного произведения на уроках литературы в школе становится понятие «дом», многозначное, многомерное и, может быть, самое главное – мировоззренческое.

Для того чтобы раскрыть содержательную глубину данного понятия, показать «дом» как сквозной образ русской литературы, обращения к элементарной литературоведческой терминологии в рамках школьной программы уже не достаточно. Здесь на помощь приходит вузовская практика, известные научные направления в филологии, благодаря которым возможности литературоведческого анализа необычайно расширяются, но при этом ни в коей мере не усложняется восприятие учебного материала учащимися. В данном случае речь идет о концепте как наиболее емком литературоведческом понятии, использование которого позволяет учителю раскрыть глубину представлений о «доме», а также выстроить ассоциативный понятийный ряд, опираясь на который школьники могут проследить эволюцию данного понятия в русской литературе.

В современной филологии концепт уже достаточно апробирован как средство литературоведческого и одновременно лингвистического анализа текста. Интерес к концепту в отечественной науке появился еще в 20-30-е годы XX века. Так, в 1928 году С.А. Аскольдов-Алексеев опубликовал статью «Концепт и слово», в которой определил концепт как мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода [2]. В настоящее время известны разные толкования понятия «концепт» [1, 15, 9, 12], однако в практике школьного преподавания важно, прежде всего, то, что концепт – это набор знаний, представлений, переживаний и ассоциаций, который сопровождает то или иное слово. По сути, концепт является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека [9]. В этом, собственно, и заключается методологическая значимость концепта, когда анализ через призму разных концептов позволяет каждый раз по-новому прочесть один и тот же текст, открывая в нем все новые и новые смыслы. В то же время возможна и обратная связь, когда один и тот же концепт дает возможность открыть в разных произведениях одинаковый смысл. Одним из таких концептов, несомненно, является концепт «дом», поскольку «дом» в этой связи выступает как особое явление культуры народа.

Представление о доме занимает едва ли не первое место в системе жизненных ценностей русского человека с древних времен. С момента рождения каждому ребенку необходимы дом и семья, формирующие и адаптирующие его к будущей самостоятельной жизнедеятельности. Не случайно концепт «дом», охватывающий многие стороны человеческой жизни, является одним из ключевых в произведениях устного народного творчества, пословицах и поговорках,

а также в художественной литературе [17, 11, 8, 16]. Обращение к данному концепту на уроках литературы в школе всегда будет иметь комплексный характер: это и анализ текста как явления литературы и культуры в целом, это и определение перспектив развития литературы с позиции традиций и новаторства, это и установление межпредметных и метапредметных связей на более глубоком, смысловом уровне.

Согласно школьной программе [13], изучение истории русской литературы начинается с 9 класса, со «Слова о полку Игореве», где образ Русской земли неотделим от представлений о «доме». Иначе и с иных позиций показан «дом» в комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль», «дом» на пересечении идеологических споров и конфликта поколений лежит в основе целого ряда произведений русской литературы XIX века. Лирический образ дома создан в поэзии А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова [7]. Глубоким философским и этическим смыслом наполняется понятие «дом» в романах Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, очень разным, не имеющим однозначной характеристики, предстает «дом» в творчестве А.П. Чехова [11]. «Дом» в его мировоззренческой и нравственной характеристиках стал одним из центральных образов литературы XX столетия.

Цель данной статьи показать, как с помощью концепта «дом» на уроках литературы в школе можно не только раскрыть идейный смысл и художественные особенности изучаемого произведения, но, прежде всего, актуализировать его содержание уже за пределами школы.

В связи с поставленной целью в работе были использованы следующие методы: сравнительно-сопоставительный анализ и элементы комплексного анализа художественного текста с помощью понятия концепт. Научная новизна статьи и ее актуальность заключаются в ее методологической составляющей, адресованной школьным учителям-словесникам.

«Дом» в произведениях русской литературы, включенных в школьную программу, занимает едва ли не главное место, и раскрывается это понятие, как уже было отмечено, в разных аспектах. Так, несомненный интерес в этой связи представляет комедия Д.И. Фонвизина «Недоросль» (1782), в которой воедино слиты такие серьезные проблемы, как дом, семья, воспитание, отцы и дети. Показывая домашний уклад типичной помещичьей семьи, автор не жалеет красок для изображения главных героев – недоросля Митрофана и его матери, госпожи Простаковой, чья «безумная любовь» к сыну «и довела ее всего больше до несчастья...» [18, с. 115]. На протяжении всей пьесы Фонвизин создает развернутый портрет семьи Простаковых, который становится ярким символом отрицательного опыта внутрисемейных отношений, предопределивших характер и судьбу «недоросля». В результате концепт «дом» в комедии Д.И. Фонвизина позволяет выстроить синонимический ряд, раскрывающий авторское понимание дома как общественно-значимой структуры. Дом – это семья, материнская любовь, воспитание, которые, при условии искаженного понимания, могут разрушить судьбу человека, в корне изменить его жизнь. Неслучайно само слово «недоросль» после появления комедии стало обозначением определенного типа социального поведения и получило устойчивую, явно отрицательную оценочную окраску в русском языке, сделав при этом образ главного героя не только запоминающимся, но типичным и в определенном смысле знаковым.

С несколько иных позиций раскрывается представление о доме в другой пьесе – комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1824). Как и в произведении Д.И. Фонвизина, мы вновь сталкиваемся с проблемами родительской любви и воспитания, однако теперь идеологический конфликт, который лежит в основе «Горя от ума», дает иное направление пониманию «дома». Дом – это не только семья (отец и дочь Фамусовы), это и столкновение мнений и взглядов (Чацкий и Фамусов, Чацкий и Молчалин, Чацкий и фамусовское общество), раздвигающее границы привычного понимания дома. В результате концепт «дом» в анализе грибоедовской комедии приобретает доминирующую мировоззренческую окраску, что находит отражение в предельно краткой и в то же время емкой формуле – «свое суждение» [4, с. 77].

Действительно, в сюжете каждый из героев комедии страстно отстаивает свои взгляды, что, как известно, позволяет автору создать широкую картину идеологической жизни русского общества незадолго до восстания декабристов. В то же время «свое суждение» становится

своеобразным символом «дома» в контексте произведения. В этой связи сразу же вспоминаются Молчалин, который в жизни твердо следует завету своего отца – *«угождать всем людям без изъятия»*, и Чацкий, для которого *«дым отечества»* не просто приятное воспоминание, это любовь к Родине и родному дому.

В результате в ходе анализа пьесы А.С. Грибоедова «Горе от ума» с помощью концепта «дом» становится возможным показать школьникам, почему будущие декабристы считали комедию «своей», а, следовательно, и объяснить, почему это произведение – сатирическое. Опираясь на практический опыт преподавания литературы, отметим, что вопрос о сатире в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» нередко вызывает недопонимание у учащихся девятого класса, поскольку само понятие в восприятии школьников в достаточной степени абстрактное. В этом отношении концепт «дом» позволяет учителю раскрыть смысл сатиры в ее конкретных проявлениях в комедии. Так, в частности, сатирическое изображение Фамусова – главы богатого московского дома и отца взрослой дочери, имеющего свой «ум», фокусируется в его нетерпимости ко всякого рода «учению». *«Собрать все книги бы да сжечь!»*, *«ученье – вот чума...»* – эти и другие подобные реплики Фамусова противопоставляют его главному герою произведения – Александру Андреевичу Чацкому, который ратует за *«ум, алчущий познания»*. Столь же сатирически, то есть по своему «уму», изображен и Молчалин. Еще раз обратим внимание на то, что «ум» Молчалина опирается на устои родного дома – завет отца.

Таким образом, на конкретных примерах из текста произведения, подкрепленных анализом концепта «дом», выявляется сатирическое звучание комедии А.С. Грибоедова, раскрывается ее глубинный смысл, столь важный для современников автора и очевидный для сегодняшних школьников, которые черпают из классической русской литературы актуальный жизненный опыт.

Особую роль концепт «дом» играет и в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (1823 – 1830). Прежде всего, следует отметить, что «дом» и отношение к дому имели особое значение в жизни и творчестве А.С. Пушкина, о чем в свое время писал Ю.М. Лотман [9]. Неслучайно в главном произведении поэта «дом» становится, по сути, средством изображения всех героев произведения – Онегина, Ленского, семьи Лариных.

В свое время Ф.М. Достоевский, раскрывая особенности характера Онегина, «лишил» пушкинского героя «дома», назвав его «перекати-полем» [5]. Онегин, действительно, как перекасти-поле, движется по жизни. Из содержания романа мы узнаем, как воспитывался Онегин в доме отца (глава 1, строфа III) [14, с. 7], каким был кабинет Онегина (глава 1, строфа XXIII) [14, с. 14], мы видим описание его деревенского дома (глава 2, строфа I) [14, с. 30], в ответе на письмо Татьяны раскрываются представления героя о «семейном круге» (глава 4, строфа XIII) [14, с. 71]. Иными словами, «дом», представая в романе как бы в разных обличьях, занимает далеко не последнее место в жизни Онегина, являясь отражением и его характера, и образа мыслей, и его судьбы.

Неслучайно и то, что в финале романа мотив дома в характеристике главного героя вытесняется мотивом его любви к Татьяне, что можно понять как символ незавершенности жизненной истории Онегина и, напротив, определенность судьбы Татьяны, у которой есть свой «дом». Татьяна, «русская душою», в ее образе прослеживается ярко выраженная связь с национальными традициями, и Онегин, воспитанный французским гувернером, изначально имеют разные представления о доме, что становится, в изображении А.С. Пушкина, непреодолимым препятствием для героев.

В результате концепт «дом» в романе А.С. Пушкина наполняется не только житейским, общественно-значимым, но и житийным смыслом, что придает особую, философскую глубину всему произведению. В этой связи синонимический ряд понятия «дом» в «Евгении Онегине» следующий: *«судьба»* (глава 1, строфа III) [14, с. 7], *«замок»* (глава 2, строфа II) [14, с. 31], *«дом»* (глава 2, строфа I) [14, с. 30], *«хозяйство»* (глава 2, строфа XXXI) [14, с. 44], *«семья»* (глава 3, строфа I) [14, с. 48], *«семейный круг»* (глава 4, строфа XIII) [14, с. 71], *«семейство»* (глава 7, строфа XII) [14, с. 129].

Особенность данного ряда в сочетании на единой основе философских категорий с глубоко жизненными реалиями, что позволяет учителю одновременно раскрыть вневременной смысл романа в стихах и показать изображение картин русской действительности во всем ее многообразии.

Таким образом, обращение к концепту «дом» на уроках литературы в школе сделало возможным выявить одинаковый смысл в произведениях, различающихся временем создания, жанровыми характеристиками, образами героев. «Дом» – это устои, на основе которых формируется личность человека, определяются его жизненный путь и судьба.

В данной статье мы попытались показать, что преемственность обучения в системе школа – вуз обусловлена не столько его профильной направленностью, сколько тем социально-нравственным опытом, который учащийся извлечет на уроках литературы и который станет его жизненной опорой. Для анализа были выбраны произведения, которые, на наш взгляд, наиболее показательны с точки зрения трансформации полученных знаний за пределами школы. В этом отношении концепт «дом» – фактически универсальный ключ к пониманию русской литературы и культуры в целом, это своего рода культурный код, передающий особенности менталитета русского человека, воспитывающий чувство любви к родному языку и родному дому в его узком, конкретном понимании, в глубоком философском смысле и широком ассоциативном восприятии, когда дом – это будущее, судьба, Родина.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 895 с.
2. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология / Под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
3. Горбунов В.И., Евдокимова О.К. Роль литературы как модели общества в современном образовании // Развитие системы непрерывного профессионального образования: содержание, проблемы, перспективы: матер. 4-й Междунар. учеб.-метод. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. С. 160–165.
4. Грибоедов А.С. Горе от ума // Грибоедов А.С. Горе от ума: сборник. М.: Изд-во АСТ, 2021. С. 3–141.
5. Достоевский Ф.М. Пушкин // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. В 15 т. / Сост. Т.И. Орнатская, Г.М. Фридендер. СПб.: Наука, 1995. Т. 14. С. 425–440.
6. Евдокимова О.К., Горбунов В.И., Обжогин А.А. Предмет «литература» в системе непрерывного образования «школа – вуз» // Ашмаринские чтения: сб. материалов XI Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 25 апреля 2019 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. С. 174–177.
7. Евдокимова О.К., Исмукова Н.А. Концепт «Дом» в лирике А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов: в 2 ч. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. Ч. II. С. 181–186.
8. Евдокимова О.К., Ляпаева Л.В., Федяй С.В. Концепт "дом": творческая переключка в веках (М. Лермонтов, М. Цветаева, Г. Айги) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2018. № 2 (98). С. 78–84.
9. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология. М.: Academia, 1997. С. 147–165.
10. Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя: пособие для учащихся. Л.: Просвещение, 1983. 255 с.
11. Мясникова Т.С. Концепт «старый дом» в рассказе А.П. Чехова «Дом с мезонином (рассказ художника)» // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 1. С. 34–38.
12. Никишина И.Ю. Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. М.: МАКС Пресс, 2002. Вып. 21. С. 5-7. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23813974> (Дата обращения 26.08.2022).
13. Программа по литературе для 5-11 классов общеобразовательной школы / Авторы-сост.: Меркин Г.С., Зинин С.А., Чалмаев В.А. М.: Русское слово, 2011. 200 с.
14. Пушкин А.С. Евгений Онегин // А.С. Пушкин. Евгений Онегин. Борис Годунов. Маленькие трагедии. М.: Изд-во АСТ, 2021. С. 5–172.
15. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
16. Tatyana Romanova, Olga Evdokimova, Anna Zaharova, Alena Ivanova, Nadezhda Fedorova. The concept family in the Russian and Ukrainian language culture (based on proverbs and sayings) // The International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences” (CILDIAN-2019) (Volgograd, Russia, April 23-28, 2019). SHS Web of Conferences. Volume 69 (2019). <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900136>
17. Тимошенко С.А. Лексико-семантическая экспликация концепта дом в русской фразеологии и художественных текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 25 с.

18. Фонвизин Д.И. Недоросль // Д.И. Фонвизин. Недоросль: сборник. М.: Изд-во АСТ, 2018. С. 3–116.

19. Olga Evdokimova, Alena Ivanova, Anna Zaharova, Tatyana Romanova, Nadezhda Fedorova. Features of professional training of foreign students – future specialists in Russian philology by Russian universities // The International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences” (CILDIAN-2019) (Volgograd, Russia, April 23-28, 2019). SHS Web of Conferences. Volume 69 (2019).

ЕВДОКИМОВА ОЛЬГА КОНСТАНТИНОВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

ИГНАТЬЕВА ИРИНА ГЕОРГИЕВНА – учитель МАОУ «Гимназия № 5» г. Чебоксары, Чувашская Республика.

ФРОЛОВА ДАРЬЯ ВЛАДИМИРОВНА – учитель МАОУ «Гимназия № 5» г. Чебоксары, Чувашская Республика.

А.М. ИВАНОВА, В.Ю. КИРИЛЛОВА

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ С КОМПОНЕНТОМ ПУЛ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Краткие сообщения о глагольных аналитических формах представлены в трудах Н.И. Ашмарина, В.Г. Егорова, И.А. Андреева, С.П. Горского, М.Р. Федотова, Л.С. Левитской. Данные конструкции в разных работах получили разные наименования. В статье рассмотрены аналитические глаголы с компонентом «пул» (быть, стать) в роли вспомогательного компонента. Примеры, приведенные в статье, свидетельствуют, насколько богата категория времени глагола в чувашском языке.

Ключевые слова: глагол, аналитический глагол, категория времени, временная форма глагола.

В чувашском языке активно используются аналитические глаголы, состоящие из основного и вспомогательного компонентов. Например: *тёрлесе пар* «вышить» < *тёрле* «вышивать» + аффикс *-се* + *пар* «дать», *каласа хур* «сказать» < *кала* «говорить» + аффикс *-са* + *хур* «положить», *çатса яр* «проглотить» < *çат* «глотать» + аффикс *-са* + *яр* «пустить». В тюркских языках подобные глагольные конструкции получили разные наименования: их называют перифрастическими формами временного значения (М.З. Закиев), временными, видо-временными аналитическими формами (Н.И. Ашмарин), сложными или сложно-составными глаголами (В.Г. Егоров), аналитическими глагольными конструкциями (Л.П. Сергеева), аналитическими глаголами (Г.Е. Корнилов), *бивербам* (от *bi* «два» и *verb* «глагол») или таксисными аналитическими конструкциями [3].

В аналитических глаголах обращает на себя внимание разнообразие форм основного и вспомогательного компонентов. В одних конструкциях оба компонента имеют форму спрягаемых глаголов (*ёçлерём пулать*, *юрларёç пулать*, *килчё кёчё*), в других – выражаются неспрягаемой формой (*кайнй пулнй*, *килсе çитсе*, *илтмёш пулаканчё*). Продуктивны аналитические глаголы, в которых первым компонентом является деепричастие или причастие, а вторую позицию занимает вспомогательный глагол личной или неспрягаемой формы (*шйла-шйла ил*, *çиес килет*, *çывёрса тйранйттйм*, *пёле тйра*, *каласа кйартёçин*, *чупса пыр*, *çырса пётер*). Несмотря на разнообразие форм и значений, аналитические глаголы в чувашском языке до сих пор не стали объектом специального исследования: их не рассматривают в курсе синтаксиса, так как не относят к словосочетаниям, они также не изучаются в морфологии (части речи объединяют только отдельные слова, а не сложные конструкции или сочетания).

В функции вспомогательного компонента в чувашском языке часто выступает глагол *пул* «быть / стать». Подобные глагольные конструкции обогащают традиционные временные формы. Рассмотрим их на примерах с вспомогательным глаголом *пул* «быть / стать» в спрягаемой форме и проследим, насколько богато обозначена категория времени в чувашском языке.

1. Аналитические глаголы с причастием прошедшего времени в роли основного компонента:

а) *Настоящее время прошедшего причастия** (причастие с аффиксом *-нӓ (-нӗ) + пул* в настоящем времени):

Утвердит. форма

1-е л. <i>килнӗ пулатӓн</i>	<i>килнӗ пулатпӓр</i>
2-е л. <i>килнӗ пулатӓн</i>	<i>килнӗ пулатӓр</i>
3-е л. <i>килнӗ пулать</i>	<i>килнӗ пулаççӗ</i>

Отрицат. форма

1-е л. <i>килмен пулатӓн</i>	<i>килмен пулатпӓр</i>
2-е л. <i>килмен пулатӓн</i>	<i>килмен пулатӓр</i>
3-е л. <i>килмен пулать</i>	<i>килмен пулаççӗ</i>

В этих примерах наблюдается наличие *прошедшего* времени в *настоящем*. Н.И. Ашмарин назвал их термином *настоящее-прошедшее время*.

б) *Будущее время прошедшего причастия* (причастие с аффиксом *-нӓ (-нӗ) + пул* в будущем времени):

Утвердит. форма

1-е л. <i>килнӗ пулӓн</i>	<i>килнӗ пулӓпӓр</i>
2-е л. <i>килнӗ пулӓн</i>	<i>килнӗ пулӓр</i>
3-е л. <i>килнӗ пулӗ</i>	<i>килнӗ пулӗç</i>

Отрицат. форма

1-е л. <i>килмен пулӓн</i>	<i>килмен пулӓпӓр</i>
2-е л. <i>килмен пулӓн</i>	<i>килмен пулӓр</i>
3-е л. <i>килмен пулӗ</i>	<i>килмен пулӗç</i>

Эта временная форма у Н.И. Ашмарина называется «*будущее второе*» [1], которое составляется из причастия прошедшего времени и будущего первого от глагола *пул* или *настояще-будущего* времени того же глагола. В.Г. Егоров называет эту форму «*будущее сложное (преждебудущее) время*» [2].

в) *Прошедшее однократное время прошедшего причастия* (причастие с аффиксом *-нӓ (-нӗ) + пул* в прошедшем однократном времени):

Утвердит. форма

1-е л. <i>килнӗ пултӓм</i>	<i>килнӗ пултӓмӓр</i>
2-е л. <i>килнӗ пултӓн</i>	<i>килнӗ пултӓр</i>
3-е л. <i>килнӗ пулчӗ</i>	<i>килнӗ пулчӗç</i>

Отрицат. форма

1-е л. <i>килмен пултӓм</i>	<i>килмен пултӓмӓр</i>
2-е л. <i>килмен пултӓн</i>	<i>килмен пултӓр</i>
3-е л. <i>килмен пулчӗ</i>	<i>килмен пулчӗç</i>

По Н.И. Ашмарину, эта временная форма – *прошедшее в прошедшем*.

г) *Прошедшее многократное время прошедшего причастия* (причастие с аффиксом *-нӓ (-нӗ) + пул* в прошедшем многократном времени):

Утвердит. форма

1-е л. <i>килнӗ пулаттӓм</i>	<i>килнӗ пулаттӓмӓр</i>
2-е л. <i>килнӗ пулаттӓн</i>	<i>килнӗ пулаттӓр</i>
3-е л. <i>килнӗ пулатчӗ</i>	<i>килнӗ пулатчӗç</i>

* Прошедшее причастие = причастие прошедшего времени, настоящее причастие = причастие настоящего времени, будущее причастие = причастие будущего времени.

Отрицат. форма

1-е л. *килмен пулаттӓм* килмен пулаттӓмӓр

2-е л. *килмен пулаттӓн* килмен пулаттӓр

3-е л. *килмен пулатчӓ* килмен пулатчӓс

д) *Сослагательное наклонение прошедшего причастия* (причастие с аффиксом *-нӓ (-нӓ)* + *пул* в сослагательном наклонении):

Утвердит. форма

1-е л. *килнӓ пулӓттӓм* килнӓ пулӓттӓмӓр

2-е л. *килнӓ пулӓттӓн* килнӓ пулӓттӓр

3-е л. *килнӓ пулӓччӓ* килнӓ пулӓччӓс

Отрицат. форма

1-е л. *килмен пулӓттӓм* килмен пулӓттӓмӓр

2-е л. *килмен пулӓттӓн* килмен пулӓттӓр

3-е л. *килмен пулӓччӓ* килмен пулӓччӓс

е) *Повелительное наклонение прошедшего причастия* (причастие с аффиксом *-нӓ (-нӓ)* + *пул* в повелительном наклонении):

Утвердит. форма

1-е л. *килнӓ пулам* килнӓ пулар

2-е л. *килнӓ пул* килнӓ пулӓр

3-е л. *килнӓ пултӓр* килнӓ пулчӓр

Отрицат. форма

1-е л. *килмен пулам* килмен пулар

2-е л. *килмен пул* килмен пулӓр

3-е л. *килмен пултӓр* килмен пулчӓр

2. Аналитические глаголы с причастием настоящего времени в роли основного компонента:

а) *Настоящее время настоящего причастия* (причастие с аффиксом *-акан (-екен)* + *пул* в настоящем времени):

Утвердит. форма

1-е л. *килекен пулатӓп* килекен пулатпӓр

2-е л. *килекен пулатӓн* килекен пулатӓр

3-е л. *килекен пулать* килекен пуласӓсӓ

У данных конструкций не бывает отрицательной формы (ср.: не существует словоформ *килмекен пулатӓп*, *килмекен пулӓ*, *килмекен пулчӓ*).

б) *Будущее время настоящего причастия* (причастие с аффиксом *-акан (-екен)* + *пул* в будущем времени):

Утвердит. форма

1-е л. *килекен пулӓп* килекен пулӓпӓр

2-е л. *килекен пулӓн* килекен пулӓр

3-е л. *килекен пулӓ* килекен пулӓс

в) *Прошедшее однократное время настоящего причастия* (причастие с аффиксом *-акан (-екен)* + *пул* в прошедшем однократном времени):

Утвердит. форма

1-е л. *килекен пултӓм* килекен пултӓмӓр

2-е л. *килекен пултӓн* килекен пултӓр

3-е л. *килекен пултчӓ* килекен пултчӓс

г) *Прошедшее многократное время настоящего причастия* (причастие с аффиксом *-акан (-екен)* + *пул* в прошедшем многократном времени):

Утвердит. форма

1-е л. килекен пулатт^{йм} килекен пулатт^{йм}а^р

2-е л. килекен пулатт^{ян} килекен пулатт^{яр}

3-е л. килекен пулатч^ё килекен пулатч^{ёс}

д) *Сослагательное наклонение причастия настоящего времени* (причастие с аффиксом -акан (-екен) + пул в сослагательном наклонении):

1-е л. килекен пул^{йт}т^{йм} килекен пул^{йт}т^{йм}а^р

2-е л. килекен пул^{йт}т^{ян} килекен пул^{йт}т^{яр}

3-е л. килекен пул^{ёч}ч^ё килекен пул^{ёч}ч^{ёс}

е) *Повелительное наклонение причастия настоящего времени* (причастие с аффиксом -акан (-екен) + пул в повелительном наклонении):

1-е л. килекен пула^м килекен пула^р

2-е л. килекен пул килекен пул^{яр}

3-е л. килекен пулт^{яр} килекен пулч^{яр}

3. Аналитические глаголы с причастием будущего времени в роли основного компонента:

а) *Настоящее время будущего причастия* (причастие с аффиксом -ас (-ес) + пул в настоящем времени):

Утвердит. форма в настоящем времени

1-е л. с^{ур}есс(ё^м) пула^{ть} с^{ур}есс(ё^м)(ё^р) пула^{ть}

2-е л. с^{ур}есс^у пула^{ть} с^{ур}ессё^р пула^{ть}

3-е л. с^{ур}есси пула^{ть} с^{ур}есси пула^{ть}

Отрицат. форма в настоящем времени

1-е л. с^{ур}есс(ё^м) пулма^{сть} с^{ур}есс(ё^м)(ё^р) пулма^{сть}

2-е л. с^{ур}есс^у пулма^{сть} с^{ур}ессё^р пулма^{сть}

3-е л. с^{ур}есси пулма^{сть} с^{ур}есси пулма^{сть}

б) *Будущее время будущего причастия* (причастие с аффиксом -ас (-ес) + пул в будущем времени):

Утвердит. форма в будущем времени

1-е л. с^{ур}есс(ё^м) пул^ё с^{ур}есс(ё^м)(ё^р) пул^ё

2-е л. с^{ур}есс^у пул^ё с^{ур}ессё^р пул^ё

3-е л. с^{ур}есси пул^ё с^{ур}есси пул^ё

Отрицат. форма в будущем времени

1-е л. с^{ур}есс(ё^м) пул^{мё} с^{ур}есс(ё^м)(ё^р) пул^{мё}

2-е л. с^{ур}есс^у пул^{мё} с^{ур}ессё^р пул^{мё}

3-е л. с^{ур}есси пул^{мё} с^{ур}есси пул^{мё}

в) *Прошедшее однократное время будущего причастия* (причастие с аффиксом -ас (-ес) + пул в прошедшем однократном времени): килесси пулч^ё, тёлёресси пулч^ё и т. д.

Х^{ав} та куп^{ас} с^{ул}л^ёиш анчах, в^ёренесс^у пула^{ть}-и санран? «Сам-то ты ростом с гармошку (скрипку), сможешь ли научиться играть?».

4. Аналитические глаголы с причастием возможности в роли основного компонента:

а) *Настоящее время причастия возможности* (причастие с аффиксом (-м)-и + пул в настоящем времени):

Утвердит. форма

1-е л. с^{ур}еми пула^тя^н с^{ур}еми пула^тя^р

2-е л. с^{ур}еми пула^тя^н с^{ур}еми пула^тя^р

3-е л. с^{ур}еми пула^{ть} с^{ур}еми пула^сс^ё

Отрицательная форма менее употребительна, чем утвердительная:

1-е л. <i>сўреми пулмастай</i>	<i>сўреми пулмастпайр</i>
2-е л. <i>сўреми пулмастайн</i>	<i>сўреми пулмастайр</i>
3-е л. <i>сўреми пулмасть</i>	<i>сўреми пулмастсё</i>

В данных конструкциях первый глагол может принимать аффиксы состояния возможности-невозможности:

1-е л. <i>сўрейми пулатай</i>	<i>сўрейми пулатпайр</i>
2-е л. <i>сўрейми пулатайн</i>	<i>сўрейми пулатайр</i>
3-е л. <i>сўрейми пулатъ</i>	<i>сўрейми пуластсё</i>

б) *Будущее время причастия возможности* (причастие с аффиксом (-м)-и + пул в будущем времени):

Утвердит. форма

1-е л. <i>сўреми (сўрейми) пулай</i>	<i>сўреми (сўрейми) пулайпайр</i>
2-е л. <i>сўреми (сўрейми) пулайн</i>	<i>сўреми (сўрейми) пулайр</i>
3-е л. <i>сўреми (сўрейми) пулэ</i>	<i>сўреми (сўрейми) пулэс</i>

Отрицат. форма

1-е л. <i>сўреми (сўрейми) пумай</i>	<i>сўреми (сўрейми) пумайпайр</i>
2-е л. <i>сўреми (сўрейми) пумайн</i>	<i>сўреми (сўрейми) пумайр</i>
3-е л. <i>сўреми (сўрейми) пулмэ</i>	<i>сўреми (сўрейми) пулмэс</i>

в) *Прошедшее однократное время причастия возможности* (причастие с аффиксом (-м)-и + пул в прошедшем однократном времени): *ачашланми пулчэ, сырми пулчэ, кайми пулчэ* и т. д.

1-е л. <i>сўреми (сўрейми) пултэй</i>	<i>сўреми (сўрейми) пултэйпайр</i>
2-е л. <i>сўреми (сўрейми) пултэйн</i>	<i>сўреми (сўрейми) пултэйр</i>
3-е л. <i>сўреми (сўрейми) пулчэ</i>	<i>сўреми (сўрейми) пулчэс</i>

г) *Прошедшее многократное время причастия возможности* (причастие с аффиксом (-м)-и + пул в прошедшем многократном времени):

1-е л. <i>сўреми (сўрейми) пулаттэй</i>	<i>сўреми (сўрейми) пулаттэйпайр</i>
2-е л. <i>сўреми (сўрейми) пулаттэйн</i>	<i>сўреми (сўрейми) пулаттэйр</i>
3-е л. <i>сўреми (сўрейми) пулатчэ</i>	<i>сўреми (сўрейми) пулатчэс</i>

д) *Сослагательное наклонение причастия возможности* (причастие с аффиксом (-м)-и + пул в сослагательном наклонении):

1-е л. <i>тўсейми пулаттэй</i>	<i>тўсейми пулаттэйпайр</i>
2-е л. <i>тўсейми пулаттэйн</i>	<i>тўсейми пулаттэйр</i>
3-е л. <i>тўсейми пулэччэ</i>	<i>тўсейми пулэччэс</i>

е) *Повелительное наклонение причастия возможности* (причастие с аффиксом (-м)-и + пул в повелительном наклонении):

1-е л. <i>тўсми (тўсейми) пулам</i>	<i>тўсми (тўсейми) пулар</i>
2-е л. <i>тўсми (тўсейми) пул</i>	<i>тўсми (тўсейми) пулайр</i>
3-е л. <i>тўсми (тўсейми) пултэйр</i>	<i>тўсми (тўсейми) пулччэйр</i>

5. Аналитические глаголы с причастием на -майш (-мэйш) в роли основного компонента:

а) *Настоящее время причастия на -майш (-мэйш)* (причастие с аффиксом -майш (-мэйш) + пул в настоящем времени):

1-е л. <i>илтмэйш пулатай</i>	<i>илтмэйш пулатпайр</i>
2-е л. <i>илтмэйш пулатайн</i>	<i>илтмэйш пулатайр</i>
3-е л. <i>илтмэйш пулатъ</i>	<i>илтмэйш пуластсё</i>

б) *Будущее время причастия на -майш (-мэйш)* (причастие с аффиксом -майш (-мэйш) + пул в будущем времени):

1-е л. <i>илтмёш пулăп</i>	<i>илтмёш пулăпăр</i>
2-е л. <i>илтмёш пулăн</i>	<i>илтмёш пулăр</i>
3-е л. <i>илтмёш пулĕ</i>	<i>илтмёш пулĕç</i>

в) *Прошедшее однократное время причастия на -мăш (-мёш)* (причастие с аффиксом *-мăш (-мёш)* + *пул* в прошедшем однократном времени):

1-е л. <i>илтмёш пултăм</i>	<i>илтмёш пултăмăр</i>
2-е л. <i>илтмёш пултăн</i>	<i>илтмёш пултăр</i>
3-е л. <i>илтмёш пулчĕ</i>	<i>илтмёш пулчĕç</i>

г) *Прошедшее многократное время причастия на -мăш (-мёш)* (причастие с аффиксом *-мăш (-мёш)* + *пул* в прошедшем многократном времени):

1-е л. <i>илтмёш пулаттăм</i>	<i>илтмёш пулаттăмăр</i>
2-е л. <i>илтмёш пулаттăн</i>	<i>илтмёш пулаттăр</i>
3-е л. <i>илтмёш пулатчĕ</i>	<i>илтмёш пулатчĕç</i>

д) *Сослагательное наклонение причастия на -мăш (-мёш)* (причастие с аффиксом *-мăш (-мёш)* + *пул* в сослагательном наклонении):

1-е л. <i>илтмёш пулăттăм</i>	<i>илтмёш пулăттăмăр</i>
2-е л. <i>илтмёш пулăттăн</i>	<i>илтмёш пулăттăр</i>
3-е л. <i>илтмёш пулĕччĕ</i>	<i>илтмёш пулĕччĕç</i>

е) *Повелительное наклонение причастия на -мăш (-мёш)* (причастие с аффиксом *-мăш (-мёш)* + *пул* в повелительном наклонении):

1-е л. <i>илтмёш пулам</i>	<i>илтмёш пулар</i>
2-е л. <i>илтмёш пул</i>	<i>илтмёш пулăр</i>
3-е л. <i>илтмёш пултăр</i>	<i>илтмёш пулчăр</i>

В чувашском языке активно употребляются **конструкции глагола *пул* с причастиями *долженствования***, в них компонент *пул* во всех временных формах имеет форму 3-го лица единственного числа: *килмелле пулать, килмелле пулĕ, килмелле пулмĕ, килмелле пулмасть*.

Сырлисем тиçсе ситнĕ, ыран татмалла пулĕç «Ягоды поспели, завтра нужно будет собрать»; *Нумай лартăм, каймалла пулĕ* «Засиделась, наверное, нужно идти».

Вспомогательный глагол *пул* особенно часто и активно употребляется после причастных форм:

итлес: пулать, пулĕ, пулатчĕ...;
тасатмалла: пулать, пулĕ, пулатчĕ ...;
итлеми: пултăм, пултăн, пулчĕ, пулчĕç ...;
курмăш: пулатăп, пулатăн, пулăп, пулчĕ, пултăмăр.

Таким образом, система глагола чувашского языка представлена самыми разнообразными формами и значениями. Аналитические глаголы обогащают традиционно сложившиеся временные формы (настоящее, прошедшее, будущее). Нередко они омонимичны формам с модальным значением, а в некоторых случаях соответствуют совершенному виду русских глаголов. Аналитические глаголы в чувашском языке относятся к малоразработанной проблеме и заслуживают специального исследования.

Литература

1. Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2. Симбирск: Изд-во Симбир. союза по треб. об-в Чуваш. автоном. обл., 1923. 276 с.
2. Егоров В.Г. Глагол // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары, 1957. Ч. I. Морфология. С. 151–239.
3. Иванова А.М. Проблемы морфосинтаксиса в чувашском языкознании: типолого-контрастивный аспект. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. 308 с.

ЖАНРОВО-СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ПОВЕСТЯХ И.Н. ЮРКИНА

Аннотация. В статье рассмотрены стилеобразующие факторы И.Н. Юркина. Исследована типология сюжета произведений, образов героев, динамика развития повести.

Ключевые слова: структура повествования, герой, динамичный сюжет, избирательность, авторская позиция.

Чувашская повесть – единая жанрово-стилевая система. Она не стоит на месте, постоянно обновляется и расширяется новыми стилевыми исследованиями.

И. Юркин и другие чувашские писатели изображают в своих произведениях нравы и быт чувашской деревни, показывают судьбы людей из разных слоев общества. Писатель начал разрабатывать сложную структуру повествования, основанную на синтезе описания и изображения. Он также использует разнообразные способы выявления авторской позиции.

В данной статье повести И. Юркина рассматриваются с точки зрения жанрово-стилевых особенностей. В своих произведениях автор в основном показывает неожиданные изменения в судьбах персонажей, его герои могут оказаться в различных жизненных ситуациях. Это позволяет автору создавать острый сюжет. Анализируя повесть «Этемён пырё тутă та куçе выçă», писатель, как и С. Михайлов, применяет приемы бытовой сказки, предания.

В одном селе живет всеми уважаемый человек Чабырла – крепкий хозяин Петр Петрович. Он богат, имеет большое хозяйство и однажды решил стать волостной главой. Достигнув своей цели, Петр Петрович начинает дружить только с богатыми и знатными людьми. Они с женой думают о судьбе единственной дочери Катерины. Ради своей выгоды, родители хотят выдать ее замуж за сына богатого Хура Васли, хотя будущий зять, Микита, им не совсем нравится. Во всей волости нет такой богатой семьи. Петр Петрович думает, как бы их богатство забрать себе. Мечтает о том, что когда сам состарится, состоятельный зять в будущем может заменить его на должности главы.

Желание главы выдать замуж дочь за Микиту не осуществилось, потому что Катерина влюблена в Кузьму, сына вдовы (Чипер Анны). Отец хотел образумить свою дочь, но его попытки были безуспешны. Тогда глава подставляет Кузьму, винит в ограблении магазина, и поэтому Кузьма оказывается за решеткой. В канун свадьбы дочери на голову отца обрушился старый, гнилой потолок. Отец благословляет свою дочь перед своей смертью на брак с Кузьмой на их счастливую жизнь.

По правилам жанра, зло наказуемо, а добро побеждает.

Таким образом, в повестях И. Юркина, как и в дидактических сочинениях Игн. Иванова, так и в рассказах С. Михайлова, хорошо представлено стремление писателя наказать героя старинными обычаями [7].

Главным героем следующей повести И. Юркина «Мул» является старушка Праски. Она выходит замуж во второй раз, но не перестает заботиться о родителях Яку. Родители мужа оставляют ей наследство и просят, чтобы она всем детям одинаково поделила свое богатство. Но жадная Прасковья своим наследством решила распорядиться по своему усмотрению. Всё подаренное добро она решила перетаскать в дом, где жила ее дочь Варвара. Из-за жадности Прасковья была наказана. Воры, узнав, что старуха стала богатой, убивают ее и дочь. Зло – наказуемо. В своих повестях писатель показывает события как достоверные, подлинные и герои его оказываются в различных жизненных обстоятельствах [4], [6].

Так, Г.И. Федоров особенностям рассказов и повестей И. Юркина дает следующее пояснение: «В рассказах бывальщины, устных очерках старины был велик процент документированного изложения материала; стремление избежать вымысла напрямую исходило из необходимости обеспечения аргументированности и убедительности Слова. Традиционными были общие приемы рассказывания; сообщалось, в каком году, в какой деревне и с кем, что происходило, описывался портрет действующего лица, учитывались его повадки (паспортизация) – это составляло первую часть рассказа. Вслед за этим излагалась суть дела (убийство, кража,

суд над разбойником, поимке воров и т.д.), уточнялись детали того, как это (по хронологии) происходило (вторая основная часть рассказа – непосредственное действие). На основе сопоставления этих двух частей получался афористический, нравоучительный вывод (как бы мораль басни)» [10]. Такая система описания показывает излишества, так как повышает ясность и соответствует смыслу произведения.

Анализируя произведения чувашских писателей, мы видим, как разработан канон аллегорической повести, где «принцип избегания вымысла по своей внутренней структуре (паспортизация – действие – мораль) живо напоминает басню, но аллегория в части таких произведений подведена под базу документирования» [10].

Произведения И. Юркина содержат особенности, которые ему не свойственны: неверие в человека, вера в судьбу и т.д. [7], [8], [9]. Эти повести являются цельными художественными системами.

Исследователи, пытаясь определить жанровое своеобразие повестей, обращались к понятиям просветительского реализма. Анализ произведений И. Юркина показывает, что сюжеты его повестей связаны с поступками персонажей, их можно отнести к авантюрам. К примеру: Ахванесь, Петр Петрович, Праски. Прямая противоположность – романтические герои: Кётерне, Ульги и т.д. Причиной смерти послужили нарушение законов жизни и поэтому становятся причиной собственной смерти или родных. Повести И. Юркина имеют нравоописательные черты, когда совершивший героем действий, противопоставлен задуманному. Подобные поступки часто встречаются в чувашских сказках. К примеру: пошел за золотом – смерть нашел, за смертью пошел – золото нашел. И поэтому надо видеть более глубокие художественные и философские явления. За перипетиями сюжета, трагической развязкой у И. Юркина просматривается выражение идеи преступления и наказания смертью. Как отмечают литературоведы, писатель от описания быта и поступки героев постепенно переходит к нравоописанию. В произведениях хорошо видны особенности стиля писателя.

Таким образом, художественное произведение, как мы мыслим, рассматривают во многих плоскостях. В последние годы осмыслением жанров и стилевых особенностей занимались многие исследователи [3], [5], [9].

Литература

1. Абрамов В.А. Становление и развитие чувашской повести: учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 132 с.
2. Владимиров Е.В. В русле времени. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1979. 232 с.
3. Родионов В.Г. К проблеме становления национальных литератур народов Урало-Поволжья // Вестник Чувашского университета. 2012. №2. С. 351–354.
4. Савирова М.П. Особенности приключенческой прозы в литературах народов Урало-Поволжья // Проблемы создания региональной истории литератур народов Поволжья: материалы региональной научно-практической конференции. 2014. С. 265–270.
5. Савирова М.П. Яковлевская литературная школа в становлении приключенческих жанров // Художественная культура народов Волго-Камского полиэтнического региона в парадигме современности. Йошкар-Ола, 2015. С. 143–145.
6. Савирова М.П. Исследователи об особенностях авантюрного сюжета в приключенческих жанрах чувашской литературы // Проблемы Марийской и сравнительной филологии. Йошкар-Ола, 2016. С. 205–206.
7. Савирова М.П. Формирование приключенческих жанров в национальной литературе // Ашмаринские чтения. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. С. 56–58.
8. Савирова М.П. Сравнительно-типологические особенности приключенческих жанров в литературоведении Урало-Поволжья // Национальные языки и литературы в поликультурных условиях: сб. ст. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2017. С. 129–131.
9. Савирова М.П. Художественное и идейное своеобразие политических детективов в литературоведении Урало-Поволжья // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: проблемы регионального литературоведения и фольклористики: материалы XI Междунар. симпозиума. Чебоксары, 2018. С. 129–133.
10. Федоров Г.И. Художественный мир чувашской прозы 1950–1985 гг. Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ин-та гуман. наук, 1996. 306 с.

САВИРОВА МАРИНА ПЕТРОВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

АНАЛИЗ ТЕКСТОВЫХ ДАННЫХ

Аннотация. В статье рассматриваются алгоритмы по работе с буквами, словами, предложениями, текстами. Обсуждается постановка и решение задач по анализу текстовых данных с использованием различных языков программирования. Рассматриваются методы чтения текстовых файлов.

Ключевые слова: текст, анализ, алгоритм, PascalABC, Python.

Концепция современного образования ставит своей целью формирование компетентной языковой личности, способной реализовать коммуникативные навыки в профессиональной деятельности [7]. Решению этой задачи способствуют различные формы деятельности в процессе обучения [5, 6], среди которых особое место занимает использование информационных технологий, направленных на стимуляцию и интенсификацию учебного процесса и повышение мотивационного начала у обучающихся. В частности, компьютерные технологии открывают широкие возможности для изучения текстовой информации с помощью их машинного анализа [4, с. 54].

При изучении различных языков программирования (PascalABC.Net [3], Python [1], Java [2] и т.п.) полезными задачами являются задачи анализа текстовых данных [4]. Сюда включаются алгоритмы чтения, создания, записи текста. Очень важно поставить перед обучающимися задачи в такой последовательности: анализ слова, анализ строки, анализ текста. Что касается кодировки, то можно ориентироваться на обычные стандарты ASCII: CP866 (DOS), CP1251(Windows), KOI-8R (UNIX). Рассмотрим несколько направлений.

Анализ слова.

Пусть, например, дано слово. Ставим и учим решать задачи:

- определить число букв;
- вывести в зеркальном отражении («Привет» → «тевирП»)
- определить, является ли оно палиндромом;
- определить, сколько раз в слове встречается заданная буква;
- определить число различных букв в слове и вывести их на консоль, либо создать на основе этих различных букв – массив;
- и т.д.

Важно, чтобы в конечном итоге у обучающихся было по крайней мере два решения поставленной задачи – максимально подробное с одной стороны и максимально компактное – с другой. Например, такое подробное решение задачи о палиндроме в среде PascalABC.Net состоит в написании и использовании функции, которой передается единственный параметр – проверяемое слово:

```
function isPalindrom(s: String): Boolean;
begin
    var n:=length(s);
    var i:=1;
    while (i<=n div 2) and (s[i]=s[n-i+1]) do inc(i);
    if i>n div 2 then Result:= true else Result := false;
end;
```

Здесь сравниваем первую и последнюю буквы заданного слова (параметр s), если они не равны – то это не палиндром и работа алгоритма сразу же прекращается. Если же буквы совпадают, то это слово может быть является палиндромом, поэтому совершаем переход к следующей паре букв (второй и предпоследней) и повторяем проверку их сравнения между собой. Такие переходы продолжаются до тех пор, пока левый индекс не дойдет до середины слова. В кратком варианте эта же задача решается с помощью другой функции:

```
function isPalindrom2(s: String):=s=ReverseString(s);
```

которая сравнивает исходное слово с его зеркальным отражением. При этом используется уже готовая функция `ReverseString`. Полезным упражнением будет сравнение скорости работы этих двух решений на каком-нибудь массиве слов размером в сотни тысяч элементов, так как во втором случае всегда находится зеркальное отражение текущего слова, в то время как в первом случае обычно достаточно первой проверки. Время работы первого алгоритма может оказаться существенно лучшим.

Анализ строки.

Пусть, например, дана строка. Полезно рассмотреть следующие задачи:

- разделить ее на слова;
- определить число слов;
- определить длину самого короткого (самого длинного) слова;
- определить, сколько раз в нее входит заданное слово;
- определить различные символы, входящие в эту строку;
- определить различные слова, входящие в эту строку;
- перекодировать заданную строку из одной кодировки в другую и обратно;
- и т.д.

Например, подробное решение задачи о разделении строки на слова в среде `PascalABC.Net` состоит в написании и использовании функции

```
procedure mysplit(s: String);
```

```
begin
```

```
  for var i:=1 to length(s) do
```

```
    if ord(s[i])=32 then writeln else write(s[i]);
```

```
end;
```

В данном случае происходит перебор всех символов исходной строки и вывод их на экран; если текущий символ является пробелом (код символа равен 32), то совершается перевод строки. В кратком варианте эта же задача решается с помощью функции `Split`, которая присутствует в разных языках и обычно возвращает массив:

```
function mysplit2(s: String): array of string;
```

```
begin
```

```
  Result:= s.Split(' ');
```

```
end;
```

или

```
function mysplit2(s: String): array of string;
```

```
begin
```

```
  Result:= s.ToWords(' ');
```

```
end;
```

Анализ текста.

Пусть, например, дан текст. Стандартные текстовые редакторы и текстовые процессоры могут осуществлять поиск в тексте, выбирать и преобразовывать различными способами его фрагменты, использовать при обработке разнообразные словари и т.п. В специализированных аналитических системах возможно выделение имен собственных, разнообразной числовой информации, телефонов, адресов и т.п. Поэтому важно разобрать решение базовых учебных задач, связанных с обработкой заданного текста:

- определить число слов;
- определить число предложений;
- извлечь все целые числа;
- извлечь все адреса электронной почты;
- составить частотную таблицу букв;
- составить частотную таблицу слов;
- и т.д.

Для решения частотных задач в среде PascalABC.Net возможно подключение библиотек .Net для работы с коллекциями – System.Collections.Generic. Используя язык Java можно применить следующий алгоритм:

```
private static Map countLetters(String s) {  
    Map<Character, Integer> map = new HashMap<Character, Integer>();  
    for (char c : s.toCharArray())  
        map.put(c, (map.containsKey(c) ? map.get(c) + 1 : 1));  
    return map;  
}
```

Здесь происходит объявление карты, основанной на паре «ключ-счетчик». В качестве ключа выбирается буква. В каждом цикле этого алгоритма происходит проверка существования ключа(буквы). Если ключ не существует в коллекции, то он создается. Его счетчик увеличивается на единицу в любом случае. В результате получаем таблицу значений: буква, счетчик, который показывает число вхождений каждой буквы в заданной строке (тексте). Аналогичный механизм можно применить и к словам, для получения частотной таблицы слов.

Чтение текстовых файлов.

Обычно работа с текстом тесно связана с текстовыми файлами, которые являются самым простым и компактным способом хранения, а также передачи текста. Для чтения таких объектов можно использовать самые разные алгоритмы. Например, используя Java, применим простой построчный способ чтения:

```
File file = new File("test.txt");  
Scanner scanner = new Scanner(file);  
while (scanner.hasNextLine())  
    System.out.println(scanner.nextLine());  
Полезно использовать буферизацию:  
File file = new File("test.txt");  
BufferedReader bufferedReader = new BufferedReader(new FileReader(file));  
String str;  
while ((str = bufferedReader.readLine()) != null)  
    System.out.println(str);
```

Можно прочитать сразу все строки файла методом readAllLines, который используют, начиная с Java 8:

```
List allLines = Files.readAllLines(Paths.get("test.txt"));  
allLines.stream().forEach(System.out::println);  
А начиная с Java 11 можно использовать readString:  
String s = Files.readString(Paths.get("test.txt"));  
System.out.println(s);
```

Литература

1. Златопольский Д.М. Основы программирования на языке Python. М.: ДМК Пресс, 2017. 284 с.
2. Леонард А. Java. Решение практических задач: пер. с англ. СПб.: БХВ-Петербург, 2021. 720 с.
3. Осипов А.В. PascalABC.NET: Введение в современное программирование. Ростов-на-Дону, 2019. 572 с.
4. Чуев В.П., Чуева Э.В. Компьютерное тестирование как форма контроля знаний студентов // Инновационные подходы в обучении лингвистическим дисциплинам в национальном педвузе: проблемы, перспективы, опыт: сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. 1. Чебоксары, 2011. С. 54–56.
5. Чуева Э.В. Принципы обучения русскому языку в национальной аудитории // Язык и слово: сб. науч. тр. Чебоксары, 2021. С. 165–167.
6. Чуева Э.В. Лексикографическая работа с обучающимися в национальном вузе // Ашмаринские чтения: сб. ст. XII Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2020. С. 142–144.

7. Чуева Э.В. Особенности формирования языковой личности в процессе обучения русскому языку в поликультурном пространстве // Чтения, посвященные дням славянской письменности и культуры: сб. ст. регион. науч. конф. Чебоксары, 2020. С. 78–85.

ЧУЕВ ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ – кандидат физико-математических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

ЧУЕВА ЭЛЬВИРА ВИТАЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Т.Н. ЮРКИНА

ИЗУЧЕНИЕ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА НА МАТЕРИАЛЕ ПОТЕШЕК И ПРИБАУТОК

Аннотация. При обучении русскому языку перед преподавателем стоят разноплановые задачи. Прежде всего нужно сформировать лингвистические компетенции обучающихся, но также немаловажным является формирование лингвокультурологических знаний. Цель настоящего исследования – рассмотреть изучение глаголов с использованием материалов фольклора. В данной статье представлены примеры из потешек и прибауток.

Ключевые слова: глаголы движения, однонаправленность, разнонаправленность, русский язык, фольклор.

Глаголы движения выделяются в отдельную лексико-семантическую группу, имеющую особенности употребления. В лингвистике при их терминологическом определении использовали разные понятия: «кратные / некратные глаголы», «моторно-кратные / моторно-некратные глаголы», «направленные / ненаправленные глаголы», «однонаправленные / разнонаправленные глаголы» и др. Однако наиболее часто для обозначения таких глаголов употребляется термин «глаголы движения» ([1], [4] и др.).

Специфичность употребления глаголов движения традиционно вызывает трудности, что обусловлено особенностями семантики (в том числе развитием переносных значений глаголов движения в паремиологических единицах), синтагматических связей, наличием приставочных и бесприставочных глаголов движения. В качестве материалов для изучения можно использовать не только традиционные тексты, но и песни, анекдоты, фразеологизмы, пословицы и поговорки [2, с. 164–170], произведения устного народного творчества [3], художественные произведения и др. Такие тексты, являясь аутентичными, помогают формировать лингвокультурологические компетенции (например, роль фольклора в обучении русскому языку как иностранному раскрывается в работе [5, с. 142–145]). Мы рассмотрим употребление бесприставочных глаголов движения *идти / ходить* на материале малых фольклорных жанров – потешек и прибауток (примеры взяты из [6]).

Потешка, являясь песенкой-приговоркой, сопутствует пальчиковым играм с детьми и сопровождает их развитие. Прибаутка же представляет собой забавное выражение, поговорочное сочетание слов, которое вставляется в речь. И для потешки, и для прибаутки характерно использование простых конструкций, знакомых слов, поэтому их легко будет понять иностранным студентам.

Глаголы *идти/ходить*, представляя собой своего рода образец употребления и функционирования глаголов движения, являются наиболее часто употребляемыми (с особенностями этих глаголов можно познакомиться на виртуальной доске, созданной нами для работы с иностранными студентами <https://padlet.com/tanyayurkina/vf2hrcknj6t3c66o>).

Не вдаваясь в описание семантико-структурных особенностей глаголов движения (см. [7]), рассмотрим функционирование бесприставочных глаголов движения *идти* и *ходить* в малых жанрах фольклора на примере потешек и поговорок.

Глагол *идти*, являясь однонаправленным, показывает направление движения, употребляясь в конструкции с винительным падежом или локативным наречием, при этом действие совершается пешком по земле (идти куда?), например, *идти домой*:

– Ну-ка, милый пастушок,
Ты спеши-ка на лужок.
Там Буренка лежит,
На теляток глядит,
А домой **не идет**,
Молочка не несет...

В отличие от однонаправленного глагола *идти* употребление разнонаправленного глагола *ходить* связано с передачей обычности, повторяемости, регулярности движения. В формах прошедшего времени глаголы *идти / ходить* могут выражать не только процесс (сочетаясь со словами долго, часто, всегда, обычно и др.), но и факт, однократное движение определенному месту и обратно, туда и обратно, например:

– Ваня, Ваня, где ты был?
Куда Ванечка **ходил**?
– Я **ходил** в лесочек.
– Что видал?
– Пенечек.
Под пенечком грибок!
Хвать, да в кузовок!

Здесь в контексте задается вопрос о месте нахождения Вани (где ты был?). В качестве ответа используется конструкция с глаголом *ходить*. Мы узнаем, что герой ходил в лесочек. Глагол *ходить* употребляется в обобщенно-фактическом значении, процессное значение в данном случае нивелируется, уступая место значению факта.

В фольклорных произведениях, а также в пословицах и поговорках достаточно часто встречается использование параллельного построения предложений [8, с. 115–117]. Ср. также подобная вопросно-ответная конструкция, содержащая также цель движения:

– Ножки, ножки, где вы были?
– За грибами в лес **ходили**.

В обоих случаях содержится одинаковая ситуация – поход в лес за грибами.

В следующих примерах разнонаправленность глагола *ходить* в прошедшем времени поддерживается контекстом – предложно-падежной формой существительного: предлог *по* в сочетании с именами существительными в форме дательного падежа единственного числа *лес* (1) и множественного числа *лес, двор* (2):

(1) Лиса **по лесу ходила**,
Звóнки песни выводила,
Лиса лычки драла,
Лиса лапки плела.
(2) Барашеньки-крутороженьки
По лесам ходили,
По дворам бродили,
В скрипочку играли,
Настю потешали.

Во втором примере мы видим также употребление синонимичного глагола движения *бродили*.

Таким образом, мы рассмотрели некоторые примеры употребления глаголов идти / ходить в русских потешках и прибаутках. На основе данных контекстов можно увидеть, что, несмотря на требование к простоте лексического наполнения и синтаксического построения текстов в жанре потешек и прибауток, в них сохраняется тот минимальный контекст, который нужен для понимания специфики употребления глаголов движения. В дальнейшем можно проследить функционирование глаголов движения в других фольклорных жанрах, а также рассмотреть другие глаголы движения.

Литература

1. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (Значение и употребление): пособие для студентов. М.: Просвещение, 1971. 239 с.
2. Журина М. И. Аксиологический потенциал русских пословиц: к вопросу о формировании лингвокультурологической компетенции у иностранных студентов // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2021. № 2(111). С. 164–170.
3. Журина М.И., Юркина Т.Н., Якушкина З.Н. Фольклорно-диалектологическая практика: к вопросу о значении и опыте проведения // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2020. № 2 (107). С. 139–145.
4. Милославский И.Г. Краткая практическая грамматика русского языка. М.: Либроком, 2009. 283 с.
5. Никитина А. Ю. Роль фольклора в обучении русскому языку как иностранному // Российская фольклористика и диалектология на современном этапе : Сборник научных статей, Чебоксары, 26 ноября 2020 года. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2020. С. 142–145.
6. Русские народные прибаутки: подборка народных шуток прибауток для детей и взрослых [Электронный ресурс]. URL: <https://slavclub.ru/pribautki/russkie-narodnye-pribautki>
7. Юркина Т.Н. Изучение глаголов движения в курсе русского языка как иностранного // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2021. № 3 (112). С. 231–237.
8. Юркина Т.Н. Явление синтаксического параллелизма в русских поговорках // Русский язык в условиях би- и полилингвизма [Электронный ресурс]: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (30 марта 2018 г., г. Чебоксары) / Электрон. текст. дан. (1,9 Мб). Киров: Изд-во МЦИТО, 2018. С. 115–117.

ЮРКИНА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

СОДЕРЖАНИЕ

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ И НАУЧНАЯ ШКОЛА ПРОФЕССОРА В.Г. РОДИОНОВА

<i>Кириллова И.Ю.</i> Значимость научных трудов В.Г. Родионова в развитии чувашского теоретического литературоведения (к 75-летию со дня рождения).....	3
<i>Леонтьев А.П.</i> В.Г. Родионов – научный популяризатор и публицист	7
<i>Мышкина А.Ф.</i> Вся жизнь – наука, в науке – вся жизнь.....	14
<i>Ибрагимов М.И.</i> Виталий Родионов и Ямилъ Сафиуллин: диалог ученых.....	16
<i>Якимова Е.Р.</i> Чувашская картина мира в трудах профессора В.Г. Родионова.....	19
<i>Владимирова О.Г., Софронова И.В.</i> «Чăваш пулса пурăнни» (В.Г. Родионовăн çĕнĕ кĕнекине тишкерни).....	22
<i>Перепелкина Е.П.</i> Сăвар Эртиван поэзийĕнчи чăваш тĕнчи.....	25
<i>Аmineва В.Р., Хабибуллина А.З., Нагуманова Э.Ф.</i> Я.Г. Сафиуллин как исследователь литератур Поволжья.....	28
<i>Зайцева Т.И., Максимова О.М.</i> Жанр очерка в творчестве удмуртского прозаика М. Воронцова.....	31
<i>Родионов В.Г.</i> Никита Пичуринскин виçĕ сăвви тата чăваш поэзийĕнчи ода жанрĕ.....	35
<i>Родионов В.Г.</i> К проблеме этимологии названий жанров чувашского фольклора.....	39
<i>Аmineв З.Г.</i> Мотив спуска (проникновения) в преисподнюю в башкирском фольклоре.....	45
<i>Ганиева А.Ф.</i> Жанровые особенности и идейный смысл романа «Сююмбике» Рабита Батуллы.....	48

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЯЗЫКОВАЯ КУЛЬТУРА

<i>Корнилов Г.Е.</i> Итоги внутрисемейной дивергенции или результаты субституций? (Запоздалый полилог по поводу башкиро-татаро-чувашского названия реки Волги).....	52
<i>Борисова Л.В.</i> Фаунистическая лексика в аспекте языковой картины мира.....	59
<i>Губанов А.Р., Свеклова О.В., Обжогин А.А., Губанова Г.Ф.</i> Онтологическая модель прецедентного текста пословицы как знаковый культурный объект.....	61
<i>Жамсаранова Р.Г.</i> Санскрит-тибетские имена рода Харганат.....	66
<i>Семенова Г.Н., Якимова Н.И.</i> Репрезентация концепта «свет» в чувашской лингвокультуре.....	69
<i>Субботина М.В.</i> Специфика формирования антропонимов в китайской культуре.....	72
<i>Абрамова А.Г.</i> Типы лексических значений композитных производных слов.....	75
<i>Абрамова А.Г.</i> Функционирование возвратных и личных местоимений в синтаксически эквивалентных конструкциях.....	80
<i>Анисимова И.Н., Никитина А.Ю., Петрова О.А.</i> О некоторых региональных особенностях детской речи.....	85
<i>Аниферова В.В.</i> Чăваш тата тутар чĕлхисенчи тумтир лексикин этимологи тишкерĕвĕ.....	90
<i>Бахтина С.И., Павлова Т.Н.</i> Иноязычная аббревиация как способ пополнения лексики современного русского языка.....	95
<i>Григорьева Е.А.</i> К вопросу о жанровой специфике материалов экстремисткой направленности (жанр догматической проповеди).....	98

<i>Ерина Т.Н., Фомин Э.В.</i> У нас говорят: «На следующей оставьте».	
Материалы словаря чебоксарского региолекта.....	102
<i>Кириллова В.Ю.</i> Особенности орфографирования чувашских и марийских парных слов.....	106
<i>Кожмякова Е.А.</i> Особенности употребления цветообозначений в переводном художественном тексте.....	109
<i>Кузнецов А.В., Кузнецова Н.М.</i> О неисследованных пластах географических названий (на примере топонимики Янтиковского района Чувашской Республики).....	112
<i>Лебедев Э.Е.</i> Изучение форм глагола чувашского языка в трудах Н.И. Ашмарина.....	117
<i>Леонтьев А.П.</i> Казанский Восточный педагогический институт в судьбах Н.И. Ашмарина, В.Г. Егорова, Г.И. Комиссарова и Н.В. Никольского.....	123
<i>Никифоров Г.Л.</i> Лаша лексеман тытәмпе пелтерешё, этимологи тёпчевё.....	133
<i>Николаев Е.Л., Абдалла Исмаил Мохамед Исмаил Бехит.</i> Мужские личные имена мусульманского происхождения в ономастическом контексте современного Египта (на примере имен студентов Чувашского госуниверситета).....	137
<i>Петров К.В., Афанасьева Л.А.</i> Топонимические предания села Тятербаш Стерлибашевского района Республики Башкортостан.....	141
<i>Романова Т.Н., Матижева Е.Г.</i> Новые устойчивые обороты как отражение современных реалий.....	143
<i>Романова Т.Н., Фёдорова Н.А.</i> К вопросу об особенностях формирования орфографической грамотности иностранных студентов-филологов.....	145
<i>Якимова Н.И., Семенова Г.Н.</i> Фразеологизмы, характеризующие физическое состояние человека.....	148

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

<i>Родионов В.Г., Кириллова И.Ю.</i> Истоки становления драматических жанров в чувашской литературе.....	151
<i>Сарбаи Л.Н.</i> Ретроспективное повествование в романах И.С. Тургенева: способы включения и контаминации.....	156
<i>Евдокимова О.К., Удалова Е.В.</i> Тенденции сценичности в рассказе А.П. Чехова «Письмо к учёному соседу».....	160
<i>Ежова Д.В., Афанасьева Л.А.</i> Фольклорные традиции в романе «Тенёта» Хв. Уяра.....	164
<i>Емельянова Т.Н.</i> Хронотоп как ценностная единица определения художественного пространства и времени в произведениях чувашских писателей XX века.....	167
<i>Захарова-Кульева Н.И.</i> Фольклор как источник изучения чувашской традиционной одежды.....	169
<i>Ляпаева Л.В.</i> Мотивная структура рассказа Е. Замятина «Дракон».....	175
<i>Михайлова О.Н.</i> Анат енчи чавашсен туй юррисене пухса пичетлесе каларни пирки.....	178
<i>Никифорова В.В.</i> Хальхи прозари роман жанрэн хаш-пёр уйрамлэхсем.....	183
<i>Перова Н.А.</i> «Чужое слово» в романе З. Прилепина «Обитель».....	185
<i>Пушкин В.Н.</i> Биография героя-очевидца как культурно-исторический фактор эстетического сознания писателя и эпохи.....	187
<i>Скворцова О.В.</i> С. Сатуран «Чёнүллё сүл» савă кёнекин санарлах хайне евёрлехё.....	191
<i>Софронова И.В., Владимирова О.Г.</i> Петёр Яккусен поэзийенчи сүт санталак санарён пелтерешёсем.....	195
<i>Федяй С.В.</i> Жанр баллады в творчестве А. Галича.....	201

ЭТНИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Данилова М.Г., Данилов А.А., Данилов А.П., Комиссаров В.П., Эшкерат А.М. М.И. Скворцов – паллă лексикограф, ăста куçаруçă, пултарулла журналист (çуралнăранпа 90 çул çитнĕ тĕле).....</i>	204
<i>Васильева Л.А., Хораськина Г.В., Студенцов О.Р., Юркина Т.С. Особенности подготовки интервью как жанра журналистики (по материалам книги-интервью «Сто удивительных встреч» журналиста С. Смирновой).....</i>	208
<i>Студенцов О.Р., Хораськина Г.В., Васильева Л.А. Некоторые лексико-семантические особенности издания Н.И. Золотницкого «Сӧлдалык кнеге. 1867 сӧлдалык»: январь-май месяцы (выявление фактического материала).....</i>	212
<i>Хораськина Г.В. «Чăваш Ен наци радиовĕ»: ача-пăча передачисем.....</i>	216
<i>Хораськина Г.В., Студенцов О.Р., Васильева Л.А. «Чувашия: территория инноваций» – научно-популярный журнал.....</i>	217

ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ В ВУЗЕ И ШКОЛЕ

<i>Лутфуллина Г.Ф. Беседа в приемной комиссии вуза как вид социолингвистического контекста.....</i>	221
<i>Абрамова А.Г. Способы выражения срединной фазы действия в английском языке.....</i>	223
<i>Алексеева С.А., Николаева Г.Л. Н.И. Ашмарин пурнăçĕпе пултарулахĕ вĕренĕ кĕнекисенче сăнланни.....</i>	229
<i>Анисимова И.Н., Никитина А.Ю., Петрова О.А., Рафиф Алхтиб. Лингвокультурологический и коммуникативный потенциал топонимических перифраз при обучении РКИ.....</i>	232
<i>Анисимова Ю.Е. «Атăл хĕрринчи юман» сăввăн поэтикипе илемлĕх мелĕсем.....</i>	235
<i>Виноградов Ю.М. Рубаисен чăвашла куçаруçi – филологи ăслăлахĕн кандидачĕ, учитель.....</i>	238
<i>Григорьева Н.В. Воспитание у подрастающего поколения культуры межнационального общения.....</i>	241
<i>Грузин В.В., Грузина А.И. Исследовательская работа как один из методов изучения и сохранения чувашского языка.....</i>	244
<i>Евдокимова О.К., Игнатьева И.Г., Фролова Д.В. Роль литературы в образовательной системе школа – вуз: концепт «дом» на уроках литературы в школе.....</i>	246
<i>Иванова А.М., Кириллова В.Ю. Аналитические глаголы с компонентом пул в чувашском языке.....</i>	251
<i>Савирова М.П. Жанрово-стилевые особенности в повестях И.Н. Юркина.....</i>	257
<i>Çуев В.П., Çуева Э.В. Анализ текстовых данных.....</i>	259
<i>Юркина Т.Н. Изучение глаголов движения на уроках русского языка на материале потешек и прибауток.....</i>	262

Научное издание

АШМАРИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник статей
Всероссийской научно-практической конференции
Чебоксары, 21 октября 2022 г.

Отв. за выпуск *А.М. Иванова*
Компьютерная верстка и правка *О.Г. Владимировой*

Согласно Закону № 436-ФЗ от 29 декабря 2010 года
данная продукция не подлежит маркировке

Подписано в печать 15.12.2022. Формат 60×84/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 31,16. Уч.-изд. л. 31,15. Тираж 100 экз. Заказ № 1442.

Издательство Чувашского университета
Типография университета
428015 Чебоксары, Московский просп., 15

ISBN 978-5-7677-3562-4

9 785767 735624